



К 300-летию
первого государственного музея России



To the 300th anniversary
of the first state public museum of Russia

ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

PETER THE GREAT KUNSTKAMERA

Russian Academy of Science
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

KA Series
“Kunstkamera — Archives”
IV

E. D. PROKOFIEVA

THE PROCESS OF NATIONAL
CONSOLIDATION OF THE TUVANS



Saint-Petersburg
“Nauka”
2011

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Серия КА
«Кунсткамера — Архив»
IV

Е. Д. ПРОКОФЬЕВА

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ
КОНСОЛИДАЦИИ ТУВИНЦЕВ



Санкт-Петербург
«Наука»
2011

УДК 39(=512.156)
ББК 63.52
П80

Редакционный совет Серии **КА** «Кунсткамера — Архив»:

*И. А. Алимов, Я. В. Васильков, В. Ф. Выдрин, М. А. Ильина, Н. Н. Казанский, А. Б. Куделин,
Е. А. Михайлова (секретарь), Л. Р. Павлинская (заместитель председателя), М. Б. Пиотровский,
Е. А. Резван (председатель), И. В. Тункина, Ю. К. Чистов*

Editorial Board **KA** Series “Kunstkamera — Archives”:

*Igor Alimov, Yuri Chistov, Marina Ilyina, Nikolay Kazansky, Alexander Kudelin,
Elena Mikhailova (Secretary), Larisa Pavlinskaya (Deputy Chairman), Mikhail Piotrovsky,
Efim Rezvan (Chairman), Irina Tunkina, Yaroslav Vasilkov, Valentin Vydrin*

Рецензенты: *Д. Г. Савинов, Л. Р. Павлинская*

Ответственный редактор *В. А. Кисель*

Подготовка рукописи к публикации *В. А. Кисель*

Автор предисловия и очерка о Е. Д. Прокофьевой *В. А. Кисель*

Составление примечаний и комментариев *В. А. Кисель и В. Н. Тамба*

Прокофьева Е. Д.

П80 Процесс национальной консолидации тувинцев. — СПб.: Наука, 2011. — 538 с., портрет.
(Серия «Кунсткамера — Архив». Т. IV).

ISBN 978-5-02-038280-0

Екатерина Дмитриевна Прокофьева — признанный исследователь культуры селькупов. Вместе с тем она являлась одним из первых тувинистов советского периода. Эта область интересов Е. Д. Прокофьевой осталась неизвестной большинству этнографов. Публикация рукописи «Процесс национальной консолидации тувинцев» позволяет восполнить пробел и дает возможность оценить тот вклад, который Е. Д. Прокофьева внесла в изучение истории Тувы и тувинского этноса.

Книга предназначена историкам, этнографам, культурологам.

Ekaterina Dmitrievna Prokofieva is an acknowledged researcher of the culture of the Selkups. She was also one of the first experts of the Tuvan culture of the Soviet period. This sphere of interests of E. D. Prokofieva remained unknown to the majority of ethnographers. The publication of “The Process of National Consolidation of the Tuvans” makes it possible to make up for the deficiency and allows one to assess the contribution, which Ekaterina Prokofieva introduced into the study of the history of Tuva and the Tuvan ethnos.

The book is intended for historians, ethnographers and culture experts.

УДК 39(=512.156)

ББК 63.52

ISBN 978-5-02-038280-0

© Е. Д. Прокофьева, 2011
© МАЭ РАН, 2011

ШКОЛА**THE SCHOOL**

В первые десятилетия XX века Музей антропологии и этнографии стал центром этнографической науки в Петербурге–Ленинграде. В начале века этнография не входила в число университетских курсов. Именно МАЭ стал тем местом, где читались базовые лекции по этнографии, составлялись инструкции по сбору и описанию этнографических коллекций. В послереволюционные годы преподавание этнографии в университете и Географическом институте велось исключительно этнографами музея. Для студенческой молодежи музей стал практической школой этнографии.

Интересы основателей ленинградской этнографической школы — Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза — лежали в первую очередь в области изучения Сибири и Дальнего Востока. Им удалось создать научную школу, к которой принадлежала блестящая плеяда молодых советских этнографов, многие из которых после окончания университета отправились жить среди изучаемого

Over the course of the first decades of the 20th century the Museum of Anthropology and Ethnography had become the center of ethnographic science in Saint Petersburg–Leningrad. At the start of the century ethnography was not a part of the university classes. It was the MAE that became the place, where basic lectures on ethnography were read, where instructions on how to collect and index ethnographic collections were made up. During the post-revolutionary years the teaching of ethnography in the Leningrad University and the Geographical Institute was done exclusively by the ethnographers of the Museum. For the student youth the Museum became a practical school of ethnography.

The interests of the founders of the Leningrad ethnographic school, Lev Sternberg and Vladimir Bogoraz, were centered first and foremost in the field of the study of Siberia and the Far East. They managed to create a scientific school, to which a brilliant group of young Soviet ethnographers belonged to, many of whom, having

населения, работали учителями, создавали письменность изучаемых народов. Для исследовательской методики этих ученых был характерен комплексный подход к полевым исследованиям, при котором равное внимание уделялось языку, фольклору, различным аспектам традиционной культуры.

В этой связи понятно, почему среди работ, которые мы готовим сейчас для публикации в серии «Кунсткамера — Архив», особое место занимает группа монографий, связанных с изучением этнографии Сибири, Крайнего Севера и Алтая. Речь идет о работах выдающегося специалиста по языку и культуре тюрков Саяно-Алтая Н. П. Дыренковой (1899–1941), о серии работ прекрасного этнографа-фольклориста А. В. Анохина (1874–1931), посвященных языку, фольклору и культуре народов Алтая, о работах Г. Д. Вербова (1905–1942), включающих ранее не опубликованные исследования и полевые дневники по языку, фольклору, религиозным верованиям, социальному строю, хозяйству и быту лесных ненцев.

Достойное место в этой серии работ занимают и труды Георгия Николаевича (1897–1942) и Екатерины Дмитриевны (1902–1978) Прокофьевых. Их исследования и полевые материалы не только дают необычайно цельное представление о традиционной культуре селькупов и энцев, но и отражают состояние живых самодийских языков, существовавших до так называемого языкового сдвига, который

graduated from the University, left to live among the studied people, where they worked as teachers and in several cases created the written language of the studied people groups. Following their teachers young scholars professed complex approach to the field research, in which equal attention was given to the language, folklore, and various aspects of traditional culture.

That is why among the works we are currently preparing for publication in the series of “Kunstkamera — Archives”, a special place is taken by a group of monographs that have to do with the study of ethnography of Siberia, the Extreme North and the Altai. These are the works of the prominent specialist in the language and culture of the Turks of Sayano-Altai, Nadejda Dyrenkova (1899–1941); the series of works of a wonderful ethnographer and folklorist Andrey Anokhin (1874–1931), devoted to the language, folklore and culture of the peoples of the Altai; the works of Grigoriy Verbov (1905–1942), including the never-before published study and field journals devoted to the language, folklore, religious beliefs, social structure, economy and the way of life of the forest Nenets people.

Among the works mentioned above a special place is allotted to the books by Georgy Nikolaevich (1897–1942) and Ekaterina Dmitrievna (1902–1978) Prokofiev. Their studies and field material do not only shed a holistic light on the traditional culture of the Selkups and the Enets, but also reflect the status of the living Samoyedic languages, existing until the so-called

произошел во второй половине XX века.

Однако публикацию наследия Прокофьевых мы начинаем не с этих работ, а с неизданного и во многом пионерского для своего времени труда Екатерины Дмитриевны «Процесс национальной консолидации тувинцев». Сегодня представляется во многом невероятным, как после сложнейших северных экспедиций двадцатых–тридцатых годов, после ужасов ленинградской блокады, болезней, смерти близких Екатерина Дмитриевна смогла начать работу над новой темой, по существу — новую жизнь в науке. Возглавляя Тувинский отряд Саяно-Алтайской экспедиции и проведя в Туве три полевых сезона (1952, 1953, 1955 гг.), она привезла в Ленинград ценнейший материал, который и лег в основу предлагаемой вашему вниманию монографии.

Подробно о личной судьбе ученых и истории публикуемого текста рассказывает вводная статья В. А. Киселя, редактора настоящего тома, проделавшего громадную и очень непростую работу по подготовке этой публикации. Я бы хотел отметить здесь в первую очередь лишь то обстоятельство, что очередной том нашей серии самым существенным образом восполняет картину фантастических по масштабу и продуктивности работ, осуществленных отечественными учеными по изучению и сохранению традиционной культуры народов Сибири и Крайнего Севера. Результаты дела жизни этих замечательных людей,

language shift, which took place in the second half of the 20th century.

However, the publication of the legacy of the Prokofievs we do not start with these works, but rather with an unpublished work by Ekaterina Prokofieva entitled “The Process of National Consolidation of the Tuvans”, which in many respects was very pioneering for its time. Today it in many ways sounds unbelievable that after a complicated northern expeditions of the twenties and the thirties, after the horrors of the siege of Leningrad, illnesses, deaths of beloved ones Ekaterina Prokofieva was able to begin working on a totally new theme, in essence — to start a new life in science. Heading the Tuvan squad of the Sayano-Altai expedition and having spent three field seasons in Tuva (1952, 1953, and 1955), she brought the most precious material back to Leningrad, and it provided the basis for the monograph brought to your notice.

The personal fate of the scholar and the history of the published text are told in great detail in the introduction by Vladimir Kisel’, the editor of this volume; he did a great and really complicated job of preparing the publication. I would like only to stress that the current volume of our series in a very significant way completed the picture of works done by Russian scholars in the field of research and preservation of the traditional culture of the peoples of Siberia and the Extreme North, works that were fantastic both in scope and productivity. The outcome of the whole career of these remarkable people, who belonged

принадлежавших к одной научной школе, хранятся сегодня в нашем музее. Они, кажется, сберегли для нас самый воздух двадцатых — начала сороковых годов XX века, удивительной эпохи, объединившей высочайшую научную компетентность русской академической науки с энтузиазмом первых советских лет. Идеологическая конъюнктура, правившая бал в отечественной этнографической науке конца сороковых — начала шестидесятых годов, к сожалению, не способствовала тому, чтобы бескомпромиссная личная порядочность учителей была унаследована всеми без исключения людьми, занявшими в те годы ключевые научные посты. По-видимому, именно это обстоятельство самым трагическим образом сказалось на судьбе книги, предлагаемой вашему вниманию.

to one and the same scientific school, are kept today in our museum. Their texts seem to have preserved the very air of the twenties — early forties of the 20th century: an amazing epoch that united the highest scientific competence of the Russian academic science with the enthusiasm of the first Soviet years. Because of ideological situation running the show in the Soviet ethnography from the late forties up to the early sixties of the 20th century, the inheritance of teacher's moral rectitude were not the must for the disciples who have taken the key scientific positions in those years. Apparently, those were the circumstances that in the very tragic way affected the fate of the book, which we bring to your notice.

ПРЕДИСЛОВИЕ**PREFACE**

Е.Д. Прокофьева (1902–1978) вошла в историю этнографии как знаток культуры селькупов — народа, проживающего на севере Западной Сибири. Однако мало кому известно, что в 1950-е гг. она увлеченно занималась изучением населения другой удаленной территории, расположенной в самом центре Азии, — Тувы. Результатом исследований Е.Д. Прокофьевой стала монография «Процесс национальной консолидации тувинцев». Труд, написанный в 1957 г., остался неизданным. Более полувека рукопись, состоящая из 835 страниц машинописного текста и почти двух десятков рисунков и фотографий, помещенных в три канцелярские папки, хранилась в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ф. К–I, оп. 1, № 560, 561, 562). При этом монография представляла собой первое научное произведение советского периода, в котором подробно рассматривалась традиционная культура тувинцев (сходные по широте охвата фундаментальные работы С.И. Вайнштейна и Л.П. Потапова

Ekaterina Prokofieva (1902–1978) made her name in the history of ethnography as an expert of the culture of the Selkups — a people populating the north of the Western Siberia. However, it is not well known that over the course of the 1950's she was working enthusiastically studying the population of Tuva, another distant territory located in the very center of the Asia. The monograph “The Process of National Consolidation of the Tuvans” became the result of the study. The work written in 1957 remained unpublished. For over half a century three red-tape folders containing the typewritten manuscript of 835 pages and nearly two tens of drawings and photographs were kept in the archives of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Fund K–I, inventory 1, nos. 560, 561, 562). The monograph was the first scholarly work of the Soviet period, which in great detail examined the traditional culture of the Tuvans (the fundamental works of Sevyan Weinstein and Leonid Potapov (Weinstein, 1961; 1972; 1991; Potapov, 1991), similar in

(Вайнштейн, 1961; 1972; 1991; Потапов, 1991) были написаны позднее).

На сегодняшний день вышло немало интересных и масштабных книг, посвященных истории и культуре тувинского населения. Но и на этом фоне труд Е.Д. Прокофьевой остается актуальным. Приведенные в нем сведения уточняют и дополняют этнографическую картину Тувы. Особую значимость монографии придает анализ механизма сложения тувинских племен в единый народ. Согласно преобладающей в настоящий момент точке зрения, формирование тувинского этноса произошло в XVIII — начале XIX в. По мнению же Е.Д. Прокофьевой, этот процесс относится к более позднему периоду — первой четверти — середине XX в. Автор убедительно обосновывает свой взгляд, связывая заключительный этап этногенеза тувинцев с массовой коллективизацией и оседанием кочевников.

Безусловную ценность монографии представляют данные о расселении тувинских родоплеменных групп (к сожалению, этот раздел рукописи имеет утраты), существенно корректирующие этнические карты Тувы (Дулов, 1956, вклейка; Вайнштейн, 1961, вклейка; Маннай-оол, 2004, форзац).

Следует отметить, что современному читателю может показаться странным социалистический пафос, присутствующий в книге. Некоторые страницы порой напоминают газетные передовицы. Однако не стоит забывать специфику того времени,

the scope of coverage, were written later).

A lot has been published on topic since the mid of the 20th century but the work of Ekaterina Prokofieva still remains relevant against this backdrop as the important information it contains makes the ethnographic picture of Tuva more precise. The special importance of the monograph is given by the analysis of the mechanism of the combining of the Tuvan tribes into one united nation. According to the currently dominant point of view, the formation of the Tuvan ethnos took place in the 18th — early 19th century. According of Ekaterina Prokofieva, however, this process dates a much later period: the first quarter — the middle of the 20th century. The author convincingly substantiates her view by connecting the final stage of the ethnogeny of the Tuvans with the mass collectivization and the settlement of the nomads.

The true value of the monograph is connected with the data describing the settlement of Tuvan tribal groups (unfortunately, this section of the manuscript has losses), which significantly corrects the ethnic maps of Tuva (Dulov, 1956, insert; Weinstein, 1961, insert; Mannay-ool, 2004, flyleaf).

A modern reader may find the socialistic pathos in the book rather odd. Some pages at times are reminiscent of the front page of a newspaper. However, we shall remember the scholarly and political atmosphere of the period when the work was being written. In those years every scientific publication had to emphasize the

когда писался труд. В те годы практически ни одно научное издание не выходило без подчеркивания руководящей роли коммунистической партии и ссылок на классиков марксизма-ленинизма. Конечно, это, а также искренняя вера Е.Д. Прокофьевой в коммунистическое будущее повлияли на предвзятость в описании событий революционных лет, Гражданской войны и периода репрессий.

Несмотря на наличие правок, рукопись не была окончательно отредактирована. В ней встречаются повторы, стилистические неточности, описки. В публикации в целом сохранена стилистика оригинала. При этом текст выверен в соответствии с правилами и нормами современной орфографии и пунктуации. Сноски упорядочены и выполнены сплошной нумерацией. Сокращенные названия цитируемых книг даются полностью по ныне принятому образцу. Из приложений исключено несколько таблиц со сведениями, дублирующимися в тексте и других таблицах. Личная правка Е.Д. Прокофьевой выделена — /Е.П./, примечания и вставки издателя отмечены — [] (без квадратных скобок расшифровываются некоторые распространенные сокращения, например «т.к.», «т.е.»).

Судя по авторским ссылкам, в рукописи отсутствует много фотографий и рисунков, поэтому публикация дополнена photographиями из архива МАЭ РАН и статьи Е.Д. Прокофьевой «Некоторые этнографические данные о тувинцах западных

leading role of the Communist party and contain the references to the classics of Marxism and Leninism. The descriptions of the events of the revolutionary years, the Civil War and the period of Great Terror are, of course, the result of both the atmosphere mentioned above and the sincere faith of Prokofieva in the Communist future.

The manuscript was not fully edited in spite of many corrections found in it. One can find repetitions, stylistic inaccuracies, and pen slips in it. Our publication as a whole preserves the stylistics of the original, but the text was verified in accordance with the rules and norms of the contemporary spelling and punctuation. The footnotes are ordered and executed in consecutive numbering. The shortened titles of the quoted books are given in full according to the currently accepted pattern. Several tables with the data, which are duplicated in the text and other tables, are discarded from the appendixes. Personal corrections of Prokofieva are marked out as /E.P./, notes and inserts of the publisher are marked with [...] (certain widespread abbreviations, such as “inasmuch” and “i.e.” are identified without square brackets).

Judging by the author's references, the manuscript misses many photographs and drawings; thus, the publication is supplemented with the photographs from the archive of the MAE RAS and the article of Ekaterina Prokofieva titled “Certain Ethnographic Data About the Tuvans of the Western Regions of the Tuvan Autonomous Oblast” (Prokofieva, 1955, p. 3–18).

районов Тувинской автономной области» (Прокофьева, 1955, с. 3–18).

Выражаем глубокую благодарность [Л.В. Хомичу], [А.М. Решетову], И.Г. Агашириновой и А.Г. Прокофьеву (дочери и сыну Е.Д. Прокофьевой), поделившимися своими воспоминаниями, а также В.Н. Кислякову, оказавшему помощь в поисках архивных материалов.

We express our deepest gratitude to [L.V. Homich], [A.M. Reshetov], I.G. Agashirina and A.G. Prokofiev (the daughter and the son of E.D. Prokofieva, respectively), who shared their memories, as well as to N.V. Kislyakov, who lent his hand in the search for the archived material.



1.
Географическое положение, устройство поверхности и климат Тувинской Автономной области.

Тувинская автономная область расположена в центре Азиатского материка, за Саянскими хребтами, между $49^{\circ}45'$ и $53^{\circ}46'$ северной широты и $88^{\circ}49'$ и $98^{\circ}56'$ восточной долготы. Территория области имеет протяжение с запада на восток около 745 км, а с севера на юг - от 100 до 450 км. По своей площади в 171,3 тыс. кв. км Тувинская автономная область является самой большой среди автономных областей СССР. 2/ Границы области на западе, севере, востоке и юговостоке проходят по высоким горным хребтам, а на юге по приподнятым равнинам и средневысотным горам. На западе по низким хребтам Чихачева и Шапшальскому /Алтайская горная система/ Тувинская автономная область граничит с Горно-Алтайской автономной областью Алтайского края. На северо-западе и севере по хребтам Западного Саяна она граничит с Красноярским краем и входящей в его состав Хакасской автономной областью. На северо-востоке и частично на востоке границы Тувинской автономной области с Иркутской областью и Бурят-Монгольской АССР проходят по хребтам Восточного Саяна. Наиболее длинную границу Тувинская автономная область имеет с Монгольской Народной республикой. На востоке эта граница идет по

-
- 1/ Эта глава написана по материалам, опубликованным в работах советских геологов и др. исследователей Тувы. Л.Н.Леонтьев /доктор геолого-минералогических наук/ Тув. Журнал "Наука и Жизнь", 1955, № 3; П.А.Шахунова и Б.Н.Диханов. Советская Тува, Чызыл, 1955 г. изд. ТИИИЛИ и др. Шрифт.
 - 2/ Территория ТАО больше площади Бельгии, Швейцарии, Голландии и Дании вместе взятых.

Рис. 1. Первый лист рукописи Е.Д. Прокофьевой
Fig. 1. The First Page of the Manuscript of E.D. Prokofieva

**ЗАБЫТЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТУВЫ**

**A FORGOTTEN
RESEARCHER OF TUVA**

Автор публикуемой монографии — Екатерина Дмитриевна Прокофьева (Боровкова) — родилась 21 ноября 1902 г. в Санкт-Петербурге в семье служащего¹. В семь лет она начала учебу в трехклассном городском училище, а затем поступила в гимназию, которую окончила в 1919 г. В том же году Е.Д. Прокофьева устроилась на работу в Ленинградский гидрологический институт помощником библиографа и проработала в нем три года. В это же время она стала выезжать в экспедиции, где занималась сбором биологических и геологических коллекций.

В 1921 г. Екатерина Дмитриевна поступила на этнографический факультет Географического института (позднее преобразованный

The author of the published monograph — Ekaterina Dmitrievna Prokofieva (Borovkova) — was born on November 21 of 1902 in St. Petersburg into the family of a clerk¹. At the age of seven she began studying in a three-grade city professional school, after which she entered a classical school, which she graduated from in 1919. That same year Prokofieva was employed by the Leningrad Hydrological Institute in the capacity of the bibliographer assistant; she worked there for three years. During that time she began participating in expeditions, where she was collecting biological and geological collections.

In 1921 Ekaterina Dmitrievna entered the ethnographical department of the Geographical Institute (which was later reorganized into the

¹ Основные биографические данные очерпнуты из воспоминаний И.Г. Агашириновой (Прокофьевой) и А.Г. Прокофьева, пояснительной записки И.В. Жуковской к фонду Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых (фонд № 6), хранящемуся в Архиве МАЭ РАН, статьи Л.В. Хомич (Хомич, 2004, с. 44–51) и заметки С.Е. Глезерова (Глезеров, 2010).

¹ The main biographical data are drawn from the recollections of I.G. Agashirina (Prokofieva) and A.G. Prokofiev, the executive summary of I.V. Zhukovskaya to the fund of G.N. and E.D. Prokofiev (fund No 6), kept in the MAE RAS archive, articles L.V. Homich (Homich, 2004, p. 44–51) and the note of S.E. Glezerova (Glezerov, 2010).

в географический факультет Ленинградского государственного университета). Через четыре года, окончив институт, она вместе с мужем, будущим известным лингвистом и этнографом Георгием Николаевичем Прокофьевым, была командирована в Туруханский край. Прокофьевы поселились в п. Янов Стан, где преподавание в школе совмещали с изучением селькупского языка, этнографическими исследованиями, записями фольклора. «Условия работы и жизни в Яновом Стане были чрезвычайно трудными: школа, где... жили Прокофьевы с маленьким ребенком, состояла из двух комнат. В большой спали шесть учеников и проводились занятия. Возраст учащихся был от 10 до 30 лет». Так, со слов Е.Д. Прокофьевой, описала этот период ее жизни Л.В. Хомич.

Только спустя три года Екатерина Дмитриевна вернулась в Ленинград. Но вскоре Прокофьевы вновь отправились на Север. В Большеземельской тундре Ненецкого национального округа Екатерина Дмитриевна занималась изучением традиционной культуры ненцев и одновременно являлась помощником краеведа, начальником пункта ликвидации безграмотности, заведующей детским домом.

По возвращении в родной город Е.Д. Прокофьева поступила на работу в Институт народов Севера преподавателем селькупского языка. В 1934–1938 гг., кроме этого учреждения, она работала в университете и Педагогическом институте

Geographical department of the Leningrad State University). Four years later having graduated from the institute, she, along with her husband, Georgy Nikolaevich Prokofiev, a known linguist and ethnographer in the future, was sent to the Turukhansk Krai. The Prokofievs settled in the settlement of Yanov Stan and combined their teaching in school with the study of Selkup language, ethnographic research and recording of the folklore. "The conditions of work and life in Yanov Stan were extremely difficult: the school, where... the Prokofievs lived with their little child, consisted of two rooms. The large room provided sleeping facility for six pupils, and that was the room where classes took place. The age of the pupils was ranging from 10 to 30 years". Thus, according to the very words of Prokofieva, was this period of her life described by Lyudmila Homich.

Only after three years Ekaterina Dmitrievna returned to Leningrad and soon the Prokofievs went to the North again. In the Bolshezemelsk tundra of Nenets National Orkug Ekaterina Dmitrievna was engaged in studying the traditional culture of the Nenets and at the same time she was the assistant of the local historian/ethnographer, the head of the local office of the campaign against illiteracy, and the superintendent of the orphanage.

Having returned to her home city, Prokofieva was employed at the Institute of the Peoples of the North in the capacity of the teacher of Selkup language. In 1934–1938, apart from this establishment, she was also

им. А.И. Герцена. Насыщенная преподавательская деятельность Екатерины Дмитриевны не прекратила ее полевых исследований. В 1932–1933 гг. она участвовала в длительных экспедициях в Нарым. За время, проведенное среди селькупов, Е.Д. Прокофьева прекрасно овладела их языком. Ею были написаны буквари, хрестоматии, книги на селькупском языке.

Массовые репрессии 37-го года затронули и семью Прокофьевых. Георгий Николаевич был обвинен в продвижении «буржуазно-националистических установок в языковом строительстве на Крайнем Севере», а также в подготовке почвы к отчуждению советских земель Европейского Севера в пользу Финляндии и уволен с работы. Опасаясь ареста, Георгий Николаевич и Екатерина Дмитриевна сожгли семейный архив с ценнейшими заметками, памятными фотографиями, письмами, где фигурировали многие знаменитые люди — друзья семьи, такие как актер Н.К. Черкасов, дирижер Е.А. Мравинский. До сих пор не ясно, что спасло Г.Н. Прокофьева от лагерей. Возможно, главную роль сыграло заступничество влиятельных лиц из академической среды, в частности письмо профессора В.Г. Богораза (Тана), адресованное И.В. Сталину. Через 11 месяцев обвинения были сняты, и Георгий Николаевич смог вернуться в науку.

У Прокофьевых родилось пятеро детей. Екатерина Дмитриевна успевала воспитывать детей и заниматься научной работой. Вторая

working in the University and the Herzen Pedagogical Institute. The rich teaching activities of Ekaterina Dmitrievna did not put a stop to her field survey. In 1932–1933 she participated in long-term expeditions to Narym. Over the course of the time spent among the Selkups Prokofieva became fluent in their language. She wrote ABCs, chrestomathies, and books in Selkup language.

The mass repressions of 1937 affected the family of Prokofievs as well. Georgy Nikolaevich was accused of promoting “bourgeois and nationalistic directives in the language formation in the Extreme North”, as well as preparing the soil for the alienation of the Soviet lands of the European North in favor of Finland, as a result of which he was fired from his job. Fearing the arrest, Georgy Nikolaevich and Ekaterina Dmitrievna burned the family archive with the most valuable notes, commemorative photographs and letters, where many prominent people appeared — the friends of the family, such as famous actor Nikolai Cherkasov and conductor Evgeniy Mravinski. Up to this day it is still unclear what it was that saved Prokofiev from the camps. Perhaps, the main role was played by the intercession of influential persons from the academic environment, and particularly the letter to Stalin of sent by Professor Vladimir Bogoraz (Tan). Eleven months later the accusations were dropped, and Georgy Nikolaevich was able to return to science.

The Prokofievs had five children. Ekaterina Dmitrievna managed to train

мировая война застала семью Прокофьевых в Ленинграде. Георгий Николаевич, несмотря на хроническую астму, вызвался добровольцем, но был забракован медицинской комиссией. Тогда он предложил себя в качестве переводчика с немецкого языка. И вновь Г.Н. Прокофьеву было отказано. Здесь, видимо, сказалося его дворянское и полунемецкое происхождение. Старшей же дочери, Лене, удалось попасть на фронт, где она стала снайпером.

Оставшиеся в окруженном городе Прокофьевы испытали все тяготы блокады. Георгий Николаевич умер от голода в январе 1942 г. на своем рабочем месте, в Институте этнографии. Той же зимой ушел из жизни старший сын Борис, родившийся во время экспедиции Прокофьевых в Тазовской тундре. Ему исполнилось 14 лет. Умер появившийся на свет в марте 1942 г. младший сын Андрей, проживший всего месяц.

В апреле 1942 г. истощенную Екатерину Дмитриевну и уцелевших детей вывезли из Ленинграда по «Дороге жизни». Караван машин, где ехали Прокофьевы, был атакован немецкими самолетами. Бомбы взламывали лед, разрывались вокруг грузовиков. Идущая впереди машина затонула. Осколками порвало пальто на дочери Инге и оторвало кусок валенка у дочери Ани. Стоянка в поселке Кобона оказалась продолжением блокадного кошмара: пересыльный пункт для эвакуированных — здание бывшей церкви — был забит мертвыми телами, их не

her children and give her time to scientific work as well. World War II found the Prokofiev family in Leningrad. Georgy Nikolaevich, in spite of his chronic asthma, volunteered to go off to war, but was discarded by the medical board. Then he offered himself in the capacity of the interpreter/translator from German language. And again Prokofiev was discarded. In this case, obviously, his noble and half-German origin had a major say. The older daughter, Lena, however, managed to get to the battle front, where she became a sniper.

Having stayed behind in the besieged city, the Prokofievs experienced all severities of the Leningrad blockade. Georgy Nikolaevich died of starvation in January of 1942 at his working place in the Institute of Ethnography. During the same winter the older son Boris who was born during the expedition of the Prokofievs along the territory of Tazovsk tundra also passed away. He just turned 14. After only one month into his infant life, the youngest son Andrei died in March of 1942.

In April of 1942 wasted and famished Ekaterina Dmitrievna with the surviving children was transported out of Leningrad following ice “The Road of Life”. A caravan of cars, which the Prokofievs were riding, was attacked by German planes. The bombs tore into the ice and exploded around the trucks. The truck in front of them went down under the ice. The coat of daughter Inga was torn by bomb splinters, and a piece of the felt boot of daughter Anya was also torn off. They

успевали хоронить. Спасшиеся люди отдыхали, ели и спали среди трупов. За Кобоной дальнейший путь пролегал по железной дороге. Первый же состав, куда попали Прокофьевы, был разбомблен налетевшими юнкерами. Екатерина Дмитриевна с детьми едва успела выпрыгнуть из горящего поезда. Испытания не прекратились и после погрузки в новый состав. Не прекращались бомбежки, продолжали умирать раненные, изможденные и обессилившие ленинградцы. Трупы выкидывались на полном ходу из дверей вагонов. Однажды с дочерью Аней случился глубокий обморок. Она пролежала около суток без признаков жизни. Остается загадкой, как девочка уцелела и не была выброшена из поезда. Впоследствии Екатерина Дмитриевна так и не смогла вспомнить событий этого дня.

Прибыв в Казань и едва оправившись, Е.Д. Прокофьева приступила к работе на авиационном заводе, а затем устроилась в Институт этнографии и по совместительству — в Центральный местком АН СССР. За год до окончания войны Екатерина Дмитриевна вернулась в Ленинград и поступила на завод, где изготавливала корпуса телефонов. Вскоре Е.Д. Прокофьева была принята в Институт этнографии на должность младшего научного сотрудника в сектор этнографии народов Сибири.

С возвращением из эвакуации детей особенно остро встала проблема жилья. Дом на Поклонной горе на окраине лесопарка Сосновка, где

stopped at the settlement of Kobona, which turned out to be the sequel to the blockade nightmare — the transit camp for the evacuated, a building of a used-to-be church, was crammed with cadavers. They were unable to bury the bodies in time. The survivors were resting, eating and sleeping among the cadavers. Following Kobona, the rest of the way they were supposed to travel by railway. The very first train, where the Prokofievs were, was destroyed by the bombs of the raiding Junkers. Ekaterina Dmitrievna with her children barely had the time to jump out of the burning train. The trials were far from being over, even after they were loaded into the new train. The bombings did not cease; the wounded, emaciated and weakened residents of Leningrad continued to die. The dead bodies were thrown out of the doors of the cars going full speed. At one time daughter Anya fell into a dead faint. For about twenty four hours she did not show any vital signs. It remains a mystery how the girl survived and was not thrown out of the train. Subsequently, Ekaterina Dmitrievna could not remember the events of that day.

Having arrived to Kazan and having hardly rebounded, Ekaterina Prokofieva began working at an aircraft manufacturing plant, and then got a job at the Institute of Ethnography and also at the Central Local Labor Union Committee of the Academy of Sciences of the USSR. One year prior to the end of the war Ekaterina Dmitrievna returned to Leningrad and was employed at a factory, where she manufactured telephone body parts.

в Стандартном поселке проживали Прокофьевы, был разобран в блокадную зиму на дрова. Екатерина Дмитриевна поселилась с детьми в квартире своей матери в полуразрушенном доме на Петроградской стороне. Мебели в квартире не было, ее заменял чемодан, использовавшийся в качестве стола, спали на полу. Жилищное положение стало просто невыносимым, когда из эвакуации вернулся брат Е.Д. Прокофьевой. Отчаянная ситуация разрешилась благодаря археологу и этнографу А.П. Окладникову. Он поделился с Прокофьевыми частью своей жилплощади. В большой коммунальной квартире Екатерине Дмитриевне с детьми отгородили под жилье часть коридора.

В 1946 г. новая трагедия постигла семью: во время родов умерла дочь Лена. Пережитые потрясения и испытания серьезно сказались на здоровье Екатерины Дмитриевны, у нее началась открытая форма туберкулеза (только длительное лечение позволило от нее избавиться) и сильно ухудшилось зрение. Несмотря на это, все послевоенные годы Е.Д. Прокофьева продолжала напряженно работать, писать статьи, заниматься полевыми исследованиями.

Самоотверженный труд Екатерины Дмитриевны в годы войны был отмечен медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1952 г. Е.Д. Прокофьева стала членом КПСС.

Работая в Институте этнографии, Екатерина Дмитриевна в 1949 г.

Soon Prokofieva was employed at the Institute of Ethnography in the capacity of a junior research associate in the Sector of ethnography of the peoples of the North.

With the return of the children from the evacuation, the issue of housing was becoming more and more urgent and acute. The house on the Poklonnaya Hill at the outskirts of the Sosnovka woodland park, where in the Standartnoe settlement the Prokofiev family lived, was pulled down during the blockade winter for wood. Ekaterina Dmitrievna settled down in the apartment of her mother in a tumbledown house on the Petrograd Side. There was no furniture in the apartment; the only substitute for it was a trunk, which was used as a table. They slept on the floor. The housing issue became completely unbearable, when the brother of Prokofieva came from the evacuation. The desperate situation was resolved thanks to famous archaeologist and ethnographer Alexey Okladnikov. He shared a part of his living space with the Prokofievs. In a large multifamily unit Ekaterina Dmitrievna with her children partitioned off a part of the corridor for a home.

In 1946 a new tragedy befell the family: the oldest daughter Lena during the delivery. The shock and trials experienced had an impact on the health of Ekaterina Dmitrievna, and she was diagnosed with the active form of tuberculosis (which was taken care of only thanks to prolonged treatment) and her eyesight took a grave turn for the worse. In spite of all of these issues, over the course of all post-war years

подготовила монографию «Селькупский фольклор» (Архив МАЭ РАН. Ф. К–I, оп. 1, № 118), которая была одобрена Ленинградской и Московской частями Института как кандидатская диссертация. Однако Е.Д. Прокофьева отказалась защищать диссертацию, посчитав работу незаконченной.

До самой пенсии (1964 г.) Екатерина Дмитриевна проработала

Prokofieva continued to work strenuously, write articles and be involved in the field surveys.

The selfless labor of Ekaterina Dmitrievna during the war years was awarded with the medals of “For the Defense of Leningrad” and “For Valiant Labor during the Great Patriotic War 1941-1945”. In 1952 Prokofieva became a member of the Communist Party.



Рис. II. Екатерина Дмитриевна Прокофьева в кабинете сектора этнографии народов Сибири ЛЧ ИЭ АН СССР. 1951 г. (Архив МАЭ РАН)

Fig. II. Ekaterina Dmitrievna Prokofieva in the Office of the Sector of Ethnography of the Peoples of the North of the Leningrad Department of the Institute of Ethnography of the Academy of Science of the USSR, 1951 (the MAE RAS Archive)

в Ленинградской части Института этнографии в должности младшего научного сотрудника.

21 апреля 1978 г. Е.Д. Прокофьева скоропостижно скончалась от сердечного приступа.

«Тувинская» страница жизни Екатерины Дмитриевны началась с создания Саяно-Алтайской экспедиции во главе с Л.П. Потаповым, доктором исторических наук, лауреатом Сталинской премии, руководителем Ленинградской части ИЭ АН СССР, заведующим сектором этнографии народов Сибири. Е.Д. Прокофьева возглавила Тувинский отряд. Она совершила три продолжительные поездки в Туву в 1952, 1953 и 1955 гг. В последней в качестве фотографа приняла участие ее двадцатилетняя дочь Аня.

Working in the Institute of Ethnography, in 1949 Ekaterina Dmitrievna prepared the monograph titled “The Selkup Folklore” (The MAE RAS Archive. Fund K–I, inventory 1, no 118), which was approved by the Leningrad and Moscow departments of the Institute as her master’s thesis. Ekaterina Prokofieva, however, refused to defend her dissertation, considering her work to be incomplete.

Until her very retirement (1964) Ekaterina Dmitrievna worked in the Leningrad department of the Institute of Ethnography in the capacity of a junior research associate. On April 21 of 1978 she suddenly passed away of a heart attack.

The “Tuvan” page of Ekaterina Dmitrievna’s life began with the



Рис. III. Е.Д. Прокофьева на пути из г. Кызыла в г. Абакан. 1953 г. (Архив МАЭ РАН)
Fig. III. E.D. Prokofieva on the Way from Kyzyl to Abakan, 1953 (the MAE RAS Archive)

Экспедиции проходили в тяжелых условиях и были сопряжены с большими трудностями, совершались переезды на лошадях и оленях, сплав по Енисею на плоту. Из всех посещений Тувы особенно плодотворной оказалась поездка 1953 г., продлившаяся с сентября по декабрь.

В тот год Е.Д. Прокофьева возглавила небольшой отряд, состоявший из сотрудников Ленинградской части Института этнографии — археолога А.Д. Грача, фотографа А.В. Маторина и работника Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории В.Ч. Очура.

Для Александра Даниловича Грача, которому тогда исполнилось двадцать пять лет, эта поездка стала судьбоносной. Экспедиция определила его дальнейший научный и жизненный путь, до самой смерти связав с Тувой и ее древностями. Через несколько лет А.Д. Грач стал начальником археологического отряда Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, а затем — руководителем Саяно-Тувинской археологической экспедиции.

Другой соратник Екатерины Дмитриевны, ее ровесник — Алексей Васильевич Маторин, — хотя и занимал в экспедиции техническую должность, являлся дипломированным этнографом. Он окончил рабфак при Политехническом институте и Ленинградский университет. За плечами А.В. Маторина было участие в финской зимней кампании

Sayano-Altai expedition headed by Leonid Potapov, Doctor of Historical Sciences, a winner of the Stalin Prize, the head of the Leningrad Department of the Institute of Ethnography of the Academy of Science of the USSR, the Head of the Sector of ethnography of the peoples of the North. Prokofieva became the head of the Tuvan squad of the expedition mentioned above. She made three long-term trips to Tuva in 1952, 1953 and 1955. Her twenty-year old daughter Anya took part in the last trip in the capacity of a photographer.

The expeditions were carried out in very difficult conditions: passages on horseback and riding reindeers and rafting down the Yenisei River were frequent. Of all of visits paid to Tuva, the most fruitful was the trip made in 1953, which lasted from September to December.

That year Prokofieva headed a small squad, consisting of the staff of the Leningrad Department of the Institute of Ethnography — archaeologist Alexander Grach, photographer Alexander Matorin and an employer of the Tuvan Scientific-Research Institute of Language, Literature and History, V. Ochur.

For Alexander Danilovich Grach, who turned twenty five that year, that trip became fateful. The expedition shaped his further scientific and life path until the very death, having bonded him with Tuva and its antiquities. Only a few years later Grach became the head of the archaeological squad of the Tuvan complex archaeological and ethnographical expedition, and then the head



Рис. IV. Е.Д. Прокофьева и А.Д. Грач на фоне горы Догээ под г. Кызылом.
1953 г. (Архив МАЭ РАН)

Fig. IV. Ekaterina Prokofieva and Alexander Grach Against the Background
of the Dogee Mountain by Kyzyl, 1953. (the MAE RAS Archive)



Рис. V. Александр Данилович Грач в тувинской юрте. 1953 г. (Архив МАЭ РАН)

Fig. V. Alexander Danilovich Grach in a Tuvan Yurt, 1953 (the MAE RAS archive)



Рис. VI. Алексей Васильевич Маторин. 1940-е гг. (Архив МАЭ РАН)
Fig. VI. Alexander Vasilievich Matorin, the 1940's (the MAE RAS archive)

и Великой Отечественной войне, где он получил два ранения и контузию.

Экспедиция 1953 г. собрала удивительно много ценной информации о традиционной жизни тувинцев, коллективизации, экономических и социальных преобразованиях, произошедших в Туве. Полевые наблюдения воплотились в статью Е.Д. Прокофьевой «Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области» (Прокофьева, 1955, с. 3–18).

Позднее добытые в поездках материалы, обогащенные анализом

of the Sayano-Tuvan archaeological expedition.

Another associate of Ekaterina Dmitrievna, her coeval, Alexander Vasilievich Matorin, was a certified ethnographer, even though in the expedition he was holding a technical position. He graduated from the Workers' faculty under the Polytechnic Institute and the Leningrad University. Matorin took part in the winter Finnish campaign (1939) and the Great Patriotic War, where he was wounded twice and contused.

The expedition of 1953 collected valuable information on the traditional



Рис. VII. Екатерина Дмитриевна Прокофьева. 1957 г. (Архив МАЭ РАН)
Fig. VII. Ekaterina Dmitrievna Prokofieva, 1957 (the MAE RAS Archive)

трудов предшественников и архивных источников, легли в основу монографии «Процесс национальной консолидации тувинцев».

Однако эта книга не была издана. Роковую роль в ее судьбе сыграл непосредственный начальник Екатерины Дмитриевны — Леонид Павлович Потапов, крупный и многогранный ученый, но властный, честолюбивый и эгоцентричный человек. Он был полной противоположностью скромной, непритязательной, отзывчивой Е.Д. Прокофьевой.

Е.Д. Прокофьевой было отказано в публикации рукописи. Более

life of the Tuvans, collectivization, economical and social transformations that took place in Tuva. The field observations found their release in the article by Prokofieva “Certain Ethnographic Data About the Tuvans of the Western Regions of the Tuvan Autonomous Oblast” (Prokofieva, 1955, p. 3–18).

Later on the materials, acquired in the expeditions and enriched by the analysis of the works of the predecessors and the archive sources, provided the basis of the monograph “The Process of National Consolidation of the Tuvans”.



Рис. VIII. Леонид Павлович Потапов, доктор исторических наук, профессор, руководитель Ленинградской части Института этнографии АН СССР, заведующий сектором этнографии народов Сибири. 1950-е гг. (Архив МАЭ РАН)

Fig. VIII. Leonid Pavlovich Potapov, Doctor of Historical Sciences, Professor, the Director of the Leningrad Department of the Institute of Ethnography of the Academy of Science of the USSR, the Head of the Sector of ethnography of the peoples of the North, the 1950's (the MAE RAS Archive)

того, ей предложили прекратить изучение Тувы и вернуться к исследованиям селькупов (устное сообщение А.М. Решетова). Трудно понять причины такого решения руководителя Института. Скорее всего, здесь сказались ревность специалиста к предмету своих научных интересов и нежелание делить славу «первооткрывателя». Ведь Л.П. Потапов занялся сбором материалов по Туве еще в конце 1940-х гг. А в 1957 г. он возглавил одну из

This book, however, was never published. A fateful role in the destiny of Ekaterina Prokofieva was played by her immediate superior — Leonid Pavlovich Potapov, an outstanding and multifaceted scientist, but nevertheless a rather authoritative, ambitious and egocentric person. He was the exact opposite of the modest, unpretentious and sensitive Prokofieva.

Ekaterina Prokofieva was refused in publication of her manuscript. More so, she was suggested to cease studying

крупнейших экспедиций Советского Союза — Тувинскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию, которая ставила перед собой задачу решить проблему происхождения тувинцев. По-видимому, Л.П. Потапов хотел оказаться единственным ленинградским этнографом, создавшим разноплановое научное произведение по культуре населения Тувы. Это ему удалось после опубликования «Очерков народного быта тувинцев» (1969). В.П. Дьяконова через много лет вспоминала, что желание Л.П. Потапова считаться единоличным автором книги просто обескураживало. Даже ей, написавшей один очерк и два раздела, стоило большого труда настоять на упоминании своего имени во введении к книге.

С конца 1950-х гг. в этнографических кругах началось упорное замалчивание роли Е.Д. Прокофьевой в восстановлении этнической истории Тувы. Сам Л.П. Потапов в «Очерках народного быта тувинцев» ни разу не упомянул Екатерину Дмитриевну. Другой ее коллега, знаток тувинской этнографии, крупный специалист по оленеводам-тоджинцам, — С.И. Вайнштейн — навсегда «забыл» о работе Е.Д. Прокофьевой по этногенезу тувинцев. В своих книгах он ссылался только на статьи Екатерины Дмитриевны о социалистическом строительстве в Тодже, типологии шаманских костюмов и бубнов, мировоззрении селькупов. Известный тувинский археолог и историк М.Х. Маннай-оол в монографии

Tuva and return to the study of the Selkups (by the oral report of Alexander Reshetov). It is hard to understand the reasons for this decision made by the Institute director. Most likely it had to do with the jealousy of the specialist for the subject of his scientific interests and unwillingness to share the glory of the “pioneer”. At the end of the 1940’s Leonid Potapov began collecting the Tuva-related materials himself and in 1957 he headed one of the largest Soviet expeditions — the Tuvan complex archaeological and ethnographical expedition, which had the task of solving the problem of Tuvans origin. Apparently, Potapov wanted to be the only Leningrad-native ethnographer to create a multi-faceted scientific masterpiece on the culture of the population of Tuva. He succeeded in this endeavor after publishing “The Essays on Native Life of Tuvinians” (1969). Many years later Vera Diakonova recalled that the desire of Potapov to be considered the sole author of the book was totally disheartening. It took her a lot of effort to insist on being mentioned in the introduction to the book, even though she actually did write one essay and two sections.

From the end of the 1950’s the ethnographic circles began to stubbornly suppress the role of Prokofieva in the restoration of the ethnical history of Tuva. Potapov himself in his “The Essays on Native Life of Tuvinians” did not ever mention her. Her other colleague, an expert of Tuvan ethnography, a prominent specialist in Todzh reindeer breeders — Sevyan Weinstein — forever “forgot” about the

«Тувинцы: Происхождение и формирование этноса», подобно Л.П. Потапову, даже не вспомнил о Екатерине Дмитриевне, хотя с ее рукописью он ознакомился в 1989 г. (судя по расписке, хранящейся в Архиве МАЭ РАН).

Только в 2004 г. имя Е.Д. Прокофьевой вновь было восстановлено в ряду исследователей Тувы. Произошло это благодаря выходу в свет статьи Л.В. Хомич, посвященной жизни и творчеству Екатерины Дмитриевны, в которой не только перечислялись ее тувинские экспедиции, но и упоминалось о работе, хранящейся в архиве (Хомич, 2004, с. 44–51). Через год В.П. Дьяконова, описывая полевую деятельность Л.П. Потапова, отметила вклад Е.Д. Прокофьевой в изучение этнографии тувинцев и выразила сожаление, что ее монография остается неизданной (Дьяконова, 2005, с. 56).

Предлагаемая читателям книга предназначена расширить историографию Тувы. Публикация не только пополнит свод этнографических материалов, но и станет данью памяти первой в СССР женщине-тувинисту.

work of Prokofieva concerning the ethnogeny of the Tuvans. In his books he referred only to the articles devoted by Prokofieva to the socialistic construction in Todzh, the typology of the shaman attire and tambourines, and the worldview of the Selkups. Known Tuvan archaeologist and historian M. Kh. Mannay-ool in his monograph titled “Tuvans: Origins and Ethnos Formation”, similarly to Potapov, never mentioned Prokofieva, even though he became familiar with her manuscript in 1989 (following the receipt kept in the MAE RAS archive).

Only in 2004 the name of Ekaterina Prokofieva was again reinstated into the ranks of the researchers of Tuva. It happened thanks to the publication of the article of Lyudmila Homich, devoted to her life and works. Homich not only listed all Tuvan expeditions by Prokofieva but mentioned also her unpublished work that was kept in the archives (Homich, 2004, p. 44–51). One year later Vera Diakonova, while describing the field activities of Leonid Potapov, stressed the Prokofieva contribution into the study of ethnography of the Tuvans and expressed her regrets concerning the fate of the monograph (Diakonova, 2005, p. 56).

The book, suggested to readers here, is meant to broaden the historiography of Tuva. The publication will not only enrich the code of the ethnographic materials, but will also be a tribute to the memory of the first woman in the USSR, who devoted her life to the study of Tuva and its people.

Е.Д. ПРОКОФЬЕВА. ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ТУВИНЦЕВ. Л., 1957.

Глава I ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, УСТРОЙСТВО ПОВЕРХНОСТИ И КЛИМАТ ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ¹

Тувинская автономная область расположена в центре Азиатского материка, за Саянскими хребтами, между 49°45' и 53°46' северной широты и 88°49' и 98°56' восточной долготы. Территория области имеет протяжение с запада на восток около 745 км, а с севера на юг — от 100 до 450 км. По своей площади в 171,3 тыс. кв. км Тувинская автономная область является самой большой среди автономных областей СССР². Границы области на западе, севере, востоке и юго-востоке проходят по высоким горным хребтам, а на юге — по приподнятым равнинам и средневысотным горам. На западе по высоким хребтам Чихачева и Шапшальскому (Алтайская горная система). Тувинская автономная область граничит с Горно-Алтайской автономной областью Алтайского края. На северо-западе и на севере по хребтам Западного Саяна она граничит с Красноярским краем и входящей в его состав Хакасской автономной областью. На северо-востоке и частично на востоке границы Тувинской автономной области с Иркутской областью и Бурят-Монгольской АССР проходят по хребтам Восточного Саяна. Наиболее длинную границу Тувинская автономная область имеет с Монгольской Народной Республикой. На востоке эта граница идет по высоким хребтам Прикосоголья, а на юге — преимущественно по полупустынным пространствам Убса-нурской котловины.

В геологическом отношении территория Тувы является одной из древнейших суши Азии. В целом она представляется как сложно построенное нагорье, значительную часть которого занимают хребты с вершинами до 2–3 км. Древнее оледенение оставило многочисленные следы на территории ТАО. В частности, многочисленные озера в Тодже (северо-восточной части ТАО) обязаны своим происхождением большим ледникам, спускавшимся с Восточного Саяна. На юго-западе Области на горных вершинах

¹ Эта глава написана по материалам, опубликованным в работах советских геологов и других исследователей Тувы: Л.Н. Леонтьева (доктора геолого-минералогических наук), П.А. Шахуновой, Б.Н. Лиханова и др.

² Территория ТАО больше Бельгии, Швейцарии, Голландии и Дании, вместе взятых.

массива Мёнгун-тайги (гора Мунку-Хайерахан ула высотой 3 976 м) сохраняется крупный центр современного оледенения.

Хребет Танну-ола (Танды-ола) является важнейшим географическим рубежом — это звено мирового водораздела между бассейном Ледовитого океана и бессточными впадинами Центральной Азии. Севернее Танну-ола расположена область формирования верхнего Енисея, южнее этого хребта — Убса-нурская котловина. Географическое положение Тувы на грани столь различных по своему характеру областей, как Сибирь и Центральная Азия, обуславливает мозаичное переплетение самых разнообразных ландшафтов на ее сравнительно небольшой территории. Область южнее Танну-ола является северной окраиной большой центрально-азиатской впадины, так называемой «Котловины Больших озер» Северо-Западной Монголии. Здесь и в меньшей степени в Центральной Тувинской котловине господствуют ландшафты «монгольского» типа; преобладают выжженные солнцем степи, нередко опустыненные, с песчаными массивами и солеными озерами, с обнаженными скалами, следами пустынного выветривания.

В Центральной Тувинской котловине эти однообразные ландшафты нарушаются долиной Верхнего Енисея.

Совсем иной, вполне «сибирский», облик имеет восток и северо-восток Тувы, район горной тайги, часто заболоченной, перемежающейся большими межгорными котловинами, район субальпийских лугов. Выше этих лугов обычно высятся [располагаются] плосковершинные гольцы. Это — пояс горных болот и вечной мерзлоты с горными тундрами и огромными россыпями глыб, образованными морозным выветриванием.

Рельеф поверхности ТАО кратко может быть characterized следующим образом: наиболее возвышенные части расположены по окраинам области, а наиболее пониженные — в центре ее и на юге, за хребтом Танну-ола, — образуют котловины, Тувинскую, Убса-нурскую и Тоджинскую. Однако и эти низкие части области расположены от 500 до 1 100 м над уровнем моря. Из них самая низкая — Тувинская — котловина находится в центре Области; она ограничена с севера отрогами Куртушибинского хребта, на северо-востоке — отрогами хребта академика Обручева, на востоке — горами Саргалыг-тайга, на юге — предгорьями хребта Танну-ола и на западе — отрогами Шапшальского хребта, Убса-нурская котловина, на юг от хребта Танну-ола, наиболее опустыненная, является северной частью огромнейшей Монгольской котловины (Больших озер). Тоджинская котловина, расположенная в верхнем течении р. Пий-хем, сильно пересечена хребтами Восточного Саяна, который уходит своими отрогами в пределы Иркутской области, в Бурят-Монгольскую АССР и МНР. Но и в котловинах равнинные пространства ограничены; они приурочены к долинам и к плоским устьям рек. В основном рельеф долин холмистый. Котловины обычно безлесны. Древесная растительность развита лишь на

островах и в поймах рек. Основная растительность котловин — степные и пустынные травы.

Горные хребты, расположенные по окраинам котловин, следующие: на юге Западный и Восточный Танну-ола продолжается на юго-востоке хребтом Сангилен, который смыкается с горным кряжем Хан-тайга, уходящим за пределы Области. На севере и востоке расположены хребты Западного и Восточного Саяна. На западе Области протянулся высокий, изрезанный многочисленными притоками р. Хемчик [прим. 1] Шапшальский хребет, к которому с севера примыкает западная оконечность Западных Саян — хребет Сальзур и на юго-западе — наиболее высокие хребты Цаган Шибету и Чихачева и горный кряж Мёнгун-тайга. Между реками Каа-хем и Пий-хем тянется хребет академика Обручева (бывший Оншумский). Горные склоны и предгорья покрыты горной тайгой.

Таким образом, половина территории Области покрыта тайгой, около одной трети — степями. Значительные пространства заняты многочисленными реками, пресными и солеными озерами. По окраинам Области имеются многие минеральные источники различной температуры и состава воды. Положение ТАО в центре огромного Азиатского материка, в удалении от морей и океанов, горный характер рельефа и высокий уровень поверхности обуславливают суровый, резко континентальный климат с долгой холодной зимой и жарким летом. Зима в котловинах малоснежная. В результате застаивания в этих местах переохлажденного воздуха морозы здесь достигают -58° , несмотря на то что Тува лежит на одной широте с Курской и Орловской областями. Наивысшая летняя температура равняется $+38^{\circ}$. Как видно, годовая амплитуда колебания температуры воздуха в Области больше, чем где-либо в мире в тех же широтах, — она превышает 96° . Средняя годовая температура отрицательная (например, в Улуг-хемской котловине $-4-6^{\circ}$). Такая резкая континентальность способствует сохранению в ТАО вечной мерзлоты, которая особенно широко развита [распространена] в восточных и северо-восточных частях Тувы.

Характерной особенностью климата ТАО является очень сильно выраженная зимняя температурная инверсия, то есть повышение температуры с высотой. В горных районах (на высотах до 2 000 м) температура в зимнее время на $15-20^{\circ}$ выше, чем в нижележащих котловинах. Причиной этому является то, что в котловинах зимой скапливается холодный воздух, спускающийся с окружающих гор. Ясная погода способствует его переохлаждению, благодаря этому воздух достигает большой плотности и стоит недвижно. Зимой в Области наблюдается наибольшее в СССР давление воздуха. В горах же движение воздуха свободнее, он не застаивается и меньше охлаждается.

Рельеф и географическое положение Области имеют огромное значение для распределения осадков в Туве. Влажные морские воздушные

массы до Тувы почти не доходят. Высокие хребты с запада и севера задерживают их, и потому над Тувой господствуют воздушные континентальные массы Азиатского материка умеренных широт. Их однородность не создает условий для циклональной деятельности, с которой связаны облачность и осадки. Поэтому в Туве господствует ясная погода, особенно в котловинах.

В горных районах количество пасмурных дней значительно больше. Годовое количество осадков в Туве невелико, особенно в котловинах (от 150 до 300 мм). Наименьшее количество осадков выпадает в Убса-нурской котловине и на западе Тувы, потому в западных частях территории развито поливное земледелие. В Тоджинской котловине осадков выпадает больше, что позволяем развивать в предгорьях богарное земледелие. Основное количество осадков выпадает во второй половине лета. Климат Тувы в общем отличается непостоянством показателей температуры и влажности.

Немалым климатическим фактором являются ветры, зависящие от своеобразия атмосферного давления в Области. Зимой во время наибольшего давления преобладает штилевая погода; весной, когда разрушается устойчивее повышенное зимнее давление, ветры достигают нередко большой силы.

В Туве намечаются 3 климатических пояса: пояс котловин (до 1000 м высоты), пояс среднегорья (до 2000 м) и пояс высокогорья (свыше 2000 м). В последнем поясе на климат влияют местные ветры с регулярными суточными изменениями.

На территории области имеется густая сеть рек, принадлежащих к бассейнам Северного Ледовитого океана и бассейну бессточных впадин Центральной Азии. Главная река Области — Енисей — рождается на восточной части ее территории, у склонов Восточных Саян и Танну-ола. Свыше 700 км проходит Енисей по ТАО. Здесь Енисей имеет местные названия. От места слияния двух составляющих его рек, Пий-хема и Каа-хема, и до главного левого своего притока, р. Хемчик, Енисей носит название Улуг-хем. Многочисленные притоки Енисея берут начало в окружающих Области горных хребтах. Большинство рек Области имеют горный характер, особенно в верховьях. В котловинах реки имеют равнинное спокойное течение.

Основные притоки Енисея в пределах Области: одна из слагающих Енисей рек — р. Пий-хем — (вытекает от юго-западных склонов Восточного Саяна около перевала Сайхен-Дабан) имеет длину 560 км. В своем верхнем течении река проходит оз. Кара-Балык и носит то же название, что и озеро, и лишь по выходе из озера получает имя Пий-хем³.

³ Такое написание названия этой реки соответствует действительному произношению его современным населением Области. В литературе встречаются названия Бий-хем, Бей-хем, Пег-хем и пр.

Пий-хем принимает ряд притоков справа — реки Баш-хем, Азас (называемую в ее нижнем течении от оз. Азас до устья рекой Тоора-хем), Хамсара, Сыстыг-хем, Севи, Уюк (с притоком р. Туран) и др.; слева — реки Серлиг-хем, Харал, О-хем, Эн-суг, Улуг-О, Ожа, Тапса и др. Правые притоки Пий-хема берут начало в южных склонах Западного и Восточного Саянов, левые — хребта академика Обручева. Левые притоки короче и порожистее, чем правые. Ниже р. Севи на р. Пий-хем (против устья ее правого притока р. Хўт — Ут) находится Хутинский (Утинский) порог, одно из самых трудных для прохождения мест на реке. Р[ека] Сыстыг-хем известна тем, что ее долина в свое время служила одной из главных дорог, связывавших Россию с Тувой. В вершине этой реки лежит легкодоступный Амыльский перевал.

Река Каа-хем — вторая речная ветвь, составляющая Улуг-хем, — складывается также из двух рек — правой р. Шишкит-гол, берущей начало на территории МНР, недалеко от оз. Косокола, и левой, именуемой до оз. Терехоль р. Балыктыг-хем, стекающей с хребта Сангилен. Общая длина р. Каа-хем (от вершины р. Шишкит-гол) 680 км, отрезок, именуемый р. Балыктыг-хем, равен 100 км. В целом р. Каа-хем менее полноводна, чем Пий-хем. Каа-хем имеет притоки справа: р[еки] Шивей, Сизим, Бурен, Мерген, Хопто, Бай-сют и др. Выше впадения р. Сизим имеется самый большой на Каа-хеме Бай-бальский порог, затрудняющий передвижение по реке.

Слияние рек Пий-хема и Каа-хема (около г. Кызыл) называется Хембельдыр. Отсюда начинается Улуг-хем, который проходит через всю Тувинскую котловину с востока на запад, принимая целый ряд крупных и мелких притоков. Левые его притоки берут начало в отрогах хребта Танну-ола, правые — в Западном Саяне. Последние меньше правых по протяжению и маловодны. Главные из них — р[еки] Эрбэк, Баян-кол, Эйлиг-хем. На западе Области проходит главный левый приток Улуг-хема — р. Хемчик, вытекающая из северо-восточных склонов Шапшальского хребта. Хемчик имеет длину 310 км. Левые притоки Улуг-хема, в том числе и Хемчик (в его среднем течении), дают воду для оросительной системы в основных земледельческих районах Области.

Из основных левых притоков Хемчика упомянем реки Алаш, Ак-суг и Устю Ишкин; главным правым притоком является р. Барлык. На юге Области на протяжении 375 км течет р. Тесь-хем, впадающая в бессточное оз. Убса-нур. Справа р. Тесь принимает ряд притоков — р[еки] Эрзин, Качик и др.

На юго-западе Области протекает р. Каргы с притоком Могур, отделяющие горную систему Мёнгун-тайги от хребта Цаган-Шибету.

Многочисленны и различны по величине, происхождению и составу воды озера в ТАО. Они еще слабо изучены, не все нанесены на карту. В отличие от озер Монголии, многие тувинские озера имеют сток. Особенно

много озер в Тоджинской котловине (оз. Азас или Тоджа-куль, Улуг-куль и др.) и на западе в горных районах (например, оз. Хиндиктыг-холь, находящееся на высоте 2 500 м над уровнем моря, и др.). В Тувинской котловине в основном озера расположены в ее юго-восточной части, и многие из них соленые. В Убса-нурской котловине также имеется много пресных и соленых озер. Здесь лежит северо-восточная окраина соленого озера Убса-нур, самого большого озера Монголии (его длина 84 км, ширина 78 км). Вода в нем горько-соленая (на 1 л воды приходится около 19 г солей; это превышает минерализацию Каспийского моря). Однако озеро очень мало изучено, не известны его режим и глубины.

Самое большое озеро Тувинской котловины — оз. Чагатай, богатое рыбой. Имеются озера с лечебной грязью (например, оз. Чедер, в 45 км к югу от г. Кызыла, оз. Тёро-холь, в 20 км к югу от первого озера [прим. 2]).

Немало имеется озер с самосадочной солью, в их числе наиболее известно оз. Тус-холь, в котором издавна тувинцы добывали соль. В Области имеется много минеральных источников, называемых по местному «аржан». Большинство из них расположено в верховьях рек Каа-хема и Пий-хема и пользуются славой за свои лечебные свойства не только в Туве, но и за ее пределами. Наиболее значительные из них — сероводородный источник на юго-востоке Области, в 65 км от п. Кунгуртук. Он состоит из десятка источников, температура воды в [половине] которых колеблется от 41 до 49,5°. Источники дают в день свыше 1 млн л воды. Другой источник — Уш-бельдыр — находится на правом берегу р. Шишхит-гол. Это также сероводородный источник с температурой воды свыше 85°⁴. Около 30 источников имеется в Тодже. Все они слабо изучены, но по предварительным данным многие из них могут быть использованы для питья и ванн, как нарзанные источники Кисловодска, Эссентуков и т.п. На западе Области известен на р. Алаш источник, близкий по свойствам к источникам Железноводска (железистый).

Положение Области на границе Южной Сибири и Центральной Азии, особенности климата, строение рельефа и прочее наложили свой отпечаток на развитие почвенно-растительного покрова и животного мира. Различия существуют соответственно вертикальной поясности и широтного протяжения.

Почвы распространены в Области в общих чертах следующим образом: равнинные участки котловины, в частности Тувинской, покрыты светлокаштановыми почвами; более возвышенные части равнины и нередко

⁴ Существует предположение, что Саяны в настоящее время поднимаются; этим, в частности, объясняется постепенное опустынивание Западной Монголии. Сейсмические толчки наблюдали русские экспедиции в 1910-х гг. Наличие горячих источников, по видимому, связано с тектонической деятельностью в Саянах.

предгорья имеют темно-каштановые почвы. Черноземы идут прерывистой полосой в предгорьях северных склонов Танну-ола, по долинам некоторых притоков Каа-хема. Имеются они и на востоке Тувы.

Лесной пояс, северные и северо-западные склоны горных хребтов покрыты подзолистыми и выше линии лесов — горно-тундровыми почвами.

Черноземные и частично темно-каштановые почвы используются под богарное (неполивное) земледелие.

На территории Области произрастает около 1 400 видов разнообразных растений. На небольшом расстоянии друг от друга уживаются растения пустынь, степей, горно-таежных лесов, альпийских лугов и высокогорной тундры. Степи, как мы указывали выше, занимающие свыше $\frac{1}{3}$ территории Области, расположены в основном в котловинах. Степная растительность в долинах рек имеет богатый травяной состав. Чем дальше от рек, тем травяной покров беднее. В Убса-нурской котловине, где травостой характерны для сухих степей, имеются представители пустынь (карликовые ковыли, пырей и др.). Как правило, участки степей в предгорьях значительно богаче травой, чем прилегающая к хребтам степь.

В среднегорном поясе расположены основные массивы горной тайги, занимающей, как упоминалось выше, половину Области. Наиболее мощная, труднопроходимая хвойная тайга занимает восток и северо-восток Области. В центре Области и на западе преобладают более разреженные леса. Сибирская лиственница занимает свыше 60 % всех лесов Области, она доходит обычно до 1600–2000 м высоты над уровнем моря; сибирский кедр составляет 19 %, растет выше лиственницы, доходя до 1800–2000 м; сосна стоит на третьем месте, растет она до 1000 м. Ель, пихта являются постоянной примесью к лиственным и кедровым массивам. В среднегорном поясе преобладают смешанные леса (береза доходит до 1400 м, осина — до 1200 м).

Тайга богата различными видами ягод, дикорастущих кореньев — лук, черемша и т.п. Сильно развиты кустарниковые заросли, доходящие до нижней части высокогорного пояса.

Выше зоны лесов располагаются альпийские горные луга с богатым травяным покровом. Еще выше луга уступают место тундрам с мерзлыми заболоченными почвами, где растут мхи и лишайники⁵.

Относительная изолированность Тувы от смежных областей, пестрота климатических условий, древний возраст суши — все это создало условия для проживания разнообразного и многочисленного животного мира. В близком соседстве живут здесь представитель Крайнего Севера — северный олень — и житель знойных пустынь — верблюд, белая куропатка — представительница тундры — и дрофа — житель сухих степей.

⁵ Количество видов растений в ТАО значительно больше, чем в соседней Минусинской области.

В Туве имеется 240 видов птиц, 72 вида млекопитающих, 18 видов рыб и т.д. Степные пространства населены множеством грызунов (38 видов). Из 18 видов рыб 16 видов водятся в бассейне Енисея и лишь два вида (осман и губач) встречаются в реках за хребтом Танну-ола. Тайга населена пушными и мясными копытными животными (соболь, белка, горностаи, колонок, медведь, выдра и др., марал, северный олень, горные козлы, кабарга, местами лось и др.). Высокогорный пояс значительно беднее. Олений мох привлекает туда только северного оленя, да здесь же укрываются от лесных хищников детеныши кабарги и маралов.

Благоприятные природные условия позволяют акклиматизировать в Области новые ценные породы зверей.

Настоящая характеристика была бы неполна, если бы мы не упомянули вкратце о богатствах, которые таят в себе недра Области. В годы после образования ТНР и особенно после присоединения Тувы к СССР в Области произведены большие горно-разведывательные работы. Результаты этих работ полностью опровергают представления о горных богатствах Саян старых исследователей. Так, геолог [Л.А.] Ячевский (участник экспедиции полковника [Н.П.] Бобыря) в докладе-отчете на общем собрании Восточно-Сибирского отдела ИРГО 7 декабря 1887 г. сказал: «В отношении полезных ископаемых как северные, так и южные склоны Саян /Восточных. — Е.П./ удивительно бедны».

Однако на территории Тувы встречаются многочисленные древние горные выработки и места плавок рудных ископаемых. Древние рудокопы добывали здесь руду, плавил ее в примитивных печах, перекладывая слои руды древесным углем, расплавленная медь стекала вниз, а шлак оставался наверху. Следы древних плавок с остатками шлака, развалины плавильных печей встречаются в Туве во многих местах. Многочисленные древние выработки и места плавки свидетельствуют о широком понимании древними жителями Тувы металлических свойств рудных ископаемых. Территорию Тувы можно смело отнести к странам древней металлургии (Курочкин, 1953, с. 74).

В настоящее время в Туве найдены каменный уголь, цветные металлы, асбест и др. Многие из богатств уже разрабатываются. Мы привели все вышеизложенное с целью общего ознакомления с природными условиями, в которых трудится и строит новую жизнь тувинский народ. Различные природные условия в Области до самого последнего времени обуславливали различия в занятиях, быте населения. Эти различия складывались в течение длительного времени. На плодородных землях котловин население издавна занималось земледелием, используя для полива речную сеть территории. Следы древних каналов свидетельствуют об этом. В сухих степях издавна развивалось животноводство, причем в наиболее благоприятных в отношении кормов степях население разводило скот различных

пород. В этом отношении интересны степи и горы современного Эрзинского и Тесь-хемского районов, где природные условия так разнообразны, что население разводит оленей, верблюдов, коров, сарлыков, лошадей, коз, овец. Население горной тайги занималось главным образом охотой и в местах, богатых ягелем (Северные и Восточные Саяны, хребет [академика] Обручева), — оленеводством. Соответственно занятиям сложился быт населения — жилище, одежда, средства передвижения, пища и т.п.

При современном планировании социалистического хозяйства также учитывается своеобразие природных условий в микрорайонах Области.

Глава II

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ТАО

Выше мы указывали, что Саянский хребет являлся труднопроходимым для больших потоков племен и народов, проникавших с севера в Туву, южный хребет Танну-ола значительно более доступен. Поэтому Тува с древних времен принимала более активное участие в бурном историческом движении «мирового значения из Китая через обширный пояс степей и пустынь Южной Монголии» на запад, и значительно меньше и позднее отражалась на истории Тувы историческая жизнь Сибири. История населения тувинской территории сложная, и чем дальше в глубь прошлого, тем меньше имеет наука точных, достоверных сведений. Исследователи, специально изучающие историю тувинского народа, в настоящее время, подытожив скудные материалы, касающиеся этого вопроса, имеют возможность для древнего периода тувинской истории дать лишь общую схему исторических событий, протекавших на данной территории. Для более поздних периодов, начиная с монгольского завоевания (XIII в.), имеется значительно больший материал, и лучше всего освещены периоды с XVII в.⁶

Алтай и другие смежные с ними области Южной Сибири входили на положении подчиненной окраины в огромное варварское кочевое государство гуннов. Населяли тувинскую и смежные территории в то время древние южносибирские племена, которым китайцы дали имя дин-линов.

В I в. н.э. гуннская империя распалась. Вновь возникший союз монгольских племен сяньбийцев (Сиби ~ Шивейцы) захватывает власть в Се-

⁶ В настоящей справке нами привлечены материалы из работ историков по Южной Сибири и Монголии — [К.] д'Оссон[а], [В.Я.] Владимирцев[а], [В.В.] Бартольд[а], [А.М.] Позднеев[а], [В.Н.] Васильев[а], [Л.П.] Потапов[а], А.Н. Бернштам[а], [Г.Е.] Грумм-Гржимайло, [Н.Ф.] Катанов[а], [В.Л.] Котвич[а], [Г.Н.] Потанин[а] и ряд других; летописные материалы: «Сокровенное сказание», Рашид-ад-Дин и др. Включены материалы по истории Тувы, любезно предоставленные нам М.Х. Сейфулиным. Включены также и отдельные воспоминания стариков-тувинцев, передававшиеся от поколения к поколению в виде рассказов о старине, собранные нами во время поездок. Сведения по истории Монголии приведены нами в виду того, что, как нам представляется, связи Урянхая с Монголией были так длительны и тесны, что без них говорить об истории Урянхая, современной Тувы, невозможно.

верном Китае и затем вместе с китайцами и с помощью угнетенных гуннами племен, в том числе племен, населявших бассейн Верхнего Енисея, разгромил гуннов. Центр кочевий сяньбийцев находился в пределах современной Монголии, около границ с Маньчжурией.

Во II в. н.э. сяньбийцы захватили Южную Сибирь, и в том числе Туву. В последующие годы первой половины III в. н.э. власть сяньбийцев падает. В 235 г.⁷ из Северного Китая и соседних с ним областей их изгоняют тоба, основывающие в Китае свою династию Тоба (Соду)⁸. На территориях Западной и Северной Монголии и Южной Сибири сяньбийцы удерживаются дольше. На севере Монголии сяньбийцы держали власть до V в. В конце IV в. сяньбийцев здесь громят жужане (жуан-жуаны)⁹, возвысившееся племя, отколовшееся от того же союза племен. Центр нового союза племен, возглавляемого жужанами, находился в Восточной Монголии и Западной Маньчжурии, в районе Хинганских гор.

К V в. на Алтае усиливаются древние тюркские алтае-саянские племена (тукю). К середине VI в. тюрки занимают в Центральной Азии господствующее положение, образуют новое государство кочевников — I-й Тюркский каганат. Центр каганата располагается в долине р. Орхон. К 70-м годам VI в. границы Тюркского каганата дошли до Китая, Ирана, Византии. Территория Тувы захвачена ими в 553 г., господство их длится до 580 г. Однако, по всей вероятности, енисейские кыргызы и ряд других племен Верхнего Енисея не были полностью подчинены тюркским ханам, которые как в VI в., так и позже главными своими врагами считали енисейских кыргызов и их ханов, о чем упоминается в древних камнеписных памятниках.

Тюркский каганат не был устойчивым объединением племен, в конце VI в. он попадает в зависимость от Китая. К 630 г. Китай занимает всю восточную часть Тюркского каганата, в том числе Туву и соседние территории Алтая и Енисея.

⁷ По материалам М.Х. Сейфулина; [К.] д'Оссон — до 233 г. до н.э. (д'Оссон, 1937, с. 32).

⁸ Тоба-Соду (Sotous) (д'Оссон, 1937, с. 32). [В.Н.] Васильев отмечает, что тобасцы были известны с I в. н.э. Г.Е. Грумм-Гржимайло пишет, что хоры-тоба были оттеснены в бассейн р. Онона хуннами за несколько десятков лет до н.э. Здесь они размножились до большого союза из 99 больших родов. В III в. н.э. началось их продвижение к югу и в 261 г. они заняли Южную Монголию на запад от Ордоса (Хэтао). В 307 г. они объединились под одним ханом (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 444). В китайских источниках найден небольшой перечень слов тобаского языка. Академик P. Pelliot [П. Пеллио] считает их относящимися преимущественно к турецкому языку. Г.Е. Грумм-Гржимайло находит возможным отнести эти слова к общим для монгольского, так и турецко-татарского языков, считая предков тобасцев смешанного происхождения (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 175, прим. 14).

⁹ Европейское название их «авары». P. Pelliot [П. Пеллио] считал их монголами, [В.В.] Бартольд воздерживается от определения (Бартольд, 1928, с. 5).

В течение 50 лет китайского господства в VII в. на территории Тувы побывали китайские чиновники, путешественники, оставившие записи о древнем населении этой территории, в частности, о племени дубо, проживавшем на северо-востоке Тувы.

В 682 г. восточные тюрки совместно с другими племенами подвластными китайцам, восстают против их господства, создают второй тюркский каганат (с центром на р. Орхон), просуществовавший до половины VIII в., когда он был свергнут уйгурами. За все время своего существования тюркские ханы (I-го и II-го каганата) вели постоянную борьбу с народами, населявшими Туву и северные соседние территории (кыргызами, азами, чиками). Упоминание об этих народах содержат древние рунические надписи енисейских (VI–VII вв.) и орхонских (VIII–X вв.) памятников¹⁰.

В 709–711 гг. Тува, как и территория Хакасии, попадает под власть тюрков II-го каганата. В этой борьбе погибает сильнейший враг тюрков — кыргызский хан Барс-Бег. Однако союз кыргызов и других верхнеенисейских племен не распался. Возглавляемые новыми ханами, в союзе с уйгурами кыргызы и другие племена постоянно нападали на тюрков. Слабостью и Второго Тюркского каганата были постоянные междоусобные войны между тюркскими аристократами. Тюркский народ, несший на своих плечах все тяготы как внешних войн, так и внутренних распрей, также восстал против своих правителей. Господствующее положение в союзе племен, борющихся против тюркского каганата, занимают уйгуры. После победы над тюрками уйгуры образуют в восточной части Монголии Уйгурское ханство со столицей Кара-Балгасун (Орда Балык) на левом берегу Орхона¹¹. В середине VIII в. (750 г.) уйгуры завоевывают Монголию и частично территорию Тувы, однако, по-видимому, подчинив себе не все енисейские племена, так как в дальнейшем исторические источники в 758 г. упоминают вновь о захвате уйгурами. Считается, что на территории Тувы остались следы пребывания уйгуров. Это крепость на оз. Тере-холь¹² [прим. 1], а также предания группы тувинцев Ондар-уйгур, проживавшей на р. Кемчик в конце XIX в., о том, что их предки были уйгуры, населяли бассейн рек Кем (Улуг-хем) и Кемчика и впоследствии ушли в Тибет.

Господство уйгуров длилось около 100 лет. Уйгуры имели сильное влияние на северные саянские племена, в том числе на самоедо-кетоязычные, чему свидетельством является наличие в языках этих племен (в частности, в хорошо известном нам селькупском языке) большого количества

¹⁰ С VII–X вв. н.э. по енисейско-орхонским памятникам и китайским летописям стали известны народности кыпчаки, телесы, тюргеши, туба и др. (Потапов, 1953).

¹¹ Уйгуры считали р. Орхон своей первоначальной родиной (д'Оссон, 1937, с. 241, прим. V).

¹² [В.П.] Левашова — археолог Южной Сибири, как нам сообщил С.И. Вайнштейн, не считает крепость уйгурским памятником.

древнетюркско-уйгурских элементов, особенно в лексике. С уйгурского времени начинается процесс тюркизации этих племен, приведший впоследствии к полному исчезновению их языков. Енисейские кыргызы, выступавшие прежде в союзе с уйгурами против Тюркского каганата, попав в подчинение к уйгурам, начали борьбу с ними за свое освобождение. С 820 г. эта борьба принимает упорный характер, длится 20 лет и кончается в 840 г. разгромом уйгуров. Кыргызы заняли и столицу уйгуров Кара-Балгасун. Большая часть уйгуров ушла после поражения на запад, где во второй половине IX в. в Южной Джунгарии (территория современного Синьцзяна — КНР) образовали новое Уйгурское ханство.

Древние кыргызы известны по китайским источникам еще с 201 г. до н.э. под именем «гянь-гуны», «хагясы», «киликидзе». До вторжения гуннов древние кыргызы жили в Западной Монголии; центром их кочевий был район оз. Кыргыз-нур. В середине I в. до н.э. гунны оттеснили кыргызов на север, где они, перешедши р. Енисей, смешались с динлинами¹³. После победы над уйгурами кыргызы до IX в. владели территорией по Верхнему и Среднему Енисею. Середина IX в. — период расцвета их господства: кыргызы заняли огромную территорию от Красноярской тайги на север до пустыни Гоби на юге, от оз. Байкал на востоке до Иртыша на западе. Господство кыргызов длилось до начала X в. В дальнейшем это огромное кочевое государство распадается на самостоятельные части¹⁴ в результате борьбы с появившимся в Монголии древним племенем киданей (кара-китаев). Эти последние были известны по историческим источникам с I в. н.э. (Васильев, 1890). Они захватили Северный Китай, основали киданьскую (Ляо) династию (906–1125). В 924 г. кидане вытеснили кыргызов из Монголии, захватили Алтай, а в 1120-х гг. появились на Верхнем Енисее (киданьские топонимы в Западной Туве — р. Шуй в Бай-тайге. «Шуй» — киданьское слово «вода»).

В результате распада кыргызского государства многие племена, в том числе тувинские, входившие в кыргызский союз племен, получают самостоятельное существование, управляются своими племенными вождями.

После ухода кыргызов с Орхона и из Монголии начинают набирать силы, поднимаются монгольские племена, подчиняют себе различные тюркоязычные племена, образуют мелкие союзы-улусы. В XII в. в Монголии было несколько крупных племенных союзов-улусов, вожди которых стремились каждый к господству над другими [вождями]. Наиболее значительными были улусы татар, найманов, кераитов. Во главе улусов стояли ханы, вожди одного из племен, входивших в улус. При ханах

¹³ По материалу М.Х. Сейфулина.

¹⁴ Рашид-ад-Дин упоминает о самостоятельных государствах кыргызов и кемкемчжютов на Верхнем Енисее.

собирались вооруженные дружины из бойцов знатных родов, являвшихся опорой власти ханов. Вражда вызывалась стремлением захватить новые земли для растущего животноводства. Так, до начала XIII в. Алтай был под властью найманских ханов. С XIII в. история тувинского народа тесно связывается с монголами. Название «монгол» встречается в китайских летописях со времен Танской династии (618–907). Кочевья их предков до XII в. были где-то в северо-восточном углу современной Монголии и вряд ли заходили далеко на юг от р. Керулен (Котвич, 1914, с. 2). Имя их в те далекие времена было малоизвестно. Тюркские памятники называют их «татарами», под этим именем монголы были известны и народам Средней Азии. Китайские историки считали монголов лишь отраслью татар (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 170).

Рашид-ад-Дин не объединяет монгол и татар, считает их разными народами. Соседствуя с татарами, монголы то вступали с ними в борьбу, то заключали политические (но не родственные) союзы. Монголы были малочисленнее, терялись в массе татар, и лишь с 30-х гг. XII в. благодаря военным подвигам монгольского хана Хабула, победившего чжурчженей, забравшего в числе прочих все земли к северу от р. Керулен, этот народ получил в союзе племен главенство, и имя его стало известным. С 1147 г. хан Хабул (прадед Темучина ~ Чингиса) стал величаться императором монголов (Грумм-Гржимайло, 1933). Особо возвысились монголы с появлением Темучина, который объединил родственные поколения монголов и некоторые тюркские племена в единый союз. Создав сильное войско, Темучин завоевывает целый ряд народов, захватывает их территории. В 1200 г. он побеждает найманов, подчиняет себе Монголию. В 1206 г. на съезде подчиненных ему князей его провозглашают императором с чином Чингисхана. Через некоторое время Чингис дает своему народу официальное имя «монголы», прочно вошедшее с этого времени в историю. В последующий период Чингисхан и его сыновья продолжают захватнические войны. В 1207 г. Чингисхан посылает своего сына к лесным народам. Первым к Джучи явился с выражением покорности ойратский (западно-монгольский) хан Худука-беки со своими тумэн-ойратами. Он стал провожатым у Джучи и ввел его в Шихшит, то есть в Туву¹⁵. Во время этого похода Джучи подчинил в числе прочих народов тубасов и другие племена и подступил к тумэн-кыргызам (Сокровенное сказание, 1941, с. 174–175). Он принял под свою власть многие лесные народы — шибир, кесдиин, баит, тухас, тенлек, тоелес, тас и баджиш.

Впоследствии территория и население Тувы включаются в «собственный улус великого хана», то есть Чингиса. Однако она является самой беспокойной в этом улусе. Покоренные племена постоянно восставали

¹⁵ «Шихшит/Шишкит» — древнее название р. Каа-хем. Ныне — название ее притока.

против своих поработителей. Наиболее сильное восстание в 1217 г. вынудило Чингисхана возвратиться из похода в Китай для его подавления. Расправляться с непокорными племенами был послан Джучи, который жестоко подавил восстание.

В эпоху монгольских монархов совершались главнейшие передвижения племен в монгольской массе и в среде завоеванных народов. Нужно отметить, что среди скотоводческих монгольских племен были группы «лесных монгол», основными занятиями которых были охота и другие промыслы.

Некоторые из этих «лесных» племен были выведены в степи (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 171). Завоеванными землями управляли сыновья, родичи, военачальники Чингисхана. В 1228 г. после смерти великого хана власть перешла к его преемнику хану Угедю (Оготаю). Он закончил завоевания Северного Китая, построил на берегу р. Орхон (с помощью китайских мастеров) столицу Кара-Корум на месте старой резиденции уйгурских ханов¹⁶.

Угедей умер в 1241 г. После него ханы Гуюк и Мункэ продолжали завоевания. Преемник их хан Хубилай (Кублай) — внук Чингиса, брат хана Мункэ — объединил под властью монголов северный и южный Китай в 1271 г. и в 1230 г. основал там Юаньскую (монгольскую) династию. При нем Китай достиг максимального размера. Хубилай, как и три хана до него, не жил в Монголии. Он построил себе резиденцию на месте современного г. Пекина (1267). Хубилай много потрудился над усовершенствованием аппарата управления, распространением просвещения в завоеванных землях. С воцарением Хубилая начались смуты среди подчиненных ему князей-вождей племен, так как чингизиды отказались признать его законным монархом. Со времени Хубилай-хана отдельные ханы стали отходить от его подданства, огромная держава стала распадаться на улусы, которые становились самостоятельными ханствами.

В это время Алтай, Западная Монголия, Западная Тува и верхнее течение Оби принадлежали правнуку Чингисхана Хайду — непримиримому врагу хана Хубилая. Енисейские племена восставали против монголов, которые жестоко расправлялись с ними. Так, в порядке репрессии Хубилай-хан в 1275 г. насильно переселил часть енисейских кыргызов и других племен Верхнего Енисея в Маньчжурию.

В 1290 г. тувинские и хакасские племена вновь восстают; борьба длится 3 года. В результате монголы угоняют часть тувинцев в Юго-Восточную Монголию в 1293 г. Об их многочисленности свидетельствует существование до середины XVII в. в Южной Монголии особого княжества

¹⁶ На ее развалинах в 1586 г. был построен самый старый буддийский монастырь Эрдени-дзу (впоследствии здесь жил изгнанный из Китая Тогон-Тэмур).

уряныхайцев¹⁷, считавшихся отдельным народом, сохранявшим свой язык, часто беспокоивших монголов восстаниями. В царствование Хубилая на территории Тувы, Хакасии монголы организуют военные пахотные поселения с целью снабжения зерном монгольской армии.

Междоусобная рознь отдельных монгольских ханов за землю (так как границы уделов были не определены, а Хубилая и тем более его преемников как главных арбитров многие ханы не признавали) ослабила монгольскую державу. В 1368 г. китайский народ изгнал из своей страны монголов. Последний император Юаньской (монгольской) династии Тогон-Тимур (Тэмур) спасся бегством на северо-запад в Монголию. Монгольская династия пала. Под властью монголов (малых ханов) осталась территория собственно Монголии, часть Восточного Туркестана, небольшая часть Сибири (в том числе Тува). Возможно, что об этом последнем императоре сохранились в Туве слабые воспоминания.

Старик-тувинец (Кыргыз, 1887 г. рождения) Танзырын Тадаа из Эрзина рассказывал, что после войн Чингисхана все тувинцы разбежались со своих родных мест, жили «где попало». Китайский император Томур-Таганхан собрал этих людей—«охотников, ставших вовсе дикими», и велел им «безбоязненно возвращаться на свои родные места, не прятаться». Люди поверили Томур-Таганхану и пошли на свою родину (1955 г., июль).

После XIII в. за Саянами, в бассейне р. Тубы, образовались отдельные княжества из тувинских племен, выселившихся под натиском монголов из Восточной Тувы, и аборигенных. Господствующими в княжествах были племена тувинцев, данниками — древние самоедо-кетоязычные и другие племена: Маторы, Койбалы, Иргиты, Бай-котовцы и др. Все они называли себя «Тувалары», то есть «люди Тувы» (М.Х.Сейфулин. Рукопись, с. 37 [Сейфулин, 1954]).

С начала XIV в. группа западных монголов — ойраты (джунгары), дербеты, олеты и ряд других — во главе со своими местными ханами, центр кочевий которых располагался в бассейне Верхнего Иртыша (в Джунгарии), стала вести фактически самостоятельную политическую жизнь. После падения монгольской династии в Китае происходит окончательный разрыв между восточными и западными (ойратами) монголами, то есть между

¹⁷ До XIII в. название «уряныхайцы» применяли лишь к восточным тувинцам — «лесным жителям». О них писал Рашид-ад-Дин: «Уряныхиты постоянно пребывали в лесу», он же отмечал, что «в благополучный» век Чингисхана и его потомков территория уряныхайцев (уряныхитов) занималась монгольскими племенами, где первые смешивались с ними [В.В.] Бартольд по этому поводу отмечает, что как до походов Чингисхана, так и после них и теперь местностью, где монгольский элемент сталкивается с турецким, является область истоков Енисея (Бартольд, 1928, с. 17). Название «уряныхайцы» для всего населения Тувы в исторических источниках появляется с конца XIII в. Историк Тувы М.Х. Сейфулин объясняет этот факт выселением с запада территории Тувы большинства кыргызских племен, в силу чего усиливается влияние восточной группы тувинцев.

собственно монголами, во главе которых стояли потомки Тогон-Темура, и ойратами. Последние представляли собой союз четырех основных племен (дербет ойраты): Чорос, Хойт, Хошут и Торгут (племя Чорос впоследствии распалось на Зюнгар и Дэрбэт). Кочевья их находились в Джунгарии, между Алтаем и Тянь-Шанем ([М.И.] Райков). Ойраты жили обособленно от своих соплеменников, изредка встречались с ними в военных стычках. После падения монгольской династии происходит разрыв между восточными и западными монголами. Тува подпадает под власть западных монголов, которые с начала XIV в. фактически стали политически самостоятельными. В XV–XVII вв. западные монголы играют значительную роль в жизни Тувы. Между восточными и западными монголами происходят постоянные феодальные войны за пастбища, за власть. Первым поводом к этой борьбе¹⁸ было убийство монгольским ханом Эльбеком ойратского правителя (чинсанга) Хутхая. Сын последнего Угучи-хашига поднял западных монголов, убил Эльбека, захватил в 1399 г. земли восточных монголов. С этого времени роль ойратского союза племен возрастает. Некоторые историки Монголии период с конца XIV по середину XVIII в. называют «ойратским». Китайское правительство воспользовалось распрями между восточными и западными монголами, страшась нового объединения монголов, своих недавних врагов. Видя в западных монголах своих союзников, китайское правительство, поощряя их борьбу с восточными монголами, наделяло ойратских князей почетными титулами. Однако усиление ойратов также не входило в расчеты китайского правительства. И потому, когда ойраты стали одолевать восточных монголов, Китай, придя последним на помощь, способствовал в 1414 г. поражению ойратов. Они были отеснены далеко к западу от Керулена¹⁹. Но восточные монголы недолго имели перевес. В 1434 г. они вновь потерпели поражение от ойратов, во главе которых стоял талантливый вождь из дербетов Тогон-гайджи.

Время власти этого хана и его сына Эсеня — эпоха расцвета западных ойратов. Верхний Енисей был на стыке земель западных и восточных монголов, потому тувинцы несли все губительные последствия войн между ними, войн, длившихся 4 столетия. Население Тувы постепенно пришло к тяжелому экономическому упадку.

Восточные монголы вскоре вновь возвысились и наибольшей силы достигли при Бату-Мёнке-Даян-сэцэн-хане (1474–1543), объединившем Восточную и Южную Монголию, земли на запад от р. Цзабхан. Резиденция Даян-хана была в Кара-Коруме. Южной группой монголов управляли старшие сыновья Даян-хана. После смерти Даян-хана в 1544 г. (Восточная) Монголия как единое целое ханство перестала существовать. Даян-хан,

¹⁸ По летописям, Санан Сэцэн и Алтан-Тобчи.

¹⁹ Лю-цзюй-хэ.

разделив Монголию на отдельные уделы, передал власть своим сыновьям. Монголия разделилась на Северную — Халха Монголию, которая с соседними с ней территориями (в том числе с Тувой) отошла в удел младшего сына Даян-хана Гэрэсэнцзе, и Южную Монголию — уделы его старших братьев. Тува отошла к Гэрэсэнцзе (Гэрэсанци)²⁰. После его смерти этот удел был разделен на 3 аймака и 7 хошунов, по числу его сыновей. Три старших сына получили аймаки²¹ и стали аймачными ханами, остальные сыновья стали хошунными правителями, находившимися в вассальной зависимости от старших аймачных ханов.

Однако фактически младшие правители были независимы, так как аймачные князья во внутренние дела хошунов не вмешивались. Шестой сын получил два поколения — Тангут и Сартагул, седьмой, Отхон-нойон, получил одно поколение урянхайцев (Позднеев, 1883, с. 97).

Впоследствии ойраты вновь побеждают восточных монголов, занимают их столицу Кара-Корум. В 1552 г. внук Даян-хана выгоняет ойратов из захваченного ими Кара-Коруна.

Ханы Хара-кула и его сын Батур стремятся создать прочное государство, которое впоследствии получило название Джунгарского царства. С конца XVI в. важную роль в истории Тувы начинает играть образовавшийся в результате феодального дробления на Верхнем Енисее, в Халхе и части Западной Монголии восьмой отдельный хошун, ставший вскоре сильным феодальным княжеством, которое называлось русскими, ойратами и другими племенами Алтын-хановским. Основателем его был правнук Даян-хана — Шолой Убаши хун тайджи. В состав Алтын-хановского княжества входило небольшое число халха-монголов, кочующих в бассейне р. Тесь-хем в Кобдоском районе, хотогойты, алтайские и танну-ольские тувинцы (урянхайцы).

Через десятилетие восточные монголы проникают в Западную Монголию и на берегу Черного Иртыша наносят жестокое поражение племени торгоутов. Около 1577 г. Абатай-хан (внук Гэрэсэнцзе) вновь поражает ойратов, назначает над ними своего сына Субагатая. Победенные ойраты после смерти Абатая в 1586 г. восстали против захватчиков и убили Субагатая. Шолой-Убаши-хун тайджи (правнук Даян-хана)²² организывает поход восточных монголов на ойратов для мести за убитого Субагатая.

²⁰ В исторических документах Северной Монголии Гэрэсэнцзе был известен под именем Цзалаир хун-тайджи, «Цзалаир» — имя поколения его матери, жены Даян-хана (Позднеев, 1883, с. 96). Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечает, что в удел Гэрэсэнцзе входили территории за пределами Саян и Хангая (Грумм-Гржимайло, 1933, с. 173–174).

²¹ С начала XVIII в. эти 3 аймака стали именоваться Цзасакту-хановским, Тушету-хановским и Сэцэн-хановским.

²² Он владел хотогойтами, кочевавшими совместно с урянхайцами, у которых был свой правитель Сайн-мачжик (Позднеев, 1883, с. 104, прим. 4).

В 1587 г. ойраты разгромили восточных монголов. В конце XVI в. вновь быстро растет могущество ойратов (джунгар).

А.[М.] Позднеев пишет, что хотогойты и урянхаи заселяли дикую территорию вдоль северных границ западной и отчасти средней Халхи. Оба племени кочевали смешанно. По образу жизни отличались от халхасов. Они были «так же дики и угрюмы, как окружавшая их природа девственных и вековых лесов». Любимым их занятием была охота, которая доставляла главные средства к жизни. Скотоводством занимались мало. С раннего детства приучались владеть оружием: луком, копьем, «различного рода мечами». Хотогойты были воинственны, нападали постоянно на халхасцев-соседей, угоняли стада, брали в плен женщин (Летопись Эрденийн-Эрихэ, [Позднеев, 1883], с. 167–168).

Считались данниками Цзасакту-хана, но были самостоятельны, не подчинялись ему (1662 г. и позднее). Урянхайцев было большинство, и потому неслучайно это княжество часто называли урянхайским, а Алтынханов — правителями урянхайцев²³. Территория княжества Алтынханов менялась. Более постоянной была территория современной Тувы и часть Кобдоского округа современной МНР. В период расцвета территория этого княжества доходила от берегов р. Иркутка на востоке до Иртыша на западе, от Кобдоского округа на юге до Абакана на севере. Алтынхановское княжество формально считалось находящимся в вассальной зависимости от Цзасакту-хановского аймака Халхи, на деле вело самостоятельную политику, так как было далеко расположено от Халхаских владений. Алтынханы имели самостоятельную связь с Россией, Джунгарией, Китаем. Резиденция Алтынханов большей частью находилась у оз. Убса-нур, потому этих ханов называли и «ханы Убсинского округа».

В начале XVII в. исторические документы отмечают военные столкновения Алтынханов с ойратами. Борьба ойрат (джунгар) с Алтынханами ведется с переменным успехом. Сын первого Алтынхана (Шолой Убаши) Омбо Эрдени (Кункачей) добровольно дает присягу в подданстве России. В ставку Алтынханов неоднократно приезжают русские посольства (1616, 1618, 1636 гг. и т.д.)²⁴. Покровительство России было необходимо

²³ Например, у [П.А.] Словцова (Словцов, 1844, с. 207 и др.).

²⁴ Посольство антамана Василия Тюменца из Тарского города было первым к Омбо Эрдени (по Тюменцу — Ирденей Кунганчай). Тюменец оставил яркое описание пройденного пути, в частности «Табынской (Тувинской)» земли, быта и экономики Северо-Западной Монголии. С ним в Россию приезжали послы от Алтынхана.

Второе посольство в составе «бывалого человека», знавшего многие языки, Ивана Петлина и его товарищей было в 1618 г. Он тоже оставил описание своего путешествия, содержащее географические, экономические и этнографические сведения. Петлин достиг Пекина и первым дал его описание. С этого периода начались постоянные культурные и экономические связи России с Монголией и Китаем. Но связи эти существовали значительно ранее. Еще в XIII в. в древней столице монголов — Каракоруме — жили замеча-

Алтын-ханам как помощь в их борьбе с джунгарами. В 30-х гг. XVII в. джунгарский хан Кара-хула все же берет верх над Алтын-хановским войском, занимает долину р. Кемчик, и хан Омбо Эрдени вынужден бежать в Россию. Однако джунгар в это же время беспокоит казахская орда на юге, потому они вынуждены уйти с Кемчика, бросить все силы на борьбу с казахами. Кроме того, ойратские феодалы противились стремлению хана Кара-хула объединить джунгар, считали это посягательством на свою власть, и ойратский союз стал распадаться. По поводу этого в 1608 г. Телютский князь сообщает русским властям²⁵, что «ойраты не только с Алтын-ханам урянхайцев и казахьей ордой (то есть с казахами) в войну вмешались, но и сами между собой не в согласии, некоторые же улусы от них отпали». Так, племя торгоутов ушло на запад в Приволжские степи, где стало известно под именем калмыков, племя хошоутов — на юго-восток в Алашань и Кукунор, подчинило себе Центральный Тибет, и князь хошоутов Гуши-хан способствовал переходу власти в Тибете в руки духовенства-ламаистов в лице далай-ламы.

Монголы еще ранее того стремились закрепить свою власть распространением ламаизма. Аратам, одолевавшим ламские молитвы, в поощрение выдавали коней и коров. В начале XVII в. началось распространение просвещения, монгольской письменности и в Халхе.

Несмотря на внутренние распри, связь между ойратскими племенами поддерживалась. Причиной этому являлось усиление и приближение с востока маньчжуров. В 1640 г. глава ойратского союза Батур-хун-тайчжи созвал съезд ойратских князей. На съезде был составлен «Кодекс степных законов», имевший целью через установление порядка внутри ойратского союза обеспечить внешнюю его безопасность. На [В] этом съезде приняли участие и халхаские князья, видящие и для себя опасность в лице могущественных маньчжур, понимавших необходимость сплочения монголов. Объединение маньчжуров и образование феодально-монархического государства происходит в XVI–XVII вв. В начале XVII в. маньчжуры начинают завоевательные походы. В 1639 г.²⁶ маньчжуры разбили войска вождя наиболее сильного племени южных монголов — чахаров Ликдан-хана, помогавшего китайцам в охране границ и доставлявшего им коней для армии, и оккупи-

тельные русские мастера и ремесленники. Первые путешественники в Монголию и Китай из Западной Европы уже застали там русских. Вполне вероятно, что в те времена в Монголии бывали русские князья и послы (Банников, 1949, с. 8).

²⁵ Василию Шуйскому, при котором была предпринята попытка вступить в сношения с Монголией и Китаем. Причиной неудачи и были указанные войны ойратов с Алтын-ханам, благодаря которым русским казакам «иттить к Алтын-хану нельзя» (Банников, 1949, с. 8).

²⁶ [А.М.] Позднеев в «Летописи Эрденийн эрихэ» дает 1634 г. (Позднеев, 1883, с. 124).

ровали Южную Монголию. Затем маньчжуры захватили Китай и установили маньчжурскую Циньскую (Дайцинскую) династию. Часть северных монголов добровольно отпадает от Халхи и переходит в монгольское подданство. В основном же северные монголы (Халха) еще некоторое время сохраняют номинально независимость, поддерживают с маньчжурами полудружественные отношения.

В 1653 г. маньчжуры устанавливают границу между Северной (Внешней) и Южной (Внутренней) Монголией²⁷. В 1664 г. они ставят на границе постоянные караулы. В это же время в Западной Монголии и в Туве происходят следующие события. После того как джунгары ушли с Кемчика, Алтын-хан Омбо Эрдени возвращается с севера на р. Кемчик.

Желая укрепить свое ханство, Омбо Эрдени и его сын Лопсан предпринимают ряд набегов на север в Минусинский край, грабят, разоряют северные тубинские и другие племена, облагают их данью. Опасаясь своих врагов, джунгар на юге и кыргызов на севере, хан Лопсан²⁸ вновь приносит присягу России, просит помощи в борьбе с неприятелем, просит построить крепости-остроги в Минусинском крае и т.п.

Несмотря на присяги России, связи и отношения данства между тувинцами и другими племенами и русскими в это время не установились. Россия в этот период была мало заинтересована в этой своей окраине, важно было лишь, чтобы на границе ее не было беспокойных набегов²⁹.

Русские войска с целью охраны малых подчиненных им племен Южной Сибири, укрепления своих южных границ в начале XVII в. подходят к Верхнему Енисею. Сношения русского правительства с Алтын-ханами с 60-х годов XVII в. прекращаются. Постоянные нарушения этими ханствами присяги, двуличные уверения в преданности показали русскому правительству корыстную суть политики Алтын-ханов. Тува в это время попадает в положение между двумя могущественными державами — Россией и маньчжурским Китаем, ее территория является ареной ожесточенной борьбы джунгар, Алтын-ханов и северных монголов. С 1667 г. Тува переходит из рук в руки: то к джунгарам, то к Алтын-ханам. В 1681 г. халхаский цзасакту-хан нападает на алтын-хана Лопсана, отбирает его земли, в том числе и Туву. Лопсан убегает к джунгарам. Джунгары в этот период развивают свои захватнические планы. Честолюбивый, энергичный глава джунгар Галдан бошокту-хан в союзе с другими вассальными князьями захватывает Восточный Туркестан, доходит до Ферганской долины

²⁷ Современная автономная область КНР.

²⁸ Хан Лопсан (Лобцан, Лоузан, Эренчин Лубсан тайджи) еще при жизни отца (Омбо Эрдени) был назначен правителем хотогойтов. В 1655 г. он считался одним из восьми главных правителей цзасаков, утвержденных маньчжурами в Халхе (Позднеев, 1883).

²⁹ Тува впервые была занесена на русскую карту в 1667 г., составленную П.И. Годуновым по указу царя Алексея Михайловича (Леонтьев, 1955, с. 50–52).

(1679–1683). Учитывая слабость Халхи (где в этот период происходят споры и раздоры между удельными феодалами, где процветал ламаизм, была слабо развита военная организация, полностью отсутствовало единение и сплочение феодалов), джунгары решают захватить ее.

Подготавливаясь [Готовясь] к нападению на Халху (собственно на маньчжуро-китайцев — ее защитников), Галдан бошокту-хан организует союз с Лопсаном, возвращает в 1681 г. ему титул Алтын-хана и его земли. Но земли эти находились в зависимости от цзасаку-хана, поэтому Лопсан предпринимает поход на этот аймак, но терпит поражение и убегает к Галдан-хану. Последний помогает ему в дальнейшей борьбе с халхасцами. В 1688 г. Галдан-хан подчиняет себе часть халхаских и кыргызских кочевий. Халхаские феодалы убегают к маньчжурам.

Все земли Алтын-ханов, в том числе Западная Тува, попадают под власть джунгар, Алтын-хановское княжество фактически перестает существовать.

Л.П. Потапов отмечает, что в период господства джунгар усилились феодальные войны между тюркскими племенами. Племена и роды на Саяно-Алтае расходились, дробились, смешивались между собой. В 1651 г. часть тоджинцев, саянцев и мингатов, кочевавших в верховьях Енисея и по р. Кемчик, оказались на Алтае на р. Катунь вместе с телесами в ведомстве монгольского князя Матур-тайши (Потапов, 1956). В то же время алтайские теленгиты селились на территории Тувы, по р[екам] Кемчику и Барлыку (в Бай-тайге), о чем помнит современное население.

В начале XVIII в. (1703 г.) часть енисейских кыргызов, северных тувинских племен, переселившихся в Засаянье с начала XVII в., спасаясь от войн и разорения, приходит обратно в Туву; енисейских кыргызов джунгары насильно переселяют в это время в Семиречье, но часть их оседает в Туве. Северные тувинские племена возвращаются на родину. Л.П. Потапов считает, что эти переселенцы (енисейские кыргызы) в Туве явились предками групп тувинцев Кыргыз и Сарыглар (Потапов, 1956). В XVII в. окончательно оторвались от общей массы тувинских племен и слились с другими народами «иртышские урянхайцы», общее число которых Г.Е. Грумм-Гржимайло определил в бассейне Черного Иртыша в 11 сумонов (Грумм-Гржимайло, 1926, с. 19). В это же время утратили связь со своими сородичами «тункинские сойоны» (Иргиты).

В 1690 г. армия Галдан бошокту-хана приближалась к Пекину (не дошла 200 км). Император Канси посылает большое войско, вооруженное огнестрельным оружием — пушками. Маньчжуро-китайская армия разбила войско Галдана. Он бежит в Западную Монголию, но не доходит до своих земель, кочует в районе р. Кобдо, где в 1693 г. застает его русский посол Матвей Юдин. Халхасцы, отогнанные Галданом со своих кочевий, после победы маньчжуро-китайских войск, вновь расселяются на возвра-

ценных им маньчжурским правительством землях. В 1685 г. по настоянию маньчжурского правительства проводится съезд монгольских (халхаских) князей (Бельчирский сейм), где под воздействием делегатов съезда состоится примирение главных виновников распрей в Халхе, Цзасакту и Тушету-ханов. На этом сейме Гендун-тайчжи назначается правителем хотогойтов, не имевших после смерти Лопсана вождя. В 1688–1691 гг. халхаские феодалы принимают маньчжурское подданство. Халха входит в состав Дайцинской империи. Для прекращения постоянных феодальных распрей в Халхе, повышения экономического состояния населения, низкий уровень которого и вызывал споры и грабежи, состояние разрозненности, а следовательно, и слабости Халхи, китайское правительство предпринимает ряд мер к внутреннему устройству Халхи, вплоть до передела хошунов, переименования титулов-чинов и т.д. В 1690 г. с этими целями созывается новый съезд монгольских князей (Даян-норский сейм) (Позднеев, 1883, с. 186).

В 1695 г., собрав свежие силы, Галдан-хан вновь двигается на восток, занимает район р. Керулен. Новая угроза джунгарского нападения на Китай вызвала специальный поход императора Канси. На р. Толас произошло ожесточенное сражение между джунгарскими и маньчжурскими войсками. Галдан-бошокту-хан был разбит, потерял много воинов убитыми и спасся в верховьях Иртыша. Маньчжурские войска заняли все земли до хребта Танну-ола. Борьба джунгарских князей с маньчжурами еще длилась долгое время. В 1697 г. Галдан бошокту-хан умер. Часто период войн Галдан бошокту-хана зовут «период смут Галдана».

После смерти хана Галдана его брат Севен-рабтан, захвативший власть над землями Галдан-хана во время походов последнего на Халху, стремится к воссоединению ойратского союза. Накопив силы, он совершает поход в Тибет. В его войсках много тувинцев, входивших в передовые отряды. Двухлетняя война с Тибетом окончилась неудачно для джунгар. Хотогойтские Алтын-ханы Гендун-тайши и сын его Санжин-Сенге отпадают от джунгар, переходят к маньчжурам в Халху и бьются против тувинцев и джунгар. За это маньчжуро-китайские правители возвращают им Южную Туву и Кобдоский район.

После войн князей Галдана и Севен-рабтана тувинцы оказались разделенными на части. Одни с хотогойтами под руководством Алтын-ханов подчинились маньчжурам, другие остались с джунгарами, третьи, не признавая ничьей власти, кочевали самостоятельно на широкой территории от рек Улуг-хема (Кема) и Кемчика до р. Или. Бродячие воинственные группы урянхайцев (тувинцев) нападали на халхасцев, постоянно их беспокоя. Маньчжуро-китайские власти считали своим долгом защитить своих данников-халхасцев, усмирить урянхайцев. Нужно отметить, что во время джунгаро-маньчжурских войн тувинцы всегда помогали джунгарам.

По-видимому, здесь играли роль не только политические соображения, но и сознания родственности [родственные отношения].

Остановимся на этом вопросе. В.Я. Владимирцев утверждал, что с конца XII в. началось обособление языка западных монголов под воздействием языка тюрков, не коснувшегося языка восточных монголов. Г.Е. Грумм-Гржимайло, возражая В.Я. Владимирцеву, считает, что ойраты-джунгары по своему происхождению не были родственны тому племенному комплексу, для которого монгольский язык был родным. Рашид-ад-Дин утверждал, что ойраты были народом турецкого корня, хотя и говорили по-монгольски. Они были в родстве с уранга, и этого родства джунгары не забывали. Летопись Цзасакту-хановского аймака говорит, что маньчжуры постоянно опасались возмущений со стороны урянхайцев, живших в Халхе, которые по одному родству своему легко могли войти в связи с джунгарами. Г.Е. Грумм-Гржимайло высказывает предположение, что в этом и следует искать причину переселения императором Хубилаем (см. выше) подвластных ему урянхайцев с Енисея на восток. Близкое соседство ойратов — подданных хана Хайду — и урянхаев было угрозой спокойствию на западных границах Монголо-китайской империи.

В 1715 г. Алтын-хан Бубей, ставший в 1703 г. помощником цзянь-цзюня в Цзасакту-хановском аймаке, управлял землями бывшего Алтын-хановского княжества, потому по традиции носил этот титул, предложил маньчжуро-китайскому правительству усмирить беспокойных тувинцев. Он нападает на влиятельного урянхайского князя Хурулмая, насильно переселяет его на р. Тесь. Однако Хурулмай со своими людьми бежит обратно на Кемчик. Бубей вновь возвращает Хурулмая в свой хошун на р. Тесь. Это и был весь результат его войны с урянхайцами.

В 1707 г. маньчжуро-китайские войска нападают на Туву, забирают в плен тувинского князя Лопсан Ширапа и его народ и переселяют в местность Хан-ула, где тщательно их охраняют.

В 1720 г. маньчжуро-китайские войска вновь нападают на Туву, грабят пограничные районы, уводят в плен свыше 400 человек. Лопсана Ширапа с его людьми переселяют далеко на юг, в Южную Монголию (в Чахарские степи). Через год пленный тувинский князь со своим народом восстал и сделал [предпринял] попытку вернуться на родину, но был задержан маньчжуро-китайскими солдатами. Другая группа пленных тувинцев во главе в Хурулмаем вновь уходит на Кемчик. Однако Бубей со своими людьми врывается в Туву, казнит Хурулмая и всех его товарищей.

В это время маньчжуро-китайское правительство основывает в Монголии первые города-крепости. В 1718 г. строится город Кобдо (в 1730 г. — крепость в Кобдо), а в 1733 г. — г. Улясутай. Пограничная полоса с Тувой находится на военном положении. Сюда поселяют маньчжуро-китайских военных поселенцев, обязанных растить хлеб для армии. Китайское

правительство крайне беспокоит упорное сопротивление тувинцев и джунгар.

В 1729 г. маньчжуро-китайское правительство направляет против тувинцев и джунгар две армии, которые около оз. Даян-гол терпят поражение.

В 1731–1732 гг. джунгары и тувинцы вновь организуют поход на Китай. Китай вынужден заключить мир с Джунгарией, опасаясь союза последней с Россией.

Постоянные войны чрезвычайно тяжело отзываются на населении не только Тувы, но и Халхи. Начинается массовое переселение северных монголов в Россию. Некоторые халхасские феодалы поднимают вопрос о присоединении Северной Монголии к России. С 1730 г. туда переселяются 3 829 семей из Сэцэнхановского аймака Халхи, затем уходит целый Баргутский хошун, состоявший из 8 сумонов. В 1745 г. монгольский феодал Сундуй Доржи нападает на Туву, захватывает в плен 445 семей тувинцев в компенсацию и переселяет на Тесь-хем как своих крепостных.

В 1755 г. русское правительство получило прошение о переселении еще 100 тыс. монгольских семейств. Тяга к России у народов была велика. В ней они видели защиту от непрерывных междоусобных войн, в которые втягивали народ феодальные князья, истребляя население. После смерти джунгарского князя Севен-Рафтана между джунгарскими князьями, которых сдерживали сильные ханы Галдан и его преемники, стремившиеся к объединению джунгар, видевшие в этом объединении их силу, разгораются вновь споры, распри, убийства за власть. В это время (1745 г.) выделяется джунгарский князь Амурсана (Амурзан ~ Амыр-сана). Он решает обратиться к маньчжуро-китайским властям, чтобы с их помощью забрать всю Джунгарию в свои руки. Китайские войска с его помощью оккупируют Джунгарию. Но Амурсана назначается лишь помощником губернатора (цзянь-цзюня) Илийского края.

Так, в 1758 г. джунгарское государство пало, вся Монголия отошла под власть маньчжуро-китайского правительства.

В этот период Алтын-ханы все еще продолжают существовать, хотя территория их княжества раздроблена и роздана монгольским князьям. В середине XVIII в. выделяется внук Бубея алтын-хан Ценгун-Джап (Шидерван). Он решает на борьбу с маньчжурами. Управитель Сайн-нояновского аймака³⁰ Халха Монголии помогает Ценден-джапу в 1754 г.

³⁰ Сайн-нояновский аймак в Халхе (4-й, до этого были Цзасакту-хановский, Тушету-хановский и Сецен-хановский), не подчиненный Тушету-хану, образовался в 1725 г. Еще сын Нунуху-Тумэнкин, подчинявшийся Тушету-хану, кочевавший со своими людьми по р. Тамир, получил титул Сайн-нояна от далай-ламы за усердное распространение у себя учения Цзонхавы (ламаизма). Этот титул породил особое уважение к нему и его потомству. Титул этот не был закреплен за потомством, они не были самостоятельны и еще в 1648 г.

совершить нападение на Туву и захватить Кемчик. Так образуется в Туве Бейсе хошун в составе 17 сумонов тувинских аратов, которые до 1911 г. оставались данниками Сайн-нойон-хана.

В 1755 г. вся Тува была вынуждена признать власть маньчжурской династии. Однако тувинцы не считались покоренными. На западе Халхи, в Монголии и Туве уже в 1756 г. вспыхивает восстание под руководством Ценгун-Джапа. Центром восстания была Тува. Борьба длилась около года. Об этом восстании у тувинцев сохранились легенды, в частности былина «О великой ночи», обработанная И.Г. Сафьяновым [прим. 2]. Маньчжуры жестоко подавили восстание. Ценгун-Джап был схвачен, увезен в Пекин и казнен. В Туве после оккупации ее маньчжурами и после разгрома тувинцев восстания продолжают. Так, например, в 1763 г. кемчикские араты восстают под руководством нойона Хукшина. Восстание подавлено монголами при помощи дербетских феодалов. В 1771 г. Амурсана, недовольный своим положением, поднимает восстание джунгар против маньчжуро-китайских захватчиков, изгоняет их с земель ойратов и становится ханом Джунгарии. Маньчжуро-китайские власти сообщают в Пекин о возрождении джунгар, и правительство уже в 1776 г. высылает большую армию, которая громит джунгар. Много гибнет и тувинцев.

Последний ойратский князь Амурсана с 10–20 тыс. джунгар бежит в Россию, где вскоре умирает. Маньчжурские карательные отряды произвели страшные опустошения в джунгарских землях. Эти опустевшие земли заняли отчасти кыргызы, отчасти торгоуты, ушедшие в 1771 г. с Волги на старую родину и принятые маньчжурами.

В это время от основной массы тувинцев были оторваны [отрезаны] и оттеснены на юг часть так называемых алтайских тувинцев. Еще в XVII в. они занимали территорию бассейна Черного Иртыша до устьев р. Бухтармы. Позднее они были угнаны в район Тесь-хема. Еще в XIX в. эти тувинцы сохраняли свой язык, называли себя «саин», кочевали от р. Кобдо Черного Иртыша (Кара Ирциса) (Позднеев, 1896, с. 363). [А.М.] Позднеев в 1892 г. пишет, что они делились на 7 хошунов и 28 сумо. До 1907 г. подчинялись Кобдоскому Хэбей амбыню. Составляли 25 % всех тувинцев. Иные омонголились, живут в западной части МНР.

С 1759 г. для управления захваченными землями резиденцию губернатора цзянь-цзюня переносят в г. Улясутай. Цзянь-цзюнь подчинялся «Ли фань юаню» — «Палате внешних сношений», управлявшей всеми колониями Китая. Для управления монголами и тувинцами было издано по приказу императора специальное «Уложение Палаты внешних сношений».

входили нераздельно с Тушету-хановским аймаком в состав Восточной Халхи. И лишь в 1725 г., когда правитель Сайн-нояновского аймака получил титул своего деда Туменкина (Саян-ноян) аймак был выделен как самостоятельный (Позднеев, 1883, с. 88 и др.).

Сначала цзянь-цзюни управляли лишь военными делами в колониях, впоследствии им была дана полная власть, цзянь-цзюни были монголами, последующих назначали лишь чистокровных принцев императорской семьи маньчжуров (желтопоясников).

С начала XVIII в. в Монголии усиливается роль духовенства. Особую роль в этом деле сыграл глава ламаистов — Ундер-геген (Богдо-геген, Чжебцун-дамба-хутухта), главный сторонник подчинения Халхи китае-маньчжурским правителям. В конце XVIII в. ламаизм проникает и в Туву. Первый хурэ строится в 1770 г. Главы ламаистской церкви в Туве и Монголии назначаются из Тибета.

В 1759 г. производится административное деление Тувы. Здесь маньчжуро-китайские захватчики действуют привычным методом, испытанным ими во всех захваченных колониях, а именно — дробят уделы, чем ослабляют, ограничивают власть местных феодалов. Так, например, было в беспоконной Халхе. В начале XVII в. в ней было всего 7 княжеств-хошунов, в 1690 г. существовало уже 24 хошуна, а в 20-х гг. XVIII в. их число дошло до 72.

Земли танну-уряньхайцев, лежащие между Саянским хребтом и Танну-ола, были отделены от монгольских кочевий линией халхаских караулов, расположенных по южному склону Танну-ола. Эта линия была поставлена после разграничения земель между Россией³¹ в Северной Монголии монголами по распоряжению маньчжурского правительства по всей северной границе Монголии с Россией и Урянхайским краем. С этой целью соседним поселением выделялось известное количество семей, которые обслуживали определенные пограничные пункты. В распоряжение караульных была отведена пограничная полоса монгольских кочевий, шириной до 40–50 верст, так что пограничный район представлял собой довольно обширную территорию. Караулы были двух родов: «гэрь хараул» (от «гэрь» — дом) и «мори хараул» (от «мори» — конь). В первых солдаты жили постоянно с семьями и стадами на определенном месте. Многие жили там всю жизнь, не возвращаясь в свои хошуны. На «мори хараулах» солдаты назначались на срок, по истечении которого они возвращались домой. «Гэрь хараулов» было мало. Солдаты, жившие постоянно, занимались скотоводством и, где это было возможно, земледелием. Где природные условия для земледелия были неблагоприятны, там солдаты добывали зерно, муку путем обмена с земледельческим населением. Например, на караулах от Косогила земледелия не было, и потому муку на эти караулы завозили с Улуг-хема от тувинцев-земледельцев (Потанин, 1881, вып. II, с. 45).

В 1911 г. после объявления независимости Монголии ввиду дружественных отношений монголов с Россией караулы были сняты и земли их

³¹ 1727 г. Буринский и Кяхтинский трактаты.

отданы соседним хошунным князьям. Хотя население Урянхая было отделено караульной линией от Монголии и говорило на тюркском языке (кроме дархатов около оз. Косогол), край этот был тесно связан в административном отношении с соседними монгольскими территориями, потому в китайских источниках он причисляется к Северной Монголии (входил в состав Внешней Монголии).

Путем реформирования бывших княжеских уделов в Туве сперва были образованы 6 больших хошунов и несколько управляемых отдельно сумонов. Основной административной единицей при маньчжуро-китайских правителях и в Монголии, и в Туве был хошун. Различие тувинских хошунов, сумонов и т.д. от монгольских заключалось в том, что в других своих колониях маньчжуро-китайские власти, сохраняя черты прежнего строя, придавали ему военный характер, то есть хошун, сумон и т.д. были в то же время военными единицами, обязанными выставлять определенное число воинов-латников, например сумон — 150 человек. Тувинцев маньчжуро-китайское правительство освободило от военной повинности как не пользующихся доверием за свою строптивость, и поэтому хошуны, сумоны и другие административные единицы тувинцев не были в то же время военными единицами.

Наибольшим из первых шести хошунов Тувы был Кемчикский хошун, занимавший территорию от р. Элегест до хребтов Сайлюгем, состоял он из 27 сумонов, был оставлен в ведении Сайн-нойоновского аймака Халха-Монголии. Тесенгольский (или Оюннарский) хошун располагался на восток от р. Элегест по обоим склонам Танну-ола. Третий — Салчакский (Хемгольский) — хошун занимал юго-восток Тувы, четвертый — Тоджинский (или Тоджи-норский) — северо-восток Тувы. Хасутский (Хубсугольский) хошун занимал район оз. Косогол. Последние четыре хошуна управлялись своими хошунными правителями (ухеридами) и подчинялись Улясутайскому цзянь-цзюню. Кроме того, был организован хошун Да-вана, расположенный к северу от Тесенгольского (Оюннарского), который состоял из двух сумонов — Мааду и Чооду. Подчинялся этот хошун Цзасакту-хановскому аймаку Халха-Монголии.

Отдельные сумоны: Шалык сумон, к востоку от оз. Убсанор, Сартул сумон³², к югу от Оюннарского хошуна, — и еще несколько незначительных тувинских сумонов подчинялись отдельным монгольским феодалам. Точных границ между сумонами и хошунами не было. Население кочевало смешанно. Население хошунов было неравномерным. Так, Кемчикский хошун, занимавший сравнительно небольшую территорию, имел 16 тыс. населения, а Тоджинский, с территорией более ½ всей Тувы, имел 2 тыс. населения.

³² К 1865 г. эти сумоны вместе стали считаться одним хошуном.

В дальнейшем в 60-х гг. XVIII в. Кемчикский хошун был разделен на части: восточную из 17 сумонов «павлиньих перьев»³³, образовавших Бейсе хошун³⁴, и западную — из 10 сумонов, образовавших Гун хошун. В 1809 г. Гун хошун был передан в ведение Тувинского аймака, стал именоваться Да хошуном³⁵. В 1762 г. для облегчения управления из Тесенгольского, Салчакского³⁶, Тоджинского³⁷, Хасутского³⁸ хошунов был образован отдельный Тувинский аймак с центром в местности Самагалтай. Правитель Тувинского аймака подчинялся улясутайскому цзянь-цзюню и назывался сначала «буддун тарга», а позднее — «амбынь-нойон». Первым амбынь-нойоном был назначен халхасец Маданжап, следующие за ним амбынь-нойоны также назначались из халха-монголов. Лишь в 1787–1789 гг. амбынь-нойоном был тувинец Тажи-нойон Тесен-гольского хошуна, отличившийся перед маньчжурами подавлением восстания тувинских аратов в 1756 г.

Амбынь-нойон разрешал все вопросы, возникавшие между правителями отдельных: хошунов, касающиеся территории всего тувинского аймака, не вмешиваясь во внутренние дела хошунов. Под руководством амбынь-нойона собирались Хуралы — съезды в местности Оттуг-таш или Хем-бельдыр (на месте современного г. Кызыла), куда съезжались все правители и чиновники. Все расходы по управлению аймаком и прочее нес народ хошуна амбынь-нойона. Позже китайский император разрешил привлекать к покрытию этих расходов всех правителей хошунов и сумонов Тувы.

Во главе каждого сумона стояли чиновники — «чаңгы» («джалга») ³⁹ и «сумон тарга». Сумоны разделялись на арбаны, во главе которых стояли старосты. Власть сумонных начальников была наследственной, власть старост — выборная.

³³ Так иносказательно назывался сумон, так как на головных уборх сумонных начальников было украшение — павлинье перо — «одага».

³⁴ Он располагался до устья р. Джиргана, назывался тувинцами «Үстү» (верхний) хошун.

³⁵ Наименования хошунов «Бейсе, Да-ван, Гун» давались по чину владельца хошуна. Сообразно заслугам перед правительством маньчжуро-китайские власти давали удельным князьям почетные титулы — китайские «ван» и «гун» и маньчжурские «бейлэ» и «бэйсэ». Эти названия хошунов в Туве показывают, что ставленники маньчжур — правители тувинских хошунов были в почете у Китае-маньчжурского правительства, по-видимому, своими действиями по умиротворению беспокойных тувинцев. Да хошун тувинцы называли «Алды» хошун (нижний) или Монгуш хошун.

³⁶ Этот хошун тувинцы называли еще Пурунгар хошун.

³⁷ Он же — Тангусский хошун, по материалам полковника [Н.П.] Бобыря.

³⁸ В начале XIX в. этот хошун стал непосредственно управляться Улясутайским цзянь-цзюнем.

³⁹ В Бейсе хошуне и Да хошуне названия сумонных начальников были различны. В первом их называли «чайзан» и «темичи», а во втором — «чаңгы» и «хунду».

Старики тувинцы, вспоминая, рассказывали о прежних «выборах» арбанного начальника («арбан тарги»). Собирали всех жителей арбана по списку. На собрании присутствовало сумонное начальство («сумон чаңгы»), которое рекомендовало кандидата — «арбан тарга». «Люди всегда того и выбирали, кого намечал сумон чаңгы. Плохой ли, хороший ли, мы всегда выбирали». Кандидатом бывал всегда «бай кижы» — богатый человек. Выборы понимались как приказ, кого назначил сумон тарга, тот и становился «арбан тарга». Главной обязанностью «арбан тарги» был сбор албана, ундуруга и других поборов. Если он «жалел людей», плохо собирал поборы, его быстро сменяли, выбирали другого. Таким образом, «арбан тарга» выбирался на неопределенный срок в зависимости от «качества» его работы. Если у арата не было средств отдать требуемое, «арбан тарга» приговаривал его к пыткам и наказаниям. «Арбан тарга» был и судьей. Иными словами, ему предоставлена была полная власть над трудящимся населением арбана. Араты обслуживали и его хозяйство по очереди. Помогали при перекочевках, стрижке овец, пашне, сборе урожая, уходу за скотом.

К 1865–1899 гг. выделился из среды правителей Тувинского аймака амбынь-нойон Ульзей очир (Ульзей чир), сумевший поднять авторитет амбынь-нойонов. Он активно вмешивался во внутренние дела хошунов. Его часто называли «правителем девяти тувинских хошунов». В годы его правления усилилось национально-освободительное движение среди тувинцев. Своего предела оно достигло в восстании «60 богатырей» [прим. 3]. После него власть амбынь-нойонов падает, управители хошунов стремятся приобрести все большую независимость, открыто вступают в борьбу с амбынь-нойонами.

В начале XX в. на Кемчике выдвигается нойон Да хошуна Хайдуп. Он стремится объединить под свою руку всю Туву. Для начала добивается непосредственного подчинения своего хошуна Улясуаю. В 1908 г. подчиняет себе соседний Кемчикский Бейсе хошун. Стремясь к власти, Хайдуп предпринимает шаги по изгнанию из Тувы многочисленных, проникших уже к этому времени в Туву русских купцов и промышленников. Этим создает острый конфликт с Россией, обратившейся к маньчжуро-китайскому правительству с просьбой защиты своих граждан. Китайское правительство, опасаясь России, вынуждено было снять Хайдупа и отдать его под суд.

В 1911 г. национально-освободительная борьба в Китае против маньчжурских захватчиков, усилившаяся после Первой русской революции 1905 г., завершилась государственным переворотом. Маньчжурская династия была свергнута. Монархия сменилась республикой. Южные монголы были присоединены к республике. Северная Монголия сразу после революции провозгласила свою независимость под управлением Ургинского

Богдо-гегена, отказалась войти в состав республики и, более того, посылала в Южную Монголию военные отряды с целью помочь ей освободиться от власти китайцев.

В результате некоторые уделы южных монголов, а также Барга принесли присягу Богдо-гегену. Такие действия Халхи вызвали недовольство китайцев и стремление захватить Халху.

Посредницей между Северной Монголией и китайским правительством выступила Россия, не желавшая близкого соседства с Китаем. Россия обещает содействовать юридическим связям Северной Монголии с Китаем, но требует отказа Китая от посылки войска, чиновников и колонистов на территорию Северной Монголии. Причиной заинтересованности русского правительства в судьбе Халхи было стремление китайско-маньчжурского правительства еще до революции 1911 г. развернуть широкую колонизацию Халхи и прилежащих к ней территорий, в том числе Тувы. Еще в то время халхасцы в защиту своих прав посылали в Россию депутацию с ходатайством о поддержке и были приняты русским правительством сочувственно. За несколько месяцев до китайской революции русское правительство начало переговоры с Пекином по этому поводу. Переговоры были прерваны революцией.

К концу 1912 г. вся Северная Монголия — от Хингана до Алтая — и некоторые части Южной Монголии оказались объединенными под властью ургинского Богдо-гегена⁴⁰. В этом же году Россия для защиты своих интересов в Северной Монголии заключила с Богдо-гегеном соглашение. Россия обязывалась содействовать сохранению в Монголии автономии, с этой целью признать право Монголии содержать свои национальные войска. Монголия обязывалась сохранить за Россией все права и преимущества на своей территории, полученные ею на основании договоров со старым маньчжуро-китайским правительством.

В 1913 г. китайское правительство, желая сохранить дружеские связи с Россией, также добивается заключения с ней договора, в результате чего Монголия разделяется окончательно на Северную (без Барги и частей Южной Монголии, вновь отошедших в 1913 г. к Китаю), автономию которой гарантирует Россия, и Южную, находившуюся в составе и подчинении Китая.

События, развернувшиеся после китайской революции, свержение вековых угнетателей колонизаторов, вызвали в населении Тувы надежды на окончательное освобождение, надежды на новую, лучшую жизнь. С изгнанием чиновников и купцов были ликвидированы албан и другие поборы, уничтожены переходившие из поколения в поколение долги китайским торговцам. Однако и тувинские феодалы, ранее бывшие вассалами

⁴⁰ Представитель пекинского маньчжурского правительства был удален из Улясутая.

маньчжурской династии, делившие свои доходы с трудового населения с чиновниками и торговцами, воспрянули духом. Перспективы неограниченной возможности властвовать и эксплуатировать тувинский народ без дележа с кем-либо прельщали феодалов и духовенство. Полной независимости они не могли ожидать. Россия или Монголия — таков был выбор для дальнейшего процветания владельцев Тувы.

Традиции, схожести в культуре и быте были аргументами, выставлявшимися поборниками подчинения Монголии. Однако и феодалы учитывали крепнущие экономические связи с Россией, особенно усилившиеся после изгнания маньчжур, выгоды кооперирования с русскими купцами, и эти соображения привлекали феодалов к России. Кроме этих противоречий, сразу после изгнания маньчжурских управителей в среде тувинских феодалов вспыхивает захватническая борьба за овладение большей территорией, борьба амбынь-нойонов за авторитет.

Еще до 1912 г. отпали от амбынь-нойона два Кемчикских хошуна под управлением Хайдупа, добившегося непосредственного подчинения Улясутаю. Амбынь-нойон остался лишь с двумя подчиненными хошунами (не считая собственного Оюннарского) — Салджакским и Тоджинским. После 1912 г. нойон Салджакского хошуна также отпадает от амбынь-нойона, объявляя себя самостоятельным, а затем и Тоджинский. Для обеспечения самостоятельности своих хошунов восточные феодалы рассчитывали на поддержку монгольских феодалов.

Еще во время борьбы Монголии за свою независимость монголы обращались за военной помощью к тувинским восточным хошунам. Тувинские феодалы посылали монголам своих людей. Впоследствии управители Тоджинского и Салджакского хошунов изъявили желание стать шабинарами одного из гегенов монгольских хошунов. Их просьба была принята, геген пожаловал обоим тувинским правителям (в том числе Тоджинскому — Томуту, которого хорошо помнят старики-араты в Тодже) княжеский титул. Ургинский хутухта засылает в Туву своих людей, всячески пропагандировавших идею присоединения тувинцев к Монголии.

Амбынь-нойон в то же время, желая вернуть свою власть над отошедшими хошунами, старается в противовес им завязать связь [отношения] и получить помощь от России.

В 1912 г. через усинского пограничного начальника было получено сообщение от амбынь-нойона «о решении объявить Туву независимой под покровительством Российского государства страной». Тут же тувинские феодалы просили российское правительство оказать им помощь в случае, если китайское правительство примет меры против Тувы за изгнание и разорение на ее территории китайских торговых фирм. Но многие хошуны Тувы были против амбынь-нойона и не поддерживали его прошения к русскому правительству. В дальнейшем в течение полутора лет русскому

правительству поступает ряд подобных прошений от главного ламы в Урянхае, где просьба обосновывалась усиливающимися притеснениями тувинцев монголами и растущими связями экономическими русского и тувинского населения, от правителя [М.] Буян-Бадорху и других правителей Бейсе хошуна.

При прошениях указывалось, что тувинцы по своей малочисленности не могут управляться самостоятельно. Желаящие принять покровительство России нойоны излагали такие свои пожелания: чтобы была оставлена их вера (ламаизм), чтобы были избавлены хошуны от налогов со скота и земли, не увеличивалось в хошунах русское население, и так как «наши необразованные тувинцы издавна не имели случая нести военную службу», избавить их от воинской повинности. Также просили не изменять платья и пр. (шапок, ношения кос) всему народу и чиновникам.

В начале 1914 г. русским правительством было принято решение «о принятии населения Урянхайского края под покровительство Российского государства». Это решение было торжественно объявлено амбынь-нойону, Кемчикским хошунам и др. Принятие протектората Россией ставило определенные условия тувинским нойонам — не иметь никаких сношений с иностранными государствами, в том числе и с Монголией, споры между хошунами разрешать с участием представителя России в Урянхае. Это обстоятельство нойоны должны были письменно закрепить. Сразу после объявления протектората произошли изменения в управлении тувинскими хошунами. Сменен был правитель Бейсе хошуна, управление сумонами Мааду и Чооду передано чиновнику Чулдуму. Предписано было амбынь-нойону восстановить свою власть над Тоджинским и Салджакским хошунами, подавшимися к Урге, и в случае неповиновения нойонов сместить их. Для поддержания порядка в Туве Россией назначается туда комиссар по делам Урянхайского края, под руководством которого проводится возвращение из монгольского подданства некоторых нойонов Тоджинского и Салджакского хошунов, смещение этих нойонов. Совет министров царской России предпринимает отмену существовавших в Туве судебных порядков.

Наиболее важные судебные дела подлежат теперь компетенции русского окружного суда, мелкие — местным русским чиновникам и судьям. Над каждым хошуном был поставлен полицейский пристав, которому подчинялись все хошунные власти. Все хошунные, сумонные печати были отобраны полицейскими. Наряду с этим проводились разведывания земель для будущего широкого заселения Урянхая русскими, для будущей «Засаянской Руси», как называли в своих докладах Урянхай русские царские чиновники — послушное орудие в руках царского правительства.

В работах дореволюционных исследователей Тувы в вопросе об административном устройстве Тувы в период 1912–1921 гг. нет ясности.

Приводимые сведения часто неточны, именованья отдельных хошунов и сумонов спутаны. Таким примером являются сведения П.Е. Островских, который в административном делении Тоджи перечисляет «сумо» (сумоны) и «чоды». Второе является племенным названием населения Тоджи, но не административной единицей. В работе А.М. Африканова дается попытка перечислить все «кости», входившие в состав хошунов. Причем автор пишет, что Урянхай делился на 9 племен, или хошунов. Это определение неверно, так как население хошуна не являлось отдельным племенем. Однако, возможно, что предположение М.Х. Сейфулина о том, что население хошунов когда-то являлось союзом племен, правильно. С.И. Вайнштейн говорит о первоначальном делении Тувы на 4 хошуна, забывая большой Кемчикский хошун на западе из 27 сумонов, образовавшийся еще в 1754 г., захваченный Ценден-Джапом и подпавший под власть Сайн-нойоновского аймака. Впоследствии он был разделен на 2 хошуна. Часто авторы оба эти хошуна называют просто «Кемчик», «Кемчикский», и в таком случае неизвестно, о каком из двух Кемчикских хошунов идет речь.

Авторы пользовались разными информациями [сведениями] от русских купцов, монгольских чиновников, тувинских нойонов, и каждый давал свое название одному и тому же хошуну. Так, Косогольский хошун назывался Хасутским, Хазы хошуном. В первом названии отражено географическое положение хошуна в районе оз. Косогол, во втором — этническое имя населения «Хазы ~ Хасут». Хошун амбынь-нойона называли Тесенгольским (по р. Тесингол ~ Тесь-хем), хошун Танну (по хребту Танну-ола), Оюннарским — по племени тувинцев, преобладающему на данной территории.

Разные авторы дают административное деление Тувы на разное время, потому сведения одного автора отличны от сведений другого. Так, в статье т[оварища О.] Данзын-оола в журнале «Под знаменем Ленина—Сталина» за 1943 г. [(Данзын-оол, 1943)] перечисляются хошуны, подвластные амбынь-нойону, и упоминается Та-хошун (на западе), который был лишь в начале XIX в. передан в ведение амбынь-нойону. Этот хошун выделен из Бейсе-хошуна на Кемчике. Хошун Косогольский (Хазутский) он называет Кобсохольским, искажая монгольское название Косогола ~ Хубсугул ~ Хубсухоль, и т.д. Но все эти деления даны до 1911 г., до ухода маньчжуров, до объявления автономии Монголии.

Заботе о коренном населении Урянхая не было места в проектах царского правительства о заселении края. Отобрав все пригодные для пахоты, пастбищ, поселков земли, коренному населению оставляли горные и предгорные территории, верховья рек, этим стремясь перевести кочевое население на оседлость.

Тувинцы неоднократно возмущались полицейским режимом царского правительства в Урянхае. Обычно эти возмущения жестоко подавлялись урядниками, полицейскими, казаками. Трудовое русское крестьянство,

осваивавшее земледелие на новых землях, также страдавшее от полицейского режима царского правительства, все теснее входило в связь с трудовым населением Тувы и, как увидим ниже, вместе с тувинцами боролось за свержение царского правительства и его ставленников и вместе с ними добилось свободы и независимости.

После Февральской революции 1917 г. управление Тувой перешло к Урянхайскому временному Краевому комитету, в состав которого вошли 6 царских чиновников, русские купцы и кулаки и тувинские феодалы. Этот комитет проводил империалистическую политику Временного правительства. На первом же совещании комитет вынес решение, в котором объявлял протекторат России над Урянхаем незыблемым и угрожал военным отпором всякому отклонению и посягательству на него. Правительственным комиссаром Урянхайского края Временное правительство назначает бывшего царского чиновника Переселенческого управления в Туве [А.А.] Турчанинова, передавая ему всю полноту власти. Ему был подчинен Урянхайский временный комитет, земская управа, а также все местные тувинские феодалы и чиновники. Для подавления какого-либо протеста [А.А.] Турчанинов имел вооруженный отряд казаков. Однако изолировать Туву от идей большевизма оказалось невозможным. Национальная политика большевиков вызывала сочувствие трудового русского и тувинского народа. В сентябре 1917 г. в Белоцарске организуется Совет рабочих депутатов. В начале октября создается Урянхайский союз русских крестьян, в котором вначале еще было сильно меньшевистское влияние, лишь позднее этот союз становится большевистским.

Революционная волна Великого Октября быстро дошла до Тувы.

В ноябре 1917 г. в г. Минусинске была установлена советская власть. В Туве 6 декабря 1917 г. в г. Белоцарске (ныне г. Кызыл) был созван под руководством большевиков Всетувинский съезд русских рабочих и крестьян [прим. 4]. На съезде стоял вопрос об организации советской власти среди русского населения в Туве. Комиссар Временного правительства [А.А.] Турчанинов с помощью контрреволюционно настроенного пограничного казачества разгоняет съезд русских рабочих и крестьян, распускает городской совет в Белоцарске.

Русское трудовое население вступает в упорную борьбу за советскую власть. В революционной борьбе выдвигаются подлинные вожаки масс, руководители освободительного движения в Туве. М.Х. Сейфулин в своей работе упоминает главных из них (в период 1917–1921 гг.). Это — т[оварищи] Н.Г. Крюков, С.К. Беспалов, зверски убитые туранскими контрреволюционерами; т[оварищи Я.С.] Чугунов, С.К. Кочетов (последний — командир партизанского отряда в Туве); т[оварищи] А. Филиппов, Н. Ковулин [П. Козулин?] — усинские большевики, прибывшие в Туву; т[оварищи] Кол-Санжа, Бальчир, [О.] Курседи и многие другие.

В феврале 1918 г. вновь организуется городской и местные советы в ряде русских поселков и в г. Белоцарске. Крестьяне и рабочие для борьбы с колчаковщиной вступают в ряды Красной гвардии. Через месяц Всетувинский съезд русских трудящихся набирает Краевой Совет рабочих и крестьянских депутатов. Совет арестовывает контрреволюционеров во главе с [А.А.] Турчаниновым и высылает их из Тувы. Однако казачьи отряды вместе с русскими кулаками поднимают восстание, распускают советы. В начале апреля 1918 г. на помощь борцам за свободу в Туве подходит красногвардейский отряд, направленный Минусинским советом. Контрреволюционные белые банды, захватив ценности, заложников, бегут в Западную Монголию.

В конце апреля 1918 г. Краевой совет депутатов трудящихся национализировать имущество и предприятия (золотые прииски, сельскохозяйственные поместья) русских капиталистов в Туве. 16 июня 1918 г. впервые в г. Белоцарске собирается Всетувинский Хурал, на который съезжаются представители всех девяти хошунов Тувы. Одновременно собирается V Краевой съезд русских трудящихся, живущих в Туве; на обоих съездах присутствуют представители Советской России [прим. 5].

Некоторые заседания тувинского Хурала и русского съезда проходят совместно. [Все]Тувинский Хурал, опираясь на пожелания вышеупомянутых хошунных Хуралов, провозглашает Туву свободной, политически независимой. Между представителями тувинского и русского населения заключается договор о дружбе, о совместной жизни и борьбе за свободу. В этом первом документе, отразившем дружбу русского и тувинского народов, указывалось, что «в случае опасности с какой-либо стороны для тувинцев и русских оба народа должны давать дружный отпор, защищая свои интересы общими силами»⁴¹.

Трудящиеся Тувы не смогли, однако, воспользоваться добытой свободой. В это время в Сибири временно получают перевес белогвардейские, контрреволюционные силы Колчака. Ликвидируется Минусинский совет трудящихся, отряды белогвардейцев проникают и в Туву, стремясь восстановить там прежний режим. С белогвардейцами возвращается комиссар [А.А.] Турчанинов. Тувинские феодалы и духовенство помогают контрреволюции. Нойон Ажикай становится непосредственным помощником [А.А.] Турчанинова. Главный тувинский лама устанавливает прямую связь с колчаковским правительством и получает от него финансовую помощь для ведения контрреволюционной борьбы в Туве. Начинается упорная борьба тувинских и русских трудящихся за свободу и независимость; борьба, длившаяся свыше трех лет. В Минусинском крае растет

⁴¹ Рукоп[исный] фонд ТНИИЯЛИ. Ф. 42, л. 275–276. Цит. по работе М.Х. Сейфулина (Сейфулин, 1954, с. 49).

и крепнет сопротивление колчаковцам. Организуется красное партизанское движение.

Вскоре группы русских партизан появляются и в Туве. К ним присоединяются революционно настроенные трудящиеся араты запада и юга Тувы и русские крестьяне. В это же время китайское правительство «аньфуистов»⁴², пользуясь Гражданской войной на юге Сибири, решается оккупировать Туву, издавна привлекавшую иностранных империалистов своими богатствами. В Туву направляется «специальный комиссар Урянхайского края», милитарист Ян-Ши-Чао, во главе особого оккупационного отряда. В марте 1919 г. Ян-Ши-Чао занимает западные районы Тувы. Не оставляют надежду урвать что-нибудь в Урянхае и монгольские феодалы. Один из них, Хатан-Батар Ван Максаржав, во главе отряда весной того же года занимает южные районы Тувы. Белогвардейцы, китайские милитаристы, монгольские захватчики в союзе с местными тувинскими феодалами грабят, насилуют население [прим. 6]. Экономическое положение трудящихся становится все тяжелее. Растет возмущение и протест среди аратов и русского крестьянства. В июле 1918 г. в Тандинском районе вспыхивает открытое восстание русских крестьян против белогвардейцев. Группы русских партизан устанавливают связь с восставшими одновременно тувинскими аратами и общими силами наносят поражение белобандитам в Западной Туве. При этом погиб комиссар [А.А.] Турчанинов [прим. 7]. Ян-Ши-Чао и монгольские феодалы держат при этом нейтралитет, не вмешиваясь в борьбу трудящихся с белогвардейцами. Им выгодно освободиться от колчаковцев, чтобы затем овладеть Тувой.

На помощь восставшим в Туву направляется отряд партизанской Красной армии под командованием [П.Е.] Щетинкина и [А.Д.] Кравченко. Отряд занимает г. Белоцарск, изгоняет оттуда белогвардейцев. Колчаковское правительство посылает в Туву хорошо вооруженный двухтысячный отряд во главе с атаманом [Г.К.] Бологовым для разгрома красных партизанских отрядов.

В конце августа отряд [Г.К.] Бологова достигает г. Белоцарска, после боя временно завладевает городом. И на следующий же день красные партизанские отряды, опиравшиеся на сочувствующее население Тувы, собрали силы и в результате жестокого боя полностью разгромили белогвардейцев, вынудили остатки их [оставшихся в живых] бежать из Тувы.

⁴² Прояпонская группировка китайских империалистов, стоявшая у власти в Китае в 1919 г. «Аньфуистами» они назывались потому, что члены ее обычно собирались в клубе «Аньфу» в Пекине. Цит. по работе М.Х. Сейфулина (Сейфулин, 1954, с. 52).

В середине 1920 г. «аньфуисты» в Китае потерпели поражение. Власть захватила «Чжилейская группа» милитаристов, агентов англо-американского империализма. Ян-Ши-Чао меняет хозяев. Но политика его в Туве от этого не изменяется. У всех его «хозяев» интересы одни.

События в Сибири призывали красных партизан вернуться из Тувы на помощь борющимся с колчаковщиной сибирякам. Лишь только отряды [А.Д.] Кравченко и [П.Е.] Щетинкина в начале сентября покинули Туву, вновь поднимают головы монгольские феодалы. Они начинают преследовать тувинских и особенно русских трудящихся. Монгольские феодалы предъявляют русским крестьянам требование — в течение полутора месяцев выселиться из пределов Тувы или принять монгольское подданство, прекратить всякую борьбу на чьей-либо стороне, сдать монгольскому штабу все оружие, в том числе и охотничьи ружья, уплатить контрибуцию для содержания монгольского отряда (Сейфулин, 1954, с. 57). Русское трудовое крестьянство оказалось в тяжелом положении. Китайские милитаристы также активизируют свою деятельность. Президент Китайской республики, представляющий милитаристские правящие власти в Китае, проводит захватническую политику, стремится оккупировать Монголию и Туву, издает декрет, которым ликвидируется автономия Внешней Монголии, где, как и в Туве, устанавливается военно-оккупационная диктатура. Военным диктатором Внешней Монголии назначается Сюй-Ши-Чжен. В Туве местным военным диктатором назначается Ян-Ши-Чао, подчиненный непосредственно Сюй-Ши-Чжену. Местные феодалы всемерно старались помогать интервентам, во главе с нойоном [М.] Буян-Бадорху они во всем подчинялись Ян-Ши-Чао [прим. 8].

В декабре 1919 г. в Сибири советские войска и партизанские отряды окончательно ликвидировали колчаковщину и иностранную интервенцию, восстановили советскую власть. Остатки разбитых отрядов белогвардейцев спасаются в Туву и Монголию. Советское правительство, обеспокоенное положением в Туве и соседних с нею областях, в конце 1919 г. посылает в пограничный с Тувой Усинский район советский военный отряд. Комиссар отряда пригласил приехать в с. Усинское для переговоров представителей военных отрядов китайских милитаристов и монгольских феодалов. Ян-Ши-Чао отказался от переговоров. Таким образом, желание советского правительства мирным путем разрешить вопросы, связанные с Тувой, не имело успеха.

В мае 1920 г. под руководством коммунистической партии происходит объединение в один отряд отдельных партизанских групп.

Объединенный отряд, возглавляемый [С.К.] Кочетовым, очищает от белогвардейских банд Тандинский район и частично центральную и северо-восточную части Тувы. Монгольские отряды без боя покидают Туву.

Отряды китайских милитаристов постоянно совершали разбойничьи налеты на русские деревни и тувинские аалы, убивали коммунистов, мирное население. Тувинские феодалы действовали с интервентами рука об руку. Крупный лама Бельдир Хелин был агентом Ян-Ши-Чао, посредником между штабами китайских милитаристов и белогвардейскими шайками.

Ян-Ши-Чао готовился к решительному разгрому революционно-освободительного движения в Туве. С помощью нойона [М.] Буян-Бадорху и других кемчикских феодалов он проводит насильственную мобилизацию тувинского населения в свои отряды, собирает белогвардейцев.

Вскоре в Туву советским правительством направляется представитель Сибирского ревкома И.Г. Сафьянов с небольшим отрядом красноармейцев. Перед ним стоит задача ликвидации остатков белогвардейских банд и проведения переговоров с китайскими милитаристами. [И.Г.] Сафьянов неоднократно обращается к Ян-Ши-Чао с предложением начать мирные переговоры. Последний под различными предлогами оттягивал ответ. В сентябре в г. Туране созывается Краевой съезд русских крестьян и рабочих в Туве.

Съезд выносит решение — восстановить Краевой совет и советы в русских поселках. Белогвардейские банды и китайские интервенты, видя усиление революционной власти в Туве, нарастающее революционно-освободительное движение среди трудящихся аратов, устанавливают между собой тесный контакт. В октябре объединенные силы белогвардейцев и китайских оккупантов с насильно мобилизованными тувинцами сосредоточиваются в местности Оттуг-таш. Закончив концентрацию своих сил, Ян-Ши-Чао пригласил представителя Сибревкома якобы «для переговоров». Отказ И.Г. Сафьянова мог быть истолкован как нежелание советского правительства разрешить вопрос о Туве мирным путем. Поэтому [И.Г.] Сафьянов с небольшим отрядом (73 человека [прим. 9]) поехал в Оттуг-таш. Во время ночевки отряда Ян-Ши-Чао предательски напал на него. 29 октября разыгралось ожесточенное сражение горсточки красноармейцев и красных партизан с большим, хорошо вооруженным отрядом белых и китайских солдат. Воодушевленный борьбой за свободу и независимость с помощью тувинских аратов (насильно мобилизованные тувинцы покинули поле боя, не поддержали Ян-Ши-Чао), русский отряд нанес врагам решительный удар. Остатки разгромленных контрреволюционеров разбежались. Кое-кто нашел убежище у кулаков-торговцев в деревнях. Партизанские и красноармейские отряды осенью 1920 г. и весной 1921 г. ликвидировали мелкие отряды белых — банду Сафронова [братья Иван и Еремей Сафроновы] в районе с. Знаменка, корнета Шмакова в районе Баян-Гола, прапорщика Скачкова, кулака [И.] Меледина.

В Монголии с помощью японских империалистов была вновь собрана белая армия, которая под командованием барона [Р.Ф.] Унгерна [фон Штернберга] в 1921 г. (в феврале) заняла г. Ургу (ныне г. Улан-Батор), Кобдо и пограничные с Тувой западные территории Монголии. Создалась вновь угроза вторжения белых с юга в Туву. Советское правительство посылает регулярные части Красной армии на борьбу с белогвардейцами [прим. 10]. В мае 2 отряда белых проникают в Туву. Основные силы во главе с прапор-

щиком Поползухиным направляются в Тесь-хем. Главный атаман белогвардейского отряда [И.Г.] Казанцев с небольшой группой пошел на Кемчик. Здесь на несколько месяцев до его прихода вооруженные отряды аратов очистили свою территорию от остатков оккупационных китайских отрядов. При появлении новых захватчиков араты сообщили о них красным партизанам. Последние помогли тувинцам полностью разгромить отряд [И.Г.] Казанцева. Сам атаман спасся бегством в Монголию. Другой отряд красных партизан во главе с [С.К.] Кочетовым малоизвестными охотничьими тропами настиг группу Поползухина у р. Тарлашкын. Встреча кончилась полным разгромом белых (сейчас на месте боя на р. Тарлашкын стоит обелиск).

Вскоре советско-монгольские войска разбили белогвардейскую армию барона [Р.Ф.] Унгерна [фон Штернберга] в Монголии, освободили Ургу, и 11 июня 1921 г. была провозглашена независимая Монгольская Народная Республика [прим. 11].

Кемчикские араты в знак дружбы и единения с красными русскими партизанами, бок о бок сражавшимися за свободу Тувы, передают в штаб партизан оружие, отобранное у белогвардейцев и китайских оккупантов, дарят партизанам 320 лучших коней. Часть аратов вливается в партизанский отряд [С.К.] Кочетова.

Объединенный отряд с целью не допустить нового вторжения захватчиков в Туву предпринимает поход по границе Тувы и Западной Монголии [прим. 12]. Собравшиеся было для нападения на Туву отряды монгольских феодалов и остатки белогвардейцев без боя уходят от границы.

В двух кемчикских хошунах, где сосредоточено большинство тувинского населения, 25 июля собирается Хурал — съезд, где араты выносят решение о необходимости при содействии России, по примеру МНР, создать независимое самостоятельное тувинское государство.

Хуралы, обсуждавшие вопросы о государственном устройстве Тувы, проходили в большинстве других хошунов. На Хуралах Салчакского и Оюннарского хошунов также трудящиеся высказывались за образование самостоятельного государства в Туве. Феодалы этих хошунов ратовали за присоединение Тувы к Внешней Монголии.

В августе 1921 г. собрался I Народный Великий Хурал, провозгласивший освобождение тувинского народа от власти феодалов и колонизаторов. В Хурале принимали участие делегаты от всех хошунов (кроме Хасутского). Присутствовали делегаты от русских советских граждан, проживавших в Туве, а также делегаты от революционной Монголии. Из СССР была направлена специальная группа представителей в количестве 16 человек [прим. 13]. В нее входили представители от Красной армии, Сибирского революционного комитета (Иннок[ентий Георгиевич] Сафьянов), Краевого революционного комитета, Оргбюро ВКП(б), командиры партизанских

отрядов — т[оварищ С.К.] Кочетов и др. Помимо перечисленных официальных лиц, присутствовало несколько сот трудящихся.

На Великом Хурале было избрано в состав тувинского правительства 7 человек, по одному представителю от каждого хошуна. В принятой на Хурале первой Конституции Тувинской Народной Республики указывается в ст. 1, что «Республика Танну-Тува является свободным государством, ни от кого не зависящим, в своих внутренних делах и сама управляется волею всего народа. В международных отношениях республика выступает под покровительством Советской России».

Согласно принятой Конституции, верховным органом ТНР является Великий Хурал представителей всех хошунов.

Высшим исполнительным органом учреждается Центральный совет. Местными органами самоуправления утверждаются хошунные и сумонные советы. На Всетувинском учредительном Хурале было санкционировано создание самоуправляющейся Русской советской трудовой колонии.

Первое время существования ТНР органы власти не были еще построены вполне на демократических началах. Вековая отсталость народа, малое количество политически подготовленных кадров из среды трудящихся аратов были причиной того, что в органы государственной власти пробрались феодалы и духовенство.

Перед трудящимися Тувы стояла задача завершить антифеодальную революцию, изгнать из государственного управления врагов демократического советского строя. Все попытки реставрации старого дореволюционного режима встречали решительное сопротивление со стороны трудящихся Тувы.

Последняя попытка повернуть историю назад была сделана генералом колчаковской армии [А.С.] Бакичем, вторгшимся в Туву со значительной группой белогвардейцев из Западной Монголии. Враги были разбиты партизанами под командованием С.К. Кочетова в районе п. Атамановка, ныне названного именем славного партизанского командира — Кочетовка.

Огромное значение в деле завершения революции в Туве имело создание революционной марксистской партии. В начальном периоде революции в Туве не имелось партийной организации. Создание партии было необходимо для организации масс трудящихся на борьбу с феодалами, укрепление единого государственного управления и всемерное стремление к дружбе с СССР.

Феодалы, пробравшиеся в госаппарат, нарушали решения Хуралов и Конституцию ТНР. Старались оторвать Туву от СССР. В отдельных хошунах продолжала существовать власть феодалов и чиновников в неприкосновенности, сохранялись чины и титулы, применялись запрещенные Конституцией телесные наказания. Трудящиеся араты возмущались по-

добными действиями, и гнев народа нужно было направить на революционную борьбу.

При содействии русских коммунистов под руководством т[оварища О.] Курседи организуется революционная группа, явившаяся инициатором создания Тувинской народно-революционной партии (ТНРП).

29 октября 1921 г. созывается организационное совещание, на котором принимается решение о создании ТНРП. На втором совещании, которое позднее стало называться I съездом ТНРП, принимается временный Устав партии и избирается ЦК. Но и в центральные партийные органы пробрались феодалы, которые пытались развалить работу молодой партии и добились того, что ЦК ТНРП в мае 1923 г. был самораспущен [прим. 14]. Русские коммунисты постоянно помогали тувинцам в создании партии. Вскоре после самороспуска инициативная группа во главе с т[оварищем О.] Курседи с помощью русских большевиков созывает специальное совещание. Решение совещания говорит о необходимости возобновления работы партии, о II съезде ТНРП. Комиссия с т[оварищем О.] Курседи во главе подготавливает II съезд ТНРП. Феодалы принимали решительные меры не допустить съезда. Однако 6 июля 1928 г. II съезд состоялся. На съезде было 568 делегатов, в основном трудящиеся араты. Съезд прошел под флагом борьбы с феодализмом, за укрепление независимости Тувы. Съезд принял ряд решений против сохранявшихся феодальных отношений. В руках феодалов оставались многие руководящие посты, сохранены были титулы и звания, феодалы по-прежнему владели крупной собственностью. На II съезде принимается решение об отмене различных феодальных привилегий, титулов и званий. В решении говорится: «Для реального осуществления равенства съезд считает необходимым уничтожить все княжеские звания всех степеней», а также чиновничьи звания. Отменяются все знаки отличия: шарики на шапках, перья и т.д. Всякие знаки почитания — коленопреклонение, падение ниц, преподношение подарков («хадак» и др.) — отменяются, народ призывается бороться с ними.

Состоявшийся в конце 1923 г. I Великий Хурал ТНР оформил законом эти решения.

На этом же Хурале было произведено новое территориально-административное деление страны, отменявшее старое деление по принципу феодальных владений. Все эти решения вызывают обострение классовой борьбы. Феодалы и ламы предпринимают даже вооруженные выступления против революции. Но некоторые феодалы, маскируясь друзьями революции, еще сохраняют свои посты в государственных и партийных организациях и окончательно разоблачаются лишь в 1929–1930 гг. и позднее, в 1937–1938 гг. [прим. 15]. В период после II съезда ТНРП феодалы начинают проводить агитацию за отпадение Тувы от покровительства СССР и присоединение ее к Монголии. Во Внешней Монголии после победы

революции 1921 г. феодальная знать также борется за восстановление своих прав. Народ разоблачает врагов, ставших к руководству республикой. Однако к 1924 г. в МНР еще существуют феодально-теократические элементы, мечтавшие о возврате старого режима. На их помощь и рассчитывают тувинские феодалы. Монгольским феодалам, имевшим давние захватнические мечты по отношению к Туве, настроения тувинских феодалов были очень кстати. Между тувинскими и монгольскими феодально-буржуазными кругами устанавливается тесная связь. В 1924 г. тувинские феодалы, ламы и их сторонники поднимают мятеж, главой которого был кемчикский лама Сумунак. Основным лозунгом мятежников было присоединение Тувы к Внешней Монголии. Главари мятежа опирались на религию, проводили религиозную пропаганду среди трудящихся.

В то же время они ловко использовали недовольство народа неправильной налоговой политикой, которую проводили вопреки решению II съезда ТНРП стоявшие у государственной власти феодалы. Налог с основной массы населения был велик.

Мятежники были тайно связаны с феодальными элементами в правительстве ТНР, которые помогали восставшим. Председатель Совета министров ТНР [М.] Буян-Бадорху ездил в штаб восставших, благополучно вернулся назад. Министр юстиции, бывший нойон Соднам Бальчир, уехал тайно в Монголию для установления связи с монгольскими феодалами. Тувинские контрреволюционеры рассчитывали, что в Монголии также в скором времени вспыхнет мятеж и объединенными силами тувинские и монгольские феодалы восстановят старый режим. Однако восстание контрреволюционеров 1924 г. не распространилось дальше Кемчикского района [прим. 16]. Советское правительство решило помочь тувинскому и монгольскому народу быстрее наладить мир, столь необходимый этим народам, измученным многовековыми непрерывными войнами, эксплуатацией. По инициативе СССР 26 августа 1926 г. в г. Кызыле состоялась тувинско-монгольско-советская конференция [прим. 17], где рассматривались заявления части феодалов (Тесь-хемского и Салчакского хошунов) о необходимости присоединения Тувы к Монголии, а также вопрос о кемчикском мятеже. Благодаря твердому проведению советской делегацией ленинских принципов национальной политики конференция признала, что заявления феодалов указанных хошунов не отражают пожелания населения этих хошунов, что тувинский народ имеет право сам решить вопрос о своем национальном самоопределении. Эти решения были ударом для мятежников, укрепили политическое положение ТНР. Опираясь на дружескую помощь СССР, трудящиеся Тувы отстаивали свою независимость.

В 1925 г. СССР заключает с ТНР дружеский договор и устанавливает с республикой официальные дипломатические отношения. В том же году Великий Хурал МНР признает независимость ТНР.

В 1926 г. заключается дружественный договор о признании и установлении дипломатических отношений между этими странами. Оба эти договора укрепили международное положение ТНР, оформили ее политическую независимость с точки зрения международного права.

С ростом политической, классовой сознательности в местные и центральные органы власти все более вовлекаются трудовые араты. Однако внутри ТНРП и в государственных органах еще много бывших феодалов, духовенства. Между ними и трудовыми представителями все эти годы идет острая борьба. Не имея возможности открыто выступать против народа, классовые враги действуют тайно. Они пытались создать враждебные отношения между тувинским и русским народами, создавали для русских, проживающих в Туве, тяжелые условия; всячески поощряли развитие капиталистических элементов в стране (в частности, китайский торговоростовщический капитал); всячески тормозили все мероприятия ТНР, направленные на поднятие материального благосостояния и культурного уровня населения.

Сохранение за феодалами крупной собственности оставляло большую часть бедняков в экономической зависимости от богачей, сохранение ростовщического капитала позволяло обирать основное население ТНР.

Советское правительство и КПСС постоянно помогают молодой республике. В учебных заведениях СССР и Коммунистическом университете трудящихся Востока воспитываются политически грамотные, способные вести партийную работу и возглавлять массы молодые кадры. Эти кадры играют очень важную роль в политической борьбе в ТНР.

II пленум ЦК ТНРП (1929) изгоняет из руководящих органов партии врагов народа, избирает новый состав ЦК из среды трудящихся аратов.

Произведенная чистка рядов партии освобождает ее от чуждых элементов. Последовавший в конце этого же года VIII съезд ТНРП, проходивший под руководством Коминтерна, определил задачи, стоящие перед ТНРП и всем тувинским народом. Съезд принимает решение о конфискации имущества феодалов. Съезд определяет политику старого партийного руководства не соответствующую задачам, выдвинутым аратской революцией. Старое партийное руководство защищало интересы феодально-зажиточных групп населения, во внешней политике был взят курс на связь с капиталистическими странами. Начался новый этап революции после VIII съезда ТНРП, длившийся до 1944 г. Партия (ТНРП) проводит политику быстреего завершения борьбы с феодально-байскими элементами и обеспечение некапиталистического развития страны.

В 1931 г. была конфискована собственность феодалов. Остатки феодальных элементов в стране продолжают борьбу с революционной властью, используя ошибки, допускаявшиеся правительством республики. Так, в 1930 г., раздувая ошибки, допущенные при коллективизации, лишен-

ные власти феодалы и другие враги народа организуют бешеную агитацию и в результате поднимают вооруженное восстание в Дзун-хемчикском районе. Русские кулаки и торговцы подбивают народ на враждебные революционной власти выступления [прим. 18] в Шагонаре [прим. 19], Туране и других местах. Тувинские контрреволюционеры поддерживают связь с внешними враждебными ТНР силами в МНР (где в 1930 г. имело место контрреволюционное восстание в Убсанурском аймаке, подавленное правительственными войсками МНР).

Лишение феодалов имущества сопровождалось выселением их в другие районы. Это значительно ослабило классовую борьбу. Феодалы как класс были ликвидированы. Но еще долгое время они вели вредительскую работу, подбивая аратов забивать скот, пугая [их] тем, что все равно в колхозах скот у них будет отобран, преувеличивая трудности первых лет коллективизации, и т.д.

Но тувинский народ встал прочно на путь социалистического развития, социалистический строй одержал победу в Туве, и происки врагов не могли изменить истории.

В дни Великой Отечественной войны тувинский народ встал вместе с советским народом на борьбу с фашизмом. Тувинцы-воины доблестно сражались на фронтах войны. Многие удостоены высокой награды. Т[оварищ Х.] Чургуй-оол — Герой Советского Союза. Население Тувы оказало помощь Советской армии на сумму свыше 40 млн рублей. Советской кавалерии тувинские араты послали свыше 40 тыс. коней; построили эскадрилью из 10 самолетов, послали колхозникам Украины свыше 19 тыс. голов скота [прим. 20].

За время войны еще более укрепилась дружба тувинского и русского народов. Сознание того, что только вместе с СССР и с помощью советского народа возможно в кратчайший срок покончить с отставанием в экономике и культуре страны, приводит трудящихся ТНР к решению обратиться к советскому правительству с просьбой включить Туву в состав СССР. Успехи национальных республик, входящих в Советский Союз, являются тому примером.

VII Чрезвычайная сессия Малого Хурала ТНР, выполняя желание тувинского народа, оформляет (17 августа 1944 г.) в своем решении просьбу о присоединении ТНР к Советскому Союзу. Указом Президиума Верховного совета СССР от 11 октября 1944 г. ТНР принята в состав СССР [прим. 21]. Тувинская автономная область входит в Российскую Федерацию с непосредственным подчинением республиканским органам.

Присоединение Тувы к Советскому Союзу определило дальнейшее быстрое развитие экономики и культуры тувинского народа.

Одним из важнейших моментов в развитии культуры ранее отсталых народов являются тщательное административное устройство территории

их заселения и широкое участие населения в самоуправлении. Рост образования в Туве, поднятие общего культурного уровня населения позволяют год от года все большим массам народа принимать активное участие в руководстве социалистическим строительством в Области. В то же время неоднократно меняется административное деление тувинской территории в целях улучшения управления. Как мы упоминали выше, на Великом Хурале в 1923 г. был разработан закон о местном самоуправлении. В ТНР вместо старых феодальных уделов были созданы 6 хошунов: Уюк, Улуг-хем, Салчак, Хемчик, Тесь-хем и Тоджа. [С.В.] Шостакович в своей работе приводит следующие названия хошунов (кроме его работы, мы их нигде не встречали) на 1929 г.:

Западные хошуны: Даян-Хан — Тайгинский — 13 627 человек, Улан-Хан — Тайгинский — 16 559 человек.

Центральные хошуны: Ий-Кемский [Бий-Хемский(?)] — 10 600 человек, Каа-Кемский — 8 530 человек.

Восточные хошуны: Тесингольский — 4 945 человек, Тоджинский — Тодженурский — 2 015 человек.

В 1926 г. на IV Великом Хурале в Конституцию вносятся изменения: увеличивается число представителей народной власти и устанавливается выборный возраст в 22 года. Высокий выборный возраст обусловлен тем, что к управлению необходимо было привлекать людей, имеющих некоторый опыт и прошедших несколько ступеней начального образования. Общий культурный уровень населения был еще очень невысок. Престарелые граждане не имели выборных прав. Эта мера опять же препятствовала приходу в самоуправление лиц неграмотных, в силу своего возраста неспособных возглавить борьбу за новое социалистическое переустройство. Ввиду наличия значительных пережитков родового и феодально-патриархального строя и традиций при выборах в органы самоуправления без такого ограничения были бы избираемы лишь старейшие и состоятельные люди из старого поколения. На Хурале принимается схема сумонного управления. Сумон объединяет 200 хозяйств-дворов. Управляется сумон «сумонным советом», состоящим из выборных лиц: председателя, секретаря и трех членов. Сумонный совет подчиняется хошунному совету, а эти последние — Совету министров ТНР.

Сумоны делились на более мелкие единицы — «баги»⁴³ и «арбаны» (десятидворки). Это дробное разделение сумонов продержалось недолго. Уже к 1942 г. мелкие подразделения сумонов ликвидируются.

⁴³ «Баг» — дореволюционная административная единица, объединявшая несколько арбанов (монгольская единица), «баг» — также «церковный приход» ламы. Информатор — Лопсан Иргит, инструктор РК КПСС, Эрзин.

В III Конституцию ТНР вносится закон (§ 17), расширяющий демократические права граждан республики. Выборный возраст считается с 18 лет. Вопросы организации самоуправления стояли на обсуждении и последующих Хуралах. На VII Великом Хурале (1930) вновь утверждается схема самоуправления. К 1942 г. организация самоуправления в ТНР в основном заканчивается. В республике имеется 16 хошунных Хуралов (по числу хошунов, количество которых с I Конституции возросло с 6 до 16), 84 сумонных, 771 арбанных, 105 участковых и 24 приисковых, поселковых, городских, госхозных Хуралов.

Всего было организовано 1 000 Хуралов, в которые было избрано 7 045 депутатов и 3,5 тыс. членов секций. История развития административного устройства ТНР идет по линии дробления крупных административных единиц — хошунов — с целью приблизить управление к массам населения, сделать управление более конкретным и целеустремленным, вовлечь в самоуправление широкие массы аратов.

В ТНР хошуны разделялись так же, как прежде на сумоны. Эти последние делились на арбаны. В арбан входило 10 юрт-хозяйств. В арбанное руководство правительством ТНР назначались начальники, носившие старинное имя «арбан тарга». Но деятельность их, естественно, резко отличалась от деятельности дореволюционного «арбан тарги». Первые были членами ТНРП.

В органы самоуправления ТНР (в хошунные, сумонные, поселковые и другие Хуралы) выбирали и русских граждан-жителей ТНР. В 1942 г. был избран в различные Хуралы 461 человек из русского населения. В составе Малого Хурала уже в 1941 г. были избраны народом 14 депутатов — русских. Особенно знаменательным для тувинского народа было привлечение к самоуправлению женщин.

В 1942 г. в составе депутатов всех Хуралов было 22,8 % женщин. В состав Малого Хурала входило 15 женщин (Анчима, Иванов, 1942, с. 56; 1943, с. 27).

После принятия ТНР в состав Советского Союза была произведена реорганизация органов государственного управления. Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 13 октября 1944 г. Малый Хурал трудящихся ТНР был преобразован в Областной совет депутатов трудящихся, а низовые Хуралы соответственно — в советы трудящихся. Ныне в Тувинской автономной области, кроме Областного, работают 14 районных, 4 городских и 69 сельских (сумонных) советов депутатов трудящихся. При советах работают постоянные комиссии, в которые, кроме депутатов, входят сотни активистов. Советы широко и тесно связаны со всем населением Области. На последних выборах при активном участии абсолютного большинства населения было избрано 1 800 депутатов. В Областной совет избрано 96 депутатов, в их числе — 51 тувинец и 39 русских, 3 украинца и 3 пред-

ставителя других национальностей. В число областных депутатов выбрано 29 женщин. По социальному положению в числе депутатов Областного совета избрано 10 рабочих, 69 служащих, 17 колхозников. По уровню образования в Областном совете 26 депутатов имеют высшее образование, 40 депутатов — среднее, остальные — неоконченное среднее или начальное.

Сравним этот состав Совета с составом делегатов VIII съезда (1928), где было всего 148 человек, в том числе 19 лам и чиновников, остальные были араты. Женщин было всего 8 человек. Из 1 468 человек вовсе неграмотными были 100 человек. Сравнение показывает огромные изменения в составе представительных государственных и общественных организаций в ТНР, которые отражают коренную разницу в экономической и культурной жизни социалистической Тувы и Тувы начала социалистических преобразований.

С 1945 г. трудящиеся ТАО участвуют в выборах в Верховный совет СССР. В апреле этого года впервые трудящиеся Области избрали из среды своего народа в Совет Союза 1 депутата, в Совет национальностей — 5 депутатов, в Верховный совет РСФСР — 1 депутата.

В 1954 г. в Верховный совет СССР от ТАО избрано 6 депутатов, в их числе — т[оварищи] С.К. Тока, секретарь Тувинского обкома КПСС, А.М. Чимба, председатель Тувинского областного исполнительного комитета депутатов трудящихся, С.Ш. Дукежек, заслуженная учительница школ РСФСР, Л.Т. Нуждина, зоотехник колхоза «Красный партизан» Тандинского района, К.С. Чавыдак, механик Кызыл-Мажалыкской МТС и др.

Русское население Тувы в 1921 г. после образования ТНР было организовано в Русскую советскую самоуправляющуюся трудовую колонию (РСТК), руководимую Советом рабочих и крестьянских депутатов. В русских населенных пунктах были созданы поселковые советы. В мае 1932 г. между правительствами СССР и ТНР было заключено соглашение о создании вместо РСТК в русских населенных пунктах комитетов советских граждан, подчинявшихся местным сумонным Хуралам ТНР. В постановлении Совета министров ТНР от 9 июня 1932 г. определены задачи комитетов советских граждан в следующем: а) организация и руководство культурно-просветительными учреждениями граждан СССР (школы, клубы, избы-читальни и т.п.); б) обслуживание бытовых нужд граждан СССР, помощь местным органам власти в проводимых ими мероприятиях, касающихся граждан СССР, и выполнение отдельных поручений местных органов власти (Сборник законов..., 1944, с. 23). Одной из важнейших задач комитетов советских граждан было оказание всесторонней помощи органам власти ТНР, тувинским аратам в их борьбе за построение социализма в ТНР.

До 1941 г. русские граждане хотя и работали в органах управления ТНР, но не избирались и в выборах государственных органов ТНР не участвовали. На X Великом Хурале в 1941 г. была принята новая Конституция

ТНР, в которой всем гражданам СССР, проживающим в ТНР, было предоставлено право выбирать и быть избранными во все органы власти в стране. Комитеты советских граждан в 1942 г. были преобразованы в Хуралы трудящихся, а впоследствии (после 1944 г.) — в сельские советы.

В настоящее время сельские (сумонные) советы находятся в оседлых поселках крупных колхозов. Таким образом, эти поселки являются административными, хозяйственными и культурными центрами на территории сельского совета. Так, колхозный поселок Бай-тал (Бай-тайгинский район, колхоз им. Сталина) является центром Бай-талского сельсовета, поселок колхоза «Мурнакчи» — центром Шуйского сельсовета, поселок Сейба (Тоджинский район) — центр Сейбинского сельсовета, поселок колхоза «1 Мая» (тот же район) — центр Ийского сельсовета, поселок колхоза «Советская Тува» (тот же район) — центр Азасского сельсовета, поселок Кунгуртук является центром колхоза им. Хрущева и центром Шынаанского сельсовета (Каа-хемский район), поселок колхоза «Сталинский путь» является центром Моренского сельсовета (Эрзинский район) и т.д. Иными словами, в настоящее время население каждого сельсовета объединено в хозяйственном отношении в крупный колхоз, руководство, деятельность которого осуществляет сельский совет депутатов трудящихся, избранный из среды населения этого колхоза (аратов и интеллигенции-специалистов разных профессий, а также рабочих), при участии активистов из числа передовиков колхозного аратства, интеллигенции и рабочих, проживающих и работающих на данной территории, в едином хозяйстве. Так осуществлено максимальное приближение органов государственного управления к населению. Обычно сельский совет помещается в одном здании с конторой правления колхоза. Исполком сельсовета и правление колхоза работают в повседневном тесном контакте. Сельсоветы имеют постоянную связь с районными советами депутатов трудящихся, не только присутствуя на сессиях райсоветов, но и через инструкторов райисполкомов, которые длительное время проживают на территориях того или иного сельсовета, помогают и контролируют работу сельсовета.

В числе депутатов сельских советов много русских специалистов (медиков, учителей, специалистов по сельскому хозяйству). Это обстоятельство свидетельствует об уважении и доверии к представителям русского народа со стороны тувинского населения.

Многие русские депутаты самоотверженно работают, помогают быстрейшему подъему экономики и культуры тувинцев. Однако значительно снижает вклад русских специалистов в дело советского строительства в Области текучесть кадров специалистов, о чем упоминалось на осенней сессии Облисполкома ТАО в 1956 г. Уезжающие до срока депутаты оставляют оголенным определенным участок работы, что тормозит общую деятельность сельсовета.

В 1942 г. хошуны были разделены на более мелкие административные территории. Организовано было 15 хошунов:

Центральные (по долине Улуг-хема и Хемчика) — 1) Улуг-хем хошун; 2) Чаа-холь хошун; 3) Сүт-холь хошун; 4) Чуун-хемчик хошун; 5) Барыын-хемчик хошун; 6) Мӧнгун-тайга хошун; 7) Барыын-хемчик хошун [повтор].

Северо-восточные — 1) Пий-хем хошун; 2) Тоджа хошун; 3) Каа-хем хошун; 4) Танды хошун; 5) Тере-холь хошун.

Южные — 1) Эрзин хошун (выделился из Тесь-хем хошуна в 1936 г.); 2) Тесь-хем хошун; 3) Овюр хошун.

После присоединения ТНР к Советскому Союзу хошуны были переименованы в районы. С ростом г. Кызыла был выделен Кызыльский район. В дальнейшем с развитием процесса оседания, укрепления новых колхозных оседлых поселков, куда стягивается кочевое население ближайших территорий, некоторые районы ликвидируются. Например, Тере-хольский отдельный район, имеющий незначительное население, стянутое в поселок одного колхоза (им. Хрущева, п. Кунгуртук), входит в Каа-хемский район. Мӧнгун-тайга, из которой население частично переселяется в Бай-тайгу, в колхозы им. Сталина и колхоз «Мурнакчи», ликвидируется как самостоятельный район и входит в Бай-тайгинский район. К этому же району отходит удаленный (северная часть Бай-тайги) сельсовет (сумон) Кара-холь, который прежде входил в территорию Барыын-хемчикского района.

Таким образом, территория Бай-тайгинского района включает почти всю Западную Туву до р. Барлык, Восточная Тува входит в два территориальных очень больших района — Тоджинский и Каа-хемский.

На 1955 г. административное разделение ТАО следующее:

- 1) Каа-хемский район — центр. п. Сарыг-Сеп (бывшая д. Знаменка);
- 2) Тоджинский район — центр. п. Тоора-хем;
- 3) Пий-хемский район — центр. п. Туран;
- 4) Тандинский район — центр. п. Бай-Хак;
- 5) Эрзинский район — центр. п. Сарыг-булун;
- 6) Тесь-хемский район — центр. п. Самагалтай;
- 7) Овюрский район — центр. п. Хандагайты;
- 8) Улуг-хемский район — [центр.] г. Шагонар (Шагаан-арыг);
- 9) Чаа-хольский район — центр. п. Чаа-холь [прим. 22];
- 10) Сүт-хольский район — центр. п. Суг-аксы;
- 11) Чуун-хемчикский район — [центр.] г. Чадан;
- 12) Барыын-хемчикский район — центр. п. Кызыл-Мажылык;
- 13) Бай-тайгинский район — центр. п. Тээли;
- 14) Кызыльский район — г. Кызыл.

Глава III НАСЕЛЕНИЕ ТАО

Процесс национальной консолидации тувинцев, начавшийся задолго до социалистического периода, после революции, и особенно усилившийся после присоединения Тувы к Советскому Союзу, в последнее время получил более определенное, более интенсивное развитие. Формально считавшийся единым Танды-Урянхай в период маньчжурского владычества фактически представлял собой ряд самостоятельных в известных пределах владений-уделов, отданных маньчжурскими правителями своим наместникам в безраздельное владение. Расселение народа на определенных территориях уделов зависело от феодалов. Они распоряжались судьбой населения, переселяли людей по своей территории, как им заблагорассудится. Обычно феодал лучшие земли удела использовал под свои пашни и пастбища, населению оставались худшие уголья⁴⁴. Основным поводом передвижения тувинского населения до свержения маньчжурского ига были постоянные военные столкновения не только с чужеземцами-захватчиками, но и между отдельными феодалами, стремившимися к расширению своих земель, своей власти. Во время многочисленных войн доманьчжурского периода и после него населявшие Туву племена неоднократно меняли свое местожительство; они или сами уходили в труднодоступные горные хребты, или переселялись насильно захватчиками, или заключали союзы с другими племенами и вместе с ними совершали далекие военные походы. Угнанные насильно или вынужденные сами уйти с родных земель тувинцы при первой возможности в периоды затишья возвращались обратно на свои места.

История зафиксировала ряд таких возвращений из Монголии, с северных предгорий Саян, из других соседних с Тувой областей или из других районов внутри самой Тувы. Эти передвижки населения, несмотря на тяжелые материальные последствия, имели одно положительное качество — способствовали развитию связей с соседними народами, нарушали замкнутость отдельных родоплеменных групп, приводили к обмену культурными ценностями.

Естественно, что передвижения масс тувинского народа, а также чужеземцев-захватчиков интенсивнее проходили в местностях, где географиче-

⁴⁴ За пределы своего удела феодал не мог переселить подданных под угрозой со стороны маньчжуро-китайских властей.

ческие условия были более благоприятны, то есть в степях. Помимо этого, важным моментом было наличие пастбищ для основной хозяйственной деятельности тувинцев, а также чужеземцев, являвшихся скотоводами-кочевниками. И действительно, центральная Тувинская котловина, степи Турана, Уюка, Каа-хема, Улуг-хема, Кемчика, Теси и даже незначительные по площади степи Тоджи являлись теми территориями, где отдельные группы тувинского народа наиболее интенсивно общались между собой. Здесь, как мы уже сообщали, создавались и крепились центры административного управления, религиозные, торговые. На этих территориях вследствие интенсивного общения разных групп населения между собой и с многочисленными пришельцами усиленно проходил процесс взаимного обмена культурными ценностями, складывался общий язык, развивались промыслы и ремесла, торговый обмен. Все это приводило к развитию общей культуры населения.

Несмотря на то что население указанных выше степей Тувы находилось в одинаковом экономическом и политическом положении, как и остальные группы населения, феодально-байское и чиновничье угнетение было здесь возможно и глубже [сильнее], все же культура населения этих степей была значительно выше культуры групп, живших на окраинах, на замкнутых территориях. В центральных степях значительно продвинулось разложение первобытно-общинных институтов и традиций.

Здесь действительно быстрее исчезали родовые связи, оставив ряд пережиточных, не игравших существенной роли в жизни населения явлений. Здесь сумон действительно представлял собой административную единицу, хотя часто носил название какого-либо «сёока» или более крупного этнического образования.

На территории центральных сумонов проживали представители разных групп тувинцев. Язык населения именно этих территорий лег в основу современного литературного языка. То же происходило в меньших масштабах в окраинных территориях Тувы. В Тодже население степи было смешанным в значительно большей степени (в него входили представители многих групп), чем оленеводческое, и вместе с тем значительно более общетувинским, так как имело многие общности в культуре, экономике с основным населением Тувы, то есть меньше отличалось от основного населения Тувы. Это нашло отражение в высказывании [словах] старика в Тодже, принадлежащего к группе Кол: «Оленеводы, они очень смешанные; с кем они не мешались. А Колы — настоящие тувинцы». Для него разница культуры между оленеводами и степняками тувинцами и сходство оленеводов-тувинцев и карагасов, а может быть, и остатков самодийских пленен, которых он, возможно, знал, и дархатов, в прошлом тувинцев, являлась основой для сравнения.

Старики Кыргыз и Иргит в Эрзине говорили обратное: «Настоящие тувинцы (Тыва-кижи) — это Тоджа, оленеводы». Для них сравнение шло

по линии отличия оленеводческой культуры от скотоводческой. Для них оленеводческая культура является подлинно тувинской, древнетувинской. Нам представляется, что оба высказывания правильны, так как несомненно, что в сложении тувинского народа приняли участие группы как охотников-оленоводо-вод, так и скотоводов, и этноним Тыва-кижи не всегда распространялся на весь народ современной Тувы, а относился в прошлом, по-видимому, к группам восточных тувинцев. Вопрос о времени появления названия «Тыва-кижи» в применении ко всему народу этой территории сложный. Мы коснемся его ниже.

Итак, и в Тодже население степей было более «передовым», более общалось между собой, чем население гор, каковыми были оленеводы. Именно в степях Азасской, Ийской, Тоора-хемской и других появились кочевые центры, затем — русские поселки и ныне основные населенные пункты. Именно сюда в настоящее время вышло все население гор, до 1949 г. редко спускавшееся даже для торговли. То же самое наблюдалось в долине Каа-хема и Тере-хёля.

Численность тувинцев в прошлом точно установить трудно. Исследователи на середину и конец XIX в. и начало XX в. дают различные цифры. Н.Ф. Катанов на 1888–1889 гг. указывает 45 тыс. человек. По данным [Н.А.] Аристова, в 1895 г. всего урянхайцев было 40 тыс. человек. Кроме них, в Урянхае в эти годы проживали около 12 тыс. русских. По сведениям, приводимым В.Л. Поповым, на 1910 г. всего «сойот» было около 50 тыс. человек. После революции, по-видимому, производились попытки определить количество населения Тувы. В 1922 г., по материалам представителя Комиссариата национальностей т[оварища] Яновского, всего в Туве проживало 100 тыс. человек, в том числе около 30 тыс. русских (следовательно, 70 тыс. тувинцев).

В статье о Туве корреспондента газеты «Красноярский рабочий» от 3 мая 1922 г. приводится цифра 120 тыс. человек — население Тувы. Данные переписи 1924 г., приводившиеся в газете «Известия» от 14 июня 1925 г. в статье Л.Е. Тувинского, дают вдвое меньшее количество населения, именно — всего населения 62 654 человека, из них — 51 230 тувинцев. С.[В.] Шостакович на 1929 г. считает, что численность населения Тувы составляет 58 107 человек тувинцев и около 12 тыс. русских (Шостакович, 1929)⁴⁵. Сведения по отдельным районам также разнятся у отдельных авторов. Например, в Тодже, по данным П.[Е.] Островских, на 1897 г. проживало 2 400 тувинцев; на 1922 г. тоджинцев насчитывалось 5–6 тыс. (Островских, 1898). На этот же год С.[И.] Вайнштейн, по материалам Государственного архива г. Кызыл (Облархив, рукописный фонд. Р-92, О-1,

⁴⁵ Эти же данные на 1927 г. приводятся в Малой советской энциклопедии (МСЭ, 1930, т. 8, столб. 985).

д. № 1, 2), приводит количество населения в Тодже — 898 человека (233 хозяйства).

Приводимые цифры сильно расходятся, и одно это говорит об их неточности. Наиболее достоверны цифры официальных источников на 1927 г.

Кроме ТАО, тувинцы издавна жили в соседних с ней областях. Так, в 1897 г. на Алтае проживало (по материалам статистического обследования) 742 тувинца (Статья «Тувинцы». Том «Народы Сибири»).

Население распределено по Тувинской области неравномерно. С.[В.] Шостакович приводит плотность населения на 1929 г. Общая плотность была равна 0,38 человека на 1 кв. км. На западе и в центре Тувы плотность была значительно выше. В Кемчикских и Тайгинских хошунах сосредоточивалось 70 % населения Тувы.

В настоящее время (к 1955 г.) население Тувы увеличилось почти в два раза по сравнению с 1927 г., в основном за счет естественного прироста. Наибольшее количество населения, как и прежде, проживает в Хемчикской и Улуг-хемской котловинах (более 80 %), в Убса-нурской котловине — 15 %. В восточных горных областях Тувы, занимающих около $\frac{1}{3}$ всей территории Области, проживает всего 5 % населения. Средняя плотность населения на 1955 г. — 0,80 человек на 1 кв. км, с колебаниями для отдельных районов от 2 (на западе) до 0,006 (на востоке) человек на 1 кв. км. Тувинцы составляют 70 % всего населения Области, остальные — русские, хакасы, монголы и др. Русское население распределено также неравномерно, сосредоточено в основном около крупных населенных пунктов. Например, в Мёнгун-тайге процент русских по отношению ко всему населению — 5 %, в Бай-тайге — 7 %, а в Барыын-хемчике (с комбинатом «Ак-Таврак») — 40 %.

До революции Тува называлась русскими «Урянхайский край», монголами и маньчжуро-китайскими властями — Танды-Урянхай⁴⁶. После революции получила название Танну-Тува, или Танну-Тувинская Народная Республика.

До XVII в. территория, где кочевали урянхайские племена, была очень широка. На юге имелись группы, кочевавшие по северным склонам Китайского Алтая, в бассейне р. Кобдо, Черного Иртыша, на юге группы тувинцев проживали по хребтам Хан-Хухей, западному продолжению отрогов Хангайских гор. На востоке урянхайские племена кочевали по восточной стороне Косокола, по Юго-Восточным Саянам. С давних времен кочевья предков современных тувинцев перемежались с кочевьями тюркских и монгольских племен. Нужно предполагать, что очень рано стали образовываться на территории Урянхая племенные общности. Уже в период распада кыргызского владычества в Западном Урянхае образуются два само-

⁴⁶ Тувинцы и ныне хребет Танну-ола называют Танды-ола, отсюда и название района — Тандинский. В старину Тува называли Таңгну-Урянхай.

стоятельных «государства», о которых мы упоминали в историческом обзоре. Это были племенные союзы западных и центральных тувинских племен, имевших определенную территорию проживания. Эти примерно территории [районы] впоследствии фигурируют как нечто более или менее целостное, входя в состав Алтын-хановского княжества, а позднее — в Бейсе хошун Сайн-нойона.

М.Х. Сейфулин упоминает, что, возможно, хошуны являлись прежде союзом племен, видимо, имевших определенную территориальную общность. В дальнейшем власть в хошунах переходила из рук в руки, но территориальные границы хошунов менялись мало.

Несмотря на то что границы эти были условны и приблизительны, они все же имелись. Сознание общности территории было и у восточных тувинцев-тоджинцев. Причем то, что мы в настоящем называем Тоджей, имело значительно более широкую территорию, а именно захватывало верховья р. Каа-хема и, вероятно, доходило до хребтов Сангилен, Хан-тайга. Территория недаром носила имя «Улуг-Тоджа». В ее состав входили, вероятно, северные склоны Саян и Восточный Саян до Косокола.

Общенародная территория начала складываться лишь с ликвидацией феодальных уделов, со времени становления революционной власти.

Границы, в которых кочевала основная масса тувинских племен, впервые были ограничены в XVII в. маньчжуро-китайскими властями, когда были установлены маньчжуро-китайские пограничные караулы.

Позднее была проведена граница Тувы с Россией, проходившая по Северным Саянам. Вопрос об этой границе явился темой многочисленных докладных записок царскому правительству, экспедиций, устанавливавших ее наличие. Спорность этой границы породила так называемый «урянской вопрос». Правящие круги России в то время по отношению к Урянхаю делились на две группировки. Одна, основываясь на присягах России Алтын-ханов, считала Урянхай русской территорией, границу, проведенную по Саянам, незаконной и даже несуществующей. Другая группа, не желавшая вступать в конфликт с маньчжуро-китайским правительством, считала Туву ничейной территорией, границу по Саянам признавала, искала, восстанавливала.

Маньчжуро-китайское правительство самим фактом установления строгой границы⁴⁷ демонстрировало, что не считает Туву своей территорией, однако управляло и распоряжалось ею фактически как своей колонией. Царское правительство, несмотря на разногласия в своей среде,

⁴⁷ Кяхтинский трактат о границе 1764 г., § 10, дополнительный: «Буде кто за границею пойман будет будучи на зверином промысле, того промышленное, оружие, лошадь, седло и все, что при нем явится, отдать в поощрение тому человеку, кто поймал его, и еще бить его для страха другим 100 ударов плетью» (Попов, 1913, с. 88).

проводило политику невмешательства в постепенное вселение в Урянхай русских крестьян и в развитие русской торговли и промышленных предприятий (размещение русского капитала) в Туве.

Положение меняется с 1914 г. после китайской революции и установления протектората России над Тувой⁴⁸. Границы Тувы в 1914 г. на востоке были шире, чем в настоящее время. Бассейн р. Шишкит входил в Урянхай. Граница шла по водоразделу рек, впадавших с востока в р. Пий-хем и текущих с запада в оз. Косогол. Но зато районы Эрзина, Теси, Мёнгун-тайга не входили в Туву [прим. 1]. В 1920-х гг. определяются новые границы ТНР, в нее входят Эрзин, Тесь, Мёнгун-тайга и т.д.

В дальнейшем в 1944 г. территория ТАО стабилизируется. От нее отходит часть восточных земель — верховья р. Шишкит, р. Пус и другие, где были основные угодья восточных тувинцев охотников-оленьеводов.

Факт стабилизации границы еще нов для групп населения пограничных районов. Еще существуют связи (родственные) между населением ТАО и территориями, отошедшими к МНР. В последние годы тувинцы переселяются поодиночке, семьями на территорию Тувы, входят в колхозы пограничных районов.

Установление границы, создание постоянных административных центров, оседлых колхозных поселков явилось значительным фактором в процессе консолидации населения Тувы. Вместе с тем все больше забываются связи тувинского населения с группами, проживающими за границей: с дархатами, карагасами и т.д. Молодежь об этих группах знает уже только понаслышке от стариков, имевших в свое время непосредственное общение с указанными этническими группами.

Количество отдельных названий тувинских родоплеменных групп, проживавших в Туве, очень велико. Еще в наше время их насчитывается свыше 50. Среди них древние названия — Соян, Иргит, Салчак, Кыргыз, Күжүгет, Түлүш, Монгуш и т.д. Все эти группы были включены как отдельные сумоны в определенные хошуны, жили обособленной жизнью и часто имели весьма слабую связь между собой. Так, Иргиты эрзинские смутно знали, что Иргиты живут и в Бай-тайге, вовсе не знали о тункинских Иргитах. Сояны эрзинские далеко не все знали о тоджинских Соянах и вовсе не знали о Соянах-кокчулутунах. Чооду эрзинские слабо знали Чооду в Тодже и вовсе не знали кутских Чооду. В целом восточные группы тувинцев почти не знали ни центральных, ни западных [родственных племен], для последних такие группы, как Чооду и Маады [прим. 2], были чем-то чужим и далеким, а чаще они и вовсе не слышали эти имена. Лишь с установлением революционной власти, определенных границ республики, а особенно с развитием коллективизации, устройством администра-

⁴⁸ Северная граница Тувы с Россией теряет свое значение.

тивно-культурных хозяйственных центров, развитием промышленности, средств связи, образования [созданием] письменности разрушилась вековая разобщенность отдельных групп, быстрыми темпами развивалось сознание общности.

«Историческая справка» дает представление о сложных передвижениях населения, происходивших на территории современной Тувы с древних веков до новой эры вплоть до XIX в. Целый ряд народов монголоязычных, тюркоязычных, самоедо- и кетоязычных проживал более или менее длительный период на этой территории, сталкиваясь в жестоких варварских войнах, смешиваясь друг с другом. Неоднократно население территории уничтожалось более сильным противником; слабые остатки родов и племен разбежались, укрываясь в глухих горно-таежных массивах Саян, Танну-ола и Алтайских гор.

Тувинцы хранят смутные воспоминания об этих жестоких периодах. Так, старики рассказывают, приурочивая эти периоды ко времени Чингисхана (к войнам с татаро-монголами), о том, что этот хан после победы над тувинцами приказал уничтожить все население южных территорий Тувы. Остались всего 17 человек-тувинцев. Они укрылись в тайге на востоке, в вершинах Каа-хема и ее притоков. От этих 17 человек и пошли все «настоящие» тувинцы. Имена этих спасшихся следующие: Саая, Сарыг, Иргит, Кыргыз, Мааду, Тоңгак, Кара-сал, Салчак, Хертэк, Хувалыг, Оорджак, Соян, Түлүш, Кара-Тоңгак, Сарыг-Тоңгак, Хомушку и Чооды. (Информаторы — Токпак-оол Хертэк, Павел Тоңгак, Бэгзи Салчак и др. Бай-тайга.) Впоследствии эти люди размножились, разошлись по Туве и жили в разных местах. Все это известно старикам по древним монгольским книгам, которые читали и рассказывали тувинские и монгольские ламы.

Остатки различных родов и племен вступали в брачные связи, объединялись для целей обороны, создавались сложные роды с двойным именем. Преданий об этом в самом народе сохранилось очень мало. На этот факт не раз обращали внимание дореволюционные и современные исследователи. Этот факт может быть объяснен не самим тяжелым колониально-феодальным режимом, под которым века жили тувинцы. Особенность феодализма при колониальном режиме состояла в том, что сами феодалы были подчинены колонизаторам и сменялись, несмотря на то что их власть была наследственной. Поэтому не слагались, не сохранились родословные феодалов. Жестокость феодальных войн приносила неисчислимый вред населению, и если народ испытывал в течение ряда веков экономический упадок, то ясно, что культура народа была угнетена, в том числе и народное творчество. Народ зачастую, по-видимому, не мог разобраться в чрезвычайно сложных политических событиях, участником которых он был.

Возьмем, к примеру, так называемые «Галдановские смуты», а до этого борьбу Алтын-ханов, халхасские войны и т.д. Даже историкам, открывающим

все новые и новые документы, характеризующие эту эпоху XVI–XVIII вв., трудно восстановить в полной мере всю картину острой борьбы, происходившей на территории Северо-Западной Монголии, Тувы и близлежащих северных областей. Ранний эпос тувинцев описывает обобщенно борьбу ханов, тяжелое положение ханских подданных, не давая описания конкретных исторических событий. В эпосе нет упоминания о родоплеменных группах. Нет имен этих групп, почти нет и указания на территории, где события происходили. На сегодня исследования фольклора слабо помогают в изучении этногенеза отдельных родоплеменных групп тувинцев.

В настоящее время группы тувинцев за малыми исключениями проживают на тех же территориях, какие заняты были ими в начале нашего [XX] века. Все основные крупные передвижения населения прекратились с падением маньчжурского ига. Продолжалось перемещение в обратном порядке, представители части групп тувинцев, выселенных колонизаторами с родных мест, возвращались на родину. После установления народно-революционной власти в Туве, с началом реконструкции хозяйства и культуры аратов, внутри республики происходят постоянные передвижения части населения, связанные с организацией культурных оседлых центров, оседанием аратов, появлением промышленных центров, устройством средств связи.

В дальнейшем при появлении коллективных форм хозяйства более и более стягиваются представители разных групп в растущие оседлые поселки. Население, разбросанное ранее по лесогорным и степным просторам, сосредоточивается в этих поселках. Однако до сего времени остаются возможности определить коренное население отдельных частей территории Области. Дело в том, что современное административное деление районов на сельсоветы в большинстве случаев повторяет прежнее разделение хошунов на сумоны. Недаром часто сельсовет называют сумонным советом, сумоном. Население сумона в далеком прошлом почти повсеместно в Туве было определенным. Поэтому сумоны назывались по имени группы тувинцев, составляющей основное большинство на данной территории. Исключением являлись сумоны Кол в Тодже, около оз. Тере-холь и в Центральной Туве, которые не носили названия группы населения, а именовались по своему географическому положению — «озерные» — и по своему административному значению (основные), так как там в прошлом существовали чиновничий и религиозный центры (Эн-суг в Тодже и Чиргаланды в Тере-хөле)⁴⁹.

⁴⁹ Сумоны назывались «Холь ~ Кол», потому что на их территории были озера, и группы, населявшие их, также носили это название «озерные». Эти группы занимались в большей степени, чем другие, рыболовством. Кроме них, имелось несколько сумонов с названием «Шаккар» — «пестрый» (неоднородный). Возможно, такое же значение имело название сумона «Шалык» (Чал ~ Чул-Шал), отражавшее смешанное население.

Вышесказанное нами не значит, что в сумонах было исключительно население одного рода или нескольких близких родов, не значит, что монгольское слово «сумон» равнозначно тувинскому «сеоку». В сумонах жили люди разных групп тувинцев. В одних сумонах население было более, в других — менее смешанное. Мы говорим лишь о том, что всегда при самом поверхностном наблюдении до последнего времени можно было определить основное население этой территории, обычно давшее название сумону. Монгольские колонизаторы не могли разрушать целостность групп населения, привязанных издавна к родным местам, создавшим определенные связи, хозяйственные и идеологические, не только между членами своей группы, но и с соседними группами. Нарушение этих связей создало бы для колонизаторов невыгодные условия управления и эксплуатации населения в виде сбора налогов и другого рода поборов.

Коллективы тувинцев, связанные родственными, хозяйственными связями, воспринимались колонизаторами как единое целое и разрушались лишь в том случае, когда поднимали свои головы против эксплуатации и насилия. Тогда их разбивали, расселяли, отрывали от родных земель, рвали между членами коллектива различного рода связи, помещали в чужую среду.

Ф.Я. Кон в работе «Усинский край» отмечает: «Деление сойот на хошуны является искусственным и имеет лишь административное значение; сами сойоты как в старину, так и теперь, делятся на кости “сююки” или, употребляя современную терминологию, позаимствованную от монголов, на “сумо”. Каждое сумо дробится на более мелкие деления, но Кемчикские сойоты и сами сильно путаются в этих делениях и часто отождествляют их с “арбанами”, опять-таки чисто административным делением» (Кон, 1914).

Первый начальник Пограничного усинского управления А.М. Африканов, изучавший Урянхай, пишет об административном устройстве этого края на хошуны следующее: «Хошуны делятся на сумо, или роды, которыми управляют родоначальники, обличенные в то же время и административным званием “дзанги” и “дзайсана”. Каждое сумо ведет происхождение от известной “кости”, или родоначальника» (Африканов, 1890, с. 50–51).

Говоря об административном устройстве Южной Сибири в XVII в., Л.П. Потапов пишет, что «разделение ясачных земель на волости и улусы вовсе не являлось результатом административной деятельности русской государственной власти в Сибири в XVII в. Оно было лишь фиксацией родоплеменного и феодального устройства Южной Сибири ясачного населения, характерного для периода включения ее в Русское государство» (Потапов, 1953, с. 63). Такого же рода фиксацией родоплеменного состава Тувы было разделение хошунов на сумоны маньчжурскими властями. Поэтому сумоны носили имя этнической группы.

Мы не будем приводить всех названий групп тувинцев, записанных различными авторами, не будем оспаривать правильность этих записей. Путешественники и исследователи Тувы в прошлом не всегда имели возможность широко развернуть свою работу в силу ряда обстоятельств, из которых наиболее тяжелым был запрет маньчжуро-китайских властей, наложенный на население под страхом наказаний, общаться с чужестранцами, особенно русскими, сообщать что-либо о стране и даже о себе. Об этом с горечью отмечают многие авторы. [П.Н.] Крылов, ботаник, рассказывал, что урянхайцы были предупреждены нойонами о том, чтобы ничего не говорить русским. Урянхаец сообщил путешественнику, что «Тоджинский Да-Нойон» жестоко избил его товарища только за то, что он сообщил русскому имя своего отца (Крылов, 1903, с. 100). В отчете полковнику В.Л. Попову поручик [Х.Я.] Зеллис также отмечает, что его расспросы встречали «противодействие, выражавшееся в упорном отказе дать сведения о местности, в сообщении ложных сведений» (Попов, 1913а). Подобные высказывания можно найти у многих авторов. Потому и количество групп тувинцев, и их имена зачастую неверны.

В общей характеристике населения Тувы все исследователи единодушно отмечали большое различие в быте и культуре восточных тувинцев от центральных и западных. Например, [Д.] Каррутерс писал: «Привычки племени Тойи⁵⁰ настолько отличаются от привычек племени Кемчик, насколько последние не похожи на монголов» (Каррутерс, 1914, с. 219). Он считает восточную группу наиболее типичной для тувинцев, так как она менее всех подверглась монгольскому влиянию. [П.Е.] Островских отмечает много различий в быту и культуре населения восточной Тувы от населения запада этой страны. То же отмечает и ряд других авторов. Многие исследователи считают население восточных районов однородным, именуют его общим термином «тоджинцы», считая возможным писать «тоджинцы-оленоводы». Это определение неверно, так как население восточных районов Тувы, и в частности Тоджи, неоднородно, не все «тоджинцы» (жители Тоджи) оленоводы, часть населения Тоджи не является и не была никогда оленоводами. Процесс консолидации населения восточных районов начался с 1949 г., с начала коллективизации [в Туве].

Наиболее подробный анализ групп, населявших Туву, дает в своей работе Г.Е. Грумм-Гржимайло. Он пытается дать антропологические характеристики отдельных групп, определяя различные расовые скрещения — метисов тюрков и урало-алтайцев, самоедов и тюрков и т.п. Однако его

⁵⁰ Следует обратить внимание на наименование Д. Каррутерсом племени Тоджа — «Тойи», не встречающееся более ни у одного автора. Это диалектное различие восточных тувинцев, например, у них же «ја ~ ча — джа» = «да» — утверждение и пр.

работа, чрезвычайно важная по собранному материалу, должна приниматься критически. В перечислении родов-«костей» урянхайцев имеются досадные ошибки, равно как и в интерпретации названий «костей».

Во введении Г.Е. Грумм-Гржимайло пишет об ошибочном нивелирующем подходе к населению Тувы исследователей. Он отмечает, что при изучении Урянхия сведения собирались поверхностно, и особый недостаток их в том, что «не делалось [и] различия между явлениями, свойственными всей народности, и такими, которые встречались у одной из ее частей, кости или рода». При этом автор в процессе изложения материала и сам впадает в ту же ошибку, рассматривая как нечто однородное различные группы тувинцев [(Грумм-Гржимайло, 1926)].

Большой материал имеется у Г.Н. Потанина в его «Очерках Северо-Западной Монголии», где дается также сравнительный анализ отдельных названий тувинских групп. Однако часто желание связать широкий материал приводит Г.Н. Потанина к недостаточно обоснованным аналогиям, отчего страдает достоверность этого анализа. Но наряду с недостоверными выводами в работе, особенно в примечаниях, имеется много любопытных догадок, замечаний.

Многие исследователи, характеризуя группы тувинцев, дают неверную картину. Так, Ф.Я. Кон в «Предварительном отчете» о поездке в Туву пишет, что тувинский народец делился на три группы, «находившиеся на разных ступенях развития», а именно: проживающие в долинах Улу-кема и Кемчика — земледельцы, у подножия гор — скотоводы, на вершинах гор «жили исключительно охотой и рыбной ловлей» (Кон, 1903). Определение это схематичное и не соответствующее действительности, так как среди тувинцев не было ни чисто земледельческих, ни чисто охотничье-рыболовецких групп. Он же отмечает, что «долина Енисея считалась в то время самой культурной и... самой прогрессивной частью Тувинского края». Подобные схематические определения имеются и у других авторов, например у В.Л. Попова.

Ныне все без исключения группы тувинцев, проживающих на территории ТАО, именуют себя Тува ~ Тыва, Тыва-кижи, считают себя единым народом — Тыва-улус, землю свою именуют Тува ~ Тыва джер или чаще просто Тыва. Бытование в настоящее время общенародного имени для территории этого народа есть результат длительного процесса национальной консолидации многочисленных племен, населявших эту территорию, процесса, завершающегося в наши дни.

Рассказывая «про старину», тувинцы часто говорят: «Это было тогда, когда еще мы не называли себя туба-тува», еще различают старики «настоящих, древних тувинцев» и тех, кто стал впоследствии называться этим общим именем. Еще в памяти каждого живо сохраняется имя группы, к которой принадлежали его родители и, следовательно, он сам. Названия

этих групп сохраняются в фамилиях, а иногда в личных именах современного населения.

В.Л. Попов в 1910 г., характеризуя население Тувы, отмечал, что сами себя тувинцы называли прежде Табу-сойот, Танну-сойот и т.д.⁵¹, «смотря, к какому роду принадлежат» (Попов, 1913а, с. 2). Здесь, конечно, отражены не «роды» тувинцев, а географические названия (Танну-сойот) и принадлежность к крупной этнической общности (Табу-сойот). Это замечание важно тем, что в 1910 г. еще не все сойоты-тувинцы называли себя именем Тыва ~ Табу-сойот, хотя у большой группы уже это имя бытовало.

Второй компонент приводимого В.Л. Поповым самоназвания «сойот» широко отмечен в литературе о населении Тувы и ныне бытует в народе ТАО. Остановимся на этом имени.

В дореволюционной литературе о Туве имя «сояны, саянцы, соеты» и т.д. употреблялось различно. Соетами, саянцами называли всех тувинцев вообще, наряду с именем урянхи-урянхайцы. Отмечалось, что монголы и китайцы называли тувинцев «урянха», минусинские племена (хакасы) — «соян», русские — «урянхайцы» и «сойоты» (Островских, 1927, с. 82; [Н.Ф.] Катанов и др.). Буряты называли урянхайцев «хойр», а дархаты — «уйгур» (Потанин, 1883, вып. IV, с. 119). Слово «сойот» является производным (множественным числом) от «соян». Название «урянхи ~ урянгут ~ урянхай» многие авторы переводят [как] «обитатель лесов», оно применялось китайцами ко всем племенам, обитавших среди лесных пространств, вдоль сибирско-монгольской границы. Но не все авторы относят эти названия ко всему населению Тувы. Так, [Ж.Ж.Э.] Реклю различал в населении Тувы «урянхов» и «сойот», считая, что первые относятся к тюркам, а вторые — к финской группе. Позднее Н.Ф. Катанов также отмечал, что имя «сойот-сойан» нельзя считать названием всего населения Тувы, а лишь распространенным именем «некоторых родов или колен». С.[В.] Шостакович пишет по этому вопросу, что название «сойот» может быть отнесено лишь к некоторым группам населения Тувы, группам «скорее финского происхождения» (Шостакович, 1929, с. 18)⁵². [К.И.] Горошенко считает названия «сойот» и «урянхайцы» собирательным именем для всех тувинцев.

Анализируя самоназвания отдельных групп тувинцев, приходится сказать, что отнесение имени «Соян-Сойон ~ Сойот» и т.д. ко всему населению Тувы и даже к западной или восточной части неправильно. Здесь мы имеем дело с таким же перенесением названия одного племени на схожие по образу жизни соседние племена, которое часто имело место

⁵¹ Китайские описания Улясутайской провинции указывают на народ улян-хай (у монголов — урянхай, разделявшийся на два отдела по имени хребтов, где они жили — Танну-улянхай и Алтай-улянхай) (Риттер, 1860, с. 567).

⁵² Г.Е. Грумм-Гржимайло считает Соян одной из основных «костей» урянхайцев.

в Сибири. Вспомним «остяков». Кеты назывались «остяками», к остякам относили и селькупов до 30-х годов нашего [XX] века. Иными словами, разные народности именовались одним именем. Мы считаем, что Сояны — это древнее население горно-таежных областей Саянского хребта (названного соседями их именем) — расселены были в далеком прошлом значительно на более ограниченной территории, чем мы это видим в настоящее время. По-видимому, основной территорией их расселения и была Саянская тайга, как северная, так и восточная, где они кочевали по обоим склонам, выходя в пределы Сибири в Минусинский край, бассейн р. Тубы и западнее, на левобережье Енисея, а также на восток к оз. Косогол.

Эти племена были (и в значительной степени остались донныне) прирожденными таежными охотниками, включая охоту на медведя, что отличает их от других охотников-тувинцев. Они же (как и группы Чооду) были оленеводами (кое-где остались ими и ныне). Впоследствии исторические события, бурно протекавшие на территории Тувы и смежных областях Южной Сибири, рассеяли Соян на широкой территории.

Не только расселение этой группы очень широко, но и по роду занятий Сояны различаются между собой, а также различны и названия этой группы. Нами записан ряд вариантов этого имени — «Соян, Саян, Соен, Соёт». По утверждению научного сотрудника ТНИИЯЛИ, лингвиста т[оварища] Сат Шулуу (тувинца), варианты «Соен ~ Соет» являются монгольскими. Тувинское имя этой группы — «Соян ~ Саян» (мн.ч. Сояннар ~ Саяннар).

В настоящее время Сояны в основном проживают в восточной части Тувы, в Тере-хольском, Эрзинском, Тоджинском, Тесь-хемском районах. Однако в недавнем прошлом это имя жило и на других территориях Тувы, а именно в ее западных районах. По словам многих тувинцев-информаторов (Тонгак Павел, 54 лет; Чимба Хертэк, 64 лет; Иргит Таада, 90 лет), прежде группы Салчак, Хертэк, Тонгак назывались полным именем Салчак-Соян, Хертэк-Соян⁵³ и т.д. (или Соян-Салчак, Соян-Хертэк и т.д.) [прим. 3]. Теперь частицу «Соян» отбрасывают.

Таким образом, Сояны в Туве ныне разделяются на северных (оленеводов), живущих в Тодже и Тере-хөле, и южных, живущих в Эрзине, Тесьхеме. Предки южных Соян прежде жили на хребте Хан-Хухей, в близком соседстве с монголами (эльчигенами). Они вступали с монголами в брачные отношения, хорошо знали монгольский язык. Здесь был сумон Соян, в который входил хребет Көгей, верховья р. Нарын, оз. Тере-хөль (по-монгольски Шара-нур), Бай-хөль. Границей между Соянами и монголами была р. Хангыльчак, на одном берегу которой жили 600 юрт Соян, на другом — монголы. Начальником сумона «чаңгы» всегда выбирался кто-либо из богатых Соян. Эта группа разделялась на основную древнюю группу собственно

⁵³ Эти полные наименования записаны также Г.Е. Грумм-Гржимайло.

Соян, которые, по словам стариков, размножились и дали ответвления Ак-Соян, Кызыл-Соян, Кашка-Соян, Чолдак-Соян, Түлүш-Соян, Карасал-Соян⁵⁴. Вместе с ними жили группы Иргит, Кыргыз и Чооду. Каждая из перечисленных выше групп Соян была «сеоком», браки внутри данной группы были запрещены. Так, например, группа Кызыл-Соян предпочитала брать жен из группы Кашка-Соян. Если вблизи не было группы Соян, из которой можно было брать жен, женились на женщинах других групп (например, Түлүш, Карасал). Эти браки впоследствии давали новые подразделения Соян с двойным именем. Современные старики помнят, что Сояны стали продвигаться с юга в Туву. Часть кочевала около тувинско-монгольской границы по р. Тесь. И после образования ТНР продвижение на север на территорию Тувы усилилось. Так, Сояны дошли до Тесь-хемского нынешнего района, где мы их видели и сейчас в колхозе им. Сталина. Там Сояны живут и работают вместе со своими старинными соседями Чооду. Эти Сояны (как и Чооду) не знают монгольского языка и прежде в браки с монголами не вступали.

Сояны, живущие ныне в Эрзине (у Бай-хөля и Тере-хөля или Шаранур), до 1944 г. ходили со своим скотом на летовку в Монголию, где у них оставались родственники [прим. 4]. Эти Сояны, старики и пожилые люди, знают монгольский язык, однако родной язык их — тувинский. Ныне все эрзинские Сояны живут и работают в колхозах Эрзинского района (колхоз «Сталинский путь» и др.) вместе с Кыргызами, Иргитами, Чооду. Тесь-хемские Сояны-старики не помнят и не знают преданий о том, что их предки занимались оленеводством. Они утверждают, что в старину их деды занимались, как и они сами ныне, понемногу земледелием (сеяли в долинах просо и ячмень). Пахали «андазыном», впрягая двух волов. Снимали неплохие урожаи — по 60–70 парб зерна. В урожайные годы обменивали зерно на скот у соседей. Основным занятием у этих Соян было скотоводство. Держали всякий скот, кроме яков (Бай-хөльские Сояны держали верблюдов).

Скотоводством Сояны стали заниматься позднее, а в старину главным занятием у них были охота, собирательство, и кое-кто занимался земледелием.

В Тере-хөльском районе (ныне — Шынаанский сельсовет Каа-хемского района) также был сумон Соян, который занимал территорию Тере-хөля и Восточных Саян (вершины рек Каа-хем, Пуса ~ Бусин-гол, Шишкита). В Восточных Саянах был арбан Соян, где жили и сейчас живут Сояны-оленоводы и охотники. В прошлом они не держали другого скота, кроме оленей и немного коней. В настоящее время часть этих Соян вошла в колхоз им. Хрущева (п. Кунгуртук), часть перешла в колхоз «Путь к коммунизму» Эрзинского района, Нарынский сельсовет (бывший сумон Качик

⁵⁴ Информатор — Соян Палтан, родом из местности Көгей.

на р. Нарын). Эти Сояны (Нарынские) еще в недавнем времени имели немного оленей и, утерев их, стали разводить других животных, стали скотоводами. Около самого оз. Тере-холь и по р. Балыктыг-хем проживали группы Балыкчи, которые разделялись на Сарыг-Балыкчи, Адыг-Балыкчи и просто Балыкчи. Старики Соян утверждали, что эти группы относились к Соянам и по-настоящему назывались ранее Сарыг-Соян, Ак-Соян и Соян. Это были Сояны, которые прежде имели оленей и занимались охотой и рыбной ловлей. Позже оленей утерели и, осев около оз. Тере-холь и на р. Балыктыг-хем, стали охотниками-рыбаками.

Некоторые старики Сояны, проживающие ныне в Эрзине, в молодости ходили на охоту в Тоджу, в Тён-Пёшь-тайгу. Встречали тоджинских Соянов, о которых говорят, что они живут лишь охотой и ловлей диких оленей и что язык тех отличается от языка эрзинских Соян. Тесь-хемские и большинство эрзинских Соян не знают Соян тоджинских.

В настоящее время в Тодже также проживает немногочисленная группа Соян. До коллективизации (1949 г.) часть Соян входила в сумон Кол, часть — в сумон Ак-Чооду⁵⁵. Первые назывались Кезек-Соян⁵⁶. Сояны, проживавшие в сумоне Кол (Кезек-Соян), занимались животноводством, охотой, рыбалкой. Сояны сумона Ак-Чооду были и остались в настоящее время оленеводами. Как видно из названия сумона и здесь, в Тодже, как и на юге Тувы, Сояны жили и живут по соседству с Чооду. В 1875 г. о них писал полковник [Н.П.] Бобырь: «...уряньхайцы костей Ак и Хара Джоты и Соины живут в Саянских хребтах около нашей границы», и «все они оленеводы».

Тоджинские Сояны еще в XIX в. в большом количестве кочевали на русской территории в бассейне р[ек] Тубы, Казыра. В исторических документах трактовалось [писалось] о них как об отдельном народе. Впоследствии Сояны возвратились из России в Туву. Причина ухода их за Саяны в Россию, как указывалось в исторической справке, — тяжелые войны, грабежи захватчиков. Причина возвращения из России — более благоприятные политические и экономические условия, сложившиеся к этому времени в Туве.

На русской территории население Присянянь платило двойную дань русскому и китайско-маньчжурскому правительству. Н.Ф. Катанов отмечает, что легкость и быстрота оседания Соян на китайской земле (то есть в Туве) свидетельствует о прочных связях между русскими и китайскими сойонами.

⁵⁵ О них упоминает П.Е. Островских в работе «Оленные тувинцы» [(Островских, 1927)].

⁵⁶ Что значит «верховые Сояны». Эту же группу поминает А.М. Африканов в составе Ойнарского сумона.

Нужно отметить, что название русскими и минусинским населением тувинского народа именем Соян, а хребта — Саянским говорит о том, что именно тувинцы группы Соян встретились им на данной горной территории, а затем это имя было перенесено и на другие группы, проживавшие за Саянами в Туве. Сами тувинцы хребты Саян этим именем не называют.

До 1949 г. Сояны и Чооду редко спускались в долины рек Тоджи. Ныне они все вошли в колхозы Тоджи. Оленеводы Сояны обслуживают оленеводческие бригады колхоза, составляют охотничьи бригады, Кезек-Сояны вошли в животноводческие и полевые бригады колхозов. Еще в 1952 г. среди населения колхозов Тоджи «оленьщики» выделялись своей культурой. Но уже к 1955 г. в процессе совместной работы и жизни в оседлых поселках колхозов, с развитием образования в школах Тоджи, уровень культуры «оленьщиков» возрос, и различия в быту, в языке стираются.

О происхождении Соян записана С.И. Вайнштейном легенда. Ему рассказывали старики, что Соян произошли от брака женщины с медведем-рыбаком. Сначала они жили в пещере Соксая на р. Муртун в Монголии. Затем перешли в местность Алтай-хөль. Здесь размножившиеся Сояны разделились на лесных и степных. Лесные приручили оленей, и часть их ушла на реки Хук и Пелым; другие — степные — ушли в местность Агар⁵⁷, Шагры по р. Тесь и в местность Хок. Предание отражает исконность промыслов охоты и рыбной ловли у Соян, которые, как мы упоминали выше, и донныне коренные охотники; они охотятся специально и на медведей, тогда как другие группы бьют медведей лишь при встрече с ними, по необходимости.

Предание отражает позднейшее освоение оленеводства и разделение Соян на скотоводов и оленеводов. Указано и местопребывание группы южных Соян — бассейн р. Тесь, оленеводов — реки Хук и Пелым, где до 1944 г. были оленные и охотничьи угодья, считавшиеся коренными землями Соян и Чооду, ныне отошедшие к МНР.

Кроме указанных групп Соян в ТАО, Сояны (Соины) проживают в бассейне верхнего течения р. Кобдо. О них подробно писал [А.М.] Позднеев, упоминают и другие авторы, называя их «кокчулутунами»⁵⁸. Эта

⁵⁷ О местности Агар, как и о хребте Кёгей упоминается в призывных песнях тувинцев, записанных Н.Ф. Катановым: «Прекрасный Агар-гора, мое жилище!», «Прекрасный Кёгей, мое жилище!» (Катанов, 1907, с. 6, № 364).

⁵⁸ «Урянхи кочевали от р. Кобдо до Хара-Ирциса (Черного Иртыша) и называли себя Соин (принадлежали к Урянхайн долонхошу). Говорили на урянхайском языке, который называли «тэленгитским». Но за последние 50 лет свой язык у них в презрении, и большая часть народа говорит на наречии чжунгарских ологов монгольского языка. В степях еще есть «простаки», говорящие по-«соински» и «тэленгитски», но в хуре-ямунях и при чиновниках все обязаны говорить по-монгольски, как бы плохо ни говорили. В административном отношении эти урянхи разделяются на семь хошунов, управляемых двумя амбанями, четырьмя дā и одним мэйренем, который почитается главой не только своего, но и всех

оторванная в XVII в. от своих соплеменников группа урянхайцев Соин разделяется на Сарыг-Соин («сары сойн», по записям Г.Е. Грумм-Гржимайло) и Кара-Тошь. Имеется среди них подразделение Ирхыт. [А.М.] Позднеев указывает, что в степях часть этой группы говорит по-«соински», следовательно, в его время они были не полностью омонголены. Еще южнее группа урянхайцев, о которой упоминают исследователи, была в то время полностью омонголена и приняла название «ёлёт». О них упоминали М.И. Венюков⁵⁹ и Г.Н. Потанин. Последний пишет, что кокчулутуны живущих от них на юг урянхайцев, говорящих по-монгольски, называют «тангдылар» (от Тангды, adj от слова «танг»). Сами тангдылары говорят, что монголы неправильно называют их «урянхайцами», что они «ёлёты», родственны баитам, дюрбютам, что «урянхайцы» — это кокчулутуны (Потанин, 1881, вып. II, прим. 77). Кокчулутуны и Тангдылары кочевали в тесном соседстве. В составе Тангдыларов были сумо Мингыт, Орцык, Тангдыс, Тумат и другие. Часть этих имен имелась и у урянхайцев — Оорджак (Орцык), Туман (Тумат) и другие. Среди «костей» у этих урянхайцев имелись Бюргут, Дюрбют, Теленгыт, Тархыт и другие. В этих именах опять встречаем знакомые урянхайские и алтайские «кости». Эти группы — скотоводы и охотники (в том числе и на соболя). Земледелием не занимались. [Г.Н.] Потанин отмечает, что до нападения на них племени Барлык эти группы жили богато.

Если кокчулутуны сохранили имя «Соян» и другие древние имена, которые мы встречаем и в Туве, а сами себя называли «Туба», кое-где сохранили и язык во времена [А.М.] Позднеева, можно предположить, что эта группа в прошлом была тесно связана с населением Тувы. Группа так называемых Тангдыларов, возможно, и не являлась отторгнутой от тувинского населения частью, а слагалась на другой этнической основе (в основном алтайско-тюркской).

Группа Соян-тувинцев на всех территориях ее расселения проживала и живет поныне по соседству с группой Чооду. Обе группы (Соян и Чооду) на северо-востоке и востоке Тувы — оленеводы и поныне. Заслуживает внимания тот факт, что как на западе, так и на юго-востоке Тувы группы

семи хошунов. Он родом из Халхи. В старину соины призвали к себе для управления одного из халхасских тайчжиев, и от него пошел род соинских или урянхайских мэйреней. Призвали они чужого тайчжи потому, что все соинские роды принадлежат к черной кости, а чтобы стоять во главе управления нужно быть «цаган ясутай» — белой кости. Все урянхайские нойоны учатся с 13–14 лет в г. Улясутае. Через три года делают сбор дани богдохану, в количестве 800 соболей, везут в Улясутай. Все эти урянхи — ламаисты. Мэйрень жил в Алтае, на одном из притоков Иртыша» (Позднеев, 1896, с. 363).

⁵⁹ М.И. Венюков упоминает, описывая население Чжунгарского пограничного пространства, о небольшом числе, «вероятно, менее тысячи», урянхов, «финно-монгольского народца», рассеянного в южных частях Алтайской горной страны, по рекам, текущим «справа в Черный Иртыш» (Венюков, 1871, с. 267–348).

Иргит, Хертэк, Салчак и Соян проживают (а на западе, по-видимому, проживали) вместе. Вспомним, что имя групп Хертэк, Салчак включало и имя Соян, назывались Соян-Хертэк, Соян-Салчак.

О совместном сожительстве группы Соян с перечисленными выше группами (Салчак, Хертэк) на западе Тувы у населения не сохранилось воспоминаний. Л.П. Потапов указывает, что в XVII в. Сояны кочевали вместе с Точами по склонам Саянских гор и появились даже на Алтае (Потапов, 1956). Сожительство групп Соян (~ Соин) и Иргит (~ Ирхыт) прослеживается и у оторванных от массы тувинцев групп (упомянутое выше кокчулутуны, тункинские Иргиты). Подразделения южных Соян на группы с двойным именем, как мы упоминали выше, образовались в силу экзогамных норм, о которых память жива и ныне у пожилых тувинцев.

Относительно значения слова «Саян-Соян» нет определенных сведений [прим. 5]. Один из тувинцев-информаторов указал, что, возможно, это имя связано с монгольским словом «олень» — «са́» — и является производным от него, поскольку все Сояны были когда-то оленеводами. Любопытно в этом замечании то, что гласный в слове «са́» действительно мог впоследствии дать расчленение на «а» и «о» и породить разноголосицу в произношении имени «Соян-Саян»⁶⁰. Однако данное замечание мало дает для раскрытия истинного значения этого слова в настоящее время.

Вывод из вышесказанного следующий: имя «Соян ~ саянцы, сёт» и т.п. не применимо ко всему народу, населяющему Туву. Это имя носила древняя большая группа, проживавшая по хребтам Саян (западным и восточным) с древнейших времен. По их имени названы хребты⁶¹. В древние времена это были охотники-рыболовы, впоследствии часть их освоила сначала вьючное, а затем верховое оленеводство; часть, рассеянная войнами, ушла далеко на юг Западной Монголии, где также занималась охотой и от кочевых скотоводческих племен, а также от племен, занимавшихся земледелием, переняла эти отрасли хозяйства.

Позднее южные группы, вновь согнанные со своих территорий, подаются на север, на южные территории Тувы, где мы их ныне застаем. В процессе передвижений Сояны смешивались с различными скотоводческими и охотничьими группами, вступали с ними в брачные связи, что и обусловило возникновение групп с парными именами. Сояны не передвигались обособленно, а входили в союз племен с другими группами Иргит, Чооду и в меньшей степени с Салчак, Хертэк и др. Если южные группы последним передвижением шли с юга на север, то часть оленевод-

⁶⁰ Ср. селькупское «ма́т», в диалектах дающее «мат» и «мот» — «дом», и другие слова.

⁶¹ [И.Э.] Фишер («Сибирская история») писал, что алтайские /китайский Алтай. — Е.П./ и вернее енисейские Сояны «были прежде один народ. Имя их по-татарски “сеен”, и славные Саянские горы получили название от этого народа» (Фишер, 1774, с. 458).

ческих групп Соян ушла в Восточные Саяны и далее на юг в пределы Тере-хёля. Часть этих Соян, утратив совсем в недавнем времени оленеводство, освоила животноводство. Разница в культуре Соян-оленоводо-в, пришедших с севера, с культурой других скотоводческих групп тувинцев (в Тодже, Тере-хёле, Эрзине) еще не стерлась. Южные же Сояны, переселившиеся в Туву скотоводами, не отличны по культуре от групп тувинцев, с которыми они ныне соседствуют (в Тесь-хеме, Эрзине). Оторванные от своего племени кокчулутуны — Соины китайского Алтая — ассимилировались с монголами.

Почти все исследователи отмечают, что племена, населявшие Туву и близлежащие области северных склонов Саянского хребта, племена, которые русскими, минусинскими племенами, китайцами и монголами назывались «соянами, соетами, урянхайцами», сами себя называли «тува ~ туба». П.Е. Островских отмечает, что «тува ~ туба» в среде населения Тувы называют себя только тувинцы западной, степной части страны, что они, «по-видимому, тюркского происхождения», родственны алтайцам, хакасам и шорцам, а восточные тувинцы (в Тодже) называют себя «туха ~ тухаляр»⁶² и являются «загадкой для науки». Во всяком случае восточные тувинцы, по его мнению, не тюркского происхождения. М.И. Райков отмечает, что сойоты называют себя «тувакжисы», и переводит это имя «люди Тувы», и разъясняет, что это значит «народ, принадлежащий Туве, подданные Тувы или Тубы». Иначе говоря, «Туба» не является этническим именем народа, а лишь указанием на его подчинение. При этом М.И. Райков напоминает, что до XVII в. тувинцы жили по р. Тубе и позднее ассимилировались с качинцами. Того же мнения придерживается и М.Х. Сейфулин.

Многие авторы самоназвание сойот «Туба» производят от р. Тубы, где жили родичи сойот, оттесненные в Абаканские степи. Д. Каррутерс считает, что «Туба» — это население бассейна верхнего Енисея, не имеет ничего общего с сойотами. Он считает, что «Туба» не есть наименование какого-либо отдельного племени, «но обозначает собой целую, ныне рассеянную самоедскую расу, когда-то жившую сплоченно». В другом месте автор прямо отождествляет «Туба» с древними енисейцами, упоминая «древние енисейцы или тубы» (Каррутерс, 1914, с. 210).

Начало научному определению «Туба» как самоедского племени, подвергшегося тюркизации, положили лингвистические и этнографические исследования [М.А.] Кастрена⁶³. В дальнейшем исследователи повторяют

⁶² То же утверждает С.И. Вайнштейн. Наши материалы и многочисленные литературные материалы не подтверждают этого.

⁶³ [М.А.] Кастрен писал: «Китайские сойоты говорят теперь почти тем же тюркским наречием, как и минусинские татары. И очень вероятно, что и в старину большая часть их были чистые тюрки или татары. Но некоторые из них, несомненно, самоедского происхождения». Цит. по: (Костров, 1879).

его выводы со значительными вариантами. Если [М.А.] Кастрен считал, что только часть сойот-туба являлись в далеком прошлом самоедами, то впоследствии многие исследователи считали всех вообще тувинцев (и все племена, имевшие самоназвание «Тува ~ Туба ~ Туфа ~ Тофа») тюркизированными самоедами, остатками тех племен самоедов, которые ныне живут на далеком Севере. В этом плане П.Е. Островских упоминает о встреченном им в с. Дудинке ненце по имени Туха. По имени самоедских Туба названа р. Туба (р. Упса), приток Енисея, где в XVII в. было «Тубинское княжество». О населении этого княжества [В.В.] Бартольд отмечал, что уровень его культуры был ниже, чем в других киргизских княжествах, что тубинцы не имели коров, овец, держали лошадей и оленей (Бартольд, 1928, с. 23).

М.Х. Сейфулин называет население Тубинского княжества «северными тувинцами», «собственно тувинскими» племенами, которые выселились сюда после XIII в. из Тувы, а впоследствии вернулись в Туву, о чем мы говорили выше.

Л.П. Потапов в «Очерках по истории хакасов» [«Краткие очерки по истории и этнографии хакасов»] пишет, что господствующим населением тубинского улуса были тубинцы, видимо, южносамоедского происхождения, далекие потомки Дубо китайских летописей. Они скрещивались и смешивались путем браков с тюркоязычными киргизами (частично с качинцами), которые во второй половине XVII в., несомненно, жили на территории, освоенной населением этого улуса, и здесь они и издавна сходились с тубинцами. Данниками тубинских князей, бывших в брачных связях с княжескими семьями киргизов, по материалам исторических источников, были камасинцы, богоджи, мингаты, байкотовцы, кайдинцы, иркиты и некоторые тюркоязычные группы (качинцы, шорцы, котты, ассаны, камасинцы и др.) (Потапов, 1952, с. 51, 85).

По историческим документам XVII в., основное население Тубинской земли Л.П. Потапов характеризует как «конгломерат» разноязычных групп и племен, живших вообще по северным склонам Саян, в котором весьма значительными были самоедские роды, как, например, Богоджи, Могати и др. В доказательство приводятся сведения [И.Г.] Георги, по которым тубинцы до прихода русских представляли собой «многолюдное и храброе самоедское колено», жившее по р. Тубе, «по которой оно и называлось». [И.Г.] Георги считает, что «колено это» было во время войн истреблено и рассеяно между тюркоязычными племенами.

Совершенно очевидно, что многочисленные свидетельства о проживании на указанной территории самоедоязычных племен правильны. Записи словарей, утверждение представителей этих племен о бытовавшем у них ранее языке — все это не вызывает сомнения. Однако утверждение, что именно Дубо — древние племена — и тубинцы — их потомки — в прош-

лом были самоедоязычны, а этноним «Туба» принадлежал самоедским предкам, не доказано и по сей день. Более того, существуют, правда, многочисленные предположения, что Дубо и Тува были тюркоязычными племенами. Прежде чем привести [перечислить] эти предположения, мы приведем некоторые соображения по поводу самоедских этнонимов. Нужно сказать, что современные самодийские группы (ненцы, энцы, нганасаны, лесные ненцы) этнонима «Туба ~ Тува ~ Туха» не сохранили ни в языке, ни в фольклоре. Одним из наиболее сохранившихся древних этнонимов у самодийских указанных групп является этноним «Касса ~ Хаса» в значении «человек ~ мужчина»⁶⁴. Другой этноним, сохранившийся в самодийских языках, — «Сап ~ Сяң ~ Щаң» и т.д.⁶⁵ Этноним «Туба» в этих языках отсутствует как для широкого племенного, так и для родового обозначения. И только в живом селькупском языке этноним «Туба» в форме «tibiqum, tese-qum; tim-tem-ṛa» в значении «мужчина» — «брат», в сочетании с общим этнонимом «qum//p» — «человек» имеет место. Наряду с ним бытует переосознанный этноним «каса» в форме «к̄асы» как название фратрии селькупов, а также в фольклоре, где в эпосе описывается борьба между двумя племенами. Там богатыри — враги селькупов — называются «m̄ator», а свои богатыри — «r̄up̄a kasa» (каменные кассы). Этот же этноним отмечен и у групп, утративших свой язык, — койбалов (тофа), камасинцев и др.

Следует обратить внимание [на то], что этот этноним входит компонентом в такие имена, как «карагасы», «точигасы» (тоджинцы), в имя одного поколения урянхайцев (и ныне у тувинцев) Хас-ут (где «ут» — монгол. мн. число).

Этот этноним входит в названия родов хакасов (например, Ак-кас)⁶⁶ в родах абак-киреев (Кара-касы — одно из двенадцати колен этого народа) (Потанин, 1881, вып. II, с. 2). Г.Н. Потанин обращает внимание на этноним «Кас» у кыргызов Черного Иртыша (Потанин, 1881, вып. II, прим. 19, с. 3, 91 и т.д.). Отметим, что по древней китайской транскрипции слово «кыргыз» писалось «гянь-гунь», а в VII в. стали употреблять «хягас» (Бартольд, 1928, с. 9)⁶⁷. Обратим внимание на большое количество топонимов на территории племен с древним этнонимом «Кас».

⁶⁴ «Хасава» — мужчина (ненецк.); «kuajuma > kuasu-mu» — мужчина (нганас.); «k̄asa» — мужчина (энецк.); «kuza» — человек, мужчина (камас.); «kasa» — мужчина (койб.); «chasyu» — мужчина (маторск.); «касса» — в ритуальном языке ваховск. хантов — человек.

⁶⁵ Ненес̄ > осн. ненецаң (ненецк.); энец̄ (энецк.); нганесаң (нганасан.); неусаң (лесн. Ненцы); кама(ши)-сан (камасинск.) (Прокофьев, 1940).

⁶⁶ Моховы в Туве (Антон Ив[анович] Мохов, Тува, 1955 г.).

⁶⁷ Не этот ли этноним отражен в приводимом [Н.Я.] Бичуриным имени «хасиву», однозвучном с ненецк. «хасава»?

Мы считаем бесспорным, что народ, проживавший на своей территории длительное время, давал ей имя по собственному имени. Нет нужды доказывать это примерами. Обширной территорией проживания древних Касов была, по-видимому, местность около озера, имевшего это же имя Каса-холь (в современности Косогол), по-халхасски-монгольски — Хубсугул-талай, по-урянхайски — Эджь (Потанин, 1881, вып. II, с. 52, прим. 88), по-карагасски — Каза-талай ([Потанин, 1881, вып. II(?)]). Этот же топоним имеем в названиях притоков Енисея — Большой и Малый Кас, притоков Тыма — Большой и Малый Косес (где имеем кетское имя «сес» — река), в имени р. Тым — «Касылькы» (кас + ыль-кы). Мы не предпринимали специальных поисков топонимов, приводим лишь то, что встретили на пути исследования, но и это нам представляется значимым. Топонимы имеются там, где жили или живут самоедоязычные племена.

Наличие этого этнонима у всех самодийских групп (северных современных и южных отюреченных) свидетельствует о том, что Касы были предками самодийцев. Этноним «Туба» встречаем лишь у южных групп самодийцев, в частности у селькупов. Сохранение у последних этнонима «Каса» в переосознанном значении говорит о том, что позднейшие исторические судьбы этого народа были иными, чем у северных самодийских племен. Эти судьбы отразились прежде всего на языке селькупов. Язык селькупов, в основе своей самодийский, отличен от языков северных самодийцев совершенно иной фонетической системой, не только сходной, но полностью соответствующей тюркской фонетической системе.

Словарный фонд селькупского языка включил в себя значительное количество тюркских слов. Эти включения следует различать: основные — древние уйгурские и позднейшие (для нарынской группы селькупов) — сибирско-татарские заимствования.

Грамматический строй селькупского языка также несет в себе следы влияния тюркских языков (особенно нарымские диалекты). Древние тюркские элементы имеются в словарном фонде и северно-самодийских языков, но в очень незначительном количестве. Исследования последних лет проф. [А.П.] Дульзона о языке чулымских татар, которых автор считает отатарившимися селькупам и кетам, вскрывает в их языке общности с древним уйгурским. Автор признает возможным, что эти общности «могут быть пережиточно сохранившимся отражением значительно более древних связей с угурами тех носителей тюркского языка, язык которых впоследствии распространился по Чулыму и Томи» (Дульзон, 1952, с. 68). Это высказывание приведено нами в подтверждение нашей характеристики тюркских языковых элементов у селькупов как уйгурских⁶⁸. Любопытный

⁶⁸ У тофаларов в призываниях сохранился уйгурский термин «Идигет» для России, «Идикут» для русского царя (Катанов, 1907, с. 70, № 578).

факт отмечен был нами в 1930-х гг.⁶⁹ и позднее проф. [А.П.] Дульзоном: бытование на территории Южного Нарыма, нижнего течения р. Чулым, этнонима «каракас ~ карагаз» (Дульзон, 1952, с. 67). Этот этноним, по словам проф. [А.П.] Дульзона, не отрицается, но считается населением «обидным». Группы с этим именем предпочитают называть себя и своих людей «пистың кижиги» (то есть «наши люди»). Нам рассказывали селькупы, что некоторые из их соплеменников ранее назывались «карагасы», и так писали в переписи 1926 г. Бывали браки, когда муж регистрировался и писал «каракас», а жена — «селькупка». Так называемые «карагасы» отличались от других групп селькупов Нарыма большим «уменьем» в рыбной ловле, в изготовлении рыболовных орудий, лодок и т.п.

В этом плане привлекает название «Качинцы», которые явились народом тюркизировавшим самоедо- и кетоязычные племена Соян, по мнению [М.А.] Кастрена и других исследователей. По материалам Г.[Ф.] Миллера, имя «Качинцы» получено ими от русских в XVII в. и является производным от слова «каш» или «кашка» (plug. каштар или кашкалар) (Цит. по: Потапов, 1952, с. 73). Этим именем называла себя часть качинцев, «представлявшая собой родовую или племенную группу». [Г.Ф.] Миллер указывал, что сами качинцы себя этим именем не называют и переводят это название на свой язык «Изыр кичи», то есть люди, живущие по р. Изыр (р. Изыр-су = р. Кача)⁷⁰. Л.П. Потапов из этого заключает, что качинцы — это то же, что «езерцы ~ изирцы» и что «в подобных терминах отражается преобладающее значение территориальной общности в жизни населения, которая начинает превалировать над родоплеменной общностью, что свидетельствует о разложении последней» (Потапов, 1952, с. 73). Среди езерцев был Мугатов улус, получивший название по линии князька Мунгата. Возможно, в этом имени отражен общий с самодийским этноним «Мунгадди» от «мунка ~ мёнка» («лес»), имеющийся и у северных и западных современных тувинцев, как древнее название леса⁷¹.

В составе Камассинской землицы в конце 50-х годов XVIII в. имелся улус кашинцев Мунгатков (Могади). В сноске Л.П. Потапов указывает, что в скобках даны камассинские названия улусов и родов, дошедших до XIX в. В данном случае ясно, что улус назван по имени населения. Любопытно, что в названиях улусов мы находим современные фамилии селькупов: Тагин, Каргин или Каргулов, Мунтуков (баишенские Мандаковы). Качинская земляца в XVII в. состояла из пяти улусов, в том числе Тубинского или Тубалар аймака. Л.П. Потапов отмечает, что названия улусов Кашка, Пюрют, Изир и Туба бытовали у качинцев до Великого Октября

⁶⁹ Наши экспедиции в Нарым 1932–1933 гг. /Е.П./

⁷⁰ Р. Кача названа этим именем русскими по населению.

⁷¹ Материалы наших экспедиций 1953–1955 гг. /Е.П./

«как названия сеоков», которые в числе других жили прежде, согласно преданиям, по р. Каче и затем ушли в степи левобережья Енисея (Потапов, 1952, с. 77). Кроме того, имеются сведения, что качинцы уходили на север вниз по Енисею к кетским и кемским вершинам с женами и скотом.

Качинцы жили в тесном общении с аринами, вступали в брачные связи. Часть тех и других насильно уводилась кыргызами в Киргизскую землю. Л.П. Потапов указывает, что в составе кашинцев Канской земли была часть самоедоязычного населения. Мы можем предположить, что это были группы «Каш ~ Kazkac», которые связываются с самоедоязычным населением и ныне. Наличие самодийских древних этнонимов («Касс» и «Мунга») у качинцев, название всего народа по этнониму «Каш» позволяет предположить, что в далеком прошлом основная масса, составившая современных качинцев, была самоедоязычная. Они занимали часть обширной таежной территории, примыкавшей с севера к территории, заселенной племенем Дубо. Еще в древности Касы были последними частично тюркизированы. Впоследствии Дубо и Касы на данной территории общались с предками современных кетов — аринами и котами, вместе с ними стали данниками кыргызов, переселялись добровольно и насильно, возвращались и, таким образом, вновь тюркизировались уже кыргызами, а впоследствии — уйгурами.

В памяти качинцев отражено возвращение части их предков с р. Тобола в конце XVI в. Частично утрачивались в силу смешения племенные имена, как мы приводили выше высказывание Л.П. Потапова, большее значение получала географическая общность, группы принимали географические названия. Племена Дубо, согласно китайским летописям VII в., вероятно, занимали территорию к западу от Косокола, по склонам Северных и Восточных Саян, заходя в бассейн р. Казыров и р. Тубы. Название последней отразило проживание на ней древних Тубов (Дубо), но впоследствии было переосознанно в нормах самодийского языка: «ту-бу», где «бу» — самодийское (древнее) «вода, река». Подобные топонимы еще можно найти на этой территории, например р. Пимей-бу и т.д.

Основная часть самоедоязычных Каса ушла со своих мест задолго до сожительства с древними Дубо. По исследованиям Г.Н. Прокофьева, древние самодийцы ушли с Саян во II в. н.э. Эта дата соответствует нашим рассуждениям о Дубо. Судя по историческим материалам, Тоба ~ Тобасцы начали развивать наступательные действия в III в. н.э. Вот почему современные северные самодийские племена этого этнонима не имеют и не могли иметь. Но не все самодийцы ушли с Саян в одно время. Остались группы Касов, слабые, ослабленные уходом на север основной массы народов, и эти группы долгое время сожительствовали с Тоба, образовали новые этнические группы, сложившиеся из тех и других племен. Так, селькупы хранят об этом воспоминания в древней социальной организации

(2 фратрии), в этнониме «tibi», в религиозных представлениях, в фольклоре и языке. Эти моменты связывают селькупов с остатками южносамодийских племен Саян, со всеми группами, имеющими следы бытования этнонимов «Кас» и Туба».

Н.Ф. Катанов, исследуя урянхайский и самодийский языки, недаром отметил, что если имеются в этих языках схожие слова, то они оказываются либо тюркскими, либо монгольскими. И [М.А.] Кастрен недаром отмечал связи южносамоедского языка с тувинским. Однако и в северных самодийских языках имеются, как мы предполагаем, многие связи с тюркским и монгольским языками. При изучении фонетических изменений в самодийском языке, в историческом плане фонетических соответствий, возможно, в будущем будут обнаружены более широкие общности. Приведем пример: энецкое «ко» — лось, тувинское «коукаш» — олень. Эти общности возникли в процессе формирования языков в древнюю эпоху.

Вывод из приведенных выше рассуждений следующий. Этноним «Туба ~ Тува», по-видимому, не является древнесамодийским. Самодийским этнонимом следует считать древнее имя «Каса». Г.Н. Прокофьев, анализируя языки саянских и северных самоедов, их племенные названия, приходит к выводу, что племена Каса-Хаса являлись самоедоязычными, предками как саянских, так и северных самоедов, ушедшими с Саяно-Алтая во II в. н.э. (Архив ИЭ. Ф. 6. Г.Н. Прокофьев, папка № 1).

Этноним «Туба ~ Тува» связан с древним народом Дубо ~ Тоба, пришедшим позднее на территорию древних Каса. Дубо⁷² были, по-видимому, тюркоязычным скотоводческим народом. [Р.] Pelliot [П. Пеллию] нашел в китайских исторических документах словарь тобаских слов. По его определению, в нем в основном тюркские и общие тюрко-монгольские слова⁷³. Дубо и были первым тюркоязычным народом, соприкасавшимся и повлиявшим на языки разрозненных оставшихся на Саянах самоедоязычных групп Каса, которые восприняли этноним «Туба» и некоторые элементы тюркского языка. В дальнейшем самоедоязычные, кетоязычные племена и племена Дубо были неоднократно подчиняемы различными тюркоязычными народами.

⁷² И. [Н.Я.] Бичурин, приводя китайские летописные материалы VII в. о Дубо и других племенах Прикосоголья, называет эти племена «дулгаскими». Так он читал китайские иероглифы, обозначавшие этническую принадлежность этих племен. Другие исследователи читали эти иероглифы как «тукую», «турк» и считали такое толкование более правильным. Таким образом, это указание путешественников можно считать говорящим в пользу тюркской принадлежности дубо и других указанных племен (милингэ, эджи).

⁷³ Любопытно приведенное [К.] д'Оссоном рядом с именем династии «косоплетов» (сяньби, тоба) Тоба (осн. в 386 г. н.э.) имя Sotous, схожее с именем группы тувинцев Чооду (по урянхайски — р. Хук — Sot). Это имя (Sotous-) [К.] д'Оссон не объясняет.

Вспомним рассказы тувинцев о приходе в Туву с Алтая людей, которых они называют «тёлёк, тёлёги». По-видимому, это были представители телесов. [Н.А.] Аристов характеризует их как «чистых тюрок», происходящих от «тукю». Следовательно, влияние языка «тукю» также имело место в формировании тувинских диалектов. Уйгуры являлись наиболее сильным из этих народов⁷⁴. Уйгурский элемент мы находим в южносамодийских языках и языках некоторых групп современных южносибирских татар ([А.П.] Дульзон). По-видимому, Дубо были основными предками современных восточных тувинцев, которые были охотниками, коневодами⁷⁵. Соприкасаясь с самодоязычными племенами оленеводов на хребтах Саян, смешиваясь с ними, Туба приняли от них оленеводство, сделав его верховым (у первых оно было обычное). Этот процесс отражен в фольклоре тувинцев восточных территорий, где нет упоминания об олене. Археологические исследования С.И. Вайнштейна показали, что в степях Тоджи жило скотоводческое древнее население. Вот почему тувинцы юга, запада Тувы тодженцев называют «настоящими, древними тувинцами»⁷⁶. Из этого следует, что самодийский элемент в тувинском народе очень и очень незначителен, даже в восточной его части.

Штабс-капитан [Е.Ф.] Августус, начальник команды разведчиков полковника Генштаба В.Л. Попова, пишет в рапорте последнему о том, что, обследовав в течение двух месяцев архивы, музеи, книгохранилища городов Красноярска, Минусинска, станиц Абаканской, Саянской, Таштыкской, Молокской и т.д., он установил, что старинные документы не сохранились, вследствие пожаров и расхищений любителей старины. Самые древние документы относятся к началу XIX в.

Из расспросов «наиболее толковых сойот» он выяснил, что деды и прадеды урянхов слышали от своих предков, что они пришли с р. Тубы, переехав через Саяны и расселились по совершенно безлюдному пространству между Улу-кемом и оз. Упса. По рекам Кем, Кемчик Бом и Тесин голу /в это время. — Е.П./ были одни лишь каменные могилы «Кыргыз таш»⁷⁷.

Это воспоминание может относиться к периоду, когда основная масса кыргызов была угнана из степей Тувы. Об этом пишет М.Х. Сейфулин,

⁷⁴ Карагасы в нашем веке русского царя называли уйгурским термином «Идикут», а Россию — «Идигет» (Катанов, 1907, с. 78, № 578; Поппе, 1938, с. 1).

⁷⁵ [Р.М.] Кабо: «...одним из значительных скотоводческих племен, входивших в политические соединения киргизов, было племя туба, жившее по р. Упса (теперь р. Туба...). Это племя подчиняло себе и те охотничьи племена, которые жили в предгорьях Саян и Алтая. “Более сильная культура туба накладывала известный отпечаток на мелкие племенные группы. И они начинали себя сознавать как люди тубы — тубалар”» (Кабо, 1934, с. 54). [Р.М.] Кабо цитирует Н.[Н.] Козьмина (Козьмин, 1925, с. 33).

⁷⁶ В Тодже сохранилось имя сеока «Тоба». В колхозе «1 Мая» колхозник Холл [Кол?] Ыйен Таргыйбан сообщил нам, что он из сеока Тоба, 1952 г.

⁷⁷ Попов, 1913а, с. 173.

считая, что тогда этноним «Тува» и мог стать именем всех тувинских племен, так как племена с этим именем в тот период были основным населением в Туве. К этому времени племена с именем «Туба» представляли собой «конгломерат» разноязычных в прошлом племен, объединенный этим именем (географическим) по р. Тубе и политическим — подданные Тубинского улуса. Этноним «Туба» бытовал и как этноним для группы племен, и как имя отдельных родов [прим. б]. Древние Дубо смешались в большей или меньшей степени с самодоязычными племенами Кас, с кетоязычными племенами Щанг ~ Сянг и с тюркоязычными кыргызами, алтайскими древними тюрками, уйгурами, а частично с монголами.

<...>

Чогду — по словам стариков-тувинцев, Чогду проживали в старину около оз. Тере-холь (современного Шынаанского сельсовета). В настоящее время (в 1955 г.) остался лишь один представитель этой группы. Многие Чогду в старину жили в долине р. Ит. Тувинцы считают их монголами. Прежде между Чогду и юго-восточными тувинцами были оживленные торговые связи. Тувинцы покупали (обменивали) у Чогду оружие и железные предметы (котлы и пр.). В настоящее время на р. Ит Чогду не живут. «Там живут другие монголы», — говорят старики. Тувинцы вступали с Чогду в брачные связи. Так, у последнего «чалана» в Тере-холье мать была Чогду, отец — Соян. Известно, что у карагасов преобладающей является группа Чогду (Джокду). Г.Н. Потанин упоминает, что по этой причине буряты называют карагасов «Зуктен»⁷⁸. Джокду входили в сумон, подчиненный хотогойтскому Вану, кочевавшему в долине р. Хук, вместе с родами Зот и Эльджиген (так называемые хукские урянхайцы). П.Е. Островских упоминает род Шагда (Чагда) в составе населения Тоджинского Кол-сумона (Куль-сумо. — П.Е. Островских). Г.Е. Грумм-Гржимайло считает это имя вариантом имени Чжода /Чооду. — Е.П./ (Островских, 1927; Грумм-Гржимайло, 1930, с. 90). Однако группу тувинцев Джокду относит (как группы Салчак и Монгуш) к группам «монголов более чистой крови», вошедших в состав тувинского народа.

Все вышесказанное свидетельствует, что на востоке Тувы, по хребту Восточного Саяна, на его восточных и западных склонах, как на севере, так и на юге, проживала группа Чогду-Джокду-Шагда-Чагда и т.п. Остальные представители этой группы жили и живут до последнего времени на территории Тувы, но большая часть живет за ее пределами, за Саянским хребтом. На территории Восточной Тувы живут группы Чооду, а группа Чогду ушла, как мы упоминали выше. При этом у карагасов, ближайших соседей тоджинских Чооду, с которыми у последних были тесные связи до

⁷⁸ Г.Е. Грумм-Гржимайло одну из бурятских групп (бывшего Нижне-Удинского округа), носящую имя «Зукден», сближает с именем карагас — Чогду.

недавнего прошлого, имеются основные разделы Ак- и Кара-Чогду, которых исследователи сближают с Ак- и Кара-Чооду в Тодже, а тувинцы считают родственными. В то же время юго-восточные тувинцы и некоторые исследователи, как мы выше отмечали, считают Чогду монголами, а Чооду — тувинцами. Встает вопрос, разные это группы — Чогду и Чооду — или родственные? Почему тоджинские Чооду считают карагасов Чогду родственными, а юго-восточные группы тувинцев Тере-хёля считают хукских Чогду монголами?

Нам представляется важным признание тоджинскими Чооду родства с карагасами Чогду и непризнанное самим автором утверждение Г.Е. Грумм-Гржимайло о том, что тоджинское Шагда-Чагда является вариантом имени Чжода (Чооду). Следует обратить внимание на чрезвычайно интересный факт бытования у восточных групп тувинцев в топонимах и в этнонимах древних форм слов, сохранения древних фонетических норм. Вспомним записанные исследователями варианты топонимов. [Д.А.] Клеменц записал название современной р. Тоора-хем в варианте «Тогра-хем». П.Е. Островских название р. Пий-хем записал «Пег-хем». Д. Каррутерс имя «Тоджа» записал в форме «Тойя». Мы записали имя группы тувинцев «Куку». Все это более древние формы имен, которые ныне забываются, изменяются в процессе развития живого тувинского языка. Закон исчезновения глубокого заднеязычного и замена его промежуточным гласным или увеличение долготы соседних гласных проявляется в этих вариантах: «Пег-Пей-Пий», «Тогра-Тора (Тоора)», «Куку-Ку (Куу)» и т.п.

То же самое мы имеем и в имени Чогду-Чооду. По-видимому, это было одно племя, которое имело в прошлом имя Чогду [прим. 7]. Часть этого племени в процессе исторического развития отделилась и ушла (или осталась) по восточную сторону Саян, сохранила древнее звучание этнонима (карагасы). Другая часть в Тодже со временем изменила этот этноним, сохранив воспоминания о родстве с отделившейся группой. Часть засаянских Чогду вошла в тесную связь с чисто монгольскими племенами, в частности эльдзигенами, более экономически сильными, а может быть, и более многочисленными⁷⁹, и со временем омонголилась.

Юго-восточные Чооду, а тем более Иргит, Хертэк, Кыргыз и Соян, воспринимали представителей этой хукской группы как монголов, утратив всякое воспоминание о былых, древних связях.

Тувинцы группы Чоду ~ Чооду расселены ныне на значительной территории восточной и юго-восточной части Тувы. Большая группа Чооду проживает в Тодже, где разделяется на Ак-Чооду и Кара (Параан)-Чооду. Первые живут в северо-западной части горной Тоджи, вторые — в северо-восточной. Некоторые информаторы проживающую в Тодже группу Хеюк

⁷⁹ См. приложение о крепости в Тере-хёле.

называют Хеюк-Чооду. Наименование «Параан-Чооду», как нам разъяснили тувинцы, является монгольским переводом имени «Кара-Чооду». У тувинцев, как и у многих тюркских народов, определения «Ак» и «Кара» при этнониме отражали отношения между одними и другими группами: «Ак» — старшая (группа), «Кара» — младшая. В разговорном языке слово «кара» значит «черный». Монголы перевели это значение «парааны» (по современной тувинской транскрипции — Баран) — значит «темный». Современные тувинцы забыли старое значение эпитета «Кара» — младший — и считают его обидным, как и наименование «Параан». При опросе представителей этих групп они предпочитают называть себя просто Ак и Параан, отбрасывая этноним Чооду. Таким образом, часто в документах колхозов, райсоветов, сельсоветов не найти уже полного наименования этой группы.

Подобные явления в Туве — не редкость. Мы упоминали о Сарыг-Соянах, которые часто называют себя просто Сарыг, об Иргитах, называющих одну из своих групп Сарыг-Иргит, также только Сарыг.

Это обстоятельство вынуждает исследователя каждый раз, как в наименовании рода, группы родов встречается одно определение, добиваться выявления полного имени рода или племени. В этом плане известная группа тувинцев Сарыглар, возможно, прежде называлась иначе, каким-либо полным именем, которое нынче можно еще восстановить.

В настоящее время тоджинские Ак- и Кара (Параан)-Чооду совместно с другими группами тувинцев Тоджи спустились с гор и работают в колхозах. До коллективизации Ак- и Кара-Чооду занимались преимущественно оленеводством и охотой, держали очень незначительное количество коней и еще меньше — другой скот. Поэтому тувинцы Тоджи-неоленевоеды считали, что имя Чооду и значит «оленичник ~ оленевод». В административном отношении до революции тоджинские Чооду входили в отдельный Чооду-сумон, который, как и сумон Маады, Хасут, Шалык и Сартыгыл, подчинялся монгольским феодалам.

П.Е. Островских в работе «Оленные тувинцы» принял это имя Чооду за название административной единицы. Он писал, что Тоджинский хошун делился на два сумо(на) и на два «чоды».

Позднее с организацией Тоджинского хошуна население Ак-Чооду и Кара-Чооду было отнесено к разным сумонам (сумон Ак-Чооду и сумон Кара (Параан)-Чооду). Сумоны были названы по большинству населения, однако в эти группы, Ак-Чооду например, входили подразделения Темчи, Соян, Тарѳат, Каштаг и другие, являвшиеся отдельными родами⁸⁰, в прош-

⁸⁰ Кыргызы в Туве и тувинцы некоторых западных групп плохо знают термин «сеок» — «кость, род», предпочитают слово «тѳрэль».

Г.Н. Потанин упоминает, что у кыргызов род называется «эль», у урянхайцев — «сеок». Не есть ли термин «тѳрэль» родственный «эль»?

лом сохранявшими брачные нормы. Нельзя было жениться, например, внутри группы Темчи; Темчи вступали в браки с Соянами и др. Эти группы, территориально объединенные с более многочисленной группой Чооду, брали это имя в официальных сношениях с властью, а впоследствии почти забывали свое прежнее имя. В настоящее время молодежь почти не знает старых имен своих групп, все называются именами старых сумонов — Ак, Параан.

По словам стариков, людей Чооду прежде в Тодже было значительно больше. Многие ушли с гор в степи Тувы, а еще раньше уходили на восток за Саяны, женились на карагасках. Кое-кто уходил к монголам. Тоджинские Чооду были расселены еще в середине XIX в. западнее современной границы Тоджи, подходили ближе к рекам Уюк, Кут. Ак-Чооды были ближайшими соседями с Маады, жившими в Уюко-Туранской степи. С заселением этих мест русскими Маады, а за ними и Ак-Чооды отошли на восток.

О тоджинских Чооду писали многие исследователи Тувы. Так, например, полковник [Н.П.] Бобырь писал, что из населения Тоджи урянхайцы костей Ак и Хара Джотов (и Соинов) в экономическом и нравственном отношении стоят выше группы Тодош, жившей в тоджинских степях. Тоджинских Ак- и Кара-Чоода ~ Чжода [М.А.] Кастрен относил к числу самоедских родов по схожести имевшегося, по его выражению, у самоедов рода Тот⁸¹. Кроме Тоджи, Чооду проживают ныне в Тесь-хемском, Эрзинском и Каа-хемском районах⁸², на бывшей территории Тере-хольского района. В последнем Чооду живут совместно с Соян, Иргит, Хертэк и Кыргыз. Чооду Тере-хөля, жившие в Соян-сумоне (арбане), занимались и занимаются оленеводством (в колхозах они пастухи оленьих стад), охотой (и специально на медведя). В более западных районах Чооду утратили оленеводство, многие вовсе потеряли о нем воспоминания.

Чооду живут и на юго-востоке Тувы — около оз. Чагатай, около Самагалтая, рядом с Оюнами. Ныне в Тесь-хемском районе они трудятся и живут в колхозах вместе с Оюнами, Шалыками, например, в колхозе им. Ленина и др. Прежде эти Чооду кочевали зимой в степи Ушна-Ошна, летом — по р. Шурмак. Там с ними рядом жили Шалык и Тумат. В южном Соян арбане жили Кара-Чооду, считавшие эти земли своими родными. Оленей они не знали. Занимались земледелием и скотоводством. Пахали на волах. Охотились на тарбаганов, лисиц, в ближней тайге — на белок и пр.⁸³ По-видимому, расселение Чооду заходило далее на юго-запад, чем нынче, так как у Г.Е. Грумм-Гржимайло и в наших записях (1953) имеются

⁸¹ Ни у одного из современных северных самодийских племен, а также и у селькупов такого имени нет.

⁸² Об этих Чооду (Чоды ~ Чжода) Г.Е. Грумм-Гржимайло писал, что они входили в Ойнарский хошун.

⁸³ Информатор — Тогерикпей Чооду.

имена Тонгак-Чооду /Е.П./ и Убар Чжода /южные Чооду. — Е.П./ в составе Кемчикского хошуна Да-вана. Упоминается, что Чооду жили рядом с Тумат. В южный урянхайский хошун, который был подчинен хотогойтскому вану, также входили урянхайцы кости Зот, которая, по мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, являлась по названию вариантом Чоды-Чжода (Грумм-Гржимайло, 1930, с. 17).

Г.Н. Потанин упоминает о восточных Чооду под именем «Джеты», которые проживали в то время к западу от Косокола, по р. Тенгису, делились на Ак и Кара Джетов⁸⁴. [Г.М.] Пермикин эту же группу называет «Жеты». В разъяснение связей этой группы с другими народами Г.Н. Потанин приводит ряд этнонимов (Джадык — кирей-киргизов, Джидак-Джидас — теленгитское с Чулышмана, Джеты-Уруг — киргизское Малой Оренбургской орды, Джетыген — у дикокаменных киргизов-бурутов и т.д.).

В настоящее время трудно сказать, достоверно ли отражают приведенные Г.Н. Потаниным сравнения исторические подлинные связи со всеми упомянутыми им группами. Нам представляется, что Чооду (а в прошлом, как мы уже говорили, Чогду) были расселены на севере Саян, где и сейчас живет их компактная группа. В дальнейшем значительная часть их была насильно или добровольно выселена с севера. Недаром об этом говорит и население Тоджи: «Много было Чооду, но они ушли в Монголию».

Ушедшие на юг Чооду потеряли оленей, потеряли связь со своими северными соплеменниками⁸⁵ и, вступая в новые связи с другими группами тувинцев и другими народами (монголами), стали скотоводами, земледельцами⁸⁶. В дальнейшем, что лежит на [сохранилось в] памяти стариков, произошло возвращение Чооду из Монголии в южные районы Тувы, где мы их сейчас и видим.

Восточные Чооду прошли с севера значительно на юг по Восточному Саяну и не потеряли полностью ни оленеводства, ни связей с тоджинскими Чооду. Были ли Чогду ~ Чооду самодоязычными, сказать трудно. Доказательства [М.А.] Кастрена недостаточны, как мы указывали выше. Возможно, был род Tot у остаточных ранее самодоязычных групп (койбалов, маторов, камасинцев). Мы знаем, что род Чоты был у кумандинцев, который вошел наряду с другими в сеок Оре-Куманды. Поговорка кумандинцев об этом сеоке говорит: «Ноги (ступни) не вмещаются в дорогу. Плечи не проходят в двери. Приблудившийся, придурковатый Чоты». Возможно, что

⁸⁴ Использует материалы Сиб[ирской] экспедиции [Л.Э.] Шварца (Шварц, 1864, с. 90). Цит. по: Потанин, 1881, вып. II, с. 3, прим. 27.

⁸⁵ Южные Чооду называют тоджинских Чооду «заенисейские Чооду».

⁸⁶ Так мы упоминали, что информатор Тогерикпей (Топхара) Чооду в Тесь-хеме говорит, что здешние Чооду — это Кара-Чооду, что они коренные жители юга Тувы, что они земледельцы, сами делали железные сошники, кроме того, они охотники на степного и лесного зверя.

Чооду частично входили в сложный состав поздних саянских групп и сохранили свое имя. В приведенной поговорке и сказано «приблудившийся Чоты». Упомянем сообщения [Ю.И.] Штубендорфа, что в составе родов карагасов были Кач, Кач-Сарег-Кач, Тьогде (Tjogde) и Кара Тьогде (Штубендорф, 1854, с. 229). Вот эти роды Кач-Сарег-Кач и были, по-видимому, самодийскими родами, вошедшими в состав карагасов. Приведем сведения Г.Н. Потанина о преданиях халхасцев и хотогойтов о войнах древних народов кыргызы и цогудык (Потанин, 1881, вып. II, с. 47), где, возможно, Цогудык и есть омонголенное имя народа Чогду ~ Чооду.

Близким по звучанию к вариантам имени Чооду является имя группы тувинцев **Тодут**, проживавшей в Кол-сумоне Тоджи и Соян-сумоне Терехоля. Об этой группе упоминают многие исследователи Тувы. Прапорщик [И.С.] Крыжин упомянул тувинцев в Тодже, именовавшихся Хара-Додот. Полковник [Н.П.] Бобырь писал о том, что ему встретилось племя Тодот, являвшееся наиболее многочисленным в степях Тоджи (200 юрт). Он характеризовал эту группу «по экономическому и моральному облику» [как] стоящую ниже групп Ак и Кара Джотов /Чооду. — *Е.П.* / — «оленьщиков». Он же отмечает, что Тодот занимались скотоводством, «держали лошадей и скот в самом ограниченном количестве» (Бобырь, 1888). Оленей не имели. Жили в долинах рек Тоджи в корьевых конусообразных жилищах. П.Е. Островских называет эту группу Кара Дот, Е.К. Яковлев дает ей полное имя — Тодут. В материалах экспедиции [Л.Э.] Шварца в Тодже отмечены поколения урянхайцев Додот, разделявшиеся на Ак Додот и Кара Додот (Шварц, 1864, с. 90). Г.Е. Грумм-Гржимайло справедливо считает все указанные выше имена вариантами имени одной из групп восточных тувинцев. Наиболее правильной следует считать сохранившееся и ныне Тодут. Мы считаем, что это имя «Тод ~ Тот» («ут» — монгольское окончание pluralis) нельзя смешивать с именем «Чооду (Чогду)», судьбу которого мы проследили [прим. 8].

Здесь любопытно вспомнить приведенный Г.Н. Потаниным сравнительный материал по этому поводу. Алтайское поколение Тоттош, упоминаемое в «Сокровенном сказании» имя «Тотох» Г.Н. Потанин ставит в связь с упомянутым именем «Тодут» (Труды членов Российской духовной миссии..., 1866, с. 64). Более того, имя «До-до», отмеченное в дополнениях к Риттеровской «Азии», фольклор минусинских татар позволяют Г.Н. Потанину предположить, что, возможно, в имени «Тод-ут» отражено древнее имя народа — «Тата»⁸⁷. Он же отмечает кость Тодын у хотогойтов (Потанин, 1881, вып. II, с. 25). [М.А.] Кастрен эту кость урянхайцев считал самоедской. Мы уже говорили, что у северных самодийских групп такого имени нет.

⁸⁷ В сказаниях минусинских татар богатырь Алтын-Тата (Потанин, 1881, вып. II, с. 6, прим. 46).

По-видимому, эта группа позднее вошла [влилась] в состав потомков южносамодийских племен саянского нагорья (камасинцы, койбалы) и других племен, вошедших в хакасскую и алтайские народности. По наличию этого имени у этих народностей [М.А.] Кастрен делает вывод об их самоедоязычности в прошлом.

В Тодже, а также в [на] западных территориях Тувы проживает и проживала прежде группа тувинцев **Куулар** (мн.ч.). По словам стариков-тувинцев, эта группа входила в Бейсе хошун, в котором были сумоны Сэрбажы-Куулар, Чырганы-Куулар, Чадаана-Куулар. Эти имена отражают разделение группы Куулар по месту их проживания. Определения «Сэрбажы, Чырганы, Чадаана» являются географическими названиями. Об этой группе упоминают многие исследователи Тувы. [Г.Е.] Грумм-Гржимайло писал, что два сумо хуулар входили в состав хошуна Сайн нойона. [А.М.] Африканов упоминает о трех сумонах «хоулар». [Н.Ф.] Катанов упоминает Кулар, Хуулар как имя кости у дархатов. Эта же кость Хуульыр упоминается у мингитов /мингатов. — *Е.П./*. О проживании Куулар в работе о Тодже отмечает С.И. Вайнштейн. [М.А.] Кастрен считал, что койбальский род Коллер был прежде самоедским, и это имя считает вариантом имени «Хуулар, Хуулур, Хоулар, Хувалыр». Обращаем внимание на факт бытования в Тодже, наряду с именем «Куулар» (ед.ч. «Куу»), имени для одной из групп тувинцев «Куку ~ Кубу»⁸⁸, на ряд топонимов в Восточной Тувеэ, [таких] как — Куку (Хуху)-тайга, Куку-хем. В этом имени мы видим более древнюю форму имени «Куу». Как мы выше отмечали, факт, довольно частый в восточной части Тувы, — бытование более древних форм. Этот факт обязывает нас в слове «куу(лар)» считать гласный «у» долгим. Вспомним древнейшее тюркское предание (по китайским записям) о племени ку — «лебеди», остатки которого доньше живут по р. Лебедь (приток Бии) и зовут себя «ку-кши», «куман». По-видимому, тувинские Куу(лар), Куку(лар) являются потомками древних племен Ку Северного Алтая, расселившимися позже по тувинской территории вплоть до Засаянья (дархатская кость Куулар) [прим. 9]. Это тот древнетюркский (тукю) элемент, влившийся в тувинскую народность.

Сопоставление имен «Кёллер» и «Куулар» невозможно, ибо нельзя связывать слово «кёл» со словом «куу ~ куку». Как мы уже выше говорили, имя племени Кёл всегда связано с его местожительством у озера (как у тувинцев, так и у койбалов) и является географическим определением, а не этнонимом.

Дальнейшие исследования во всех подобных случаях, вероятно, вскроют, кроме имени «Коль ~ Кёл», подлинные этнические имена. Группа Куку-Куу, населявшая Тоджу, была значительна и обитала там длительный

⁸⁸ Ср. древнетюркское «кубу ~ куку» — лебедь (Мелиоранский, 1900, с. 107).

период, так как оставила свое название хребтам и рекам. От этой тоджинской группы выделилась вместе с группой Тархат часть Кууларов, потому этот род имеется и у дархат.

Несколько слов скажем о группе **Тарџат**, входящей в состав скотоводческого населения Тоджи. Это племя, по-видимому, прежде было значительно многочисленнее в Тодже, проживало в хребтах Саян по южным склонам. Эти хребты носят название Эргик Тарџат-тайга, возможно, отражая имя населения.

Теснимые пришлым из-за Саян населением, Тарџат в основном ушли на юго-восток, где образовали новое этническое целое Дархатов⁸⁹, подвергшись сильному монгольскому влиянию.

Хукские урянхайцы причисляют дархат к своему народу, то есть сохраняется воспоминание о бывших связях. Дархаты имеют в своем составе такие группы, как Уха (или Хуа-Каа — «младший») Дархат, Хар (Хара-Кара) Дархат, которые являются частью племени Дархат-Тарџат. Можно предположить, что старшей (Ак-акка Тарџат) считалась группа, оставшаяся в Тодже. Интересно, что, по сведениям г[осподина] Палкина, полученным Г.Н. Потаниным, дархатские шаманы призывают онгонов на урянхайском языке. Нам думается, что это относится к шаманам, ведущим свою родословную от урянхайских родов, а не вообще ко всем дархатским шаманам. О том, что дархаты в прошлом были урянхайцами, писали многие авторы. Но уже в конце XIX в. они, по словам полковника [Н.П.] Бобря, были еще более омонголены, чем хасуты.

Большой интерес представляют группы **Кыргыс** в ТАО. Кыргысы в Туве проживают в юго-восточных районах Тере-хёля, Тесь-хема, Эрзина, а также на северо-западе Тувы, по свидетельству путешественников⁹⁰. На юго-востоке, в колхозе им. Хрущева (Шынаанский сельсовет Каа-хемского района), Кыргысы живут вместе с Иргит, Хертэк, Соян и Чооду. В Эрзине Кыргысы живут вместе с Соян, Иргит и Чооду в колхозах «Сталинский путь» на р. Мёрен, «Красная Звезда» в местности Кёк-таш и др. Обо всех этих группах Кыргыс другие тувинцы говорят, что они пришлые люди в этих местах [прим. 10].

Родная земля Кыргысов, по словам тувинцев, — хребты Хан-Хухей в западной части Монголии. Оттуда они пришли в Туву. Загнали их в Туву войны. Кыргысские арбаны в Монголии — Мингат, Пайбрак, Монгуш. Кочевали Кыргысы по р[екам] Тарис, Термис (Танзарын Тадаа Кыргыс, 68 лет). Местность, где раньше жили Кыргысы, называлась Түргүчи.

⁸⁹ Дархат — монгольский озвонченный вариант имени Тарџат.

⁹⁰ Мы в западных районах Бай-тайги, Барыын-Хемчика группы Кыргыс не встречали.

Кыргысы делились на восточных и западных (Чоон кыргыстер). «Нашим старикам рассказывали их деды, что Кыргысы приехали в Туву из Монголии обозами, на телегах и всяко» (Соян Отум, 64 лет)⁹¹.

Кыргысы занимались животноводством и земледелием. Разводили яков. Земледелием занимались бедняки, мужчины и женщины, имевшие мало скота.

Информатор Лопсан Ондар, родом из Дзун-хемчика, сообщил, что по соседству с Ондарами жили прежде Сарыг-Кыргыс. Другое имя этому народу было Теленик. Прежде это был «большой народ». И сейчас Кыргысов много в Монголии. Иргитов и Хертэков прежде также считали Кыргысами (Панчин Кыргыс Тандук, 64 лет, Тере-хөль, 1955 г.)⁹². Восточных Кыргысов было до революции много: 20–30 аалов (около 1500 человек). Многие еще в молодости упомянутого информатора погибли от эпидемий, многие ушли в Монголию. По словам информатора Соян Тадаа, Кыргысы прежде жили восточнее р. Тарыс, у оз. Копсуль-нур. Говорили по-монгольски, тувинский язык знали плохо. Это подтверждается и ныне. Восточные Кыргысы в Туве знают монгольский, более того, дома говорят на этом языке. Приходящие в школу маленькие дети говорят по-монгольски, лишь в школе учатся тувинскому языку. Но и в 1955 г., по словам лингвиста Сат Шулу, обследовавшего школы Тере-хөля и Эрзина, дети Кыргысов на переменах между уроками говорят между собой по-монгольски. Кыргысы, недавно пришедшие в колхоз, вовсе не знают тувинского. Председателю колхоза приходится говорить с ними через переводчика. Однако взрослое население Кыргыс в общей массе сейчас тувинский язык знает (особенно мужчины). Можно предположить, что в самые ближайшие годы тувинский язык вытеснит в их среде монгольский.

В отличие от Кыргысов, живших «до Чингиса» на Кемчике рядом с Кемчиктерами-тувинцами, восточные Кыргысы и называются Чоон кыргыстар (Тадаа Соян). «Кемчиктеры» — это не этноним, а географическое определение групп тувинцев западной части Тувы, проживавших в бассейне р. Кемчик. То же нужно предполагать и в имени «Кем-кемжуки» [из] летописей. Вероятно, у тувинцев остались следы воспоминаний о проживании Кыргысов на западе Тувы, о временах подчинения других тувинских племен, в частности Иргит и Хертэк (также западных групп), Кыргысам, потому и говорят: «... прежде Иргит и Хертэк считались Кыргысами». Ныне Кыргысы на востоке Тувы несколько выделяются от других групп (особенно Соян и Чооду) более высоким культурным уровнем.

⁹¹ Колеса на телегах делали из круглого спила дерева (сплошного).

⁹² Баянов Василий, 45 лет (Хертэк — по отцу, мать и бабушка — Кыргыс). Кыргысы женились большей частью на Хертэк. Внешне Кыргысы очень выделяются [отличаются] от других групп восточных тувинцев.

В Восточной Туве (Тодже) еще остались немногочисленные представители тувинцев **Хеюк ~ Хыик ~ Кеин**, о которых по материалам полковника [Н.П.] Бобыря писал [Д.А.] Клеменц, что их в 1887 г. оставалось всего 5 семей, тогда как еще в 1883 г. их было 50 [прим. 11]. Причиной гибели Хеюков были свирепые эпидемии оспы, крайняя бедность. Хеюки были охотники, имели очень малочисленное оленеводство, большое значение в их хозяйстве имело собирательство. Поэтому неурожай орехов, сараны и других кореньев вызывал голодовки. Несколько семей Хеюк жили в Тере-хөле.

В настоящее время на юго-востоке Тувы, в Тесь-хемском районе, в колхозе им. Ленина вместе с тувинцами Чооду и Оюн живут и работают представители группы **Шалык**⁹³. Пришли в колхоз они лишь в 1950 г. До этого они жили одиночно по соседству с Сартуулами (Сартыыл), по р. Чумуртуж, в местности Ак Хайя и Кара Хайя, рядом с Чооду по р[екам] Деспен, Серлик, в местности О-Шина (У-Шина)⁹⁴. Близки были с группой Тумат, с которой вступали в брачные отношения. Еще раньше Шалык жили в Монголии.

В сумоне Шалык в Туве было около 100 семей Шалыков. Управлялся сумон монгольским чиновником. Из Улясутая приезжали сборщики податей. Платили (весь сумон) через три года по 50 быков, ежегодно — по 50 лисиц. Занимались Шалыки в основном земледелием (сеяли просо и ячмень), в меньшей степени — животноводством. Бедняки преимущественно занимались охотой. Все Шалык были прежде двуязычны, хорошо знали монгольский и тувинский языки. Родным языком был тувинский, монгольский язык являлся официальным языком при сношении с властями. В настоящее время молодое поколение вовсе не знает монгольского. С монголами в прежнее время Шалыки в брачные связи не вступали.

Это имя указано в перечне населяющих Туву родов и у Г.Е. Грумм-Гржимайло, и у Г.Н. Потанина. Последний сближает имя Шалык с названием подразделения рода Рамадан в Букеевской орде — «Чал ~ Шал». По-видимому, этот этноним отражал смешанное происхождение группы. Как установлено, это явление имело место у многих тюркских подразделений⁹⁵. В Туве имеется еще один термин, отражающий смешанный состав групп тувинцев — «Шаккар» — пестрый, неоднородный. Это имя носил один из арбанов Кол-сумона в Тодже, а также арбан в бывшем Иргит-сумоне Эрзина (ныне Бай-тагский сельсовет).

Ближайшими соседями Шалыков прежде и ныне была группа **Сартуул ~ Сартыыл**. В старом сумоне Сартыыл было 50–60 семей. Ныне эта

⁹³ Относятся к подразделению Кезек Шалык.

⁹⁴ 100 км к западу от Самагалтая.

⁹⁵ Доклад на Этнографическом совещании в Ленинграде, апрель 1956 г.

группа целиком вошла в колхоз им. Калинина Тесь-хемского района, где живет и работает вместе с Оюнами. Как и Шалык, Саргыбылы в основном земледельцы, в меньшей степени — скотоводы. Они пришельцы в Туве. Сравнительно в недавнее время Г.Н. Потанин отмечает их в своих материалах в Монголии, по соседству с хребтом Хан-Хухей, в долинах имелся сумон Сартоол⁹⁶. В Туве до коллективизации они жили в Самагалтае по р. Шурмак. Относительно этого имени [В.Н.] Васильев замечает, что Сартагол ~ Сартагуа является сокращением монгольского «сара/шара тологой» — «желтоголовые» (Васильев, 1890). [А.И.] Малейн в примечаниях к переводу [В.] Рубрука писал, что *sartōl* — это магометане, которых монголы называли также «саррацин» (оба термина, по его мнению, производные от арабского «*sharki*» — восточный) (Плано Карпини, де Рубрук, 1911, прим.).

Группа **Түлүш** проживает в современном Улуг-хемском районе (в основном). По словам стариков-тувинцев, это древняя тувинская «фамилия». В старину будто бы эту группу называли «Түш»⁹⁷. Недавно (около половины [середины] XIX в., по-видимому, так как все информаторы обязательно упоминают об этом) произошло разделение группы на Адыг-Түлүш и Улуг-Түлүш [прим. 12].

Группа **Хасут** ~ **Хаасут**. Немногочисленные представители этой группы проживают в Улуг-Тодже (Тодже и Тере-хөле). Они двуязычны, знают монгольский и тувинский языки. В основном живут в Прикосоголье, где почти совсем омонголились. В северной части Косоголья еще в конце XIX в., по словам полковника [Н.П.] Бобыря, можно было слышать урянхайский язык, на юге его совсем забыли. Живут в монгольских юртах. «Национального аланчика нет в помине». Как указывалось выше, мы считаем представителей этой группы потомками древних Каса [прим. 13].

Группа **Оюн** ~ **Оин** (Оиннар) проживает компактно в Тандинском районе. Они составляют ныне основное население колхоза им. Ленина (п. Адаак), колхоза им. Буденного. В колхозе им. Сталина (п. Кочетово, бывшая д. Атамановка) Оюны работают вместе с русскими. Прежде соседями их с северо-запада, около Элегеста, были Салчаки. До революции Оюнский сумон был местом пребывания амбынь-нойона, и хошун назывался Ойнарским (Оин-Салчакским). Некоторые тувинцы считают, что полное имя Оюнов — Оин-Салчак («8 родов салчаков»), впоследствии утраченное. Часть Оюнов проживает в Тесь-хемском районе, где в колхозе им. Калинина работают вместе с Сартулами.

[Д.] Каррутерс писал, что они жили по обоим берегам Улу-Хема, между Салжаками, Марди (Мааду) и Кемчик (Кемчиктерами). Западной

⁹⁶ Это поздняя форма имени «Сартагол», где г-у выпало и возникло долгое о-у-ы.

⁹⁷ Ср. с именем Тбшь у групп урянхайцев китайского Алтая и других.

границей их расселения было оз. Ча-куль. По сравнению с указанным расселением ныне Оюны сдвинулись на юго-восток. У Рашид-ад-Дина упоминается народ оин-урянхит оин-урген — «лесной народ».

[Группа] **Монгуш**. Старики тувинцы рассказывают, что сумон Монгуш был в Кемчикском хошуне (Да хошуне) «самым почетным»⁹⁸. Из этого рода выбирали обычно чиновников. На Хуралах хошунных, сумонных богатые Монгуши кричали: «Мы самый древний тувинский род»⁹⁹. Населяли они преимущественно территорию современного Чоон-хемчикского [Дзун-Хемчикского] района, где живут и теперь. В последней четверти XIX в. многие Монгуш жили вместе с Оорджак в сумоне Ак-Суг (по одноименной реке) ныне Барыын-хемчикском районе. [Н.А.] Аристов (Аристов, 1894, с. 437–438), а за ним и [Г.Е.] Грумм-Гржимайло, имя этой группы («Монгуш ~ Монгош ~ Менгус») считают одним из вариантов имени «Монгол».

Такая же группа имелась у кара-киргизов. Группа Монгуш тувинцев разделена на две части: Монгуш и Кара-Монгуш¹⁰⁰ [прим. 14]. В своей классификации Г.Е. Грумм-Гржимайло относит Монгуш к монголам, «может быть, более чистой крови» (Грумм-Гржимайло, 1930, с. 23).

Группа Монгуш проживает в сумоне Шикпеер, в колхозе «Красный Пахарь» (одна из основных групп, населяющих этот колхоз), в колхозе им. Ворошилова (р. Хенделен и сумон того же названия — единичные представители этой группы), в сумоне Кызыл-тайга, колхоз «Победа» (значительное количество), в Ак (Аксу) сумоне, колхоз «30 лет Октября» (одна из основных групп населения).

В эту же категорию, что и Монгуш, относит Г.Е. Грумм-Гржимайло группы тувинцев **Салчак ~ Салжак**, проживающих ныне на западе Тувы (в Бай-тайге¹⁰¹) и на востоке (в Каа-хемском районе). Прежде западные Салчаки назывались Салчак-Соян, жили в Бай-тайге и оттуда ушли на восток на Каа-хем [прим. 15].

Некоторые тувинцы-старики называли восточных Салчаков Оин-Салчаками — восемью Салчаками. Это высказывание любопытно потому, что эти группы на востоке проживают бок о бок. Хошун назывался сперва

⁹⁸ Этот сумон назывался Куль-сумон /озерный — основной. — *Е.П./*. Упоминает о нем и Г.Н. Потанин. Хошун Таа (Да) иногда назывался по этому сумону, то есть Монгуш хошун (Кон, 1903).

⁹⁹ Информатор — Токпак-оол Белек, 1953 г.

¹⁰⁰ [Н.А.] Аристов отмечает, что у тюрок Средней Азии термин «кара» по отношению к племенам означает младшую подчиненную часть племени (Аристов, 1896).

¹⁰¹ В Бай-тайге и сумоне Салчак (Салчок) жители разделялись на Ёстү-Салчак и Алды-Салчак. Первые жили в сумоне Хёль, вторые — в сумоне Кёпсёк. Эти две группы вступали между собой в браки (информатор — Иргит Таржа, 60 лет, родом из Бай-тала, Бай-тайга).

Салчакским, позднее — Оиннарским¹⁰². Эти группы, по представлениям тувинцев, прежде были тесно связаны друг с другом. Подразделение Салчаков известно лишь одно — «кезек Сальджак» (Ф.Я. Кон). По Г.Е. Грумм-Гржимайло, так назывались Сальжаки, жившие в верховьях притоков Каа-хема («верховские»). Г.Е. Грумм-Гржимайло считает, что Сальджак — это, вероятно, то же, что Сальджиуты¹⁰³. По Рашид-ад-Дину, это одно из первых покоренных Чингисом монгольских племен. Они стояли на стороне Чжамухи и Даян-хана Найманского и после поражения последнего сошли с исторической сцены. Часть их была отброшена далеко на запад, где вошла в Узбекский союз.

Группа **Оорджак** является одной из основных групп, населяющих сумон Шикпеер, колхоз «Красный Пахарь», колхоз им. Ворошилова, сумон Хенделен, сумон Аксы-Барлык, колхоз «Путь Ленина», сумон Ак (Аксу), колхоз «5 лет Советской Тувы». Группа разделяется на Ишти-Оорджак и Кедээ-Оорджак (нижние и верхние Оорджак), прежде было два сумона по имени этих групп. Первые жили в Эдегейской степи, вторые — ниже по рекам Ак-суг и Хенделену [прим. 16].

В центральных (Улуг-хем) районах ТАО проживают остатки племен **Пурт** (бурутов), являющихся потомками кыргызов и кем-кемжуков, населявших до Чингисхана бассейн р. Кемчик. В XVII в. они ушли в Джунгарию и далее на запад (Каррутерс, 1914, с. 213–214 и далее).

Большой интерес вызывает имя «**Тоджа**» для всей восточной части Тувы и «тоджинцы» — имя населения этой территории. Все информаторы, с которыми мы работали в Тодже, в Тере-хөле и других районах Тувы, единогласно заявляли, что племени, группы с таким именем нет. «Тоджа — Тожи» и т.д. — это название территории; северо-восточный угол Тувы. Вся восточная часть Тувы — «Улуг-Тоджа». Тувинцы утверждали, что «Тоджа — Тожи» для населения Тувы значит «оленоводы». Этот термин дан оленеводческому населению монголами. Оленеводческие группы Соян, Чооду тувинское население ныне (и давно уже) называет «Тоджи — Тожи». Часто сами оленеводы называют себя этим именем, но это не этноним. Называющие себя «Тожи» обычно имеют этническое имя или Соян, или Чооду. Неправильно говорить, как мы имеем [представлено] в литературе, что население Тоджи — тоджинцы — есть нечто единообразное, и сравнивать и характеризовать его в этом плане. Так, в основной работе об «олених тувинцах» П.Е. Островских имеются такие высказывания: «Тоджинцы совершенно отличаются от западных тувинцев и, вероятно, в давнее время

¹⁰² При перечислении хошунов Тувы информаторы называли Салчак хошун ~ Пурунгар хошун (Тонгак Павел и др.).

¹⁰³ [П.И.] Небольсин отмечает кость Сальджугут у Кундровских татар. Цит. по: Потанин, 1881, вып. II, прим. 80.

принадлежали к совершенно другому племени, как по антропологическому признаку, так и по языку. Тоджинцы являются остатками древней расы, обитающей уединенно в самом сердце величайшего из материков» (Островских, 1927, с. 82). При чрезвычайно сложном составе населения Тоджи, где имеются оленеводы, скотоводы, группы, различные по своему происхождению (Соян, Торѳат, Куулар, Тодут и др.), такое высказывание не только ничего не говорит, но и дезориентирует читателя.

В литературе употребляется летописное наименование жителей Восточной Тувы — «Точигасы», которое должно быть переводимо как «оленные касы».

Г.Н. Потанин приводит ряд параллелей имени «Тоджи». Хотогойтский Тачжин гуни хошун, убюр (южные) тачжи, монгольское название Таджин урянхай хошун — все эти монгольские имена могли относиться к оленеводам. Г.Н. Потанин указывает, что потомки Чингисхана, дворянское сословие, называлось «тачжи», но тут же говорит, что слово «тачжи» древнее эпохи Чингиса. Народ тайджи(ут) упоминается ранее этого времени. В преданиях волк — его предок. Поколение Тайджан имелось у качинцев. Эти параллели не противоречат объяснениям тувинцев. Возможно, в дочингисово время был охотничий оленный народ Тайджи, а впоследствии этим именем стали называть другие группы оленеводов, так появился термин «Точигасы», так стали называть «Тожи — Тоджи» Соян, Чооду [прим. 17].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что все сведения о прежнем пребывании некоторых тувинских групп на юге Тувы (или севере Монголии) называют территории, соседившие [пограничные] и частично входившие в состав территорий хотогойтов.

Так, Г.Н. Потанин пишет, что хотогойты жили между оз. Сан-гин-Далай, течением р. Тельгир морэн, и дорогой из Улясутая до караула Дзиндзилика. Хотогойтов было 5 хошунов. Один из них — Бичирилты Ван хошун — граничил с территорией Нарын-сумо Соинов /Соян. — *Е.П.*/, на севере примыкая к линии монгольских караулов. Ставка хошунного начальства была на р. Тесь. В этот же хошун входили и урянхайцы, жившие по р. Эг. Кости хотогойтов следующие: Тодын, Цогдык, Кыргыз, Борджигин, Мингыт, Кэрдык, Тангдут, Тос, Орхит.

Совместное проживание с урянхайцами должно было привести к смешению хотогойтов с первыми. И нам представляется возможным считать некоторые кости тувинцев и хотогойтов общими, как Кэрдык и Хертэк, Тодын и Тодут, Цогдык и Чогду, Орхит и Иргит. По-видимому, хотогойты представляли собой объединение разнородных по происхождению племен, покоренных ими. Вспомним записанные Г.Н. Потаниным предания халхасцев о войнах между Танг-бурен-ханом и Тогон-темур-ханом хотогойтов или войны древних народов Кыргыз и Цогудык. Если Тогон-Темур-хан — историческое лицо, то это войны восточных монгол и кыргыз. Возможно,

что многие кости восточных монгол были теми самыми «лесными монголами», которые в тюркоязычной среде лесных племён востока Тувы отюречились; возможно, это племена Цогдык ~ Чогду ~ Чооду, Кэрдэк ~ Хертэк, Тодын ~ Тодут. Племена эти укрылись в Туве, в Улуг-Тодже: Тодут и Чогду — на юге и Хертэк — на юго-западе. Часть этих племён осталась в составе объединения хотогойтов, в том числе часть мингатов — мингыт, основная часть которых проживала в Северной Монголии, к западу от Соян-сумона, на Нарыне, с Эльджиген хошуном.

Глава IV

РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ДРУГИХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ТАО

Одним из важнейших условий развития экономики и культуры народа является наличие территориальных связей этого народа с соседями. Географические условия ТАО создавали большие трудности для организации широких территориальных связей не только с соседствующими народами, но также и с группами своего народа, живущими на той же территории ТАО. Мощные горные системы Западного и Восточного Саян отделяют с севера и востока территорию Тувы от СССР и МНР; горная система Алтая, в частности хребты Чихачева и Шапшальский, отделяют Туву от Горно-Алтайской области с запада; хребты Цепан Шибету, Танну-ола и ее продолжение на восток — хребет Сангилен — отделяют Туву от МНР с юга. Внутри Тувы мощный хребет академика Обручева отделяет долины рек Пий-хем и Каа-хем, являясь границей Тоджи с юга, хребты Оттуг-таш отделяют Тоджу от остальной территории ТАО с запада.

Однако этот мощный горный барьер не служил непреодолимым препятствием для общения населения Тувы с населением соседних территорий. Население Тувы имело тесные связи с народами Минусинской котловины, Восточного Прибайкалья, Алтая и Северной Монголии. Именно благодаря тому, что горные хребты не препятствовали проникновению людских масс на территорию Тувы, здесь, начиная с древних периодов истории, проходил тот же сложный процесс смены населения, смены культур, который в величественных масштабах совершался в соседних областях Средней Азии¹⁰⁴. И благодаря этому сложному процессу мы имеем в лице населения Тувы народ с чрезвычайно длительной историей формирования. Как в географическом отношении территория Тувы лежит на границах сибирской таежной и среднеазиатской степной зоны, так и в этнографическом отношении здесь сталкивались две культуры — таежных охотников и степняков-скотоводов. Многочисленные верховые тропы, где могли проходить лишь верховой да вьючный конь и олень, найдены вековым опытом древнего охотничьего населения, для которого горная тайга была жизненной территорией.

¹⁰⁴ Об этом см.: [Глава II] «Историческая справка [и административное устройство ТАО]».

Многие из этих троп, как более удобные, стали известны и первым русским переселенцам из Сибири в XIX в.¹⁰⁵ и послужили путями проникновения в Урянхай русской культуры. Наиболее древней тропой являлась Хемчикская — от села Арбат на р. Абакан до р. Хемчик. Она проходила через наиболее высокую часть Западных Саян по перевалам до 2000 м. По этой тропе шел наиболее древний путь многократного мирного переселения народов Абаканских и Минусинских степей в долину Хемчика, а затем — в Монголию и Китай, а также и пути военных походов. Протяженность тропы — 245 км. Позднее (в XIX в.) эта тропа использовалась как ското-прогонный тракт русскими торговцами, так как около нее имелись прекрасные высокогорные луга и пастбища. Другая, не менее древняя тропа вела из Сибири в восточную часть Тувы. Это Амыльская тропа, по которой издавна проникали в Тоджу племена, населявшие Минусинский край и северные склоны Саян, а впоследствии — многие русские исследователи и переселенцы. Тропа эта протяженностью около 200 км шла от с. Кужебар на р. Амыл (приток р. Тубы) через Саяны в верховье р. Систиг-хем к местности Усть Алгаяк (приток Систиг-хема).

Имелась также Усинская тропа, которая шла от г. Минусинска, селения Джалама (впоследствии деревня Григорьевка) через Саянские хребты в долины рек Ус, Уюк, Туран. Движение по этой тропе особенно оживилось с началом проникновения русских переселенцев на эту территорию, то есть в первой половине XIX в.

С заселением Минусинских степей, с возникновением [появлением] в них русских деревень возникали колесные, полевые дороги. Такая дорога существовала и до селения Джалама (Григорьевка), лежащего при слиянии двух рек — Малого и Большого Кебеша. Это было последнее предгорное селение. Отсюда уже шла верховая, конная тропа на хребет Кулумысский, затем Араданский, Мирской¹⁰⁶ и отсюда в селение Усинское, расположенное по р. Ус. Впоследствии многие переселенцы проходили дальше вглубь Саян, уже в пределы Урянхия, в долины р. Уюк, а затем Турана и далее в центральные области Тувы в поисках земли для посевов, пастбищ для скота, угодий для охотничьего и рыбного промыслов. Тропа прошла через последний перед Тувой Куртушибинский хребет¹⁰⁷, который

¹⁰⁵ В работе [Р.М.] Кабо «Очерки истории и экономики Тувы» перечислены многие удобные перевалы (Кабо, 1934, с. 10–11).

В работах В.Л. Попова даны подробные сведения о путях в Урянхай, об их пропускной способности для различных видов войск. Сведения эти собирали для царского правительства в виду возможной военной оккупации Урянхия Россией.

¹⁰⁶ Мирской хребет по р. Мирской называли русские переселенцы-староверы хребет и реку Шивилиг («лиственничный»), так как за ними был тот «мир», от которого они ушли.

¹⁰⁷ Русские называли реку около этого хребта Куртушиби-хем [прим. 1] — «Золотой рекой».

своими южными склонами вступает на землю Тувы. Протяженность этой тропы — до 400 км. Существовало несколько вариантов тропы с более или менее значительными отступлениями от основного направления, облегчающими либо тяжелые перевалы через горы, либо не менее тяжелые перевалы через горные реки. Существовали тропы в Туву и через Алтайские хребты. Наиболее известные — от Телецкого озера по р. Чульге выводили на р. Алаш, приток Хемчика; либо через перевал Шапшал по р. Чуе (Шуй), притоку Барлыка. Связь с Монголией осуществлялась через конные тропы по перевалам Танну-ола, где переходы были значительно более легкие, чем через перечисленные выше западные и северные хребты. Особенно трудны были тропы через Восточные Саяны, связывающие Прикосоголье с Тувой. О трудностях прохождения по этим тропам свидетельствуют рассказы многих исследователей Тувы, проникавших на эту территорию со стороны Иркутской губернии (в частности, экспедиции Иркутского военного округа, предпринимавшиеся с целью обследования русско-китайской границы). Русские купцы, осваивавшие богатства Восточной Тувы (особенно Тоджи), также искали удобных путей для провозки грузов в Иркутскую губернию как ближайшую к Тодже.

Предприимчивый и интересующийся не только торговлей купец Г.П. Сафьянов, лучший знаток края, как его аттестуют многие дореволюционные исследователи Тувы, в 1889 г. предпринял прогон скота с верховьев Пий-хема на р. Бирюсу (где был ближайший потребитель — золотые прииски). С проводником — местным тувинцем — он решил идти ближайшим путем, рассчитывая достигнуть цели через 1,5 месяца. Однако лишь зимой через 5 месяцев тяжелых скитаний в горах он добрался до Бирюсы, пригнав все же 250 голов скота. Путь Г.П. Сафьянова совпадает с путем полковника [Н.П.] Бобыря, проходившего здесь в 1887 г. с экспедицией Генштаба Иркутского военного округа с тем же проводником. Причиной запоздания Г.П. Сафьянова послужили тяжелые метеорологические условия того года¹⁰⁸. Однако трудности не остановили других русских купцов, и на следующий год купец Скобелин по этому же пути прогнал гурт скота.

Со второй половины XIX в., как указывалось выше, усиливается движение русских переселенцев, купцов по Усинской тропе из Минусинского края. Царское правительство после ряда экспедиций, установивших отсутствие официальной границы по Северным Саянам, «допускает» заселение Урянхая, невзирая на протесты фактических хозяев земли — тувинцев. Вместе с тем интересы России в Туве заставляют принять правительство меры к налаживанию связи с Урянхаем. В 1909 г. правительство принимает закон о постройке колесной дороги от Григорьевки до с. Верхне-Усинского [прим. 2]. В 1914 г., когда Россия объявила протекто-

¹⁰⁸ Об этой поездке [Г.П.] Сафьянова см.: Клеменц, 1890, с. 70–73; Крылов, 1903, с. 8.

рат над Урянхаем, мероприятия по налаживанию связи с новой территорией Енисейской губернии (куда вошел Урянхай) стали активизироваться, чему немало способствовали промышленные и торговые круги. И в 1916 г. гужевой Усинский тракт был построен. Он шел уже не только до с. Верхне-Усинского, но и в центр Урянхая, где царским правительством основывался г. Белоцарск. Колесная дорога позволила значительно увеличить торговлю и заселение Урянхая.

В годы Гражданской войны, революции связи с Урянхаем замерли. Тракт сильно разрушился. И лишь после установления Тувинской Народной Республики в 1926 г. тракт общими усилиями СССР и ТНР был восстановлен [прим. 3]. В это же время была проложена железная дорога от г. Ачинска до г. Абакана. Нужды молодой строящейся Республики Танну-Тува не могли ни в какой мере быть удовлетворены имеющимся единственным трактом, пригодным только для гужевого транспорта. Начинается реконструкция Усинского гужевого тракта в автомобильное шоссе. Силами советских специалистов проводятся работы по расширению и укреплению дороги, строятся многочисленные мосты и перекрытия, организуются паромные переправы (одна — через р. Абакан и две — через р. Енисей: у г. Минусинска и г. Кызыла).

К 1936 г. шоссе было проложено. Шоссе имеет протяженность 443 км, из коих [которых] 92 км проходят по ТАО (до перевала Пограничный на Куртушибинском хребте). Так создалась единственная магистраль, связывающая центр ТАО — г. Кызыл — с ближайшей железнодорожной станцией г. Абакан. Пропускная способность дороги возросла. Поток грузов идет по ней круглый год. Лишь во время осенних и весенних ледоставов несколько затруднены переправы через Енисей и Абакан. Паромы снимаются. Грузы и пассажиры перевозятся катерами, лодками, самолетами через Абакан и Енисей до Минусинска и через Енисей около Кызыла. Шоссе содержится в хорошем состоянии участковыми ремонтными бригадами. Они ремонтируют защитную изгородь подорожных столбов, своевременно ликвидируют завалы и оползни на пути. Зимой по трассе курсируют специальные снегоочистительные машины, а также машины, посыпающие песком трудные подъемы и спуски в периоды гололедицы. По всему пути построены путевые станции, некоторые из них вырастают в небольшие поселки. При станциях имеются столовые и помещения для отдыха шоферов и пассажиров. Организованы ремонтные мастерские и бензозаправочные базы. В 1955 г. предпринимаются работы по расширению полотна шоссе, производятся взрывные и землеройные работы. Шоссе покрывается асфальтом. Поток грузовых и пассажирских машин по тракту очень велик. Автомобильный парк в Области по грузовым машинам вырос в 11 раз в 1954 г. (по сравнению с 1944 г.), а по автобусам и легковым машинам — в 22 раза.

Тува, не имеющая еще своей развитой промышленности, ввозит очень большое количество самых разнообразных грузов, в том числе и в первую очередь машины и станки для оборудования строящихся промышленных предприятий, для сельского хозяйства, материалы и технику для строительства жилых домов и других помещений, промтовары и некоторые пищевые продукты. Несравнимо возрос поток пассажиров. Если в прежние годы жители Тувы поодиночке или охотничьими группами проходили тяжелыми горными тропами за пределы своей территории, и в Туву из России проникали десятки, сотни людей, то ныне связи Тувы с областями СССР несравнимо оживились, равно как и связи отдельных районов Области между собой. Автобусы, легковые и грузовые машины зимой и летом везут многочисленных пассажиров в Туву и из Тувы, а также по территории самой Области. Только очень пожилые люди, многодетные матери [почти] не выезжают из своего поселка, да и то редкие из них не посетили хоть раз районный центр. Молодежь едет учиться в города СССР, призывники едут в ряды Советской армии. Специалисты едут для повышения квалификации, на совещания, съезды. Трудящиеся всех районов и профессий едут на курорты и в здравницы СССР, экскурсии, туристские поездки. Колхозники группами едут на ВСХВ и как участники ее, и как экскурсанты. В Туву приезжают советские ученые-геологи, гидрологи, экономисты и т.п., помогающие [местным] советским и партийным организациям Области научно планировать дальнейшее развитие экономики Области. Целая армия учителей, медиков, специалистов сельского хозяйства, инженеров из среды русского народа трудится в Области, помогая скорейшему повышению культуры и благосостояния ее населения.

И все же нужно сказать, что этот единственный тракт, связывающий ТАО с огромной территорией СССР, ни в коей мере не удовлетворяет потребности Области и тормозит развитие промышленности. В последние годы ведутся разведывательные работы по проведению железной дороги в ТАО и по организации речного транспорта. Тува богата крупными водными артериями — реки Улуг-хем, Пий-хем, Каа-хем и ряд их притоков. Обычно все эти реки не используются для речного транспорта по причине горного их характера — наличия порогов, шивер, быстроты течения, мелководья и т.д.

Изыскательские работы проводились по рекам Тувы еще царским правительством. В 1907–1909 гг. пригодность к судоходству Улуг-хема и Пий-хема исследовал инженер В.М. Родевич, давший карты этих рек (последней до впадения р. Хамсары), проводились работы по расчистке Енисея от камней и порогов выше Минусинска. В те времена техника не располагала такими средствами, какие имеются в настоящее время, и вопрос об эксплуатации рек Тувы был положен под сукно. В 1930–1939 гг. вновь проводилось изучение Енисея, и принимались [предпринимались]

практические мероприятия [действия] по организации судоходства. Установлено было, что судоходство возможно от Минусинска до Кызыла. В тот период пароходное сообщение осуществлялось от Минусинска до Большого порога. Там производили перевалку грузов на пароход, стоявший выше порога, который и вез грузы далее.

В начале 1950-х гг. была произведена расчистка порогов. Гидрологи и инженеры разработали способ проводки грузовых судов через пороги без перегрузки. В 1952–1953 гг. суда проводили опытные лоцманы по тросу, проложенному в проходе в порогах. Мощные тракторы на берегах Енисея тащили суда с помощью лебедок (туеров). Несколько груженых барок и пароходов были подобным способом подняты и дошли до Чаа-хёля (поселок на Улуг-хем в ТАО) (Шахунова, Лиханов, 1955, с. 127–132). Совершенно ясно, что этот способ эксплуатации Енисея очень трудоемок и сложен и будут найдены более совершенные возможности прохода судов в Туву. Это значительно расширит транспортные связи Области и будет иметь большое значение для развития промышленности, даст быстрый рост городам — речным портам: Шагонару, Чаа-хёлю и Кызылу. Судоходными могут быть и две ветви, слагающие Енисей, — реки Пий-хем и Каа-хем, текущие из глубинных районов Тувы (Тоджи и юго-восточного угла Саян), богатых лесом, рудными ископаемыми, рыбой, пушниной.

В настоящее время эти реки, как и Енисей, слабо используются (из-за наличия на них порогов), что очень задерживает общее развитие ТАО, и в частности, развитие лесной промышленности. Организация судоходства по этим рекам позволит разрешить вопрос о заселении этих районов и развития в них промышленности, сельского хозяйства, приблизит районы к остальным районам Области. В настоящее время эти реки используются в небольшом масштабе для сплава леса, и зимой по ним прокладывается гужевой тракт. В силу специфики замерзания горных рек этот тракт не представляет собою хорошего и безопасного пути. Вспучивания льда при замерзании, полыньи и т.п. на реках делают тракт опасным и для опытных проводников. И все же до настоящего времени основные грузы в Тоджу и бывший Тере-хольский район Тувы идут зимой гужом. Зимой грузы в центр Тере-хёля¹⁰⁹ идут от п. Ёжеп на р. Каа-хем¹¹⁰ конными обозами 225 км. Дорога тяжелая. Первый обоз осенью идет в один конец 9 дней, зимой — 10–12 дней. На пути организуются стоянки, завозится корм для лошадей и т.п. В 1954 г. в Тере-холь было таким путем завезено 131 т продовольствия (мука, крупа, сахар) и 5 тыс. л спирта. В Тоджу зимняя до-

¹⁰⁹ Для краткости мы Тере-хёлем называем современный Шынаанский и др. сельсоветы Каа-хемского района, т.е. бывший Тере-хольский район.

¹¹⁰ Село Ёжеп отстоит на 90 км от центра Каа-хемского района — старинного русского поселка Знаменка, ныне переименованного в Сарыг-Сеп. В п. Ёжеп имеется перевалочная база Райпотребсоюза.

рога идет от Турана через перевал Бульдырган (130 км) до п. Сейба, дальше по р. Пий-хем до п. Тоора-хем. Большая работа проведена за годы ТНР и особенно после 1944 г. по строительству дорог внутри Области. На средства Советского Союза было организовано акционерное общество «СовТувТранспорт», которое проводило в ТНР строительство автомобильных дорог и налаживало работу автотранспорта (Сейфулин, 1954, с. 108).

Уже к 1941 г. было построено свыше 300 км благоустроенных дорог. В настоящее время ТАО по широтному направлению пересекает основная внутренняя магистраль — автомобильное шоссе, связывающее г. Кызыл со всеми районами Области, за исключением восточных. Шоссе проходит до центра Бай-тайгинского района п. Тээли.

На шоссе стоят молодые города Тувы — Шагонар, Чадан, Чаа-холь, поселки Кызыл-Мажалык, Тээли. Все они представляют собой районные культурно-хозяйственные центры. По шоссе организовано регулярное автобусное пассажирское движение во все расположенные на его протяжении поселки в течение всего года. Исключение составляет Бай-тайгинский район, отгороженный р. Барлык. Эта река имеет широкую дельту, осенью и весной сильно разливается, и в эти периоды переправа при отсутствии мостов невозможна. От главного шоссе отходят дороги, которые лишь поддерживаются время от времени в проходимом состоянии. Такая дорога идет в п. Бай-хак — центр Тандинского района, в поселки Эрзин и Самагалтай — центры Эрзинского и Тесь-хемского районов, лежащие за хребтом Танну-ола. Другая дорога идет на восток — в п. Знаменка (а при благоприятной погоде и до п. Ыжеп Каа-хемского района). По всем этим путям регулярно курсируют пассажирские автобусы, почтовые и грузовые машины. Главное шоссе за последние годы благоустраивается. Полотно шоссе выравнивается, расширяется, укрепляется, строятся мосты и перекрытия через реки и ручьи и т.п. В значительно худшем состоянии межпоселковые дороги в районах. Следует отметить, что колхозы не занимаются устройством дорог, и сообщение между колхозами и между ними и районными центрами особенно осенью и весной затруднено. Это положение сказывается отрицательно прежде всего на колхозных полевых работах, на завозке грузов в колхозы и на состоянии колхозного автопарка. Каждый колхоз в Туве имеет одну или несколько грузовых автомашин. Из-за неисправных дорог автомашины часто выбывают из строя и несомненно возвращаются к работе, так как автотранспортные мастерские имеются лишь в г. Кызыле и в районных МТС.

На общении населения внутри района такое состояние дорог не сказывается отрицательно, так как тувинцы обычно используют верховую лошадь.

Таким образом, слабо связанные наземными транспортными средствами с центром являются такие районы ТАО, как Тоджа, Тере-холь и Мёнгун-

тайга. С этими районами установлена регулярная авиасвязь. В г. Кызыле имеется аэропорт со значительным количеством грузопассажирских самолетов, постоянно курсирующих внутри Области [прим. 4]. Тяжелые метеорологические условия горного ландшафта Тувы иногда делают длительное время невозможными полеты над перевалами Тоджи и Мӧнгун-тайги, особенно в осеннее и весеннее время. Существуют постоянные авиалинии, связывающие Кызыл с Абаканом и Красноярском. За последнее время геологами и работниками аэропорта произведены поиски мест для постройки новых аэродромов в отдельных пунктах Тоджи. Самолеты доставляют различные грузы, боеприпасы для охотников, продовольствие, почту и т.п. Самолет в далекой Тодже стал обычным явлением. В 1955 г. на кызыльский аэродром был доставлен вертолет. Вертолет является очень эффективным средством воздушной связи в горных условиях.

Обслуживающий персонал автотранспортной конторы в Туве, МТС и аэропорта состоит в значительной части из тувинцев, освоивших трудное мастерство вождения самолетов и не менее трудное в условиях Тувы вождение машин.

Летчик, тувинец по национальности, т[оварищ] Ензак уже более десяти лет водит самолеты над тувинскими горами и степями. Летчик т[оварищ] Чимит является опытным командиром летного подразделения. Много молодых летчиков-тувинцев приходит в авиацию, овладевает недоступной для прежних кочевников техникой.

В автомобильном транспорте также занято немало тувинцев. Много шоферов-тувинцев работает в Кызыльской автотранспортной конторе. Они не только водят грузовые машины по внутриобластной трассе, но и освоили вождение машины по Саянскому тракту. Многие из них имеют высокие разряды и водят в Абакан пассажирские автобусы. В колхозах же автомашины, как правило, водят колхозники-тувинцы, прошедшие соответствующую подготовку на курсах водителей в Кызыле или в районной МТС. Среди них есть подлинные энтузиасты своего дела, с любовью относящиеся к машине. В колхозе «Новый путь» Бай-тагского сельсовета Эрзинского района имелось три автомашины. По многим причинам и прежде всего из-за плохих дорог, недостаточного ухода, отдаленности ремонтных баз (Эрзинский район не имеет своей МТС, обслуживается Самагалтайской МТС) одна машина совершенно вышла из строя. Долгое время валялась она на задворках конторы правления колхоза. И вот в 1953 г. из армии вернулся молодой колхозник Араптан Лизим Санчатович. С помощью своего друга К. Гнусарева (шофера МТС) т[оварищ Л.С.] Араптан собрал в своем колхозе и по району недостающие части машин, некоторые сделал сам, и в результате упорной работы здесь, в глухом колхозе, ему удалось собрать заново грузовую трехтонную машину (ТГ 24-27). «Все в ней сделано и собрано своими руками», — любовно говорит т[оварищ Л.С.] Араптан.

Нам пришлось проехать от колхозного поселка Кёк-тал до Эрзина на этой машине по очень тяжелой дороге по берегу рек Тесь и Эрзин, но шофер так хорошо вел машину, что недостатки дороги были вполне терпимы. Мы рассказали об этом факте потому, что здесь можно видеть не только освоение тувинцами новой профессии, но и качество рачительного хозяина, заботящегося об общественном имуществе.

Тувинцы работают не только как водители машин на всех видах транспорта, но также слесарями и прочими квалифицированными рабочими в авторемонтных мастерских, МТС.

Совершенно новым в последние годы транспортным средством являются мотоциклы и особенно велосипеды. Их можно видеть в колхозных поселках и на полевых дорогах. Велосипед стал доступен и девушкам-тувинкам.

Все районы Области связаны почтово-телеграфной, радиотелеграфной и телефонной связью. Во всех колхозных поселках имеются почтово-телеграфные отделения, куда регулярно доставляется почта (письма, газеты, посылки) всеми видами транспорта. Кызыл связан телефонной связью с Абаканом, Москвой и Ленинградом, со всеми районными и колхозными поселками. Дальние районы (Тоджа, Тере-холь, Мёнгун-тайга) связаны с Кызылом односторонней радиотелефонной линией и радиотелеграфом.

Радиофикация районных центров и крупных колхозных поселков позволяет населению самых труднодоступных уголков жить общими интересами со всей страной.

Обычно в колхозных и районных центрах, помимо индивидуальных точек в домах колхозников, устанавливаются уличные репродукторы. И в соответствующие часы где-либо в поселке Эрзина разносится голос московского диктора и слышен бой часов кремлевских башен.

Много еще необходимо сделать тувинскому народу по развитию всех видов связи, чтобы быстрее поднять экономику своей богатой страны. Но то, что сделано за короткие годы существования свободной Тувы с помощью русского народа, является залогом того, что в недалеком будущем страна достигнет новых успехов. Решения XX съезда КПСС, предусматривающие развитие Сибири, касаются и ТАО, имеющей не только большие государственного значения богатства, но и народ, возрожденный к труду и творчеству.

Глава V

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

О развитии и характере торговых связей в бывшем Урянхае в литературе имеется достаточно подробных проанализированных материалов. Среди авторов, писавших по этому вопросу, мы видели и самих активных деятелей торговли, первых купцов Н.Ф. Веселкова¹¹¹ и Г.И. [Г.П.] Сафьянова, начальника Усинского переселенческого управления [А.М.] Африканова и др. Многие из исследователей Урянхия в своих работах посвящают отдельные разделы развитию торговых связей. Особое значение имеют работы Р.М. Кабо, который, используя сведения ранних авторов, дает анализ этих материалов, а также использует [привлекает] ставшие доступными после революции архивные материалы по Урянхаю. Сведения о торговле с Урянхаем и Монголией, особенно о торговых путях в Монголию, содержат отчеты целого ряда экспедиций как специально торговых, так и дипломатических и военно-разведывательных, часто работавших под маркой торговых¹¹². О торговле писали географы, геологи, ботаники, археологи и этнографы, которые сталкивались с урянхайской действительностью

¹¹¹ Н.Ф. Веселков, минусинский купец, сделал описание своей поездки в 1870 г. в Монголию, когда он пытался установить регулярные торговые связи с ближайшим к Урянхаю городом Улясутаем (до него торговля шла с Ургой). Его описание было напечатано в брошюре со знаменательным названием «О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России» в 1871 г. (Веселков, 1871, с. 29–41). Издано редактором газеты «Деятельность» [В.] Долинским. Член ИРГО П.А. Кропоткин сделал извлечения из этой статьи, считая материалы Н.Ф. Веселкова «любопытными», и отослал в редакцию Известий ИРГО под названием «Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа» (Веселков, 1871а, кн. VII, в. 2, с. 113–118). За эту статью ИРГО присудило Н.Ф. Веселкову бронзовую медаль.

¹¹² К их числу относятся экспедиции Азиатского департамента Министерства внутренних дел для изыскания новых путей в Западную Монголию (в Кобдо и Улясутай). Например, в 1871 г. поездка офицера топографического корпуса [З.Л.] Матусовского, поехавшего в экспедицию под руководством агента русского правительства Павлинова в Улясутай и Кобдо и сделавшего маршрутную съемку пути. Нужно учесть, что точных сведений о Туве тогда не имелось, и П.П. Семенов (Тян-Шанский) указал при отчете на заседании РГО 1872 г., что путешествие это сразу пролило свет на географию этих стран больше, чем продолжительные исследования гениального географа [К.] Риттера. Данные его вошли в карту Монголии [М.И.] Венюкова, экспедиции В.Л. Попова, полковника [Н.П.] Бобыря, прапорщика [И.С.] Крыжина, [П.П.] Преловского, [Г.И.] Пермикина и ряда других.

и не могли молча пройти мимо тяжелых последствий для тувинского народа от хищнической, ростовщической торговли в этой стране.

Вследствие всего вышесказанного мы считаем возможным кратко напомнить общую линию развития торговых связей Тувы с Россией, Китаем, Монголией и основное внимание уделить тем факторам, которые в связи с развитием [благодаря развитию] этих связей сближали или разъединяли как отдельные группы тувинцев между собой, так и тувинцев в целом с окружающими их соседями.

До проникновения русской и китайской торговли в Урянхай в этой стране существовало почти нетронутое натуральное хозяйство. Между отдельными группами населения существовали в очень небольшом объеме меновые отношения. Обмен происходил между группами, не занимавшимися земледелием, и группами, у которых хотя и в примитивных формах, но имелось производство зерна: проса и ячменя. Такие обменные связи существовали между Салжаками Каа-хема и его левых притоков (среднего течения), знавшими земледелие, и группами тувинцев юго-восточного угла Урянхая (верховьев Каа-хема и Теси). Последние обменивали у Салжаков скот и пушнину на зерно. Тувинцы Овюра и Бай-тайги выменивали на пушнину и скот зерно у тувинцев Барлыкской степи. Обменные отношения существовали между группами оленеводов Восточных Саян и дархатами, карагасами, группами западных тувинцев и монголами, дербетами. Натуральный обмен существовал естественно между группами с различным хозяйственным направлением. Небольшие размеры обмена объяснялись тем, что в натуральном хозяйстве любая семья производила почти все необходимое для существования.

В соседней с Тувой Монголии существовали давние торговые связи с Китаем и Россией. Однако в самой Туве торговые связи с соседями развились позднее. После укрепления маньчжурского владычества над Урянхаем принципы управления этой страной были изложены властями в специальном «Уложении» китайской Палаты внешних сношений. Здесь наряду с административными, налоговыми и другими отношениями между Урянхаем и китайским правительством был установлен запрет на въезд китайских купцов в пределы Урянхая.

«Никаким купцам не позволять ездить с товарами к монголам Танну-урянхайским, состоящим в 3-х эскадронах, равно и во все места к северу от Улясутая. А если урянхайские монголы будут иметь у себя излишние за домашним употреблением вещи, которые бы хотели променять на другие нужные в общежитии, то удобно могут променивать оные в Улясутае, когда приезают в оный с мягкой рухлядью для внесения в казну». С целью препятствовать проникновению китайских купцов в Урянхай под любым предлогом запрещается и в монгольских городах торговля в кредит. «Если же кто в противность сего отпустит в долг товар или серебро сказанным

монголам и под этим предлогом поедет в их кочевья, ловить таковых и наказывать жестоким образом»¹¹³. Этим положением вся торговля с Урянхаем отдавалась в руки монгольских чиновников, управляющих Урянхаем, которые, сопровождая из года в год с албаном амбынь-нойона, ездили в Улясутай и, кроме того, совершали постоянные деловые поездки в города северной Монголии. Во время этих поездок они покупали у китайских торговых фирм различные товары, которые затем обменивали у тувинцев на пушнину, скот, шкуры по очень высоким ценам.

Первые торговые связи с русскими начались с установления границы и постройки пограничных «маяков»¹¹⁴. Объезжая границу, казаки встречались с тувинцами. Постепенно казаки стали привозить с собой товары и производить меновую торговлю. Основными предметами обмена со стороны казаков были различные металлические изделия (топоры, ножи), мелкие галантерейные товары (нитки, иголки), боеприпасы (порох и дробь) и т.п., со стороны тувинцев — ценные шкурки пушных зверей. Значительно облегчало общение русских казаков с аратами то обстоятельство, что казаки, жившие в течение долгого времени в окружении минусинских и абаканских татар, освоили их язык, который близок к языку урянхайцев. Урянхайские чиновники запрещали аратам торговлю с русскими. Однако обоюдная выгода (русские товары были дешевле товаров, продаваемых урянхайскими чиновниками), а главное — русские казаки брали в обмен на свои товары «все, что можно», а урянхайские чиновники брали только скот и пушнину. Все это способствовало тяге аратов к русским и привело к просьбам со стороны аратов не препятствовать этой торговле. В конце 1850-х гг. китайское правительство было вынуждено в целях облегчения наблюдения за русской торговлей назначить определенное место на Бом-Кемчике и определенное время — вторая половина марта — для проведения торгов. Ежегодно в указанном месте с 17 по 25 марта происходили ярмарки, куда съезжались казаки, зверопромышленники, минусинские крестьяне с русской стороны и араты-тувинцы и урянхайские чиновники из Урянхыя. Немалую роль в развитии этой торговли сыграли появившиеся к этому времени первые переселенцы — основатели усинских деревень. [В.А.] Ошурков, посетивший эти деревни в 1892 г., писал: «Пушнина, рога диких и домашних изюбрей, хлеб, скот, кони — все это служит для ссуд, продажи, обмена с урянхайцами, не говоря о табаке, спирте, материи и т.п.

¹¹³ Цитируем по работе В.Л. Попова «Второе путешествие в Монголию в 1910 г.» (Попов, 1913). Отметим, что В.Л. Попов, стремясь доказать принадлежность Урянхыя России, объясняет это положение как запрет въезда лишь в три сумона за хребтом Танну-ола в Монголии, игнорируя слова «равно и во все места к северу от Улясутая».

¹¹⁴ Эти знаки были поставлены в 1773 г. сержантом Нестеровым, им же определены казачьи караулы из острогов абаканской караульной линии и введены осмотры этой пограничной линии, которая до этого года не была определена (Попов, 1913).

У сойот принимали в обмен главным образом скот, кожи и пушнину, бычьи шкуры и даже кедровые орехи...» (Ошурков, 1893, с. 86). В 1860 г. на эту ярмарку посылает своих приказчиков купец [Н.Ф.] Веселков.

После заключения Пекинского договора между Россией и Китаем в 1861 г. казачьи кордоны снимаются и разрешается русским беспопытная торговля в Урянхае. Однако устнавливается запрет на постройку постоянных жилищ и других помещений. Русских купцов эти обстоятельства не останавливают. Они действуют постпенно и острожно. Купец [Н.Ф.] Веселков сначала переносит свои склады из усинских деревень на территорию Урянхая на Уюк в 1863 г., а в 1867 г. уже основывает торговую факторию на левом берегу Улуг-хема в центре Тувы, где невдалеке имеются озера с осадочной солью, и начинает соляную торговлю. Следом за ним с временными торговыми палатками выезжают на Кемчик купцы из казаков [М.И.(?), Л.И.(?)] Бяков и [В.М.] Сватиков. На Улуг-хеме устраивает торговлю Г.П. Сафьянов.

Пока купцы имели временные постройки-палатки, склады, урянхайские чиновники вынуждены были терпеть возрастающую конкуренцию. Однако очень скоро русские купцы стали крепко оседать в Урянхае, появились постоянные жилые усадьбы с огородами, складами. С этого момента возникает ряд недоразумений между тувинцами и русскими. Главными подстрекателями в возмущениях аратов являлись урянхайские чиновники, интересы которых сильно ущемлялись с развитием и укреплением русской торговли. В 1867 г. араты производят ряд нападений на русские торговые караваны, грабят и сжигают торговую факторию купца Н.Ф. Веселкова. Однако по жалобе русского правительства китайские власти накладывают на аратов обязательство возместить пострадавшим убытки. Сумму убытков определяют пострадавшие купцы, которые при этом, естественно, не остаются в обиде. Вся сумма убытков раскладывается на аратское общество. Впоследствии русские торговцы, учитывая сложность взаимоотношений царского и китайского правительств, часто провоцировали грабеж, а иногда подбрасывали товары аратам с тем, чтобы получить возмещение за «украденное» в несколько раз больше (Кабо, 1934, с. 111, сноски).

Протесты урянхайских чиновников, возмущение аратов не останавливали проникновения русских купцов вглубь Урянхая. Крупные торговцы Сафьяновы, Бяковы и другие строят ряд факторий-заимок по Улуг-хему, Кемчику, Пий-хему и их притокам.

В конце 1860-х гг. в Урянхае уже имелось 16 постоянных торговых точек русских купцов (3 — по Пий-хему, 7 — по Улуг-хему и 6 — по Кемчику) (Кабо, 1934, с. 98). Отсюда, из постоянных факторий, купцы посылали на верблюдах, вьючных лошадях своих приказчиков с товарами во все кочевья страны. Главная торговля производилась в феврале–марте,

в период сбора податей. В остальное время торговля производилась с постоянных складов. Некоторые минусинские купцы и усинские крестьяне делают попытки наладить регулярную торговлю с городами Северной Монголии. Ездят в Ургу, где закупают зеленый чай и табак-дунзу (местного китайского производства).

Усинские крестьяне везут в Монголию главным образом рога маралов. В.А. Ошурков описывает многоступенчатый обмен, производившийся усинскими крестьянами: «Кто везет сам в Монголию маральи рога, те обменивают их в Урге главным образом на зеленый кирпичный чай, который в свою очередь меняют сойотам на скот. Скот сбывают на прииски, где за него получают деньги». Это конец обмена. «На торговле скотом вертятся основные заботы и интересы Усинских крестьян». «Это уже не простое добывание необходимых средств к жизни, а источник богатства немалого» (Ошурков, 1893, с. 86). Из этого видно, что, несмотря на трудный и длинный путь из Уса до монгольских городов, купцы считали торговлю с Монголией выгодной и постепенно ее развивали.

В 1869 г. купец Н.Ф. Веселков предпринимает поездку в Улясутай с караваном товаров, желая установить постоянную торговлю с более близким, чем Урга, монгольским городом. По имеющемуся положению китайского правительства русская торговля могла производиться только в тех городах Монголии, где имеется русское представительство. На этом основании торговля русских производилась с Ургой, где имелся русский консул, и не разрешалась с Улясуаем, где такового не было (Африканов, 1890а). Н.Ф. Веселков представил свои соображения о налаживании путей в Улясутай. Он считал, что имеются возможности проложить колесную дорогу от берегов Улуг-хема в Улясутай; наличие пастбищ обеспечивало корм для лошадей и верблюдов на всем протяжении этого пути. Однако из его проекта и даже его поездки ничего не вышло. Чиновник — начальник пограничного караула (определенного для прохода русских через границу) — не пропустил его, придравшись к тому, что на проездном билете не имелось печати самого улясутайского цзянь-цзюня.

К концу XX в. в Урянхае не было ни одного кочевья, которое не торговало бы с русскими. Торговля же с Монголией, несмотря на отсутствие путей сообщения, крепла, достигнув к 1908 г. суммы ввоза 204,5 тыс. руб. По сведениям Усинского начальника пограничного управления, в 1903 г. в Урянхае было до 80 русских торговых точек, разбросанных по всей стране. Обороты торговли с Урянхаем в это время достигали 1–2,5 млн руб. (Попов, 1913).

Торговля велась меновая. Торговцы обменивали российские промышленные товары — металлические изделия, мануфактуру, посуду, галантерею, хлеб, спирт, а также китайские товары — зеленый чай, табак, шелк и пр. — на скот (главным образом крупный и мелкий рогатый скот), который,

по свидетельству ряда исследователей, был высокого качества. В меньшем количестве меняли на лошадей (мелкая местная порода приобреталась лишь под верховую и вьючную езду), еще меньше — на верблюдов, которые были очень хорошего качества, но разводили их урянхи немного. Меняли и на мелкий рогатый скот, главным образом коз. Другим важным товаром была пушнина и шкуры крупных диких копытных и, наконец, осадочная и каменная соль. Материалы всех исследователей дают яркую картину хищнических методов грабительского характера русской торговли, особенно в первый период. Тувинцы, не имевшие представления о стоимости своего товара, были полностью в руках опытных купцов, назначавших эквивалент при обмене с «согласия» того, с кем производили обмен. Торговцы, как правило, получали за свои товары в 3–4 раза большую стоимость. Исследователи Урянхая приводят многочисленные примеры обменных операций русских купцов. Так, например, за взрослого быка меняли отрезок бязи длиной от его рогов до хвоста. Наибольший доход купцы получали от торговли скотом и пушниной. Закупленный скот ранней весной оставляли у хозяев-аратов на пастьбу до того времени, когда в мае подрастала трава и скот можно было перегонять за пределы Тувы. Покупали также молодняк и оставляли его у тувинцев до полного возраста. За пастьбу не платили, а предоставляли пастухам-аратам право на пользование молочными продуктами и право работы на нем. Однако пастух полностью отвечал за сохранность поголовья и в случае потерь возмещал таковые из своего личного стада. Так, без затраты труда купцы развивали торговлю скотом, приносившую им огромные доходы. Не меньший доход давала торговля на пушнину [пушниной]. Белка и соболь из Урянхая имели высокие пушные качества и продавались на Ирбитской ярмарке по ценам как иркутская пушнина. До 1908 г. ежегодно через руки русских купцов проходило по 5 тыс. соболей, 100 тыс. белок и много пушнины других сортов на сумму свыше ¼ млн руб.

Постепенно в меновой торговле выделяются товары, которые принимают функцию всеобщих эквивалентов. Эти товары различны для районов скотоводческих и районов, где торговля идет главным образом на пушнину. Для первых как всеобщий эквивалент выделяется бычок — «торбак», для вторых — белка. В юго-западных районах некоторое время функцию всеобщего эквивалента несет шкурка суслика, шкурка овцы, живая овца. П.Е. Островских приводит таблицы стоимостей товаров и их выражение в «белках», практиковавшихся в торговле с главным пушным поставщиком Урянхая — Тоджей (Островских, 1899). Он пишет, что самой мелкой обменной единицей здесь была белка, далее — «больше белки будет козлиная (шкура горного козла), которая равна 4–5 белкам, и оленья шкура, равная 10 белкам. На западе мелкой обменной единицей была овечья шкура (или мерлушка), более крупной — овца, которая равнялась 3 шкурам

(овечьим) — 3 мерлушкам и, наконец, бык, своего рода наша “радужная”, был равен 10 овцам».

Расчет на белки

1 кирпич чая — 35 белок	1 салбак бязи — 4 белки
1 котел муки — 8 белок	1 салбак сукна — 50 белок
1 тулун муки — 150 белок	1 лошадь — 200 белок
1 куль муки — 150 белок	1 кремневое ружье — 200–250 белок
1 папушка табака — 3 белки	

Из приведенной таблицы ясно виден грабительский характер обмена. Нужно отметить, что первые десятилетия белка русскими купцами ценилась 10 коп. в денежном выражении. Следовательно, например, ружье, которое купцу стоило 3–5 руб., при обмене на белку продавалось аратам за 20–25 руб., салбак бязи, стоивший в Минусинске менее 16–18 коп. (это цена аршина бязи), продавался аратам за 40–50 коп., табак купцу стоил 4 коп. за папушку, продавался за 30 коп. и т.д.¹¹⁵

Все эти примеры указывают, какую обильную жатву снимали в Урянхае первые русские купцы, особенно те, которые владели большим капиталом. Постепенно главные торговые фамилии — купцы Бяковы, Сафьяновы, Скобеевы, Вавилины и некоторые другие разделили между собой Урянхай в торговом отношении.

Очень рано меновая торговля начинает сочетаться с торговлей в долг. Долговая торговля еще более увеличивает доходы купцов и приводит в конечном результате к почти полному разорению масс трудящихся аратов. Долговая торговля в 1874 г. по соглашению русского консула в Урге и улясунского цыянь-цзюня была запрещена. В 1880 г. последовало распоряжение, запрещающее русским купцам вести долговую торговлю. Однако эти запреты остались на бумаге. Купцы продолжали на свой страх и риск вести торговлю в кредит (Островских, 1899). Р.М. Кабо в специальной главе своей работы («Проникновение торгово-ростовщического капитала в Туву») подробно анализирует причины возникновения и развития долговой торговли, «которая с течением времени становится основной формой деятельности русского (а затем китайского) капитала» (Кабо, 1934, с. 103). Характеризуя результаты деятельности торговцев в Туве, он пишет: «В колониальной системе этих империй /то есть России и Китая. — Е.П./ торгово-ростовщический капитал являлся основным орудием и передовым отрядом в деле осуществления колониальной политики». Неимоверный гнет и эксплуатация тувинского аратства местными феодалами, осложнен-

¹¹⁵ [В.П.] Ладыгин приводит расчеты обмена на шкурки сурков: маленькая пачка иголок — 1 сурок, кирпичного чая — 3 сурка. Сурок в денежном выражении стоил 25 коп. Обмен вели и на шерсть, но неизвестно, что служило мерой шерсти.

ные гнетом внешних завоевателей, создали в Туве благоприятную почву для развития этого «низшего и худшего», по определению В.И. Ленина, вида капитала.

Долговая торговля, развиваясь быстро, приводит к кабальным отношениям между торговцем-ростовщиком и мелким предпринимателем. Последние — трудящиеся араты — впадали в полную зависимость от своих кредиторов. В работах исследователей Тувы имеются многочисленные примеры разорительных сделок и постепенного обнищания населения целых сумонов. Взимание долгов производилось не только непосредственно с должника, но и со всего общества-сумона, использовались при этом выгодные в данном случае родовые пережитки тувинского общества, родоплеменные связи, взаимопощь и т.п.

Тувинцы пытались бороться против ростовщиков-купцов путем разорения торговых факторий и убийства наиболее злостных эксплуататоров. Особенно обострились отношения между населением и купцами в 1877–1878 гг., когда араты отобрали у купцов насильственно уведенный за долги или взятый обманом при расчетах скот. Тувинцы, считая себя правыми, выдавали купцам расписки в том, сколько отобрано скота. По просьбе русского правительства состоялся съезд китайских и тувинских чиновников, который под давлением русского правительства вынес решение о возвращении купцам их имущества и возмещении убытков. Р.М. Кабо приводит в своей работе любопытные архивные данные «о деянии» русских торговцев, записанные со слов купца [М.И.] Бякова, одного из главных «воротил» в Урянхае. Купец рассказывает, что русские, поощренные этим съездом, не раз провоцировали взмущение урянхайцев и получали «убытки» в тройном и четверном размере. Были случаи, когда за одну украденную лошадь «присуждали» возвратить купцу 1 тыс. овец (Африканов, 1890а, с. 31).

К этому же времени относится яркая страница истории народно-освободительного движения в Туве, а именно — восстание 60 богатырей (Алдан Маадыр) в 1883 г. Не выдержав тяжелого ига феодалов, разгула и произвола ростовщиков, одновременно подняли восстание несколько западных хошунов в Туве. Хотя они и не имели твердо поставленной цели, однако, как пишет М.Х. Сейфулин, их требования выражались в уничтожении феодального гнета, обуздании торговцев, уменьшении податей и налогов, «возврату к родовому строю» (Сейфулин, 1954).

Восстание длилось долго, впитывая в себя все новые и новые аратские массы. После длительной борьбы обманом чиновникам удалось захватить главарей восстания. Этот факт показал, что тувинский народ — не безропотная масса, и он копит силы и ненависть к угнетателям.

До 1903 г. русские купцы властвовали в Туве без конкуренции. С 1903 г. был официально разрешен въезд в эту страну китайским купцам. В Урянхае появились крупные китайские фирмы, действовавшие в стране как

хозяева (так как Урянхай был колонией Китая). Китайские товары и до 1903 г. проникали в Урянхай. В основном это были богатые материи, дорогие украшения, посуда, предметы культа. «В то время как Россия одевает бедноту, Китай доставляет материал для богачей и чиновников», — пишет [Ф.Я. Кон] (Кон, 1903, с. 27). Проводниками китайских товаров в Туве были не только чиновники, посещавшие города Монголии и Китая, но впоследствии и ламы, совершавшие поездки в эти города и занимавшиеся также торговлей. Постепенно в монастырях развивается «хорошо налаженный торговый аппарат» и устраиваются своего рода ярмарки. А с 1895 г. китайские купцы (до официального разрешения) заезжали в Туву и торговали во временных палатках и юртах. С 1903 по 1910 г. в Урянхае уже имеется 30 отделений пяти китайских торговых фирм. Главные центры китайской торговли были около ставки кемчикского нойона, на р. Чадана, за хребтом Танну-ола близ Салчакского хурэ, около ставки амбынь-нойона на Чаа-куле и около ставки нойона Тоджи на Эн-суге. Китайские торговцы имели большое преимущество перед русскими купцами. Первые явились представителями богатых торговых фирм, издавна торговавших в Монголии, имевших старые торговые базы в городах Западной Монголии. Эти фирмы держали в своих руках весь товарооборот на этой территории, имели веками скопившийся опыт торговли со скотоводами¹¹⁶. В краткий срок китайские торговцы создают новые, неблагоприятные для русской торговли условия. Невыгодной для русских становится торговля хлопчатобумажными тканями, так как китайские (собственно английские и американские, ввозившиеся в Китай) ткани продаются дешевле и прочнее. Затем русские купцы отстраняются от торговли чаем и табаком. Чай выработывался только на китайских фабриках, и доставка его в Монголию была всегда в руках китайских фирм, у которых русские купцы его покупали для перепродажи. Русские [с] листовым табаком и махоркой не могли конкурировать с китайским специальным табаком «дунза» (приготовлявшимся на бобовом масле).

К этому времени самым ходким обменным товаром повсеместно в Туве становится чай, принявший функцию всеобщего эквивалента. Несмотря на то, что китайские товары были худшего качества, чем русские, но истощенное феодальными поборами и ростовщической торговлей тувинское население все более теряло покупательную способность, нищало. Для удовлетворения своих потребностей население искало в покупаемых товарах не качества, а дешевизны, не красоты, а прочности. Поэтому китайские фирмы быстро захватили в свои руки как оптовую, так и розничную торговлю в крае. Русские купцы вынуждены были и сырье закупать у китайцев

¹¹⁶ Например, китайская фирма «Да-шен-ку» существовала 300 лет и имела капитал в 2 млн руб.

для вывоза в Россию. Конкуренция русских купцов в вывозе сырья из Тувы позволяла китайцам повышать цены на сырье, продаваемое русским купцам, и часть получаемых прибылей пускать на снижение цен на предметы широкого потребления в розничной торговле с тувинцами, чего русские купцы не имели возможности делать. Этим китайские купцы закрыли почти вовсе доступ русским к источникам сырья.

Чтобы укрепить свою монополию, китайские фирмы не только расширили долговую торговлю, но ввели также выдачу «авансов» под сырье, причем часть «авансов» выдавалась принудительным ассортиментом товаров, что давало возможность спускать залежи товаров. В долговой торговле были введены проценты набавления. Не выплаченный в текущем году долг в будущем году вырастал вдвое и т.д. Открыто кредитовались нойоны, которые для достижения чинов и приобретения земель должны были давать (особенно улясутайским властям) немалые взятки. Китайцы охотно давали в кредит чиновникам, стоявшим во главе хошунов, сумонов, зная, что они «выбьют» свои долги с подвластного им населения. П.Е. Островских пишет, что начальники («огурды») двух тоджинских хошунов, следовавших один за другим, задолжали купцу Садовскому 15 тыс. белок. После их смерти этот долг разложили на весь хошун. Такие методы ведения торговли китайскими купцами пагубно отражались на экономике Урянхая. Все труднее было собрать с населения албан и другие натуральные повинности. Население нищало. Промыслы падали.

В.[Л.] Попов сообщает, что в 1908 г. добыча пушнины так упала, что китайские власти недобрали подати и наложили на уянхайцев тройные проценты. Долг стал так велик, что, «если продать урянхов со всем их имуществом, и детьми, и семьями», не хватит для уплаты и половины (Попов, 1913, с. 5). Г.И. [Г.П.] Сафьянов, один из наиболее крупных русских торговцев в 1910–1911 гг., отмечает: «При таких законоположениях и обычаях, какие практикуются у урянхайцев, хозяйство их после открытия китайской торговли с каждым днем страшно падает, и в недалеком будущем в некоторых хошунах может ничего не остаться» (Сафьянов, 1926). Эти опасения вызваны не заботой о судьбе урянхайцев, ясно, а возрастающей монополией китайских торговцев. Процесс упадка экономики в Туве доказывает справедливость положения К. Маркса: «Ростовщичество не изменяет способ производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка».

К 1915 г. долги тувинцев торговцам выросли до огромных размеров. По отчетам агронома А.А. Турчанинова, долги населения Тоджи равнялись 5 млн белок или 1 млн руб. (Кабо, 1934, с. 106). В кемчикских районах, по словам [Е.К.] Яковлева, где торговля шла на скот, оказалось, что почти все тувинцы состояли в неоплатном долгу у купцов и теряли счет громадному количеству числящихся за ними «торбаков». «Большая часть сойотского

скота представляет уже не их собственность, а различных Иван Ивановичей».

Русские купцы в торговле товарами широкого потребления сошли на роль комиссионеров китайских фирм. Однако в ряде отраслей торговли китайские купцы не могли конкурировать с русскими. Это торговля железом, металлическими изделиями и кожей (простой и черной юфтью). В пушных районах — в Тодже и Усинском крае — русские купцы сохранили свое старое влияние, торговля пушниной и пантами велась ими самостоятельно.

В дальнейшем с развитием денежного обращения русские торговцы вновь частично отвоевывают свое влияние в Туве. Китайское правительство постепенно все поборы переводит на деньги (серебро). Монастыри, чиновники требуют с населения серебро, которого население не имеет. Тувинцы отдают сырье, но требуют с торговцев также не товаров, а денег (серебра). Деньги становятся всеобщим эквивалентом. И здесь русские купцы путем ввоза серебра из России оказываются обладателями нового всеобщего эквивалента и вновь получают доступ к производителям. Население, получая от них серебро, охотно предоставляет им сырье. Уже в 1910 г. купцы [М.И.] Бяков и другие производили закупки скота и у тувинцев не обменом, а на деньги.

Рабочие и служащие также требовали уплаты заработков не товарами, а деньгами. И все же, несмотря на проникновение денежных отношений в Урянхай, денежное обращение не получило широкого развития, денежная торговля не стала преобладающей. Господствующей оставалась натуральная форма обмена.

В последующие годы русские купцы вовсе сворачивают торговлю среди населения, сосредоточивая торговые операции на торговле скотом. Появляется промышленное скотоводство, отличающееся от прежней торговли скотом тем, что в стадах торговцев пастухи работают за определенную плату, без права пользования продуктами этого скота, скот не дробится по отдельным тувинским хозяйствам, сосредоточивается у купца. Появляются крупные скотопромышленники.

Торговцы скупали у тувинцев скот всех пород, собирали большие стада. Для выпаса этих стад купцы захватывали лучшие пастбища. Это им вполне удавалось без особых затрат — за угощение или подарки нойонам. А после 1912 г. под покровительством царского правительства эти захватнические тенденции проявляются открыто.

[С.Р.] Минцлов в донесении Переселенческому управлению пишет: «Сафьянов, Бяков, Вавилины, Скобеевы поделили между собой лучшие части Урянхая и ревниво следят, чтобы никто не нарушил их прав на пространстве, превосходящем многие европейские княжества. Такого рода удельно-кулацкие княжества являются, кроме того, главным тормозом для заселения края» (Минцлов, б.г., с. 66).

Продукция животноводства остается у скотопромышленников. Начинает развиваться обработка сырья — маслоделание (привозят сепараторы); масло ввозится в Россию. Строят кожевенные заводи. Так делаются попытки создания нового способа производства с новым применением труда и техники.

Наряду с пастбищами русские купцы и крестьяне арендуют (а чаще захватывают путем задаривания чиновников) пахотные земли у тувинцев. Много труда вложили русские крестьяне на освоение плодородных земель Урянхай, требующих особого ухода. Земли находились в ведении крестьянского общества, так как только общий труд мог дать желаемый результат. Основной труд, требующий участия всего общества, был проведение оросительной сети не только на пашнях, но и на лугах и огородах. Общего труда требовало и тщательное огораживание посевов и огородов, охрана их от потрав скотом. У купцов, «арендовавших» или «покупавших» землю, обработку ее производили русские крестьяне и тувинцы-батраки. Русские сеяли пшеницу и рожь, гречу, сажали овощи, бахчевые. В результате этой деятельности русских крестьян уже в 1908 г. хлеб в Урянхай не ввозился, и даже были случаи вывоза хлеба из Урянхай в Россию, тогда как в 1903 г. весь хлеб доставлялся сюда из России, то есть из Минусинской губернии. Купцы планировали вывоз хлеба в Монголию. Русское земледелие к этому времени обсеpečивало хлебом не только пограничное население, но и тувинцев и рабочих приисков. По сведениям Усинского Пограничного управления в 1908 г. в Урянхае было снято 13 042 четверти хлеба и 1 250 четвертей картофеля. Площадь обработанной земли достигла 3 тыс. десятин.

Торговлей хлебом и скотом занимались не только купцы, но и зажиточные крестьяне. Нет ни одного русского крестьянина в Урянхае, который не имел бы нескольких десятков крупного рогатого скота, овец и лошадей. В Туране и Уюке есть крестьяне, имеющие по 500 голов скота и по сотне лошадей» (Булгаков, 1908, с. 32; Попов, 1913). [В.М.] Родевич считает общее поголовье скота у русских — 10 тыс. коней, 12 тыс. коров и 10 тыс. овец. В.[Л.] Попов считает эти цифры сильно преуменьшенными, что, по-видимому, верно, так как В.[Л.] Попов был знатоком Урянхай, неоднократно изучал его районы. Он считает, что русское скотоводство на этой территории имеет в то время уже государственное значение, так как скот русские торговцы вывозили не только в Минусинский округ и в Иркутскую, но и в Енисейскую губернию. Нужно учесть, что минусинское крестьянство в это время было в тяжелом экономическом положении, сельское хозяйство пришло в упадок, и потому В.[Л.] Попов пишет: «Стоит разорить это /урянхайское. — Е.П./ русское скотоводство, как Иркутск и его губерния, Минусинск и часть Енисейской губернии почувствуют недостаток мяса». Русские скотопромышленники начинают, правда, в незначительных размерах работу по улучшению местной породы лошадей (Г.П. Сафьянов

и «помещик» [Н.М.] Черневич на Каа-хеме, имевший конный завод). И по сей день в Туве имеется «сафьяновская» верхнеенисейская порода лошадей — результат скрещения местной породы с кровными производителями, которых [Г.П.] Сафьянов получал с государственных конных заводов [прим. 1].

Резюмируя все сказанное выше о развитии торговых связей Урянхя, мы приведем анализ данной работы [Р.М.] Кабо (Кабо, 1934). Он устанавливает в этом развитии две фазы. Первая — период, когда торговый капитал, не изменяя способа производства, проникает в хозяйство урянхайцев и укрепляется в качестве посредника при обмене одних товаров на другие, то есть обмен промышленными изделиями России и Китая на продукты охоты и скотоводства. Вторая — овладение самими источниками сырья, получение дешевого сырья через сбыт промышленных изделий. Со второй стадии наступает разорение мелких производителей. Скупая и забирая за долги сырье, торговцы подрывают удовлетворение насущных потребностей населения, тогда как прежде это сырье шло полностью на это дело. Прекращается развитие домашних ремесел, так как предметы домашнего обихода доставляются в обмен на сырье. Дegrадируют ремесла тувинцев — кузнечество, вышивки, теснение по коже и чеканка и т.п. Разрушается традиционный способ ведения хозяйства и взамен не создается ничего нового.

В таком положении находится экономика Тувы ко времени китайской буржуазно-демократической революции 1911–1912 гг., приведшей к падению маньчжурской династии в Китае. В соседней с Тувой Монголии также развернулись революционные события. Монгольские араты в освободительной войне свергли господство маньчжуро-китайских феодалов. Это оказало огромное влияние на национально-освободительное движение в Туве. И так как здесь не было постоянной китайской администрации и войска, то народный гнев вылился в основном в преследования китайских торговцев. Отбиралось их имущество, сжигались постройки, купцы и приказчики изгонялись из пределов Тувы. Первыми выступили араты Эрзинского района, к ним вскоре присоединились и остальные хошуны. Лишь начальникам двух кемчикских хошунов удалось удержать аратов от выступлений и спрятать на своих землях китайских купцов. Население и этих хошунов к весне 1912 г. присоединяется к народно-освободительному движению, и чиновникам приходится выдать китайских купцов, которых отправляют в Россию, а имущество их разбирается.

Русские купцы вновь остаются хозяевами всей торговли в Туве. После Великой Октябрьской революции русские торговцы и кулаки объединяются с феодально-ламской верхушкой и всеми силами противодействуют революционному движению в крае. В конце апреля 1918 г. еще ранее созданный в Туве Краевой совет национализирует предприятия крупных

русских капиталистов — золотые прииски и сельскохозяйственные усадьбы. В июне 1918 г. после объявления независимости Тувы начинается трехлетний период борьбы русских и тувинских трудящихся с местными контрреволюционными элементами, в которых немало русских торговцев, с иностранной интервенцией и белогвардейцами, окончившийся победой трудящихся.

После установления революционной власти в Туве частные торговцы еще долгое время продолжали свою деятельность. В 1927 г. было зарегистрировано 27 торговых китайских фирм с 47 отделениями в разных местах, 8 русских, 9 корейских и 1 тувинский торговый пункт (Сейфулин, 1954, с. 82). До 1930 г. продолжалась хищническая частная торговля. В 1917–1920 гг. Тува не имела налаженной ни внешней, ни внутренней торговли. Отдельные торговцы-спекулянты нерегулярно доставляли товары из России и Китая и продавали их по баснословно высоким ценам в Туве. После образования ТНР советское правительство помогает тувинцам организовать торговлю. С 1920 г. организуется отделение Центросоюза РСФСР, которое до 1923 г. проводит торговые операции. Заготовительной деятельностью занимается организованная среди советских граждан, живущих в Туве, потребительская кооперация. С 1923 г. начинает работать контора Госторга СССР, а с 1924 г. организуется Тувинская потребкооперация, слившаяся с Потребкооперацией советских граждан, значительно укрепившаяся от этого слияния. До 1930 г. эти государственные торговые организации действовали в Туве наряду с частной торговлей. Еще в 1923 г. удельный вес китайской частной торговли в общем внутреннем торговом обороте равнялся 75 %. Но в дальнейшем китайские купцы, основывавшие свою торговлю на неэквивалентном обмене, крайне невыгодном населению, не могли конкурировать с развивающейся государственной торговлей, имевшей в виду только интересы народа. И уже в 1927 г. Госторг СССР захватывает более 50 % всего внутреннего товарооборота в Туве, а удельный вес частной китайской торговли составляет лишь 18 % [прим. 2].

С 1932 г. Госторг передает все свое имущество Тувинской центральной кооперации, которая становится единственной торгово-заготовительной организацией в Туве. ТНР финансирует деятельность Тувинцентрскоопа, которому передаются права внешней и внутренней торговли. Тувинцентрскооп имел отделы: закупочно-экспортный, торговый и плановый. Являясь общественной организацией, Тувинцентрскооп был подотчетен перед своими пайщиками.

Потребительская кооперация в ТНР организационно была отлична от таковой в СССР. Это отличие было обусловлено кочевым образом жизни коренного населения, различием в хозяйственной деятельности основных групп населения, а также ростом промышленности и сельского хозяйства в ТНР. Основной кооперативной организацией в ТНР был Хошунный

кооператив (Хошкооп), объединявший пайщиков одного-трех хошунов в радиусе 80–200 км. Хошкооп имел от 7 до 15 лавок (палаток). Этим Хошкоопы напоминали многолавочные райкоопы в СССР с той разницей, что тувинские хошкоопы имели крупные заготовительные задачи. Он [Тувинцентркооп] имел хошунные кооперативы лишь в десяти хошунах из шестнадцати, в остальных работали уполномоченные Тувинцентркоопа. Характерной особенностью Тувинцентркоопа было наличие комиссионеров и активистов. Штаты их были непостоянные — увеличивались в период массовой заготовки скота и сокращались в зимнее время. В мелких населенных пунктах, где не было стационарной торговой сети, комиссионеры работали круглый год. Комиссионеры выдвигались или правлением Хошкоопа, или заведующими крупными лавками. Получая под отчет товары и денежные суммы, комиссионеры разъезжали по аалам и производили закупки скота, шерсти, кож и пр.

Активисты выделялись из среды членов партии и депутатов хошунного совета. Они вели массовую разъяснительную работу и производили закупки в арбанах.

Внутренний торговый оборот ТНР к 1927 г. равнялся 1,6 млн руб., в 1928 г. поднялся до 2,5 млн [руб.]. Растет и внешний оборот (экспорт и импорт) — с 2 млн руб. в 1925 г. до 3,5 млн [руб.] в 1929 г. Удельный вес СССР во внешнем обороте ТНР в 1922 г. равнялся 25 %, а к 1930 г. составлял уже 100 %. С 1925 г. организуется Тувинский торгово-промышленный банк, задачей которого является содействие развитию всех отраслей хозяйства и торговли, и в первую очередь наладить кредитное дело и денежное обращение в ТНР. До организации Тувинбанка в товарообороте страны господствующей формой торговли оставался по-прежнему натуральный обмен (сырья, скота, пушнины на промышленные товары и продукты питания). Белка, скот, чай продолжали выполнять функции «денежного» материала. Кроме этого, среди населения находились в обращении китайские, монгольские, царские русские, советские денежные единицы, а также выпущенные Министерством финансов ТНР «правительственные бонусы». Такой хаос в денежном обращении служил только источником обогащения торговцев, которые, пользуясь невежеством народа, обирали его. Население недоверчиво относилось ко всем бумажным деньзнакам [денежным знакам].

После договоренности с СССР в 1925 г. было решено в целях упорядочения денежного обращения в ТНР выпускать советские деньги сначала серебряные, а затем и бумажные. Вскоре советские денежные знаки стали общепринятыми, и денежное обращение в стране стало налаживаться. Натуральный обмен и обращение иностранной валюты были официально запрещены правительством ТНР. Все торгующие организации обязаны были производить свои операции на советские деньги.

С ликвидацией феодально-ламских элементов и конфискацией их имущества в стране начался перелом в реорганизации экономики. Развивается торговля как внешняя, так и внутренняя.

Сеть торгующих организаций растет год от года. С 1932 по 1943 г. количество лавок и магазинов выросло с 51 до 112, столовых — с 1 до 9, пекарен — с 1 до 21.

В 1930–1935 гг. хлеб араатами почти не потреблялся. В последующие годы потребление хлеба резко возрастает. За 1942 г. в ТНР было продано печеного хлеба 2 тыс. т. Постоянно растет число пайщиков Тувинцентркоопа. К 1942 г. число пайщиков равно 65 % взрослого (старше 16 лет) населения. Только за 1942 г. вступило новых пайщиков около 4 тыс. человек. Паевой капитал составил свыше 39 тыс. акша (эта национальная валюта была введена в ТНР с помощью СССР в 1936 г.).

В довоенный период, 1937–1940 гг., завоз товаров в ТНР из Советского Союза производился в размерах, превышающих покупательную способность населения республики. Нужды населения удовлетворялись без ограничения. Розничный товароборот за 10 лет (с 1932 по 1942 г.) вырос вдвое — с 5,5 млн акша до свыше 11 млн акша. Этот факт явился следствием повышения материального благосостояния, роста потребностей, вызванных ростом культурного уровня. Он отразил также и то, что товары, ввозимые из СССР, прочно вошли в быт населения.

Торговля в военное время характеризовалась увеличением в товарообороте товаров из местного сырья. Многие товары, ввозившиеся до войны в республику из СССР, стали изготавливаться на месте и не только шли на внутреннюю торговлю в ТНР, но и стали предметом вывоза (лыжи, полушубки, валенки, краски и т.п.). Удельный вес товаров местного производства в розничной торговле Тувинцентркоопа составлял в 1941 г. 18,4 %, в 1942 г. — 22 % и в 1943 г. — 45 %.

Однако местное производство было еще мало развито, не могло полностью удовлетворить нужды населения республики. Советский Союз в годы, тяжелые для всей родины, не прекращает экспорт необходимых товаров в Туву и в 1941 г., и в 1942–1943 гг. В последнем СССР перевыполняет экспортные обязательства на 190 %.

В 1942 г. в ведение Тувинцентркоопа передается государственная контора по техническому снабжению. Таким образом, Тувинцентрcoop начинает осуществлять и организацию технического оборудования госхозов, колхозов, снабжение их сельскохозяйственными машинами, горючим и т.п. Кооперация начала снабжать отделы народного здравоохранения и образования оборудованием и медикаментами.

Заготовки в ТНР отличались тем, что в республике не было обязательных поставок государству продукции сельского хозяйства. Лишь с 1942 г. были введены впервые хлебопоставки. Заготовительная работа зависела

от массово-разъяснительной работы активистов и комиссионеров среди населения. В 1942 г., например, из ТНР были экспортированы скот, шерсть, пушнина и другие товары. Из них на скот падало [скот составлял] 63,8 % всего экспорта.

Внутренний товарооборот по линии Тувинцентркоопа в 1943 г. достигает 14 млн акша.

С присоединением ТНР к СССР с 1944 г. в Области действуют советские торговые организации. Вся торговля находится в руках государства. Оборот промышленных товаров в 1953 г. увеличился, по сравнению с 1946 г., на 293,1 %, а продовольственных — на 214,3 %. Значительно выросла сеть торгующих организаций в Области. Магазины имеются в каждом колхозном поселке. Кроме того, организуются торговые палатки, разъезжающие по бригадам, фермам и полевым станам колхозов. Магазины снабжают население продовольственными и промышленными товарами. Кроме того, в каждом колхозном поселке организована продажа печеного хлеба, а кое-где и булок.

Сельские магазины торгуют также книгами, учебными пособиями. В районных центрах имеются несколько магазинов, а также столовых, чайных, закусочных. В последние годы [1950-е гг.] развивается базарная торговля в районных центрах. В 1953 г. впервые к празднику Великого Октября открылся колхозный базар в п. Тээли. Колхозники привезли излишки сельхозпродукции: молоко, масло, мясо, шерсть. Колхозные мастера продавали изделия из дерева (ящики), кожи и т.п. В центральных районах летом на колхозных базарах много овощей, в том числе помидоров, огурцов, арбузов; с развитием птицеводства на базарах появились яйца, птица. Колхозные базары ярко отражают рост комплексного хозяйства колхозов. Много трудностей преодолевают торгующие организации по снабжению отдаленных районов Тоджи и Тере-хёля. Летом самолетами, зимой гужевым транспортом завозится и туда все необходимое.

Из Области вывозится зерно, скот, шерсть (основные продукты по госпоставкам) в значительно большем количестве, чем в 1940-х гг. Однако не все районы имеют обязательные госпоставки, так как Советское государство прежде всего стремится укрепить и поднять благосостояние трудящихся Области.

Что дало проникновение в Урянхай торгового русского и китайского капитала? Какова их роль в истории тувинского народа? Первое и неоспоримое последствие оставили после себя китайская и русская торговля в условиях феодально-колониального Урянхая — это обнищание широких масс тувинского народа, обострение имущественной дифференциации, истощение основы тувинского хозяйства, скотоводства и пушного промысла.

Несомненна и другая сторона влияния торговли — русские и китайцы принесли многие новые товары широкого потребления, новые продукты

питания и т.д. Однако потребители этих товаров по мере обогащения торговцев в очень короткий срок в [общей] массе теряли возможность приобретать эти товары, а в дальнейшем в своей собственной культуре сходили на более примитивные ступени.

Русские познакомили тувинцев с более высокой культурой земледелия и огородничества, однако ни то, ни другое не вошли широко в жизнь народа, что можно наблюдать до периода социалистической реконструкции хозяйства в Туве. Объясняется это резкой имущественной дифференциацией тувинцев, огромным преобладанием обнищавших масс населения, не имевших средств для обработки земли (ни скота, ни орудий земледелия). Наряду с этим существовали зажиточное население, чиновники, а также монастыри, где земледелие в хозяйстве играло немалую роль и было оснащено элементарными сельхозмашинами.

Методы долговой торговли разъединяли население одного сумона от другого в силу экономических причин, а именно — круговой поруки внутри своего сумона.

В то же время возмущение гнетом феодально-байской верхушки, рука об руку действующей с ростовщиками-торговцами, грабившими население, объединяло тувинцев в борьбе за улучшение своей участи в единое целое — угнетенный народ против чужеземцев-угнетателей. Наиболее активной средой явились разорившиеся до конца мелкие производители-араты, отдававшие свой труд торговцам-предпринимателям, работавшие на немногих промышленных предприятиях и в сельских усадьбах купцов. Здесь зарождавшийся тувинский рабочий класс впервые знакомился с техническими средствами, облегчавшими труд человека (на маслобойках, приисках, конских заводах и т.д.). Здесь впервые араты-рабочие знакомились с более высокими методами ведения хозяйства, работая бок о бок с русскими батраками и рабочими.

И лишь после революции в процессе создания социалистической торговли все элементы быта более высокой культуры русского народа стали действительно заметным фактором в деле повышения культуры тувинцев. С ростом материального благосостояния населения росла его покупательная способность, стали доступны и новые материалы для одежды, утварь, продукты питания и т.п. для всех трудящихся аратов. И лишь с процессом массового оседания стали осваиваться жилища постоянного типа, с которыми тувинцы познакомились уже давно, но которые ни в коей мере не вошли в быт и не изменили его.

Глава VI

ГОРОДА, ПОСЕЛКИ И ПРОЧИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ И ИХ РОЛЬ

До появления русских в Урянхае не имелось оседлых населенных пунктов с постоянными постройками, кроме монастырей, появившихся здесь со второй половины XVIII в. Однако это не значит, что в Урянхае не имелось административных и экономических центров, установившихся со времени территориально-административного разделения края маньчжурским правительством в 1759 г. В более ранний период в Урянхае существовали не менее определенные племенные (а вероятно, и родовые) центры, где происходили в определенные [важнейшие] моменты года съезды населения. Эти древние центры не были только религиозными центрами. Население территории, кочующее в обычное время, [было] разобщено [и] имело возможность здесь решать вопросы, касающиеся распределения и эксплуатации отдельных частей территории, обмениваться новостями и т.п. Исследователи Урянхая в своих работах упоминают о существовании таких съездов-празднеств в прошлом, в которых участвовало все население сумона — «сумон тагыр» — или вся «кость» («сеок» = род) — «сеок тагыр» (Кон, 1903)¹¹⁷. Эти празднества проводились на определенных местах на территории сумона (территории расселения рода). Таким центром в Тодже, например, была для группы Ак-Чооду гора Тус-таг, где проводились один раз в год собрания населения, а затем и официальные съезды, где производились суды монгольскими чиновниками, управляющими сумоном; для группы Кара (Параан)-Чооду — местность у подножья хребта Ӧдуген. На западе гора Пэрт-таг (на запад [восток?] от степей Ӧшна) известна и сейчас как бывший центр кочевавших здесь групп Чооду [прим. 1]. В настоящее время мы не могли уделить должного внимания вопросу о древних центрах тувинцев, но можно предположить, что каждая группа на территории своего расселения таковые имела. Не всегда мы можем сказать, являлся тот или иной пункт сумонным (родовым) центром или более значительным центром нескольких групп — хошунным, так его называют исследователи, употребляя поздний административный термин. Следует учесть определение хошуна, данное Х.М. Сейфулиным, который считает хошун по его населению

¹¹⁷ Его [Ф.Я. Кона] материалы повторяет [В.И.] Дулов в своих работах.

остатком союза племен. О существовании более значительных, чем сумонные, центров сообщали исследователи Тувы; Ф.Я. Кон, В.И. Дулов пишут о порядке проведения празднеств на таких сборищах (Кон, 1903; Дулов, 1956). На них собирались представители всех родов, входивших в хошун. Каждый аал должен был привезти целого барана в сваренном виде и т.п. Предание о таком центре приводит А.В. Адрианов. По его материалам, по р. Каа-хему, выше его слияния с Пий-хемом, есть местность — степь Оиншиви, где росли несколько елей («шиви» — ель). В старину здесь было место собраний народа для обсуждения своих дел. В этом предании говорится об Ойнарах и Сальжаках, съезжавшихся сюда. Эти две группы и сейчас являются основным коренным населением этих территорий. По-видимому, указанное место было центром этих групп. В предании объясняются Сальжак («Сал-чок» — безбородый) и Ойнар («Оин» — играющий). Таких центров мы знаем немало — это степь Энсуг в Тодже, это Чадаана для населения Центральной Тувы, это устье Барлыка для западных районов, это Тере-холь для юго-востока и ряд других. Почти все эти местности, избранные издавна народом для своих сборищ, впоследствии стали местами расположения ставок правителей хошунов — нойонов, а еще позднее — центрами оседлости русского населения и тувинцев. Многие из этих старинных центров постепенно с разложением родового строя теряли свое социальное, политическое значение и остались до последнего времени почитаемыми «священными» пунктами. Жизненность многих крупных центров объясняется их географическим расположением — в центре территории, удобством дорог, ведущих к ним, и относительно широкой свободной площадью, обеспечивающей лошадей, оленей кормом, наличием воды. У охотничьих племен тувинцев центры связывались с горными хребтами и отдельными вершинами, у скотоводов — с устьями рек, степными пунктами, с отдельными холмами в степи.

На территории Тувы имеются остатки древних оседлых населенных пунктов, представляющие собой в настоящее время развалины. Таковы развалины столицы Алтын-ханов в устье р. Ак-Суг в местности, называемой Балгаш Бажын (Попов, 1913, с. 78. Донесение кап[итана Е.] Августуса, записанное им со слов нач[альника] караула Теремengi), ряд развалин крепостей в Чадаане, на оз. Тере-холь (Попов, 1913. Письмо Г.П. Сафьянова. Приложение), относящихся к более раннему периоду истории Урянхая. Эти сооружения представляли собой опорные пункты завоевателей Тувы, призванные сдерживать в повиновении «беспокойных» урянхов.

С начала XVIII в. китайцы вне территории Урянхая основывают первые города-крепости, служащие тем же целям. Это Кобдо (1718–1730) на западе и Улясутай (1733) на востоке. Население Урянхая было тесно связано с этими центрами, особенно в 1759 г., иногда Улясутай становится ставкой цзянь-цзюня (губернатора) Урянхая. Улясутай в то время является

не только административным центром, но также и торговым и экономическим. Тувинцы, проживавшие в южных, западных районах, были связаны с городом повинностью — «гоньбой-уртелем». По собранным нами сведениям, немало тувинцев-стариков бывали в Улясутае, особенно из проживающих ныне в южных районах.

Оседлые населенные пункты известны были тувинцам по границам Урянхая. С первой половины XVIII в. по линии китайских пограничных караулов имелись постоянные военные поселения китайцев, занимавшихся земледелием, призванных снабжать хлебом маньчжурскую армию. Эти поселения являлись началом широко задуманной китайским правительством земледельческой колонизации Урянхая, которую так и не удалось полностью осуществить. Проходили они по территории современного Эрзина, Овюра и Тесь-хема¹¹⁸.

После территориального размежевания Урянхая маньчжурами в 1759 г. были выделены наделы-хошуны, последние были разделены на сумоны и более мелкие деления. Появляются административные центры хошунов и сумонов. Наиболее постоянными являются хошунные центры — ставки нойонов, о которых пишут в своих работах исследователи Тувы и фиксируют их на географических картах, что говорит об их постоянных (в каких-то территориальных пределах) местах расположения. Такие ставки имелись в Тоджи хошуне — степь Энсуг, в Самагалтае, на левом берегу Барлыка, — ставка огурды Таа хошуна и др.

В начале XIX в. в период возвышения власти амбынь-нойонов в Урянхае, помимо отдельных хошунных центров, функционирует общеурянхайский центр в местности Отгуг-таш или в Хем-бельдыр (на месте современного г. Кызыла). Сюда для разрешения общих вопросов взаимоотношений с цзянь-цзюнем, управления, связей между хошунами собираются управители всех хошунов Урянхая.

Постоянным центром была ставка амбынь-нойона, с 1760 г. помещавшаяся в Самагалтае (на Улуг-Хайерахане, на р. Тесь). Сумонные центры в большинстве случаев использовали древние родоплеменные центры. Так, в Бай-тайге прежний центр Тагыр-тайга становится и сумонным центром, то же местность Ыйгылак и др.

Вокруг ставки нойона оседал целый штат чиновников, хошунный «чазак» (правление). Кроме того, сумоны выделяли аратов с семьями «медечи», которые обслуживали «чазак», выполняя разнородную работу стражников, курьеров, чернорабочих, экзекуторов и т.п.; «содачиларов» также с семьями, на обязанностях которых лежала охрана самого нойона,

¹¹⁸ [Информатор] Лобсан Николаевич Самбу, Эрзин, 1955. Военно-земледельческие поселения китайцев в Туве были раньше, например, при Хубилае. См.: Потапов, 1953. Однако это не было началом колонизации Тувы, о которой мы пишем.

его юрты, имущества и выполнение различных черных работ по обслуживанию нойона. Эти араты с семьями жили в ставке нойона в течение года, затем сменялись. Таким образом, вокруг хошунной ставки жил постоянно (хотя и сменялись) не только управленческий аппарат, но и некоторое число аратов. В условиях кочевого быта это были постоянные центры, связанные с жизнью всего хошуна, игравшие немалую роль в деле управления и в деле сплочения населения в единое целое. Как мы уже указывали, на местах ставок нойонов возникли впоследствии постоянные поселки и города в Туве, так как эти места выбирались с учетом хозяйственных возможностей, средств связи и географического положения.

Значение этих центров усиливается со второй половины XVIII в., когда в Туве начинают строиться ламские монастыри — хурэ. Первый хурэ в 1770 г. был построен около ставки амбынь-нойона на р. Тесь-хем. Сразу после него строится хурэ в Самагалтае, 1814 г. — около ставки Тоджинского нойона в Энсуге, 1872 г. — Нижне-Чаданский и т.д. [прим. 2]. Всего в Туве до революции имелось 26 монастырей с 4 тыс. лам [прим. 3]. Все монастыри подчинялись ургинскому хутухте. Монастыри представляли собой комплексы деревянных построек и жилых помещений лам. В тоджинском хурэ на Энсуге, например, имелось 5 храмов. В монастырях жили не только монахи, но и ученики, вербовавшиеся из мальчиков-подростков местного населения. Ученики обслуживали храмы и монахов. Кроме того, около монастырей жило некоторое количество шабинаров, хотя в Туве их было незначительное количество¹¹⁹. Так, административные центры стали в то же время религиозными центрами, куда в определенные дни съезжалось все население хошуна. До сего времени сохранилось воспоминание у тувинцев о громадных собраниях в дни религиозных праздников, например, в Самагалтае. Все от мала до велика ехали с юртами в степь около хурэ. Здесь вырастал «целый город» юрт. Араты гостевали, угощали друг друга. Устраивались спортивные состязания по стрельбе из лука, бросанию аркана, борьбе, обязательные бега-скачки на конях и т.д. Тувинцы, даже ламы, плохо знали монастырскую службу. Араты — того меньше. Но воспоминания о красочных процессиях лам в масках и особенно о тесном общении друг с другом в эти дни живы и по сей день. Следует пожалеть о том, что не сохранились нигде в Туве ламские хурэ — своеобразные памятники китайской архитектуры; многие из них, несомненно, представляли собой историческую ценность. Хурэ были уничтожены в 1929 г. [прим. 4].

Развитие настоящих оседлых поселков с постоянным населением и постройками началось с проникновения в Урянхай русских промышленников, торговцев, рабочих и крестьян.

¹¹⁹ Косогольские тувинцы и дархаты поголовно были шабинарами Богдо-Гегена.

Начало сношений русских с тувинцами на территории Урянхая было положено русскими казаками — жителями острогов-кордонов, построенных в XVIII в. вдоль Саянского хребта (на Шабин-даба, по р. Кебежу, по Шадату и т.д.)¹²⁰, образовавших так называемую Абаканскую караульную линию. Казаки, поселенные здесь, несли караульную службу, осматривали пограничные знаки и встречались с тувинцами. Эти русские — выходцы из Минусинских и Абаканских деревень, жившие в окружении местных тюркских народностей, — знали их язык, который был близок к языку урянхайцев, что помогало сближению с населением Тувы. Постепенно казаки развили меновую торговлю у границы, а впоследствии проникли с торговыми целями вглубь страны. Указанные выше кордоны-заставы были ближайшими к Туве населенными пунктами русских. В конце 1850-х гг. начинается продвижение русских из Енисейской губернии в Урянхай.

Р.М. Кабо в своей работе справедливо отмечает, что история заселения Тувы русскими колонистами неотделима от истории экономического развития всего приенисейского края, и в частности Минусинского округа (Кабо, 1934, с. 131). К этому времени население этого края находилось в тяжелом экономическом положении, порожденном как общими для всей России, так и локальными экономическими причинами. Среди последних основную роль играли экстенсивно хищнический характер сельского хозяйства и промыслов местного русского населения, отсутствие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, невозможность конкуренции с более близкими к центрам производителями той же продукции в других областях Сибири. Все это делало убыточным занятие сельским хозяйством. Проведение Сибирской железной дороги усугубило это положение, так как хлынувшая из России широкая волна земледельцев-переселенцев еще более обесценила и сделала неверным [малозначимым] доход от земледелия и пр. отраслей сельского хозяйства. Единственный выход [Выходами] для старожилов был[и] переселение на новые места, поиски новых торговых связей, новых доходных промыслов.

Р.М. Кабо отмечает действительно любопытный факт: выселяются не вновь прибывшие переселенцы, а снимаются с насиженных мест старожилы Минусинского края. Их привлекает «обетованная земля» за Саянами, нетронутый запас пушного зверя, рыбы и отсутствие, по сути дела, власти в спорном Урянхае, золото и, конечно, торговля. «Потомки тех первых крестьян, которые бежали из центра России на окраину от земельной тесноты, продолжали свое наступательное движение за хребет», надеясь найти там «выход из нужды, созданный противоречиями российского экономического строя» (Кабо, 1934, с. 135).

¹²⁰ [М.И.] Райков перечисляет следующие форпосты: Суэтуковский, Кобежский, Шадатский, Саянский, Арбатский, Таштыкский, Каратузское и пр. (Райков, 1898).

Начальный период переселения русских в Урянхай освещается во многих работах исследователей этого края. Особое значение имеет работа Ф.Я. Кона «Усинский край» (Кон, 1914), которую используют последующие авторы. Первыми переселенцами в Саянах были крестьяне из отдаленных Илимского и Ялуторовского округов Тобольской губернии. Это были староверы, искатели Беловодья, то есть таких мест, где горами, лесами они были бы наглухо отгорожены от «мира», от властей, от неприемлемой для них православной церкви. Первые поселения появились в долине р. Ус, где до этого кочевали тувинцы. С середины XIX в. (в 1856 г.) несколько¹²¹ крестьянских семей староверов с «учителем» Иваном Афанасьевичем¹²² пришли после долгих скитаний на р. Ус, где у рек Иджим и Уджюп основали две деревни — Верхне- и Нижне-Усинские. Долина р. Уса представляла собой удобные для земледелия и скотоводства земли. Из этих двух селений Нижне-Усинское было меньшим, Верхне-Усинское — большим. В последнем, кроме староверов, проживали также и православные. В.А. Ошурков, описывая эти селения, отмечает, что население было (к его времени) сборное. «Сюда приходили вместе с вольными переселенцами из Оренбургских степей и тобольских лесов бродячие люди, беглые всех статей, до каторжников включительно». Кроме сельского хозяйства, практиковавшегося в небольших размерах, жители этих селений имели, по его словам, «прибыльный, нетрудовой заработок». «Все Усинское селение представляет из себя, можно сказать, сплошную торговую факторию, непрерывно ведущую меновой торг с сойотами» (Ошурков, 1893, с. 85). Первоначальное население вскоре представляло собой общество, где создались как имущественное неравенство, так и религиозные распри. Коммуна староверов очень быстро распалась, начались гонения на староверов со стороны православного населения, которое поддерживалось новым начальством (Переселенческим управлением). Это побудило староверов уйти вглубь территории Тувы. Уже в конце 1860-х гг. появляется русское население на р. Сыстыг-хем в Тодже.

В Усинских селениях жили не только русские, но и хакасы. По словам Антона Мохова (хакаса из рода Ак-кас) и жены его (из койбальского рода Карга), его отец был девятилетним привезен в Нижне-Усинское, где тогда было только 15 изб староверов. Впоследствии здесь поселилось свыше 30 хакасских семейств (в том числе Моховы, Спирины, Таскараковы и т.д.). Позднее часть хакасов перешла в Туву и осела, в частности, в Тодже (где и сейчас проживают семейства Таскараковых, Таштандиновых, Спириных) и в селении Уюк.

¹²¹ [Ф.Я.] Кон пишет — 40 семей (Кон, 1914), [А.И.] Африканов — 47 семей (Африканов, 1890).

¹²² Так именует его А.М. Африканов. Ф.Я. Кон приводит фамилию — Иван Афанасьев Липин, он же Фома Егоров (Усинский край).

В 1870-х гг. русскими занимаются ближайšie к Усинским поселениям земли в богатой степи Турана и Уюка (Ошурков, 1893)¹²³. Первым здесь устраивает свою заимку купец [Н.Ф.] Веселков, один из первых организаторов торговли с Урянхаем и Монголией. Вскоре за ним здесь же появляется заимка купца [Г.П.] Сафьянова, и по проложенному ими пути идут и селятся в Туранской и Уюкской степях русские крестьяне, в основном староверы Усинских деревень, в меньшем количестве курские новоселы и разный бродячий люд. Русские занимаются земледелием, скотоводством, охотничьим промыслом, рыболовством и, конечно, торговлей с тувинцами. Здесь впервые русские столкнулись с коренным местным тувинским населением, земли которого они занимали. [В.А.] Ошурков отмечает, что Уюкская степь была густо заселена сойотами, здесь проживали тувинцы группы Маады (был Маады сумон), которые пришли сами сюда «при деде нынешнего амбынь-нойона, то есть не менее 100 лет /то есть в конце XVIII в. — Е.П./ из Монголии» (Кон, 1914, с. 23; Ошурков, 1893, с. 93). Подчинялись они не амбынь-нойону, а монгольскому управителю в Улясутае, власть которого на месте осуществляли сумонные начальники, заботившиеся главным образом о собственном быстром обогащении, бравшие взятки и подарки от поселенцев. Маады не были уверены в своих правах на эти земли, так как сами являлись здесь недавними пришельцами. Они не чинили русским препятствий, тем более что вначале русские ставили лишь торговые фактории. Приезжавшие из Улясутая китайские чиновники упрекали сойот Маады за то, что они пустили русских в эти земли. «Где русский воткнет кол, его не вытащишь оттуда» (Ошурков, 1893, с. 93). Однако уже с 1885 г. значительное число крестьян прибывает сюда на постоянное жительство. Интересы тувинцев страдают по всем отраслям их хозяйства — скотоводство, охота и пр. [Р.М.] Кабо приводит документ — прошение начальника (тарги) Маады сумона Усинскому окружному начальнику Александровичу с протестом против захвата русскими территории Маады сумона. «Русские произвольно возводят постройки, — говорится в прошении, — пользуются пастбищами, ходят на лыжах и ловят маралов». Кроме того, «основали кладбище, на котором имеются уже 8–9 могил». «Они травят скотские патбища наших урянхов, рубят в нашей местности лес». «А в местности Габцал самовольно на звериных тропах выкопали ямы, в которые зверь падает, и берут его, а чаще упавший зверь издыхает в ямах с голоду, и напуганный этим зверь удаляется дальше в тайгу, так что нашим урянхам звериный промысел для пропитания себя стал крайне невозможным». «Подведомственные Вам русские люди дошли до того, что завладели местностью нашей Маады сумо». В заключение «покорнейше просим распорядиться о выдворении вместе со скотом тех русских, которые

¹²³ Туран находится в 60 км к юго-востоку от р. Ус.

возвели новые постройки на Уюке и Туране» и т.п. Пограничное управление не отреагировало на это прошение, так как оно само на паспортах, выданных новым колонистам, сделало отметки в том, что они «отпускаются в Китайскую империю заниматься хлебопашеством». Маады ушли в глухие места на р. Ут (Хүт), часть их осталась в степи, занималась к русским на различные работы (пастушество, пашни и др.). В конце 1890-х гг. на Уте поселился купец Васильев (с Уса). Первоначально он торговал, затем осел и стал заниматься разведением маралов и рыболовством. Появились и другие заимки русских на р. Ут: Богатова, Хабарова, Голубцова. Все они занимались мараловодством, скотоводством и понемногу торговали (Ермолаев, 1924)¹²⁴. В 1892 г. в Туране уже имелось 20–25 дворов. В.А. Ошурков, бывший здесь в эти годы, пишет: «Поселок состоит в основном из новых недостроенных домов. Везде идет неустанная работа по устройству жилья. Р. Туран разведена в канавы, орошающие поля, где сеют пшеницу. Пашни обнесены изгородью». Недалеко от поселка была фактория купца Бякова, который поселился здесь раньше организации поселка.

Русский старожил Селиванов Федор Яковлевич, 80 лет, рассказывал нам в 1955 г., что он жил в Туране с 1898 г. «Тогда это была деревенька домов около 30». Жители пахали деревянной сохой, делали огороды. В нескольких верстах от Турана на р. Уюк появился в это же время другой поселок Уюк в 10 домов (1892). Здесь главными жителями были казанские и абаканские татары. Они занимались скотоводством, держали табуны, заезжие дворы и извоз, не упускали и торговые дела. Положение этих поселков было выгодное. Они лежали на дороге из России в Урянхай и Монголию. Здесь постоянно проезжали обозы русских торговцев. Русское правительство поощряло проникновение абаканских и минусинских татар в Урянхай, так как их язык был близок языку урянхайцев, и они облегчали взаимопонимание между русскими и урянхайцами. Купцы, проникавшие далеко вглубь Урянхая, имели приказчиков из среды казанских или минусинских татар. Уже в конце 1870-х гг. русские купцы проникают во все углы Тувы. [А.В.] Адрианов в эти годы посещает хорошо оборудованные заимки [Г.П.] Сафьянова на Хемчике, [Л.И.(?) М.И.(?) В.А.(?)] Бякова на среднем течении Хемчика. Здесь находились амбары, дома, крытые дворы, открытые загоны, огороды, бани. Самая большая заимка [Г.П.] Сафьянова была на Булуне, на р. Улуг-хеме.

Воспоминания о первом приходе русских еще живы у стариков. В Тодже нам рассказывали жители степи Энсуг, что к ним русские пришли впервые лет 80 тому назад (вторая половина XIX в.). Сперва пришли двое русских¹²⁵. Первое лето они рыбачили, собирали орехи, ягоды и осенью плотами сплыли в Россию. На другой год они вновь пришли, привезли

¹²⁴ Он [А.П. Ермолаев] называет тувинцев [группы] Маады «маджинцы».

¹²⁵ Их почему-то тувинцы называют «тунгулар».

с собой муку, некоторое количество товаров. Тувинцы не видели до того муку и не знали, что такое хлеб. Русские научили их делать хлеб и лепешки. Цены на товары были произвольные. Тувинцы за все платили пушниной. Русские в тот год срубили избу, а на другой год привезли свои семьи, поселились. Китайские торговцы «не любили» русских, они подбивали тувинцев на грабеж. Первое время тувинцы сжигали постройки, грабили товары. Но те тувинцы, которые близко жили с русскими, не враждовали, «не различали тувинец или русский». Русские, по словам стариков-старожилов, «вполне сознавали, что сойот тут много, что они тут хозяева», и старались, поселяясь на их землях, наладить хорошие, добрые отношения с тувинцами. Поэтому тувинцы хорошо относятся к старорусскому трудовому населению. Русские крестьяне много помогали соседям-тувинцам, живя с ними одной трудовой жизнью, полной трудностей в условиях сурового климата Тувы и тяжелых условий хозяйствования. Русские старожилы в Тодже пользовались большим авторитетом у населения.

К середине первого десятилетия XX в. в Туве уже было очень много поселков, заимок, торговых факторий русских, приисков золотопромышленников. По сведениям инженера [В.М.] Родевича, специально собиравшего материал по состоянию заселения русскими, поселки разного типа располагались главным образом по удобным водным артериям, имевшим годные для пастбищ и земледелия долины. Еще [В.А.] Ошурков в 1892 г. писал, что «страна, лежащая у северного подножия Танну-ола... от истоков Цаган-арыха до вершин Элегеста и великолепных равнин Мичигея /недаром ее воспевают тувинцы в очень популярной песне о Межегее. — *Е.П.*/ представляет все удобства для жизни оседлого земледельческого населения, умеющего возделывать рожь, пшеницу и некоторые иные виды хлебных злаков... Сочетание горных лесов... и степей... все это вместе... может быть рассматриваемо как редкое в природе сочетание форм, благоприятных для весьма разносторонней деятельности людей. ...степи Элегеста и его притоков, самая богатая и густонаселенная часть Урянхайской страны, земля племени ойнар» (Ошурков, 1893, с. 110). Как о предмете «тайных вожделий усинского населения» пишет он также о долине р. Брен (Каа-хем), так как эта долина вполне пригодна для земледелия (Ошурков, 1893, с. 108). Очевидно, что заселение Урянхая вглубь шло постепенно. В первом десятилетии были заселены р. Пий-хем (Тоджа), где основной формой поселения были заимки с торговыми факториями, главным образом купцов [Г.П.] Сафьянова, Скобеевых, [В.А.] Мозгалевского, Садовского. Некоторые купцы имели здесь по нескольку заимок, например на Пий-хеме и Сыстыг-хеме. Это были хорошо обстроенные усадьбы со складами, огородами, пашнями, пастбищами. В Тодже имелось в то время 7 приисков с небольшими поселками около них. В Тодже были две старейшие деревни — по Сыстыг-хему и в устье Сейбы (Себи).

Главным населенным пунктом по Пий-хему был п. Туран, о котором говорилось выше. К 1910 г. в нем уже было 75 дворов с 437 жителями. Следующим по значению был п. Уюк — 53 двора и 300 жителей. Кроме этих населенных пунктов, в долине рек Турана и Уюка имелось 29 заимок (из них самая богатая — заимка [Г.П.] Сафьянова) многих усинских и минусинских скототорговцев (Вавилины, Медведевы и др.).

При устье р. Тапсы была огромная усадьба Григория [Георгия Павловича] Сафьянова — огороды, пашни, склады, лавки, многочисленные стада скота. Тут же по р. Тапсе был расположен и принадлежащий ему золотой прииск, где работали 110 человек рабочих.

По Каа-хему имелись две русские деревни, несколько заимок скототорговцев (Вавилина, Ведерникова и др.) и недалеко от устья — большая усадьба «помещика» [Н.М.] Черневича, имевшего много скота, конный завод, употреблявшего в хозяйстве сельскохозяйственные машины.

По Улуг-хему имелось несколько русских поселков, фактории и заимки. В небольшом тогда п. Чаа-куль было 50 человек пришлого населения. Это был торговый поселок, где шла торговля скотом, рогами маралов. П. Шагаан-арыг в то время имел всего несколько домов с незначительным русским населением. Большую роль играл п. Булун, стоявший на пересечении Улуг-хема гужевой дорогой из Усинского края, откуда она шла тремя направлениями: на Каа-хем, Чаа-куль и в Монголию — Улясутай. В поселке было свыше 30 человек пришлого населения, державшего много скота и лошадей.

На Хемчике было 22 мелких русских поселка с 200 человек русского населения. Самое верхнее поселение было у устья Барлыка, ниже — крупные заимки [Г.П.] Сафьянова и других. На Чадане русских не было. В 8 км ниже устья реки имелось старейшее и наиболее значительное торговое заведение купца [И.Н.] Бякова. Оно являлось как бы центром русского населения на Хемчике. Русские на Хемчике не занимались земледелием (противодействовали местные власти), торговали скотом и в силу этого арендовали большое количество сенокосов.

Таким образом, в 1910 г. в Урянхае было 115 населенных пунктов с русским населением (в том числе 4 деревни, 11 поселков, 14 приисков и 87 заимок). Население здесь было не только русское; были хакасы, татары, латыши, поляки. По социальному положению это были старые купеческие семьи Минусинского края (Сафьяновы, Бяковы и др.), казаuchy выходцы из Абаканской и Тубинской степи (Скабеевы, Тарховы и др.), крестьяне из засаянских деревень.

По данным [А.П.] Ермолаева, в Тодже в 1915–1916 гг. проживали 182 человека русских на заимках и в деревнях и 159 рабочих — на приисках по рекам О и Харал (Ермолаев, 1924). Там же работал 71 человек китайцев и корейцев. Основное население — 60 % — пришло из Минусин-

ского края, 17 % — из Бейского уезда и других мест Алтая, 10 % — из Усинских деревень и других мест Енисейской губернии.

В 1918 г. в Урянхае уже было 340 населенных пунктов с русским населением около 12 тыс. человек. Из них 174 поселка возникли после 1911 г. Более других заселенными являлись бассейн р. Хемчик (82 населенных пункта) и Турано-Уюкская степь (66 населенных пунктов — 2,5 тыс. человек). Наибольшее количество населения к этому времени осело в районе, прилегающем к Танну-ола (современный Тандинский район). Основное население пришло сюда в 1917–1918 гг. и было земледельческим (3,5 тыс. человек). Многочисленное население появляется по Каа-хему — 2 тыс. человек. Так осуществилось через два десятилетия заселение районов, о которых писал [В.А.] Ошурков. Меньше заселяется Тоджа, где к этому времени пришло всего 523 человека (в 36 населенных пунктах), и Турано-Уюкская степь. В эти годы осваиваются указанные новые территории Каа-хема и Танды, до этого заселенные тувинцами. Несмотря на дружественные в основном взаимоотношения, в эти годы возникают недовольства и недоразумения между тувинцами и новоселами. Немалую роль в подстрекательстве тувинцев к враждебным действиям играли купцы-старожилы. Вот, что писал по этому поводу [С.Р.] Минцлов в донесении Переселенческому управлению: «Сафьянов, Бяковы, Скобеевы, Вавилины, Медведев — вот имена главных из них, поделивших между собой все лучшие части Урянхая и ревниво следящих за тем, чтобы никто не нарушал державных прав их на пространства, превосходящие многие европейские княжества». Далее он говорит, что такого рода «удельно-кулаческие княжества» являются одним из главнейших тормозов для заселения края, и ставит вопрос о дальнейшем их существовании (Минцлов, б/г, с. 66). Эти торговцы-старожилы агитировали тувинцев, пользуясь своим авторитетом, не допускать более новоселов в Урянхай. Борясь за свои огромные прибыли, старожилы-купцы всемерно стремились обострить отношения тувинцев и новоселов крестьян. Особо отличался такой деятельностью упомянутый выше купец [И.Н.] Бяков.

Русское крестьянство стремилось завязать дружеские связи с тувинцами. Новоселы заселяли земли, договариваясь с «хозяевами» этих земель. Мы слышали несколько рассказов от крестьян п. Бай-хака, жителей той Танды, которая вместила в свои просторы многих переселенцев в те годы. Ни один из них не пострадал от плохого отношения с араатами. [Тувинцы] грабили фактории купцов, уводили у них скот, воровали у них коней. Доброжелательные отношения с русским крестьянством явились основой той дружбы, которая помогла тувинцам в совместной борьбе добиться в 20-х гг. нашего [XX] века освобождения от векового гнета феодалов.

В 1914 г. Россия устанавливает протекторат над Тувой. Царское правительство стремится организовать более тесные связи с населением этого

края. При слиянии рек Пий-хем и Каа-хем в местности Хем-бельдыр (слияние рек) закладывается г. Белоцарск (по-тувински его называли Бельдыр, Хем-бельдыр). Это место является центром всех хошунов Тувы. Отсюда идут пути во все углы страны. Эта местность, как указано выше, была местом съездов тувинских феодалов. Руководит строительством города Усинское

<...>

стал столицей. Правительство ТНР, ранее находившееся в Туране, со всеми государственными учреждениями переезжает сюда. С этого момента начинается строительство города.

В 1926 г. старое тувинское название Хем-бельдыр было заменено, и город стал называться Кызыл [Красный]. Быстро развивается строительство города: с 1930 г. в нем 100 домов, а в 1944 г. в нем уже около 1 700 зданий, в том числе и двух- и трехэтажные каменные дома. Около него и в нем самом строятся почти все промышленные предприятия Тувы. Уже к тому времени имеется электростанция.

В настоящее время г. Кызыл — крупный Областной центр. В нем проживает 1/5 часть населения Области. Это в то же время транспортный узел. Отсюда идут автомобильные дороги во все районы Области и за ее пределы. На окраине города — аэродром, и в ближайшее время в городе будет построен речной порт. Главная улица города, носящая имя великого Ленина, тянется на несколько километров, параллельно р. Улуг-хем. На ней расположены здания многих административных, культурных учреждений, больница, гостиница и т.п. В восточной части города, на протоке р. Каа-хема, имеется Парк культуры и отдыха им. Гастелло. В парке — летний театр, кино, библиотека, стадион, пляж. Город является крупным культурным центром Области. В нем работают Тувинский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы (ТНИИЯЛИ), Областной краеведческий музей, Областное книжное издательство, Педагогический институт, техникумы и многие другие учебные учреждения (музыкальная школа, торгово-кооперативная, школа десятников-строителей).

В городе работают Областной национальный драматический театр, кино и целый ряд клубов при промышленных предприятиях и учреждениях. В городе идет большое строительство каменных и деревянных домов, как жилого фонда, так и зданий для культурных и медицинских учреждений. В Кызыле имеются Областное отделение связи; телеграф и телефон связывают все районы. Имеется радицентр, дающий передачи на русском и тувинском языках.

Город из года в год благоустраивается. За 1952–1955 гг. в городе заасфальтированы тротуары на главных улицах, благоустроены многие километры внутри городских путей. Проводится озеленение улиц; высаживаются деревья, организуются газоны. Город в настоящее время пред-



Рис. 1. Г. Кызыл. Дом, в котором помещается Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории.
[Фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

ставляет собой зеленый оазис в сухой степи Хем-бельдыра. Окраинные территории города связаны между собой линиями регулярно курсирующих благоустроенных автобусов.

Наряду с ростом экономики, развитием промышленности, развиваются многие поселки Тувы.

Третьей конституцией ТНР в 1926 г., принятой Великим Хуралом, в § 15 определяется схема местного самоуправления. Определяется административное устройство территории ТНР — деление ее на хошуны, сумоны, баки и десятидворки (арбаны). Однако лишь с 1930 г. начинается строительство хошунных и сумонных центров. Получают новое значение поселки Туран, Шагонар и Чадан, ставшие хошунными центрами. Чадан с начала XX в., бывший центром всех западных хошунов, ныне — второй по значению город Области. В нем сходится узел дорог западной части ТАО. В городе имеется ряд промышленных предприятий: промкомбинат, МТС, леспромхоз с заводом стандартного домостроения и АТК. В 14 км от города расположена Чаданская комплексная сельскохозяйственная станция. Город имеет несколько улиц с добротными городского типа деревянными домами. В городе проводится озеленение, благоустроены дороги.

Вырос в город и п. Шагонар (бывший Шагаан-ары), который является в то же время речным портом на Улуг-хеме. Вблизи города расположены

каменноугольные разработки. Сильно увеличилось население г. Турана, центра Пий-хемского района. В нем имеется электростанция, несколько небольших промышленных предприятий, сельскохозяйственная школа, МТС, Дом культуры и т.п. Эти населенные пункты развиваются на основе старых поселков. Наряду с ними возникает ряд новых поселков, хошунных и сумонных центров. Так, в 1930 г. начинается строительство п. Кызыл-Мажалык, центра Барыын-хемчикского хошуна. До этого здесь была голая степь. Местность носила то же название, что носит сейчас молодой поселок, — «Кызыл-Мажалык» — «Красные холмы» (по цвету горной породы, а впоследствии по кровавым событиям Гражданской войны, имевшим место здесь)¹²⁶. Прежде здесь кочевало основное население этой территории — группы тувинцев Монгуш, Оорджак, Сарыглар, Куулар и другие, по имени которых территория хошуна делилась на сумоны. Кызыл-Мажалык — последний перед р. Барлык поселок по автотрассе, строящийся центр Барыын-хемчикского района, широко раскинулся по степи. В нем имеются отделение связи, радиостанция, районная больница, магазины, школа, столовые, МТС, ветлечебница. В 1953 г. здесь организовано отделение Тувинского областного банка; имеются Дом культуры, здесь же помещаются и административные учреждения, райсовет, партийные организации — РК КПСС и РК ВЛКСМ. Небольшая типография выпускает районную газету.

С 1937 г. развивается центр хошуна Тере-холь — п. Чиргаланды (до этого времени Тере-холь входил в состав Каа-хемского хошуна, и административный центр хошуна был в п. Знаменка — по-тувински Сарыг-Сеп). До постройки административного центра в п. Чиргаланды было хурэ, и в местечке Тажылым имелась заимка русского купца, где жили его рабочие-русские. Впоследствии с ликвидацией в 1952 г. района Тере-холь центр его сельсоветов перенесен в колхозный п. Кунгуртук. Сюда перенесены из Чиргаланды все учреждения — школа, клуб, больница, радиостанция, аэродром. В настоящее время п. Кунгуртук имеет свыше 100 домов, является центром колхоза им. Хрущева.

XI съезд ТНРП 1939 г. признает необходимым ускорение в деле строительства оседлых поселков в сумонах и арбанах. С 1939 по 1942 г. создано в республике 70 новых населенных пунктов, хошунных, сумонных административных центров и рабочих поселков (на местах горнорудных разработок) (Журнал «Под знаменем Ленина — Сталина» (1943. № 4) в Ученом комитете ТНР). Но и в 1944 г. целый ряд сумонов не имели еще постоянных центров, а большинство ТОЖЗЕМов республики также были кочевыми, не имели пунктов, которые могли бы стать центрами массового

¹²⁶ В 1930-х гг. здесь было восстание тувинцев против русских, инспирированное феодалами и ламами. Много русских погибло, [будучи] сброшены[ми] в пропасть с этих холмов [прим. 5].

оседания населения. С 1944 г. продолжают строиться новые культурно-хозяйственные центры возникающих новых районов. Строится п. Тээли — центр района Бай-тайги.

С 1936 по 1948 г. этот район входил как сумон в состав Барыин-хемчикского хошуна, и в поселке было две избышки сумонного управления. Строится новый центр — п. Могур-Аксы в Мёнгун-тайге, выделенной в особый район. По сумонам района строятся небольшие сумонные центры (например, Муген-бурен). В последнем имеются деревянные дома сельсовета, школы, медпункта. В п. Могур-Аксы строят больницу, клуб, школу с интернатом, аптеку, радио, магазины и прочий необходимый комплекс культурно-просветительных и лечебных, бытовых учреждений. В эти же годы строится п. Тоора-хем — центр Тоджинского района. Развиваются старые, ставшие районными центрами п. Бай-хак, Самагалтай; новые поселки Эрзин, Овюр и т.д. С развитием промышленности растут и благоустраиваются рабочие поселки. Еще в 1947 г. на месте поселка шахтеров Элегест было всего 10 избышек; сейчас это большой рабочий городок с благоустроенными домами и целым рядом обслуживающих учреждений.

В Барыин-хемчикском районе на базе Асбестового комбината вырос новый рабочий поселок Ак-Таврак около Эдегейского хребта, содержащего огромные запасы асбеста. В поселке 6 тыс. населения. Это рабочие и служащие. В поселке улицы с зелеными бульварами, обстроенные типовыми домами, в которых живут рабочие-тувинцы. Электростанция дает ток не только на производственные предприятия, но и для освещения улиц, домов. Новый «город» сияет электрическими огнями в древней Эдегейской степи. В поселке имеются культурные и бытовые учреждения — банк, больница, клуб, столовая и т.п. Помещения эти городского типа — каменные дома с паровым отоплением. Около поселка — подсобное хозяйство: огороды, скот и т.п.

В период ТНР процесс оседания населения выражается в том, что оседают в основном тувинцы, переходящие на работу в государственные, административные и промышленные предприятия, переселяются в областной и районные (тогда хошунные) центры. Очень невелик процент арагов, переходящих на оседлость. Состав населения изменяется в сторону увеличения городского населения, что связано с ростом промышленности.

1949 г. является для ТАО годом организованного перехода колхозного крестьянства на оседлость.

Постановление Совета министров СССР от 24 февраля 1949 г. № 791 говорит о необходимости усиления внимания к строительству культурных центров в Туве. В своем выступлении на VII сессии Областного совета депутатов трудящихся в 1950 г. председатель Облисполкома т[оварищ А.М.] Чимба отмечает особую важность строительства колхозных поселков: «Строительство колхозных поселков в условиях Тувинской автономной области является новым делом; по существу это революционный переворот

в жизни тувинского народа, поэтому мы должны относиться к нему с особой ответственностью, принимать все меры к тому, чтобы вновь строящиеся поселки были красивыми, благоустроенными».

До 1949 г. в Тувинской автономной области имелось очень мало тувинцев-строителей. Встает задача обучения тувинцев строительным профессиям. Тем же постановлением Совета министров СССР в 1949 г. создается одногодичная школа строительных десятников, которая в 1953 г. выпустила 63 десятника-строителя.

Проводится подготовка строителей разных профессий и в райпромкомбинатах. В 1949–1952 гг. подготовлено свыше 2 тыс. строителей-колхозников: 1230 плотников, 150 столяров, 140 кровельщиков и т.д.

Советское правительство выделяет большие материальные средства на строительство колхозных поселков; эти ссуды значительно увеличиваются с 1949 г. Если за период с 1945–1948 гг. ссуда на жилищное строительство равнялась более 1,5 млн руб., то в 1949–1952 гг. она возросла более чем в 4 раза (свыше 6,5 млн руб.). Темпы строительства жилых домов возрастают особенно после 1949 г. Если за период 1945–1948 гг. всего было построено 154 дома, то в последующие 3 года построено домов в 23,7 раз больше. Тщательно выбираются удобные места для создания колхозных центральных поселков. Райсельхозотделы создают для каждого колхоза генеральный план поселка, утверждаются типовые проекты жилых домов, производственных, культурно-бытовых учреждений. Колхозные поселки возникают или заново на пустом месте, либо на базе существующих уже издавна русских населенных пунктов — в центрах первых русских колхозов. Заново строятся колхозные оседлые поселки в Тодже, один — в Ийской степи, другой — в Тоора-хемской долине. Здесь русские населенные пункты не стали базой колхозных поселков, так как русское население д. Сейбы, очень малочисленное, не организовалось в колхоз, а п. Сыстыг-хем развивается как рабочий поселок леспромхоза. Русское население Тоджи представляет собой городское население п. Тоора-хем, специалистов в колхозах. Основная масса колхозников — тувинцы. Также заново отстраивается поселок единственного на юго-востоке Тувы колхоза им. Хрущева на р. Кунгуртук, о котором мы уже упоминали выше. Новые поселки колхозов возникли в Бай-тайгинском районе, Барыын-хемчикском, Эрзинском, Тесь-хемском и др. Колхозные поселки на базе русских деревень возникли в местах, издавна занятых русскими поселенцами. В настоящее время это по большей части колхозные поселки со смешанным населением, в них совместно живут и трудятся тувинцы и русские. Примером таких населенных пунктов могут служить: поселки Тандинского района — Сосновка¹²⁷,

¹²⁷ П. Сосновка (в 3 км от п. Бай-хак) на р. Турген (быстрая) основан в 1911 г. крестьянами — выходцами из Бейского района Минусинского округа.

Кочетово¹²⁸ и др.; Пий-хемского района — поселок колхоза «Красный Пахарь»; ряд колхозных поселков Улуг-хемского, Дзун-хемчикского и других центральных районов.

В каждом колхозном поселке в настоящее время имеется комплекс культурно-бытовых учреждений: больница или медпункт, школа начальная или семилетка с интернатом, клуб или Дом культуры с библиотекой и залом для демонстрации киносеансов, магазин, почтовое отделение, ветеринарный пункт и т.п. Многие колхозные поселки являются и центрами сельских советов, где находится постоянно исполком сельсовета. Для быстрейшего удовлетворения нужд колхозников в жилых домах в каждом колхозе выделены специальные строительные бригады, в которые должно входить не менее 30 % всех трудоспособных членов колхоза. Бригады возглавляются тувинцами, специально прошедшими подготовку в Кызыле. Колхозы снабжаются пиломатериалами, изготовляющими материал для отделочных работ. В последние годы продуктивность пиломатериалов значительно выросла, так как в колхозах значительно возросла сеть колхозных электростанций, энергия которых подается к пиломатериалам. Государство оказывает большую помощь колхозникам, переходящим на оседлость, деньгами, лесом, специалистами-строителями. Часть денег выдается в виде безвозвратных ссуд, часть — в виде долгосрочных с льготными условиями выплаты.

В настоящее время колхозные поселки значительно изменили свое лицо. Еще в 1952 г. мы могли видеть начало строительства, например, в Тодже: лишь наметившиеся улицы, отсутствие крыш на домах и большое количество юрт (корьевых разного типа) в черте поселка. Ныне дома отстроены окончательно, около поселка остаются лишь одиночные юрты.

Благоустроенные новые поселки наблюдали мы в Тере-хёле, Эрзине, Тесь-хеме. Многие дома покрыты шифером, перед домами — палисадники с высаженными из тайги деревьями. Во многих поселках имеется уличное электрическое освещение.

Огромную роль сыграли и продолжают играть в деле создания культурной, языковой общности колхозные населенные пункты. В них стягивается и оседает население определенной территории (как правило, сумона), ранее жившее обособленными аалами. Сейчас, например, в колхозе им. Хрущева в Тере-хёле вместе живут и работают такие в прошлом далекие друг от друга группы, как Соян (оленоводы), Кыргыз. Правда, еще не полностью стерлись различия в культуре этих групп. Сояны с трудом переходят в дома, работают в оленоводческих бригадах, кочуют с семьями. Любопытна та своеобразная постепенность [поэтапность] перехода в новое жилище, которая наблюдается здесь. Колхозники группы Кыргыз, Иргит,

¹²⁸ П. Кочетово (прежде д. Атамановка) — центр революционного движения в Туве. Ныне — центр колхоза им. Сталина.

Хертэк переходят в деревянные дома и неплохо уже освоили их. Часть из них круглогодично живет в доме, и старые кошменные юрты им не нужны. Такие юрты охотно покупают Сояны, которые до сего времени жили в берестяных чумах. Тоже можно отметить и в Тодже. Значительно быстрее совершается переход на оседлость в смешанных тувино-русских колхозах. Так, в колхозе «Красный Партизан» Тандинского района работают вместе русские старожилы д. Сосновки, о которых мы говорили выше, и тувинцы, кочевавшие прежде у подножья Танну-ола. В этом большом колхозном поселке, значительно большем, чем некоторые районные центры (например, п. Тоора-хем в Тодже), уже мы не увидели юрт. Тувинцы живут в таких же домах, как и русские, имеют такой же приусадебный участок и т.д.

Однако не всегда еще строительство поселков идет успешно. Многие причины тормозят строительство. В степи это прежде всего отсутствие лесоматериалов, недостаточное использование саманных кирпичей для строительства, слабая продуктивность Чаданского комбината домостроения. На 1954 г. еще большой процент колхозников не имел постоянных жилых домов.

В настоящее время мы имеем в ТАО 14 районных центров, в том числе города: Кызыл, Туран, Шагонар, Чадан, и свыше 80 колхозных поселков и многие рабочие поселки. Общее количество населенных пунктов уменьшилось по сравнению с 1913 г. (где мы имели 340 населенных пунктов с 12 тыс. русского населения). Однако как изменилась общая картина расселения в Туве! Тогда это были в основном заимки русских одиночных семей. Еще в 1942 г. доцент [М.] Суцевский в статье «Колхозы ТНР в дни Отечественной войны» писал: «Русские, как правило, живут небольшими поселками... 10–20–30 дворов. Поселки разбросаны на большом расстоянии друг от друга в 30–50–100 км» [(Суцевский, 1942)]. Население их составляли потомки русских старожил. Он даже упоминает всего 23 фамилии, состоящие в родственных отношениях между собой. Сейчас все коренное население живет в поселках. Нет поселков только с русским населением. Количество населения в поселках доходит до 2 тыс. человек.

Все поселки связаны между собой (в районе) и с районными центрами. Большие поселки имеют через район связь с г. Кызылом. Колхозники часто выезжают в районный центр, особенно после организации в районах рыночной торговли излишками колхозного производства. Многие из них направляются в г. Кызыл на кратковременные или долгосрочные курсы для повышения квалификации или приобретения новой профессии. Многие колхозники связаны постоянной работой с районной МТС.

Повседневное и тесное общение в поселках ранее разобщенных групп тувинцев является решающим фактором в деле сплочения этих групп.

Глава VII

ХОЗЯЙСТВО ТУВИНЦЕВ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Животноводство и земледелие

Хозяйство тувинцев до революции было натуральным, комплексным с преобладанием той или иной отрасли в зависимости от природных условий, где проживала та или иная группа. Основной отраслью хозяйства было и в настоящее время остается животноводство. Последнее в форме кочевого животноводства издавна было известно всем группам тувинцев. Часть тоджинцев, тере-хольских и каа-хемских [тувинцев] разводили в основном оленей, но в разное время имели некоторое количество лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз. Основной отраслью их хозяйства была охота на лесного и затем пушного зверя, и скотоводство имело у них подсобное значение транспортного средства. Лишь в незначительной степени оленеводство удовлетворяло жизненные потребности населения.

Скотоводческие группы, все без исключения, занимались и охотой. Для богатых скотоводов, владельцев большого поголовья скота, охота являлась развлечением, спортом. Для трудящихся бедняков, не имевших достаточного скота для удовлетворения своих потребностей, охота была немаловажным делом, дававшим средства к жизни, к оплате албана, к обмену на необходимые предметы быта. До 1930 г. 75 % населения Тувы было бедняцким, 20 % составляли середняки, 4–5 % феодалов и богачей имели в своем владении 40 % всего поголовья скота, имевшегося [находившегося] в стране (в 1916 г. всего имелось 658 тыс. голов скота, в 1927 г. — 718 тыс., в 1929 г. — 907 тыс.). И это не значит, что бедняки и середняки владели остальными 60 %. В Туве имелось 26 монастырей, владевших скотом и пашнями. Бедняцкое население степных территорий Тувы для поддержания своего жизненного уровня большое место в хозяйстве отводило охоте. Еще и ныне некоторые колхозы в начальном этапе своего развития, когда недостаточно были организованы различные отрасли хозяйства и животноводство не давало доходов, так как мало отличалось по методам ведения от старины, большую часть дохода получали от таежной и степной охоты (например, колхоз им. Хрущева, п. Кунгуртук, Шынаанский сельсовет Каа-хемского района). Для трудящихся аратов степных территорий Тувы охота являлась источником мяса и шкур. Пушная охота в степях развита была меньше, естественно, в силу того, что степи имеют несравнимо

меньший, менее ценный запас пушного зверя, чем таежные области. Промышляли лисицу (красную), тарбаганов, сусликов, мясного зверя (степных копытных). Шкуры этих животных, однако, не являлись средством для уплаты албана, особенно в позднее время, когда албан требовалось уплачивать соболями и другими ценными шкурами. Поэтому шкурки пушного зверя являлись предметом обмена между таежными и степными группами тувинцев.

Все группы тувинцев — степняки и таежные, скотоводы и охотники — занимались собирательством. Количество дикорастущих растений, употребляемых в пищу и с лечебными целями, было значительным. Особенно широко потреблялись сарана, черемша, дикий лук (разных видов) и др.

Целый ряд районов Тувы не знал земледелия. Посевные площади в пригодных для земледелия территориях были незначительны, обработка земли, техника поливов, сбор урожая, молотба и т.п. стояли на крайне примитивном техническом уровне. Однако исключительное плодородие почвы давало возможность получать большие урожаи. Зерно поэтому являлось также постоянным объектом обмена между группами тувинцев. Так, тоджинские и тере-хольские группы обменивали пушнину на зерно у каа-хемских Салчаков; овюрские тувинцы обменивали продукцию животноводства на зерно у чаданских землепашцев и т.д. Рыболовство было крайне мало развито, несмотря на огромные рыбные богатства, имеющиеся в Области. Озера, реки Тоджи, Танды, Мёнгун-тайги, Пий-хема, Каа-хема, Улуг-хема, Хемчика богаты ценными породами рыб, которые могли быть значительным источником питания. Но очень немногие тувинцы занимались рыбной ловлей. Достаточно сказать для характеристики этого промысла, что за всю многовековую жизнь на данной территории тувинцы не имели, не создали до прихода русских лодки. Единственным средством передвижения по воде у них был плот «сал» самого примитивного устройства.

Значительную роль в жизни тувинцев играли домашние ремесла: кузнечество, изготовление частей жилища, оружия (луков, стрел), изготовление войлока, выделка шкур, изготовление деревянной утвари, ящиков «аптыра», кроватей «орун» и т.д. Каждый тувинец в своем хозяйстве умел сделать нужные ему предметы обихода. Но выделялись из общей массы мастера-специалисты, которые обслуживали не только свое хозяйство, но и широкие слои населения, получая за это вознаграждения.

Природные условия Тувы обусловили как в прошлом, так и в настоящем, основную отрасль хозяйства — скотоводство, и в особенности овцеводство. В ближайший к революции период в Туве имелось поголовье 658 тыс. скота. Видовой состав стад был различным в разных районах. Основным костяком стад в большинстве районов были овцы двух пород — грубошерстные и белоносые черные [черноголовые] (обе местные). Во всех районах Тувы эти местные овцы находили достаточное для своего суще-

ствования пастбище. Неприхотливость местной овцы позволяла аратам держать значительные отары даже в таких местах, как Мёнгун-тайга, где растительность имеет полупустынный, солончаковый характер. Там, где имелись горные, безлесные ландшафты, сравнительно с недавнего времени стали разводить яков (сарлыков)¹²⁹. Эти животные, как и местная порода овец, очень неприхотливы и не требовали почти никакого ухода, давая некоторую молочную и мясо-шкурную продукцию. Распространение яков строго определено ландшафтными условиями (Мёнгун-тайга, Терехоль). В южных районах Тувы прежде разводили верблюдов. Нужно отметить, что до недавнего времени в Туве и прилегающих южноалтайских горных районах водились дикие верблюды, бывшие объектом охоты араатов.

За время Гражданской войны и последующих неурядиц верблюдоводство значительно упало. И лишь в последнее время в условиях комплексного крупного коллективного хозяйства принимаются меры к развитию этой отрасли животноводства в Улуг-хеме, Танды, Эрзине, Тесь-хеме.

В районах, имеющих луговые площади годные для пастбищ и сенокосов, разводят молочный крупный рогатый скот местной породы, являющийся одной из древних пород этого вида скота. Повсеместно разводили лошадей местной породы. Это очень выносливые, приспособившиеся к местным горным дорогам лошади, их держали в значительном количестве и оленеводы горно-таежных районов. С конем связана вся жизнь тувинца. Даже ближайшие расстояния тувинец проходит на коне. Конь — «лучший друг» арата, его гордость, предмет его самых горячих желаний. Основным объектом, прельщавшим бедняка в стадах богатых, были кони. Украсть коня в глазах тувинца даже не было преступлением, а наоборот, проявлением смелости, удали. Весь тувинский фольклор, особенно ранние эпические произведения, связаны с конем. Героем этих произведений является не только человек, но и его конь, представляющийся другом, учителем, помощником героя. Конь кормит сироту-героя, обучает его езде верхом, ношению оружия, правилам поведения в бою, подготовке поединку и т.п. Юноша лишь тогда становится полноценным членом общества, когда получает коня, и вместе они оба получают имя. Кроме указанных видов скота, тувинцы держали значительное количество коз (также местной породы). Коз пасли вместе с овцами, так как козы — хорошие водители отары на пастбищах.

В Восточной горно-таежной Туве, на Саянах и на водораздельном хребте [академика] Обручева (между Пий-хемом и Каа-хемом) тувинцы разводили оленей. Некоторые группы оленеводов имели незначительное количество крупного рогатого скота, овец, коз. Наиболее разнообразными по видам скота были стада тувинцев в юго-восточных районах (Эрзин,

¹²⁹ *Bos grunniens* — тибетский бык.

Тесь-хем), где разводили «семипородный скот», то есть овец, коз, коров, яков, верблюдов, лошадей и оленей.

Свиноводства и птицеводства тувинцы до социалистической реконструкции хозяйства не знали. Русские поселенцы принесли с собой эти отрасли животноводства, но тувинцы до последнего времени не разводили ни свиней, ни птицы.

Методы ведения животноводства до революции в Туве были примитивными, и потому животноводство было малопродуктивным. Долгое время старые методы преобладали и в колхозном животноводстве, и лишь в последние годы наблюдается значительный перелом в этой отрасли хозяйства.

Содержание скота всех видов проводилось круглогодично под открытым небом. Лишь на зимниках строились небольшие телятники — бревенчатые срубы, у богатей — большие хлева для зимнего содержания телят и дойных коров. Там же на зимниках строили загородки из жердей — кошары для овец, крытые с трех сторон хлева для лошадей. Все эти помещения позволяли держать около зимнего жилья единицы скота для повседневных нужд семьи. Этот скот подкармливали, заготавливая примитивным способом очень незначительное количество сена. Помещения для скота оберегали его от ветров, но не от холодов (кроме телятников). Подстилкой животным служил высушиваемый на воздухе измельченный навоз. Сено еще совсем недавно, в 20-х гг. нашего [XX] века, заготавливали путем вырывания травы с корнем руками или срезая ее ножом или примитивной косой. Впоследствии косили русскими косами — «косами белого царя», как называли их тувинцы. Сорванную или срезанную траву свивали в жгуты и эти последние развешивали по кустарникам для просушки. Сено получалось прекрасного качества. В западных районах иногда зимой вырывали траву из-под снега, собирали и подкармливали овец. Скот, самостоятельно добывавший корм из-под снега, зимой часто страдал от бескормицы. Особенно страшен для скотоводов был джут — гололедица, когда животные не могли пробить корку льда в степи, покрывающую траву, а также глубокие [сильные] снегопады. С последними [С глубоким снегом] все же тувинцы предпринимали борьбу. Они собирались всем аалом и особыми гребями «молдырь» сгребали снег с пастбищ [прим. 1].

За верблюдами, яками, оленями и за табуном никакого ухода не было. Вся забота хозяев выражалась в перегоне их с одного пастбища на другое.

Круглогодичный выпас скота под открытым небом вызывал необходимость постоянной смены пастбищ, и вследствие этого кочевого образа жизни [тувинцев]. Цикл кочевков был определенный. Ранней весной стада паслись в степях, где после таяния незначительного снежного покрова и весенних дождей возобновлялась травяная растительность. С наступлением лета, когда трава от зноя и засухи в степи выгорала, араты отгоняли

стада в предгорья и горные альпийские луга, где они находились до наступления осени. Осенние дожди вновь вызывали в низинах, степях возобновление травяного покрова. Выросшая за осень трава в степях свежей уходила под снег. Она служила зимним кормом скоту.

Кочевания проходили обычно на недалекие расстояния по вертикали. Пастбищные угодья не являлись собственностью трудящихся аратов. До 1912 г. вся земля Урянхая номинально являлась собственностью китайского императора. Фактически ею владели феодалы и баи, получившие отдельные территории края в наделы и управлявшие населением этих территорий. Население не имело права выходить за пределы территории своего управителя. В пределах его земельных владений население, состоящее из родоплеменных групп, имело все же определенные границы кочеваний для одной или нескольких групп. В большинстве случаев эти группы являлись коренным населением данной территории и издавна знали свои земли. Кочевки проходили обычно аалами, в которых проживали несколько семейств. Как и охотничьи угодья на востоке Тувы, так и летние и зимние пастбища на западе и центре Тувы распределялись самим обществом между собой. Зимние и летние пастбища семьи закреплялись за ней на несколько лет, и зимние особенно тщательно охранялись хозяевами. Летом они приезжали и осматривали зимние пастбища, наблюдая, чтобы никто чужой ими не пользовался. Часто возникали судебные дела по поводу вторжения в чужое пастбище.

Любопытный случай нам сообщили араты в Барыын-хемчике. Колхозник артели «5 лет Советской Тувы» прежде кочевал с отцом по определенному маршруту. На зимнике семьи около хозяйственных построек росло несколько деревьев. В зимнее время отец обучал сыновей стрельбе из лука, мишенью служили стволы этих деревьев. Однажды, стреляя из лука стрелой с железным наконечником, отец не смог вытащить из ствола наконечник стрелы, так глубоко он вонзился. Так он его и оставил в дереве. Арбанный чиновник приглядел зимник этой семьи и попытался его забрать себе. Арат подал в суд. На суде чиновник доказывал, что этот, наилучший, зимник ничейный и он вправе его забрать. Судьи не слушали уверений хозяина зимника, свидетельства аратов. Тогда хозяин вспомнил о стреле, застрявшей в дереве, и рассказал суду. Суд потребовал доставить эту стрелу. Когда стрелу доставили судьям, то по тамге на наконечнике установили, что стрела, а следовательно, и зимник, принадлежат арату, дело прекратили.

Этот эпизод показывает, что, помимо того что феодалы, баи и чиновники забирали себе лучшие пастбища, пашни, они вправе были отобрать любое приглянувшееся им угодье, и суд, состоявший из тех же чиновников, бывал всегда на их стороне. Феодалы являлись крупными скотовладельцами. Например, Ользей-Очур, Идам-Сюрюн, [М.] Буян-Бадорху и др. имели

каждый до 10 тыс. голов скота, а известный богач-феодал [О.] Ажикай — около 20 тыс. голов (Сейфулин, 1954, с. 20). Крупными скотоводческими хозяйствами владели монастыри. Еще в 1929 г. в монастырях было около 4 тыс. бодо скота¹³⁰. Скот феодалов обслуживали бедняцкие маломощные аратские хозяйства, которые не могли содержать свою семью имеющимися у нее средствами и вынуждены были идти в кабалу к богачам, чиновникам, монастырям. Еще в 1931 г. Союзом батраков было зарегистрировано свыше 3 тыс. постоянных и временных батраков, работавших у баев и феодалов (Сейфулин, 1954, с. 82). До революции, следовательно, их было значительно больше. Кроме найма батраков, феодалы и баи отдавали свой скот на выпас и на «пользование» бедняцким хозяйствам. По данным бюджетного выборного обследования, в 1929 г. из общего количества бедняцких, маломощных середняцких хозяйств, имеющих от 1 до 20 бодо скота, 91,6 % хозяйств отпускали рабочую силу на сторону, 30 % брали скот на выпас, 25 % брали скот на «пользование». Богатые хозяйства (имевшие свыше 50 бодо скота) все отпускали скот на выпас беднякам и отдавали в «пользование», и более половины нанимали рабочую силу. Взавшие скот на выпас или в «пользование» бедняцкие хозяйства фактически оказывались батраками у богачей (Сейфулин, 1954, с. 79, прим. 82). Араты, взявшие скот у богача во временное пользование, пользовались [получали плату] молочными продуктами («саап ижер»), использовали рабочий скот в своем хозяйстве при перекочевках, перевозках и др. Араты пасли скот бая, кормили, ухаживали за ним, хранили молодняк. Баи не были заинтересованы в сохранении молочной продукции, так как не имелось рынков сбыта для нее, но были заинтересованы в сохранности и росте поголовья, в обучении его для работы. Таким образом, работая по охране чужого скота, арат затрачивал много труда, и пользование этим скотом являлось часто неэквивалентной этому труду оплатой. Батраки, работавшие по найму в хозяйстве бая, обычно за свой труд получали питание и старую одежду, в иных случаях — старую юрту на время работы. Об этой оплате много горьких слов содержит тувинский фольклор, рисующий батрака плохо одетым на запаршивевшем коне, получающего в пищу сыворотку от молока.

Несмотря на то что в Туве долгое время и после революции оставались пережитки патриархально-родовых отношений, и баи и феодалы отдачу скота на выпас, в «пользование», прием в хозяйство бедняков-родственников в качестве батраков выставляли как бескорыстную помощь, сознание значения своего труда и эксплуататорского характера этой «помощи» давно созрело в народе. В одном из фольклорных произведений тувинцев старик-пастух стада феодалов говорит, что, так как он, пастух, все время

¹³⁰ Бодо — единица скотоводческого хозяйства. Одно бодо равнялось 1 лошади, 10 овцам, 20 козам и т.д. (Сейфулин, 1954, с. 79, прим. 82).

пасет, растит, кормит стадо, значит, он и есть его хозяин, а не феодал, который не вносит в это дело своего труда.

Значительный доход давала богачам и сдача скота в наем землепашцам, охотникам, которые за это отдавали большую часть урожая, добычи или своего труда в хозяйстве богача.

Ламские монастыри являлись разновидностью феодальной вотчины. Все монастыри строились, содержались за счет аратов. Некоторые монастыри имели собственных крепостных «шавыллар», обслуживавших монастырские хозяйства.

Продуктивность скота была низкая. От маток всех видов скота получали молоко. Доили коров, овец, коз, кобыл, верблюдов, яков, оленей. Практиковали подсосный метод, то есть телят и прочий молодняк от рождения подпускали к маткам. При доении сначала давали отсосать молоко теленку (ягненку и т.п.), а затем доили. Существовало представление, что иначе животное «не дает» молока. Если детеныш у матки погиб, то перед доением показывали ей чучело («ходак»), долженствующее заменить детеныша. В иных случаях приступающий к доению исполнял определенную для каждого вида скота мелодию — песню. При доении коров пели одну песню, при доении кобылиц — другую, особую и т.д. Такой же «метод» доения с сопровождением его особой песней отмечали старинные путешественники у монголов¹³¹. Способ доения с подсосом сильно снижал продуктивность скота и в послереволюционное время и тормозил развитие экономики аратов-скотоводов. Количество молока было незначительным от каждой дойной матки. Надои были малы и потому, что с осени (когда исчезала летняя трава), с октября, коров, например, до отела (весной) не доили. Период доения был невелик

Доение животных — не только женское дело, мужчины также принимали в этом участие, что нашло отражение и в фольклоре. Так, например, в одной из сказок товарищ героя, спеша к нему на помощь, бросает ведра с молоком, которое он надоил от верблудицы, и бежит к нему. Не везде доили овец. В Тере-хёле тувинцы группы Кыргыз овец не доили и не доят. В бедняцких хозяйствах большую роль играли козы. [Г.П.] Сафьянов пишет, что козье молоко — основное, что имели бедняки (Сафьянов, 1880, с. 37).

С овец, коз, верблюдов стригли шерсть один раз в год, весной. У лошадей же весной стригли гривы и хвосты. От хвоста стригут небольшую часть волос, гриву подрезают всю, оставляя обязательно прядку внизу шеи. Эта «чел ыдык» — священная грива считается охранительницей здоровья коня. Шерсть шла в основном на выделку войлоков для юрт, ширтеков, обуви и одежды, для изготовления ниток, тесьмы и т.д. Конский волос —

¹³¹ Этот факт у тувинцев записан во время поездки в 1955 г. П.И. Каралькиным в Тере-хёле.

на плетение веревок, арканов, вязку сетей для рыбной ловли, изготовления силков-петель для охоты; шерсть яков не стригли и в хозяйстве не употребляли.

Отсутствие ветеринарного обслуживания приводило к массовой гибели скота. Падежи скота от эпизоотии были очень велики. Это было общее явление с соседней Монголией. В последней, по сведениям [А.М.] Позднеева, с 1880–1892 гг. падежи были так велики, что от Кяхты до Урги не осталось ни одного яка. Многие монголы из-за потери скота оседали и переходили к земледелию, увеличивая свои запашки в 3–4 раза (Позднеев, 1896, с. 20).

Развивающаяся хищническая торговля русских и китайских купцов, эксплуатация баями и феодалами способствовали обнищанию трудящихся аратов, падению скотоводства.

В.[Л.] Попов по этому поводу говорит, что к 1913 г. богатых крупных скотоводов в Туве осталось очень мало. Владеющие стадами в 1 тыс. голов — исключение. По данным этого автора, в Туве в эти годы было всего до 50 тыс. лошадей и несколько больше крупного и мелкого рогатого скота. С начала нашего [XX] века появляются крупные русские скотопрмышленники, богатство которых быстро растет. Так, В.[Л.] Попов называет А.П. Сафьянова, имевшего около 2 тыс. лошадей, кроме другого скота (Попов, 1913). В Турано-Уюкской степи были богатые скотоводы Вавилины, Ведерниковы, Хабаровы и другие, у которых имелся табун до 10 тыс. голов, стада крупного рогатого скота — до 9 тыс. голов. Южнее — в Бренской степи, в долинах рек Тапсы, Хемчика — крупными скотопрмышленниками были Г.П. Сафьянов, [Л.И.] Бяков, [Г.М.] Вильнер и др. Они за бесценно арендовали у тувинцев лучшие луго-пастбищные угодья, где выпасали перед отправкой из Тувы скот. Работали на них батраки-тувинцы по найму, или, как и тувинские баи, купцы отдавали скот на выпас и временное пользование.

Снижается не только поголовье, но и качество тувинского скота. Крупные торговцы Г.[П.] Сафьянов, [М.Ф.] Веселков, путешественник А.В. Адрианов в своих статьях отмечают хорошее качество крупного рогатого скота (корова весила от 15 пудов, бык — 25 пудов). [А.В.] Адрианов и др. отмечают, что бедняки, не имевшие лошадей, все работы производят на быках. В носовую перегородку быка продевали заостренную палочку — «карачаны», к одному концу которой привязывали веревку и ею управляли [прим. 2]. Ездили не только на быках, но и на коровах. [А.В.] Адрианов был свидетелем перекочевки семьи: хозяин ехал на быке, хозяйка — на корове (Адрианов, 1886, с. 37).

Седлали быков, яков, лошадей одинаковыми вьючными и верховыми седлами. Никаких телег, саней до русских не знали. Употреблялись волюкуши «шырга», сохранившиеся до наших дней. В рассказах стариков

упоминаются грубые телеги, которые имели тувинцы группы Кыргыз. На этих телегах будто бы Кыргызы прикочевали в Туву с юга. Колеса у этих телег были сделаны из круглого сплошного спиля дерева, без спиц [прим. 3]. Но впоследствии, поселившись в Туве, Кыргызы утратили это средство передвижения, телег не делали. Верховые седла обычно покупали у китайских и русских купцов, вьючные делали сами [прим. 4]. Иногда на одну лошадь клали два седла, для двух всадников. Седла верховые старались украсить серебряными, медными бляшками, луки этих седел делали из рога и кости.

В языке тувинцев чрезвычайно богато представлены названия возрастных групп и мастей лошадей [прим. 5]. С животноводством и, в частности, с коневодством связан был в прошлом целый ряд запретов и обрядов. Так, у скотоводов запрещалось (и доныне) женщине забивать скот. Существовал обычай посвящения домашних животных в стаде — «изых ~ идых». В некоторые игры нельзя было играть, делая ставки на скот. Конь играл большую роль и в шаманстве тувинцев.

При забое скота использовались все части животного: шкура, мясо, внутренности, кровь, рога, копыта. Из сложного желудка жвачных изготавливались сосуды для хранения жиров, топленого масла, молочных продуктов («чөкпека»). Из рогов и копыт варили клей и т.п. Даже трубчатые кости, голени ног шли на выделку наконечников стрел. Лишь с началом социалистического переустройства экономики Тувы начинается неуклонно подниматься основная отрасль хозяйства. После конфискации имущества у феодалов и баев в 1931 г. 85 % их скота было передано аратской бедноте. Всего было у 303 хозяйств феодалов конфисковано 13 тыс. бодо скота. В их собственности осталось 12 % всего скота в республике (против 40 % до революции). В этом же году большинство монастырского скота также было отдано беднякам, так как ламы сами не обслуживали стада, а араты прекратили работу на монастыри. Скот оставался безнадзорным (Сейфулин, 1954, с. 95).

Многие бедняцкие хозяйства несколько улучшили свое материальное положение. Получили основу для самостоятельного существования.

На территории ТАО имеется старая ирригационная сеть, свидетельствующая о том, что население этих мест в древности занималось земледелием. Каналы с многочисленными ответвлениями расположены в основном в долинах рек Улуг-хема, Хемчика, Барлыка и их притоков, в долинах Пий-хема, Уюка, Уса. За пределами современной ТАО древние каналы находятся в долинах Нарына, около оз. Убса-нур и в других местах Северо-Западной Монголии. В ТАО, по предположениям исследователей, народом, соорудившим эту ирригационную сеть, были енисейские кыргызы. По словам самого населения, эти каналы, носящие название «Чингисовых», приписываются предкам тувинцев, соорудившим их по приказу Чингисхана.

Даже в Тере-хёле, по словам стариков, «при Чингисе» сеяли просо, но не тувинцы. По словам стариков-тувинцев западных районов, каналы эти в древности были сооружены народом, вышедшим с Алтайских гор в Туву, народом земледельческим, который тувинцы называют «тёлёки, тёлёги». Впоследствии народ этот ушел обратно на Алтай, и земледелие ТАО в значительной мере угагло. В последующее время тувинцы, занимавшиеся земледелием, использовали эти древние каналы для полива своих пашен. В настоящее время колхозами, совхозами ТАО старая ирригационная сеть возобновляется, расширяется и в полной мере используется.

Таким образом, земледелие в Туве было известно до прихода русских. Тувинцы сеяли в основном просо и ячмень. Лишь в очень небольших количествах в хозяйствах феодалов, монастырей в центральных районах Тувы сеяли пшеницу. По словам Г.П. Сафьянова и В.Л. Попова, союоты (тувинцы) начали сеять зерновые не ранее 1880 г., научившись этому от теленгитов и монголов (Попов, 1913. Приложение — записка [Г.П.] Сафьянова). Нам представляется, что это высказывание [Г.П.] Сафьянова может относиться лишь к посевам пшеницы, так как возделывание проса и ячменя было известно тувинцам значительно ранее указанной им даты¹³².

Многие исследователи, посещавшие Туву в дореволюционное время, пишут о зачаточном, убогом земледелии у тувинцев [прим. 6]. Так как основой дореволюционного хозяйства тувинцев было скотоводство, то земледелие в трудовых аратских хозяйствах играло второстепенную роль. Неоднократно указывали нам тувинцы, что прежде земледелием занимались главным образом бедняки, не имевшие достаточного количества скота для обеспечения своих потребностей, и феодалы и богачи, которые для земледельческих работ использовали дешевый труд неимущих батраков. Посевы аратов были невелики — от 1 до 3 шан¹³³. Богачи засевали до 30 шан (Ермолаев, 1916, л. 24). Удельные князья, феодалы-нойоны занимали под пашни более удобные земли. Вне пределов этих земель трудящиеся могли в любом месте занимать землю под свои пашни и держать их во временном пользовании. Существовала примитивная переложная система земледелия, иногда полоску земли засевали в течение двух лет подряд и затем оставляли ее «на продых» до тех пор, пока на ней не восстановится прежняя растительность, кустарник. Эта система — факт редкий в земледельческих странах с искусственным орошением полей — вызывалась природными особенностями Тувы. [А.А.] Турчанинов, анализируя природные почвенно-климатические условия Тувы, говорит, что нивы Центральной Тувы, бога-

¹³² О большей древности тувинского земледелия пишет [Р.М.] Кабо (Кабо, 1934, с. 66).

¹³³ Шан — 1/16, 1/32 русской десятины. Улуг шан — 1/4 десятины. (Кабо, 1934, с. 88, 90). /«Шан» вообще — пашня, ток. — Е.П./.

тые целым рядом необходимейших для земледелия питательных веществ, чрезвычайно бедны азотистыми соединениями. Причиной тому является тот факт, что воды, стекающие с высоких гор Тувы, образуются от таяния снега, а такие воды почти не содержат азота (аммиака)¹³⁴. Малое количество осадков, редкость гроз лишают землю и азота воздуха [атмосферного азота]. Вот почему тувинцам приходится часто на несколько лет запускать свои пашни для восстановления естественным путем нарушенного в почве минимума питательных элементов (Ермолаев, 1916, л. 23).

Выбрав место для посева, араты отмеривали его растянутыми шагами¹³⁵. Обработку начинали с полива, смачивания земли. Затем сохой «андазын» («ыяш андазын» — деревянная соха) по мокрой земле пропахивали борозды через 2–4 м — это борозды для последующих поливов. Далее приступали к севу. Сеяли на промежутки земли между бороздами. При посеве зерно держали в подоле халата. Если сев производили поздно (поздняя весна, поздно выбрали место и т.п.), то семена перед посевом мочили. После посева землю пахали на небольшую глубину, а затем бороновали деревянной сучковатой (из караганника) бороной («илиир»). Прежде пахали деревянной сохой. Позднее покупали железные сошники у китайцев, а впоследствии их стали изготавливать сами тувинские кузнецы. В андазын впрягали лошадей и волов (быков). Тере-хольские Сояны и тесь-хемские Чооду впрягали при этом по 2–3 вола. У кого тягла не было, брали скот у скотоводов, с последующей выплатой за него зерном.

Летом посева поливали 2–3 раза, напуская воду в проведенные канавки-борозды («сувак ~ суѳак»), отходящие от главного канала, отведенного от какой-либо реки. Этот канал («пуга») копали и поддерживали все жители сумона, которые занимались посевами. При необходимости проведения нового канала собирались на собрание («чешь»), где решали, в каком направлении и какой длины будут копать канал. Среди тувинцев-земледельцев были (и сейчас имеются) старики-специалисты, которые умели учитывать условия рельефа (склон поверхности земли) и точно определять направление канала [прим. 7]. Искусством таких мастеров пользовались колхозники еще в 1953 г. при отведении новых каналов на вновь освоенных посевных площадях.

По окончании прокладки канала араты устраивали праздник. И любопытно, что в районах, где земледелие было больше развито, на таких праздниках кололи барана и «пропускали его по воде», то есть бросали его в воду, где он проплывал некоторое расстояние¹³⁶. В животноводческих

¹³⁴ 0,1 или 0,13 г на 1 кубометр снега (Кабо, 1934, с. 25).

¹³⁵ Монголы измеряли пашню при помощи лука (для стрельбы). Наименьшая мера — несколько больше маховой сажени (Позднеев, 1896, с. 38).

¹³⁶ Такой же обряд издавна существовал у монголов-земледельцев (Позднеев, 1896).

районах ограничивались лишь произнесением молитвы-благословения «новой воде». Барана, проплывшего по новому каналу, затем варили и съедали. Такие каналы сохранялись долгие годы. Один из них в Барыин-хемчике называется «Чаа Барлык» — Новый Барлык, получает воду из Старого Барлыка (Эрги Барлык), то есть р. Барлык. Считают, что он сделан «при Чингисе». Канал древний; «долина» его поросла кустарником, небольшими деревьями, как и долина настоящего Барлыка, хотя канал этот летом можно перешагнуть.

На реке, от которой отводят воды, несколько ниже устья канала делают запруду, чтобы нагнать больше воды в канал. После полива запруду разрушают. Созревающее зерно требует охраны от расхищения диких птиц. А.В. Адрианов видел на р. Барлык посевы ячменя и проса, тщательно охраняемые. Каждый участок был окружен «множеством тычинок с раздавшимися лохмотьями — это были сторожа от мелких пташек, а также более крупных птиц, обивающих зерна» (Адрианов, 1886, с. 250). Часто сами тувинцы караулили посевы, отгоняя птиц. Огромное количество сусликов приносило большой ущерб урожаю. «Как правило, урожаи получали хорошие» (Адрианов, 1886, с. 358; Веселков, 1871а, с. 116). Тере-хольские Сояны-старики говорили, что обычно арат больше 60–70 парб¹³⁷ зерна не собирал. Жали покупными серпами или чаще — ножами, привязанными к палке. Причем просо обычно вырывали с корнем, а ячмень жали. Прежде различные колосья просто вырывали. Начинали уборку с конца августа. Сроки посева и уборки варьировали в связи с метеорологическими условиями данного года. Сжатые (вырванные) колосья складывали в небольшие снопики, которые перевязывали тонкими талинами. Затем на волокушах «шырга» или на особых тяжелых коротких на высоких копыльях дровнях¹³⁸ свозили хлеб для молотьбы на ток (Адрианов, 1886, с. 358). Ток готовили на много лет. Для этого выбирали ровное место, тщательно его выравняли и поливали водой. Затем застилали землю соломой толстым слоем и пускали коней утрамбовывать ее. Коней привязывали в центр тока и гоняли кругом. После этого солому снимали, давали земле просохнуть, и ток готов. Снопы колосьев раскладывали на току рядами и сушили на солнце. Затем молотили при помощи быков или лошадей, пуская их по снопам по кругу. Животные копытами выбивали зерна из колосьев. Солому тувинцы прежде не использовали. После молотьбы зерно собирали и веяли при помощи лопаты на легком ветре. Веяние требовало большого умения, так как после примитивной молотьбы зерно было достаточно засоренное. Готовое, провеянное зерно ссыпали в ямы, которые устраивали на высоком сухом

¹³⁷ «Парба ~ барба» — мешок из шкуры домашних животных вместимостью 0,5 ц зерна = 50 кг.

¹³⁸ Центральные районы Тувы. Улуг-Хем.

месте. Яму делали в форме «горшка» не глубже 1 аршина, не шире $\frac{3}{4}$ аршина, суживающегося к верхнему краю. Отверстие имело диаметр 1,5–2 четверти аршина. После засыпки зерна отверстие тщательно закрывали, засыпали сверху землей, заравнивали ее.

Основными «земледельческими» районами в дореволюционной Туве были Барлыкская степь, густо заселенная, где [А.В.] Адрианов, проезжая, отмечал, что ехал 10 верст и встретил сплошные поля ячменя и проса. На Чаа-хөле, по Улуг-хему также многие тувинцы сеяли зерновые — ячмень и просо. При этом [А.В.] Адрианов отмечает, что сеяли два сорта ячменя — черный и обычный (Адрианов, 1886, с. 250, 265). Мы были свидетелями того, что и по сей день в Туве сеют два сорта проса: один — привозной сорт желтого, крупного проса, а другой сорт местный — черное, мелкое просо. По словам местных агрономов, второй сорт представляет собой издавна культивированное здесь дикое просо, дающее очень большие урожаи. На землях Оюннарского хошуна, по правому берегу реки Улуг-хема, по р. Эрбек, Баянгол исстари в больших размерах практикуется земледелие. Вся местность здесь изрезана мочагами. По рекам Межегей и Элегест, на северных склонах Танну-ола по рекам Торгалыг и Теректыг-хем и др. тувинцы сеяли хлеб. Жители сумона Пайгара занимались земледелием по р. Баянгол. Жители Маады сумона сеяли в значительных размерах зерновые по рекам Тапса, Сесерлиг и Баянгол (Кабо, 1934, с. 67).

Тоджинцы не занимались посевами. Лишь с приходом русских крестьян появляются первые попытки земледелия. Однако, по словам [А.П.] Ермолаева, по р. И-сугу были «будто бы найдены остатки чудских каналов» (Ермолаев, 1924). Следовательно, возможно, что прежде здесь были посевы предков тувинцев, живших в долинах Тоджи, тоджинцев-скотоводов. Успешному развитию земледелия в Тодже препятствовало отсутствие нужных сортов зерновых, пригодных для специфических условий данного района, имеющего достаточно влаги для вызревания зерновых, но недостаточно солнечного света.

Русские крестьяне в Тоджу переселялись из Усинских и Уюкских степей. В основном они приходили в этот район для охотничьего, рыбного и лесного промысла и торговли с тувинцами. В указанных степях русские достигли значительных успехов в земледелии, особенно в возделывании пшеницы уже к 1908 г. Если в 1903 г. в старый Урянхай хлеб ввозили «из России», то есть из Минусинской губернии в среднем на 7 тыс. руб. в год (Попов, 1913), то в 1908 г. хлеб не только не ввозили, но бывали случаи вывоза его в Россию. Русское земледелие обеспечивало в эти годы не только пограничное поселение, но и урянхов, и рабочих приисков, а крупные торговцы планировали вывоз хлеба в Монголию. По сведениям Усинского пограничного управления, в 1908 г. в бывшем Урянхае было снято 13 042 четверти хлеба и 1 250 четвертей картофеля. Распахивалось земли

до 3 тыс. десятин. В докладных записках царскому правительству В.[Л.] Попов отмечает, что для развития земледелия будущих переселенцев из России в Туве имеются все условия, так как по притокам Енисея, по Пий-хему лежат огромные пространства, удобные для этой цели. Уже жившие в эти годы на Каа-хеме русские крестьяне сеяли пшеницу, просо, гречу. Выращивали и арбузы крупного размера и хорошего, нежного вкуса. Русские крестьяне прилагали большой труд к освоению пахотно-пригодных земель. Все эти земли были в общинном владении крестьянских деревень, так как нужен был коллективный труд для того, чтобы успешно выращивать зерновые, технические и бахчевые культуры. Крестьяне сообща «обществом» рыли каналы для орошения полей, делали запруды, проводили каналы на заболоченных лугах, обносили пашни изгородями и т.п. В русских деревнях проходили ежегодные переделы пахотных и сенокосных угодий (Ошурков, 1903).

А.П. Ермолаев в работе о Тодже приводит ряд данных о посевах русских в этом районе (Ермолаев, 1924). В долине р. Севи (Сейба) на солнечных склонах гор по Карагашу, Систиг-хему, в степях Толбул, Ийской и др. крестьяне сеяли рожь, овес. У некоторых были пашни по $\frac{1}{4}$ десятины, у других — 5 и более десятин. На удобных для посева площадях крестьяне предпринимали выкорчевку кустарников, выборку камней и т.п. Крестьяне сеяли семена, привозимые ими из России. Урожаи были нерегулярные. Суровые ранние заморозки часто губили посевы не только зерновые, но и огородные; последние были у каждого крестьянского хозяйства. Купец [В.А.] Мозгалевский на Толбуле пробовал сеять, подбирая соответственные семена; например, есть сведения, что он сеял «черную» пшеницу, и она давала урожай в тех случаях, когда другие зерновые вымерзали. В урожайные годы крестьяне собирали богатые урожаи. Так, [Р.М.] Кабо приводит сведения, что в 1910 г. на Сейбе из 5 пудов яровой пшеницы собрали 150 пудов (Кабо, 1934, с. 26). Систематический учет посевных площадей в Тодже имеется с 1933 г. Из данных учета явствует, что посевные площади в Тодже неуклонно растут: 1933 г. — 24,6 га, 1934 г. — 35,7 га, 1935 г. — 42,6 га, 1936 г. — 59 га.

В п. Төре-хөль в Тодже около озера того же имени (12 км восточнее современного колхозного поселка на р. Ий) с 1902–1905 гг. поселились 12 хозяйств староверов, 9 из них имели посевы. В 1936 г. они сеяли зерновые на 15 га и огороды 2 га. Сеяли овес — 3 га, озимую рожь — 3 га, пшеницу — 2 га, ячмень — 1,5 га. Заниматься земледелием начали в 1910 г. Для этого раскорчевали осинник и березняк. Получили хорошие урожаи всех культур, даже в те годы, когда в Тодже повсеместно зерновые вымерзали¹³⁹.

¹³⁹ Сведения Красноярского метеобюро за 12 лет с 1940–1952 гг. показывают, что только в 1950 и 1952 гг. не было июльских заморозков.

Крупными в масштабах Тувы земледельцами являлись феодалы и чиновники, которые, привлекая к обработке земли экономически зависимых от них бедняков-аратов, «добровольно» или по отработке работавших [задолжавших?] крестьян засеивали их руками сравнительно большие площади — до 300 шан («улуг-шан»). Полученное зерно богачи не столько потребляли в своем хозяйстве, сколько использовали его как средство для закабаления бедноты. Они ссужали зерном в долг бедняков-земледельцев с большим процентом при возврате, продавали зерно за скот. Так, при хорошем урожае бедняки могли приобрести себе тягловую силу, обменивая зерна на скот. Однако описываемый Е.К. Яковлевым процесс «получения богачей» (с. 69) не только упрощен, но и неверен. «Ковыряющему» землю лопатой или «озуком» арату очень далеко до того, чтобы стать богатым. «Ковырять» землю и получить большой урожай не так просто. Земледелие требовало много труда, как мы говорили выше, часто коллективного труда.

Кроме феодалов, значительные площади засеивали монастыри. Хотя в Туве было незначительное количество «шабинаров», однако были работавшие ученики хурэ и назначавшиеся на работу по обслуживанию монастырей жители сумонов. Монастыри также не пренебрегали обменной торговлей зерном.

Однако все здесь сказанное не свидетельствует о развитии земледелия в Туве. Лишь с появлением русских переселенцев шире стало развиваться возделывание зерновых, огородных культур. Русских крестьян-переселенцев привлекали именно те территории, где возможно было земледелие. Там и возникали певые русские постоянные деревни — Знаменка (Каа-хем), Туран (Пий-хем), Бай-хак (Танну-ола) и т.д. Китайское правительство планировало также широкое переселение китайцев-земледельцев в Урянхай. Однако революция 1911 г. помешала проведению в жизнь этого мероприятия. Лишь китайские военные пограничные поселенцы занимались земледелием и огородничеством. Но тувинцы огородничества до сих пор не переняли. Тувинский фольклор очень слабо отражает земледелие. Лишь в сказке «Алтай Бучуу» поминается «чинге тара» — просо, которое берет с собой в путь Хаан-Будай. Косвенно можно установить, что было известно возделывание ячменя. Встречаются образные выражения: «Рассеял врагов, как ячмень». При этом глагол «рассеял» буквально значит «сеять, разбрасывать руками»¹⁴⁰.

Охота

Большое значение в экономике Тувинской автономной области имеет охота. Этот промысел — излюбленное занятие как степняков-животноводов, так и жителей горных районов Области. Особенно важна роль охоты там,

¹⁴⁰ По материалам Л.В. Гребнева.

где она является главным хозяйственным направлением, — в восточных районах Области. Основными поставщиками дорогой пушнины являются Тоджинский и юго-восточная часть Каа-хемского района, где имеются богатые запасы ценных пушных зверей, в том числе соболя¹⁴¹. Саянская белка отличается высокими пушными качествами, и запасы ее в горной тайге велики. Немногочисленное население этой территории пока еще не в силах промыслить всех охотугодий. Соболю и белке — основные объекты охоты в горной тайге. Но, кроме них, здесь имеется большой запас цветной пушнины — горностаи, колонок, лисица, волк и пр. Велико значение охоты на мясных копытных зверей — диких козлов, оленей, лосей, маралов и др. Почти не тронуты запасы боровой и водоплавающей птицы, в изобилии водящейся в тайге и на многочисленных водоемах восточной и других территорий ТАО.

Коренное население горно-таежных областей в Туве издавна являлось исконными охотниками. Животноводство было им известно, но оно имело подсобный характер. [Лошади и одомашненные олени использовались в качестве] транспортного средства для охоты. В восточных областях Тувы это было оленеводство, в западных и южных — коневодство¹⁴². Развитие животноводства лимитировалось количеством горнотаежных пастбищ и лугов.

Наличие в Восточных Саянах богатых ягельников явилось базой древнего саянского оленеводства. Данные археологии позволяют предполагать, что в древние времена оленеводство на Саянах было распространено значительно шире на запад, чем в современности. Но и тогда оно играло подсобную роль в хозяйстве предков тувинцев (Кызласов, 1952).

Коренное население Тоджи — исконные охотники. Возможно, это о них сообщает китайская летопись 650 г. н.э., говоря о народе Дубо, который жил на запад от оз. Косогол, имел жилищем шалаши из травы, не знал ни земледелия, ни скотоводства, занимался главным образом охотой на зверей и птиц и собиранием дикорастущих кореньев, особенно сараны (Бичурин, 1950, т. 1, с. 348). Сарану собирали и приготавливали из нее кашу. Одевались в соболье и оленьи платье. Бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленинью кожу, сараньи коренья.

Рашид-ад-Дин (персидский летописец XIV в.) говорит о «лесных урянкатах», живших в то время в Восточной Туве: «Это племя не принад-

¹⁴¹ По запасам соболя ТАО занимает шестое место в СССР (из выступления В.П. Глазкова, работника Областного охотуправления на Слете передовиков-охотников в п. Торахем, 7 октября 1952 г.).

¹⁴² [П.А.] Чихачев (40-е гг. XIX в.) пишет, что Алашские сойоны употребляют быков не только для перевозок, но и для охоты. «Поэтому быки здесь более живы и легки в беге (они меньше европейских)».

лежит к другим урянкатам; они получили это имя потому, что их юрты были в лесах. Они никогда не имели палаток, ни шатров; их одежда была из кожи животных, у них не было быков, баранов; вместо них они выращивали горных быков, горных баранов и джейрана, который похож на горную овцу. Они ловили их (и приручали), доили молоко и ели... Во время перекочевков они грузили поклажу на горных быков и никогда не выходили из лесов. В местах, где они останавливались, они делали из коры березы и других деревьев немного навесов и лагун и удовлетворялись этим...

Так как в их стране много гор и лесов, а снег выпадает в большом количестве, то зимой по снежному покрову они бьют много дичи... Они делают особые доски, которые называются “чанэ” и на них становятся... Они так гоняются на “чанэ” по степи и равнине, по спускам и подъемам, что настигают горного быка и других животных и убивают их. Рядом с теми “чанэ”, на которых они сами находятся, они тащат привязанными другие /лыжи. — *Е.П./*; на них складывают убитую дичь» (Рашид-ад-Дин, 1952, с. 123-124).

В. Рубрук (монах, европейский миссионер) путешествовал по Центральной Азии в 1253–1255 гг. Он пишет: «К северу (от Монголии) также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени “керкисы”. Живут там также “оренгаи”, которые подвязывают под ноги отполированную кость и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой быстротой, что ловят птиц и зверей» (Плано Карпини, 1911, с. 134).

Китайские путешественники VII в. пишут: «Далее по восточную сторону моря /то есть оз. Косогол — Хабсугул-далай. — *Е.П./* пришли к мума /поколение лыжных тукюэ. — *Е.П./*, где кочуют три тукюэские аймака: дубо, милиге, эжди. Князья их называются Гйегинь. Живут в избах, берестой покрытых. У них много хороших лошадей. В обыкновении кататься по льду на деревянных лошадях. К ногам привязывают лыжи, а под мышками упирается в клюки. При каждом упоре подаются шагов на сто вперед чрезвычайно быстро... хагясы ловят их и употребляют в работу» (Бичурин, 1950, т. 1, с. 354).

Все эти древние свидетельства говорят о населении восточной территории Тувы, культура которого значительно отличалась от культуры всей остальной территории до самого недавнего времени. Наименование этого населения и было «урянхай, оренгаи» и т.п. Рашид-ад-Дин прибавляет к этому названию «лесные».

Все свидетельствуют об отсутствии животноводства у этого населения, отмечая охоту как основной промысел, дающий не только пищу, но и материал для одежды и жилища. Лишь китайские путешественники VII в. пишут о разведении лошадей. Но, возможно, это касается не современной тувинской территории, а Прикосоголья, восточных отрогов Восточного

Саяна, где действительно в большей степени, чем в прилегающих Саянских хребтах, было развито коневодство.

В западных, северо-западных горных хребтах (Алтай, Западные Саяны, Танну-ола, ее северные склоны) охота сочеталась с животноводством, не являлась единственным источником жизни. Однако, по свидетельству стариков-тувинцев, существуют предания о том, что и в западных районах Тувы (мы относим к числу «западных» современные Бай-тайгинский, Барыын-хемчикский, Сут-хольский районы) тувинцы не всегда занимались скотоводством. Старик Иргит (63 лет, юрты на р. Каргы, около п. Могур-Аксы) в 1953 г. рассказал, что его отец в свое время говорил ему, что его дед в четвертом поколении был только охотник и скота не знал. Скот получен тувинцами этой группы от монголов. «Стали разводить скот, и меньше стало охотников». Старики из Барыын-хемчикского района (колхоз «5 лет Советской Тувы») рассказывали, что прежде тувинцы скота не держали, только охотились на диких зверей, которых здесь раньше было очень много¹⁴³. Домашних животных не знали. Те же сведения сообщали нам в Мөнгун-тайге старики Чимба Иргит и Павел Тонгак. По их словам, эти группы не всегда жили на современной территории, а пришли из местности Кёге-терезын (Мёге/Мөңгетерезын) за Танну-ола. Там, живя в лесистых горах¹⁴⁴, они также занимались охотой и лишь впоследствии, спустившись с гор, в степях стали заниматься скотоводством, заимствовав его от монголов — жителей этих степей.

Скотоводство и охота были взаимосвязаны, как справедливо пишет в своей работе «Героический эпос тувинцев» Л.В. Гребнев (Рукопись, автореферат кандидатской диссертации). Скотоводство помогало опромыслить большую территорию (собственно коневодство), а охота (мясная) способствовала сохранению скота. Это положение относится к степным территориям, где имеются пастбища для скота и где охота в основном велась на мясного зверя (в том числе и на тарбагана)¹⁴⁵. Сложившийся издавна

¹⁴³ Этим тувинцы объясняют [наличие в Туве многочисленных зооморфных петроглифов:] «потому наши предки на камнях рисовали много и только диких зверей» (старик Оорджак, колхоз «5 лет Советской Тувы»).

¹⁴⁴ Хребет Кёгей.

¹⁴⁵ Тувинцы рассказывают, что прежде охотились на диких верблюдов, которые водились в юго-западных частях Тувы и Северной Монголии. Об этом сообщает экспедиция в Центральную Азию Джемса (Отчет лейтенанта Юнгсбэнда /F.E. Jounghusband/). На отрогах Южного Алтая от монголов путешественники услышали о диких верблюдах. В Алтае имеются травянистые лощины, где паслись стада этих животных. Монголы на них охотились, а молодых ловили живыми в целях приручения. Они очень выносливы, могут проходить по 200 миль в день, но не приучаются носить тяжести. Они меньше ростом домашних, с мягкой короткой шерстью. Путешественники встречали стада диких ослов, схожих, по словам автора, с ладакскими киангами Тибета. Встречали и дикую лошадь Пржевальского (Реферат отчета напечатан в Известиях Вост[очно-]Сибирского отдела ИРГО, 1888. Т. XIX, вып. 5, с. 48–52).

комплексный характер хозяйства тувинцев большей части территории Тувы, сочетание в комплексе именно охоты и скотоводства, вызывался природными условиями этой страны.

Несомненно, большая часть современного скотоводческого населения Тувы не были исконными скотоводами. Для этого на территории Тувы не было естественных условий, широких просторов лугов и пастбищ, климатических благоприятных условий. Характер кочеваний «по вертикали» достаточно ясно указывает на своеобразие скотоводства, связанного не со степью, а с горной страной. Несомненным нам представляется факт заимствования скотоводства коренным охотничьим населением горной Тувы от проникавших с древних времен в центральные территории иноплеменных-скотоводов, вошедших одним из компонентов в современный тувинский народ. Вместе со скотоводством иноплеменники принесли иную культуру, которая вошла и органически объединилась с культурой охотничьего населения страны.

Охота и ее связь со скотоводством нашли свое отражение в фольклоре тувинцев. Так, в сказке «Кангывай Мерген» сила богатырского коня определяется не быстротой бега, а количеством охотничьей добычи, которую он может поднять. Конь героя был так силен, «что мог легко нести вьюк из 550 маралых туш и 660 сохатиных туш». В сказке «Алтай Бучу» старик Алтай Бучу, состарившись, четырех из своих сыновей отправляет охотиться, а лишь одного оставляет себе в помощь присматривать за скотом. Фольклор отражает существование в прошлом групп, не имевших вовсе скота. В упомянутой сказке «Кангывай Мерген» герой встречает богатыря Кара-Туру — охотника. Он идет с удачной охоты; спереди за поясом у него, как белка, заткнут добытый марал, сзади — маралуха. Он идет и поет «хомей» (горловую песню).

Кангывай Мерген вызывает Кара-Туру на поединок. Последний отвечает: «У меня ведь нет скота, которому завидовали бы». Победенный в схватке с Мергеном Кара-Туру бросает свои земли и подкочевывает к аалу Мергена, клянется ему в дружбе. Этот эпизод отражает происходивший процесс завоевания, подчинения пришельцами-скотоводами охотничьих племен, значительно более слабых экономически и отсталых в культуре (Бартольд, 1928, с. 5).

Образ тайги, леса, зверей отображается поэтичными представлениями в фольклоре не только в сказках, но и в пословицах, обрядах: «Соболь соболя чернее, человек человека чернее в своих думах» (сказка «Кангывай Мерген»).

В обряде сватовства (в той же сказке) женихи, придя к юрте, где живет невеста со своим братом, ставят на их юрту черного соболя с белыми лапами ценой в одну тысячу лан; соболь танцует на крыше юрты, в то время когда женихи вносят в юрту подарки.

Образ тайги — это золотой марал, у которого только область сердца и само сердце незолотые — живые.

Особенно яркий образ тайги дается в сказке «Мöге Шагаан Тоолай». Считаем необходимым привести подробное это описание. Царица Сай-Куу¹⁴⁶ предостерегает сына, просит его не ходить в ближнюю тайгу: «Это священная («ыдык») тайга. Люди туда не ходят. Даже предки твои («адалар») не ступали на эту землю и не видели ее. Не ходи туда, сын мой». Сын не слушается матери. В полночь он берет лук и стрелы и идет на вершину соседней, незапретной тайги и оттуда ищет священную тайгу. Видит: впереди огромная желто-пестрая тайга... ни камня, ни дерева, ни травы на ней нет... Посмотрел налево — желто-пестрая тайга как-будто задвигалась... Парень превращается в растение «тересу» и наблюдает... Та пестро-желтая тайга встала и пошлагала. Оказалось, она была живая. Она стала вырывать со всеми корнями стоявший поблизости дремучий лес и поедать его, словно траву. Очень сильное, могучее существо эта тайга. Солнце стало спускаться, это существо пришло на широкий синий камень, большой, как крупнейший аал-стойбище, легло и заснуло. Парень, превратившись в муху, полетел вниз, сел на хребет этого существа, добежал по хребту до головы к самой морде и... увидел на лбу, на самой середине, маленькое, пальцем покрыть, место, которое поросло чем-то напоминающим шерсть зверя. Рога у этого существа были крупнейшие, на их отростках были и со старых времен, и совсем недавно нанизаны многие люди... Были там женщины с кымсарами и озуклами и парни с колчанами-стрелами. Парень решил убить это существо. Стреляет в него, стрела попадает прямо в поросшее шерстью место во лбу. В природе происходит страшное; кажется, вот-вот земля и небо перевернутся. Парень опять становится мухой и, взлетев, смотрит. Желто-пестрая тайга от выстрела его столкнула рогами отдельно стоящую гору и забросила ее дальше, а потом утихла, убитая его стрелой. Так лежала и... превратилась в золотисто-пестрого марала. Парень, опять ставши человеком, вспорол брюхо маралу. Оттуда вышло бесчисленное множество народу. Те, которые книзу кочуют, пошли вниз, те, которые вверху кочуют, пошли вверх¹⁴⁷.

Охота отражалась в календаре тувинцев-тоджинцев. [М.Г.] Левин (1926 г.)¹⁴⁸, [П.И.] Каралькин (1956 г.) записали названия месяцев [прим. 8]. Нужно отметить, что эти названия чрезвычайно близки к названиям месяцев карагасского календаря, записанного Н.[Ф.] Катановым. Любопытно отметить, что тувинский (тоджинский) календарь не отражает оленеводства;

¹⁴⁶ Возможно, «лебедь». Лебедь — «ку»; крик лебедя — «ку, ку...»

¹⁴⁷ В рукописи сказано иначе: «Одни пошли в Монголию, другие — в Туву».

¹⁴⁸ М.Г. Левин — рукописные материалы экспедиции 1926 г., любезно предоставленные автору.

карагасский — имеет месяц гона оленей (сентябрь), тувинский — месяц гона горных козлов.

В течение года охота производилась в следующие периоды: последний осенний и два зимних месяца охотятся на соболя и белку; последний зимний месяц — на белку. Первый весенний месяц — охота на лыжах и по насту на крупных копытных (лося, марала, оленя, козла и др.). Второй весенний месяц — охота по насту с собакой; последний весенний и первый летний месяцы — охота на водоплавающую дичь.

С промысловыми животными связан целый ряд запретов и религиозных представлений: так, соболем шкуру никогда не отдавали невыделанной. При выделке срезали «мырку» — нос, губы с усиками, их прятали, так как считали, что это «кежик» — охотничье счастье (Кон, 1934, с. 71)¹⁴⁹. Прежде нельзя было купить у охотника голову медведя с ноздрями. Охотники хранили их у себя в юрте. Череп и нижнюю челюсть медведя вешали на дерево или на шест на проезжей дороге. Пред убитым медведем произносили слова оправдания-извинения: «Не я тебя убил» и т.п. Все эти моменты существовали и у ненцев, хантов, селькупов и других народов Севера. Многие звери (исключая соболя и белку), птицы считались духами-покровителями и помощниками шаманов.

Основными орудиями охоты были ручной лук («чаа ~ джаа») со стрелами («ок») и поставушный лук («аја»). В Тодже старики смутно помнят, что прежде имелось копьё — «шиш», вернее «откас», судя по рисункам тувинцев¹⁵⁰ [прим. 9]. Луком и стрелами («собун ~ собын ~ ок») опытные охотники били всякого зверя. Только в начале нашего века в быт широко вошли кремневые и пистонные ружья. Кремневые ружья, дошедшие по 30-е гг. нашего [XX] века, восточные тувинцы получали от монголов, бурят, карагасов и русских, пистонные покупали у русских. Ружья были дорогие. Хорошее кремневое ружье «чактыр»¹⁵¹ стоило хорошего коня. Ружье среднего качества обменивалось на коня или корову. Ружья берегли. Служили они более 10 лет.

Стреляли из ружья всегда с рожков («пут» — буквально «ноги»), стоя или с колен. Если стреляли вверх, то рожками упирали себе в грудь (М.Г. Левин). Сидя на лошади, не стреляли, обязательно сходили с нее (Кон, 1934, с. 61).

¹⁴⁹ Аналогичный обычай у ненцев при отдаче песцов.

¹⁵⁰ Главное областное охотуправление организовало изучение старинных орудий охотничьего промысла Тоджи (и всей Области) и способов охоты. Эти материалы показали, что, кроме лука и стрел, тувинцы других орудий лова не знали (сообщение В.П. Глазкова). Это не совсем правильно.

¹⁵¹ Называли ружья и монгольским словом «бо ~ по». Общее название ружья с рожками — «постаныг по ~ бо» [прим. 11].

Приводим терминологию тувинцев, относящуюся к частям ружья, собранную М.Г. Левиным:

Ствол (как и все ружье) — «бо ~ по»; верхняя пластина — «ушту ха»; нижняя пластина — «алды ха»; затвор — «тонак»; ложе — «хынны»; приклад — «ушазы» («по ушазы»); рожки — «по буту»; кремь — «по татчи»; шомпол — «сумек»; ремень — «чукте»; мушка — «пашкы хараал»; дужка для заводки — «тырткыш»; курок — «манджизи»; винт — «шурук»; огонь — «оттук»; капсюль/чашечка для пороха — «халбага».

П.Е. Островских отмечает, что тоджинцы и большинство западных урянхов, приобретая русские ружья, переделывали их на кремневые (Островских, 1899, с. 331–332). Купцы продавали ружья значительно выше их стоимости. Так, ружье ценой в 3–5 руб. обменивали в Урянхайском крае за 150–200 белок, что стоило минимум 15–20 руб. По словам старика Иргит Шойдып из Тере-хөля, ружье стоило трехгодовой коровы.

Боеприпасы также обменивали у русских и других купцов. В конце XIX в., по словам [П.Е.] Островских, тувинцы не употребляли дробь (Островских, 1899, с. 331–332) [прим. 10]. Из свинца делали пули. Закупали у купцов свинец и порох. На охотничий сезон охотник брал 1–2 фунта (400–800 г) пороха.

Ручной лук, полное название — «чаа-софын»¹⁵², что значит «лук-стрела». Также называлась и стрела. В этом случае «чаа-софын» означало «стрела ручного лука». Эти названия указывают, что лук и стрела осознавались как единый комплекс оружия, как нечто цельное. Лук делали из одного куска дерева, в западных районах обычно из ивы — тала, в восточных — из ивы, березы и эргай¹⁵³. Ушки лука делали из того же дерева, что и тело лука¹⁵⁴. Последнее — «чаа няш» к середине делали толще, к концам тоньше. Посредине вычищали площадку — «тудазы» — для того, чтобы было удобнее держать лук. Тело лука, выточив, обклеивали полоской бересты или конской кожи. Клей при этом употребляли собственного изготовления (Тоджа). Варили клей из копыт, рогов, а также из кожи крупного рогатого скота. На изготовление клея уходило несколько дней. Употребляли клей и из рыбьей кожи налима, тайменя, ленка, шуки. Налимий клей считался лучшим.

Костяными пластинками древко лука не укрепляли, украшений не делали. Лишь с появлением китайских луков с костяными пластинками

¹⁵² Древнетюркское «соБан» — лук; «jā» — лук (Мелиоранский, 1900; Глоссарий, 098, 0114).

¹⁵³ Дерево «эргай» — акация.

¹⁵⁴ В отличие от сложных луков народов Северной Сибири, например селькупов, у которых ушки луки делали специально из черемухи, а тело лука — из двух разных пород деревьев. Монгольские луки укреплялись роговыми пластинками.

тувинцы стали укреплять древко лука пластинками из рогов дикой козы¹⁵⁵ [прим. 12]. В западных районах тувинцы, по рассказам стариков, прежде делали луки не из дерева, а из двух соединенных рогов дикой козы. Рога соединялись широкими полыми концами, которые вставлялись один в другой. По уверениям стариков, эти луки были очень прочными. Лук должен был быть определенной длины, равняться росту хозяина-охотника в шапке (около 2 м, или, по-тувински, 1 кулаш [прим. 13]).

Тетиву — «криш» — делали в западных районах из шкуры дикого («тее») или домашнего козла, а в восточных — из конской шкуры [прим. 14]. И ту и другую шкуру нарезали лентой шириной в 1,5 см, предварительно вымачивали около месяца для того, чтобы выпала вся шерсть. Мокрую шкуру резали. Затем туго скручивали и в таком виде сушили [прим.15].

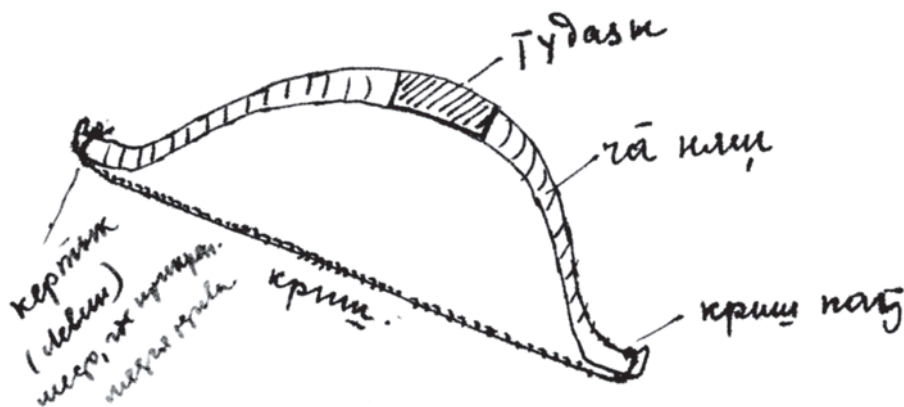


Рис. 2. Лук [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Стрелы употреблялись различные: с железными, костяными, деревянными острыми и тупыми наконечниками. Железа было мало. Бедняки-охотники резали железные наконечники из старых котлов, которые, например, тере-хольские тувинцы покупали у дархатов¹⁵⁶. Из-за отсутствия железа чаще наконечники делали из трубчатых костей крупных зверей. Особых мастеров не было. Делал каждый охотник сам, как умел. Тувинцы в Барыын-хемчике, по словам старика Ишти Оорджак Ортун-оола (64 лет), умели делать особые стрелы на белку, относящиеся к типу томара «мол-трукту софын». Древко стрелы делали из дерева, передний конец его

¹⁵⁵ «Чтобы придать луку упругость, к деревянной его части с внутренней стороны приклеивают роговые пластинки, а с наружной — сухожилия, довольно толстым слоем» (Шагдарон, Очиров, 1903).

¹⁵⁶ У монголов Чогду, живших по р. Ит. В настоящем их там нет. Их земли населены монголами других сумонов.

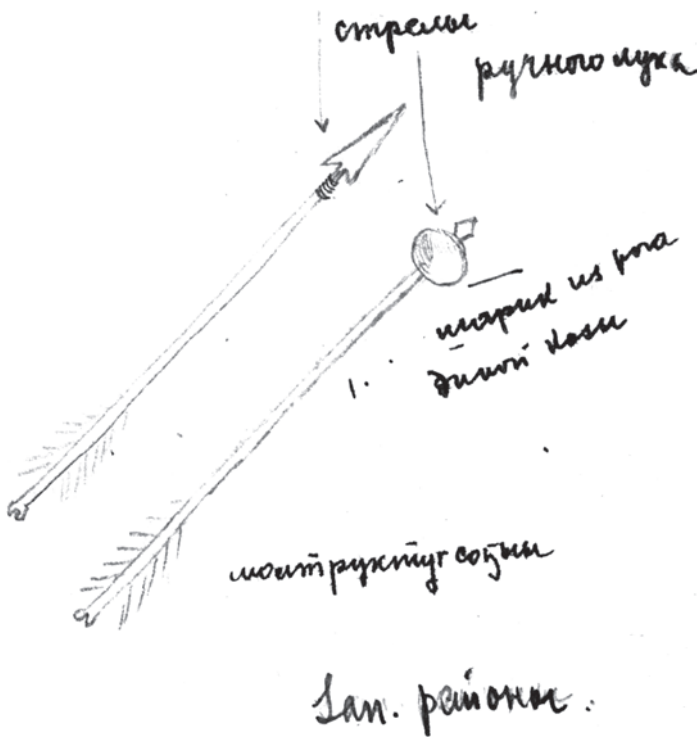


Рис. 3. Стрелы [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

заостряли. Отступив 2–3 см от острого конца, на древко нанизывали 5–6 кожаных (из кожи коровы, лошади) кружков, которые сбивали плотно вместе. Эти кружки не давали острию стрелы глубоко вонзаться в тело зверька [прим. 16].

Железные наконечники назывались «сарыглы ок»¹⁵⁷, и стрелы с такими наконечниками употреблялись на крупного мясного зверя [прим. 17].

В Тодже и других районах делали специальные стрелы на белку с костяным наконечником, в который все же вставляли небольшое острие ([см.] рис. [3]).

В западных районах стрелы на белку делали с костяным шариком (из рога дикой козы) и маленьким копьецом, составляющим вместе наконечник. В Тодже делали наконечник в виде цилиндрика из маральего рога с металлическим острием на конце. Острые наконечники вставляли в расщеп древка и обматывали сухожилиями, иногда их прочно проклеивали.

¹⁵⁷ Отметим, что наконечник стрелы называется так же, как и пуля ружья, — «ок», по-видимому, позднее перенесение.

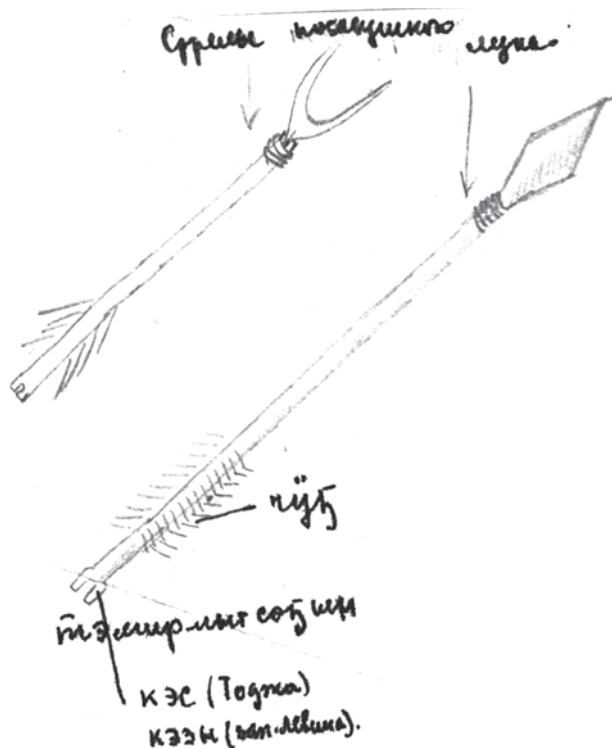


Рис. 4. Стрелы [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

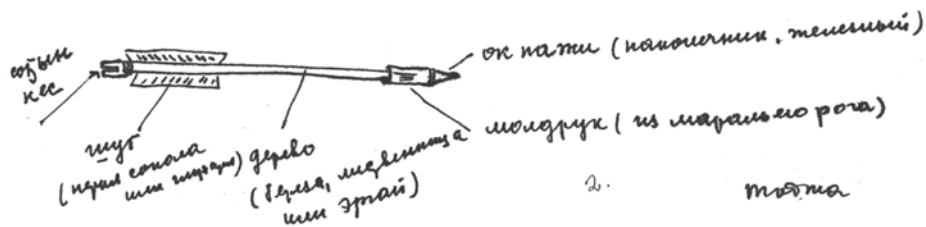


Рис. 5. Стрела [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Древко стрелы «софун» делали из березы, лиственницы, а в западных районах — из тала и других пород. Длина стрелы равнялась длине вытянутой руки хозяина лука. Обратный конец стрелы оснащали трехгранным оперением («чүбү» — запад, «шүбү» — Тоджа). Лучшими считались перьевые пластинки от маховых перьев орла («езир») или глухаря («карабуш»). Но оперяли и перьями совы и других крупных птиц. На заднем конце делали выемку «софун кес» («кэзы» — М.Г. Левин).

Стрелы носили в колчане «ок кав»¹⁵⁸. Этими стрелами били зверя, с ними же и воевали. Старики охотники рассказывали, что прежде каждый ставил на наконечнике стрелы свою тамгу. Лук носили через плечо и грудь. Древко приходилось на спину, тетива — на груди. Колчан также носили через плечо с правого бока, накрест с луком.

Ручной лук бытовал у тувинцев еще во времена ТНР. Стрельбе из лука обучали молодежь как спорту. На народных праздниках устраивались состязания в стрельбе из лука¹⁵⁹. В настоящее время ручные лучки встречаются лишь у мальчиков как игрушка.

В фольклоре широко отражено это охотничье снаряжение, являющееся в то же время и вооружением воина. О луках из рогов горных козлов говорит сказка о Кроваво-желчном Кара-Көгеле. У него лук был собран из рогов 70 горных козлов, скрепленных вместе и покрытых лаком. На верхнем конце лука были вырезаны 30 драконов, на нижнем — 60 горных козлов (самок). Тетива свита из новой шкуры черных горных козлов. В сказке стрельба из лука чрезвычайно красочно описана: «Богатырь натягивает лук с полудня до вечера и с вечера до следующего полудня. От напряжения из-под руки его, держащей стрелу, начинает клубиться дым. Из-под руки, натягивающей тетиву, появляется огонь. Вырезанные на верхнем конце лука драконы начинают выть, вырезанные на нижнем конце горные бараны дерутся и сталкиваются лбами».

У другого богатыря Кангывай Мергена «упругий, черный» лук имеет на нижнем конце 66 ступенек («текпе»), а на верхнем конце — 30 ступенек. Натягивая лук, герой передвигает эти ступеньки¹⁶⁰.

О приготовлении героя к бою говорится, что он взял лук свой, вытер его, соскреб с него пыль и копоть и потом «передвинул ступеньки». Это описание свидетельствует о том, что в мирное время лук находился в юрте и тетива его была спущена. Вероятно, эти «текпе» — кусочки рогов на луке (его верхнем и нижнем концах) были сделаны в виде головок драконов и козлов и служили регуляторами для натягивания тетивы.

¹⁵⁸ Нужно обратить внимание на этот термин. Должно было бы быть «софын кав», если стрела — «софын». «Ок» — в настоящее время наконечник стрелы. Возможно, что старинное название для стрелы было «ок» Поэтому и кончик стрелы называется «ок пажи» (голова стрелы-наконечника), пуля ружья — также «ок». «Кав» — футляр. Стрелы самострела тоже — «ок». Древнетюркское «ок» — стрела; «ок gäsi» — развилка на заднем конце стрелы (Мелиоранский, 1900, Глоссарий, 074).

«Кап ~ каб» — древнетюркское «кора», «кожа», «футляр» (Мелиоранский, 1900, Глоссарий, 0102).

¹⁵⁹ Монгольские стражники на пограничных караулах во времена поездок [А.М.] Позднеева были вооружены луками (Позднеев, 1896, с. 356).

¹⁶⁰ В Словаре [книге «Опыт словаря тюркских наречий»] [В.В.] Радлова это маленькие куски рога на луке [(Радлов, 1888–1911)].

Фольклор много и образно рассказывает о стрелах различных видов. У героя Тана-Херела «стальная» стрела имеет древко из дерева величиной с жеребую кобылу, растущего по р. Борзуктуг-хем, другая стрела — с древком величиной с яловую кобылу из дерева, растущего по р. Кырзалыг-хем. Оперенье стрел неизнашиваемое, оно сделано из перьев мифической птицы Хан-Хереты¹⁶¹.

Иногда древко стрелы оклеивали корой черного казылгана. Наконечники выковывали из железа слитых вместе 70 черных котлов. Крепость таких наконечников была так велика, что «при ударе о твердую кость не расплющивались, при ударе о крутую скалу не гнулись»¹⁶².

Стрела вошла в представления о мире, Вселенной. По фольклорным материалам, места, где Земля сходится с небом («шапшылга»), осознаются как перевалы через горные хребты. Но чтобы перейти через них, нужно «подпереть» небо. И герой «подпирает» небо семью медными стрелами («чеди хола ок») ¹⁶³, переходит через хребты, за которыми находится темный мир Эрлик-хана и Шулбуса.

При произношении клятвы в верности и дружбе богатыри — герои фольклора — лизали острие боевой стрелы.

Стрелы воины носили в колчане, но фольклорный термин для колчана иной (тот же, что и для ножен) — «хомду». Упоминается и о том, что боевую стрелу подвешивали к поясу.

Стрельбой из лука разрешали спор. В сказке о Кангывай Мергене богатыри заключают дружественный союз. И чтобы доказать, что ни у одного из них нет на сердце «черных мыслей», стреляют вверх. Если помыслы их действительно чисты и намерения искренни, стрела, пущенная вверх, упадет точно посередине между ними. Если же кто-либо из них неискренен, то стрела, падая, поразит лжеца в голову и выйдет, пробив насквозь его тело.

Стрела вошла в народную поговорку аратов. Так, говорят: «Можно догнать и взять обратно стрелу, но слово сказанное догнать и вернуть нельзя».

Соревнование в стрельбе из лука — основное испытание ловкости, силы молодых богатырей во всех сказках. Любопытно, что одной из наиболее трудных мишеней были каменные изваяния — «кўже ~ коже» (вернее, «кижи-кўже»). Стрелок должен был сбить стрелой голову «кижи-кўже».

¹⁶¹ В сказке Тан Аранчын-хан говорится, что Хан-Хереты — это небесные птицы. Герой их убивает на небе и завещает: «Пусть в нижнем мире (у людей) будут эти птицы называться “орел” и их перьями пусть оперяют стрелы».

¹⁶² Материал фольклора приводится из печатных изданий тувинских сказок и любезно предоставленных автору Л.В. Гребневым его переводов еще неопубликованных сказок из архива ТНИИЯЛИ.

¹⁶³ Мы упоминали о том, что, возможно, древнее название стрелы — «ок». Фольклорное название «хола ок» подтверждает наше предположение.

Фольклор упоминает и об употреблении [использовании] лука в качестве посоха — опоры при беге. Так, в сказке о Бокту Кирише местные духи — хозяева гор — Саин улаты — бегут, заправив полы халатов за пояс и опираясь на луки. На древке лука воины в походе делали отметки времени. В сказке о Кангывай Мергене женихи показывают луки с отметками и времени, доказывая, как долго они добирались до невесты.

Все вышеуказанное отражает [представляет] лук и стрелы в основном как боевое оружие.

Фольклор говорит о разных видах охоты. Так, охота на птиц и мелких степных зверей была делом детей — мальчиков-подростков. В сказке «Мёге-Шагаан-Тоолай» маленький герой начинает свое обучение охотничьему промыслу с мелких птиц, затем — сусликов, затем уже добывает тарбаганов, горных козлов и т.д. Все обучение идет без всякого оружия. Мальчик бьет всех мелких зверей камнями и комьями земли и петлями-силками («тузак»)¹⁶⁴. Охота отражена в основном пешая. И лишь возмужав, получая [приобретя] коня, юноша получает лук и стрелы и идет на охоту на крупного зверя — медведя, лося и т.п.

Охота представлена фольклором как дело исключительно мужское. Женщины не охотятся. В сказке о Кангывай Мергене рассказывается о времяпрепровождении героя в мирное время в своем аале. «Всякими мелкими делами он не занимался, из юрты не выходил. Лишь в начале месяца да в середине его он охотился на зверя да похаживал гонять соболя». Ханша в той же сказке на вопрос, где ее муж, отвечает: «Откуда я что-либо могу знать о мужчине? Уехал ли на охоту или в гости». Девушку Мергена Бора-Шээлей (сказка о Бокту Кирише), передевавшуюся мужчиной, победившую всех на состязании, хотят испытать, правда ли, что она мужчина... Ей показывают две юрты: в одной мальчики делают стрелы, в другой — девочки шьют одежду. Если она женщина, она посмотрит на девушек, если мужчина — на мальчиков. Она же, натягивая лук во время состязания по стрельбе, при этом шепчет: «Не трясись, моя рука (потом), надевая наперсток, не отвыкай, моя рука, держать иголку. Это не я стреляю, а брат мой». Все это отражает непричастность женщины к владению охотничьим и боевым оружием.

До настоящего времени эта традиция осталась живой везде в Тувинской автономной области, за исключением некоторых групп населения Тоджи и Тере-хёля. Именно женщины групп Соян и Чооду охотятся на мелкого зверя, в том числе и на белку. А в последнее время им доверяется и охота на соболя в первую половину сезона. Во всех других группах женщина не допускается ни к охоте, ни к забою скота. В юртах Бай-тайги и Барыын-хемчика на наш вопрос, участвуют ли женщины в охоте, при-

¹⁶⁴ Сказка о Бокту Кирише.

сутствующие удивленно смеялись. Когда мы спросили старика, почему вместо ответа женщины смеются, он нам с укором ответил: «Ведь всем известно, что женщине запрещено убивать живое. Каждая женщина ведь — мать!» Эта истина непреложна для всех тувинцев — дающая жизнь не может ее отнимать.

Это различие у групп тувинцев в вопросе о возможности женщине участвовать в охоте, несомненно, отражает глубокую разницу культуры в прошлом. Группы Соян и Чооду и донныне отличны от других групп тувинцев. Это охотники-оленоводы. И в прежнее время, когда эти группы жили только охотой, женщина, оставаясь одна с семьей, когда мужчина отсутствует в течение длительного периода на промысле, должна была с детьми-подростками сама добывать любую пищу, в том числе и мелких зверей и птиц. Этим она поддерживала жизнь семьи более постоянным верным способом, чем мужская охота, не всегда дававшая ожидаемый результат. Недаром в фольклоре отражено обучение мальчика охоте, распознаванию зверей и даже географии ближайших территорий именно женщиной, матерью или родственницей. Другие группы тувинцев с очень далекого периода сочетали скотоводство с охотой и тем самым не имели необходимости участия женщин в этом промысле.

Как мы указывали выше, фольклор отражает и этот процесс слияния охотничьих племен со скотоводческими.

При стрельбе из лука охотники-тувинцы надевали на запястье левой руки пластинку («чакыш») из толстой кожи (конской, коровьей, иногда костяную), предохранявшую руку от ударов тетивы. На большой палец правой руки надевали нечто вроде кожаного наперстка (без дна) — «эргеп ховы». Все это защитное сооружение называлось «эргепши ~ эргепчи».

Описанный лук был орудием универсальным, бил очень сильно и далеко. Мастера-охотники били из него медведей, лосей, диких оленей и других крупных зверей. Обычно же крупного зверя добывали «поставушным» луком «аја». Изготавливали его так же, как и ручной лук, из целого куска дерева, но несколько толще и грубее. Дерево употребляли разное; в Тодже — ель и лиственницу. Если дерево брали крепкое, то его ничем не укрепляли, в противном случае тело лука обклеивали (как и ручной лук) полоской бересты или кожи. Тетиву — «хериджи» — свивали из конской кожи, как и на ручной лук.

Луки настораживали на звериных тропах, около нор, на водопоях и солонцах. Делать «аја» умели все тувинцы, а настораживать умел далеко не всякий. Охотники ставили по несколько «аја», затем ходили их высматривать. Переносили «аја» на спине, сложенные и перевязанные ремненным арканом (как вязанки хвороста). При насторожке употребляли различные мерки, выточенные из дерева. Мерки точили разной высоты, соответственно росту зверя, какого желали добыть. Мерка на крупного зверя соответ-

ствовала и росту человека (по грудь). Стрелы для «аја» называли «аја оки», «ок». Делали их всегда с железными наконечниками. В Тодже до 1926 г. ставили самострелы и на соболя ([М.Г.] Левин).

Самострелы — опасное оружие; часто подранивали и нередко убивали людей и скот. В настоящее время самострелы официально запрещены. В свое время они были конфискованы у населения. Сельсоветам поручено следить за соблюдением запретов. И все же тувинцы время от времени ставят их в основном на волков и рысей, которые являются бичом для скота и особенно для молодняка и овец. Волка прежде промышляли ямами, тщательно их маскируя. Делали загоны, внутри которых ставили козу-приманку¹⁶⁵. С появлением русских охотников тувинцы заимствовали от них железные капканы («хакка» — М.[Г.] Левин), которых прежде вовсе не знали. Капканы покупали у русских. В западных районах их ставили в очень малом количестве, в основном на волков. Прежде чем ставить, капкан долго выдерживают в крепком настое хвои.

Вообще капканы хранят далеко от юрты, «чтобы его не обвеял ни дым, ни запах жилья». Когда капкан берут в руки, то надевают особые рукавицы. Все эти предосторожности очень тщательно соблюдают, так как волк очень чуток на запах человека. В Тодже ставили капканы на горностая, колонка, зайца и даже белку (по материалам [М.Г.] Левина). От русских заимствовали и кулемки, которые широко не распространились, но кое-кем ставились на колонка и горностая.

С давних времен тувинцы делали петли на зверей и птиц. Петли «тузак» свивали из волос конского хвоста, различной крепости и величины — на куропатку, зайца, колонка. На куропатку ставили петлю «тырткар тузак» в кустарнике без приманки. На зайца и колонка петлю укрепляли на косо врытой палке и делали на петле грузик. Промыслом петлями занимались дети, подростки, женщины и старики.

На охоте применяли различные приемы маскировки и приманивания. Берестяную трубу-маньщика применяли при охоте на маралов осенью. Делали эту трубу из полоски бересты, свернутой рулончиком [прим. 18]. При отправлении на охоту бересту смачивали, и рулончик растягивали, получалась труба. В ее широкий конец дуют с голосом, втягивая воздух в себя. Получается густой низкий звук, схожий с призывным криком марала во время гона, который часто оглашает тайгу осенью.

Летом на горного козла и кабаргу охотятся с маньщиком («эндьски» — М.[Г.] Левин /«эдыски». — *Е.П./*). На промысел диких коз ходят с начала июня до середины июля; в это время употребляют пищик, так как звук, издаваемый им, напоминает голос козленка. М.Г. Левину охотники в Тодже рассказывали: «Выйдеш в гору, идеш с места на место и пикаеш в эн-

¹⁶⁵ Ср. загородки хантов и манси с оленьей тушей.

дыски. Бывает, что на звук выбегают сразу и козлуха, и самка кабарги. А бывает и медведь выйдет».

Во время отела и в течение первого летнего месяца тоже охотятся с пищиком на тех же зверей. Но издают несколько другой звук. «Эдыски» делают из двух (а иногда из четырех) берестяных створок овальной формы с усеченным концом. Длина створок 2–3 см, ширина усеченного конца 1 см.

В западных и южных районах при охоте на тарбаганов для маскировки охотник надевал на голову и спину цельную шкуру тарбагана, в ней подкрадывался и выжидал зверя. В этих же районах в степях летом применялся пеший облавный способ охоты («аглаар») на степных копытных животных, а осенью — и на лисиц. На облаву собирались все охотники арбана. Руководил облавой старый опытный охотник — старшина.

Это один из немногих способов коллективной охоты, который применялся тувинцами с большим числом участников. В Тодже коллективным способом добывали горных козлов. Охоту на них производили в течение всего года. Коллективный способ применялся только зимой. Собиралась группа жителей одного аала в 5–6 человек. На месте они разделялись. Часть людей — стрелки — стояла на тропе и ожидала зверя, другие обходили местность и выгоняли животное на тропу — загонщики. В этой «артели» запасы пищи, взятые из дома, объединяли. Даже тому, кто запаса не взял, выдавали во время охоты равную со всеми долю пищи. Обязанности строго распределяли. Те, кто загонял зверя на тропу, не стрелял в него. Обычно загоняли опытные старые охотники, хорошо знавшие повадки зверя, его пути. Здесь бытовало и коллективное распределение добычи. Мясо убитого козла делили поровну, всем участникам охоты, шкуру отдавали загонщику. Тот, кто застрелил козла, кроме мяса получал голову и легкие. Если попадали в зверя два охотника, то другому давали позвоночник (или другую часть по договоренности).

Особым охотничьим снаряжением был охотничий пояс («кур») ¹⁶⁶ из толстой шкуры, на который подвешивали различные охотничьи принадлежности. К поясу прикрепляли мешок для «запаса» («саяк» — М.[Г.] Левин, /«саадак». — *Е.П.*/), сшитый из шкуры оленя, дикого козла или из ног лося, шкуры со лба оленя, лося, марала; мешок «чанчик» из шкуры лося, мешочек для дроби ¹⁶⁷. К поясу на ремешках подвешивалась пороховница («чиџак»), выдолбленная из коровьего рога; мерочка («идежи») для пороха, выточенная из марального рога, мешочки для дроби и пистонов, закрывающиеся деревянными пробками («туглар»). За пояс на спине затыкался меховой чехол — «порсук», надеваемый в дождливую погоду на замок ружья, сделанный из цельной шкуры колонка, снятой чулком.

¹⁶⁶ Общий термин для всякого рода опоясок.

¹⁶⁷ Дробь, как и пули, называется «ок».

К поясу справа подвешивается нож («пыжек ~ пизек») в ножнах и огниво. За пояс затыкали топор «суге» (Тоджа).

Охотничьим снаряжением являются лыжи («хаак» — Тоджа и юго-восточные районы, «шаны» — западные районы). Лыжи ныне употребляются во второй половине охотничьего сезона, когда глубокий снег в горах и лесу затрудняют передвижение охотников даже на оленях. Лыжи делали из тальника, тополя (западные районы), из ели (Тоджа). Длина лыж равнялась росту охотника (с тем, чтобы загнутый передний конец лыжи покрывал темя), около 2 м. Ширина — до 15 см. Дерево вытесывали ровной доской, передний конец обрезали углом. Затем вставляли доску в особую раму, на которой лыжи выгибались, и так сушили их (в раме). Готовые лыжи обклеивали мехом и иногда по краям прибивали деревянными шпёнками. Для обклейки употребляли конские или лосиные камусы; приклеивали ворсом по ходу лыжи. Это позволяло охотнику легко скользить по снегу вперед и при подъеме по крутым склонам не соскальзывать назад. Иногда по краям камус прошивали жильными нитками. В настоящее время лыжи имеют несколько иную форму. Они шире вышеописанных, причем задний конец делали шире переднего. На прежних лыжах не было подставки для ноги, на современных лыжах для ноги прибивается «узү» — «след». Это кусок бересты, а поверх него — лосиная шкура.

Устройство ременного крепления («хахның паҕ») можно видеть на рисунке [рисунок в рукописи отсутствует]. В переднем остром конце лыжи делают отверстие, в которое вдевают ремень, и при надобности лыжи служили «волокушей», на которой охотники везли добычу — части туш крупных зверей¹⁶⁸. При ходьбе на лыжах опирались на палку-посох — «тајак», имевший на верхнем конце лопаточку «тајаңгыш»¹⁶⁹. Посох делали в рост человека, лопатку употребляли для разгребания снега [прим. 19]. Многие ходили на лыжах без посоха.

Выше мы уже говорили об организации коллективной охоты на мясных зверей — дикую козу, кабаргу. Несколько слов об организации охоты на белку, соболя и других животных — основных объектов промысла¹⁷⁰.

В западных районах и в Тодже на белковку охотники собирались большими артелями, так как легче было пробираться по заснеженным

¹⁶⁸ См. об этом упоминание Рашид-ад-Дина, цитированное выше.

¹⁶⁹ О термине «тајак» интересно указание [Б.Я.] Владимирцева. Он говорит, что это слово одинаково для монгольского и древнетюркского языков (уйгурского). В монгольском оно бытует в форме, заимствованной из уйгурского, где оно образовано от уйгурского глагола «тајап» — опираться; аффикс «к» — орудия действия. Это указание мы приводим для того, чтобы обратить внимание на, казалось бы, «монгольские» заимствования в тувинском, являющиеся в основе древнетюркскими.

¹⁷⁰ А.В. Адрианов пишет, что колонка стали бить с приходом русских, так как в албан его не брали (Адрианов, 1886).

перевалам. Уходили на охоту вместе, объединяли запасы, старших в группе не выделяли. Особых территорий для белковки такой артели не выделяли. Охотились везде, где был зверь. Это следует понимать так, что охотились в тайге, прилежащей к территории сумона, ибо таковая до недавнего времени была. Так, Күжүгеты охотились в районе оз. Кара-холь, в северных склонах Западных Саян и не ходили за прилежащие северные склоны Алтая, где охотилась группа Иргит. Тонгаки охотились по прилежащей к их сумону тайге хребтов Танну-ола. Восточные группы, в частности Сояны, охотились в тайге по рекам Пус (по-монгольски Бусин-гол)¹⁷¹, Шишхит и его верхние притоки¹⁷², другие группы (Иргиты) охотятся в тайге по притокам Каа-хема, по рекам Каргы, Узун, Морун, Хаптагай, Тарбагатай, по устью р. Ор, по хребтам Сангилен, Онжан и т.д. Группы Чооду и Иргит охотятся по верховьям притоков Теси: Бүрен-бажы, Эрзин-бажы, Чапса-бажы и т.д. Сведения о наличии охотничьих территорий сумона отмечены и М.Г. Левиным.

Ходили тувинцы на охотничий промысел и на северные склоны Саян, которые считались русскими владениями, поскольку северная граница с Россией шла по хребтам Саян. В.[Л.] Попов, изучавший по заданию царского правительства вопрос о границе России с Монголией, защищая интересы русских промышленников, обвиняет урянхайцев в расхищении пушного зверя на русской территории: «Урянхайские сойоты десятками тысяч ружей /? — Е.П./ и ловушек разного типа вылавливают ежегодно в русской территории богатейший запас самой дорогой пушнины, и эту русскую пушнину или продают, или отдают в подати китайскому правительству». В.[Л.] Попов сетует на сержанта [Е.] Пестерева, который в 1780 г. разрешил урянхам охотиться в русских лесах¹⁷³. Далее В.[Л.] Попов приводит сведения о падении пушного промысла к 1908 г. «В 1909 г., говорят, едва смогли собрать 400 соболей»¹⁷⁴. Китайские власти не смогли собрать налога и обложили на урянхов тройные проценты. Русские торговые фирмы, специализировавшиеся на торговле пушниной, находятся накануне прекращения своей деятельности. Урянхи в неоплатном долгу перед китайцами. «Долг таков, как говорят деятели края, что если продать урянхов со всем имуществом и детьми, семьями, то и тогда не хватит уплатить

¹⁷¹ «Пус» по-тувински — пар. Река названа так потому, что в ее бассейне чрезвычайно много теплых источников, от которых бывают частые туманы — пар. Пус-хем — «плавающая река».

¹⁷² По сведениям Я.П. Шишмарева, Ургинского консула, дархаты, занимавшиеся, помимо скотоводства, зверопромыслом, ходили в хребты вместе с Точжи урянхами на угодыя последних. Дархаты платили Точжи урянхам оброк за право охоты. Но, замечает консул, чаще промышляли тайно без оброка (Шишмарев, 1871, прим. 3).

¹⁷³ [Е.] Пестерев устанавливал в течение ряда лет северную границу России с Монголией.

¹⁷⁴ Здесь он цитирует В.М. Родевича (Родевич, 1910, с. 62).

половину долга». Прежде через русских купцов ежегодно проходило по 5 тыс. соболей, 100 тыс. белок, 200 лисиц и т.д., на сумму $\frac{1}{4}$ млн руб.

Эти обвинения урянхов в хищнической расправе с пушными запасами русских Саян неверны. Не говоря уже о том, что северные склоны Саян были исконными угодьями урянхов, что признавалось и первыми русскими поселенцами, которые платили урянкам за право охоты на этих территориях, и лишь впоследствии забыли это право за урянками. Данные В.Л. Попова неточны, преувеличены. «Десятки тысяч ружей», многочисленные ловушки, о которых упоминает В.Л. Попов, являются таким преувеличением. Эти сведения получены В.Л. Поповым от русских промышленников и крестьян усинских деревень, заинтересованных в запрещении урянкам ловить зверя в Северных Саянах. Эти лица, по словам [В.А.] Ошуркова, большую часть доходов имели от зверопромысла. Крестьяне добывали не только пушного зверя, но и маралов, и других копытных тайги, живьем для маральников и убивали для мяса и шкур. [В.А.] Ошурков пишет: «Из усинских селений идут на промысел к востоку, к вершинам р. Ус и притокам Пий-хема, забираясь в центр Саян. Охотоугодия не разграничены, каждый охотится там, где хочет. Русские и сойоты для охоты переходят нашу границу». Так было до 1890 г. Следовательно, если тувинцы по законному древнему праву выходили на северные Саяны, то не меньше, а, вероятно, значительно больше промышляли зверя даже в центре Саян, русские крестьяне и зверя выбивали значительно больше, ибо именно они имели «разные ловушки». Об этом имелись документы — прошения тувинцев Усинскому пограничному начальнику. Например, население Маады сумо писали и указывали на хищническую добычу зверя ямами, выбивание зверя русскими поселенцами на Саянах в Урянхайских пределах (Кабо, 1934). Урянхи не могли соперничать с зажиточными русскими поселенцами ни в техническом оснащении промысла, ни в способах лова. Поэтому они и не могли выплатить албана и оказались в долгу у купцов и чиновников.

С начала XX в. появляется тенденция отнять охотничьи угодья у тувинцев, закрепить часть угодий даже не за артелями или крестьянским русским обществом, а индивидуально за промышленниками. На имя Усинского пограничного начальника поступают прошения об отводе таких индивидуальных охотничьих участков в тайге. К чести управления Усинского пограничного начальника, на эти прошения им были высказаны соображения против раздела тайги, запрета тувинцам охотиться на Северном Саяне: «Сойотам нельзя воспретить охотиться у нас, так как русские почти беспрепятственно промышляют на сойотской территории, а кроме того, русские ловят рыбу во всех удобных водоемах Урянхия — Улу-кеме и Пей-кеме».

В Тере-хёле тувинцы-охотники сообщили нам, что прежде существовало временное владение охотничьими (и рыболовными) угодьями. Эти

личные участки назывались «нюрэ». Если охотник в лесу найдет тропу зверя и поставит на ней самострел («аја») или несколько самострелов или сделает загородь, яму, он эти места объявляет как свое «нюрэ». Сюда уже никто другой ловушки ставить и ходить не может, пока хозяин не откажется от этого «нюрэ». «Нюрэ» объявлялись на участках озера, реки, где рыбак обнаружил удачный лов. И здесь уже никто без ведома хозяина «нюрэ» ловить рыбу не смел.

О распределении продуктов охотничьего промысла известно мало. При белковке добычу не делили, каждый имел то, что добыл, но старики помнят, что прежде делили добычу поровну. Один из немногих исследователей тоджинцев — П.Е. Островских, ездивший со студентом-вольнослушателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета минусинским татаринном [М.И.] Райковым в 1898 г. в Тоджу, пишет о тоджинской охотничьей общине, что в ней продукты охоты распределялись поровну между всеми членами общины (Островских, 1898). По всей вероятности, вопрос [речь] идет об охоте на мясного зверя, а не на пушнину. [М.И.] Райков в своем отчете о поездке в Тоджу рассказывает, что в «улусе», где они побывали, все мужчины «составляют как бы одну охотничью артель» (Райков, 1898). Мясо животного, убитого одним из членов артели, делится между всеми остальными. Только шкуры убитого зверя поступают в собственность убившего его охотника. Далее [М.И.] Райков добавляет: «Если бы каждая семья жила лишь тем, что добудет ее глава, то в случае его болезни или неудачной охоты семья погибла бы». Все семьи этого «улуса» находились между собой в родственных отношениях. Перекочевки свои тоджинцы совершали этими маленькими охотничьими общинами. Об этом же упоминает и Б.К. Шишкин.

Но не всегда охотники промыслили артелями. Часто ходили на промысел в одиночку. Охотились в радиусе 15–20 км от дома. Старики-тувинцы рассказывали, когда ходили артелью на дальние уголья, то обычно вечерами собирались в условленном месте, где варили сообща чай, обдирали добытых зверей. Если на одном месте промыслили 3 дня и больше, то ставили корьевой шалаш «чадыр»¹⁷⁵. Чаше охотники и прежде, и теперь ночуют под густой елью. Тут разводили костер, около которого ложились, сняв одежду, спиной к огню. «Сперва спина становится красная от огня, а ночью и утром угаснет костер, смотришь: на спинах иней», — рассказывают старые охотники.

Соболиные уголья разделялись по юртам (хозяйствам), каждый хозяин имел свой участок, где мог промысливать соболей. Распределение участков происходило на сумонных собраниях («чеш ~ хурулдан»). Охотники

¹⁷⁵ Древнетюркское слово «чадыр» — палатка, шалаш (Мелиоранский, 1900, Глоссарий).

уходили в тайгу вместе и затем расходились по своим участкам. Сезон охоты на соболя — осенний (последний) месяц, когда еще снежный покров неглубок. По глубокому снегу собака уже идти не может по следу зверя, проваливается. А на соболя охотятся с собакой. Хорошая охотничья собака ценилась дорого. За нее прежде давали верхового оленя или коня. Были собаки и на белку, на козлов, маралов и т.д., но на крупных зверей редко ходили с собакой. На соболя сетей не ставили [прим. 20]. Узнали от русских, но не заимствовали.

Летом на крупного зверя охотятся поодиночке. Из аала выезжали группой, но, доехав до гор, разбивались по разным склонам, распадкам. На марала охотились главным образом ранней весной, стремясь получить молодые рога, которые продавали русским и китайским купцам. Зимой били марала из-за мяса и шкуры. Охотились по следу. Загонов на маралов не делали, так как чиновники и духовенство запрещали этот способ охоты. Живьем маралов тувинцы не ловили. Существовало представление, что марала нельзя добывать живым, счастье в охоте навсегда покинет того, кто это сделает. Это представление вполне естественно. Вспомним образ тайги (фольклор). Золотисто-желтый марал с ветвистыми, как деревья, рогами; упомянем и о роли марала в шаманстве охотничьих групп тувинцев, где шаманский бубен обшивается шкурой марала, маралухи и осознается как живой марал.

Обращение к бубну шамана:

«Внемли, внемли, мой конь-маралуха!

Окрашенный бубен, стоящий в переднем углу!

Мои верховые животные — марал и маралуха!

Кнут мой — змея-медянка!» (Катанов, 1907, с. 47)¹⁷⁶.

Однако с появлением русских промышленников, которые стали развивать мараловодство, некоторые тувинцы преодолели существовавшие запреты, ловили и отдавали русским крестьянам и промышленникам живых маралов.

Осенью, когда мужчины уходили на промысел белки, соболя в тайгу, женщины, дети и старики должны были откочевать к местам зимовок. Туда возвращались мужчины-охотники. Места зимовок были одни и те же из года в год для каждой семьи. Меняли их лишь в случае неудачи в промысле. В таком случае обращались к шаману, и он указывал новые пути кочевок, места для зимовья. Вместо того чтобы охотникам самим производить разведку концентрации белки перед промыслом (как это делали перед охотой на соболя), приглашали шамана, и он камлал и указывал, где будет зверь, ждет ли удача каждого охотника. То же делали и ламы. Перед промыслом ружья, луки «очищали», то есть окуривали дымом, сжигаемого

¹⁷⁶ Сообщил тувинец рода Тонгак.

артыша. Окуривание от шаманов переняли и ламы. Если первые дни на промысле удачи не было, опять обращались к шаману, и он камлал (без костюма и без бубна), вновь окуривались ружья, луки и стрелы. Если шаман предсказывал неудачу на промысле, то его просили отогнать несчастье. За это шаман сам назначал плату. То же делали и ламы. В первый день охоты на белку, если промысел был удачным, вечером, собравшись вместе, артельщики производили обряд сжигания артыша («саң салыр») и вешали на живую (растущую) или срубленную лиственницу или березу белую тряпочку-ленту («джалама») ¹⁷⁷. Считалось, что этими мероприятиями охотники обеспечивают себе благорасположение хозяев леса, зверей, которые дадут им удачу в промысле.

В охоте восточных тувинцев (а также в меньшей степени и у других групп) сохранились моменты коллективного распределения результатов промысла, не только при облавах, загонах, о которых мы упоминали выше, но и при индивидуальной охоте. Всем тувинцам до сего времени памятен обычай «ужа ~ уджа». По сведениям от разных информаторов, содержание этого обычая варьирует. Это указывает на исчезновение этого древнего обычая, который должен был обеспечить средства к существованию не только тому, кто удачлив и способен к промыслу, но и тем, кто не промышляет или неудачно промышляет.

«Ужа» — это право на добычу. По словам стариков в Тодже и русских старожилов, также опытных охотников, всю жизнь промышлявших в горной тоджинской тайге, при белковке, например, отдавали по требованию-просьбе человеку, который оказывался рядом, лишь первого убитого зверька. Считалось, что сосед этот принес охотнику счастье. По «ужа», присутствующий рядом с охотником человек даже без просьбы мог взять убитого охотником зверя.

Ф.Я. Кон отмечает также, что этот обычай начинает исчезать. Но у тоджинцев в 1902 г. он был нерушим и применялся везде. «Если везде уджа применялся там, где главную роль играл не труд, а удача, случайность, то в Тодже такого разделения не было. Например, выслеживающий зверя охотник, при произнесении подошедшим «уджа», должен ему разрешить принять участие в охоте, и сам не может бросить охоту» (Кон, 1914, с. 2).

[Ф.Я.] Кон, как и другие исследователи, считает обычай «уджа» сохранившимся остатком первобытнообщинных отношений. Неудача в охоте могла обречь охотника на голод и смерть. Выделение части добычи на охоте подошедшему позволяло ему продолжить охоту, то есть [давало] возможность удачи.

¹⁷⁷ Ср. тот же обряд у селькупов, которые вешали на такие же деревья желтую или белую тряпочку, называемую «кӕсы» (подарок, жертва).

Существовал целый кодекс, различный в разных районах Тувы, кому в каких обстоятельствах сколько добычи нужно отдавать. Мы не будем останавливаться на этом подробно. Скажем лишь, что в восточных районах обычай «ужа ~ уджа» сохранялся дольше, а в центральных почти вовсе исчез из памяти. Это естественно потому, что тувинцы восточных районов жили основным промыслом охотой, дававшей случайный результат, а центральные группы скотоводов и земледельцев не зависели от охоты, которая являлась у них остатком древнего промысла, а впоследствии служила для оплат албана-налога, взимавшегося пушным ценным зверем.

Во всех районах Тувы у охотников (да и у всего населения) существовали для промысловых животных подставные названия. Это явление вытекало из представления о том, что настоящего имени зверя помянуть нельзя, так как он услышит и рассердится, а следовательно, промысел на него будет неудачным. Зверь к охотнику «не пойдет».

Подставные имена, которые употреблялись в обыденной речи (особенно в лесу на охоте), были следующие:

<i>Настоящее имя</i>	<i>Подставное имя</i>
Волк — бөрү	Кёккай — страшный Кёккарак — черноглазый [синеглазый] Кызылкарак — красноглазый Кёккай ашак — страшный старик
Соболь — киш	Алды Чараш аң — красивый зверь
Медведь — ирей* (самец)[?] адыг (самка)[?]	Хайерахан — грозный Чоорџаанныг — подобный одеялу [с одеялом] Можаалай — широколапый [прим. 21]

* «Ирей» — почтительное обращение к старикам, обычное обращение — «ашак» (старик).

Любопытно, что белка — основной объект промысла — подставного имени не имеет. Названия белки различны по диалектам — «тиң», «сырбык». В Тодже имеются оба названия.

На медведя специально тувинцы не охотились. Добывали при случае летом и зимой. Только тувинцы группы Соян специально ходят на медведя. Осенью охотники выслеживают места залегания зверя, отмечают берлоги и зимой ходят «поднимать» зверя. На добычу медведя из берлоги ходят группы охотников. Найдя берлогу, они отгребают снег и загораживают вход толстыми жердями накрест. Затем сверху раскапывают берлогу и будят медведя кольями. У загороженного входа оставляют стрелка с ружьем. Рассвирепевшего зверя бьют из ружья либо у входа, либо сверху. Шкуру получает тот, кто убил зверя, мясо делят поровну.

Обучение мальчиков промыслу и прежде, и теперь начинается рано. Уже с восьми лет отец или старшие в семье мужчины берут мальчика с собой на промысел. Постепенно его обучают повадкам зверя, распознаванию следов, приемам охоты, и уже лет с двенадцати мальчик самостоятельно начинает промысел белки и других зверей.

Пушного зверя в основном отдавали в уплату албана и подарки начальствующим лицам. [П.А.] Чихачев упоминает, что сойоны платили в Улясутай дань по 3 соболя или 30 штук белок, смотря по возрасту или положению плательщика. Платили восемью сортами пушнины — белкой, соболем, рысями, выдрами, барсами, волками, куницами, лисицами. По другим сведениям, албан платили девятью родами зверей — рысь, выдра, соболь, лисица, белка, куница, волк, росомаха, барс. Допускались замены соболя всеми другими перечисленными животными. В подать шел худший соболь (3 соболя или 120 белок). Лучший соболь стоил 60 белок.

Западные тувинцы для уплаты албана покупали пушнину у русских купцов, которые для этой цели привозили ее с Ирбитской ярмарки. В 1896 г. (за год до приезда в Туву П.Е. Островских) было ввезено в Туву 726 рысей, 179 выдр, 240 соболей, 20 бобров, 17 тыс. белок. Это произошло потому, что в уплату албана китайцы не брали шкур домашнего скота, в том числе и овчины. Говоря о торговле Урянхя, П.Е. Островских пишет, что были различные меновые эквиваленты на западе и востоке. На западе торговля шла на скот, так как пушнина была дорогая, а скот дешевый.

Для личного потребления населения белки и соболя шло очень мало. Немногие шкурки шли на опушку шапок. Иногда соболей давали в уплату калыма за невесту, изредка — шаману как плату за моление. Остальное продавали купцам китайским и впоследствии русским. Торговали в обмен на товары до последнего времени. На деньги в последние годы перед революцией белка, например, стоила 10 коп.

В Тере-хёле до революции пушнину продавали китайским купцам, приезжавшим в центр — п. Чиргаланды. Позднее здесь появился и русский купец. Китайские торговцы постоянно жили в поселке; русский купец приезжал весной, торговал и жил в палатке, а осенью уезжал. Товар продавали только на пушнину. За 1 кирпич чая брали 17 белок, за лошадь — 25 белок. Китайцы покупали и продавали тувинцам лошадей и другой скот. П.Е. Островских дает следующие эквиваленты на товары, продававшиеся русскими купцами тувинцам: фунт (400 г) пороху — 25 белок, конь — 200–300 белок, кремневое ружье — 200–250 белок, пуд свинца «малдырь» — 20 белок, чай 1 кирпич — 30 белок (китайский) и 20 белок (русский).

Любопытны стоимости различных шкур домашнего скота и пушного зверя, бытовавшие при обменной торговле.

На западе крупной единицей обмена была 1 овца = 10 белок = 1–1,5 руб. Более мелкая единица — овечья шкура = хорошей мерлушке. Овца стоила 3 мерлушки = 3 овчины. Хороший бык (коровий) = 10 овцам = 20 руб.

На востоке (Тоджа) основной единицей обмена была белка, которая стоила 10 коп. (на ярмарках — 25–30 коп.). Крупнее ее — козлиная шкура = 4–5 белкам, оленья шкура = 10 белок, соболь = 40–60 белок, медвежья шкура = 40 белок, лисья (белая) = 20 белок, красная = 30 белок, черная = 100–400 белок, бобр = 120–150 белок, выдра = 120 белок или 3 соболя, росомаха = 20–30 белок, кабарожья шкура = 1 белка.

На товары обменивали из расчета 20 белок — 1 руб.

1 кирпич чая — 35 белок, 20 фунтов (1 тулунка) муки — 15 белок, 1 котел муки — 8 белок, 1 куль муки — 150 белок, 1 папушка табаку — 3 белки, 1 салбак бязи — 4 белки, 1 салбак сукна — 50 белок, 1 лошадь — 200 белок, 1 «свинка» свинца — 600 белок, медвежья шкура — 20–40 белок, лисья шкура — 20 белок, бобер — 100 белок, куница — 10–30 белок (чем чернее, тем дороже), соболь — 60 белок¹⁷⁸.

Мы упоминали о мараловодстве, начатом русскими крестьянами и промышленниками в Урянхэе и Присаянье. Русские ловили маралов в тайге на северном и очень немного на южном склоне Саян. На северном Саяне [склоне] маралов ловили живьем маленькими телятами, а иногда и взрослых. Последних ловили зимой артелью. Ловили русские и тувинцы. На лыжах охотники гонялись по свежему следу животного (Ошурков, 1893; Шишкин, 1914). Артельщики припасы и даже одежду делили приблизительно поровну. Во время погони устающие несли груз, а более сильные налегке гоняли зверя до его утомления. Ловили арканом и отводили в деревни. Зверя брал тот, у кого имелся маральник, остальные получали свою долю деньгами. На южных склонах Саян делали ловушки-ямы [прим. 22]. В 1892 г., по сведениям [В.А.] Ошуркова, общее количество маралов как в Усинских селениях (в загородках), так и вне селений достигало 50 голов. М.[И.] Скобеев считает, что мараловодству в Усинском пограничном округе и смежном с ним Урянхайском крае положено начало около 1898–1899 гг. старообрядцами, выходцами из России (Вавилины, Брагины и др.) (Скобеев, 1925). Сначала все они проживали в Усинском округе и впоследствии переехали в Урянхайский край, «в более обширные и удобные долины Уюка и Турана». Эти семьи столь успешно занимались мараловодством, что от них переняли это занятие многие русские крестьяне.

К 1904 г. было уже 25–30 хозяйств, занимавшихся мараловодством, которые имели поголовье 200 маралов. К 1914 г. число мараловодов удвоилось, а поголовье маралов достигло 600 голов. Занимались этим делом и переселившиеся в Усинский край хакасы (в том числе Моховы, потомки

¹⁷⁸ Сообщено Н.Ф. Катанову тувинцем рода Кыргыс с Улуг-хема.

которых и сейчас живут в Туве в г. Шагонаре), имевшие в то время 30 голов маралов. В 1914 г. имелось 10–15 маральников по Усу и 30–35 — по Уюку, Турану, Уту, Сейбе. Почти все маралы содержались в загородках — «маральниках». Ухода за ними не было. Лишь зимой подкармливали их сеном. 1/5 часть всего поголовья находилась в поселках при дворах крестьян, и здесь круглый год маралов кормили хозяева. С началом Первой мировой войны поступление маралов из тайги почти прекратилось. Но в хозяйствах, где имелись маралухи (у Вавилиных, Бяковых и др.), поголовье росло. К 1918 г. оно увеличилось до 800 голов. Общий доход от продажи пантов в 1914 г. дошел до 50 тыс. руб., в 1918 г. — до 210 тыс. руб.¹⁷⁹

В период Гражданской войны на этой территории самые крупные маральники были либо уничтожены, либо сильно пострадали. Оторванность страны от России сказалась. Болезни, бескормица окончательно подорвали мараловодство. В Северном Саяне маралов мало, в Южном и в Танну-ола его трудно добывать. Летом маралы уходят в Монголию в Тесин-гольские заросли. Усиление налогов на русских мараловодов в Усинском крае заставило их распродать маралов Тувинской Народной Республике, где были лучшие условия для хозяйства.

В настоящее время организованы государственные маральники, где ведется хозяйство на научной основе. Введен ряд запретов на добычу маралов ружьями в Северных Саянах и т.п.

Пантами торговали главным образом с Монголией и Китаем. Спилку рогов производили поздней весной (в середине июня). Это было очень сложное дело, требовавшее силы и умения. На бегающее в загородке животное набрасывали на ногу петлю. Животное падало. При спилке рогов его держали 15–20 человек, так как вырвавшееся животное было очень опасно. Спилку производили примитивно, не соблюдая никаких гигиенических норм. Иногда не удавалось остановить кровотечение, и животное погибало от потери крови. Рога маралов достигали большого веса — в среднем 3,2–6,4 кг (иногда до 10,8 кг — [В.А.] Ошурков; 16 кг — Б.К. Шишкин). Увозили в Монголию в Улясутай сами или через своих же скупщиков. Иные везли на торговые фактории на Улуг-хеме.

С установлением в Туве народно-революционного правительства началась реорганизация охотничьего промысла. Усилившийся завоз товаров, в том числе боеприпасов и оружия, позволили лучше снабдить охотников техникой промысла. Тувинские охотники были избавлены от ростовщической торговли, закупка добытой ими пушнины постепенно переходила в руки государственных кооперативных торгово-заготовительных организаций, стремившихся к развитию промысла и повышению заработка охотников.

¹⁷⁹ 400 г сухих пантов тогда стоили 15 руб.

До середины 1930 г. заготовительные организации ТНР покупали у охотников соболей (1 сорт) по 40 акша. С 1936 г. по предложению Наркомата внешней торговли СССР охотникам-тувинцам стали платить за соболя 275 акша.

В настоящее время, как и все отрасли хозяйства, охота в колхозах ТАО проводится на более высоком организационном уровне, чем в прошлом. Для сохранения поголовья ценных животных, не только пушных, но и мясных, введены строгие сроки отстрела для каждого вида. Эти мероприятия без труда вошли в силу, так как тувинцы, как исконные охотники, берегут зверя, особенно восточные тувинцы. Они никогда не нарушают сроков отстрела. «Тувинец никогда не убьет самку лося, когда она с теленком. Не убьет без надобности большого зверя, если может удовольствоваться малым, если не может использовать всей продукции от большого¹⁸⁰. Никогда не вовремя не убьет белку или соболя, так же как никогда не сделает в тайге пожара», — говорят об охотниках русские старожилы и местные работники. Тайга и ее богатства долгое время были единственным домом и средством к жизни этих групп тувинцев. Из века в век не выходили они из своей тайги. Об этом упоминает еще и Рашид-ад-Дин. Они не понимали и пренебрежительно относились к скотоводам (как последние к бродячим охотникам, впрочем). И выход их из тайги в широкий мир произошел на наших глазах.

Промысел соболя производится строго по лицензиям, которые распределяет Райисполком. В колхозах правление лицензии на соболя дает лучшим охотникам. За превышение количества добытых соболей колхоз платит штраф. На промысел косуль и горного козла с 1 сентября дают охотникам билеты-разрешения на отстрел. При добыче этих зверей шкуры их охотник обязан сдать в заготовительные пункты. Маралов разрешается добывать только в Тодже; в Тере-хёле, и тувинцам это запрещено. Лося добывают везде, где он есть. Его мясо продают населению.

Охотники снабжены ружьями современного типа (на белку — мелкокалиберные и дробовики). По мере распространения ружей совершенного типа старые кремневые и пистонные ружья у населения отбирались сельсовета. В настоящее время охота старыми кремневыми ружьями запрещена. Сельсоветы конфискуют такие ружья у населения.

В колхозах Восточной Тувы (в Тоджинском и бывшем Тере-хёльском районах) охотничий промысел обобществлен. В этих колхозах¹⁸¹ до последних лет (1955 г.) доход от охоты составляет более половины всего дохода.

¹⁸⁰ При удачной охоте на мясного зверя прежде, если была возможность, охотники на месте летом вялили мясо, сушили на местах стоянок, зимой подкапчивали и сушили над костром.

¹⁸¹ Речь идет о колхозах «1 Мая», «Советская Тува» (Тоджа), им. Хрущева (Тере-хёль).

Обобществление охотничьего промысла — очень сложное дело. Необходимо установить такие расценки, которые соответствовали бы квалификации охотника и стоимости добытой пушнины. Общее собрание колхозников устанавливает средние расценки трудодня охотника, полагая в основу имеющиеся расценки на пушнину с одной стороны и предполагаемый средний доход на 1 трудодень (от общего дохода колхоза) в данном году. Так, если охотник добыл среднего качества соболя ценою в 500 руб., а планируемый трудодень — 12 руб., то за соболя ему начисляется 40 с лишком трудодней и т.д. Нужно отметить, что в настоящем планировании комплексного хозяйства, как явление новое, особенно в отдаленных колхозах, страдает рядом недостатков. Недостаточно изучены более рентабельные отрасли для каждого конкретного колхоза, что для ТАО чрезвычайно важно по причине различия микроландшафтов даже в одном и том же районе. Поэтому, например, колхозы восточных областей ТАО получают от охоты (и рыбы) значительно меньше, чем это возможно. Координация сроков полевых работ с охотничьим сезоном недостаточно, и потому сроки охоты, рыбной ловли часто срываются. Так, в колхозе им. Хрущева установленные самими колхозниками планы охоты и рыбной ловли в 1953–1954 гг. были не выполнены. В 1953 г. планировалась добыча пушнины и рыбы на 255 тыс. руб., а выполнили на 181 тыс. руб. В 1954 г. планировали добычу пушнины на 200 тыс. руб., дали 135 тыс. руб., рыбы дали на 24 тыс. руб. вместо 50 тыс. руб. по плану.

Кроме недостатков в организации многоотраслевого хозяйства, в Терехоле существует досадное положение, сильно снижающее возможности охотпромысла. Дело в том, что с установлением государственной границы после присоединения ТАО к Советскому Союзу часть основных исконных охотничьих территорий группы Соян и других, а именно реки Пус, Шишхит и его верхние притоки, где издавна эти группы промыслили соболя и другого ценного зверя, отошли к МНР. Представители группы Соян постоянно нарушают границу, уходя на промысел в свои исконные территории. Любопытно, что и монголы не считают себя хозяевами этих мест, с опаской ходят здесь и уходят, если встречаются Соян. У многих тувинцев этой группы (которые в то же время и оленеводы) в настоящее время родственники, дети часть оказалась «за границей», часть — в ТАО. Несомненно, что такое отделение исконных земель от ТАО неудачно, порождает массу излишних недоразумений.

Колхоз снабжает охотников боеприпасами, продуктами питания, палатками, средствами транспорта — оленями или лошадьми и даже производственной одеждой — ватник[ам]и, ватны[ми]е брюк[ам]и. В течение времени промысла охотникам нет нужды ездить в поселок и покупать припасы, сдавать пушнину. Члены правления колхоза, депутаты сельсовета постоянно навещают отдельные звенья охотничьей бригады. Магазины

сельпо доставляют продукты и боеприпасы. На месте сбора звена ставится палатка из брезента или далембы. Костер разводят перед входом в палатку. Оленей дают не всем охотникам, так как поголовье еще невелико. Дается по 2 оленя на смену. Колхозники обязуются сдать после промысла оленей в хорошем состоянии. Те, кто имеет своих оленей, едут на них, получают за это от колхоза плату.

В последние годы в Тоджинском (в основном) и в других районах проводится работа по разведению новых ценных пород пушного зверя. Тоджинский район имеет единственную в Восточной Сибири колонию бобров, живущих в естественных условиях. Когда-то ареал распространения этого ценного зверя был очень велик. В XIV–XVI вв. бобров можно было встретить почти во всей лесной полосе России. Хищническое истребление их охотниками привело за это время почти к полному уничтожению этого зверя. К 1917 г. бобры сохранялись лишь в отдельных местах в Белоруссии, Украине, Смоленской, Воронежской и Тюменской областях, а также и в Тувинской области. К 1930 г. в СССР количество бобров составляло стадо в 800–900 голов. Советское правительство предприняло ряд мер по сохранению и разведению этого ценного зверя. За тувинским бобровым питомником с 1949 г. было установлено наблюдение. Оно показало: в верхнем течении р. Азас (Тоджа) проживала колония бобров из четырех семейств, всего 25 голов. Ввиду того что скрещивание бобров узкородственное, здесь в течение длительного времени прироста поголовья не было. По словам стариков-тоджинцев, еще в конце XIX в. бобров промышляли на р. Сыстыг-хем. Чтобы сохранить колонию, увеличить число бобров и тем обеспечить их дальнейшее размножение, решено было завезти партию зверей из Белоруссии.

Из Минской области клетки с ценными пассажирами везли по железной дороге, затем на самолетах и в сентябре 1953 г. самолеты приземлились в Тодже у р. Азас. Здесь клетки с бобрами перегрузили на лодки и повезли к местам их будущего жительства. Бобров не сразу выпустили на волю. Охотоведы подготовили для каждой пары гнездо, корм. Зверей окольцевали. Выпущено было 40 голов. Через 2–3 дня, освоившись с новой обстановкой, бобры занялись своим делом — устройством нор на зиму и т.п.¹⁸² Тувинское областное охотуправление запретило по р. Азас промысел рыбы и охоту. Организованы бригады охотников для уничтожения злейших врагов бобра — рысей, волков, росомах. Установлена постоянная охрана и наблюдение за колонией.

Колхозы Тувы год от года увеличивают добычу «мягкого золота». Охотничий промысел, так же как и другие отрасли коллективного хозяйства, реорганизуется. Так, в Тоджинских колхозах, где доход от охоты является

¹⁸² Статья В.И. Глазкова в «Тувинской правде» от 20 октября 1953 г.

основным, многое делается для улучшения организации промысла. Перед охотничьим сезоном колхозниками проводятся разведки в тайге. Разведки необходимы, потому что часто независимо от урожая шишки белка осенью мигрирует по неизвестным причинам. Уточняются места концентрации зверя — соболя и белки. Определяются районы промысла каждого охотничьего звена. На ряде совещаний, на слете передовиков-охотников, проводящемся ежегодно перед самым выходом охотников в тайгу, охотники получают инструктаж специалистов-охотоведов по усовершенствованию методов охоты и съемки и сохранения шкур. На слете охотники берут групповые и индивидуальные обязательства, заключают договоры на социалистическое соревнование с бригадой другого колхоза своего района, с охотниками Тере-хёля. Так, на слете 1953 г. тоджинские охотники взяли обязательство выполнить план по добыче пушнины на 105 %, то есть на 1 млн 50 тыс. руб.

Лучшие охотники Области («улуг-анжы ~ анчы») — т[оварищи] Ак Мырла (колхоз «1 Мая»), Серен Тажи (того же колхоза), Чобунга, Куку, Канбажык (колхоз «Советская Тува») — взяли повышенные обязательства. Т[оварищ] Ак Мырла, прославленный охотник Области, руководитель охотничьего звена, промышленяющего по тайге на р. Хамсара, обязался добыть со своим звеном 100 соболей, 2,5 тыс. белок, 4 медведей, 5 рысей, 3 росомах и 8 волков, всего на сумму 100 тыс. руб. Всего колхоз «1 Мая» обязался добыть пушнины на ½ млн руб. Колхозники второго тоджинского колхоза обязались добыть «мягкого золота» на сумму не менее чем 300 тыс. руб.

В сезон 1953–1954 гг. на охоту вышли 250 охотников в колхозе «1 Мая» и 100 охотников колхоза «Советская Тува». Из колхоза «1 Мая» 150 охотников ушли, имея с собой 200 верховых оленей и 50 собак. Оленей в колхозах еще недостаточно, чтобы обеспечить охотников. Охоту, где возможно, проводят пешком, на лыжах, конях. Специально обученных оленей берут лишь для продвижения в особо трудных местах. Бригады того и другого колхоза разбиты на звенья. В колхозе «1 Мая» 16 звеньев, каждое звено включает 15 человек. 8 звеньев промышленяют белку, другая половина — соболя. В колхозе «Советская Тува» звенья мельче, в каждом по 5 человек. Часть звеньев добывает белку, часть — соболя.

В соболиные звенья входят наиболее опытные охотники-старики. Руководитель охотничьего звена колхоза «Советская Тува» т[оварищ] Парраан-Кончук, 60 лет, обязался дать со своим звеном 15 соболей, 250 белок, кроме того, колонков, горностаев, медведя, зайцев. Его звено охотится по рекам Кадыр-суг и Серлиг-хем.

Активное участие в промысле принимают женщины-тувинки Тоджи. Районные организации неоднократно отмечали успехи в охотничьем промысле колхозницы Ак Скылай (колхоз «1 Мая»), награждая ее почетными грамотами и ценными подарками. Охотница хорошо использует новые для

Тоджи самоловные орудия. Она добывает капканами колонка. Осенью она охотится у берегов рек и озер, так как в это время колонок ходит на берег и острова за рыбой. Т[оварищ] Ак Скылай мастерски маскирует капканы и всегда получает добычу. Она также удачно добывает соболей, выкуривая их из нор с помощью факела. Немало и других женщин в охотничьих бригадах тоджинских колхозов, с успехом соревнующихся с опытными охотниками-мужчинами. Колхозница Б. Хуванова (колхоз «Советская Тува») пишет в областную газету «Тувинская правда»: «Охота — мое любимое дело. Каждый сезон я выхожу на промысел. Много белки добыла с тех пор, как был создан колхоз. Я отстреливаю по 35 белок в день. Убитую белку немедленно обрабатываю и просушиваю. В сезон 1953/54 гг. я обязалась добыть 600 белок, на 100 шт. больше, чем в прошлом году».

Опытные охотники, чуть не полвека промысляющие таежного зверя в Тодже, знают все повадки зверей, все тропы, перевалы, речки и болота этого трудного края. Они обучают молодых охотников знанию местности,



Рис. 6. Тувинец-охотник с собакой [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

приемам охоты. Особенно важно обучение промыслу на ценного, хитрого соболя. Ныне на соболя ходят с собаками. Собаки обнаруживают следы зверя и убежище, где мастерски умеет прятаться соболь. Старики учат правильному отстрелу соболя — только в голову, чтобы получить полноценную шкурку, а также приемам сдирания и первичной обработки шкурки.

В охотничьи бригады включены агитаторы, которые регулярно проводят в звеньях читки газет, беседы вечерами, когда звено отдыхает. Держат связь с колхозом. Таким образом, охотничьи бригады, оторванные на долгое время от поселка, все время находятся в курсе всех событий в стране и дел своего колхоза.

Охота дает колхозникам высокие заработки. Например, звеньевой охотничьей бригады колхоза «Советская Тува» т[оварищ] Параан Тажырган за 27 дней охоты в 1954 г. заработал 3 400 руб. Многие охотники получают за сезон по 5–8 тыс. руб. Колхозники полностью снабжаются продуктами питания и боеприпасами, которые по мере надобности привозятся на места промысла.

Первый выход охотников состоится около 20 октября. Идут на белку и соболя. К этому времени шкурки этих зверей уже «вышли», то есть стали полноценными зимними. К 20 октября в колхозах Тоджи и Тере-хёля к поселкам подгоняют из оленеводческих бригад оленей для охотников.

Охотники проводят в тайге 20–25 дней. Ныне период пребывания в тайге увеличивается до 1,5 месяца. Такое продление стало возможным в связи с улучшением снабжения и быта охотников.

Рыболовство

О рыболовстве тувинцев в литературе имеются разноречивые сведения. Н.Ф. Катанов пишет, что большая часть тувинцев не ловит и не ест рыбы, так как считает ее «народом водяного духа» (Катанов, 1893, с. 519 и далее). П.Е. Островских говорит о населении Тоджи, что оно не ловит рыбу вовсе (Островских, 1899). Учитель [Н.П.] Венкель, бывший в Тодже в 1915 г. и проводивший впервые оспопрививание, пишет, что население Ак-сумо (Ак-Чооды) и Кара-Чоода, несмотря на множество рыбы на их территории, рыболовством не занималось (Отчет [Н.П.] Венкеля). Д. Каррутерс отмечает, что тоджинцы, будучи искусными охотниками и ловцами зверей, отнюдь не рыболовы. Обильные рыбные угодья, окружающие их становища, совершенно пренебрегаются и почти остаются неиспользованными «туземцами», «кроме небольшой части племени Тойи, которая даже носит специальное наименование «озерного» народа». Д. Каррутерс под «озерным народом» подразумевает население Кол-сумона, название которого монголы переводили термином «Нур-сумон», то есть озерный сумон («кол ~ хёль ~ нур» = озеро).

Далее он пишет, что рыболовством как промыслом урянхайцы никогда не занимались, хотя за последние годы некоторые наиболее предприимчивые из них приступили, наконец, к ловле рыбы из оз. Тойи-куль для продажи ее сибирским /то есть русским. — *Е.П./* переселенцам (Каррутерс, 1914, с. 242). Об этом более позднем товарном рыболовстве пишет и [А.П.] Ермолаев, посещавший Тоджу в 1915 г. Он указывает, что «туземцы занимаются рыбной ловлей и добывают до 1 500 пудов рыбы, которую продают русским» (Ермолаев, 1924). Б.К. Шишкин указывает, что употребление рыбной пищи у урянхайцев считается грехом (Шишкин, 1914, с. 101). В действительности же едят всякую рыбу охотно, кроме налима, то есть о нем существует предание, что в прошлом он был женщиной, которая утонула. Полковник [Н.П.] Бобырь (1887) в отчете на общем собрании ИРГО (1888) сообщал, что тоджинские урянхайцы рыбу не ловят, несмотря на то что русские там же ловят ее успешно. Уже в 1867 г. на Пий-хем приходили из Минусинска 7 русских рыболовецких артелей-ватаг в 50 человек и добыли 2 тыс. пудов рыбы (Бобырь, 1888).

Материалы наших поездок дают также разные сведения по отдельным районам Тувы. Вывод таков: нельзя утверждать, что население Тувы вообще не занималось рыбной ловлей и не потребляло в пищу рыбу, нельзя утверждать, что все население Тоджи не употребляло рыбу. Далее необходимо разделить вопрос об активном лове рыбы населением в разные периоды и вопрос о потреблении рыбы в пищу. Во всех территориях [На всей территории] Тувы, где имелись рыболовецкие угодья, реки, богатые рыбой (особенно восток Тувы), тувинцы рыбу ловили и ели. Более того, имелись группы тувинцев, специализировавшиеся на этом промысле. Это группа Балыкчы — «рыболовы», в основном проживавшая на востоке Тувы в Тодже и верховьях Каа-хема и на юго-востоке (в бассейне Тере-хөля, Балыктыг-хем). Группа эта подразделялась на Сугдэ Балыкчы (речные рыболовы), Хөлдэ Балыкчы (озерные рыболовы) и Тагдэ Балыкчы (горные рыболовы). Кроме этого «географического» разделения, группа делилась на Сарыг Балыкчы (желтые рыболовы) и Адыг Балыкчы (старшие рыболовы). Эти группы входили в большую группу Соян. Старики тувинцы Соян разъясняли, что Балыкчы — это Сояны. Адыг Балыкчы — это Ак Соян («ак = адыг» — старший) и Сарыг Балыкчы — это Сарыг Соян.

«Балыкчы» их называют потому, что в отличие от других групп Соян-оленеводов, потеряв в свое время оленей, они стали заниматься рыболовством и охотой, поэтому селились они около рыбоугодий¹⁸³. Эти показания подтверждаются расселением этих групп. Территория расселения Сарыг Соянов (верховье Каа-хема, верхние притоки Пелим, Шишхит и др.) — это территория расселения Сарыг-Балыкчы. Кроме этих групп тувинцев-ры-

¹⁸³ Информатор — Чөнжур Шёнжю Тоджю-Соян и др.

боловов, многие другие группы занимались активной рыбной ловлей, употребляя при этом различные рыболовные орудия и ловушки. Необходимо отметить, что некоторые группы тувинцев стали ловить рыбу под влиянием русских рыбаков, и сначала продавали рыбу, а впоследствии стали потреблять ее в пищу. Это группы, о которых мы упоминали выше, цитируя работы исследователей Тоджи. К этим же группам следует отнести и группы тувинцев центральных районов, живших по Улуг-хему. Однако несомненно, целый ряд групп тувинцев, кроме упомянутых выше Балыкчы, занимался издавна рыболовством. По-видимому, все группы охотников Тоджи, Тере-хөля, Бай-тайги. Совсем не рыбачили тувинцы южных районов, считавшие, подобно монголам, употребление рыбы в пищу «грехом», а рыбу — «нечистым червем» («курт»). Однако и эти группы (подобно монголам опять же) рыбу, выброшенную на берег разливами рек, озер, подбирали и ели. [Д.А.] Клеменц в работе о путешествии Чань-Чуня пишет о том, что «монголы в настоящее время считают великим грехом ловить рыбу. Откуда вышел этот предрассудок трудно объяснить. Религия тут не при чем, так как тибетцы, строгие ламаисты, не брезгают рыбой. Еще в 1221 г. монголы собирали рыбу, выбрасываемую штормами из оз. Кулун-нур (Далай-Нур) (Клеменц, 1909, с. 448).

Тувинцы Эрзина рассказали нам, что они кочевали прежде по р. Тесь до оз. Упса. Рыбу они не ловили. Но когда шторм на оз. Упса запирает вход в озеро водам р. Теси и последняя разливалась по окрестной степи, выбрасывая в степь рыбу, то после спада воды, тувинцы собирали выброшенную рыбу и ели. То же сообщали нам и русские сторожилы в Танде. Тувинцы сами прежде рыбу не ловили, но иногда русские рыбаки приносили тувинцам рыбу в подарок, они ели ее с охотой. Сами «кое-кто» собирали выброшенную бурей на берег оз. Чагатай рыбу и ели. Существование временной частной собственности на рыболовные угодья («нюрэ») говорит о бытовании у тувинцев рыболовства как постоянного промысла. По-видимому, положение с этим промыслом было таково, что бедняцкая часть населения, независимо от того охотники или скотоводы, в исключительных случаях в периоды отсутствия других продуктов питания употребляла рыбу в пищу, даже если и не умела ее активно добывать.

Существование групп активных рыболовов подтверждается существованием различных орудий лова, как примитивных, так и достаточно высоких по технике устройства. Имелись сети «энчи» и другие¹⁸⁴, плетеные ловушки «суген» (Тоджа), «бара» (южные и центральные районы), своеобразные удочки, петли на рыбу. Бытовал также ночной способ добычи рыбы при свете факелов острой. Часто, однако, в устьях рек и проток ловили

¹⁸⁴ Промысел сетями называется «холден-хемден энчибиле балыктары» — «озерный, речной с сетью лов рыбы».

рыбу руками. Интересен факт, о котором упоминают почти все авторы, писавшие о тувинцах, а именно при наличии на территории Тувы развитой водной сети, большого количества озер, при наличии рыбного промысла тувинцы не имели лодки. Д. Каррутерс по этому поводу пишет о тоджинцах и других группах тувинцев: «...равнодушием к рыболовству, по всей вероятности, объясняется их полная непригодность к пользованию водой как транспортным средством... Характерно для этого народа, что, несмотря на обилие в стране озер и речек и вопреки постоянно ощущаемой потребности в пользовании водным транспортом, урянхайцы так и не сумели дойти до примитивного искусства постройки лодок» (Каррутерс, 1914). Единственным средством передвижения по воде был плот — «сал», приводимый в действие шестами — «шойгу», реже — особым веслом — «молдырь».



Рис. 7. Рыбак на «сале» [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

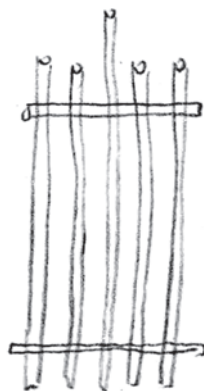


Рис. 8. «Сал» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

В центральные районы с середины прошлого [XIX] века была принесена лодка — долбленный челнок «хеме».

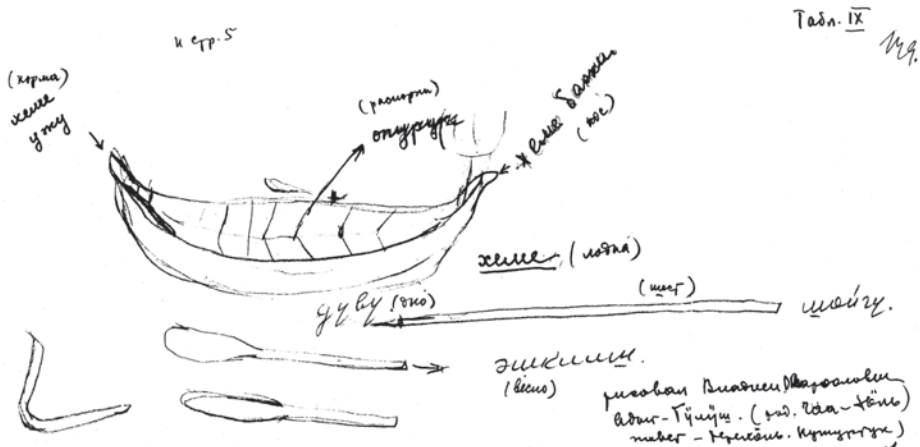


Рис. 9. «Хеме» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Нам представляется возможным появление долбленки в западных (по Хемчику) и центральных районах связать с алтайскими племенами — так называемыми тувинцами «тёлёками», приходившими на эти территории. Об этом свидетельствует термин для челнока — «хеме», имеющийся и в алтайских языках в форме «кеме» и являющийся однозначным с древнетюркским термином «гәми» (корабль, судно) (Мелиоранский, 1900, Глоссарий, 0110). На переправах через крупные водные артерии, пересекавшие традиционные пути из Тувы в Монголию (на р. Улуг-хеме и других реках), иногда устраивали своеобразные «паромы». Это были плоскодонные долбленные лодки (корытообразные). Иногда их спаривали по две вместе¹⁸⁵. Тувинцы знают лишь одну такую переправу через р. Улуг-хем (Салдам), несколько ниже слияния рек Пий-хем и Каа-хем, около фактории купца [Г.П.] Сафьянова. Тувинцы называют такие корытообразные лодки «аңгоча» и приписывают их монголам [прим. 23]. По-видимому, не без оснований. Свидетельство тому, что монголы употребляли подобные переправы, мы находим в дневнике капитана генерального штаба Иркутского военного округа [В.С.] Михеева при описании им переправы через р. Мурин (приток р. Селенги) (Михеев, 1910, с. 55). Он называет сооружение, на котором переправлялся «саликом». Однако из описания явствует, что речь идет не о «сале», подобном тувинскому, а о сооружении, схожем с приведенным выше корытообразным «аңгоча». Старый монгол погрузил капитана

¹⁸⁵ Модели таких «аңгоча» привезены Ф.Я. Коном из Улуг-хемского Салдама в ГМЭ и МАЭ.

[В.С.] Михеева на сооружение из двух выдолбленных бревен, длиной до 4 сажен, «связанных между собой пажилнами»; то есть мы имеем здесь те же спаренные долбленные корытообразные «лодки», о которых упоминали тувинцы на Улуг-хеме. Сам термин «аңгоча» распространен не только в тюркских (якутская дощатая лодка — «онгочо», сообщение А.А. Попова), но и в тунгусских языках; он не является монгольским термином, а, по видимому, древнетюркским.

Обычный плот «сал ~ салик» на двух человек делали из пяти бревен. На большие плоты шло соответственно большее количество бревен, но всегда нечетное число. Дерево выбирали сухое, если такового не оказывалось поблизости, рубили, какое было под рукой. Среднее бревно рубили длиннее остальных. Скрепляли бревна на концах, несколько отступая от края, двумя поперечными более тонкими бревнами. Их вкладывали в неглубокие затесы на длинных бревнах и перевязывали веревками, свитыми из конского волоса или ремнями из лосиных (лошадиных) шкур. Если ни того, ни другого не имелось, то связывали тонкими молодыми березками или лиственницами. Их срубали, очищали от веток, распаривали над костром.

Бревна скрепляли не вплотную друг к другу. Делали плоты и из трех небольших бревен (на одного человека). На таком «салике» можно спустаться по течению любой мелкой горной речки или переправиться через нее, плавать по озеру и т.п. Но подниматься вверх по течению было очень трудно (и это почти не практиковали). Обычно спустившись по течению до намеченного пункта на реке, «сал» бросали, а обратный путь вверх по течению проделывали пеше либо на конях.

Реки Тувы в огромном [подавляющем] большинстве имеют горный характер, с быстрым течением, обилием шивер, порогов и к тому же мелководны. Не только на «салике», но и на современных моторных лодках подъем вверх по течению почти невозможен. В последние годы из Областного центра по р. Пий-хем к районному центру Тоджи — п. Тоора-хем — с большим трудом добираются моторные лодки геолого-разведочных партий. Обычно переправлялись на «сале» при помощи шестов. Отправляясь в далекий путь, делали гребь «молдырь» своеобразной формы.

Способ гребли был соответствующий: гребью воду загребали к плоту или отгребали, отталкивая ее от плота. Обычно один человек стоял впереди с шестом, второй — сзади с гребью. О переправах на плотях упоминают почти все авторы работ по Туве, так как в той или иной мере каждому пришлось пользоваться этим своеобразным водным транспортом. Часто при переправах на «сале» тувинцы пользовались буксиром — лошадью. Вот как описывает переправу Д. Каррутерс: «Лошадь свободна от сбруи. Веревка одним концом привязана к плоту. На хвост лошади привязана петля, через которую пропускают веревку от плота. Ее свободный конец держит



Рис. 10. «Молдырь» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

плотовщик. Если лошади грозит опасность, веревку отпускают, и лошадь освобождается. Погоняют при этом лошадь урянхайцы посредством вожжи, прикрепленной к длинному шесту» (Каррутерс, 1914). [М.И.] Райков и П.[Е.] Островских так переправлялись через Хамсару («по саянскому способу на «саликах»»). При этом они описывают еще способ переправы: «Саянцы сами плывут впереди, держась за хвост лошади, и тянут за собой салик с грузом» (Райков, 1898).

Тувинский отряд Саяно-Алтайской экспедиции также на «сале» проделал путь от п. Тоора-хем до п. Сыстыг-хем (80 км).

Без груза урянхайцы переправляются через реки либо на коне вброд, либо если река большая, то вплавь, плывя рядом с лошадью, держась за гриву или за спину и управляя ею в то же время. Тувинцы западных районов (Бай-тайга) не делали даже и «салов». Переправлялись через реки лишь вплавь и вброд с конем¹⁸⁶.

Лодок в Туве¹⁸⁷, особенно в восточных районах, до недавнего времени было очень мало. В Тодже, например, в 1952 г. их было около десятка, а в двух колхозах — по одной лодке. Сами тувинцы здесь лодок не делают; все лодки сделаны русскими старожилами. В районе оз. Тере-холь в 1955 г. не имелось ни одной лодки. На Улуг-хеме и Кемчике тувинцы сами делали лодки уже в начале XX в.

Лодки долбили из тополя, осины (в восточных районах, где тополя мало) и реже — из лиственницы. Внутренность ствола выдалбливали особым выгнутым топором — теслом. Посредине дна вдоль всей лодки оставляли утолщение-валик, в котором вырезали гнезда для укрепления распорок. После долбления лодку распаривали и распяливали. Средняя (на двух человек) лодка имела ширину 60–70 см. На всю длину делали 6 распорок, которые выстругали из березы. Корму и нос делали острыми. Борты вырезали плавной, изогнутой линией.

¹⁸⁶ Терминология частей лодки: дно — «дуву»; нос — «хеме бажи», корма — «хеме ужу»; распорки — «опурук».

¹⁸⁷ Припевки, записанные Н.Ф. Катановым на Улуг-хеме:

— Как переплывают р. Терек-суг (правый приток р. Уса)?

— Переплывают ее на тополевых плотиках.

— Как переплывают р. Кара-суг?

— Переплывают ее на березовых плотиках (Катанов, 1907, с. 20, № 17).



Рис. 11. Лодки-долбленки на берегу р. Хамсары (перевоз) [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой. Художница М.Н. Бутрова]

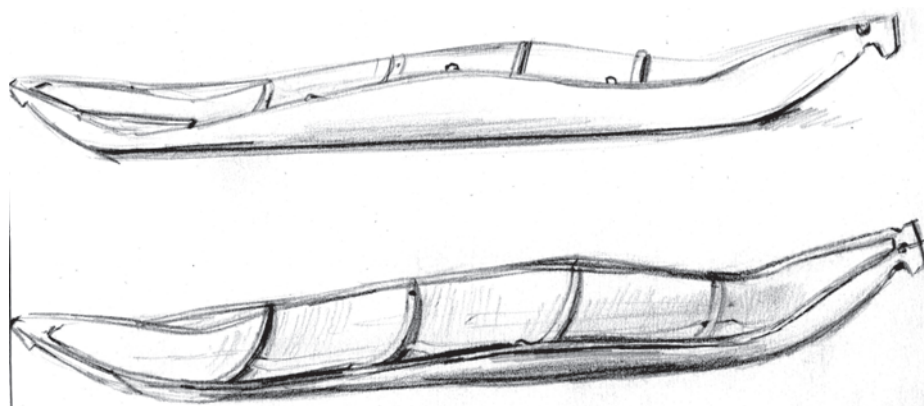


Рис. 12. Лодка [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой. Художница М.Н. Бутрова]

Плавали стоя в лодке, упиравсь в дно реки шестом («шойгу ~ сойгу»). До сего времени тувинцы помнят впечатление от первой лодки. Их пугала неустойчивость лодки, они боялись плавать в ней. Эта неприязнь и боязнь лодки живы и сейчас как на востоке, так еще более на западе Тувы.

Русские рыбаки приспособивали такую долбленку наподобие дощатой лодки. К бортам нашивали доски шириной до 17 см.

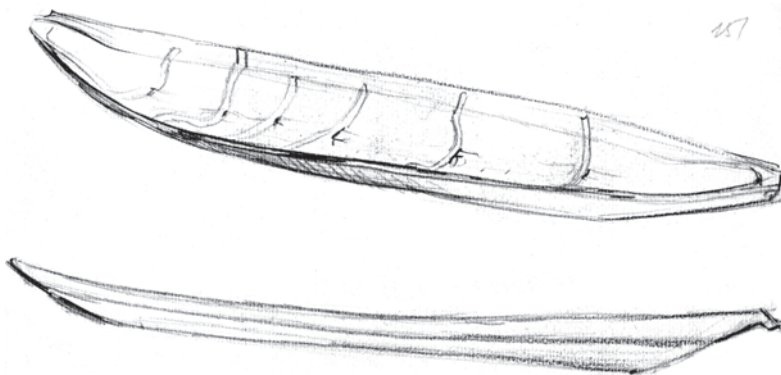


Рис. 13. Лодка [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой. Художница М.Н. Бутрова]

Перед второй от носа распоркой вставляли в особые гнезда борта-уключины. Между первой и второй распорками и на корме (для рулевого) делали скамейки. Ставили на лодку парус. Гребли настоящими веслами («курняк» — лопата — Тоджа, «эшкииш» — центральные районы).

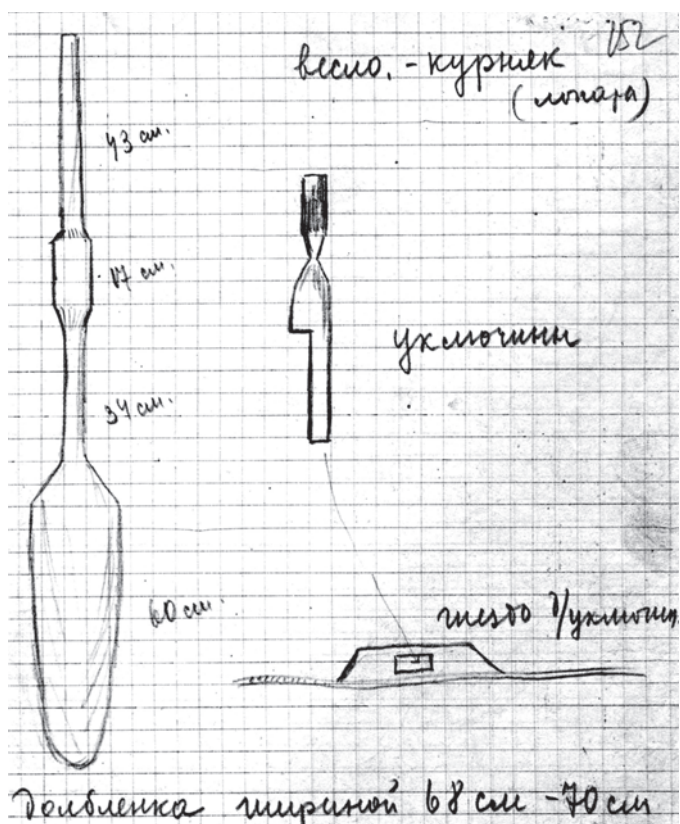


Рис. 14. Весло, уключина, гнездо [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

На Хемчике тувинцы, плавая на челноке, сначала управляли одним веслом с кормы и лишь позднее переняли от русских два весла. Лодки ни чем не украшали. В лодку обязательно брали шест. Иногда на шест надевали металлический острый наконечник. Шестом отталкивались в мелководье. Под парусами тувинцы никогда не ходили.



Рис. 15. Долбленка под парусом на оз. Азас. Тоджа, 1952
[фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

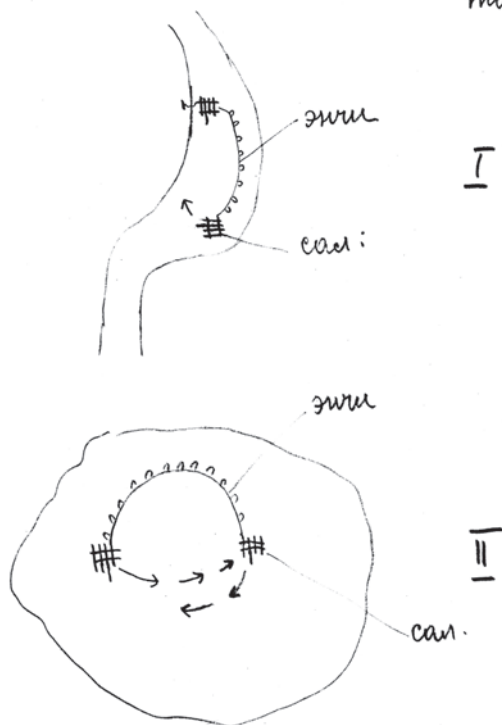
На реках, озерах промышляли рыбу сетями (общий термин «четкы») — «энчи ~ енжи» («текпэ», «эргишь» — М.Г. Левин). Сети плели из хвостового волоса коня, позднее — из веревок, которые красили в отваре ольховой коры в темный цвет, чтобы их было менее заметно в воде. Ячейки плели обычно в 5–6 см шириной. «Энчи» делали шириной 1 «кулаш» (1,5 м), длиной 10–12 м: «эргишь» — более длинные до 25 сажений (М.Г. Левин). К сетям прикрепляли деревянные поплавки «кагыткы» («калытке» — М.Г. Левин) и грузила «энчи таш» (из камня). Поплавки представляли собой деревянные пластинки ($\frac{1}{4}$ длины и 4 пальца толщины), обмотанные берестой. Грузила делали из обкатанной крупной гальки. Камни обвязывали корой тала (тальника) и им же привязывали к сети. По длинному краю сети продевали толстую веревку «кешты» из конского волоса. К углам сети привязывали веревки длиной в 5 кулаш (7,5 м).

Рыбную ловлю сетями производили коллективно небольшой группой. При ловле сетями «энчи» брали 3 сетки, связывали вместе в одно целое.

Ловили рыбу и в реках и в озерах. Промышляли на двух «салах». В реке на широком плесе плот отъезжал с сетью от берега. На плоту находился рыбак, конец сети наматывался ему на ногу. На берегу оставались 1 или 2 рыбака. Первый «сал» отъезжал, сеть разматывалась, стоящие на берегу ее расправляли. Затем с другим концом сети также грузились на «сал» и отъезжали к середине реки со спущенной в воду полукругом сетью. Через некоторое время оба «сала» подгребали к берегу. Выйдя на берег, рыбаки начинали выбирать сеть. Чтобы рыба не ушла, пока сеть вынимают, били по воде шестами между сетью и берегом. Также рыбачили и на озерах. Там оба «сала» расходились, забрасывали сети, после чего начинали сближение. Сомкнув концы сети, оба «сала» подгребали к берегу.

(На реках - озерах сетями ловили.)

Холден - холден эми - ние бамак -¹⁴³
тары



сар'и ведут шестами - сойлу.

Рис. 16. Схема рыбной ловли сетями на плотках
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

На мелкой воде рыбачат дальше от берега, на глубокой — ближе. Употреблялись ставные сети; плели их также из конского волоса 3 м шириной и 10–12 м длиной. Толстая веревка продевалась по обеим длинным сторонам сети. Как и на сеть «энчи», к ставной сети привязывали поплавки (несколько больших размеров, чем на сеть «энчи») и грузила. Ставили сеть следующим образом. В дно озера выткали одну-две жерди, выходявшие над водой на $\frac{1}{2}$ м, веревками (на углах сети) привязывали сети к жерди. Сеть ставят в 10–20 саженьях параллельно берегу. Ежедневно утром и вечером высматривают сеть, во время хода рыбы — чаще. Если улов удачен, то сеть оставляют на одном месте в течение нескольких дней. Сетями «энчи» и «эргиш» добывали в озерах и реках рыбу преимущественно весной. Осенью и понемногу в течение лета добывали удочками. Для крупной рыбы (щуки, тайменя) употребляли деревянный (из березы) крючок «хутпе».

М.Г. Левин дает материал об употреблении удочек: «Кое-кто удит удочками летом с леской из конского волоса длиной 10–15 сажень. На конец лески “хутпе па” /“хутпе паһ”. — Е.П./ привязывали железный или деревянный крючок (“хутпе”). Те и другие делали сами. Железные крючки делали не все, а лишь мастера. Ни поплавка, ни грузила не имелось. В дно озера (около берега) втыкают палку “хутпе серп” /“сыърп”. — Е.П./ и привязывают леску. Леску наворачивают на верхний конец жерди удочки. Если рыбак видит, что леска натянута, развернулась, значит, рыба есть. В озерах, заводях рыбак сразу ставит несколько удочек и время от времени проверяет их»¹⁸⁸.

Зимнего лова до прихода русских в Тодже не знали. В западных районах широко бытовал именно зимний подледный лов сетями. Для этого пробивали во льду длинные, узкие проруби, в которые и ставили сеть. «Зимой рыба идет к свету и воздуху. Ее легко ловить», — говорили тувинцы Бай-тайги (и ее легко сохранить в мороженом виде, добавим). В Тодже зимой ловили рыбу вышеописанными удочками. Такими же крючками ловили рыбу подо льдом. Делают прорубь и на тонкую, гибкую ветку привязывают на веревке или на леске из конского волоса крючок. Спускают так, чтобы ветка не касалась краев льда. Ветку с леской привязывают к рогулке, вбитой в лед. Крючок наживляют.

В восточных районах основные периоды лова сетями — третий весенний и первый осенний месяцы. На западе и летом производился сетевой лов. Так как на западе прежде ни лодок, ни «салов» не делали (и их нет и сейчас), то рыболовы завозили сети, сидя верхом на конях. Другие участники лова, пешие на берегу, набрав в полы халатов камни, кидали их в воду, загоняя этим рыбу в сети.

¹⁸⁸ Рукописные материалы экспедиции М.Г. Левина, 1926 г.

Подледный лов на крючки.

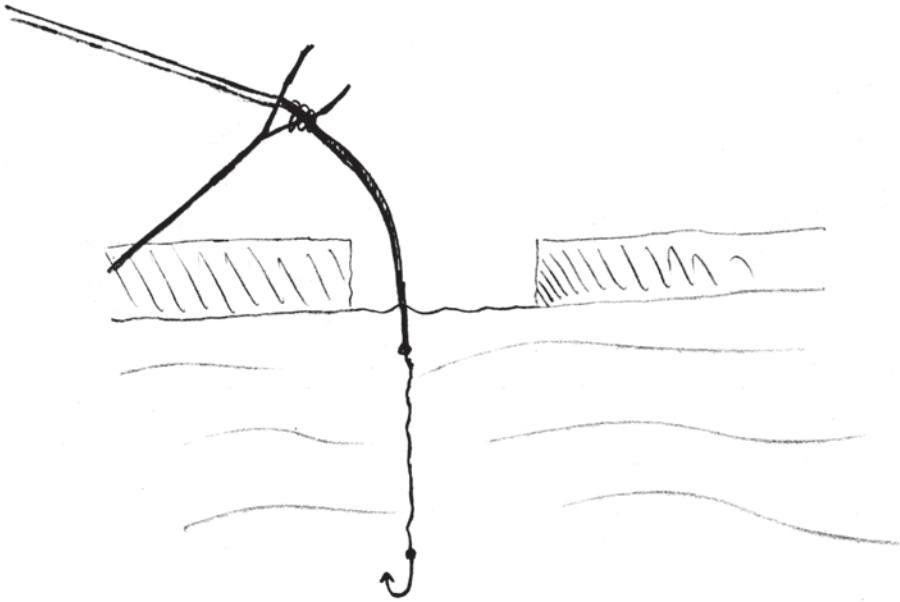


Рис. 17. Подледный лов [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Летом часто во время хода рыбы в устьях рек ловили рыбу просто руками. Это делали и в восточных районах, и свидетельствует этот факт лишь о неисчерпаемых, нетронутых богатствах тувинских водоемов.

В маленьких речках добывали рыбу с берега своеобразной острой «тырткы». Это орудие состояло из толстой, гибкой, длинной палки («тырткы сыразы»), более тонкой на верхнем конце, к которому привязывали железную трехзубую острогу («темир тырткы»). Палку окрашивали в темный цвет землей, чтобы «рыба не видела». На самый верхний конец палки привязывали длинную веревку «тырткы паабу» («хендыр»), которую свободно пропускали через петлю, закрепленную посередине палки. Веревка [по размеру] соответствовала [длине] (или была чуть длиннее) палки.

Рыболов устраивался на берегу, опуская палку в воду почти горизонтально. Когда рыба останавливалась между веревкой и палкой, рыбак натягивал веревку, этим пригибал верхний конец палки с трехзубцем, и последний вонзался в тело рыбы.

Ловили рыбу и петлями «тузак» в мелкой воде в маленьких речках. На один конец тонкой палки привязывали веревку, которую свободно пропускали через петлю, укрепленную несколько отступя от верхнего конца. На веревку сверху подвязывали большой грузик. Другой конец веревки

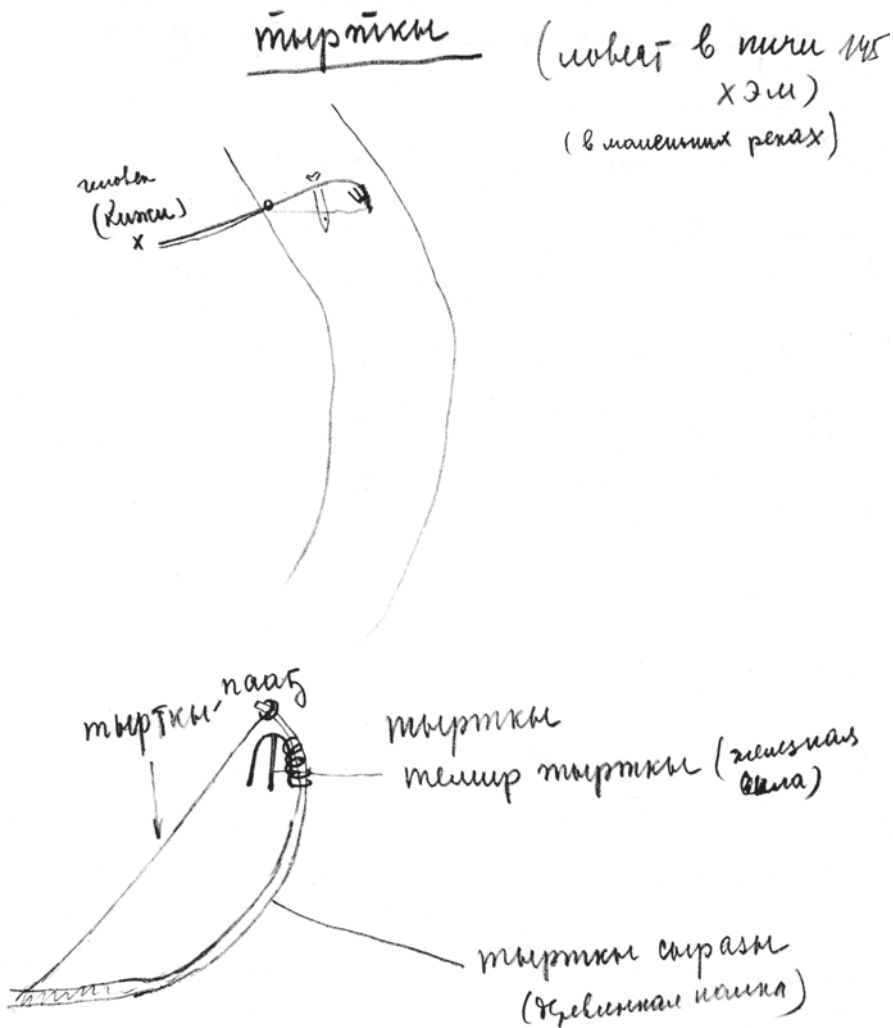


Рис. 18. Схема рыбной ловли багром [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

рыболов держал вместе с палкой. Рыболов с берега опускал в воду палку с веревкой, держа ее горизонтально. Грузик оттягивал веревку, и образовывалась петля. Рыбу, проходившую в эту петлю, ловец затягивал, дергая конец веревки. Такими же петлями ловили рыбу и западные тувинцы.

Прежде ловили рыбу запором, перегораживая реку, протоку землей и камнем («пал туглар»). В узком месте вбивали деревянные колья двойными частоколом (основа запора) и затем заваливали промежутки камнем и землей («няш» — дерево, «таш» — камни, «товурак» — глина). По струе (главной струе в реке) делали в запоре отверстие, в которое вставляли плетеную ловушку — «суген» (Тоджа), «бара» (на Хемчике).

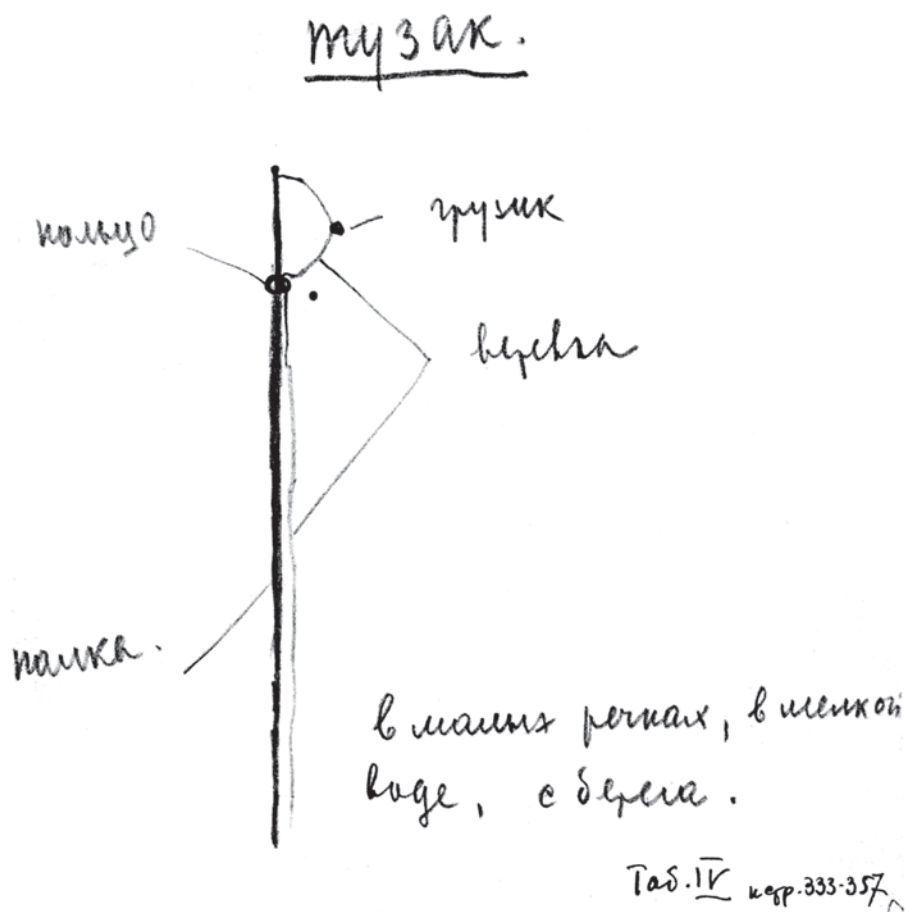


Рис. 19. Петля для рыбной ловли [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

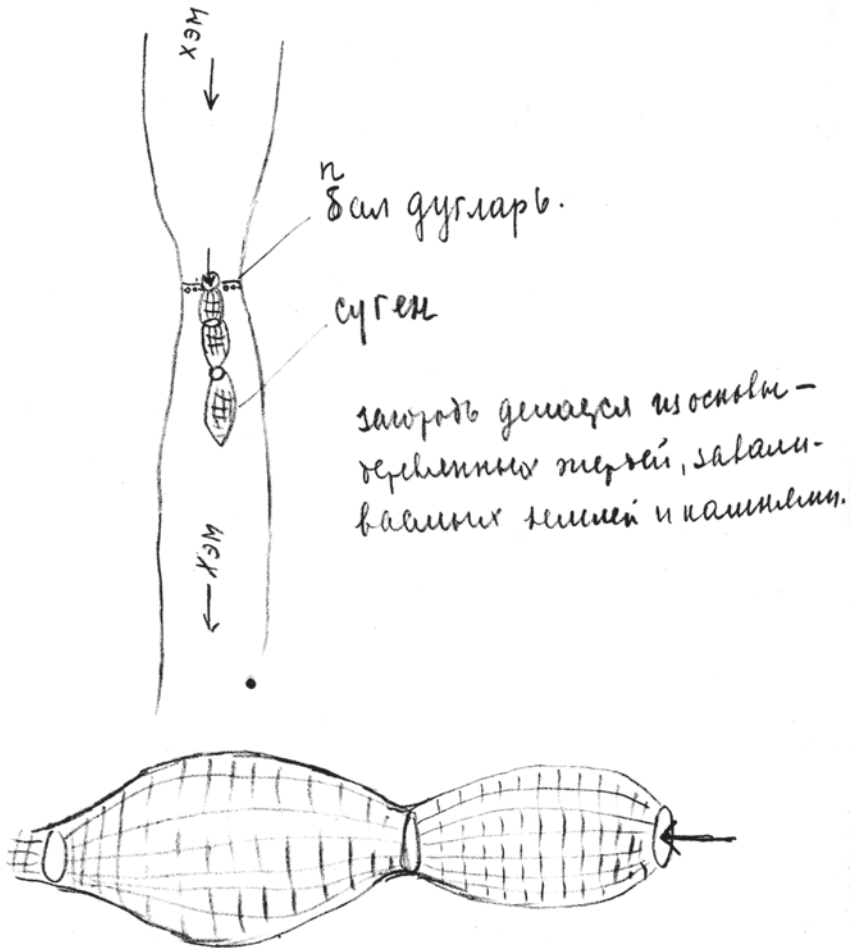
Ловушку плели из тонких прутьев тальника («хаак»). Именно из этого кустарника, так как его ветви темные и плохо видны в воде. Рыбаки делали запор сообща, группой и добытую рыбу делили поровну между собой (в том случае, если и «суген» общий).

Часто в небольших протоках ставили индивидуальные ловушки; эти места объявлялись «нюрэ» — временной собственностью того или иного рыбака. В настоящее время ловушки запрещены как хищнический способ добычи рыбы.

На Хемчике и в Тодже добывали рыбу с плота острогой «серээ» днем и ночью. На Хемчике при лучении рыбы ночью на носу лодки делали факел из бересты («от» — огонь, особого термина не было). Ночью рыба шла на свет факела. Днем лучили рыбу, идя пешком вдоль берега или плывя на «сале» (Тоджа) или лодке (запад) и высматривая рыбу, «играющую или

Бал дугларь

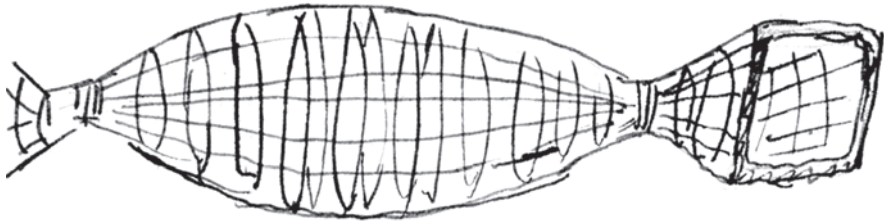
М



перёса из ташника, хаак (тонкие прутья).
 (ташник)
 Перёса через верху Берёга хаак - так как
 он в воде много

виден.
 способ плетения.

Рис. 20. Схема рыбной ловли ловушками [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]



«Бара» — плетеная ловушка для рыбы
Вл. Адыг-Тулұш — Чаа-Холь. 1955 г.

Рис. 21. Ловушка [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

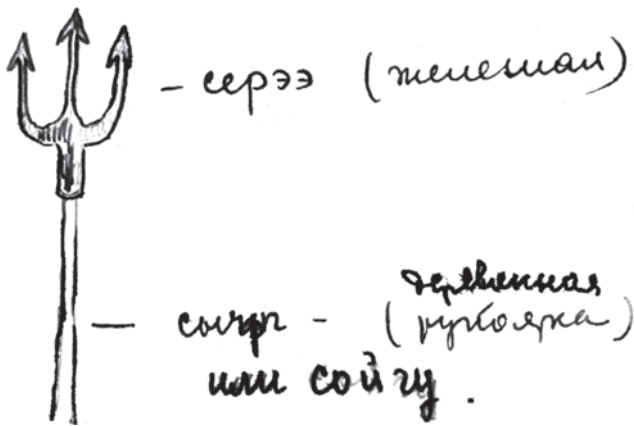


Рис. 22. Острога [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

спящую в траве». Большой частью так бьют шуку. Пешком (или на «сале») лучат в одиночку. Иногда рыбу бьют из ружей.

Олучении рыбы острогой и добычи ее при помощи ружья, или прежде лука, пишет в «Предварительном отчете» Ф.Я. Кон. Он говорит, что для рыбного промысла собиралась артель в три человека. При лучении рыбы или стрельбе из ружья и лука добыча делится не поровну: «Львиная доля достается владельцу лука или остроги». Он же упоминает о летнем лове рыбы без снастей. Если увидят большую стаю хариусов или крупную рыбу, то пять-шесть человек гонят ее на мелкое место и там таскают ее крючьями на палке (Кон, 1903, с. 64). За время нашего пребывания в Тодже был случай, когда тувинец, возвращавшийся домой из оленьей бригады, добыл в Хамсаре большого тайменя («пель») выстрелом из ружья [прим. 24].

Ловят всякую рыбу, запретов нет. Не ловят и не едят повсеместно налима («мезиль»). С ним связано предание. Однажды поссорились старик со старухой из-за табака. Старуха, рассердившись, с трубкой во рту ныр-

нула в воду и превратилась в налима (Катанов, 1907, с. 16, № 192 – Ойнхошун, с. 8, № 129 – Улуг-хем). С тех пор мясо налима едят лишь больные, как лекарство. В фольклоре рыбный промысел отражен слабо. Лишь в одной из сказок рыбы называются «народом водяного царя Суг-хана», который сзывает их на собрание («Хурал») и спрашивает у мудрого старого тайменя и налима совета. В торжественной клятве наряду с именами медведя, барса и т.д. участвует и имя налима.

Обычай дарения «ужа» распространялся и на рыбу. Если рыбачат несколько человек, то добычу делят поровну. Если посторонний присутствует при этом и скажет рыбакам — «ужа», то получает при этом рыбу всякий раз, как произнесет это слово. Вообще, если посторонний пришел к рыбакам, то он и без слова «ужа» получает от каждой сети. «Сами знаем, что это “ужа” пришел, и даем от каждой сети». Первый раз дают около $\frac{1}{3}$ добычи, повторно — меньше. Последнее время одному человеку по «ужа» стали давать лишь один раз. Если «ужа» ждут несколько человек, то кто им все отдает, кто делит поровну, включая себя. «Если народу много, то бывает, что рыбаку не останется что поесть». Прежде за то, что рыбак не дал по «ужа», судили чиновники и присуждали отдать значительно больше (И.Х. Скобеев, 1925; М.Г. Левин, 1926 [архивные материалы]).

Если тувинцы далеко не все и в незначительном количестве добывали рыбу, то русские крестьяне из близлежащих за Саянами селений задолго до начала переселения в Урянхай ездили, например, в Тоджу, Улуг-хем на рыбный промысел¹⁸⁹. Водоемы Тоджинского, Тере-хольского, Барыин-хемчикского и Бай-тайгинского и других районов могли бы дать ежегодно для Тувы свыше 150 т рыбы. Но растущее население городов Тувы до сего времени почти не имело рыбы. В Тодже, например, многие озера еще в конце XIX в. считались священными, рыбу в них ловить не разрешали ламы и чиновники. Русским рыбакам не позволялось и подходить к этим озерам. Таким озером было оз. Тоджи-куль, переименованное после революции в оз. Азас¹⁹⁰. Впервые оно было нанесено на карту ботаником [П.Н.] Крыловым. Это озеро тувинцы часто посещали для молений. [П.Н.] Крылов слышал на его берегах звуки шаманского бубна. На озере много островов, на которых имелись «обо ~ ова». Тоджи-куль и другие озера Тоджи (Ушпи-холь, Кадыш, Улуг-куль — Нойон-куль и др.) имеют громадные запасы рыбы. Оз. Нойон-куль (ныне Улуг-куль) — самое большое озеро в Тодже (длина до 60 км) дает начало своеобразной реке Ий, образующейся из целой цепи озер. Тувинцы отмечают ее своеобразие, не считают ее «реккой» и называют не Ий-хем, а Ий-суг¹⁹¹. Д. Каррутерс

¹⁸⁹ См. работы [В.А.] Ошуркова, [Г.П.] Сафьянова, [П.Е.] Островских и др.

¹⁹⁰ На карте [Л.Э.] Шварца это озеро называется Тодже-гом (Отчет [Н.П.] Бобыря).

¹⁹¹ В отличие маленькой речки Ий-хем выше устья р. Тоора-хем.

и [П.Н.] Крылов поминают, что и оз. Нойон-куль и р. Ий-суг тувинцы часто посещали весной и особенно осенью для рыбного промысла. Однако ловили рыбы очень мало.

Богаты рыбой и реки Тоджи — Пий-хем¹⁹², Хамсара, Сыстыг-хем и др., которые вместе с оз. Тоджи-куль наиболее доступны для промысла, так как добытую в них рыбу возможно экспортировать из района. Тогда как ряд богатых водоемов (как Нойон-куль) расположен среди труднодоступных горных хребтов. Русских крестьян, а затем и промышленников, как мы уже отмечали, давно привлекало это богатство Тоджи. Так, казак Садовский (впоследствии богатый купец, осевший в Тодже) еще в 1887 г. ловил в Тодже рыбу.

В 1897 г. сибирская рыбацья артель из шести человек попыталась подняться по р. Пий-хему выше устья р. Хамсары для промысла. Однако никакие просьбы перед начальством Тоджи не помогли. Хошунное правление не разрешило русским промыслять рыбу выше р. Толбул (15 км выше устья р. Тоора-хем). Им разрешили срубить лес¹⁹³ для плота и приказали выехать. Однако рыбаки тайком забросили два раза невод (в 60 саженой) и оба раза добыли до 30 пудов рыбы.

В дальнейшем тоджинское начальство отдало русским для промысла р. Хамсару, по настоянию казака-торговца Скобеева. Рыбу стали хищнически вылавливать запорами. На реке ставили по несколько запоров. Очень быстро промысел в этих «законных» местах лова упал. Вначале на реках Уюк и Ожу добывали по 300 пудов рыбы, а уже в 1897 г. — по 80 пудов. П.Е. Островских в работе «Значение Урянхайской земли» приводит данные о вылове рыбы русскими в конце XIX в. По его сведениям, примерно ежегодно крестьянами добывалось до 2 800 пудов рыбы, торговцами — до 1 тыс. пудов. В этой же работе подробно дана организация артелей русских рыбаков. С каждого артельщика собирались денежные, натурой (продукты питания), неводные (по 8–10 саженой невода) и товарные паи. Последние собирались для обменных операций с тувинцами.

В конце июля — начале августа артель на верховых лошадях отправлялась в верховья р. Амыла, переходила Саяны в систему притоков р. Сыстыг-хем. Иногда еще зимой рыбаки завозили невода и продукты на один из крайних приисков на Систиг-хеме. Летом по этой реке доезжали до устья ее большого притока р. Алгияк. Здесь делали плоты и плыли до устья р. Сыстыг-хем. Лошадей отправляли назад. Здесь у местных русских торговцев на тувинских нанятых лошадях ехали до р. Хамсары или еще

¹⁹² Отметим, что в Тодже сохранились еще в начале XX в. старинные звучания названий Пег-хем (Пий-хем), Тогра-хем (Тоора-хем), записанные П.Е. Островских и Д.А. Клеменцем в их работах.

¹⁹³ Лес также привлекал предприимчивых жителей Минусинской области. Приезжая в Тоджу, они рубили и сплавливали его из окрестностей р. Сыстыг-хем.

выше по Пий-хему¹⁹⁴. Рыбаки здесь же из тополя или осины делали челноки и ехали на промысел. Один оставался и делал из кедра и лиственницы бочки для засолки рыбы. Если нет знающего бондарное дело, то готовили из стволов деревьев долбленные колоды, в которых солили рыбу сразу, как ее привозили рыбаки. В половине сентября промысел кончали. Делали из елей большой одноставный плот (всегда из ели, как более мягкого дерева, замечает П.Е. Островских), очень прочный, так как впереди после р. Сейбы их ожидают большие Утинские пороги. На плот грузят бочки с рыбой, ягодами, собранными за это время силами рыбаков, везут соль, обмененную у тувинцев.

На кормовой части плота делают очаг, на нос грузят запасы древесины для изготовления бочек. Таких артелей наезжает немало.

В 1892 г. рыбачили в Тодже свыше 100 человек. Артели шли не только в Тоджу. На Улуг-хем шли артели раскольников из сел Усинских; обрусевшие «инородцы», то есть хакасы, койбалы и другие из д. Усть-Усинской (Островских, 1899, с. 348–350).

Западные территории Области (Бай-тайга) также имеют ряд больших и мелких озер и рек, богатых рыбой. В числе их оз. Чүглүг-холь, которое лишь после революции было включено в территорию Области, до этого находилось на алтайских землях, и на нем совместно промыслили и алтайцы, и тувинцы. Однако промысел был очень незначительным, так как в этих местах многие группы тувинцев вовсе не промыслили рыбу (например, все Тонгак) и также потому, что вывоз рыбы в силу географических условий отсюда затруднен (высокие, горные хребты).

Со времени организации ТНР республиканское правительство приняло ряд мер к охране рыбных богатств в республике и развитию рыбного промысла. Было повсеместно запрещено устройство рыболовных заповор; запрещен промысел рыбы во время икрометания и т.п. Были организованы кустарные артели рыбаков, в основном русских, имеющие целью не только развить промысел, но и втянуть в него тувинское население. Так, в Тодже с 1930–1934 гг. на оз. Тоджи-куль (Азас) был построен рыбацкий поселок, где промыслила артель кустпрома — русские рыбаки. В поселке было 30 дворов; имелась русская школа для детей рыбаков. В дальнейшем артель распалась, рыбаки выехали, и поселок опустел. Причиной этому была малая доходность артели. В 1940 г. вновь организовалась артель хошунного кооператива. Центр ее был в п. Салдам, где имелись мастерские по выделке тары (для засолки рыбы), сетей, снастей и т.п., в том числе

¹⁹⁴ Название одной из ветвей Енисея (Улуг-хема) в литературе различно — Бей-хем, Пий-хем, Пег-хем. Все названия правильны, и все означают «богатая река». Наиболее древним — является Пег-хем (Бег). Последующие — фонетические изменения слова (замена древнего г ~ j). См.: Рамстедт, 1909.

и челноков. Артель была русская. Впоследствии с 1949 г. рыбоугодья в Тодже были разделены между двумя организовавшимися в этот год колхозами — «1 Мая» и «Советская Тува». Вместе с артелями рыбаков районного потребительского общества колхозники стали промышленно ловить рыбу на отведенных им водоемах. Колхозные правления включают в свои производственные планы добычу рыбы. Однако первые годы колхозники слабо участвуют в выполнении планов по рыбодобыче и не выполняют их. На оз. Азас в 1952 г. работала русская артель Райпо. Здесь был организован заготовительный пункт. Русские старожилы, опытные рыбаки учили тувинцев-колхозников рыбной ловле, консервации рыбы, изготовлению орудий лова и лодок-челноков.

В 1953 г. здесь жили 6 семей рыбаков, в том числе две семьи тувинцев, обучавшихся промыслу. Семьи рыбаков на зиму поселились в добротные дома старой артели, тувинцы на лето выселялись в корьевые юрты тут же около домов. Тувинцы работали главным образом по обработке рыбы. Они солили, коптили рыбу под наблюдением русских рыбаков. Копчение рыбы — дело совсем новое для тувинцев, разрешающее в некоторой степени вопрос с перевозкой рыбы, значительно улучшающее качество консервированной рыбы. Для копчения рыбы устроены срубы наподобие черной бани, тут же, на берегу озера. Свежедобытую рыбу сначала раздвигали, чистили, вынимали хребет, солили и вешали на сутки вялиться. Затем на другие сутки слегка подвяленную рыбу развешивали на жерди в коптильню и под ней разводили огонь из тальника с примесью лиственничных опилок, гнилушек. Русские крестьяне коптят здесь рыбу в банях и считают лучшим топливом для этого лиственничные дрова и старые сосновые шишки. Коптится рыба под тщательным наблюдением рыбаков почти сутки. Копченую рыбу вывозят в п. Тоора-хем и в Областной центр — г. Кызыл — на самолетах. Население охотно покупает такую рыбу.

Однако копчение рыбы производится в небольшом количестве. В основном рыбу солят сухим засолом в бочках. На западе на оз. Чүглүг-хөль в 1953 г. также начали работать русские рыбаки Райпо, проводящие работу по обучению тувинцев рыбному промыслу.

На юго-востоке Тувы в бассейне верховьев Каа-хема, Балыктыг-хема и оз. Тере-хөля и др. колхозники артели им. Хрущева также планомерно развивают добычу рыбы. Здесь работают сами тувинцы, так как здесь издавна проживала группа, о которой мы говорили в начале, — группа Балыкчы-рыбаков. Колхозники не имеют лодок, плавают на плотках, добывая рыбу в основном на оз. Тере-хөль. Здесь же на озере рыбу солят, коптят и часть продают местному населению, часть переправляют на самолетах в центральные районы Тувы. Здесь колхоз получает значительный доход от рыболовства. Так, в 1953 г. запланирован был вылов рыбы на 35 тыс. руб., 1954 г. — 50 тыс. руб. Правда, планы эти были выполнены не в полном

объеме по причине неудовлетворительной организации промыслов. В последние годы с развитием воздушного транспорта перспективы рыбного промысла расширяются. Улучшается снабжение рыбаков орудиями лова, солью и т.п. Появилась возможность вывоза рыбы в свежем, мороженом виде в различные пункты Области, что стимулирует колхозников к занятию этим промыслом. Все шире растет потребление рыбы тувинцами, уходят в прошлое и представление о «грехе» потреблять рыбу.

Рыбу употребляли в пищу прежде лишь некоторые группы тувинцев, как мы говорили выше. Приготавливали ее и в вареном, и в жареном на рожнах виде. Бедняки варили из нее похлебку. Рыбу ели и женщины, и мужчины. Ели всякую рыбу без исключения (кроме налима). При приготовлении прежде рыбу не чистили, лишь выбрасывали внутренности (Шишкин, 1914). Реки и другие водоемы на север от Танну-ола очень богаты различными видами рыбы, реки и озера на юг от этого хребта поразительно бедны рыбой. Может быть, поэтому некоторые тувинцы не знают промысла и потребления рыбы, что они не являлись в прошлом жителями территорий на север от Танну-ола и являются [оказались] пришельцами на тувинской территории. Культура рыболовства тувинцев указывает на наличие в прошлом двух групп в составе народа. Группа, для которой рыболовство было исконным промыслом, и группа, не знавшая его. Первая группа имела соответствующую технику, выработала приемы лова, для нее рыба являлась одним из важных пищевых ресурсов. Другая группа не знала активного лова, рыбная пища потреблялась в исключительных неблагоприятных в пищевом отношении периодах и добывалась путем своеобразного собирательства. По-видимому, эти различия в культуре рыбного промысла отражают так же, как и другие элементы в культуре современных тувинцев, историю сложения этого народа. Группы, условно скажем, рыболовецкие с другой стороны имели несомненные общности в этом промысле с племенами охотников-рыболовов древнего самодийского населения Саянской территории (общие орудия лова, отчасти общая терминология) и с древнетюркскими (алтайскими) племенами. Группа, не знавшая рыболовства, по-видимому, имела общности в культуре с племенами южных степных кочевников-скотоводов.

Оленеводство

Вполне справедливо замечание П.Е. Островских в его работе «Оленные тувинцы» о том, что «такое в высшей степени интересное явление, как оленеводство, на южных склонах Саянского хребта совсем почти не отмечено в литературе» (Островских, 1927, с. 79). Еще ранее Д. Каррутерс, говоря о районе обитания оленных тувинцев — бассейне верховьев Енисея, заметил: «... из всех частей, которые мы проходили, последний район /то есть бассейн Верхнего Енисея. — *Е.П./* является единственным, о котором нам почти

не удалось отыскать даже скудных сведений в прошлом. Бесспорно то, что этот район оставался в совершенной неизвестности вплоть до 1860 г., когда новейшие путешественники открыли его» (Каррутерс, 1914). Однако этот же автор перечисляет все отдаленные сведения ранних путешественников и летописцев, которые можно считать относящимися к оленным тувинцам. Это Рашид-ад-Дин, Марко Поло, Вильям Рубрук, говорившие об оленеводческих племенах верховьев Енисея, Восточных Саян.

Оленеводством занималась незначительная часть тувинцев как в прошлом, так и в современности. В основном оленеводы проживали и проживают в горно-таежной области Восточной Тувы — в Тодже и Тере-хёле, на южных и западных склонах и отрогах Саянского хребта, на склонах хребта академика Обручева (водораздел между реками Пий-хем и Каа-хем).

Первые точные сведения об оленеводах Тоджи дали в конце XIX в. саянские экспедиции Иркутского военного округа. В 1887 г. экспедиция полковника [Н.П.] Бобыря пришла в Тоджу со стороны оз. Косогила (Бобырь, 1888, с. 72). В Тодже участники экспедиции встретили оленеводов, с которыми произвели обмен. Оленеводы дали экспедиции оленьё молоко и получили в обмен порох, спички и гвозди. В своем отчете автор говорит: «...оказалось, что эти оленеводы из трех подарков были знакомы с употреблением одного пороха». Теми же словами характеризовали нам свой прошлый быт в молодости старики-олeneководы в Тере-хёле. Они рассказывали, что ни спичек, ни даже гвоздей покупных они не знали. «Жили темными, сами придумывали, как ловить зверя» и т.д. Полковник [Н.П.] Бобырь сообщает сведения о составе населения Тоджи, о его занятиях. Он отмечает в Тодже группы Ак-Джот и Кара-Джот оленеводов и Тодот неолeneководов. Характеризуя эти группы, он пишет: «несравненно выше /группа тувинцев. — Е.П./ Тодот как в экономическом, так и в нравственном отношении, стоят урянхайцы костей Ак и Хара Джоты и Соины, живущие в Саянских горах вблизи нашей границы. Они исключительно оленеводы, так как глубокий снег в горах зимой препятствует разведению рогатого окота и лошадей. Некоторые из них имеют по 100 оленей».

По пути экспедиции полковника [Н.П.] Бобыря, но в обратном направлении, из Тоджи на р. Бирюсу, с гуртом скота для продажи на приисках, в 1890 г. прошел русский торговец Г.П. Сафьянов. Д.А. Клеменц, описывая путь Г.П. Сафьянова, упоминает об оленеводах Ак-Чоода в вершинах р. Чжебаша (Клеменц, 1890). Затем англичанин Д. Каррутерс, хотя и не первый, как пишет П.Е. Островских, был у оленеводов Тоджи, видел «огромные оленные стада этого оторванного от остального мира загадочного народа» и описал оленеводство тувинцев (Островских, 1927, с. 79–80). За ним исследователи повторяли (почти буквально) его материалы¹⁹⁵,

¹⁹⁵ П.Е. Островских, Г.Е. Грумм-Гржимайло и др.

не прибавляя ничего существенно нового. Д. Каррутерс со своими спутниками вышел в Тоджу по р. Амылу (как [М.А.] Кастрен и другие исследователи). На реках Сыстыг-хем, Чапсу, Ала-су (то есть в местности, именуемой тайгой Улуг-таг) он встретил оленеводов группы Ак-Чооду. Он отмечает, что это лишь небольшая часть племени Тойи /Тожи, Тоджи. — *Е.П./* и другого племени Марди /вероятно, Маады, подходившие к Улуг-тагу с запада. — *Е.П./*, занимавшихся оленеводством. Он предположил, пользуясь, вероятно, опросными данными, что часть племени Салжак в верховьях р. Каа-хема и, возможно, Оинов южных склонов Саян имеют оленей. Как увидим ниже, на указанных территориях действительно имеются оленеводы, но они не принадлежат ни к группе Салжак, ни к Оинам. Предположение Д. Каррутерса вытекало из наименования Салджак-Оинарского хошуна, включившего в себя указанные районы. Д. Каррутерс отметил, что оленеводы Тоджи более оседлы, чем скотоводы, которые кочуют не менее четырех раз в год. Оленеводы кочуют летом в горы, чтобы предохранить оленей от гнуса, зимой спускаются вниз в леса. Все потребности оленеводов удовлетворяются продукцией оленеводства (кроме бересты и кореньев), «от оленя, единственного животного, которое здесь может быть».

Д. Каррутерс отмечает, что пастухи не выпасают оленей: «...они / олени. — *Е.П./* нередко пропадают на несколько дней и подолгу не возвращаются к палаткам своих хозяев». Но все же обычно «с наступлением сумерек животные сами возвращаются с пастбищ не только в лагерь /то есть в аал. — *Е.П./*, но и к определенным палаткам своих хозяев». Автор отмечает заметную прирученность оленей, чему способствует кормление оленей солью вечером по приходе стада в аал. Кормят женщины; соль держат в кожаных мешочках. Важенки привлекают домой телята, которых, по словам автора, тувинки оставляют близ аала в течение всего дня привязанными под тенью деревьев или в особо сооруженных балаганах. Привязывают телят на веревки¹⁹⁶ к особым крючьям, врытым в землю рядами. Взрослые важенки вечером, найдя своих телят, ложатся с ними рядом. Автор отмечает в стадах оленей две породы — белых и серо-коричневых оленей. Белые крупнее и сильнее темных и ценятся дороже. Сотрудник Д. Каррутерса Миллер писал, что тоджинские олени «значительно больше и сильнее норвежских». Автор указывает, что тувинцы отмечают своих оленей по метам, которые делают, «прорезая отверстие в ушах оленя». Об оленьей упряжи сообщается очень скудно. Отмечается, что при езде верхом «никаких уздечек или недоузтков для управления животными — оленьями — тувинцы не знают; для этого служит попросту веревка. Подушка,

¹⁹⁶ Телят привязывают при помощи особого приспособления — «мюней», вырезанного из дерева или кости (Тоджа).

сделанная из грубо выдубленных шкур, деревянное седло и стремена обеспечивают туземцам некоторые удобства при езде верхом». Обычно Д. Каррутерс и его спутники предпочитали ездить вовсе без седел, настолько трудно оказалось для них усвоение тувинского оленьего верхового снаряжения.

О численности оленей Д. Каррутерс заявляет следующее: «...около стойбища Ала-су в 27 юрт находилось около 600 оленей» и делает вывод, что стада у тувинцев слишком велики для удовлетворения их малых потребностей. Однако оленеводы не [за]хотели продать ему ни одного оленя. Д. Каррутерс приводит сведения о спилке рогов оленям, о диких оленях. О последних он замечает, что, по словам тувинцев, при встрече с дикими домашние олени пугаются и никогда с дикими не смешиваются (Каррутерс, 1914, с. 137). Оленеводы охотятся на диких оленей, но никогда не ловят их живыми и не стараются приручить. Однако Д. Каррутерс считает возможным предполагать, что именно дикий олень в Саянах когда-то образовал породу современных домашних оленей. Таковы наиболее ранние и «полные» сведения об оленеводстве.

П.Е. Островских, опубликовавший работу об оленных тувинцах, не имел возможности дать [предложить] что-либо существенно новое. Он проехал в Тоджу тем же путем, что и Д. Каррутерс, и имел слишком мало времени, чтобы изучить воочию [подробно] оленеводческие группы. Чиновники хошунного управления разрешили П.Е. Островских проехать на оз. Азас с условием — после этого немедленно возвратиться в Россию. Таким образом, Д. Каррутерс имел значительно большие возможности наблюдать оленеводов, так как он разъезжал по южным склонам Саян в местах кочеваний оленеводов. Поэтому материалы в работе П.Е. Островских в основном цитированы [почерпнуты] из работы [книги] Д. Каррутерса.

Учитель [Н.П.] Венкель в 1916 г. был послан в Тоджу хошун для проведения оспопрививания. Он имел задание от А.П. Ермолаева собрать сведения о населении этого района. [Н.П.] Венкель составил краткий отчет о своей поездке¹⁹⁷. Он посетил главным образом места кочевий группы Ак-Чооды по р. Хамсара, почти до ее верховьев. В отчете приводятся статистические данные, характеризующие количество и экономику населения этих мест. Им обследовано 117 юрт Ак-Чооду. Доезжал [Н.П.] Венкель и до «Карасуминцев», то есть до группы Кара-Чооду, жителей Кара-Сумо; учел только 42 юрты. По этому поводу автор замечает: «В действительности их гораздо больше, во всяком случае не меньше, чем в Ак-Сумо, но они скрываются, и нет возможности собрать никаких сведений об их местонахождении».

¹⁹⁷ Опубликовано в работе А.П. Ермолаева «Тоджа» (Ермолаев, 1924).

Оленеводы-охотники действительно скрывались от чужеземцев, зная по долгому опыту, что встречи с ними приносят беды. Об этом красочно пишет ботаник П.Н. Крылов. Путешествуя в верховьях р. Азас, он и его спутники не встречали ни одного жителя: те прятались от них. Увидев на р. Ие старика-тувинца рыбака, от радости, что наконец видят живого человека, члены экспедиции «взяли его в плен», и он, только убедившись в их добрых намерениях, дружески с ними беседовал (Крылов, 1903). Учителю [Н.П.] Венкелю не удалось провести среди населения Кара-Сумо оспопрививания. Тувинцы-оленеводы уходили, чуть заслышав, что [Н.П.] Венкель к ним собирается ехать. О группе тувинцев Кара-Чооду писал и Д. Каррутерс, не смогший [сумевший] также их увидеть: «В отдалении, в глубине заснеженных хребтов и к востоку от озер /тоджинских. — Е.П./, живут наибольшим лагерем оленеводы, о которых до сих пор известно только одно, что они действительно существуют. Говорят, что зимой они подходят к озеру /Азас. — Е.П./ и некоторые ходят торговать в Тоора-хем» (Каррутерс, 1914, с. 16).

О численности оленных стад в Туве в дореволюционное время сведения неполны и неточны. По данным Р.М. Кабо, в 1915 г. в Туве имелось 78 тыс. голов оленей (Кабо, 1934, с. 66 – по А.А. Турчанинову). Возможно, что это несколько преувеличено, так как главными оленеводами были тоджинцы, а у них, по сведениям А.П. Ермолаева, знатока края, в эти же годы имелось 15–20 тыс. голов. Нужно заметить, что провести точный учет поголовья оленей в Туве при существовавших условиях было очень трудно, если не невозможно.

В первые годы становления народно-революционной власти в Туве (1921–1928) положение оленеводов мало отличалось от предшествующих лет. С 1928 г. положение меняется. Труднодоступные районы Тувы, в том числе Тоджа, стали убежищем реакционных остатков, бежавших феодалов, лам и шаманов, развивавших усиленную антинародную пропаганду среди населения, особенно в годы, предшествующие коллективизации. Состоятельные оленеводы забивали оленей массами, в результате чего поголовье оленей резко снизилось [сократилось].

Первые годы своего существования Тувинское революционное правительство не сразу уделяет внимание этой отрасли хозяйства на востоке республики. Несмотря на то что Тоджа являлась главной поставщицей пушнины в Туве, а пушной промысел зависел от состояния оленеводства, даже при планировании хозяйства республики первые годы оленеводство не принималось в расчет. Более того, с оленеводов не брали налогов. Любопытны рассказы оленеводов о том, как араты ездили в г. Кызыл с предложением обложить оленей, лам и другой скот налогами, чтобы привлечь внимание правительства ТНР к этой отрасли хозяйства. Нельзя рассматривать невзимание налогов как льготу оленеводам, так как в те времена

в Тодже были богатые стада. По статистическим данным того времени, многие семьи имели по 300–400 оленей (Ермолаев, 1924). То же говорили нам старики-оленоводы в 1952 г. (например, Кол Лопсан, 65 лет, колхоз «Советская Тува»).

Лишь после ликвидации деятельности феодалов, лам и шаманов в Туве, и в том числе в Тодже, падение оленеводства приостановилось.

Собранные нами данные Статистического управления в Тодже показывают, что с 1930 г. общее поголовье оленей в районе увеличивается; в 1930 г. имелось 6 354 голов оленей, в 1941 г. — уже 19 244. Эти же данные показывают распространение оленей по группам населения. Наибольшее количество оленей держали тувинцы, населявшие Хамсара-сумон и Ӧдуген-сумон /транскрипция официальных документов ЦСУ. — Е.П./, то есть группы Ак-Чооду и Кара (Параан)-Чооду. Это были основные оленеводческие сумоны. Тувинцы Ак-Чооду, проживающие на территории Улуг-таг и Сыстыг-хем-сумонов, численно меньшие, чем группы оленеводов вышеупомянутых сумонов, держали несколько меньшее количество оленей. Указанные данные позволяют видеть, что все без исключения группы оленеводов Тоджи имели коней. В 1915 г. учитель [Н.П.] Венкель в отчете сообщал, что обследованная им группа Ак-Чооду (117 юрт), проживавшая по притокам р. Хамсары, имела оленей и лошадей. В долине р. Кадрас стояло, например, 10 юрт Ак-Чоодинцев, где жили 42 человека, имевших 1 200 голов оленей и 50 коней. По р. Кутыргалыг (приток р. Аргела притока р. Чаваш) стояло 14 юрт, имевших 300 оленей и 20 коней. Там и в остальных стойбищах имелись олени и небольшое число коней. Нигде оленеводы этих мест не держали ни одной головы ни крупного, ни мелкого рогатого скота.

В 1930-х гг. соотношение коней в общем поголовье скота (оленей) следующее по отдельным сумонам: в Ӧдуген и Хамсара сумонах имеется (по годам) от 2,5–4 % коней, в Улуг-таг-сумоне — 7,5 %, в Сыстыг-хем сумоне — 26 % и в Тоора-хем сумоне — 246 %. В Ӧдуген и Улуг-таг сумонах с 1932 г. население приобретает в небольшом количестве крупный (коровы) и мелкий (овцы и козы) рогатый окот, но поголовье не развивает. В то же время количество коней в основных оленеводческих сумонах (Хамсара и Ӧдуген) в 1941 г. увеличивается почти в 1,2 раза. В Тоора-хем и Сыстыг-хем сумонах отмечается (основное стадо) большое количество крупного и мелкого рогатого скота. По сведениям опытной сельскохозяйственной станции, в 1939 г. в Тодже 75 % всего скота были олени. Всего в тот год имелось 15 тыс. оленей. По сумонам поголовье оленей распределялось: в Ӧдугене — 5,5 тыс., в Хамсаре — 4 тыс., в Улуг-таге — 2,5 тыс., в Тоора-хеме — около 2 тыс. и в Сыстыг-хеме — около 1 тыс. В среднем в двух первых сумонах на одно хозяйство приходилось по 80 голов оленей, но были хозяйства, где поголовье оленей доходило до 200. В 1939 г.

в Тодже всего имелось 2 тыс. коней, из коих в Тоора-хем сумоне — 1 136 голов, из остальных — значительная часть в Сыстыг-хем-сумоне. Крупного и мелкого рогатого скота в 1939 г. в Тодже всего было 1 367 голов, из них около тысячи голов держало население Тоора-хем сумона. По сумонам этот скот распределялся следующим образом: в Хамсаре — 115 голов коней, крупного и мелкого рогатого скота нет; в Öдугене — 210 коней и 231 коз и овец.

Малое поголовье оленей и значительное количество крупного и мелкого рогатого скота и коней приходится на территории, занятые тувинцами группы Кол и русскими. Последние, как известно, оседали в Тодже в устьях притоков р. Пий-хем — рек Сейбы, Сыстыг-хема, Ия, Тоора-хема, Хамсары, не заходя далеко вверх по течению этих рек, где ставили свои заимки в долинах, богатых пастбищами и пахотно-пригодными землями. В [На] долинных территориях жили также тувинцы-скотоводы, в основном относившиеся к группе Тодут (сумон Кол); на [к] их хозяйства[м] и падает [относится] большее количество крупного и мелкого рогатого скота в Тоора-хем (или Пий-хем) и в Сыстыг-хем-сумонах.

В приложенных [приведенных] таблицах видно, что оленеводческие районы имели единообразное, тувинское, население.

Население Тоджи (1942 г.)

№ п/п	Сумон	Количество семей	Всего населения	М.	Ж.	Тувинцы	Русские	Монголы	Разные
1	Öдуген	118	479	228	251	478	—	1	—
2	Хамсара	72	329	159	170	329	—	—	—
3	Улуг-таг	71	286	148	138	286	—	—	—
4	Сыстыг-хем	75	305	165	140	304	1	—	—
5	Тоора-хем	172	750	385	363	747	1	2	—
6	п. Сейба	42	178	94	84	—	155	—	23
7	п. Тоора-хем	95	393	204	189	—	377	—	16
		645	2730 [?]	1383	1337 [?]	2144	534	3	39

Население Тоджи (1944 г.)

№ п/п	Национальность	Количество семей	Количество человек	М.	Ж.
1	Тувинцы	493	2165	1083	1082
2	Монголы	2	13	9	4
3	Русские	72	282	126	156
4	Хакасы	7	24	8	16
5	Мордва	1	1	1	—
		575	2485	1226 [?]	1259 [?]

Состояние животноводства в Тодже

Сумон	Олени	Кони	Коровы	Овцы	Козы	Свиньи	Всего скота
1931 г.							
Тоора-хем	300	913	635	290	245	1	2383 [?]
Сыстыг-хем	796	283	122	20	3	1	1224 [?]
Улуг-таг	1561	125	—	—	—	—	1686
Öдуген	2978	225	—	—	—	—	3203
Хамсара	1387	99	—	—	—	—	1486
1932 г.							
Тоора-хем	313	1008	1067	345	341	—	3074
Сыстыг-хем	956	321	205	39	19	—	1540
Улуг-таг	2060	151	9	—	—	—	2220
Öдуген	4545	275	28	—	107	—	4955
Хамсара	1484	104	—	—	—	—	1588
1933 г.							
Тоора-хем	1180	1040	1057	285	289	—	3851
Сыстыг-хем	737	373	232	49	31	—	1422
Улуг-таг	1731	148	62	—	—	2	1943
Öдуген	2816	192	30	19	82	—	3139
Хамсара	2437	107	—	—	1	—	2545
1934 г.							
Тоора-хем	1479	1082	1191	334	350	—	4430 [?]
Сыстыг-хем	592	381	206	62	35	—	1336 [?]
Улуг-таг	1722	173	91	—	—	—	1986
Öдуген	2884	198	33	35	125	—	3275
Хамсара	2285	118	—	—	—	—	2403
1935 г.							
Тоора-хем	1711	1123	1467	308	367	—	4976
Сыстыг-хем	592	372	312	46	28	—	1350
Улуг-таг	1953	203	91	—	—	—	2247
Öдуген	3465	238	128	28	91	—	3950
Хамсара	2358	137	—	—	—	—	2495
1936 г.							
Тоора-хем	1829	1125	1250	457	359	—	5020
Сыстыг-хем	681	344	283	93	40	—	1441
Улуг-таг	2138	180	83	—	—	—	2401
Öдуген	3996	196	16	29	74	—	4311
Хамсара	2914	115	—	—	—	—	3030 [?]
1937 г.							
Тоора-хем	2106	1124	1216	495	379	—	5320
Сыстыг-хем	815	384	302	116	58	—	1675
Улуг-таг	2461	219	78	—	—	—	2758
Öдүген	4876	247	14	40	71	—	5248
Хамсара	3326	131	—	—	—	—	3457

1938 г.							
Тоора-хем	1857	1136	1205	519	449	—	5166
Сыстыг-хем	741	327	228	63	26	—	1385
Улуг-таг	2610	194	80	9	—	—	2893
Öдуген	5469	210	14	94	117	—	5904
Хамсара	4079	115	—	—	—	—	4294 [?]
1939 г.							
Тоора-хем	330	1195	1291	444	455	—	3715
Сыстыг-хем	1116	334	349	68	22	—	1889
Улуг-таг	2883	222	76	20	—	—	3201
Öдүген	7815	246	14	115	108	—	8298
Хамсыра	4424	133	—	—	—	—	4557
1940 г.							
Тоора-хем	314	1217	1385	521	581	—	3968 [?]
Сыстыг-хем	1131	386	220	85	19	—	1841
Улуг-таг	3133	255	90	29	—	—	3507
Öдуген	6569	213	25	137	122	—	7066
Хамсара	6383	175	—	—	—	—	6558
1941 г.							
Тоора-хем	517	1273	1301	547	648	—	4286
Сыстыг-хем	1223	317	222	87	20	—	1869
Улуг-таг	3182	240	86	38	—	—	3506 [?]
Öдуген	7072	152	—	—	—	—	7224
Хамсара	6931	154	—	—	—	—	7085
1942 г.							
Тоора-хем	1832	991	964	395	677	—	4859
Сыстыг-хем	978	325	187	88	21	—	1599
Улуг-таг	2757	243	83	41	—	—	3124
1943 г.							
Тоора-хем	1452	783	749	357	659	—	4040 [?]
Сыстыг-хем	815	313	187	62	16	—	1393
Улуг-таг	2023	229	78	44	—	—	2374
Öдуген	3544	90	4	—	1	—	3639
Хамсара	6039	128	—	—	—	—	4042 [?]

Таблица состояния животноводства за 13 лет показывает резкое снижение поголовья в 1942–1943 гг. Здесь отражена материальная помощь тувинцев-оленоводо Советскому Союзу во Второй мировой войне. Именно в эти годы широко распространилось патриотическое движение трудящихся аратов-оленоводо, забивавших своих оленей на мясо для нужд Советской армии. Были дни, когда араты сбывали в хошунный кооператив по 500 туш оленей. Из шкур оленей был организован пошив меховой обуви и рукавиц для армии. В послевоенные [1945–1948] годы тяжелые послед-

ствия войны сказались и в связях ТНР с Советским Союзом. Уменьшился завоз муки и других продуктов в Тоджу.

В 1947 г. была произведена в связи с составлением списков избирателей перепись населения в Области. Были заложены похозяйственные книги и произведен учет наличествующего поголовья всех видов скота. В Тоджинском районе учет показал резкое снижение поголовья по всем видам окота. Докладная записка ЦСУ района отмечает по этому поводу: «Нужно считать главными причинами снижения поголовья следующие: 1) По сведениям Райживзо в 1947 г. пало скота 2 195 голов. 2) Сильные потери скота от волков (были случаи, когда в одну ночь волки давили по 20 оленей в одном хозяйстве). Потери от собак (20 оленят задавили собаки) и т.п. 3) Имеющий место в текущем году недостаточный завоз в район муки, вследствие чего население питалось исключительно мясом от своего хозяйства и мясом, получаемым от охоты на диких зверей»¹⁹⁸. Из таблицы видно, что в 1947 г. животноводство упало даже по сравнению с 1943-м военным годом; особенно пострадало оленеводство, упавшее ниже уровня 1930 г. Наибольшего расцвета животноводство достигло в 1941 г., когда поголовье оленей равнялось 19 ¼ тыс. голов. Процесс послевоенного упадка в хозяйстве оленеводов продолжался до 1949 г. — года организации колхозов.

Списки населения арбанов и количество скота

Пий-хем сумон

Арбан Талым: 1. Кол Данзын; 2. Кол Сандыжай; 3. Дундума Сергей; 4. Кол Дондунай; 5. Кол Сарыг-оол; 6. Шойзуруц Кол; 7. Ложан Кол; 8. Мижит Кол; 9. Идам Кол; 10. Себээн Кол; 11. Ложау Сулдии; 12. Доятпан Кол; 13. Ширижик Кол; 14. Суруней Кол; 15. Чурмут Кол; 16. Пуске Кол; 17. Сундуй; 18. Миртей Ложау Кол; 19. Доржулан Кол.

Все эти семьи имели в 1948 г. всего: крупного рогатого скота — 84 головы, коней — 50 голов, овец — 59 голов, оленей — нет.

Арбан Эн-су: 15 семей группы Кол, одна семья Шымдан Параан (Чооду). Они все имели: крупного рогатого скота — 65 голов, коней — 44 головы и 2 оленей, принадлежавших Шымдан Параан.

Арбан Ий-хем: 17 семей группы Кол. Все они имели: крупного рогатого скота — 75 голов, коней — 82 головы. Оленей не имели.

Арбан Толбул: 19 семей группы Кол, одна семья группы Параан (Чооду). Все они имели: крупного рогатого скота — 111 голов, коней — 67 голов, овец — 175 голов, коз — 164 головы, оленей — нет.

¹⁹⁸ Докладная записка инспектора ЦСУ Кудяшева от 4 декабря 1947 г. Архив Райисполкома.

Оо-хем сумон

— разделенный на 3 арбана, имел население группы Кол и Параан. В 1948 г. 70 семей тувинцев имели: 1 589 оленей (из них 566 важенок), 48 коней. Наиболее зажиточные имели по 122 оленя — Пишгит Параан, 81 оленя — Намзарай Параан, 85 оленей — Манчыбай Параан.

Сыстыг-хем сумон

Арбан Хамсара-аксы: в 1948 г. жили 13 семей Кол, имели 50 коров, 57 коней и 3 оленя.

Улуг-таг сумон

Арбан Ак-суг: в 1948 г. жили 14 семей Ак-Чооду, имели 365 оленей (в том числе 135 важенок) и 29 коней. Самое большое поголовье оленей — 46 голов у Баа Сарыг Ак (Чооду), 40 голов у Кызыл бежик Ак.

Öдуген сумон

В 1947 г. имел 4 арбана, где жили 62 семьи, имели 64 коня, 1757 оленей (в том числе 634 важенки).

Арбан Пичче-нашь: жили 15 семей Параан, имели 4 коня и 377 оленей (в том числе 112 важенок).

Арбан № 4: жили 15 семей Параан, имели 48 коней, 659 оленей (в том числе 274 важенки).

п. Сейба (1948 г.)

1. Бузорин; 2. Сагаяков Н.Ф.; 3. Нагибин Ф.М.; 4. Нагибин К.Н.; 5. Соболев; 6. Коробов; 7. Посохин И.*; 8. Посохина Ф.И.; 9. Поломаева; 10. Хабарова; 11. Мамонтова А.Н.*; 12. Бологов И.Я.; 13. Лопатин; 14. Лопатина; 15. Сагаяков Ф.И.; 16. Кудрявцева; 17. Дорлук; 18. Торбастаева; 19. Полеусова; 20. Бяков Г.И.*; 21. Масленников*; 22. Михайлов; 23. Чашин; 24. Шарыпов; 25. Бяков И.И.; 26. Краев; 27. Шульгин; 28. Шульгин А.Ф.

(* отмечены бывшие торговцы или их родственники — старожилы-русские в Тодже, фамилии которых известны в литературе).

За годы ТНР оленеводству, как мы упоминали, уделялось мало внимания. Опытная сельскохозяйственная станция в г. Чадане в отчетах того времени признает, что работы по реконструкции оленного хозяйства ею не производились. Учет оленей был поставлен слабо. После присоединения Тувы к Советскому Союзу общие мероприятия по подъему экономики в Области захватывают и охотничьи оленеводческие районы. Усиливается процесс коллективизации.

В мае 1949 г. в Тодже организуются впервые коллективные хозяйства: одно — на устье р. Ий, другое — в Азаской и Тоора-хемской степи — колхозы «1 Мая» («Май Бирзы») и «Советская Тува». В первый вошли оленеводы Улуг-тага (в широком значении этого топонима), во второй — оленеводы Öдугена. Население степей Тоджи — скотоводы — вошли примерно поровну в оба колхоза. Оленеводство стало одной из важнейших

отраслей общественного животноводства в районе. Началось возрождение оленеводства в новых условиях коллективного хозяйства, открывшего новые перспективы на основе научных данных развития этой отрасли хозяйства. Мы говорим о возрождении оленеводства, так как именно так и обстояло дело в этой отрасли животноводства.

Сравним поголовье оленей в 1941 г. и последующие годы и увидим, что оленеводство шло на убыль. Немало постарались в этом [для этого] остатки феодально-ламских элементов в Тодже. Еще в 1940 г. в Тодже в официальных списках ЦСУ зафиксировано: «Feodalдар — 4 семьи: 7 мужчин и 8 женщин. Lamalar (ламы), Hamlar (шаманы) — 4 семьи: 10 мужчин и 8 женщин». Они владели имуществом около 240 оленей, имели 21 голову крупного рогатого скота, 22 коня и 36 овец. Официально не зарегистрированных подобных «деятелей» было также немало. Особенно бурную деятельность развили они в 1947 и 1948 гг., в начале коллективизации. На результаты их деятельности указывает поголовье скота в эти годы¹⁹⁹. Успех в развитии оленеводства — важная задача тоджинских аратов-колхозников, так как с ним связана дающая славный доход отрасль хозяйства — пушная охота. Мы уже говорили, что в условиях горной тайги охота возможна только на оленях, так как труднопроходимые горные тропы, глубокие снега, отсутствие корма²⁰⁰ делают очень ограниченной возможность пользования конем, особенно во вторую половину зимы.

Общественные стада колхозов при организации в 1949 г. были очень невелики. Было обобществлено в колхозе «1 Мая» 355 голов оленей, в колхозе «Советская Тува» — 104. Колхозам были отведены оленно-пастбищные (они же и охотничьи) угодья. Колхозу «1 Мая», грубо говоря [условно], — запад района, колхозу «Советская Тува» — восток. Для первого основной массив Улуг-таг — горы и тайга, для второго — Одуген — горы и тайга.

В последующие годы, преодолевая трудность в новом хозяйстве, араты добиваются значительного увеличения поголовья оленей. В 1952 г. в колхозе «1 Мая» уже имеется более 1 200 голов, в «Советской Туве» — свыше 700. Значительная доля падает на вновь обобществленных оленей, которых сдавали вступавшие за эти годы в колхозы единоличники. Всего в Тодже в 1962 г. колхозных, личных и единоличных оленей около 3,5 тыс. Этот год явился переломным в развитии колхозного животноводства, и в частности оленеводства. Впервые в этот год усилия советских и партийных организаций, усилия колхозников-аратов, направленные на подъем

¹⁹⁹ Архив районного Тоджинского ЦСУ.

²⁰⁰ Ботаник [П.Н.] Крылов, исследовавший вершину р. Азас, ехал на конях. Он пишет о трудностях такой поездки — лошади, не встречавшие травы, ели березовый лист и голубичник.

и возрождение оленеводства, дали ощутимые результаты. Увеличение стада оленей в этом году явилось результатом воспроизводства (то есть за счет приплода). В колхозе «Советская Тува» стадо достигло 702 голов: 120 оленей были обобществлены от новых членов колхоза, и от 176 важенков было получено 165 телят.

Колхозники гордятся своими первыми успехами. «Оленей теперь у нас много. Как войдут они в ложбину, темно становится», — говорят пастухи. Это старинное образное выражение, определяющее количество оленей (и скота вообще), со сказочных времен [с древности] дожило до наших дней. Часто встречаем мы его в фольклоре тувинцев, а также наших северных народов. Но там оно определяло стада богачей, князей, нойонов. Сейчас этот скот принадлежит самому трудящемуся народу. Даже такое небольшое поголовье — 1 200 оленей (а в 1955 г. оно выросло до 2 тыс.) — радуется арата, прежде не знавшего обеспеченного завтрашнего дня, а ныне хозяина колхозного имущества. Приемы ведения современного оленеводства в колхозах восточной Тувы имеют много черт старинного оленеводства. Нам нет необходимости говорить отдельно о дореволюционном и современном оленеводстве. Излагая организацию этой отрасли животноводства, мы отметим, что внесли колхозники в это дело за последние годы.

Преобладание старинных, не всегда рациональных приемов ведения этой отрасли животноводства, естественно, тормозит дальнейшее развитие численности и качества поголовья оленей. Последнее, то есть качество оленей, для колхозников-охотников весьма важный вопрос. Олень употребляется в Туве (в Тодже, Тере-хөле) в качестве верхового животного, и потому он должен обладать соответствующими качествами — ростом, силой. В Тодже и специалисты, и рядовые араты-колхозники отмечают измельчение оленей, ослабление их. «Олень так измельчал, что еле поднимает 3 пуда»²⁰¹, — говорят пастухи. Это угрожающее положение вызвало решение исполкома Райсовета о закупке в соседнем тофаларском колхозе Иркутской области («Красный тофалар») свежих оленей для «пополнения новой крови в тоджинском стаде»²⁰². Такая закупка была произведена в 1955 г. Причины измельчания оленя — в малочисленности поголовья, в отсутствии связей (обмена оленями) между группами оленеводов как в самой Тодже, так и за ее пределами (с тере-хөльскими, каа-хемскими оленеводами, с тофаларами). Малочисленность оленей вызывала усиленную эксплуатацию наличествующего стада, как для транспортных целей, так

²⁰¹ Об ослаблении сойотского оленя пишет [Б.Э.] Петри (Петри, 1927, с. 107).

²⁰² Тувинское оленеводство прежде было значительнее, чем тофаларское. Последнее в конце прошлого [XIX] века сильно упало. [Н.Ф.] Катанов сообщает, что самое большое количество оленей на семью — 20 голов, основное население безоленное. Всего, по его сведениям, у карагас (тофаларов) было 600 оленей. Однако статистики ему сообщали, что прежде у некоторых бывало по 200 оленей, то есть оленеводство было более мощным.

и для получения молочной продукции. Причем для транспортных целей использовались и важенки. Последнее обстоятельство вело к ослаблению важенок, яловости, рождению слабосильных телят.

Протоколы общих собраний колхозников в 1949 г. и в последующие годы отражают возникновение общности интересов, рост общественного сознания, ответственности за колхозную собственность у трудящихся аратов. О необходимости улучшения приемов ведения оленеводства в числе других отраслей хозяйства говорят на собраниях бригадиры и рядовые члены колхозов.

В колхозе «1 Мая» на собрании 18 декабря 1949 г. бригадир оленеводов, докладывая о состоянии порученных ему стад, говорит о пропаже 99 голов оленей, критикует работу пастухов, предлагает свои мероприятия по улучшению оленеводства. Колхозники выступают с критикой работы самого бригадира, активно помогают вскрыть недостатки в его работе. Уже на этом собрании через $\frac{1}{2}$ года после организации колхоза принимается ряд существенных постановлений к улучшению оленеводства. Предполагается перевести стада оленей на ближние ягельники (на Кара-адер); разбить стадо на 2 группы; окарауливать оленей круглые сутки; доить важенок 3 раза в день в определенные часы; организовать бригаду по борьбе с волками и т.д. Однако не все эти мероприятия сразу были введены в оленеводстве. Нужно сказать, что работа по реорганизации оленеводства до сего времени протекает крайне медленно. Тормозом в этом деле является отсутствие высококвалифицированных зоотехнических кадров.

Состав общественных оленных стад мало отличается от прежнего, а по некоторым показателям даже хуже, чем в прошлом, в стадах единоличников. Процент маточного поголовья — важенок («мынты») — в стадах низок. На 1 203 оленя в колхозе «1 Мая» (в 1952 г.) имелось 350 важенок, то есть 29 %, вместо необходимых для воспроизводства 50–60 %. В прошлом в стадах оленей процент важенок был равен: в Оо-хем-сумоне (арбан № 2) — 38,5 %, по всему сумону — 35,6 %, в Улуг-таг сумоне (арбан № 3) — 37 %, в арбане Ак-суг — 38 %, в Сыстыг-хем сумоне (арбан Хамсара-аксы) — 46 %, в Хамсара сумоне (арбан № 1) — 33 %, в Ӗдуген сумоне — 36 % и т.д. Из перечисленных показателей видно, что в аратских единоличных хозяйствах процент маточного поголовья был значительно выше, чем ныне в колхозе, но также не был достаточен для развития стада. Низкий процент маточного поголовья сочетается с плохим состоянием важенок, о котором мы упоминали выше. Причины ослабления важенок, как мы уже указывали, были [заключались] в вынужденной эксплуатации важенок под транспорт и частое доение. В колхозах ныне важенок на работу не используют. Вопрос о частом доении важенок решается более сложно. Неоднократно общие собрания колхозников, правление колхозов, райисполком выносили решение об упорядочении, сокращении доения

важенок. Однако проведение в жизнь этого решения зависит от организации быта оленеводов-пастухов.

Пастбищные олени угодья расположены далеко от центральных колхозных поселков. Колхоз «1 Мая» пасет свои олени стада на территории тайги и хребтов Улуг-таг и в верховьях левых притоков р. Пий-хема (южные склоны Саян), колхоз «Советская Тува» — в хребтах и тайге Öдуген, в верховьях р. Азас, Паш-хем и т.д. Условия [для развития] транспорта здесь очень тяжелые. Всадник верхом на коне доезжает до оленьих стад за 3–4 дня. Многие горные болота, мелкие речки, перевалы лежат на его пути. Особенно труднодоступны эти места в дождливое время года. Эти обстоятельства затрудняли завоз продуктов питания в бригады. Колхозное правление в те годы не выделяло охотничье-рыболовецких бригад, которые должны были бы специально снабжать пастухов мясом и рыбой. Промыслом занимались сами пастухи, отрываясь на длительное время (и надо сказать, с увлечением) на охоту на горных козлов, оленей и прочего мясного зверя. От этого страдало оленеводство, и в полной мере удовлетворить питанием членов бригады пастухи все же не могли. Поэтому оленье молоко и его продукты стали играть в рационе питания оленеводов значительную роль. А так как важеники при каждом удое дают очень немного молока (3–4 чашки), хотя и высокого качества, то, чтобы удовлетворить потребности пастухов и членов их семей, приходилось доить важенок часто. Поэтому лишь с улучшением организации подвоза в бригады продовольствия доение могло быть сведено к минимуму.

Значительную часть взрослого поголовья тувинского оленьего стада составляют рабочие (кастрированные) быки — «чары» («мунар чары» — ездовой олень. — Запись С.И. Вайнштейна), так как тувинское оленеводство транспортное, подсобное для охоты.

Кастрация («чезар» — М.Г. Левин /«чазаар». — Е.П./) оленей производится по достижении теленком одного года (на следующую после рождения весну), иногда осенью следующего года [прим. 25]. Операцию прежде производил обычно хозяин оленя следующим способом: пучком оленьих жил, натертых кедровой хвоей, туго затягивали мошонку как можно выше. В мошонке со стороны каждого яичка делали надрезы. Яички вываливались. Часть их отрезали, часть со временем вытекала. После операции оленя окуривали. Обычно в помощь себе хозяин приглашал старика, который и проделывал эту «очистительную» церемонию окуривания дымом артыша («саң салыр»). При этом старик обращался с молитвой к «хозяину местности» — «оран йези», обводил оленя вокруг куста (дерева), освещал жилы, которыми хозяин производил операцию и т.п. При кастрации оленя валили на землю и связывали ему передние ноги. По окончании этой операции оленя развязывали и, прежде чем отпустить, пригибали его голову к земле, как бы заставляя его делать поклоны на все

четыре стороны света. Эти поклоны предназначались: 3 — «хозяину места» и 1 — хозяину юрты. Жилы, употребленные на операцию, уже никуда на другие надобности не используются²⁰³. У тере-хольских оленеводов кастрируют оленей как специальные старики, так и любой оленевод. Операцию производят так же. Жилы для перевязки яичек берут с ноги оленя. Рану солят солью. После перевязки яичек оленя можно сразу употреблять в работу (если кастрируют взрослого оленя двух-трех лет).

В настоящее время кастрируют оленей веттехникой, яички перевязывают кетгутом и рану смазывают йодом. Кастрация оленей отлична от таковой у коней. У последних яички обязательно вырезают.

В первое время процент рабочих быков в стадах еще был невелик. Так, в 1951 г. в колхозе «Советская Тува» на 417 голов оленей имелось всего 68 рабочих быков (16,3 %).

Количество быков-производителей — «едер» или «пугу»²⁰⁴ — в тувинских колхозных стадах ниже нормы. По установленным наукой нормам на одного производителя должно приходиться 25–30 маток-важенок; в колхозах Тоджи приходится 40 важенок. По сведениям Чаданской опытной станции в 1939 г. в единоличных стадах тоджинских оленеводов приходилось на одного оленя производителя по 65 важенок²⁰⁵. В 20-х годах нашего [XX] столетия у среднего зажиточного оленевода в Тодже бывало по 10–20 важенок на производителя-оленя, а у богачей — по 25–30.

Олени-производители выделяются в стада высоким ростом и силой. У старых самцов обычно огромные ветвистые рога, придающие вместе со светлой окраской тела необычайную красоту этим чудесным животным.

Кроме взрослых оленей, в стадах имеется молодняк. В числе последнего различают: «анай»²⁰⁶ — телята, родившиеся весной текущего года (без различия пола); годовалые телята — «таспан»²⁰⁷, при этом различали «таспан эр» — годовалый бычок и «таспан кыс» — годовалая важенька; «тоңур» — полугодовалые бычки; «мынтычак ~ мынтыжак» — двухлетняя важенька; «дуктуѳ мыйыс»²⁰⁸ — двухгодовалый бычок. Здесь же позволим себе остановиться на общем термине для оленя. У тувинцев олень называется «ибй ~ иви». Этот термин не имеет никаких связей с терминами для оленя у других оленеводческих народов. По словам тоджинцев,

²⁰³ Материалы М.Г. Левина, 1926 г.

²⁰⁴ Второй термин записан нами у оленеводов Тере-хөля, 1955 г.

²⁰⁵ Баскаева. Журнал «Под знаменем Ленина–Сталина». Кызыл, 1940 [Возможно, Баскаев, 1939].

²⁰⁶ Так их называют осенью.

²⁰⁷ Так их называют весной следующего года.

²⁰⁸ Термин описательный, записанный С.И. Вайнштейном и М.Г. Левиным.

прежде они оленя называли «кокашь ~ коукаш»²⁰⁹, слово «иби» появилось позднее. Оба слова считают тувинскими. В Тере-хёле тувинцы-оленоводы групп Чооду и Соян термином «кокашь» и ныне называют телят оленя (текущего года рождения). Кроме этих названий, олень имеет подставное имя «куу ~ куудай» — «серый конь»²¹⁰ [прим. 26].

По масти тоджинские олени стада очень пестрые. Заметно большое количество светлых и даже вовсе белых оленей (в отличие от стад северных оленей ненцев, хантов, селькупов). Выделяются следующие масти: «ак» — белые, «бора» — светло-коричневые, коричневые с сединой, «кёк» — темные (темнее, чем «кара»), «кара — черные, «кёк-кара» — очень темные; «сарыг» — коричневые со светлой полосой на боках и спине.

Следует заметить, что утверждение Д. Каррутерса о том, что олени летом меняют цвет, становятся темными, а зимой — белыми, неправильно. Масть оленя не меняется. Летом олени линяют, зимняя густая, длинная шерсть выпадает и остается более короткая, менее пушистая шерсть. Это, возможно, несколько меняет оттенок.

В прежнее время зимнюю шерсть во время линьки оленей собирали и набивали подушки седел, клали в люльки ребят как подстилку. В колхозах Тере-хёля в 1955 г. колхозники также собрали шерсть после линьки и впервые пытались сдать 2 мешка такой шерсти заготовительным организациям, но неудачно. Заготовители не приняли шерсти, так как не имели расценок на такой экзотический товар²¹¹.

Оленеводческая бригада выделяется общим собранием колхозников, из ее состава утверждается руководитель-бригадир. Последний сам разбивает бригаду на звенья, назначает звеньевых.

В колхозе «1 Мая» для работы в оленьем стаде в 1 200 голов была в 1952 г. выделена бригада в составе 23 пастухов. В колхозе «Советская Тува» в стадо с поголовьем 702 оленя была выделена бригада 11 пастухов. Все пастухи в колхозах исконные оленеводы. Некоторые из них — середняки — имели сравнительно много оленей (до 400 голов), большинство владело не более чем 20 оленями²¹². Пастушья бригада вместе с семьями живут постоянно при стадах, кочуя с ними. До октября стадо пасется вместе, неразделенное по половозрастным группам. В октябре, когда начинается гон оленей, стадо в прежнее время делили на две части. В одну входили «пугу-мынты» — производители и важенки, в другую — молодняк

²⁰⁹ В связи с этим тайга Улаг-таг в Тодже прежде называлась «Коукаш-арга», позднее — «Ивилиг-арга». Интересно отметить, что на энецком языке лось называется «коу ~ коу».

²¹⁰ Полное имя «куудай» и значение «серый конь» записаны С.И. Вайнштейном. Мы перевода этого имени от тувинцев не получили.

²¹¹ В Тодже колхозники сдавали оленью шерсть заготконторе.

²¹² В старое время отдельные богачи имели до 3 тыс. оленей.

и рабочие быки. Ныне в колхозах стадо разбивают осенью на три группы: группу рабочих оленей, которую отгоняют к середине октября к поселкам колхозов для охотников; группу, в которую входят телята, молодые важеньки и несколько старых уже нетелящихся важенок; третью группу важенок-маток и производителей. После гона стадо объединяют вновь. Но тогда уже важеньки не подпускают к себе телят, которые с момента рождения (весной) до периода гона (осенью) постоянно находятся при них. Перед гоним в последний осенний месяц пастухи производят спиливание рогов взрослым оленям (с двухлетнего возраста) самцам и самкам. Последним лишь тем, кто отличается беспокойным характером, особенно молодым важенькам, впервые дающим молоко. Эти важеньки с трудом привыкают к дойке, бьют рогами доярку, жерди, к которым их привязывают. Рабочим оленям рога спиливают, чтобы они не мешали проходу в густой Саянской тайге; самцам-производителям — чтобы они во время гона не погибали, сцепившись рогами, при сражениях за важенку. У тере-хольских оленеводов спилку рогов производят только у рабочих оленей и производителей, у самок спиливают только передний рог.

Спиливают рога русскими одноручными пилками [ножовками]. Никаких станков для спиливания рогов не имелось (1952 г.). Нам пришлось наблюдать массовую спилку рогов осенью 1952 г. перед отправкой оленей с охотниками в тайгу. Пастухи ловили в стаде рабочих оленей, привязывали их к треноге из жердей. Один пастух держал крепко голову оленя, другой — спиливал рога. Иногда оленя валили на землю. Срезанные рога тут же бросали собакам, которые объедали пушистую кожицу и еще на затвердевшие кончики рогов. Во время массовой спилки рогов земля в стойбище покрыта брошенными, полуобглоданными, еще кровоточащими рогами. Пасут оленей только днем, к вечеру подгоняют к своим юртам. Важенок привязывают к разбросанным на земле около юрт толстым жердям, бревнам, где они остаются привязанными всю ночь и утро. Остальное стадо, кроме телят, которые бегают около привязанных матерей, разбегается на ночь без присмотра, это приводит к постоянным потерям поголовья. В сентябре 1952 г. в стадах колхоза «1 Мая» медведи задрали за ночь 23 оленя, в колхозе «Советская Тува» — 12 голов телят. Для небольшого поголовья это значительная утрата. Любопытной была реакция председателя колхоза т[оварища] Монгольби (из сеока Кыргыз), не имевшего прежде дела с оленями. В этом происшествии он обвинил... самих оленей: «Такая это скотина — олени. Никак их не удержишь на месте. И ходят-то поодиночке. Кругом полно корму, а они по одному уходят в горы и речки, не слушают ни криков, ни угроз пастухов». Дурной нрав оленей виноват, что они плохо пастушатся. Это мнение скотоводов, привыкших иметь дело с покорными коровами и послушными, трусливыми овцами; для них олень остается диким зверем.

Часто для того, чтобы олени далеко не отходили от юрт, их связывают попарно веревками или ремнем. Такие пары дружно пасутся и действительно далеко не уходят. При таком приеме на каждого оленя надевают оброть-узду с поводком. Поводки обоих оленей связываются.

Д. Каррутерс прав в своих наблюдениях — олени, как правило, далеко не уходят. Особенно в летние месяцы, когда в тайге появляются комары и мошка, в безветренные дни олени держался около юрт хозяев. Прежде одиночники, а ныне колхозные пастухи в такое время спасали оленей (особенно телят) от гнуса дымокурами — делали «оштар». Для этого раскладывали костер, который обкладывали сырым мхом, гнилым деревом, дерном; костер сильно дымил. Костер огораживали; над ним делали шалаш из жердей (наподобие остова чума) или чаще загородку из горизонтально положенных жердей.

Однако весной и осенью — дело иное. Весной за молодой травой, а осенью за грибами олени уходят очень далеко. Дело в том, что ягель («как чиңис») является основным питанием оленей лишь зимой. Весной олени испытывают недостаток в различных солях от однообразного питания ягелем и интенсивно ищут иных растительных ресурсов — траву, хвощ («чаат») и грибы («мөгү»). Поэтому в эти сезоны основное занятие пастухов при плохой организации пастьбы — это разыскивание ушедших в горы, долины оленей, сколачивание стада вместе. Ушедшие в одиночку олени становятся жертвой волков и других хищников.

Никаких загонов, дворов для оленей не делают. Ничем их не подкармливают. В литературе имеются сведения, что оленеводы заготавливали для оленей сено²¹³. Это неверно. Не только оленеводы, но и скотоводы Тувы в прошлом очень мало заготавливали сена. Но имеются такие факты, чему мы были свидетелями, когда оленеводы спускаются с гор в долины для торговли или других целей, они берут с собой в мешки ягель для подкормки оленей, так как в долинах ягеля нет.

При плохом пастушении много хлопот доставляют колхозникам встречи домашних оленей с дикими. В горной тайге в Тодже и прилегающих к Тере-хёлю горах (Саяны, Сангилен и др.) имеются крупные стада диких оленей («черлик иби»), которые часто встречаются с домашними, особенно осенью, когда дикие олени-производители подходят к домашним стадам и даже временно ходят с ними, покрывая домашних важенок. Теленок от такого союза сильно отличается экстерьером от обычных домашних оленей; первые темнее — все масти «кара», но к стаду приучаются. В колхозах Тоджи в 1952 г. в стадах имелось (в колхозе «1 Мая») 3 таких теленка. Поведением они не отличаются от обычных телят. Имелись такие телята и в колхозе им. Хрущева (Тере-хёль) в 1955 г. Впоследствии их так

²¹³ Г.Е. Грумм-Гржимайло цитирует Г.П. Сафьянова.

же, как и домашних, приучают к верховой езде и под вьюк. Такие же встречи домашних оленей с «дикарями» происходили и на севере у оленеводов-селькупов. Но там теленка от дикого производителя и домашней важенки к стаду не допускали, а убивали. Селькупы-пастухи уверяли, что такого теленка приучить к упряжке не удастся.

Дикие олени встречались прежде в Улуг-Тодже²¹⁴ крупными стадами по 30–40 голов. Ныне больше 10–12 голов стада не встречаются. Пастухи всчески избегают встреч домашних оленей с дикими, так как это ведет иногда к неприятным последствиям. Часто домашние олени уходили к диким, бывало, что несколько голов диких прибывалось к домашним. В первом случае, если уходили 1–2 домашних оленя в стадо диких, то из такого стада охотнику нельзя было добыть ни одного зверя. Домашние олени хорошо знают человека и уводят от охотника все стадо. Тогда прежде всего отбивают домашнего оленя, после чего возможна и охота на диких в этом стаде. Если уходит много домашних, так что домашних станет больше, чем диких, такое стадо можно поймать все целиком. Чаще бывает, что домашние олени уходят к «дикарям». Старики-олeneводы ведут непрерывную войну с дикими оленями. Они прекрасно изучили их нрав. Рассказывают, что современный дикий олень в Саянской тайге сильно отличен от домашнего. Первый имеет меньше рога, более длинный хвост. У тех и других оленей плохой слух. Главные ориентиры у оленей — зрение и обоняние.

Осенью во время гона в тайге часто разыгрываются ожесточенные битвы между производителями за важенок. В большинстве случаев победителем остается домашний олень. После спилки рогов у него остаются короткие обрубки, которыми он наносит врагу более сильные удары, чем длинными рогами. Во взрослом состоянии дикого оленя живым не ловят и приручить не пытаются, так как это не удастся (это общее утверждение). Однако существуют предания, что домашние олени тувинцев произошли от диких их предков. Нами записаны два таких предания в 1952 г. Оленевод Ак Чебжей (68 лет) рассказал: у тувинцев прежде оленей не было. В тайге и хребтах Улуг-таг была самая высокая вершина. Гора и лес на ней назывались Кокашь-арыг. Прежде тувинцы на ней охотились на дикого оленя. Но однажды охота стала плохой. Охотникам в тайге постоянно стали слышаться крики людей; эти люди пугали от них зверя и дикого оленя. Собрались охотники-тувинцы обсудить такое явление. Старики посоветовались и решили запретить около этой горы называть оленя именем «кокашь», а называть его «иби». И стал лес на этой горе называться Ивилиг аргы («Оленная тайга-лес»). Вот на этой горе в коротком времени на р. Узу

²¹⁴ «Улуг-Тоджа» — так называют тувинцы современную Тоджу и северо-восточную часть Каа-хемского района.

охотники убили дикого оленя, нашли двух живых телят и приручили их. «От них пошли у тувинцев олени».

Аналогичную легенду в 1926 г. записал в Тодже М.Г. Левин.

Вторая легенда записана от пастуха Параан Чооду Күшкүтер (78 лет)²¹⁵ на пастбищах Ӧдугена. Старик рассказал, что человек поймал впервые оленей на Улуг-таге, который назывался прежде Каукаш арга («Оленья тайга [лес]»). Это было очень-очень давно, тогда тувинцы домашних оленей не знали, и имени для оленя не было. Охотники промышляли в этой тайге всякого зверя. Однажды увидели на Улуг-таге на охоте 5 зверей. Стали стрелять — не попали, но и звери не убежали. В конце концов один человек их поймал (пару). Это оказались самец и самка. Человек их держал около себя в тайге, и они стали ручными. От них пошли у тувинцев олени. Это был первый скот, который узнали в Тодже. Коней узнали позже, только через монголов. А другого скота и посейчас не держат.

Все стада колхозов разбиты на группы, для которых правления колхозов вместе с бригадирами вырабатывают маршруты. Однако эти маршруты до последнего времени не соблюдались. Пастухи пасли оленей по старинке, не приучали держаться при пастьбе какого-либо направления. Колхозные угодья, отведенные для пастьбы оленей, велики, при пастушении колхозного стада в том или ином месте пастухи не сталкиваются ни с какими сторонними претензиями. Это способствует беспорядочной пастьбе. Прежде маршруты отдельных семей оленеводов были определенные, и хозяева знали свои места, опасались заходить на маршруты других оленеводов. Маршруты кочевков оленеводов в старое время были значительно сложнее, чем об этом писал Д. Каррутерс, они были связаны со всем комплексом единоличного хозяйства. Летом оленеводы стояли с оленями около белков (снежных гор). Оттуда уходили в октябре на охотничий промысел соболя в тайгу, позже спускались к большим рекам для белковки. В это время часто меняли место в поисках белки. В апреле уходили на места отела оленей. Для этого выбирали открытые луговые места около леса.

С наступлением лета отсюда уходили в горы к белкам. При таких сложных передвижках соблюдались по возможности неперекрещивающиеся маршруты. М.[Г.] Левин в материалах 1926 г. приводит маршрут кочевков хозяйства Кара-Чооду (из одноименного сумона) из Чанга арбана. Зимой это хозяйство стояло в 40 км от р. Толбула («Толба» — М.[Г.] Левин) в верховьях Тос-Булука. Весной ходили вверх по р. Пашь-хем на места отела оленей в степь Булук-ажик. После окончания отела шли в хребты Ӧдуген. Осенью спускались с Ӧдугена в верховья р. Пашь-хема на охоту за соболем, где и ходили до глубокого снега. Маршруты кочевков отдельных

²¹⁵ Переводил т[оварищ] А.К. Намзын.

хозяйств из года в год менялись, о чем договаривались осенью на сумонных собраниях.

Беспорядочная пастьба крупных колхозных стад может создать угрозу уничтожения богатых²¹⁶ ягельников в Тодже в течение 10 лет. А при медленном росте ягеля восстановление пастбищ — дело длительное. Неорганизованное пастушество и связанные с ним неизбежные потери поголовья снижают достижения пастухов в сохранении молодняка. Колхоз «1 Мая», например, давал хороший процент сохранности молодняка (96 %, а иные пастухи — 98 % при плане 75 %) ²¹⁷.

В колхозах выдвинулись передовые пастухи. В 1952 г. лучшим пастухом считался колхозник из «Советской Тувы» товарищ Параан Пары-оол, тщательно ухаживавший за оленьим молодняком и сохранивший от 30 важенок 30 телят (100 %). Однако потери взрослого поголовья снижают развитие оленеводства. Пастухи отвечают перед колхозом за потерю оленей. Члены правления колхозов, депутаты сельсоветов периодически навещают оленеводческие бригады, проводят проверку поголовья, условия жизни пастухов. Составляются акты на утерянных, погибших оленей. Если после соответствующего разбирательства устанавливается вина пастухов в потере оленей, собрание колхозников определяет стоимость погибшего скота и процент возмещения пастухом этой стоимости деньгами или натурой (оленем из поголовья в личном пользовании пастуха). Такие меры повышают ответственность пастухов. Однако для того, чтобы такие случаи были исключением, а не обычностью, необходима была настоящая реорганизация труда пастухов. Этот вопрос является постоянной заботой всех советских и партийных организаций района. Наряду с упорядочением пастушества оленей, в целях сохранения поголовья проводится важная работа по борьбе с волками — бичом оленеводства. Пастухи обоих колхозов отстреливают их, ловят капканами. Охотуправление Области поощряет эту борьбу. За добытого волка охотник получает стоимость шкуры — 100 руб. и премию — 200 руб. Организуются бригады охотников специально на волков, отстреливающие их в течение всего года.

В целях укрепления здоровья маток (важенок) и молодняка ведется работа по улучшению снабжения оленеводческих бригад продуктами питания и одновременно борьба с многократным доением. Установлены сроки доения важенок. Разрешается доить матку через месяц после отела, когда ее теленок уже окреп. Первый месяц доят 3 раза в день, следующий (третий после отела) — по 2 раза в день и дальше — 1 раз в день. Доят

²¹⁶ Специалисты определяют, что количество пастбищ-моховищ в Тодже может обеспечить поголовье в 30 тыс. оленей.

²¹⁷ В 1939 г., по сведениям Чаданской сельскохозяйственной станции, сохранность оленьего молодняка равнялась 49,1 % (Ст[атья] Баскаева [Баскаев, 1939]).

важенок женщины руками, подойниками служат берестяные ведерки — «саа». Во время дойки важенку привязывают к треноге из жердей. Перед доением к важенке подпускают теленка, «чтобы она спустила молоко». Оленье молоко высокого качества, густое. Употребляют его оленеводы при приготовлении чая, вливая в котел в сыром виде, а также делают из него пресный сыр — «пыштак». Других продуктов из него не делают (как скотоводы — из молока коров, коз и т.д.). Оленье молоко не квасят, в кислом виде не употребляют.

Кроме молока, колхозники получают от оленеводства незначительное количество мяса. Осенью в стадах оленей производится выбраковка старых, неполноценных оленей. Их забивают, и мясо поступает в продажу на колхозном рынке. Забивают старинным способом, а именно — сначала олень глушат ударом обуха топора по голове. Затем бьют ножом под левую ногу в сердце. Прежде на мясо оленей забивали лишь богатые оленщики. Бедняки крайне редко могли позволить себе эту роскошь, забивали больных, повредившихся оленей. Оленье мясо обычно варят, значительно реже в последнее время жарят в котле. Шкуры забиваемых в незначительном количестве оленей используются колхозом на свои нужды (пошив одежды и обуви пастухам, покрытие чумов).

Олень у тувинцев употребляется под верховую езду и вьюк. Никаких оленьих саней, телег ни прежде, ни теперь оленеводство тувинцев не знало. Обучать оленя и ездить на нем верхом начинают по достижении им трех лет. Малооленные употребляют и двухлеток. На них ездят дети. Работает олень до десяти лет, позже его забивают на мясо.

Верховые и вьючные седла различны. Верховое седло оленя («эдер ~ эзер») не отличается от такового конского. Вьючные седла делают нескольких видов — под груз, под детскую люльку. Вьючные седла («аңырчак ~ оңырчак») схожи с вьючными седлами, употреблявшимися скотоводами на коня, быка, яка. Различались лишь размерами. Детские седла («үвек») и «эрмашь ~ еңмашь» — Тоджа) имели специальные устройства. Всякое седло привязывают к оленю тремя лямками: передней («хольдрюк») — за шею, средней («тертык») — по брюху и задней («кутурга») — под хвостом вокруг крупа. Узда-обрать («чулар») отлична от конской, она проста: ремень идет по лбу над бровями, у корня рогов — под шею за уши²¹⁸. Веревка управления оленем-повод идет слева. Управляется олень этим поводом. При повороте налево повод тянут к себе, при повороте направо — похлопывают свободным поводом по шее оленя. При езде верхом пользуются стременами — «эзэнги» — железными, деревянными.

Вьючные седла, по словам тувинцев, они изготовляли сами, верховые — покупали у китайских и русских купцов. Украшали луки седел

²¹⁸ Такая же упряжь и у карагасов (тофаларов) (Катанов, 1891).

вьючного и верхового различно. На вьючных седлах наносили на переднюю луку несложный орнамент (геометрический с элементами растительного) путем вырезывания его по дереву. Верховые седла украшались серебряными бляхами и т.п. Орнамента на луке не делали. Седло кладут на спину оленя, посредине ближе к лопаткам, так же, как и коню, а не на лопатки, подобно другим сибирским народам, имевшим верховое оленеводство. Садятся на оленя с левой стороны²¹⁹. При езде часто употребляют посох — «тайяк ~ туйяк». Прежде посох употребляли почти все, ныне — старики.

Рабочих оленей в колхозах Тоджи и Тере-хёля дают охотникам на первую половину охотничьего сезона. Обычно охотнику выдают двух оленей: одного — под седло, другого — под вьюк. Иногда дают третьего оленя — сменного. Охотники обязаны хранить оленей и сдать их колхозу в хорошем состоянии. И тут отличен подход к оленям исконных охотников-оленоводов и скотоводов. Последние, получая оленей на промысел, часто не имеют навыков в обращении с этим животным, сдают их назад колхозу в сильно потрепанном виде [плохом состоянии]. Правление колхозов усиленно воспитывают чувство ответственности охотников за транспортных оленей; вернувший оленя в неудовлетворительном состоянии платит штраф, наоборот, сдавший их в хорошем состоянии получает премию.

Олени личного пользования пасутся в колхозах отдельно от общественных стад. Пасут колхозные пастухи, за что им начисляют трудодни, для оплаты которых хозяева оленей вносят в колхоз некоторую сумму (по договоренности, исходя из плановой стоимости трудодня). Норма поголовья личного пользования строго не установлена, примерно до 10 голов. Правление принимает все меры к точному учету личных оленей колхозников. В колхозе «Советская Тува» в Тодже, по сообщению председателя Б. Базыра, в среднем в личном пользовании аратов имелось в 1952 г. по 4–5 оленей. Всего в стаде личных оленей в том же году было 138 голов. В колхозе им. Хрущева в Тере-хёле в 1955 г. в личном пользовании у колхозников Соян и Чооду имелось от одного до четырех оленей. Если поголовье оленей личного пользования перерастает норму, то хозяин обязан продать излишек колхозу по ценам, назначенным правлением колхоза (примерно: теленок текущего года рождения — 150 руб., взрослый олень (независимо от пола) — 300 руб.).

Так как число рабочих оленей в общественных стадах колхозов не обеспечивает всех охотников, то колхозы арендуют у членов артели личных оленей на охотничий промысел, выплачивая им за это определенную сумму. Недостающих оленей заменяют лошадьми. Малочисленность оленного поголовья иногда принуждала колхозников использовать и важенок под транспорт, но только под вьюк.

²¹⁹ Как и на коня.

Выше мы упоминали, что все тувинцы-оленоводы имели и имеют лошадей. Почти у каждого оленевода имелся 1 или 2 коня, у зажиточных бывало свыше десятка. Лошадей использовали под верх и под вьюк при дальних поездках в степь, летом — при пастушении оленей. Зимой при «первой ходьбе» на конях ехали на охотничий промысел. Лошадей, как и оленей, весь год держали под открытым небом на подножном корму.

До сего времени [Выше] мы говорили [писали] об оленеводах Тоджи. Еще Д. Каррутерс предполагал, что и в [на] других территориях Тувы проживают группы, занимающиеся оленеводством. Он предположил, что это группы Салчаков и Оинов в бассейне р. Каа-хем. Действительно, имеются оленеводы и южнее Тоджи, в верховьях р. Каа-хем и по ее верхним притокам. Занимаются оленеводством здесь те же группы, что и в Тодже, Соян и Чооду, — жители бывшего арбана Соян, занимавшего эту территорию. Салчаки и Оинары оленеводством не занимались, жили значительно западнее. Группы Соян и Чооду издавна были оленеводы²²⁰. Олень поголовье этих групп было прежде более значительным, чем в настоящее время, однако всегда оно было гораздо меньше тоджинского. В 1940-х гг. всего оленей у каа-хемских групп было несколько более 200 голов. В настоящее время на этой территории оленей больше. В колхозе им. Хрущева всего с молодняком в 1955 г. насчитывалось 120 голов.

До 1950 г. оленей в колхозе не было вовсе, так как в колхоз вошли лишь скотоводы — тувинцы группы Иргит, Хертэк и Кыргыз. Сояны и Чооду оставались единоличными. В 1950 г. вошел в колхоз первый оленевод, который половину своих оленей сдал в общественный фонд колхоза, половину оставил себе. Эти олени составили основу колхозного оленеводства. Олени здесь являлись и являются весьма важным транспортным животным по тем же причинам, что мы указывали, говоря о Тодже. Оленеводство способствует охотничьему промыслу в глухой тайге Восточного Саяна. Колхоз им. Хрущева поэтому предпринял ряд мер к возрождению оленеводства. С этой целью колхоз закупил в колхозе «14 лет Октября» Каа-хемского района 40 голов оленей. В последнем колхозе также возобновляется оленеводство. В него вошли тувинцы-оленоводы группы Соян-Тожю, ранее кочевавшие в тайге по хребту [академика] Обручева. Тере-хольские оленеводы прежде имели основные ягельники в районе р. Пус (Пусин-гол). Ныне эти угодья отошли к МНР (после проведения границы в 1944 г.), и Сояны уходят со стадом на лето в Эрзинский район, в тайгу в Эрзин-бажы и Карга-бажы, где имеются ягельники. Осенью подгоняют рабочую группу оленей к колхозным поселкам для охотников.

²²⁰ Тере-хольские оленеводы не отмечают измельчания оленей. Видимо, потому, что они более общались с разными группами оленеводов как в Туве, так и вне ее.

В оленеводческих колхозах Каа-хемского района пастухами оленных стад являются только тувинцы группы Соян и Чооду. Многие Сояны Эрзинского района также имели когда-то давно оленей, но, утратив их стали, заниматься животноводством. В Улуг-Тодже, по утверждениям тувинцев-стариков, прежде Сояны и Чооду никакого другого скота, кроме оленей, не держали. Другие группы никогда оленей не имели. Группы скотоводческие в прошлом сохранили несколько покровительственное отношение к оленеводам. Считают их образ жизни отличным от своего. «Это оленщики. Они бродят, где попало», — представляют они приезжему тувинцев Соян и Чооду. Действительно, даже в 1952, 1955 г. оленщики по внешнему виду значительно отличались от групп скотоводов. У первых полностью бытовал национальный костюм, шапки, обувь. Одежду украшали старинные «тыргы» — подвески на поясе и т.п. В колхозном поселке они жили в кошемных юртах, но несколько в стороне от улиц поселка.

В этой связи коснемся значения термина «Тоджа» и имени тувинцев «тоджи ~ тожи ~ тожю» и т.п. (в соответствии с диалектами тувинского языка). В прошлом эту группу северо-восточных тувинцев называли «точи, точигасы». Во все время нашей работы в восточных областях Тувы мы выясняли местонахождение этой группы, ибо в [на] территории Тоджи тувинцев «тоджи» не оказалось. Все утверждали, что такое имя носит только территория, но не группа тувинцев. По утверждению тувинцев-скотоводов (многочисленных информаторов), «тожю, точи» и т.д. является монгольским названием для оленеводов-тувинцев групп Соян и Чооду. Тувинцы-скотоводы там и до сего времени употребляет этот термин для обозначения оленеводческих групп своего народа. «Вот приехали тожи ~ тожю», — говорят они про оленеводов. Группу Соян, проживающую в Эрзине, имевшую прежде оленей, а ныне — скотоводов, тувинцы-скотоводы других групп называют «эрзинские тожю». Некоторые встречаемые нами тувинцы в Тере-хёле и сами себя именуют «Тожи ~ Тожю». Но при дальнейших расспросах оказывалось, что все они относятся к группе либо Соян, либо Чооду. Всю область, где жили оленеводы, — современную Тоджу и юго-восточную часть Каа-хема — называли Улуг-Тоджа. Название озера Тоджи-нур (куль) также дано монголами. Поэтому после революции жители Тоджи сменили это чуждое им название на старинное — Азас²²¹.

Некоторые исследователи-тувинцы²²² производят название «Тоджа» от слова «тошь» — лось.

Тере-хёльские оленеводы имели все те же приемы в ведении этой отрасли животноводства, как и тоджинцы. Различия в том, что здесь дойкой оленей занимались мужчины-пастухи, а не только женщины. Все вопросы,

²²¹ В некоторых картах Урянхая — оз. Азас. Например, у В.Л. Попова (Попов, 1905).

²²² Т[оварищ] Ю.[Л.] Аранчын, сотрудник ТНИИЯЛИ, Кызыл.

заботы, которые стоят перед тоджинскими оленеводами, тревожат и каа-хемских, и тере-хӧльских.

Как мы отмечали выше, организация коллективных хозяйств положила начало коренному переустройству и оленеводства. Постепенно преодолевая веками сложившиеся традиции в этой отрасли хозяйства, колхозы неуклонно вводят новые совершенные методы в оленеводство. Последние годы (1955–1956 гг.) особенно много сделано по улучшению быта пастухов оленеводческих бригад, основное время находящихся в отрыве от всего населения колхозов. Налаживается снабжение пастухов продуктами питания. Организованы смены пастухов, улучшена связь с бригадами при помощи радиостанций (Тоджа). В районных центрах востока Тувы, в колхозных оленных стадах имеются зооветврачи и техники. В стадах оленям делают прививки, предотвращающие эпизоотии, в прошлом уносившие много скота (в том числе оленей). Отел оленей проводится под наблюдением указанных выше специалистов. Однако многие недостатки, указанные нами, еще имеют место, но у колхозов есть все возможности их изживания. Усилилась культурно-просветительская работа в оленеводческих бригадах. В бригады прикреплены культработники. Кроме того, частыми гостями у оленеводов стали лекторы, проводящие беседы на родном языке на различные темы. Группы самодеятельности колхозов и районного дома культуры в п. Тоора-хем выезжают в бригады с показом своих концертов. Пастухи-оленеводы направляются в колхозный поселок, где обучаются на кратких курсах по зоотехнике и оленеводству. Дети пастухов-оленеводов, как правило, зиму проводят в колхозном поселке в школе-интернате, летом едут в бригаду на оленьи пастбища к родителям или остаются в поселке, где многие пастухи имеют новые жилые дома.

Общая жизнь в колхозном поселке быстро стирает разницу в культуре между оленеводами и прочими колхозниками, которую еще можно было видеть в 1952 г. Увеличивающийся заработок колхозников, в том числе и оленеводов, позволяет им приобретать в колхозном магазине материю, готовое платье и прочие предметы быта. Процесс консолидации групп оленеводов и скотоводов в коллективных хозяйствах идет очень быстро и ярко виден при сравнении, например, недавних колхозников-оленеводов Тере-хӧля и более «старых» колхозников в Тодже; у последних различия в быту, одежде почти исчезли. Так стирается одно из основных различий [противоречий] между группами населения Тувы — различие в культуре восточных групп оленеводов и центральных групп скотоводов-земледельцев, которое отмечалось всеми старыми исследователями.

Оленеводство тувинцев привлекает внимание многих исследователей. Вопрос о его происхождении неясен и по сей день. Несомненно, что оленеводство тувинцев, тофаларов и в прошлом представителей самодийских племен (ныне отореченных) — камасинцев, старинное оленеводство лес-

ных ненцев, кетов, селькупов (баишенских) имело много общих черт. Оно, несомненно, было отлично от северного оленеводства тех же селькупов (тазовских), ненцев, энцев, нганасан, иными словами, всех северных самодийских групп. Оленеводство тувинцев, тофаларов и прочих перечисленных выше таежных групп в настоящем, а у других в прошлом было верховым и выючным, несанным. У всех этих групп имелся лесной олень, отличный от тундрового. Одним из доказательств отличия тундрового оленя от лесного может служить современный процесс, происходивший еще в 1954 г. в Ямало-Ненецком округе. Там с 1948 г. стада тундрового оленя из совхозов тундры частично были перегнаны на р. Пур (в лесную зону) для создания здесь оленеводства. Здесь произошла встреча тундрового и лесного пуровского оленя. Тундровый олень, не приспособленный к жизни в лесах, стал терять свои качества. Пастухи оленесовхоза — ямальские ненцы — не раз выступали с просьбой отвести оленесовхозу пастбищные угодья в тундре около Тазовско-Пуровской губы, то есть вывести их из леса²²³. Их просьба не была удовлетворена. Лесной олень скрещивался с тундровым в стадах оленесовхоза, терял также свои качества — рост и вес. К 1954 г. положение с лесным оленем было тяжелым — он ослабел, измельчал. В то время как вид лесного оленя необходим в таежных территориях не только Пура, верховьев Таза, но и в Сургуте и других таежных угодьях Ямало-Ненецкого в Ханты-мансийского округов, где прежде охота проводилась на верховом олене.

Происхождению оленеводства посвящена работа М.Г. Левина и Г.М. Василевич «Типы оленеводства и их происхождение» в журнале «Советская этнография» (Василевич, Левин, 1951, с. 63–87).

Нам представляется правильным предположение авторов о саянском центре появления оленеводства у самоедоязычных народов. При этом происходило, вероятно, приручение лесного оленя, которого употребляли сначала под выюки и впоследствии и под верховое седло. Об этом говорят тувинцы оленеводы. Они рассказывают, что сначала оленя употребляли только для перевозки грузов при перекочевках (запасов и оружия на промысел). При этом человек в то время передвигался на лыжах, которые были значительно в большем употреблении, чем сейчас. Об этом же косвенно свидетельствует и выючное седло, которое изготовлялось самими оленеводами и украшалось своим орнаментом.

Следует вспомнить свидетельства старинных историков летописцев, которые нигде не упоминают о верховой езде на олене у народов, встреченных ими в Саянской горной системе, а рассказывают о передвижении на лыжах и об употреблении оленей вод выюк. Самодийские современные

²²³ Протоколы общих собраний Пуровского оленесовхоза /собраны нами в 1954 г. — Е.П./.

народы — лесные ненцы и селькупы — сохраняли до 20-х годов нашего [XX] столетия и в языке, и в рассказах, и в религиозных представлениях воспоминания о верховом и вьючном оленеводстве. В языках того и другого народа имелся термин для оленьего седла — «паксат» (селькупское), «похосав» (лесных ненцев). Селькупское седло было вывезено нами от банхинских селькупов, хранится в коллекциях МАЭ [под] № 3871–9. У северных самодийских народов ненцев и энцев никаких терминов, свидетельствующих о верховом или вьючном оленеводстве, а также воспоминаний о таковом в фольклоре, не сохранилось. Цитата из И.[Г.] Георги, приводимая авторами указанной работы, о том, что в середине XVIII в. «самоеды» ездили и верхом на оленях и на нартах, вряд ли может быть отнесена к ненцам, имевшим уже в те времена типично санное оленеводство.

В статье М.Г. Левина и Г.М. Василевич саянское оленеводство выделяется в особый тип, и в то же время по ряду признаков оно связывается с упряжным северо-самодийским оленеводством. Пытаясь разрешить на материале созданной ими классификации типов проблему происхождения оленеводства, авторы ставят ряд вопросов, которые до сего времени остаются неясными. Перечисляя признаки, пригодные для классификации типов оленеводства, авторы упоминают о породе оленей, считая этот признак также, по-видимому, важным. Факт, что имеются две резко отличные породы домашних оленей — лесная и тундровая, не подлежит сомнению. Что с породой оленя связано то или иное оленеводство — также вне сомнения.

Упряжное оленеводство там, где оно является основным, классическим, везде связано с мелким тундровым оленем. В перечне народов, знавших, по словам авторов, и тот и другой тип оленеводства, мы видим народы, которые проживают в лесной и лесо-тундровой зонах, имели высокого лесного оленя, имели вьючно-верховое оленеводство в прошлом и лишь позднее от тундровых соседей узнали и заимствовали упряжное оленеводство, которое у некоторых из этих народов впоследствии вовсе вытеснило вьючно-верховое оленеводство. Таковы кеты, лесные ненцы, баишенские селькупы, знавшие прежде вьючно-верховое оленеводство, впоследствии потерявшие его, заимствовав упряжное, таковы сургутские ханты, вовсе утерьявшие верхового оленя и ставшие пешими. В то время как племена, вышедшие в тундру (тазовские селькупы, курейские кеты), заимствовали упряжное оленеводство с мелкой тундровой породой оленей.

Оленеводство с лесной породой оленя — это всегда вьючно-верховое оленеводство. Кроме того, оленеводство с лесным оленем в силу географических условий лесной, горной территорий всегда было менее значительным по поголовью, чем тундровое, всегда имело транспортное, подсобное значение, не являясь основным источником жизни, каким являлось тундровое оленеводство. Доевание оленей, которое авторы считают важным

признаком для классификации оленеводства, а также консервирование молока оленей были известны народам, имевшим лесное оленеводство. Эти же оленеводы не знали пастушеской собаки для пастьбы оленей. Авторы перечисляют эти народы, в числе которых селькупы, сымские эвенки, эвенки с верховьев Нижней и Подкаменной Тунгусок, тувинцы и тофалары, в прошлом — кеты и лесные ненцы.

Следовательно, лесное оленеводство отлично от тундрового рядом [по ряду] важнейших признаков, являющихся следствием самой породы разводимого оленя — это выючно-верховой способ эксплуатации оленя, доение — и следствием географической среды бытования этой породы — малые стада, пастушество без собаки, транспортное направление оленеводства.

О значении породы в том или ином типе оленеводства авторы не говорят ничего.

Такой тип лесного оленеводства имели, по-видимому, саянские предки самоедоязычных и кетоязычных народов. При продвижении на север этот лесной тип они унесли с собой, двигаясь по таежной полосе. До сего времени мы имеем в современных народах приенисейской тайги остатки этих древних переселенцев с Саян в лице кетов, селькупов, лесных ненцев. Эти племена (селькупы и лесные ненцы) до сего времени сохранили воспоминание о выючно-верховом оленеводстве в языке, например термин для седла («паксат» — селькупское, «похосав» — лесных ненцев), в религиозных представлениях — шаманы, путешествующие верхом на олене, и основное — высокую породу лесного оленя. Следует отметить, что в силу малочисленности поголовья стад лесных оленей, отсутствия широкого обмена оленями-производителями порода эта мельчает, и только у саянских оленеводов еще сохраняется более или менее высокий олень. У этих народов отсутствует пастушеская собака, тип оленеводства — транспортный.

Не сохранилось воспоминаний о доении важенок, в то время как у современных саянских оленеводов доение оленей существует и поныне. Нам представляется более правильным считать, что самодийские и кетоязычные народы не знали доения важенок, а не утратили его. Собранный нами материал по тувинскому оленеводству свидетельствует, что доение важенок южные оленеводы заимствовали от соседних скотоводческих племен, издавна практиковавших доение лошадей, коров, овец и т.п. От них же переняли оленеводы и прием консервирования оленьего молока. Самодийские и другие оленеводы ушли с Саян до того, как доение было перенято от скотоводов и перенесено на оленей. Трудно представить, что при скудных пищевых ресурсах, которые давала охота, собирательство, рыбная ловля на старых и мало отличных новых местах жительства народ мог утратить важный источник получения пищи — молока, имея тех же оленей. Отделение огромного большинства самодийских и других предков оленеводов от родных мест происходило, видимо, в [на] ранней стадии

освоения оленеводства. В связи с этим важен факт, отмеченный авторами указанной статьи, — не все народы, знавшие вьючное оленеводство, знали верховое. Перечисляя народы, не использовавшие оленя под верховую езду, авторы дают имена тех же народов — указанные выше группы эвенков и саамов. Добавим, что не знали верхового оленеводства тувинцы, тофалары и камасинцы.

По рассказам [Из рассказов] тувинцев-олeneводо-в про старину явствует [следует], что сначала олень ими употреблялся только под вьюк. Хозяин вьюка шел рядом на лыжах. Лыжи в прошлом были значительно в большем употреблении, чем в наше время. Вьючное седло оленя тувинцы-олeneводо-ды считают старинным «своим». Оно отлично от верхового не только конструкцией, но и украшением. На вьючных седлах олeneводо-ды делали «свой старинный узор». Вьючные седла изготовлялись самими олeneводо-дами, тогда как верховые седла почти всегда покупали у торговцев либо скотоводов-мастеров этого дела. Привезенное нами от байшенских селькупов старинное седло ничем не отличается от тувинских вьючных седел. По-видимому, селькупы не знали верхового седла и пользовались для езды верхом на олене вьючными седлами. В сведениях китайских путешественников VII в., у Рашид-ад-Дина и др., упоминается использование оленя под вьюк, удивительное искусство ходить на лыжах у народов севера Саян, но о езде верхом на олене упоминаний нет. Нет изображений всадников и на ранних, VII–IX вв., писаницах. Оленеводы-тувинцы утверждают, что верхом на олене стали ездить лишь после того, как узнали коня. Вся упряжь верхового оленя — седло, стремяна и пр. — по устройству, по терминологии те же, что и конские.

Нужно отметить, что подобное пренесение верховой езды с коня на оленя допускалось самой породой оленя. По завлечению зоолога Миллера, спутника Д. Каррутерса, саянский олень сильнее норвежского и, по нашим наблюдениям, часто крупнее малорослых степных тувинских коней. Положение седла посредине спины оленя такое же, как и у коня. Наличие стремян допускало посадку на оленя без прыжка с посохом, о бытовании которого у эвенков упоминают авторы статьи. Однако посох в прошлом употребляли все олeneводо-ды, ныне с ним ездят только старики-тувинцы. Употребление посоха вызывалось тем, что седло на олене в силу качеств его шерстного покрова скользило, не держалось на теле оленя устойчиво, как на коне. Посох помогал сидящему в седле держаться более уверенно. Позже олeneводо-ды-тувинцы стали держать коней, но обращались с ними, как с оленями. Они не пасли их, не заготавливали им кормов и т.д. При неуклонно развивавшихся связях охотников-олeneводо-в с жителями степных территорий в Туве коневодство расширялось. Конь стал основным транспортным средством в предгорьях и хребтах во время летней и ранней зимней (малоснежной) охоты. С развитием верхового олeneводо-вства и ко-

неводства стала падать [утрачиваться главенствующая] роль лыж, возрождение которых началось лишь в наше время.

На съезде передовиков-охотников в 1953 г. в п. Тоора-хем на повестке дня стоял вопрос об употреблении лыж именно в таком выражении — «о возрождении» лыж. Ныне это вызвано временной нехваткой в колхозах транспортных оленей для охотников.

Несомненно, коневодство стало известным и самодийским племенам северных склонов Саян — предков современных селькупов, камасинцев и др. Селькупы сохранили в своем языке, как и ненцы и камасинцы, уйгурский термин для коня — «юнно» (ненцы и камасинцы), «күнды ~ чунды» (селькупы). У последних сохранился уйгурский термин для коровы, отсутствующий в других самодийских языках, — «сыыр» (уйгурский «сыуыр»).

Связь лесного оленеводства самодийских и кетоязычных племен в современности с древними оленеводами их саянских предков ясна. Авторы утверждают, что это лесное оленеводство было принесено в места современного расселения основной массы самодийских племен — в тундру. Возможно, что так. Но встает законный вопрос, каким образом столь отличное оленеводство (вьючно-верховое и т.п.) стало упряжным? Каким образом лесной высокий олень стал мелким тундровым? Имеем ли мы здесь дело с изменением породы оленя, встретившего совершенно другие географические условия, изменением, сделавшим невозможными использование мелкого слабого оленя под верх и вьюк? А в связи с этим, возможно, возникло использование собачьей нарты и упряжи местных собаководов с заменой тягловой силы собак оленями?

Следует отметить, что нарта, ручная, правда, была издавна известна самодийским племенам, и ее общий термин сохранился у ненцев, энцев («хан») для ездовой нарты («ка́и-дь») у селькупов для ручной нарты. Возможно, что свой термин народ перенес на заимствованный объект, в данном случае — собачью нарту.

Авторы статьи считают, что было лишь два центра возникновения оленеводства — Саяны и Забайкалье. Следовательно, они отвечают на поставленные выше вопросы. В обширные тундры, заселяемые ныне самодийскими племенами, по утверждению авторов, домашние олени пришли с предками этих племен, а из этого следует, что до этого времени домашнего оленя тундровой породы в тундре не было. Значит, лесной высокий саянский олень является предком тундровой породы оленя. Нам этот вывод представляется сомнительным. Прежде всего ввиду малочисленности стад лесных оленей у протосамодийских племен, пришедших на север. Кроме того, известно, что в тундрах имелся дикий мелкий тундровый олень, стада которого в прошлом были очень велики. Далее авторы утверждают, что саянские самоеды, «приехавшие на север верхом на олене», встретились

с аборигенами-собаководами и «частично заимствовали от них навыки собаководства и перенесли их на оленя. Вот откуда и могли заимствовать они вместе с навыками собаководства и посадку слева и т.д. Связывать в новом, по сути дела, отличном от старинного, упряжном оленеводстве северных самодийцев прохождение, повадку и посадку слева с саянскими теми же элементами в верховом (конском) оленеводстве нет достаточных оснований.

Таким образом, мы не видим возможности сейчас ставить в генетическую связь современное северо-самодийское упряжное оленеводство с древним выючно-верховым саянским.

Для решения вопроса о возникновении упряжного оленеводства северных самодийцев необходимо дополнительное исследование.

Оленеводство у тувинцев появляется в результате проникновения в тюркскую среду самодийских племен, проживавших на смежных саянских территориях, тесно общавшихся друг с другом, вступающих в брачные связи. В итоге такого тесного общения северо-восточные тувинцы восприняли ряд элементов самодийской культуры, отличавшей их от общей массы тувинских скотоводческих групп центральной и западной территории Тувы.

Интересен факт, установленный исследователями восточных тувинцев-тоджинцев-олeneводов (Л.В. Гребнев, С.И. Вайнштейн и др.), — в фольклоре этой группы нет упоминаний об олене и оленеводстве. В то же время имеется подставной термин для оленя «кудай» — серый конь. Эти моменты свидетельствуют о позднем появлении оленеводства у тувинцев, о влиянии на него коневодства.

Это свидетельствует также о сравнительно недавнем процессе консолидации части самодийских племен с тюркскими, давшим современных тувинцев-олeneводов, [и о] незначительности самодийского элемента в группе упомянутых тувинцев. О последнем говорит также почти полное исчезновение языка и специфических черт самодийской культуры. О заимствовании оленеводства косвенно свидетельствуют и приведенные предания. В них указана определенная территория появления первых домашних оленей Ивилиг-арга (Улуг-таг) в верховьях рек Чаваш, Сыстыг-хем, смежных с территорией обитания самодоязычных и кетоязычных групп. Вспомним при том, что произошла замена имени оленя «коукаш» на «иби» и что «коукаш» имеет в себе [включает] компонент «коу», сохраненный в современном энецком языке в значении «лось». В предании говорится, что на охотничьей территории тувинцев с каких-то пор стали слышаться голоса людей (чужие), спугивавших зверей. Возможно, это отражает вторжения охотников-самодийцев на южную сторону Саян во время охотничьих походов. Там же отмечается, что, увидев зверей (оленей), тувинцы стали стрелять, а звери не убегали. Здесь, возможно, отражено необычное для

тувинцев качество одомашненного зверя, привыкшего к людям, — отсутствие страха перед человеком.

Таким образом, как ни мал имеющийся материал, он позволяет обоснованно предположить, что тувинское оленеводство — явление, заимствованное от самодийских племен небольшим числом тувинских племен — ныне это только Соян и Чооду [прим. 27]. В своем развитии тувинское оленеводство приняло все черты, присущие степному скотоводству (коневодству).

Ныне многими тувинцами оленеводство утеряно; его заменило скотоводство.

Глава VIII

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТАО

Промышленность в дореволюционной Туве почти отсутствовала. Единственными промышленными предприятиями были золотые прииски, принадлежавшие русским предпринимателям, и мелкие кустарные предприятия для обработки сырья, организованные крепко осевшими торговцами-скотопромышленниками. Несколько слов необходимо сказать о развитии золотой промышленности в Урянхае, ибо, как ни мала была, однако она вызвала целый ряд экономических изменений в жизни отдельных территорий Тувы и, кроме того, способствовала усилению интереса к этой стране со стороны русского царского правительства. Добыча золота в Урянхае стала производиться в начале XIX в. по южному склону Саян. А в 1838 г. минусинский промышленник Колобов явочным порядком организовал добычу россыпного золота по Сыстыг-хему. Прииски, захваченные Колобовым, были столь богаты, что, как выразился Х.М. Сейфулин, «династия Колобовых продержалась здесь до революции» (Сейфулин, 1954).

Во второй половине XIX в. усиливается приток русского капитала в золотодобычу. Золотопромышленники переходят в систему рек Утта, Учжи, Серлига и далее вглубь Урянхая. За период с 1879 по 1908 гг. в Урянхае добыто было свыше 705 пудов золота. Небольшое количество добытого золота объясняется как отсутствием технического оборудования на приисках, так и особо неблагоприятными условиями работы на них. В.[Л.] Попов пишет, что местные урянхайские (китайские) власти категорически воспрещали добычу золота, мотивируя тем, что Урянхайская земля находится во владении Китая (Попов, 1913, с. 6). Царское правительство в середине XIX в. неуверенно относилось к мнению некоторых кругов России, что Урянхай еще со времен Алтын-ханов (XVII в.) принадлежит России. Поэтому правительство не оказывало явного покровительства проныкавшим в Урянхай торговцам и предпринимателям. Отсутствие поддержки со стороны царской власти, постоянная борьба с местными властями в Урянхае, тяжелые условия снабжения питанием и оборудованием рабочих приисков из-за отсутствия сколько-нибудь благоустроенных дорог, связывавших прииски в Урянхае с русским населением Засаянья, — все эти моменты отражались на производительности приисков. Местные

чиновники после многих переговоров и подарков разрешали русским предпринимателям на свой страх и риск организовывать добычу. А царское правительство в лице начальника Усинского пограничного управления брало с них подписку еще и в 1910 г. в том, чтобы они «не рассчитывали на защиту своих интересов со стороны Русского государства». Однако это не остановило предпринимателей. Они продолжали поиски. Так были найдены богатейшие месторождения золота в Восточном Саяне, Танну-ола и в бассейне р. Кемчик. Помимо золота, нашли залежи каменного угля, асбеста, осадочной и каменной соли и другие полезные ископаемые. В 1906 г. составила [появилась] Минусинская компания русских предпринимателей для эксплуатации богатых залежей асбеста (Ак-Таврак в Эдегейской степи). Была снаряжена летом этого года экспедиция во главе с окружным горным инженером. Экспедиция прошла прямо к месторождению, не спросив на это разрешения хемчикского нойона Хайдупа, владевшего этой территорией. Последний не принял посланных ему экспедицией подарков и не разрешил не только эксплуатацию, но и осмотр залежей асбеста. Под угрозой применения силы экспедиция ни с чем вернулась обратно (Сафьянов, 1912).

Русское правительство, отказываясь защищать права русских промышленников в Урянхае, все же считало себя правомочным не только отводить и закреплять за отдельными лицами прииски и разработки, но и получало продукты промыслов и, кроме того, собирало налоги и даже организовывало продажу с торгов оставленных приисков.

Первые прииски сосредоточивались в Восточных Саянах. Многие из дореволюционных путешественников побывали на приисках, и в их материалах имеются очень немногие сведения о быте и условиях труда рабочих (Ошурков, 1893). [В.А.] Ошурков побывал на приисках Гусева по р. Серлиг и Золотой (Куртушиби-хем), где работали около 150 человек. Состав рабочих был неоднороден. Часть рабочих приходила из европейской России. Это были кадровые рабочие горной промышленности. Большинство являло собой, по определению [В.А.] Ошуркова, «обычный контингент рабочих сибирских приисков», то есть «голытьба из переселенцев» (Кабо, 1934, с. 105). Первые были беспокойным элементом, «так как нелегко поддавались стремлению эксплуатировать их труд». На этих приисках в год намывали до 8 пудов золота. Находили в песке и крупные самородки. Снабжение приисков мясом, сеном для лошадей производилось с Уюка и Уса местными русскими крестьянами. Снабжение приисков в Тодже (по Сыстыг-хему в 1890-х гг. имелось несколько приисков) производилось 1 раз в год по Амыльской тропе от с. Кужебарского. Поздней зимой здесь иногда устанавливался проход через Саяны (к марту). Крестьяне были заинтересованы в проложении хороших дорог для провоза своих товаров и по этой тропе организовали даже санный проезд (Кабо, 1934). Упоминание о санном про-

езде у [Р.М.] Кабо нужно, по-видимому, понимать так, что частично до перевалов имела подобная дорога, так как, если бы имелся санный путь от Амыла, впоследствии при революционной власти он был бы использован для устройства пути в Тоджу. Дело происходило так, что до какого-то пункта русские крестьяне приречных населенных пунктов везли грузы на саянах (Ошурков, 1893) (на воз нагружали 20–30 пудов товаров, но выючную лошадь — 3–4 пуда (Островских, 1899)), а далее переваливали их выючным транспортом через Саяны в долину Сыстыг-хема в Алгаяк. Оттуда вновь возможно было по реке санное продвижение силами тех же русских торговцев, золотопромышленников, имевших на приисках табуны. Хлеб завозили в Туву зимним путем из Минусинска по Енисею санным транспортом и развозили выюками в далекие прииски.

[В.А.] Ошурков упоминает о работе тувинцев на приисках. Он пишет, что тувинцев было выгодно нанимать на легкие работы, так как платили им очень дешево. Тувинцы жили около приисков. «Им некуда было уйти. Здесь были их летние пастбища, куда они спасались со скотом от комаров». Те, кто работал непосредственно на добыче, кочевали по ближайшим речкам со скотом. Все это были бедняки. В стремлении заработать тувинцы гнали «араку» и продавали ее рабочим приисков. «Арака» находила хороший сбыт, так как спиртные напитки не завозились, а заносились незаконными путями торговцами и продавались по дорогой цене. Употребление спиртных напитков преследовалось администрацией приисков. За пьянство рабочих наказывали розгами (Ошурков, 1893, с. 100). Для того чтобы пресечь гонку «араки», однажды на приисках Серлиг администрацией были высланы в стойбища тувинцев казаки, которые разбили все аракогонные аппараты.

В 1908 г., по официальным данным, в Туве было добыто 9 пудов золота, а по банковским сведениям — свыше 30 пудов. Фактически добыча золота была значительно больше, так как много золота скупалось китайскими торговцами и не могло учитываться правительством России. По данным В.[Л.] Попова, в 1910 г. в Урянхае было заявлено 224 прииска; из них 176 заявлены, но не разрабатывались, 30 были оставлены как выработанные, а работали всего 18 приисков (Попов, 1913)²²⁴.

В связи с расширением золотопромышленности во второй половине XIX в. в Урянхай начинается въезд значительного количества рабочих, крестьян, многие из которых навсегда здесь оседают. Во время наших поездок в ТАО мы имели возможность слышать рассказы русских старожилов-стариков, прежде работавших на золотых приисках в Урянхае. В основном

²²⁴ В работе М.Х. Сейфулина дано 14 приисков на это время (Сейфулин, 1954). П.Е. Островских пишет, что в Урянхае было 11 приисков, где работали 500 рабочих (Островских, 1899, с. 338).

это жители с. Бай-хак (современного центра Тандинского района), ныне — глубокие старики. А.И. Палкин (76 лет, родом из Свердловской области, с. Конёва) был привезен сюда с золотых приисков в кузнецкой тайге (с р. Кондомы), где его родители работали. В 1914 г. он с семьей поселился на приисках по р. Арголык, где работал до их закрытия. Ф.Я. Селиванов (80 лет) с 1898 г. жил в Туве в п. Туран, а с 1910 г. перебрался в Бай-хак. Сам работал на приисках, семья занималась сельским хозяйством. Щербинин (77 лет) родом из с. Ермаковского работал на тех же приисках Арголык и Джинга вместе с Карелиным, выходцем из Перми. Много интересного рассказали старожилы, собравшиеся в Урянхай в основном из Приуралья. На их глазах добывалось золото. Работы велись вручную. Никаких машин не было. «Машины, их доставка сюда были дороже, чем наши руки и руки сойот», — говорят старики.

На приисках рабочие жили в бараках, построенных своими руками. Бараки были постройками легкого типа, мало приспособленными к зимним условиям Тувы. Капитального строительства не прозводили потому, что хозяева приисков не рассчитывали на длительную эксплуатацию прииска. Выбирали то золото, что дешево доставалось, без особых затрат на оборудование, а в дальнейшем делали заявки на другой нетронутый участок. Золота было много, часто находили самородное золото. Золото сдавали весом приемщикам и сразу получали за него деньги. Много было обид и обманов, говорили старики. Многие русские рабочие селились в недалеком расстоянии от приисков «своим домом», заводили хозяйство. Интересно отметить, что некоторые, переселяясь в Урянхай, перегоняли сюда и свой скот, коров и лошадей. Поселение в Урянхайской земле в те времена было сложным делом. Для поселения получали разрешение от начальника Усинского пограничного управления²²⁵. Разрешая, начальник предупреждал, что нужно жить «осторожно, не сердить сойотов, так как они могут и не пустить поселенцев». Но многие крестьяне и осевшие на земле рабочие мирно и дружно жили с тувинцами. В п. Бай-хак крестьяне и рабочие всегда «гостевали» у тувинцев, принимали их у себя. Потому, рассказывают старики, «сойоты нам жить не препятствовали и даже разрешали рыбачить на озере Чагатай». Но тех, кто не был дружески настроен к тувинцам, например староверы, которые «гнушались» язычников, не пускали к себе в избы и т.п. (например, в д. Сосновка, в 7 км от Бай-хака, ныне колхозный поселок богатой сельхозартели «Красный партизан»), туземцы на озеро рыбачить не пускали.

Прииски Арголык и Джинга были выработаны и брошены²²⁶. Рабочие стали заниматься исключительно сельским хозяйством. В скотоводческих,

²²⁵ Усинское пограничное переселенческое управление организовано в 1886 г. Первым начальником был А.М. Африканов, автор нескольких статей об Урянхае.

²²⁶ Не работают эти прииски и ныне.

земледельческих районах тувинцы также шли на приисковые работы. В те времена в Туве имелось немало окончательно разорившихся мелких производителей, бедняков аратов, лишившихся в результате феодально-ламской эксплуатации всякой собственности и готовых продать свою рабочую силу баям, кулакам, чиновникам, любым предпринимателям. Историк Тувы Х.М. Сейфулин говорит по этому поводу: «Создавая промышленные предприятия, в первую очередь золотые прииски, российские промышленники способствовали развитию производительных сил Тувы и зарождению рабочего класса» (Сейфулин, 1954, с. 3). Российский промышленный капитал оказывал «прямое положительное влияние на экономическое развитие Тувы».

Помимо золота, в Урянхае добывалась и являлась предметом вывоза вначале осадочная и позднее каменная соль. Самим русским добыча соли была запрещена китайскими властями. Добывали соль тувинцы; в основном осадочную — на оз. Тус-холь²²⁷ («Соленое озеро») и прекрасную каменную соль — в верховьях Таргалыка. Обычно в начале мая приказчики русских торговцев выезжали к местам добычи соли. Скупали соль в обмен на товары²²⁸. Измеряли соль «пудовками». Эта мера соответствовала русским 1,5 пудам. «Пудовка» имела эквивалентом 1 «ама» (квадрат) бязи. В переводе на деньги это равнялось около 12 коп. (то есть, иными словами, пуд соли покупали за 8 коп.). Соль была низкого качества и требовала очистки. Однако она широко покупалась в Минусинске и даже на енисейских промыслах (Ошурков, 1893). Русские купцы сплавляли соль на плотках по Енисею дважды в год — в начале июля и сентябре. Выгоды от торговли были также немалы. Например, Г.[П.] Сафьянову плот с 1 тыс. пудов соли обходился в 200 руб. (сюда же входила и оплата лодмана — 40–60 руб.). Ежегодно сплавляли в Россию 10–15 тыс. пудов соли²²⁹.

С установлением протектората России над Урянхаем в 1914 г. и назначением в Урянхайской земле твердой власти — специального комиссара Урянхайского края, которому подчинялись с этого времени местные феодалы, русским правительством принимаются меры по земледельческой колонизации Тувы и по разработке ее природных богатств. Несколько оживляется в эти годы и золотопромышленность. Но это оживление незначительно, так как Первая мировая война налагает свои трудности на всю Россию [создает трудности для всей России].

В дальнейшем в период революции, Гражданской войны и оккупации Тувы все прииски были заброшены, и добыча золота велась лишь старо-

²²⁷ В 30 км от Улуг-хемской фактории [Г.П.] Сафьянова на Салдаме.

²²⁸ Ф.Я. Кон. Цит. по рукописи [А.М.] Позднеева (Позднеев, 1896, с. 153–155).

²²⁹ А.В. Адрианов спускался на плоте Г.П. Сафьянова, где в особом ларе на корме плота переплавляли 1 200 пудов соли.

жилами — русскими старателями. В период 1921–1930 гг., в годы укрепления молодой Тувинской Народной Республики, промышленность в Туве почти не развивалась. В эти годы советское правительство передало ТНР все имеющиеся золотые прииски со всем оборудованием. В 1925 г. в помощь ТНР в деле развития экономики советское правительство организует Тувинский торгово-промышленный банк на акционерных началах, в основном на средства СССР. Банк призван организовывать развитие всех отраслей хозяйства и торговли в ТНР и, очевидно, в первую очередь организовать и укрепить финансы республики. Банк организует разведывательные и горноподготовительные работы и первые промышленные предприятия по добыче полезных ископаемых.

Основные силы республики до 1930 г. направлены на подъем сельского хозяйства в стране, на борьбу с феодально-ламскими элементами, противодействующими революционному социалистическому переустройству экономики и культуры Тувы.

В последующие годы после VIII и IX съездов Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) промышленность вступает в период роста. Первой создается гонная промышленность: развивается добыча угля, золота, каменной соли. С начала 1930-х гг. создаются первые предприятия кустарного типа по переработке древесины, выделке кирпича, кож, войлока. К 1940 г. в республике уже имелись кожевенный, лесобрабатывающий, кирпичный заводы, каменноугольные и соляные копи, мельницы, электростанции, авторемонтные мастерские, пошивочный и пищевой комбинаты, сапожная мастерская, типография и т.п. Кроме того, имелось 28 различных кустарно-промысловых артелей²³⁰. Объем промышленности был невелик. За 1940 г. промышленность дала продукции на 3,1 млн акша, в 1942 г. — 4,6 млн акша, в 1943 г. — свыше 6 млн акша (Сейфулин, 1954, с. 100–101).

В 1940 г. предприятия республики производили около 1 млн кирпича, 6 т угля, 900 тыс. погонных метров леса, 3–4 тыс. пар валенок, 3,5 тыс. пар лыж. В 1942 г. наиболее важной по стоимости и числу рабочих была золотая промышленность. Удельный вес горной промышленности во всей государственной промышленности в 1941 г. составлял 45 %. Однако все эти промышленные предприятия были слабо оснащены технически и являлись по существу полукустарными. Всюду, кроме лесопилки, работы производились вручную.

Значительный удельный вес в перерабатывающей промышленности занимала промкооперация. Основными видами ее производства были колбасное, кондитерское, хлебопекарное, швейное, овчинно-шубное, кожевенное, валяльно-войлочное, рыбное и добыча соли.

²³⁰ Цифра по работе [Х.М.] Сейфулина. [П.А.] Шахунова дает в своей работе другую цифру — 26 (Шахунова, Лиханов, 1955).

Предприятия государственной промышленности и промкооперации частично покрывали внутренние потребности республики, но многое недостающее ввозилось из СССР.

Некоторый рост промышленности наблюдался в годы Великой Отечественной войны. Расширяется производство прежней и налаживается выпуск новой продукции; выпускаются лыжи с ремнями, гончарные изделия, мыло, свечи, телеги, сани, веревки и т.п. В это период значительно выросло число рабочих из среды тувинцев-аратов, мужчин и женщин.

Все оборудование для промышленности завозилось из СССР. И не только оборудование, но и специалистов для налаживания и эксплуатации промышленных предприятий посылало в Туву советское правительство. Помощь СССР в деле подъема экономики и культуры ТНР очень велика. И «дело не только в том, что помощь эта является максимально дешевой и технически первоклассной. Дело прежде всего в том, что в основе этого сотрудничества лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться экономического подъема» (Сталин, 1952, с. 31).

После присоединения Тувы к СССР советское правительство обращает особое внимание на создание очагов промышленности в Тувинской автономной области, без которых невозможно создать [осуществить] всестороннее развитие экономики Области. Тува имеет огромные ресурсы полезных ископаемых, лесные массивы [лесных массивов], следовательно, имеет все возможности [обладает всеми возможностями] стать в ближайшем времени одним из цветущих индустриально-колхозных районов СССР с развитой горной и лесной промышленностью и с крупным механизированным социалистическим сельским хозяйством — источником сырья для пищевой, кожевенной и другой промышленности. К тому же Тува имеет громадные возможности для получения дешевой электроэнергии от использования широкой сети бурных горных рек.

За период с 1944 по 1954 г. промышленность Тувы резко поднялась [быстро окрепла]. В настоящее время в Области имеются предприятия союзной, республиканской и местной промышленности. Все они неуклонно оснащаются первоклассной техникой. Увеличилась добыча угля, работают каменноугольные штольни на Эрбеке и в Усть-Элегесте (25–30 км от Кызыла). Строится асбестовый комбинат «Ак-Таврак» («Белая глина»), о притязаниях на который минусинских промышленников мы говорили выше. В Эдгейской степи (Барыын-хемчикский район) на месте асбестовых залежей вырастает настоящий город с благоустроенными домами, улицами, освещенными ярким светом электричества. Начата в Области добыча некоторых цветных металлов. В г. Кызыле строится самый большой в Области ремонтно-механический завод, который будет играть большую роль в металлообрабатывающей промышленности Области. В настоящее время работает ряд мастерских по ремонту грузовых машин и пассажирских автобусов, обслуживающих внут-

рение перевозки в Области, а также мастерские при МТС. Расширили свою работу и обрабатывающие промышленные предприятия: лесопильный, лесообрабатывающий, кирпичный, кожевенный, меховой, валяльно-войлочный заводы, швейный и пищевой комбинаты. Все эти предприятия реконструируются, оснащаются новым оборудованием, увеличивают выпуск продукции. Валовая продукция местной промышленности возросла с 1944 по 1954 г. в 4,4 раза, количество занятых в промышленности рабочих — в 1,8 раза. При этом 32 % из них — женщины.

Оснащаются технически и угольные штольни, растет из года в год добыча угля. За последние 10 лет она возросла в 10 с лишком [более чем в 10] раз. Кирпичный завод после переоборудования не только увеличил выпуск кирпича, но и стал производить выжиг извести и в ряде местностей Области организовал добычу строительного камня.

Строятся новые промышленные предприятия, которые вызвало к жизни развитие сельского хозяйства Области. В г. Кызыле строится мясокомбинат, хлебозавод, пивоваренный завод, начато строительство новой паротурбинной электростанции мощностью в 5 тыс. кВт.

Г. Кызыл является основным центром, где сосредотачиваются промышленные предприятия ТАО. Кроме Кызыла, в семи районах Области работают промышленные комбинаты, роль которых — на базе местного сырья давать продукцию для удовлетворения нужд населения районов, в первую очередь колхозов. Кроме того, во многих районах работают лесхозы и леспромхозы, снабжающие сырьем строительство в Области и лесообрабатывающие предприятия как в г. Кызыле (лесопильный и лесообрабатывающий заводы), так и промкомбинаты, имеющие в своем производстве столярные, лесопильные, мебельные цеха. Особенно большое значение имеют предприятия местной промышленности для районов с тяжелыми транспортными условиями, как, например, Тоджа. Для характеристики производства промкомбинатов (структурно одинаковых, различающихся по степени развития того или иного производства) несколько слов скажем о Тоджинском промкомбинате, организованном в 1949 г.

На строительство производственных помещений и закупку оборудования промкомбината были отпущены областными организациями достаточные средства. Однако не сразу удавалось наладить эффективное производство. Причиной этого было как отсутствие квалифицированного руководства всем комбинатом, так и отсутствие [нехватка] профессиональных рабочих как в среде тувинцев, так и среди русского населения.

До 1952 г. промкомбинат не только не давал прибыли, но, не выполняя планов производства всех видов продукции, имел большую задолженность рабочим по заработной плате, что также не способствовало закреплению рабочих кадров. В промкомбинате имелся столярный цех, который до 1952 г. выпускал оконные рамы, дверные переплеты, бочки и небольшое количе-

ство самой простой мебели. В цехе работали тувинцы. Бригадир цеха — тувинец — был в 1952 г. отправлен в г. Кызыл для обучения производству мебели, столь необходимой в данном районе, где идет процесс массового оседания ранее кочевого населения, освоение типовых домов, где идет интенсивное строительство жилых, хозяйственных и культурных помещений. Доставка же мебели и оборудования для этих помещений затруднена отсутствием [из-за отсутствия] транспортных грузовых связей. В настоящее время производство мебели промкомбинатом значительно возросло, чему немало способствовало налаживание работы пилорамы, дающей материал для работы столярного цеха.

До пуска в 1955 г. на полную мощность первой в Тодже электростанции на р. Ий пилорама в промкомбинате приводилась в действие локомотивом. Из-за отсутствия квалифицированного механика локомотив был в самом начале установлен неправильно (без фундамента) и в силу этого работал с большими перебоями, и в 1952 г. выбыл из строя. Прибывший русский техник начал со строительства фундамента и установки двигателя, но пустить его в действие можно было лишь тогда, когда самолетами были доставлены из СССР новые части. Мы пишем об этом подробно, чтобы отметить, что часто незначительная на первый взгляд «мелочь», как несвоевременная отправка одного специалиста, может на годы не только тормозить производство, но и привести к совершенно излишним немалым затратам государственных средств. В настоящее время промкомбинат снабжает пиломатериалами не только свои цеха, но и строительство п. Тоора-хем.

В помощь промкомбинату тоджинские колхозы сейчас имеют свои пилорамы, приводящиеся в действие Ийской электростанцией, что значительно ускорило строительство колхозных поселков и хозяйственных помещений на животноводческих фермах. Колхозы имеют также свои столярные мастерские, продукция которых удовлетворяет частично потребности колхозников в оборудовании жилых домов.

На пилораме в промкомбинате работают и русские, и тувинцы. Лес для промкомбината сплавляют сами рабочие промкомбината. Для вырубki лесхозом Тоджи отпускаются участки на р. Пашь-хем. В 1952 г. работники промкомбината сплывали для комбината 500 куб. м древесины и сверх того — 110 куб. м для г. Кызыла. Плоты сплавляют до п. Тоора-хем и далее в Кызыл русские лоцманы. В лесозаготовительной бригаде работают 1 русский бригадир (он же лоцман) и 6 тувинцев.

Промкомбинат имеет цех по выварки дегтя. Бригада, занятая этим делом, работает в 35 км от п. Тоора-хем на тех же лесных участках по р. Пашь-хем. В бригаде 2 русских рабочих (тувинцы не научились еще варить деготь). В 1952 г. было выгнано 600 кг дегтя. Из них 350 кг продано в г. Кызыл, остальные — в районе, в основном в колхозы. На р. Арбук

(в двух км от п. Тоора-хем) организован кирпичный цех. Его обслуживают 6 человек, из которых лишь 1 русский — бригадир. Он обучает тувинцев изготовлению кирпича. Этот цех работает с половины мая по ноябрь. В 1952 г. цех выполнил план выпуска продукции с превышением — дал 54 тыс. кирпича вместо 50 тыс. Продукция этого цеха также чрезвычайно важна для района. Развернувшееся строительство постоянно испытывает нужду в кирпиче, а доставлять его в Тоджу из других районов трудно и дорого. Слабая продуктивность этого цеха тормозит благоустройство жилых и хозяйственных помещений (даже школы принуждены были довольствоваться для отопления железными печурками в то время). Налаживается гашение извести. В 1952 г. на Олбуке [Арбуке?] было изготовлено 15 т извести.

Продукция всех перечисленных цехов продается в первую очередь колхозам, а затем уже городскому населению района. Кроме того, в промкомбинате работают пошивочный цех, мастерская по пошиву и ремонту обуви. В первом цехе работают русские и тувинцы. Цех оснащен швейными машинами. Русские швеи обучают тувинок раскрою и пошиву верхней одежды, платьев, белья и пр. Колхозы посылают в швейный цех промкомбината женщин на обучение с тем, чтобы, вернувшись в колхоз, они в свою очередь организовали там обучение кройки и шитью колхозниц. Пошивочная мастерская в первую очередь выполняет заказы райздрави по пошиву белья и одежды для больницы, району — по пошиву белья и одежды для школьников интернатов, а также заказы отдельных граждан.

В обувной мастерской работают 2 русских мастера и ученики-тувинцы. В ней производится ремонт старой и пошив новой обуви. Кожматериал для мастерской закупается в Кызыле или Туране.

В 1952 г. областные организации укрепили руководство промкомбинатом, начислили 51 тыс. безвозвратной ссуды. Директор промкомбината был направлен на двухмесячные курсы директоров промкомбината в г. Свердловск. Всего в 1952 г. в промкомбинате работало 46 человек (из них 41 — рабочие на производстве). К 1955 г. число рабочих значительно выросло, главным образом за счет местного тувинского населения. Выросла и валовая годовая продукция, которая в 1952 г. равнялась всего 50 тыс. руб. Тоджа имеет большие возможности по развитию местной промышленности, однако ее развитие тормозится трудностью ввоза оборудования. Роль промкомбината важна не только выпуском продукции, но и тем, что здесь, как и в других промышленных предприятиях Тувы, рождается рабочий класс тувинцев. Под руководством русских рабочих тувинцы не только осваивают новые для них производства, оборудование, но и воспитывают в себе трудовую дисциплину, навыки к систематическому труду.

Любопытна с этой точки зрения Доска почета в тоджинском промкомбинате. Люди, чьи имена занесены на Доску почета, отмечаются главным

образом «за добросовестное отношение к работе», «за хорошую трудовую дисциплину». Отмечен ряд рабочих-тувинцев — Кол Салибуевич Дарынга, Бандан Параан Пувукович, Севек Това Серид-оол и др. Многие тувинцы, нанимаясь на работу в тот или иной цех, не выдерживали длительного систематического труда на одной и той же работе, не считали своей обязанностью соблюдать трудовую дисциплину (явка к положенному часу и т.д.). Часто соблазнялись любимым промыслом — уходили на несколько дней на охоту, не заботясь о том, что на них лежит ответственность за принятый на себя труд. Большую разъяснительную работу проводят местные партийные и советские организации, чтобы воспитать среди молодых (не всегда по возрасту, но всегда по стажу работы) рабочих ответственность за порученное дело, за вверенное оборудование и т.п.

Велики лесные богатства Области. Около половины всей ее территории занято горной тайгой, состоящей в основном из разных хвойных пород деревьев, представляющих собой богатый источник сырья для лесной промышленности Области. Однако эти богатства требуют культурных методов эксплуатации, которые отличают социалистическое хозяйство от хищнического истребления лесов в прошлом, когда промышленники не заботились о последствиях своей деятельности, разрушали эти богатства. В горно-таежных районах Тувы имеются лесхозы. Штат лесничих, ученых-лесоводов наблюдает за эксплуатацией и восстановлением лесных массивов Области. Лесхозы выделяют участки леса для выработки, тщательно следят за правильной рубкой и очищением лесосек. Устанавливают запретные для вырубki зоны леса вокруг многочисленных возникающих в Области населенных пунктов, около рек и озер, организуют посадку и охрану молодых порослей путем очистки насаждений и организации самопосевов леса. Ведут неустанную борьбу с вредителями леса, погубившими уже немалые площади леса на Саянах в прошлом (пример тому хотя бы погибшие леса по Саянскому тракту около р. Ус), и с лесными пожарами. Лесхозы имеют в своем распоряжении авиацию.

Тувинцы охотно выполняют все указания лесоводов. Бережное отношение к лесу воспитано в каждом из них, из поколения в поколение. Тувинец не срубит на топливо живого дерева, всегда использует сухостой, и если его нет, то валежник, и даже выкорчует пни, если нет ничего иного поблизости. Любопытное явление мы наблюдали в окрестностях п. Кунгуртук (центр колхоза им. Хрущева) в Шынаанском сельсовете (около оз. Тере-холь). Колхозники этой артели в целях пополнения лесных массивов (а здесь в основном растет лиственница) сделали по указанию лесхоза на протяжении 25 км полосу для самопосева лиственницы. Эта полоса представляет собой квадраты земли (1×1 м), с которой снят травяной покров, земля взрыхлена. Расстояние от одного квадрата до другого 3 м. Линия тянется вдоль всей опушки леса, а также и внутри леса на полянах.

Осыпающиеся семена лиственницы встречают подготовленную почву, что облегчает их прорастание. Здесь же мы видели делянки, выделенные лесхозом для вырубki. Каждое предназначенное к валке дерево отмечено лесничим.

Промышленную эксплуатацию леса ведут леспромхозы. Леспромхозы Сыстыг-хемский в Тодже и Брянский [Буренский] на Каа-хеме являются основными поставщиками леса в Области. Кроме них, имеются леспромхозы и в других районах, например Бай-хакский, Чаданский. Развитие двух первых леспромхозов в значительной степени (особенно Сыстыг-хемского) тормозится неустроенностью водных путей в Области, затрудняющих сплав леса. На Каа-хеме с 1954 г. начался частично лесосплав при помощи буксирных катеров. При лесхозах и леспромхозах (кроме Тоджинского) имеются лесообрабатывающие предприятия. Каа-хемский леспромхоз имеет свою пилораму и столярный цех, который выпускает не только мебель, но и сельскохозяйственный инвентарь (дуги, сани, телеги). Чаданский лесхоз имеет также столярный цех, где тувинец-мастер т[оварищ] Шевер-оол выпускает изящную прочную мебель. На базе лесхоза в Чадаме имеется комбинат стандартного домостроения, призванный оказывать большую помощь степным колхозам, переходящим на оседлость, в строительстве поселков. Правда, комбинат еще только налаживает свое производство, до 1953 г. он еще плохо справлялся с планом выпуска продукции. Бай-хакском лесхозе (Тандинский район), эксплуатирующем лесные массивы Танну-ола, наряду с подобными же предприятиями (столярные мастерские), построена шишкосушильня для обработки кедровых орехов.

Леспромхозы оснащаются новыми техническими средствами, а также соответственным [необходимым] транспортом. В 1955 г. Брянский [Буренский] (Каа-хемский) леспромхоз имел 3 трелевочных трактора КТ-12, 2 трактора С-80, 4 лесовозные машины, 2 электростанции, 4 комплекта электропил, подъемно-погрузочный кран. Значительно хуже технически оснащен Сыстыг-хемский леспромхоз. Причина опять в том же — трудно завести в Тоджу машины и оборудование. В 1953 г. в этом леспромхозе вся работа по порубке, разделке и доставке леса к местам сплава велась вручную и с помощью конской тяги. Штат работников леспромхоза летом занят на сплаве, зимой — на вырубке и подвозке леса к реке. Сплав леса из Сыстыг-хемского леспромхоза требует наличия высококвалифицированных лоцманов, так как плоты приходится проводить через опасные Утинские пороги на Пий-хеме. Пороги начинаются в 30 км ниже п. Сейба (на р. Пий-хем) и тянутся на 500 м. Всего опасных мест здесь (порогов и крупных поворотов) имеется на 5 км (повороты — Круглый, Балакташ; пороги — Запуск, Подпорожица, Интеграл, Кичеев, Рваная и др.). В большую воду пороги непроходимы. В малую воду камни обнажаются. «Их тут целая деревня», — говорят тувинцы. Для того чтобы провести безаварийно пло-

ты через эти препятствия, требуется большое мастерство, знание реки и знание [овладение основами] лесного дела. Плоты сплавивают здесь с особой тщательностью.

Перед порогами в п. Сейба плотовщики обычно ночуют и «делают дневку». Там проверяют еще раз крепление плотов, ремонтируют их, если нужно. При прохождении порогов весь груз на плотах привязывается. Для управления плотом и для гребли делаются гребки двенадцатиметровой длины. Выходя из леспромхоза, плоты связываются вместе по 5 ставов, звеньев. На пороге звенья расчаливают и проводят по одному плоту. Ведут плот 4–5 человек. От п. Сейба до Кызыла плоты идут три дня.

Из-за порогов Сыстыг-хемский леспромхоз сплавляет лишь легкие породы деревьев — сосну и ель, а лиственницу, которой здесь огромные запасы и которая дороже легких пород, сплавлять не может, так как она тяжела и тонет в воде. Это обстоятельство задерживает развитие леспромхоза, так как за время существования его (с 1943 г.), а до этого сплавом занимались купцы, промышленники, запасы сосны близко от берега реки уже истощены. Ближе 3 км от реки сосны уже нет. При слабом техническом оборудовании леспромхоза это обстоятельство еще более затрудняет заготовку и сплав. Сплав ведет бригада в [из] 4 человека [человек] — лоцман[а] и 3 рабочих. Норма на сезон — 1 тыс. куб. м. Выполнение плана сплава в большой степени до последних лет зависело от стихийных условий. Если вода в Пий-хеме долго весной не спадает, сплав задерживается, а время до ледостава — конца сплава — сокращается, сокращается число рейсов. Опытные лоцманы сплавляют лес до появления шуги. Задерживает сплав и невозможность лоцманам своевременно вернуться из Кызыла в леспромхоз. Возвращаются они воздушным путем, а полеты в Тоджу требуют хороших условий погоды. Часто, прождав бесплодно несколько дней на аэродроме летной погоды, лоцманы верхами едут в Тоджу через Туран. Дорога тяжелая, не всегда проходима, занимает в лучшем случае 4–5 дней.

Леспромхозы Области в настоящее время работают недостаточно продуктивно. И дело не только в техническом оснащении (Брянский [Буренский] леспромхоз, как мы говорили выше, имеет достаточное оснащение), но в рабочей силе. Во всех леспромхозах наблюдается текучесть рабочей силы, недостаточность квалифицированных рабочих и особенно — владеющих техническим оборудованием. Для выполнения планов лесозаготовок и лесосплава местными советскими организациями приходится прибегать к мобилизации колхозников. Так, в 1952 г. Сыстыг-хемский леспромхоз получил 46 человек из колхозов Тоджи. Это мероприятие неблагоприятно отзывается [сказывается] на работе колхозов, которые не имеют лишней рабочей силы. Далее фактически работают далеко не все, кого колхоз направляет в леспромхоз, так как условия труда здесь значительно тяжелее, чем в колхозе, а условия быта и снабжения мобилизованных значительно

хуже, чем кадровых работников леспромхоза. Последние живут постоянно в своем рабочем поселке с семьями, многие имеют хозяйство, тогда как мобилизованные оторваны от семей, а жилище и питание леспромхозом организованы плохо. Оплата труда кадровых и мобилизованных также сильно различается не в пользу последних. Период лесозаготовок (с 10 октября по 1 апреля) совпадает с охотничьим сезоном в Туве, и очень трудно задержать колхозника на этот сезон оторванным от любимого промысла.

Основная рабочая сила в леспромхозах — тувинцы. Лишь в Брянском [Буренском] леспромхозе, находящемся на территории, издавна освоенной русскими, процент рабочих русских значителен. В Сытыг-хемском леспромхозе из числа всех рабочих, занятых на производстве, русских было лесник-техник леспромхоза и двое лоцманов, недавних учеников, ныне самостоятельно водящих плоты по Пий-хему. Мы не говорим об обслуживающем персонале (бухгалтеры, завхозы), состоящем из русских старожилых — детей, а может быть, и внуков крестьян и купцов, имена которых достаточно хорошо известны в литературе о Туве. Это Бяковы, Нагибины, Крыловы и др.

Из числа тувинцев-рабочих лесной промышленности выросли кадры настоящих мастеров своего дела. Всей Области известны лоцманы, бесстрашно проводящие лес через Утинские пороги в Кызыл, — т[оварищи] Иргит Торжу, имеющий значок «Отличник Министерства лесной промышленности», секретарь комсомольской организации в леспромхозе, Машпакоол, мастер сплава больших плотов и др. Славные лоцманы отличаются и зимой, заготавливая лес к сплаву, перевыполняя нормы. В леспромхозе работают на заготовке леса и женщины-тувинки, не уступающие мужчинам, перевыполняя планы заготовок. Так, Таня Кол Маады в 1952 г. ежедневно давала вместо 3 куб. м древесины 7.

После исторических решений XX съезда КПСС значительно возросла забота об улучшении условий работы и быта лесозаготовителей. В леспромхозах расширяется строительство рабочих поселков, улучшается снабжение рабочих, культурное обслуживание. В поселках строятся школы, клубы, медицинские пункты, магазины. Кадры рабочих укрепляются направленными из других областей СССР кадровыми рабочими, специалистами техниками, механизаторами.

Многие тувинцы работают по несколько лет с многочисленными разведывательными геологическими партиями в ТАО. Они оказывают Родине огромную помощь, указывая богатства недр родной Тувы. Некоторые из них за выдающиеся заслуги в этом деле награждены советским правительством орденами и медалями. Часть из них остается работать на эксплуатации вновь и вновь открывающихся рудных и нерудных месторождений. Вместе с русскими тувинцы строят рабочие поселки, вместе живут и вместе трудятся.

Растут ряды рабочих строительных специальностей из среды тувинцев. ТАО находится в периоде интенсивного строительства. Строятся заново возникающие колхозные и рабочие поселки, заводы и фабрики, хозяйственные и культурные учреждения, электростанции, прокладываются более совершенные пути сообщения. Везде работают, наряду с русскими рабочими, тувинцы. Появилась целая армия тувинцев-каменщиков, плотников, кровельщиков, словом, рабочих разных строительных специальностей. Создаются комплексные бригады строителей. Среди них много отличников производства, новаторов в своем деле. На строительстве здания горкома в Кызыле осенью 1955 г. примерной работой выделились плотники Сотпа Сарыг, Кыргыз Торый-оол, Темир Хертэк, каменщики Калзан Оюн и Монгуш Очур-оол, работавшие вместе в комплексной бригаде. В их именах мы видим представителей пяти разных групп тувинцев, еще полвека тому назад живших раздельно друг от друга, а в более далеком прошлом и враждовавших между собой, людей из разных территорий Тувы. Ныне объединенные одной культурой социалистического труда и одной заботой процветания родного края, они дружно работают в одной трудовой семье тувинского народа.

В каждом колхозе имеется строительная бригада, которую возглавляют специалисты, подготовленные на стройках в Кызыле. В каждом колхозе имеются свои шоферы, тракторсты, механизаторы. Эти рабочие-колхозники — форпосты рабочего класса в сельском хозяйстве.

Из всего вышесказанного явствует, что в настоящее время мы уже имеем в ТАО промышленный рабочий класс, растущий из года в год численно и качественно с развитием промышленности в Области, ростом технического оснащения сельского хозяйства, которые играют значительную роль в общественно-политической жизни Области.

За исключением некоторых отраслей горной промышленности, все остальные отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности входят в систему республиканской и местной промышленности. Продукция идет полностью на удовлетворение нужд населения Области. Местная промышленность пока, как мы видим на примере Тоджинского промкомбината и др., не использует в должной мере богатейшее местное сырье, не всегда выпускает продукцию должного качества. Но при всех имеющихся недостатках в развитии промышленности Области мы должны констатировать факт большого сдвига в этом деле, произошедшего в столь небольшой срок, учитывая специфические особенности как географического положения, так и культуры ее населения в прошлом.

Глава IX

ЖИЛИЩЕ ТУВИНЦЕВ

Сведения, содержащиеся в работах исследователей Тувы по жилищу тувинцев, не дают точного представления о том, какого типа жилище было у различных по характеру промыслов групп тувинцев. Некоторые исследователи считали характерным жилищем для всех тувинцев круглую войлочную юрту, другие различали жилище скотоводов-тувинцев — войлочную юрту — и жилище охотников-оленьеводов — берестяной, шкурный конусообразный чум. Г.П. Сафьянов, например, считал, что войлочная юрта появилась у тувинцев совсем недавно, в середине XIX в., а до этого у всех тувинцев жилищем служил чум. Все эти разногласия зависели от того, какую группу тувинцев посещал и изучал исследователь. Неверным было лишь широкое отнесение того или другого типа жилища на все группы тувинцев. Помимо этого недостатка, в работах прежних исследователей Тувы описания жилищ были слишком общи, ограничивались упоминанием материала, из которого изготавливалось жилище, и определением конструкции. Материалы, собранные Саяно-Алтайской экспедицией, позволяют восполнить эти пробелы.

До социалистической реконструкции экономики Тувы среди населения преобладали в быту старые типы жилищ. Они сохранились и в настоящее время в глубинных колхозах, где строительство колхозных поселков еще не завершено, а также повсюду в Туве в качестве временных летних жилищ работников животноводческих ферм и т.п. Это обстоятельство позволяет и в настоящее время детально изучать старые типы жилищ тувинцев [прим. 1].

Общий термин для жилища — «öб» (древнетюркское үб). Конусообразный чум, крытый берестой (летом), шкурами (зимой), называют «алаж öб», что русскими переозвучено в алачик (аланчик). Термин этот составной, из двух слов: «алажи» — «жердь» (основа жилища) и «öб» — «жилище». Конусообразный чум, крытый корой лиственницы, называют «чадыр öб», или просто «чадыр»²³¹, или с указанием материала покрытия — «тот чанды чадыр öб» — «корой лиственницы крытое жилище». «Чадыр» называют также временные шалаши, устраиваемые охотниками или пастухами.

²³¹ «Чадыр» в значении «палатка» имеется в древнетюркском. См.: Мелиоранский, 1900, Глоссарий.

Войлочная юрта называется «кидис öб» — «войлочное жилище». Корьевые многоугольные жилища называются «тот чанды öб» — «корьевое листовенничное жилище». Иногда указывается в названиях количество стенок в таком жилище, например, «алтыханныб чанды öб» — «шестистороннее корьевое жилище» и т.п. Изредка встречающиеся в Туве многоугольные бревенчатые срубные жилища называются «няшь öг» — «деревянное жилище». «Пажиң» называют только избу русского или алтайского типа²³². Имеется еще термин для одного типа жилища — «пöдей öб». Это жилище представляет собой не определенный тип, а разные вариации войлочной юрты. Оно встречается и у монголов как временное жилье («обохой») (Позднеев, 1896, с. 355). В Туве, по словам стариков, это бедняцкое жилище скотоводов. Встречается на юго-востоке. Конусообразный чум — характерное жилище оленеводов, горных охотников — отмечен на этих территориях старинными летописями. О них упоминают китайские летописцы и более поздние арабские авторы²³³. Он сохранился до начала 50-х гг. нашего [XX] века и сейчас бытует как жилище оленных пастухов при колхозных стадах в Тоджинском районе и на юго-востоке Каа-хемского района. Берестяной чум — «алаж öб»²³⁴ — легкое переносное жилище, хорошо приспособленное для перекочевков в тяжелых условиях горной тайги. Состоит такое жилище из жердяной основы и покрышек, летом — из берестяных, зимой — из шкур крупных копытных — оленя, лося, марала.

При сооружении «алаж öб» сначала ставят 3 основные жерди «алажи»²³⁵. Эти 3 жерди иногда бывают связаны верхушками вместе, и в связанном виде их поднимают и расставляют как треногу. Если же имеется под руками (как рассказывали нам оленеводы) дерево с прочной развилкой на вершине, то ставят сперва [сначала] такое дерево, а в развилку вставля-

²³² Строить любое жилище (кроме «пажиң») по-тувински «öгтигер». Строить избу — «пажиң тудар». Последние не характерны для тувинской культуры. В фольклоре встречаются «пажиң» из фантастического материала — стеклянные, железные, из рога марала (по материалам Л.В. Гребнева).

²³³ Любопытно, что собственный тувинский фольклор содержит очень мало упоминаний об этом жилище оленеводов, охотников. Упоминаемый в фольклоре «чадыр» обычно характеризует жилище бедняка.

²³⁴ По упоминанию П.Е. Островских, подобные тувинским «алаж öг» имеются у минусинских татар. Автор называет эти жилища «алачек».

²³⁵ Все жерди в берестяном и корьевом чуме, в том числе и основные 3 жерди, имеют одно название — «алажи». С.И. Вайнштейн в диссертации о тоджинцах дает для трех основных жердей термин «сербенги»; для жерди с развилкой им приводится ряд терминов: «шон», «суран» и «аладжи аксы» (для Тоджи), «орген» (для западных районов). Следует отметить, что «аладжи аксы» называется не жердь, а развилка жерди. Термин «орген» автор переводит двояко — «основная жердь с развилкой» и «подставка над огнем для котла». Нами и [А.А.] Пальмбахом термин «орген» записан в значении «подставка для заслона», который ставят около очага [прим. 2]. Для [обозначения] подставки для котла имеется повсеместно термин «ожук». Термины «шон», «суран» «сербенги» нами не отмечены.

ют вторую и третью жерди. И в том и в другом случае 3 основные жерди неглубоко вкапывают в землю. В отличие от тувинцев-оленоводов, оленоводы-камасинцы, жившие также в чумах по соседству с первыми, для основных жердей остова выбирали всегда «длинные палки, имеющие на концах развилки» (Потапов, 1947, с. 60)²³⁶. К основным жердям тувинцы прислоняют верхушками все другие шести чума. Их в земле не укрепляют. Для среднего чума берется 16–20 легких жердей. В плане такие жилища были круглыми. Средний диаметр площади равнялся — 3–4 м. Шесты не скрепляли кольцом, как это делали камасинцы, кеты и др. Остов чума покрывали летом берестяными полотнищами, которые привязывались к жердям. Сверху снаружи полотнища прижимались другими менее длинными жердями и обвязывались двумя длинными перекрещивающимися веревками.

Полотнища бересты — «тиски» («тос» — оленьщики Öдугена, «тöшь» — Параан Чооду, «тöс» — Кол) — кладут рядами (обычно 4 ряда); средние и нижние полотнища имеют длину 5 м 20 см, ширину — около 1 м (95–100 см). Верхние полотнища короче. Каждое полотнище имеет на концах вязки, которыми привязывается к жердям. Бересту для покрышек чума собирают поздней весной. Варят в котлах, как все наши северные оленоводы. Затем куски вываренной бересты сшивают шерстяными нитками «хой туг» (или нитками из конского волоса). Сшивают 3 полосы в ширину. Сшитое полотнище окантовывают поперечной полосой бересты, которую пришивают жильными нитками («сир»). Окантовку производят для того, чтобы полотнища не рвались по волокну. При перекочевках оленоводы перевозят только покрышки, остовы или делают на месте стоянки заново, или используют старые свои или оставленные другими оленоводами. Брошенный остов чума считается ничьим и может быть использован кем угодно. Зимой чум покрывают шкурами копытных с подстриженной шерстью, сшитыми в 2 широкие трапециевидные полотнища. На покрышки употребляют также шкуры горных козлов. Входное отверстие («эжик») зимой закрывают полотнищем из шкур зверей, летом — куском бересты или шкурой оленя, куском брезента, перекинутым на поперечной палке, укрепленной над входом. Отверстие для выхода дыма («түндүк») прикрывается днем не полностью, а лишь со стороны ветра (для регулирования тяги), ночью — полностью куском бересты (летом), шкурой (зимой).

Очаг устраивается посередине чума. Котел подвешивается на крюк («ильчирбэ») на цепи («пашпа»), спускающейся с одной из основных

²³⁶ Также и у кетов, по нашим наблюдениям 1925–1928 гг. и новым материалам Е.А. Алексеенко ([экспедиция] 1956 г.).

Традиция выбирать для основных жердей шести с развилкой бытует у групп оленоводов Тоджи, кочевавших по южным и западным склонам Саян, и вовсе исчезла у групп, имевших корьевые чумы.

жердей чума. Иногда котел ставят на трехногий металлический таган («ожук»), под которым разводят огонь. Иногда огонь в костре поддерживают следующим образом. Большое сухое бревно кладут через вход до места очага, где разведен костер. Конец бревна около костра загорается и тлеет все время. По мере сгорания бревно подвигают в очаг. Таким образом, от этого тлеющего бревна в любую минуту можно разжечь костер. Бревно в то же время служит заслоном очагу. Обычно такое бревно загорает и вход.

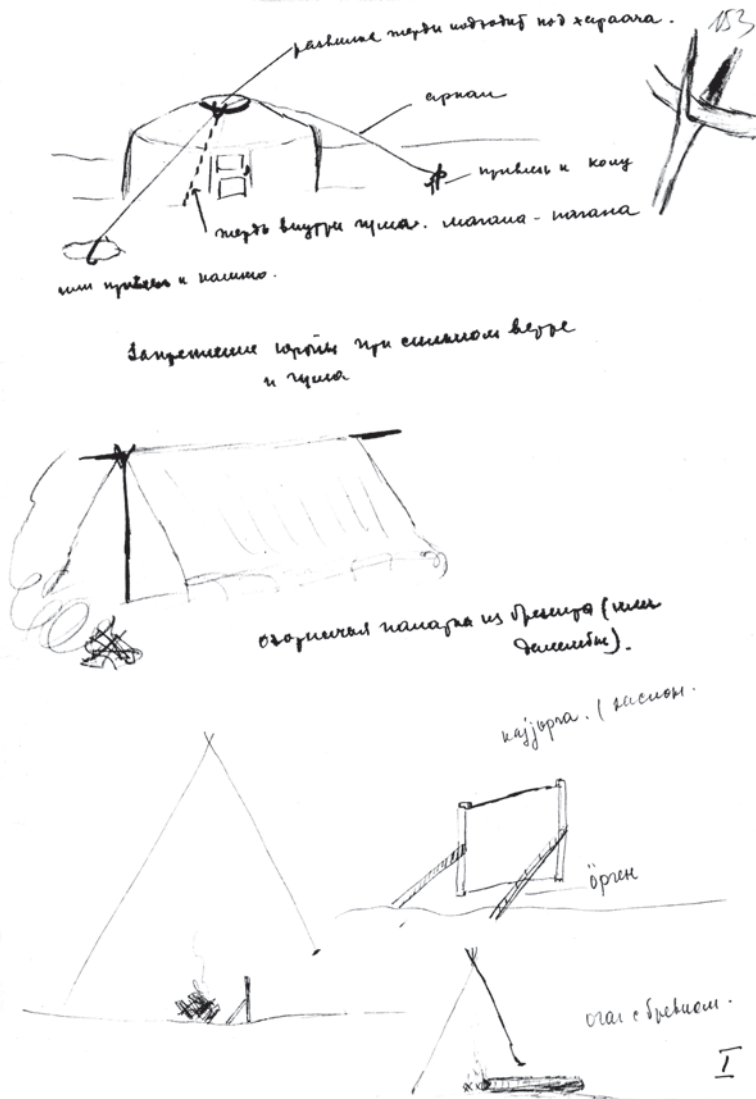


Рис. 23. Схема крепления юрты, чума и палатки. Устройство очага [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Пол в чуме ни чем не застилается. Лишь у спальных мест настилают оленьи или козьи шкуры, на которые днем садятся. В очень редких чумах пол застилают мхом или травой. Обстановка в чуме отсутствует. У оленщиков редко встречаются тувинские сундуки «аптыра», или столики, или кровать «орун». Все богатство-имущество сложено в мешки «парбы», сшитые из сырой шкуры лося, расставленные по краям чума. Чем больше «парб» в чуме, тем богаче его хозяева. В чуме оленщиков распределение мест такое же, как и в корьевом и войлочном жилище. Именно справа от входа (лицом в чум) — женская сторона, слева — мужская. Справа ближе к входу сложена вся утварь женская: посуда, бочонки и т.п. Слева от середины чума — мужские предметы быта: седла, оружие и т.п. За жерди обычно затыкаются или к ним подвешиваются самые различные предметы — одежда, обувь, «пузыри» с оленьим творогом или молоком, мешки с сухими съедобными и лечебными травами, куски шкур на пошив одежды и обуви, ремни и веревки и т.п. Среди посуды у оленщиков много берестяной и деревянной утвари — коробички, корытца, ведра, туясы и т.п. Вся утварь очень мало украшена (особенно берестяная) геометрическим орнаментом.

Значительно солиднее устройство корьевого чума «тот чанды ъб». Это жилище непереносное. Остов корьевого чума сооружается так же, как и остов берестяного. Только «алажи» корьевого чума значительно толще. Основой остова также служат 3 жерди, связанные веревкой или ремнем верхними концами, либо одна из жердей берется с естественной развилкой. Всего жердей в среднем (по размеру чума — диаметр 4 м) около 50, то есть в корьевом чуме жерди основы ставятся значительно чаще, расстояния между жердями меньше, чем в берестяном. Каждая жердь около 5 м длиной. Поверх жердей рядами кладут куски лиственничной коры. На прилагаемой серии снимков хорошо виден весь процесс покрытия чума корой [в рукописи эти фотографии отсутствуют]. Снаружи кору придавливают более тонкими и менее длинными, чем остов, жердями. Кора лиственницы снималась в течение всего лета, «пока зеленеет трава». На дереве топором внизу ствола делали кольцевой надсек; такой же надсек делали на расстоянии 1 м выше по стволу. Затем ножом разрезали кору вдоль ствола между надсечками и отделяли ее от древесины при помощи заостренной деревянной лопаточки. Такие метровые куски коры раскладывали около юрты на земле, прижимая по краям палками, камнями, чтобы они подсыхали и не скоробились. Кору лиственницы использовали не только для покрытия конусообразных жилищ, но и для устройства четырех- и шестиугольных корьевых юрт (в Тодже), для покрытия крыши в бревенчатых юртах тувинцев и избах русских поселенцев. Такое широкое использование коры лиственницы вело к массовому уничтожению ценного леса. В настоящее время снятие коры с лиственницы запрещено.

Корьевой чум мог стоять 2–3 года. Иногда встречались чумы, у которых только нижние 2 ряда покрыты корой, а верхушка чума берестяная, была покрыта остатками берестяных тисок. Обычно такое покрытие встречалось у оленеводов, потерявших оленей или имевших их очень мало и переходивших на полуоседлый образ жизни, и у бедняков-скотоводов, проживавших в предгорьях и поблизости от них. Такое жилище было очень широко распространено на территории Тувы и лишь, действительно, в сравнительно недавнее время стало заменяться войлочной юртой. Так, на западе в Бай-тайге группы тувинцев Иргит, Хертэк, Салчак, Күжүгет и др., проживавшие в предгорьях Шапшальского хребта и западного угла Саян, имели лет 50 назад корьевые чумы, позднее сменившие их на войлочную юрту. Это среди них имеется легенда о том, что войлочная юрта спустилась к ним с неба. Это к ним справедливо можно применить замечание Г.П. Сафьянова о позднем появлении войлочной юрты. И дело здесь не в том, что тувинцы этих групп вовсе не знали войлочной юрты, а в том, что эти хозяйства не имели достаточно скота, чтобы изготовить войлок для юрты. Такой же корьевой чум бытовал (и сейчас имеется) в Каа-хемском районе, в Тере-хөле, в предгорьях хребта [академика] Обручева (южный и северный склоны) и в долинах центральной части Тоджи. Такой же чум наблюдали [Г.Н. и А.В.] Потанины, называя его «бревенчатый покрытый корой шалаш».

Входное отверстие в таких чумах образовывалось более широким промежутком между жердями. На высоте, несколько меньшей роста человека, к жердям чума привязывали поперечную палку, на которую вешали цельную шкуру, ровдугу. В настоящее время в таких чумах в дверное отверстие вставляют дверную раму и навешивают на нее (на ременных и даже на железных петлях) одностворчатую настоящую дверь. Порог («казачка»; старинное слово «бозага» бытует лишь на востоке, в Тодже) высокий. Летом в жаркую погоду дверное отверстие чума открыто, загораживают его лишь решеткой из тонких жердей, препятствующей скоту проникать в жилище. Пол в чуме прежде застилали шкурами диких и домашних животных. Нынче весь пол застилают такими же кусками лиственничной коры, какой покрыт чум. Спальные места застилают шкурами, оленьими постелями. В корьевых чумах изредка под очагом висит цепь для котла, прикрепленная к одной из основных жердей, чаще в центре имеется треногий таган — «ожүк», под которым разводят огонь. В старину очаг устраивали из трех камней («ожүк таш»), на которые ставили котел. Иногда вместо треногого тагана в землю вбивают наклонно 3 металлических прута (толстых), иногда это испорченные дула ружей, которые служат подставкой для котла. Очаг отгораживается от входа небольшим деревянным или корьевым заслоном — «кай йорга». Обычно заслон устроен следующим образом. Двойной кусок лиственничной коры скрепляется по бокам деревянными планками. Заслон

опирается на 2 наклонные палки («орген») со стороны очага. Распределение жилой площади чума такое же, как и в берестяном. Справа от входа — женская половина, слева — мужская. Прямо против входа, за очагом, — наиболее почетное «священное место» («дөр», «өб дөразы»), слева, сразу около входа, — самое «низкое» место, где в настоящее время держат молодняк — ягнят, телят, спасая их от холода (зимой), жары, оводов (летом). Справа от входа часто имеются полки-стол для посуды («ўльгүүр ~ ўлгүүр»), за ними — спальное место («орун»); слева за «низким» местом располагаются седла, мужское оружие, ящики и пр. В «өб дөразы» обычно стоят ящики — «аптыра» — с украшенными орнаментом (тувинским, — если они местного изготовления, китайским — если они покупные) передними стенками. Такие ящики часто передаются от матери к дочери как приданое или наследство. На ящиках в настоящее время ставят всякие предметы нового быта — часы, рамки с фотографиями и пр. Прежде ставили (вешали над ними) культовые предметы.

Слева или справа от входа, ближе к задней части чума, у постелей обычно висят люльки — «кавай»²³⁷. Люлька подвешена на ремнях к крюку — «атына», сделанному из дерева или рога и украшенному резьбой. Крюк привязан к жердям остова чума.

В корьевом чуме живут и зимой. На зиму вокруг чума по низу снаружи делают завалину из земли и дерна. Плотнее укладывают кору. В ветреную погоду внутри чума ставят почти посредине толстый шест («чайан(га) ~ чагана ~ магана»). Верхушка шеста выходит из дымового отверстия. Этот шест с развилкой; в развилку перекидывают через весь чум веревку или аркан и по обе стороны чума закрепляют веревку камнями или палками. Часто к этому шесту привязывают крюк для котла.

Над очагом иногда (по надобности) устраивают жердяной настил, на который размещают свежие шкуры добытых животных для сушки и подкапчивания. Поперечные жерди настила привязывают к остову чума.

В начале 1950-х гг. в Тодже можно было наблюдать различные степени освоения такого чума. Оленеводы, переселившиеся в 1949 г. в колхозный поселок, сохранили в корьевом чуме обстановку берестяного чума. Наиболее передовые колхозники включили в обстановку элементы городской мебели — деревянные топчаны и даже железные кровати с сетками, которые заменили спальные шкуры на полу или тувинские нары — «орун». Вместо полок для посуды ставили шкафчики; появились столы, табуреты и стулья. К жердям подвешивали полочки для мелкой утвари и книг. На «стенках» чума развешивали матерчатые цветные полосы-«коврики» и т.д.

²³⁷ Ср. «кавун ~ каван» (письм. монг. яз.) — грудной ребенок (Мелиоранский, 1900, с. 159).

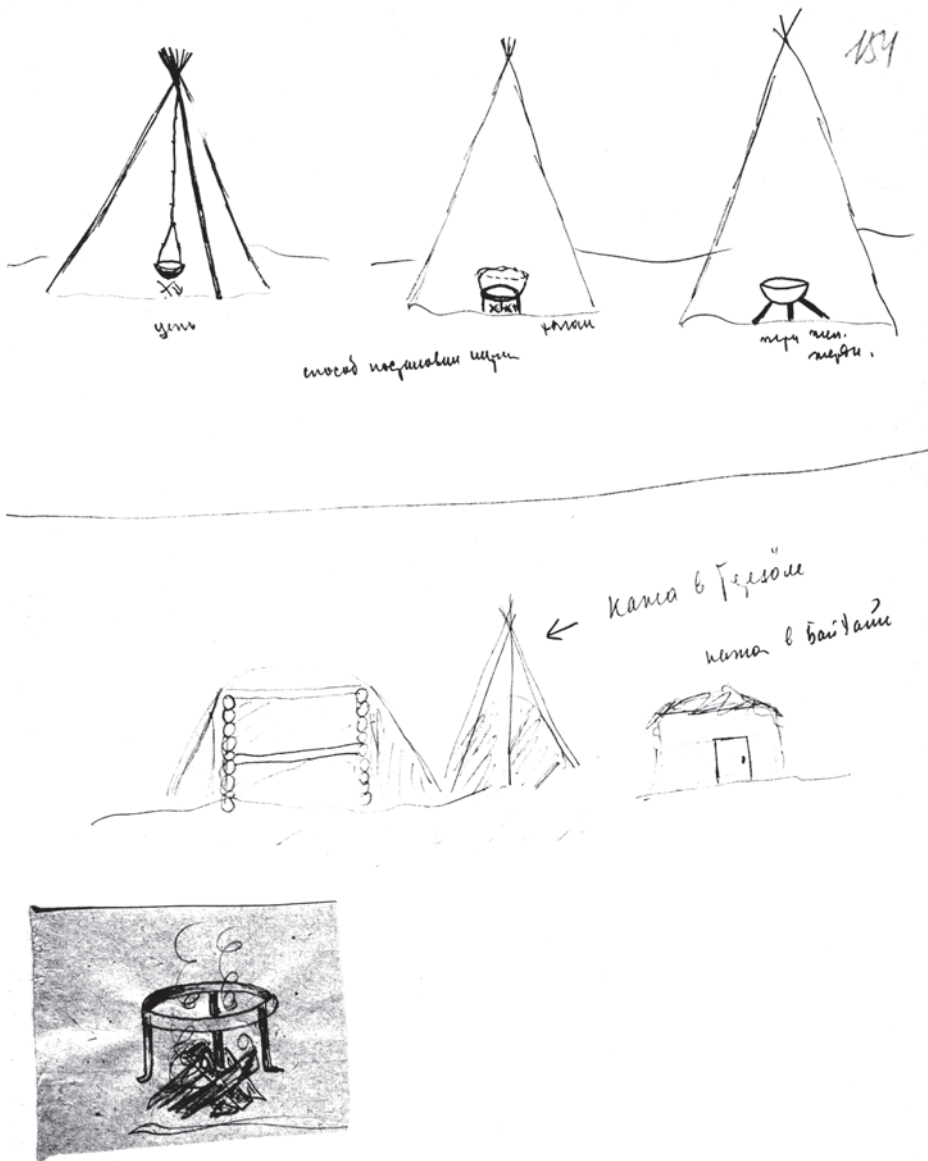


Рис. 24. Устройство очага [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Корьевые чумы служили летним жилищем даже тем колхозникам, которые имели уже дома. В 1955 г. в колхозном поселке корьевые чумы почти исчезли, остались они в животноводческих фермах как летнее жилье работников ферм.

Наряду с корьевыми чумами в Тоджинском районе с начала нашего [XX] века стали строить четырех- и шестиугольные корьевые юрты. Остов

таких юрт делали из нетолстых бревен, которые снаружи покрывали корой лиственницы. Крышу делали из жердей, на которые клали сперва кору лиственницы, а на зиму насыпали землю, дерн. В таких юртах зимовали. В некоторых из них настилали корьевые и даже деревянные полы, оставляя посередине место для костра. В таких случаях посередине крыши оставляли и дымовое отверстие²³⁸. Но чаще в этих юртах ставили железную печку и в крыше вырезали только отверстие для трубы. В одной или двух сторонах юрты вырезали оконное отверстие, куда вставляли стекла. Обстановка этих юрт не отличалась от таковой в корьевых чумах. Также варьировал тувинский и городской комплекс мебели.

У животноводов-степняков издавна жилищем служила войлочная юрта «кидис оҕ». Эта юрта широко бытует и в настоящее время не только как временное жилище, но и во многих глухих местах, где строительство поселков еще недостаточно развито, как постоянное жилье. Такая юрта была распространена в [на] южных, центральных территориях Области у всего населения и в других территориях [районах] как жилище богатых животноводов, чиновников. Различие состояло в том, что бедняки-араты имели небольшие юрты с редко сменявшимся войлоком, у богачей юрты были большие, войлок всегда новый (светлый). Батраки, не имевшие вовсе скота, жили в жилищах, называемых «подей», представлявших собой упрощенную юрту, хотя внешне они напоминали конусообразный чум. Такого же рода жилище устраивали (как временное) монголы, оно называлось у них «о́бохой». Старики тувинцы рассказывали нам повсеместно, что юрта — это жилище богатых и монголов, что бедняки жили в разных сооружениях, кто какое мог себе выстроить.

Настоящая войлочная юрта требовала много труда для своего сооружения. Юрта состоит из решеток — «хана», палок для верха — «у́нү» (западные районы), «ынаа» (центральный район) и верхнего круга — «харачаа» (западные районы), «догана ~ доона» (центральный район)²³⁹ и войлочных покрывшек.

Нижнее основание юрты-«стены» сотсавляется из 5–8 решеток «хана». Самая большая юрта имеет 8 «хана». Решетки изготавливаются специалистами («о́б ыяжи чазар» — «для дома дерева резальщики»)²⁴⁰. Такой мастер собирает ветки ивы (тал), снимает с них кору, вытесывает планки длиной 1½ кулаш (тувинская мера длины) и сушит их. Для изготовления одной

²³⁸ Над костром ставили таган-треногу, а иногда посередине ставили столб-жердь — «чайан» (как и в корьевом чуме), на который подвешивали цепь для котла.

²³⁹ В былинах встречаются оба эти слова.

«Хараача» — ср. алтайское «карачи» в том же значении. «Догана» — ср. киргизское «тобун» — окружность верхнего круга кибитки.

²⁴⁰ В вышеописанных корьевых многоугольных юртах стороны также называются «хана».

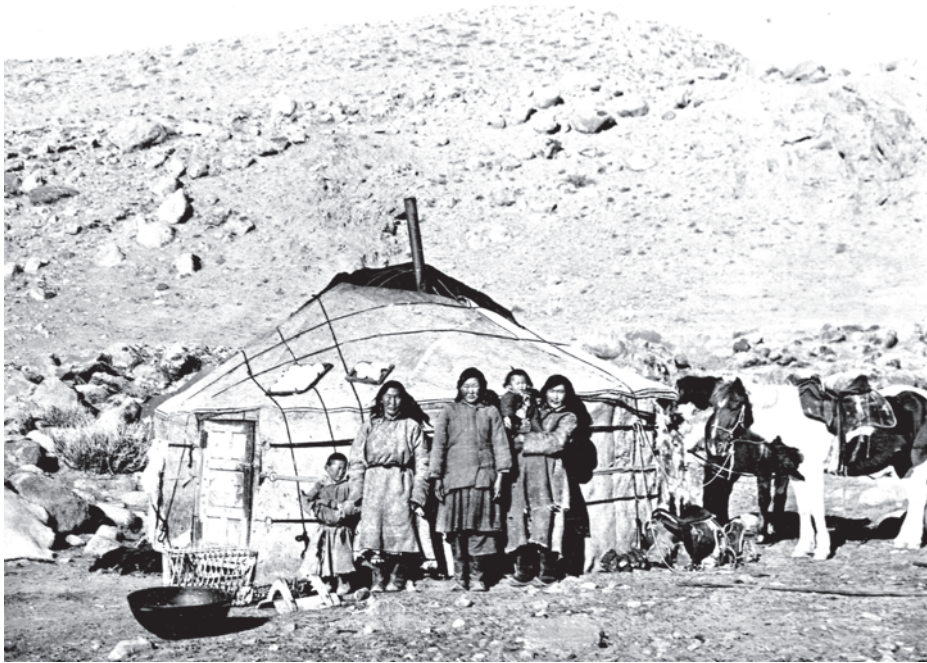


Рис. 25. Тувинцы на фоне юрты. П. Мөген-Бурен. Мөңгун-Тайга
[фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

решетки нужно 24 планки. Высушенные планки скрепляют. На каждом скрещении в обеих планках делают отверстия и пропускают в них ремешок из шкуры дикой козы шириной $\frac{1}{2}$ см, из которого делают на обеих сторонах (концах ремешка) планок узелки. Каждая ячейка решетки («хана карак») может свободно быть растянута или сложена. В последнем случае все планки складываются как бы в один пучок, что облегчает их перевозку при кочевках. Когда ставят юрту, то подгоняют края двух решеток так, чтобы получались цельные ячейки. Затем планки одной крепко привязывают, переплетают с планками другой веревкой, свитой из конского волоса. Получается крепкий «шов».

Поставив все решетки, привязывают сразу к свободным концам деревянную дверь в раме. Дверь²⁴¹ обычно ориентируют по течению реки и почти всегда на восток. В боковых планках рамы («эжик чаагы» — косяки двери, буквально «щеки двери») имеются выдолбленные пазы, куда пригоняются [вставляются] решетки, и отверстия, через которые ремнями решетки привязываются к косякам двери. На верхней планке дверной рамы

²⁴¹ Двери в корьевых, войлочных, многоугольных юртах тувинцев всегда одностворчатые. Часто двери раскрашены яркими красками — розовой и зеленой, синей и красной. Двухстворчатые двери — монгольская традиция. См.: (Позднеев, 1896, с. 5).

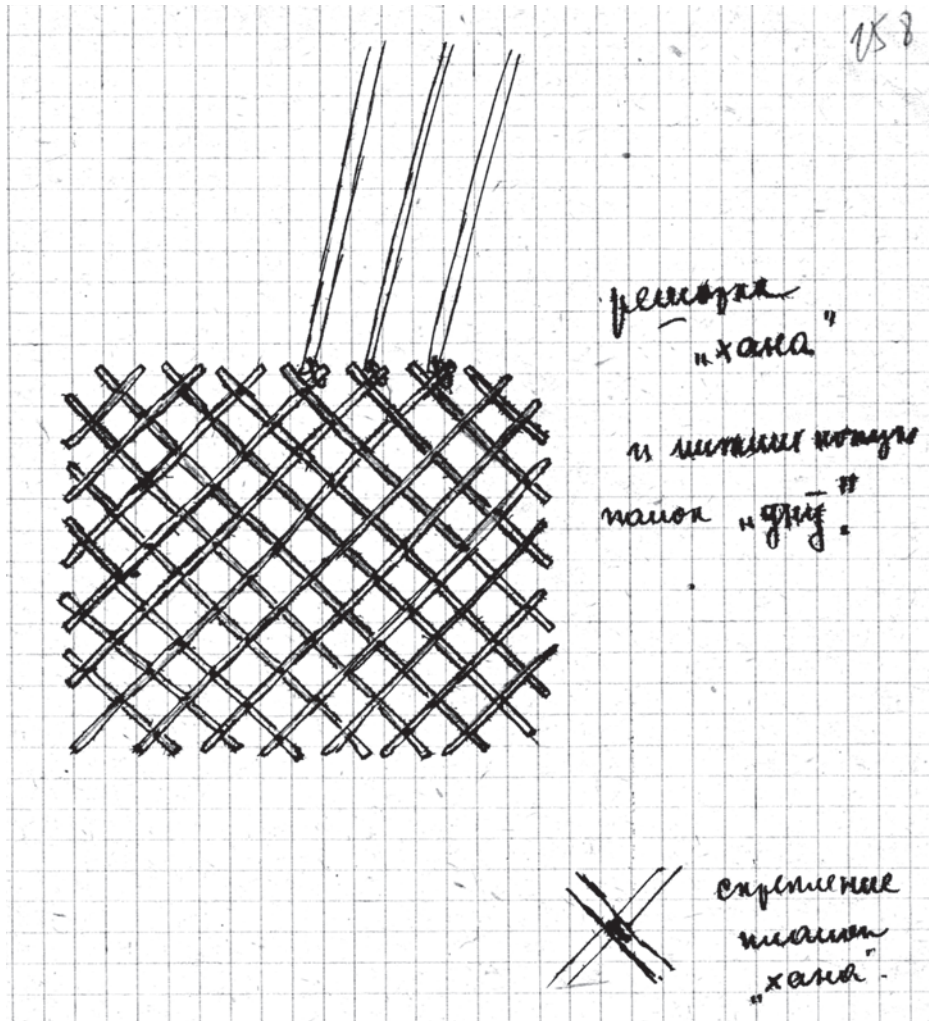


Рис. 26. Схема крепления «стенок»-решеток юрты
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

(«эргин») выдалбливаются ямки, в которые вставляются [входят] нижние концы приходящихся [расположенных] над дверью «ўнў» («ўна ~ ынаа»). Около места скрепления («швов») решеток с внутренней стороны юрты вбивают в землю колья высотой в половину решетки. Весь готовый решетчатый каркас обвязывают на расстоянии одной ячейки сверху тесьмой — «кожалан» из конского волоса шириной в 3–3,5 см (или из шерсти; обычно «кожа-лан» плетут пестрыми из черного и белого волоса или шерсти).

Свод юрты делают из тонких палок — «ўнў ~ ўна ~ ынаа». На самую большую юрту идет 96 «ўнў» (по числу углов на решетках), на маленькую — 60. Эти палки делают также из ивы или молодых лиственниц.

Каждую палку обстругивают с двух боков. На нижних концах палок делают отверстие, куда вдевают ремennую петлю. Эта петля надевается на торчащие концы планок решетки. Другой конец «уну» вставляется в отверстия, выдолбленные в деревянном круге «хараача». Круг «хараача ~ догона ~ дона» делают обязательно из березы. Срубают березу, диаметр ствола которой до 10–12 см, одну сторону ствола отесывают. Затем на шпеньках, вырубленных на пне, выгибают эту березу, предварительно разогрев ее над костром. После сгибания концы ствола перевязывают арканом, им же переплетают весь круг. Когда круг «хараача» высохнет, в нем высверливают отверстия для «уну» и для «мөгеже». «Мөгеже» — это 4 перекрещивающиеся, слегка изогнутые палки, которые вставляют внутрь «хараача». Аркан, которым был связан «хараача», снимают и в месте соединения концов его скрепляют железными или деревянными гвоздями.

«Мөгеже» вставляется для того, чтобы не проваливался войлок покрышки. Когда установлены все решетки, то 2–3 человека сразу поднимают «хараача» со вставленными с двух-трех сторон двумя-тремя «үңү» и закрепляют последние на концах решеток. Затем прикрепляют все другие «үңү».

Таков каркас юрты. Сверху он покрывается войлочными покрышками. На покрышки решеток идет 6–8 кусков войлока длиной 1½–2 кулаш. Эти покрышки называются «адагы кидис». Войлочные покрышки привязываются к решеткам, несколько покрывая одна другую, и затем обвязываются все вместе вокруг юрты плетеной из шерсти тесьмой (в 4 пряди по 2 нитки в каждой), называющиеся «оѳ куру» — «пояс дома». Верхнюю часть юрты покрывают двумя выкроенными по форме «крыши» кусками войлока «дээмир ~ дээвир» и, наконец, «хараача» закрывают круглым куском войлока — «өреге». «Өреге» на день откидывают, наполовину открывая «түндүк» — дымовое отверстие, на ночь закрывают плотно.

Далее всю юрту обвязывают перекидными веревками — «базырыг», которых бывает 6–8 штук²⁴². На пол юрты постилают выкроенные сегментами куски войлока — «ширтэк» — или кору лиственницы. В больших юртах бывает 4 куска «ширтэк», в малой — 3. У входа «ширтэк» не постилают, равно как и вокруг очага, печки. «Ширтэк» сшивают из двух слоев войлока, простегивают узорами шерстяной ниткой («чуѳ») ²⁴³. Края «ширтэк» обшивают лентой материи для прочности. Орнамент, простегиваемый на войлоках, небогат, обычно это ромбы «ханы карак» («глазки решетки») или перекрещивающиеся волнистые линии.

²⁴² «Базар» — основа глагола «придавить что-либо, выдуваемое ветром».

²⁴³ Нитки из шерсти сучат ладонями, смачивая водой из чашки и никогда слюной. На колене сучат только нитки из конского волоса.

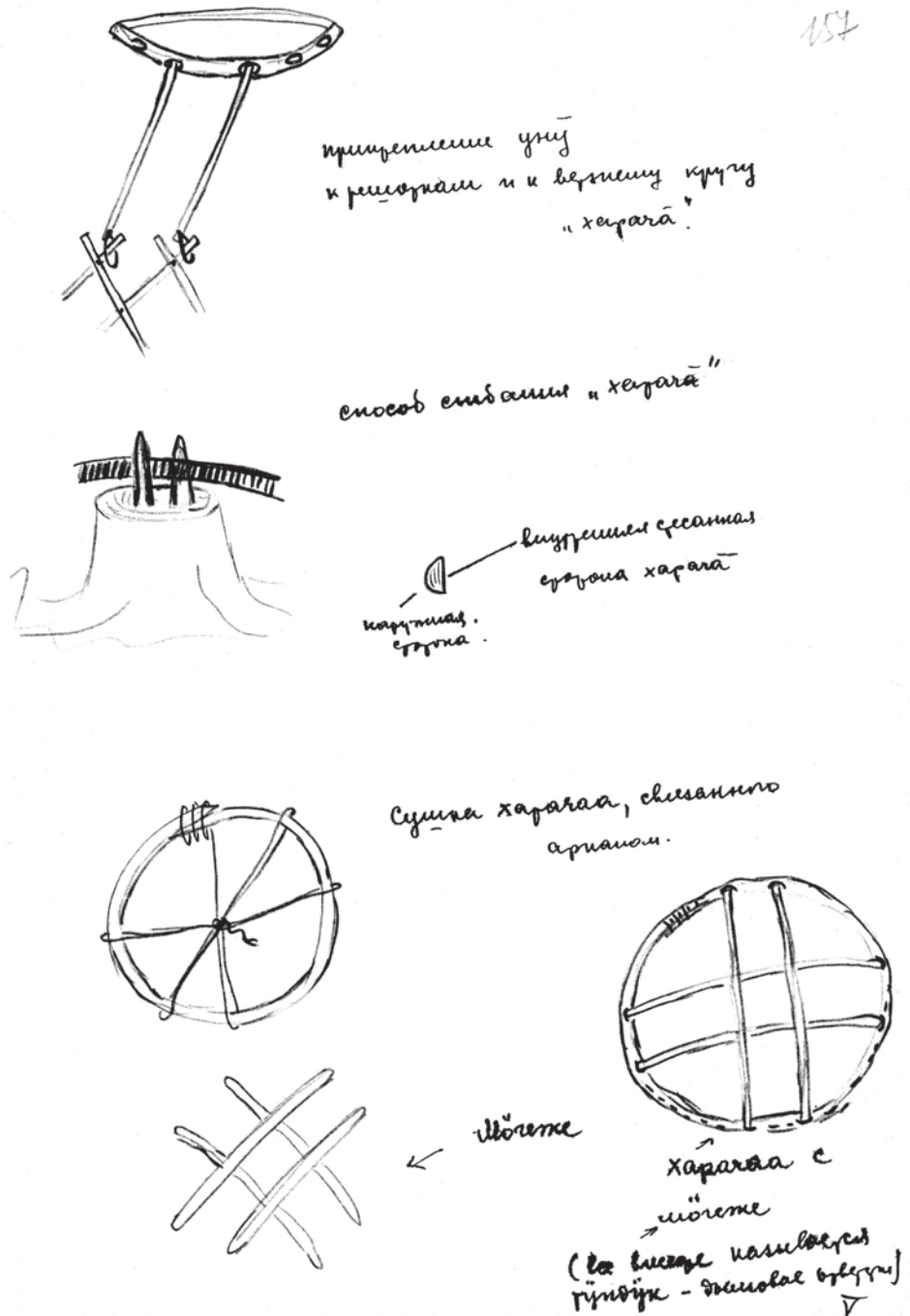


Рис. 27. Схема сборки верхней части каркаса юрты
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

В современных юртах очаг — это обычно железная печь общепринятой формы, но часто встречается круглая, приспособленная специально для юрт кочевников. Такие печи изготовлялись и продавались в период ТНР. Но и в обычной прямоугольной печи вырезают круглую конфорку, куда ставят круглодонные котлы. Труба от печи выходит в «түндүк». Прежде ставили, как и в чумах, железный таган и разводили костер, а еще раньше делали очаг из трех плоских камней. В юрте котел никогда не подвешивали. Место для печи — «от кадын» — делают из глины, несколько выше пола огораживают дощечками. В Барыин-хемчике, где имеется асбест, тувинцы издавна его использовали для изготовления печей, подобия железным [в качестве замены железа]. Изготавливали печи следующим образом²⁴⁴. Асбест («ак таврак») размельчали, размачивали в холодной воде. Затем смешивали с красной глиной («той таврак»), прибавляли горячую воду. Делали густую массу. Этой смесью обмазывали снаружи сделанную из дерева форму-ящик (наподобие печи), ножиком сглаживали неровности. Вокруг обмазанной таким образом формы раскладывали сухой хворост и поджигали. Так обжигали печь снаружи. Затем клали огонь внутрь формы, и дерево сгорало. Получалась очень прочная глиняная печь. Они «жила» свыше трех лет. Ее возили с собой при перекочевках. Дверцы делали из старого железа. Для освещения юрты с трех сторон печи делали небольшие отверстия. Трубу делали тоже из глины. Еще и поныне в Барыин-хемчике у стариков есть такие печи. Мы наблюдали в Бай-тайге в п. Тээли изготовление такой печи одним бедняком. Топливом служат дрова, где есть лес, в степях — сухой кустарник, а в сухих степях — навоз, который женщины собирают в особые корзины (редкого плетения).

Войлочные юрты скотоводов обставлены значительно богаче, чем корьевые чумы, а тем более берестяные чумы оленеводов. Традиционные ящики — «аптыра» — имеются в нескольких экземплярах, представляя единственное красочное пятно в юрте. Повсюду на спальном месте — тувинская кровать с украшенной передней стенкой. На кровати — простеганный войлок-матрац («дöжек») и тувинские подушки — «сыртык». Подушка представляет собой длинный матерчатый или выделанный из шкуры узкий мешок с твердой «крышкой», украшенной вышивкой. Подушку-мешок набивают одеждой. Вообще обстановка юрты очень однотипна во всех районах.

Войлочная юрта требует внимательного ухода за покрывками. Зимой хозяйка после каждого снегопада стряхивает с войлоков снег ударами палки по ним изнутри юрты. Для того чтобы войлок не прожигался, теперь под него на остов подстилают сначала брезент или материю. В Тесь-хеме

²⁴⁴ Информатор — Седып Степан, родом из Барыин-хемчика, ныне бригадир строительной бригады в колхозе им. Хрущева, Тере-хөль.



Рис. 28. Пожилой тувинец с вязанкой дров [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]



Рис. 29. Тувинские девушки с корзиной [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]



Рис. 31. Внутренний вид юрты. Володя Белок, ученик Тээлинской школы, играет на гитаре [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

мы наблюдали юрту, которая сначала была покрыта рогожными мешками. Внешний вид войлочной юрты очень варьирует в зависимости от материальной обеспеченности хозяина²⁴⁵. У бедняков покрышки юрт черные, прогорелые, дырявые, пестрят множеством заплат. Большие дыры закрыты кусками брезента, а то и шкурами. У старухи Иргит из колхоза «Новый путь» в Тесь-хеме войлок «живет» с 1940 г. Ломаные решетки, отсутствие необходимого количества «ўнў» — все это изменяет конфигурацию, внешний вид юрты. На западе (Бай-тайга) встречаются очень уродливые юрты. Любопытно применение в настоящее время разных «заменителей» войлока. Встречались юрты, обтянутые бязью черной или белой (летом), рулонной бумагой поверх войлока. В колхозе «Мурнакчи» встретила нам юрта, утепленная на зиму короткими досочками, стыки между которыми замазаны глиной.

Для утепления делают высокую до ½ м земляную завалинку. На верх юрты кладут дерн. Все это объясняется в настоящее время тем, что этот тип жилища доживает свои последние дни. Колхозники получают благо-

²⁴⁵ В Туве бросалось в глаза имущественное неравенство народа. Большие беловойлочные юрты богачей и чиновников и масса корьевых чумов, о которых часто трудно сказать — жилой шалаш или оставленный (Потанина, 1895, с. 70).



Рис. 32. Утепленная на зиму юрта. Колхоз «Мурнакчи», 1953 г.
[фото Е.Д. Прокофьевой (Прокофьева, 1955, рис. 4)]

устроенные дома, обживают их и только летом переезжают в старую юрту, обновлять которую не имеет смысла.

Летом в настоящее время юрты покрывают войлоком только сверху, от дождя, «хана» покрывают чем попало: материей, брезентом, старым войлоком, даже те, у кого имеется хороший войлок. Его берегут на зиму.

Любопытен факт постепенного перехода на иное жилище. Так, в Терехоле оленеводы группы Соян не делают себе на территории колхозного поселка корьевые чумы, а покупают старые войлочные юрты у других тувинцев, уже получивших дома.

Внешняя сторона юрты также связана с определенными традициями. Существует правило: когда подъехал к юрте, коня ставить обязательно слева от двери (то есть к мужской стороне). Справа привязывают коня и подъезжают к юрте только после похорон, или шаманы, или враги.

Бедняки-скотоводы, как мы упоминали выше, не имели возможности делать полную войлочную юрту. Они жили в жилищах, называемых «пöдей»²⁴⁶. Мы имеем свидетельства очень многих стариков из юго-восточных и южных районов Тувы, которые сами жили в таких жилищах. Все они утверждают одно — в юртах жили богатые люди, а простые араты жили в «пöдей» или в «чадыр öб». «Пöдей» представлял собой остов из

²⁴⁶ Полная форма — «пöдей öб», по разъяснению молодого тувинца, научного сотрудника ТНИИЯЛИ т[оварища] Сат Шулу, «пöдей» значит «бедный, нищий, ветхий», но это прилагательное употребительно только к существительному «жилище» — «öб».

толстых, как в корьевом чуме, жердей, которые здесь назывались не «алажи», а «ўнў»), то есть как палки в юрте (войлочой). Эти жерди расставлялись по кругу на земле, причем не было никаких основных жердей, верхние концы жердей вставлялись в круг — «хараача», такой же, как в войлочной юрте. Поверх жердей «пёдей» покрывали войлоком, а совсем бедные араты — корой лиственницы.

Другое устройство «пёдей» было следующим. Ставили решетки — «хана», к решеткам прикрепляли «ўнў»), но верхние концы «ўнў») не вставляли в круг «хараача», а связывали пучком, как в чуме (берестяном или корьевом). Внутри «пёдей» ставили столб-жердь, на который вешали котел. Стенки-решетки снаружи покрывали корой лиственницы или войлоком. Третий вариант «пёдей» — это тот же остов, что в корьевом чуме, он покрывает его низ войлоком, верх — берестой и т.п. Подобное жилище упоминается [А.М.] Позднеевым у монголов. Последние иногда ставят только «ўнў») и «хараача» и покрывают их войлоком; получается маленький временный шалаш.

Встречаются изредка в Туве бревенчатые постройки. В Тодже мы наблюдали две шестиугольные бревенчатые юрты. У одной верхняя часть была сделана в виде каркаса из тонких бревен, при этом в центре каркаса был сооружен из бревен прямоугольник. Внутри в центре юрты были установлены 4 столба, которые подпирали углы этого прямоугольника. Между этими столбами находился очаг — костер. В другой бревенчатой юрте верхняя часть была сделана наподобие чума. В верхних бревнах были укреплены вертикально стоящие тонкие жерди, собранные верхними концами в пучок (как в чуме)²⁴⁷. По словам тувинцев, бревенчатые многоугольные юрты сооружались охотниками в лесу, служили промысловыми избушками. Верх их сооружался из «ўнў») с кругом «хараача» (Тере-холь). Подобные юрты не являются характерным типом жилища тувинцев и заимствованы ими у хакасов и алтайцев. Первое время существования ТНР при организации ТОЖЗЕМов и в начале оседания аратов строились деревянные дома — бревенчатые квадратные срубы без крыш и без крыльца, с очень небольшими окнами. Внутренне убранство этих домов не отличалось от такового же юрты. В настоящее время в колхозных поселках можно встретить немало подобных примитивных «изб».

Кроме указанных жилищ, тувинцы сооружали временные шалаши и палатки летом на пастбищах в горах, зимой — на озере. Ныне охотники берут с собой палатку из далембы или брезента, где и ночуют. Огонь разводят перед палаткой.

²⁴⁷ По словам А.А. Попова, многоугольная бревенчатая юрта — алтайское жилище, причем алтайцам более свойствен верх, сделанный пучком, как в «алаж 0Б». Хакасам более свойствен переплет из жердей.



пөдэй өбү с хаарага.

156



пөдэй с хана.



пөдэй = гадыр өбү

хаарага (Мор-хөһө)



кашо в коф вельо
дид гудуу оу
мел. кона



Билер кривели армана

перды вурду чина
"манана"
~ галана
~ манана.

✓

Рис. 33. Типы «пөдэй өбү» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]



Рис. 34. Восьмиугольная [шестиугольная] бревенчатая юрта, единственная в таком роде в западных районах [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

Пастухи делали также временные шалаши. О них пишет, например, [В.А.] Ошурков, который видел на Танну-ола у границы леса тувинцев, пришедших из степей Шагонара. Они «жили в шалашах из древесной коры, устроенных в виде навеса, прислоненного к стволам деревьев» (Ошурков, 1906, с. 114). О палатках «майгын»²⁴⁸ упоминается и в фольклоре тувинцев.

На «кеш-таг» (зимниках) тувинцы сооружали помещения для коров, овец «кажаа», нечто вроде крытых загонов или даже хлевов²⁴⁹ [прим. 3]. В колхозе им. Хрущева в Тере-хөле мы наблюдали «кажаа» следующего устройства: бревенчатые срубы трехстенные, передней стены нет. Эта сторона перегорожена жердью. С трех сторон «кажаа» обложена сухим навозом. Сухой навоз густо застилает пол в «кажаа», где он служит подстилкой скоту. Особенно тщательно следят за состоянием подстилки зимой. Сырой навоз вынимают и бросают тут же на землю, около «кажаа», где он длительное время сушится. Тут же, около «кажаа», лежит сложенный в кучу измельченный навоз, укрытый мелкими березками, связанными чумом. «Кажая», если их несколько, ставят друг к другу открытыми стенками под

²⁴⁸ Ср. древнетюркское «майхын» — палатка (Мелиоранский, 1900).

²⁴⁹ М.Г. Левин дает в материалах, что у богачей делали «уджалых инек кажа» — хлев для крупного рогатого скота — шестиугольный сруб из бревен, сложенный в «чашку», с плоской крышей — настилом, заваленным хворостом; загон для телят — четырехугольный сруб, на $\frac{1}{2}$ м углубленный в землю. Открытый загон делали для лошадей. Мы наблюдали открытые хлевы и для крупного рогатого скота.

углом таким образом, чтобы они защищали друг друга от снега и ветра. Имеются «кажаа» и около жилых домов, юрт. В некоторых из «кажаа» передняя стенка закрывается старой решеткой (хана) от юрты. В Бай-тайге и Тодже помещения для телят, коров и овец представляют собой низкие бревенчатые срубы с плоской крышей. Иногда эти срубы опускают в яму, таким образом, они представляют собой полуземлянки.

В вышеупомянутых «кажаа» с открытой передней стеной, когда кормят зимой скот (овец и коров), сено кладут вне помещения, чтобы животные его не топтали, но могли достать.

У оленеводов, по материалам М.Г. Левина и А.В. Адрианова, в других районах имелась единственная хозяйственная постройка — амбар «сера» (по А.В. Адрианову, «сери») [прим. 4]. Он сооружался на полпути от зимника к летнику. Уходя с зимника весной, тувинцы складывали в амбар весь зимний скарб: зимние покрышки юрты, зимнюю одежду, охотничий инвентарь. Идя обратно на зимник, брали зимние вещи и в «сера» складывали летние. Амбар имелся у каждого хозяина; кто своего не имел, складывал имущество в амбар соседа. «Сера» — четырехугольный сруб 2 м в длину, 1½ м в высоту — строился на столбах (или деревьях). Бревна сводятся вверху так, что остается лишь небольшая щель, которую закладывают корой, бревнами, чтобы не проникали звери. А.В. Адрианов пишет, что «сери» — «это склады хлеба, совершенно открытые и помещающиеся на крышах на четырех столбах, на полутаросаженной высоте от земли». Но, замечает автор, мыши все же таскают оттуда хлеб.

Мы не наблюдали таких построек и не слышали о них, как не слышали и о таком хранении хлеба, каковое описано у А.В. Адрианова. Приводим поэтому описание этих авторов без изменений.

Подводя итоги сказанному выше, мы видим, что в Туве бытует несколько типов жилищ. Нам представляется возможным выделить из них 3 крайних типа. Это берестяной чум, круглая войлочная юрта и срубные постройки. Берестяной чум, мало чем отличающийся по своей конструкции от чумов селькупов, ненцев и других северных народов, отличен от чумов своих ближайших соседей — камасинцев. Берестяной чум в Туве бытовал только у охотников, оленеводов (как и везде у оленеводов на Саянах). Можно с большой вероятностью сказать, что берестяные чумы были жилищем групп с именем Соян и Чооду, которые до сего времени сохраняют кое-где это жилище и совсем недавно в массе ушли с гор, стали жить в других жилищах. Процесс шел в направлении освоения степи горными охотниками, а никак [не] наоборот. Из всех известных нам групп тувинцев мы можем предположить, что лишь некоторая часть Мааду — скотоводов и земледельцев, кочевавшая смежно с Ак-Чооду (западная конечность хребта Эргик Тарфат-тайга), — занималась оленеводством и, по-видимому, переняла и берестяной чум оленеводов. Но эти

Мааду не были исконными оленеводами, а стали ими под давлением экономических причин.

Круглая войлочная юрта — жилище кочевников-скотоводов. Она является исконным жилищем целого ряда групп тувинцев южных, центральных степных территорий — Монгуш, Ондар, Түлүш и т.п. При этом юрта тувинцев по деталям ближе к бурятской, чем к алтайской.

Срубные постройки тувинцев, за немногим исключением (юрта в Тодже), являются хозяйственными или временными постройками («кажаа», охотничьи избышки, «сера»). Лишь в последнее время срубные постройки стали постоянным жильем, и в этом случае они представляют собой улучшенные «кажаа». Охотничьи избышки сходны со срубными постройками алатцев и хакасов. На территории Улуг-хема они могли быть занесены приходившими в Туву алтайскими и хакасскими переселенцами.

Труднее для изучения корьевого чум — «чадыр» — и различные виды «пöдей öб». Профессор В.В. Бунак, изучавший Туву в 1926 г. и напечатавший отчет, анализируя культуру тувинцев, выделяет в ней 3 комплекса. Комплекс I — оленеводческий, II — скотоводческий и III — не имеющий названия. Интересующий нас тип жилища — корьевого чум — отнесен в III комплекс, и ему, справедливо на наш взгляд, придается авторами особо важное значение. III комплекс тувинской культуры, по В.В. Бунаку, характеризуется следующими признаками: «конические юрты, крытые берестой или лиственничной корой, значительная роль охоты, но не специальной на соболя, скотоводство и примитивное земледелие, производство войлока (незначительное) и пышный шаманский культ». По мнению В.В. Бунака, этот III тип нельзя рассматривать как результат механического смешения двух крайних типов (оленеводческого со специфическим жилищем — берестяным чумом — и скотоводческого с круглой юртой), хотя он, этот III тип, и менее определен, чем оба крайние. Автор считает возможным видеть в III типе прототип культурных комплексов в Туве. Он утверждает, что элементы III комплекса сближают его или даже совпадают с типом культуры алтайско-саянских племен. Эти выводы В.В. Бунака интересны для нас тем, что автор выделяет III культурный комплекс, элементом которого является и чум, крытый корой. Однако В.В. Бунак далее дает следующую картину возникновения двух других культурных комплексов. Столкнувшись с оленеводческой культурой неизвестных племен на севере²⁵⁰, III комплекс, основной в тувинской культуре, преобразовался в тувинский оленеводческий комплекс; на юге при столкновении с монгольской скотоводческой культурой он же преобразовался в тувинский скотоводческий комплекс.

²⁵⁰ В.В. Бунак отрицает большое значение самодийских племен в сложении тувинской культуры. Он считает возможным влияние тунгусских или других первичных оленеводческих племен.

Нам представляется возможным предположить, что III комплекс в культуре тувинцев имеет в основе древнюю оленеводческую культуру саяно-алтайских племен, бывших не только оленеводами, но и охотниками-рыболовами. Саянское оленеводство было всегда транспортным, подсобным для охоты, небольшим по размерам стад. В дальнейшем, с потерей значительной частью племен оленеводства, бывшие оленеводы кочевой образ жизни вынужденно меняют на более оседлый. От степняков заимствуют незначительное скотоводство — коня и овец, а позднее — земледелие, игравшее в их хозяйстве незначительную роль. Тип оленеводческого жилища — легкий берестяной чум — с уменьшением кочеваний преобразуется в корьевой чум, в более постоянное, солидное жилище, не теряя своей основной конструкции. Причем зимнее покрытие долгое время остается шкурным, где большую роль играют шкуры диких копытных (лось, дикий олень и т.п.), а не домашних. Этот постепенный процесс перехода оленеводов из легкого берестяного чума в корьевой в связи с потерей оленей и изменением хозяйственного комплекса и быта можно было наблюдать до последних лет в восточной Туве. Зимнее покрытие чума шкурами с развитием скотоводства и ограничением роли охоты исчезает. Зимний чум становится корьевым, как и летний, но утепляется различными способами. Многие бывшие оленеводы впоследствии полностью заимствуют скотоводческий степной комплекс с войлочной юртой. Таковы Сояны и Чооду юга Тувы (Эрзинского, Тере-хольского и Тесь-хемского районов) и, вероятно, оставшиеся Сояны в МНР.

Такой же чум (несколько иной, как указывалось выше, конструкции), летом покрытый корой кедра /вернее, лиственницы. — *Е.П.*/, а зимой — шкурами диких копытных, бытовал у северных соседей тувинцев — камасинцев — охотников-рыболовов в прошлом и оленеводов²⁵¹. У тех же камасинцев-олeneводо-в бытовал прежде и берестяной летний чум. Корьевой чум у западных групп тувинцев (Иргит, Хертэк, Күжүгет), охотников в прошлом, трудно, казалось бы, считать видоизмененным оленеводческим чумом, так как ни в преданиях, ни в памяти стариков нет и следа об оленеводстве. Однако археологические исследования последних лет (Л.Р. Кызласов и др.) позволяют предположить значительно более широкое распространение оленеводства у саяно-алтайских племен в далеком прошлом. Нам представляется, что оленеводческий комплекс культуры с легким берестяным, шкурным чумом — основным жилищем — был присущ южно-

²⁵¹ По [Из] любезно предоставленным [предоставленных] нам А.А. Поповым материалам по жилищу народов Сибири явствует, что чум подобной конструкции, крытый корой, бытовал как постоянное жилище у тубаларов, челканцев, лебединцев, кумандинцев, особенно алтайцев. Как летнее жилище он имелся у теленгитов (иногда покрывался войлоком), телеутов, возможно, у сагайцев, бельтиров, кизильцев. У последних трех групп конструкция жердяного остова не ясна.

самодийским племенам Саяно-Алтая, вошедшим как один из компонентов в состав некоторых современных групп восточных и западных тувинцев, а также хакасов и некоторых групп населения Алтая. Нетувинский и даже нетюркский прототип — корьевой чум — стал от соприкосновения с оленеводческой культурой кочевым жилищем. Он появился как видоизменение берестяного легкого чума у племен, ранее бывших оленеводами, впоследствии с утратой оленеводства спустившихся в предгорья, изменивших комплекс хозяйства в условиях ухудшившейся охоты (без оленя), вынужденных развивать для восполнения транспорта коневодство, для пополнения мясной продукции — овцеводство и часто, так как скот не обеспечивал потребности семьи, незначительное земледелие. Жилище у них — корьевой чум, бытовал долгое время и остался кое-где до наших дней. Воспоминания о появлении скотоводства у этих групп сохранилось. Причем молочное животноводство появилось позднее. Это относится к западу и востоку Тувы. На юге и в центре скотоводство отлично от такового в западных и восточных областях. Там поголовье состоит из различных видов скота, имеет мясо-молочный характер.

Войлочный чум и его варианты («пöдей») — это элементы скотоводческой степной культуры. В процессе соприкосновения с другими группами, населявшими Туву в прошлом, эта культура явилась более сильной, консолидирующей оленеводческую и охотничье-рыболовецкую культуры древних племен Тувы.

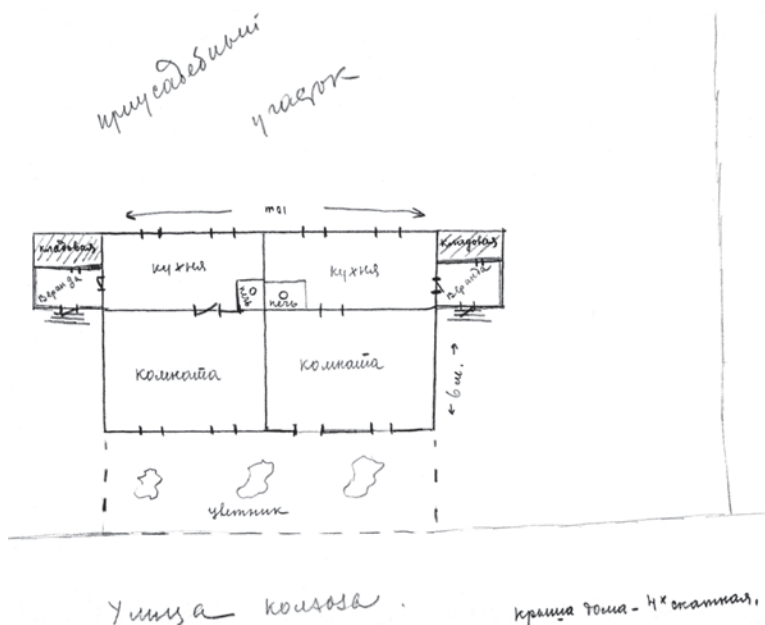


Рис. 35. Схема двухквартирного типового дома
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

В последнее время тувинцы в колхозных поселках переезжают в типовые дома. В большинстве колхозов — это многоквартирные, но часто встречаются двух- и четырехквартирные дома.

Освоение новых жилищ — большой перелом в жизни народа, прежде не знавшего оседлого в полном смысле слова образа жизни. Вместе с новым жилищем осваивается новая мебель, новые навыки в быту. Естественно, что освоение домов проходит неодинаково для различных групп тувинцев. Наиболее передовые в прошлом группы центральной территории Тувы, те группы, которые жили в непосредственной близости с русскими крестьянами, значительно быстрее осваивают новое жилище и новые предметы быта. На глубинных территориях, где прежде и теперь русское население было малочисленным, освоение новых домов идет более медленными темпами.

Необходимо отметить характер большинства русских построек в Туве. Поражает небрежное строительство в прошлом. Лишь немногие избы построены добротными, большинство отражает временный характер пребывания на чужой земле, что отмечалось и старыми авторами [прим. 5]. Лишь в послереволюционное время постройки в русских поселках принимают характер заботливо сделанных постоянных жилищ.

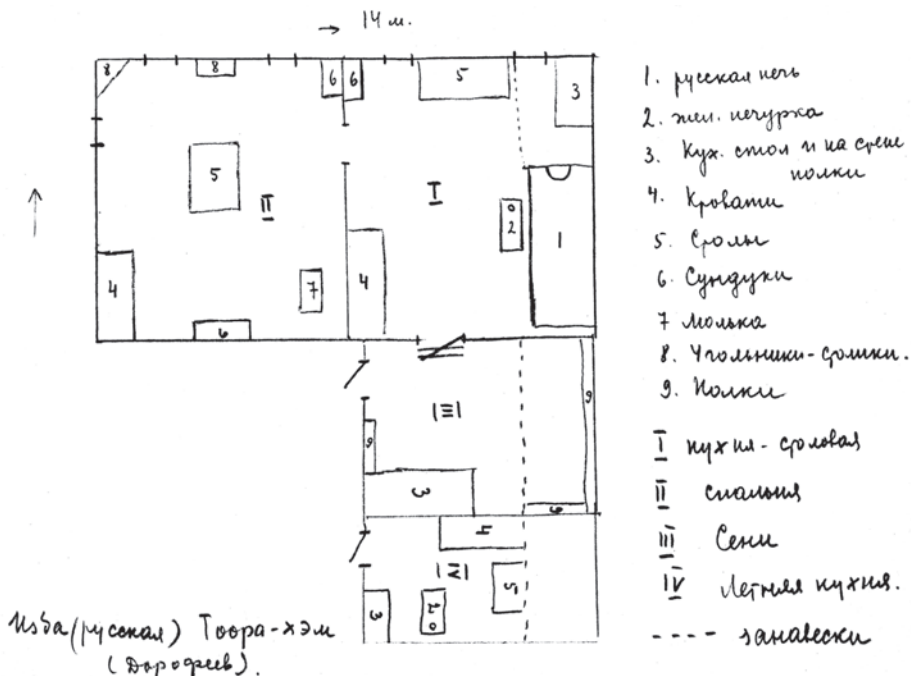


Рис. 36. Схема внутреннего убранства русской избы
 [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Глава X

ОДЕЖДА ТУВИНЦЕВ

При большом различии хозяйственных комплексов отдельных районов Тувы, отраженном в быту в таком специфическом элементе, как жилище, одежда тувинцев не представляет больших отличий по всей территории, занятой этим народом.

На востоке, западе, в центральных и южных областях Тувы одежда единообразна в общих чертах. Этот момент отмечали и прежние исследователи Тувы. Однако описываемая ими одежда тувинцев в большинстве своем бытовала среди зажиточной части населения, не являлась подлинно народной. Причины такого явления следует видеть в тех условиях, в которых работали исследователи Тувы. Запреты китайско-маньчжурского правительства не позволяли исследователям близко и тесно общаться с народом, ставили их в необходимость общаться с чиновничье-байской верхушкой, в руках которой было право разрешить или не разрешить посещение тех или иных мест в Туве, дать или не дать проводника, переводчика. Об этом [На это] прямо указывают сами исследователи.

Второй причиной был сам характер одежды зажиточной части населения, который отличался яркостью, красочностью, разнообразием и, конечно, затмевал обычную однотонную одежду трудящегося народа. В лучшем случае исследователи отмечали бедность одежды народа, отдельные, опять-таки экзотические, элементы, как костюм борцов, праздничные одежды невесты и т.д. С падением власти баев, феодалов ушла из быта тувинцев и культура их класса, следившая за модами [модой] китайско-маньчжурских владык и их слуг, презиравшая культуру своего народа. Лишь в настоящем мы видим в быту подлинную культуру трудящегося народа. И вот эта культура дает совершенно другую картину при ее исследовании [изучении], чем ту, которую описывали исследователи [ученые], имея основным объектом исследования культуру зажиточного класса — класса эксплуататоров. Нельзя отрицать, что отдельные элементы культуры китайско-маньчжурских властителей проникли в народную культуру.

В дореволюционном классовом обществе тувинцев идеалом трудящегося народа было достижение большего благополучия и его выражение в богатстве скотом, в красивых юртах и в нарядных одеждах. Если не бытовая одежда, то одежда праздничная, свадебная при малейшей возможности шилась по образцам праздничной одежды зажиточного класса. Одна-

ко до сего дня народ прекрасно знает, что эта одежда не была подлинно народной. «Это носили богатые, чиновники», — вот обычный ответ на вопросы, относящиеся ко всякого рода праздничной одежде, обуви и шапкам.

Если в изучении одежды зажиточного класса ярко прослеживается влияние китайско-маньчжурской традиции (и в крое, и в материале, и в украшениях), то, изучая бытовую одежду народа, вероятно, можно обнаружить другие более глубинные связи, дающие материал для понимания этногенетического процесса на этой территории. Подлинно народные элементы одежды очень консервативны, сохраняются долгое время, так как весь процесс изготовления одежды в руках женщин, — бесспорно, хранительниц традиций. И изменения в одежде привносятся также женщинами, часто вступающими в брак из другой этнической среды. Очень часто нерациональные на современный взгляд элементы одежды продолжают бытовать, производство их продолжается по традиции, и прежняя, несомненно, существовавшая целесообразность забыта, а бытование их объясняется «модой». Ярким примером этому служит бытование обуви с загнутым носком, объяснения которому мы не могли получить ни в одном районе. Признавалось даже, что при езде верхом такая обувь неудобна, носок задерживает ногу в стремени, мешает всаднику выскочить с седла в опасные моменты (почему ныне с охотой покупаются русские сапоги) [прим. 1]. Однако повсеместно такая обувь шьется и носится с малого возраста.

К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, чтобы дать хоть сколько бы то ни было удовлетворительный обзор одежды тувинцев и тем более выявить черты, общие с одеждой соседних саяно-алтайских племен [прим. 2]. Эта большая специальная тема требует кропотливого сбора материала, который ни нами, ни прежними исследователями проделан не был. Мы постараемся обобщить то небольшое, что удалось собрать и что дает литература.

Повсеместно бытующей у тувинцев является верхняя одежда²⁵² — «тон». Верхняя одежда мужчин, женщин, детей, зимняя, демисезонная одинакова по покрою, различна бывает по материалу. Зимние одежды — «кишки тон» — шили из шкур животных мехом внутрь.

В скотоводческих районах для этого употребляли овчины, в оленеводческих районах — шкуры зимнего оленя или горного козла. Сверху эти меховые шубы обычно покрывались темной однотонной хлопчатобумажной материей или, более богатые, шелком. Оленьи шубы почти никогда не покрывали чехлом. Иногда и овчинные шубы носили без чехла, чему мы были свидетелями и в наше время.

²⁵² Общий термин для всякой одежды — «хеп».



Рис. 37. Старик-супруги тувинцы в нац[иональной] одежде
[фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]



Рис. 38. Тувинцы, одетые в «кышкы тон» [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Ф.[Я.] Кон указывает, что зимнюю овчинную одежду — «ой тон» — кроили «с широким и назад слегка удлиненным подолом» (Кон, 1934, с. 113). По-видимому, он имел в виду зимнюю одежду, которую шьют мехом наружу и надевают как дорожную. Осеннюю и весеннюю одежду шьют из ткани на ватном простеганном подкладе. На верх обычно покупали ткань «далемба», на подклад — белую ткань «сулемба». И то и другое покупали у русских и китайских купцов. Для среднего по росту человека на такую одежду брали: на верх — 8 ама (или 1 тонук) далембы и на подклад — 5 ама сулембы (так как она бывала шире далембы)²⁵³. Оленеводы лишь недавно стали шить матерчатую одежду, прежде шили ее из весенних шкур оленя или козла (горного). Весной после линьки оленья и козлиная шкуры имеют короткий (летний) мех. Одежду из шкур оленя, козла кроили так, что на верхнюю часть ее брали одну шкуру, которую перекидывали со спины на грудь; таким образом, на плечах швов не делали. В ней же делали вырез для ворота. Сзади шкуру надставляли (примерно от талии) до должной длины. Спереди швы при кройке левой и правой полы приходились ниже плеч, на груди. Полы «хойны ~ эдек»²⁵⁴ кроили разное [неодинаково]. Верхнюю

²⁵³ 1 ама = квадрату материи. Если материя шириной 60 см, то 1 ама в длину — 60 см. 1 тонук = 8 ама, то есть при той же ширине материи (60 см) 1 тонук в длину = 4,8 м. В фольклоре упоминается мера длины «ала». Сказка «Тон Аралчын хан» — «платок — подарок размером в 60 ала» (Л.В. Гребнев, перевод).

Информатор — Иргит Шайдып, Тере-холь, 1955.

²⁵⁴ Верхняя пола — «аланты эдек», нижняя — «сонгу эдек» (наружная и внутренняя) [прим. 3].

(левую) полу делали из цельной шкуры, нижнюю (правую) собирали из кусков шкуры, так как полы запахивались слева направо, и правую полу обычно не видно. Застегивалась левая пола на правом плече и сбоку под правой подмышкой на круглые металлические пуговицы — «ёк ~ ўк», которые обычно покупали у китайских купцов. Пуговицы были украшением одежды. Старались приобрести серебряные, бронзовые, медные ажурные пуговицы. Их очень берегли, передавали от родителей к детям. Зажиточные приобретали серебряные пуговицы ювелирной работы, бедные — сплошные медные. Рукава — «чең» — кроили широкими сверху, суживающимися к кисти. Прежде рукава шили с широкими отворотами-манжетами (до 20 см шириной), которые в теплое время служили украшением одежды (их делали из бархата, плиса), а в холодное время их отгибали, и они закрывали кисть руки, служили вместо рукавиц, которых тувинцы прежде не шили и не носили. Делали рукава и без манжет, но значительно длиннее, так, чтобы они закрывали и кисть руки. Во время работы рукав загибали, как и манжеты, в холодное время спускали во всю длину. Такие рукава мы наблюдали и в наше время. Левую полу одежды обшивали узкой каемкой из шкур жеребят или телят.



Рис. 39. Тувинец в национальной одежде. П. Могур-Аксы
[фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

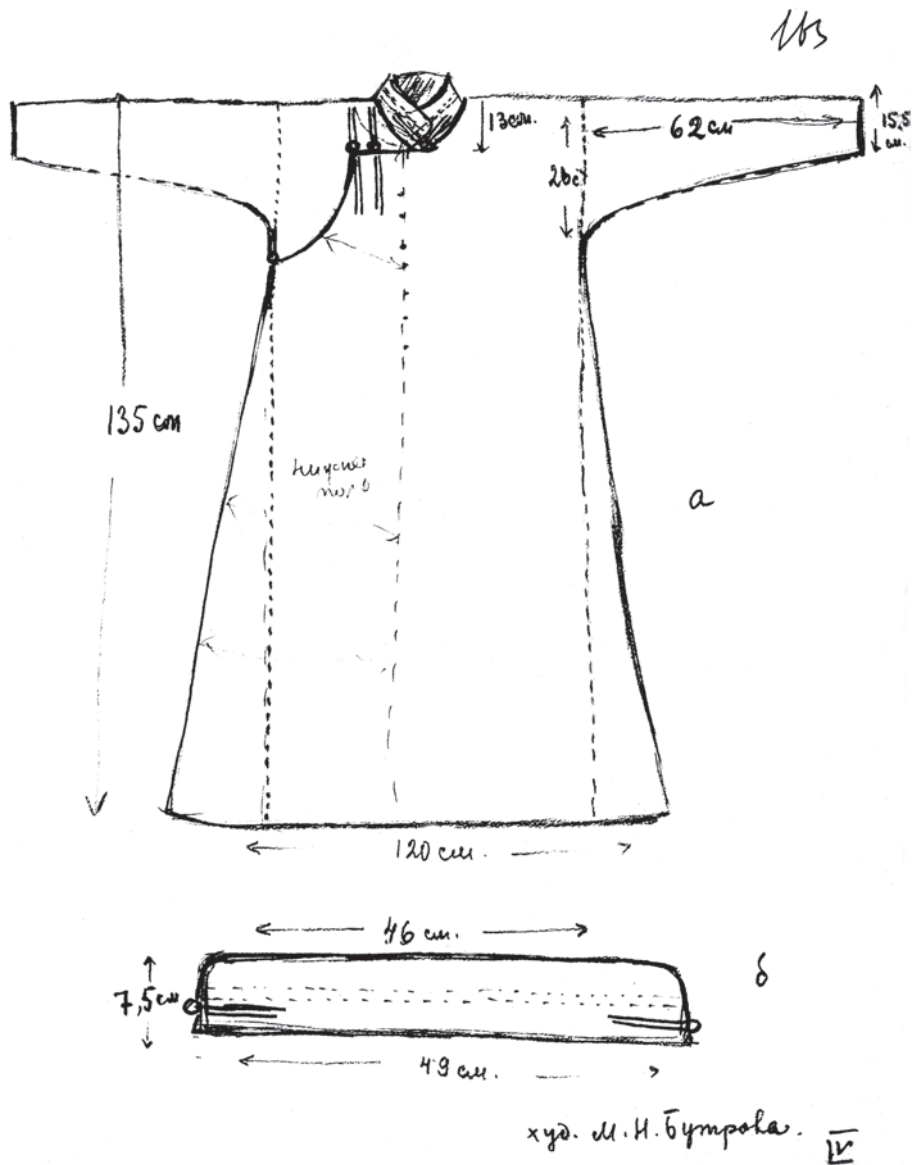


Рис. 40. «Тон» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Нарядную одежду шили из весенней или летней красной шкуры диких козлов. Воротник делали стоячий из шкуры или из простеганной материи. Застегивали его спереди на две круглые пуговицы. Его также обшивали по краям каймой, как и левую полу. Овчинную одежду скотоводов также обшивали каймой (воротник, верхнюю полу) — опушкой из мерлушки.

Осеннюю и весеннюю одежду из ткани шили тем же кроем. Материал во всю двойную длину складывали и кроили «кимono»; на плечах шов

не делали. Левую полу кроили цельной (надставляли лишь сбоку клинья). Наверху правой полы оставался фигурный вырез (от отреза левой полы), к которому, не нарушая его линии, пришивали правую (внутреннюю) полу из целого куска или из мелких кусков материи. Если материя была взята широкая, то часть рукава (верхняя) выкраивалась «кимоно» при кройке стана одежды; затем эти рукава надставлялись до требуемой длины. Шов на рукаве приходился ниже плеча. Если материя бралась узкая, то при сшивании пол сбоку сверху оставляли проймы для вшивания рукава. В таких случаях внизу рукава и в пройму пришивали ромбовидный кусок — ластовицу. Осеннюю и весеннюю одежду подбивали стеганным на вате (или шерсти) подкладом. Летняя одежда также имела подклад, но без ваты (шерсти).

Таким покроем шили всю одежду и, как утверждают старые женщины-тувинки, издавна, и другого покроя не знают. А.В. Адрианов упоминает



Рис. 41. Тувинка, одетая в «тон» [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

для юго-запада Тувы несколько другую летнюю одежду. Он пишет: «Женский костюм мало отличен от мужского. Только летний халат несколько другого покроя: он состоит из верхней и нижней части. Нижняя пришивается к верхней сборками». Нам не удалось узнать что-либо о такой одежде.

Различия в покрое одежды мы лично наблюдали и имеем свидетельство тому на рисунках художника О. Амосовой (из экспедиции 1926 г.). И эти различия связаны с кроем левой полы. Например, у группы Кыргыз при крое одежды из материи перекинутый через плечи материал спереди разрезается посередине. Правая половина его образует нижнюю правую полу, а к левой надставляется подкроенная левая пола с обычным вырезом наверху. Отличен от вышеописанной одежды по устройству пол так называемый «чекпен». Мы его не наблюдали, имеем рисунок О. Амосовой и свидетельство Ф.Я. Кона. «Чекпен» имеет разрез спереди, полы равны по ширине, сходятся встык (не запахиваются). Лишь в верхней части левой полы имеется выступ, заходящий на правую полу. По краю выступ имеет 3 петли, которыми застегивается на круглые пуговицы к правой поле. Такой костюм, по описаниям О. Амосовой, служил осенней одеждой тувинцев. Шили его из толстой шерстяной материи и надевали поверх летней одежды из далембы. Ф.Я. Кон пишет о ней как об одежде богатых (Кон, 1934)²⁵⁵.

Молодые женщины для пошивки одежды брали преимущественно яркие ткани, пожилые женщины и мужчины — темные (коричневые, синие, черные и темные тона зеленого и красного цветов).

Праздничную одежду богатые араты шили из шелка, делали вставки из дорогих тканей около ворота, левую полу обшивали каймой из цветных полос шелка, бархата, меха. Такая праздничная одежда имела на левой поле «выступ», особенно украшенный. Называлась эта одежда «эдектыг тон» (одежда с полой).

Одежду подвязывали поясом — «кур». Мужчины завязывали пояс на животе узлом и потом концы пояса закладывали, а иногда спускали свободно висящими. Женщины пояс не завязывали, а обвивали вокруг себя и концы всегда закладывали. Пояс делали из далембы, сатина, богатые — из шелка, обязательно другого, более яркого цвета, чем одежда.

Пояс ременный был признаком бедности (это значило, что хозяин его не в состоянии купить ткань). Матерчатый пояс — явление позднее, появляется с развитием торговли. Прежде опояску вырезали из шкуры животного. Этот пояс назывался «колорай»²⁵⁶. Его делали из шкуры с обеих передних ног и полоски шкуры спины между ногами. При этом на шкуре

²⁵⁵ Ременный пояс он [Ф.Я. Кон] называет «баг-кур».

²⁵⁶ Материалы М.Г. Левина. Ныне «колорай» называется шкура между передними лапами. Ф.Я. Кон упоминает о таком поясе как охотничьем у улуг-хемских тувинцев и называет его «халыр-кур». Делали его из шкуры козла (Кон, 1934, с. 114).



Рис. 42. Тувинка, подпоясанная «кур» [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

с ног оставляли копытца. Оленщики делали пояс из шкуры оленьих телят, безоленные — из шкур козла (горного). Впоследствии лишь тот, кто не имел средств купить материи на «модный» пояс, носили старинный пояс из шкуры.

Делали пояса из полоски конской шкуры, украшали их металлическими (медными или серебряными) бляхами, ажурными или сплошными, собственного изделия или покупными китайскими. Эти украшения также берегли и передавали от отца к сыну. Застегивали пояс металлической пряжкой. Старинный пояс «колорай» обвязывали по талии так же, как ныне матерчатый. К кожаному поясу подвешивали серебряные ажурные украшения («тыргы») с одного или с обоих боков. Формой эти украшения чрезвычайно схожи с теми, которые мы видим изображенными на каменных бабах («кижи-кёже»), и называют эти изображения тувинцы тем же терми-

ном — «тыргы»²⁵⁷. На пояс подвешивали целый набор инструментов, специфических для мужчин и для женщин. У женщин подвешивали кройльный нож в ножнах, игольник «кобыл» («инэлик» — Ф.Я. Кон). У мужчин — нож в ножнах, огниво — «от ташь», мешочек с кремнем и особой травой, которую собирают, сушат, мельчат и смешивают с толченым углем. Такая смесь не промокает, легко воспламеняется от искры. У мужчин и женщин подвешивают к поясу разные приспособления: чистилку для ногтей — «тарбат чушь кусь», чистилку для ушей — «кулак чушь кусь», чистилку для трубки — «таңзы чушь кусь», щипчики для вытаскивания заноз, они же служат для выщипывания бороды у мужчин, — «испык». У богатых людей все эти инструменты сделаны из серебра, украшены резьбой. У бедняков из всего этого набора чаще бывала лишь чистилка для курительной трубки.

Трубка — «танза» — обязательная принадлежность мужчин и женщин (ныне лишь пожилых и средних лет женщин, молодые женщины курят редко). Трубки изготавливались разные. У богачей имелись дорогие серебряные с крышечками («сой куулур»). Бедняки трубки делали обычно из ветвей кустарника — «сөскын» или «казылган няшь» — таволожника. При этом брали ветку от корня, имеющую внизу значительное утолщение, из которого и делали головку трубки («таңза бажы»). В лучшем случае имели оловянные трубки («как час таңза»). Трубки из таволожника делали при помощи раскаленного железного стержня, которым выжигали канал в чубуке и углубление в головке трубки. Трубку носили заткнутой за поясом (реже — за голенищем обуви).

Кроме вышеописанной одежды «тон», существовала и кое-где продолжает бытовать особая сезонная одежда, о которой мы имеем самые общие сведения, так как она редко встречается. Зимой поверх зимней одежды «тон» надевали меховую шубу «чагы». Ее шили из шкур дикого козла, оленя, яка мехом наружу. Это была широкая распашная одежда с разрезом посередине, с полами равной ширины, с широким рукавом, с широким «шалью» воротником. При этом левую полу все же несколько запахивали на правую и завязывали вязками. Сзади имелся разрез. Длина одежды — несколько ниже колена (тогда как вышеописанные «тон» делали очень длинными — до лодыжки). Эта шуба была очень удобной при далеких поездках верхом на коне, полы закрывали ноги, а поднятый воротник защищал лицо и шею от ветра и холода. О такой одежде упоминается в фольклоре, где говорится, что шили ее из птичьих шкур²⁵⁸.

²⁵⁷ У пастуха Тожи Чонжюра имелись поясные бронзовые украшения с двух боков. На верхней части украшения изображена раковина каури. На поясе подвешен [размещается] кусок какой-то большой раковины белого цвета, бывшей прежде подвеском [подвеской]. Тере-холь, 1955 г.

²⁵⁸ Переводы сказок Л.В. Гребнева.



Рис. 43. Всадник, одетый в «чагы» [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

В скотоводческих районах в большие морозы носили длинную шубу из шкур баранов — «аскыр эгей тон». В осеннюю дождливую погоду поверх осенней одежды «тон» араты надевали короткую войлочную или суконную куртку — «хөвенек», скроенную как и шуба «чагы», только значительно короче ее. В фольклоре «хөвенек» упоминается всегда как одежда бедняка-пастуха. Мы наблюдали такую одежду у пастухов юго-востока Тувы. Богатые надевали осенью упомянутый выше суконный или из тонкой верблюжьей шерсти «чекпен».

Уходя на промысел, прежде араты-охотники надевали короткую охотничью куртку — «чолдак тон», сшитую из шкур горного козла. Покрой ее отличался от одежды «тон». Это была распашная одежда; полы равной ширины завязывались встык. Воротник обшивали мехом. Полы во время ходьбы затыкались за пояс (как и у «тон» во время езды на коне или олене или во время ходьбы).

Богатые люди и чиновники летом и зимой носили поверх «тон» короткую безрукавку — «хурмэ»²⁵⁹ [прим. 4]. Шили ее из лучших сортов шелка на меховом подкладе из шкур ягнят (мерлушка) и соболя. Бедняки таких безрукавок не носили. Эта одежда появилась после установления

²⁵⁹ Ф.Я. Кон упоминает о чиновниках, носивших «камзолы» — безрукавки — «кангазын», заимствованные у китайцев (Кон, 1934, с. 114).

китайско-маньчжурского владычества как обязательная одежда чиновников. В уложениях китайской палаты о ней упоминается, и называется она там «куромо». Помимо безрукавки, богачи и чиновники носили летом короткую куртку с рукавами, сшитую из богатых шелков, отороченную мехами соболя, лис. Надевали также поверх летнего «тон».

Остается упомянуть об особом костюме борцов, который издавна бытовал у тувинцев, «живет» и по настоящее время. Называется он «содак-шодак», «содак-шуудак», «шодак-шудак» или просто «содак», «шодак». Состоит этот костюм из коротких трусов и короткой безрукавки, не закрывающей грудь. Шили его из лосиной ровдуги. В настоящее время его шьют и из атласа.

Под верхнюю вышеперчисленную одежду надевали и мужчины и женщины штаны — «чугур». Зимой их шили из шкур оленя, козла мездрой внутрь, шерстью наружу. Шерсть коротко подрезали. Летние штаны шили из шкур телят (козлов и оленей) или из летних шкур взрослых животных, с которых шерсть не срезали. Ф.Я. Кон, описывая одежду улуг-хемских (центральных) тувинцев, указывает на бытование у них бязевых штанов «самого простого покроя, сшитых вместе лишь с одного края, с оставлением посредине некоторого пространства несшитым» (Кон, 1934, с. 113).

Штаны мужчины и женщины носят на ремennom пояске («инджу» — М.Г. Левин; «чүвүр шазы» — Л.В. Гребнев), который продевается в петельки, пришитые к верхнему краю штанов. Поясок не развязывали и при необходимости штаны стягивали вниз, растягивая поясок. Держались штаны на костях таза. Носили штаны, не снимая ни днем, ни ночью, до полного изнашивания. Все вышесказанное относится к охотничьим, оленеводческим группам. Центральные скотоводческие группы летом носили короткие штаны²⁶⁰ из материала «дабы», зимой — длинные из овчины мехом внутрь²⁶¹ длиной до колен, ниже колен подшивали материю.

Прежде рубашек не носили²⁶². Позднее появляются рубашки из бязи («дабы») в центральных районах (Адрианов, 1887). А.В. Адрианов упоминает об этих рубахах. Однако из его изложения неясно, что это: одежда — «тон» — или рубашка. Все другие исследователи отмечают, что из нижней одежды у тувинцев имелись лишь штаны. Летом мужчины дома ходили голые, имея на себе лишь штаны, женщины, «как более стыдливые», летом дома спускали с плеч «тон», который держался поясом на талии. При пере-

²⁶⁰ Штанина называется тем же термином, что и голенище обуви, — «хончу».

²⁶¹ Сторона шкуры с шерстью — «түгю», мездра — «дңо» (Тере-холь).

²⁶² Ф.Я. Кон в указанной работе дает описание у улуг-хемских сойот. Он не различает одежду богатых и бедных, отмечает лишь, что бедняки не носили «белья» из покупных материй, а штаны, например, шили из овечьих шкур. Рубах — «кййлен» — не носили вообще. Все, что говорит он об украшениях халатов «тон», относится к одежде зажиточного класса.



Рис. 44. Тувинка, одетая в праздничный зимний «тон»
[фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

правах летом через реки мужчины снимали одежду и оставались в коротких, выше колен, штанах. Мы наблюдали, как осенью дома подростки-мальчики, выполняя ту или иную домашнюю работу, спускали одежду с плеч и работали голые до пояса. Чаше при работе спускают одежду лишь с правого плеча, высвобождая правую руку. В Тодже²⁶³ нам рассказывали женщины, что прежде под «тон» надевали рубашку — «хййлең», грудь которой расшивали узорами цветными нитками. О крое этих рубашек рассказывали, что он одинаков с кроем «тон», в чем мы сомневаемся. Ф.Я. Кон пишет, что «хййлең» шили в виде распашонки (Кон, 1934, с. 113).

²⁶³ Информатор — Саша Оорджак (девичья фамилия ТарБат).

Охотники, отправляясь на промысел, надевали короткую охотничью куртку, наколенники («хууш» — Тоджа; «огдешки» — центральные скотоводческие районы (запись С.И. Вайнштейна); «ивдекшин» (запись Ф.Я. Кона)).

Праздничная (свадебная и пр.) одежда трудящихся изготовлялась в соответствии с достатком семьи. Наиболее богатые семьи шили «эдыктыг тон» — одежду с выступом на левой поле, обшитой каймой из цветных полос материи. Материал на одежду брали дорогой (шелк). Обычно же праздничная одежда — это новый, неношенный тот же «тон». Это мы наблюдали и в 1953 г. на праздновании годовщины Великой Октябрьской революции. Тувинцы приезжали из колхозов в районный центр — п. Тээли — в новых зимних «тон» из овчины. У многих они не были ничем покрыты; хорошо выделанная белая мездра («оңё») овчин была украшена лишь цветной полосой по подолу и левой поле. У некоторых из них «тон» был покрыт цветным шелком, опояски были яркие, из нового материала.

Совершенно нет в настоящее время «эдыктыг тон», ибо и прежде это не было характерным для народной культуры.

В настоящее время в одежде тувинцев произошли большие изменения. Повсеместно вошли в употребление платья, мужские рубашки. Женщины предпочитают (особенно молодые) яркие цветные материи, пожилые женщины и мужчины — однотонные. Платья носят готовые, покупные, но чаще — самокройные по покупным образцам. Широко распространены городские костюмы: мужские и женские. Женщины часто носят мужские пиджаки как жакеты. Появилось в крестьянском обиходе нижнее белье. Среди колхозников широко бытует осенняя (и вообще производственная) одежда — ватники, фуфайки, ватные штаны. В большом ходу гимнастерки военного образца. Тувинская интеллигенция полностью сменила старую одежду на городскую во всем ее комплексе.

Среди колхозного крестьянства бытует национальная одежда «тон» — дорожная одежда, которая носится поверх городского платья, белья, как летние, зимние пальто. И лишь в глуши у оленевдов или на юго-западе Тувы в 1953 г. можно было встретить «тон» без платья, на голое тело. Среди колхозников молодежь является проводником новых элементов одежды, новых навыков в обращении с новой одеждой. Если в восточных районах, на юге женщины выделывают шкуры и шьют меховую одежду, в центральных районах уходит из жизни это древнее занятие женщин. Шкуры овец привозятся кооперацией в выделанном виде, колхозники их покупают. Молодые женщины в Эрзине, например, говорили, что ныне только старые женщины умеют выделывать шкуры, молодежь не умеет.

Обувь тувинцев также была одинакова по всей территории. Различия были в обуви оленеводов-охотников и скотоводов, а главное — в обуви



Рис. 45. Разнообразие современных костюмов тувинцев
[фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

зажиточного слоя общества и бедняков²⁶⁴. Тожинцы-оленеводы, юго-восточные тувинцы-охотники шили летнюю обувь ровдужную и меховую, зимнюю — меховую и войлочную. Меховую обувь — «маймаки» — шьют из камусов («бышкак») оленей, лосей, горных козлов. Летнюю обувь шьют из летних камусов, зимнюю — из зимних. На пару меховых «маймаков» идет «два зверя». Каждый сапог шьется из четырех камусов оленя, лося, марала. Камусы с передних ног зверя идут на перед сапог, с задних ног — на заднюю сторону сапога, образуя голенище и головку. Козлиных камусов на один сапог идет 7 штук, на детскую обувь (подростковую) идет по 3 камуса на один сапог. Сшивают их почти без края естественной для камуса формы жильными нитками. Подошву делают из шкуры с шеи лося, козла, если имеют скот, то коровью. Пришивается подошва выворотным швом. Камусы сшивают мехом наружу. В обувь кладут стельку — «идык сыгене» — из чистого мелкого сена. Ногу обертывают портянкой — «орышкын» — из материи (летом), из шкуры или войлока (зимой) (юго-восток Тувы). Обычно надевали войлочный или меховой чулок — «ок». На юго-востоке в задник вшивали кусок войлока, чтобы задник был тверже и чтобы швы не терли ногу. Скотоводы носят сапоги с острым загнутым носком на толстой многослойной подошве. Но у них же бытуют и вышеописанные выворотные «маймаки». По словам тувинцев, в прошлом обувь с загнутым носком носила зажиточная часть населения. Бедняки носили выворотную

²⁶⁴ Общий термин для обуви — «итык ~ идык»; голенище — «хончу ~ хонжу» или «унну»; подошва — «улдун ~ ултун» (ср. селькупское «ылтын ~ ылтыт»).



Рис. 46. Тувинка за шитьем обуви [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

обувь. Обувь остроносоую носили зимой и летом. Зимой при этом надевали войлочный чулок²⁶⁵. При износе обуви часто голенище переходит на новый сапог, шьется лишь новая подошва как на «маймаках», так и на другой обуви. меховые голенища иногда надставляют ровдугой, в таких случаях голенище удлиняется выше колен.

²⁶⁵ Ф.Я. Кон, говоря об обуви тувинцев, вовсе не упоминает о выворотной обуви.

Бытуют и другой формы сапоги, также на выворотной подошве, пришиваемой к головке, к которой затем пришивается голенище. Эти сапоги шьют из коровьей кожи.

Голенища всех сапог, кроме остроносых, имеют почти ровный верхний край. У остроносых сапог верх срезан под углом. Передняя часть голенища значительно выше задней.

Меховая обувь, выворотная кожаная обувь привязываются ремешками («идык тунгу») к ременному пояску штанов.

При сравнительном однообразии одежды и обуви наблюдается большое разнообразие головных уборов, которое в прошлом было еще более значительным. Можно предположить, что головной убор отличал одну родоплеменную группу от другой и играл немалую роль не только как часть одежды, но и как признак принадлежности к определенной этнической и социальной группе. В припевках, записанных Н.Ф. Катановым от группы тувинцев Куулар, женщина говорит: «Не пойду замуж за русского, не надену их вдавленной шапки! Не пойду я и за телеута, не надену их телеутской шапки» (Катанов, 1907, с. 101, § 876).

В наше время старинные национальные головные уборы почти вышли из употребления, заменились новыми, особенно в центральных районах Тувы. Женским головным убором повсеместно является берет — «пёт» — с вкладышем из полоски бересты или картона шириной 5–6 см, вложенным в борт берета. Получается своеобразная круглая шапка. Ее носят все сезоны, кроме зим. Береты покупают готовыми светлых тонов, преимущественно красные, но также и шьют их из различных материалов. Мы наблюдали сшитые самими тувинками береты из сатина и цветного ситца. В западных районах изредка носят такой берет и старики, но не вставляют в него вкладыша, натягивают на голову как колпак. Также повсеместно женщины носят головной платок — «аржыыл», повязывая его тюрбаном. Платок носят и старые, и пожилые мужчины, подвязывая его также вокруг головы, как и женщины, а иногда и поросту под подбородком²⁶⁶. В старину зимней женской шапкой являлась «пёрүк» [прим. 5]. «Пёрүк» имела высокую тулью — «таайы»²⁶⁷ — из материала, по словам тувинок, формой схожую с юртой. Тулью шили соответственно с достатком семьи: более богатые — из дорогого шелка, парчи, бедняки — из цветной материи. Шапка имела высокие торчащие вверх борта из черной мерлушки. Спереди борта были выше, чем сзади, где они сходили на нет. В праздники к этой шапке сзади пришивали две широкие, длиной до 15 см, ленты — «маак», — спускавшиеся на спину.

В старину имелся специальный свадебный головной убор у богатых женщин — «пашь таңгы». Шапочка имела вид плоской мелкой тюбетейки.

²⁶⁶ Женщины носят платки дома и зимой.

²⁶⁷ Термин Н.Ф. Катанова, Ойнарский хошун.

Шили ее из войлока или простеганного в 2–3 слоя сукна. Верх покрывали однотонным темным шелком. Иногда делали на нем вышивку шелковыми нитками. По краям шапочку обшивали бахромой из бус. С затылка к шапочке прикрепляли украшенный вышивкой, обшитый бахромой из бус, серебряных цепочек, монет платок («тумалай»), который покрывал спину. Платок кроили треугольником с несколько усеченной верхушкой, которую пришивали к шапочке. Для того чтобы платок в своей широкой части не спадался в складки, примерно посередине его пришивали с внутренней стороны ивовый прут-распялку (один или два параллельно). Эту шапочку замужние женщины носили и после свадьбы по праздникам. Пожилые женщины также надевали ее, но без платка «тумалай».

В южных районах свадебный платок был иной. Его надевали на голову так, что он закрывал лицо. Делали только прорезы для глаз. Поверх него надевали на голову шапочку «пашь таңгы». После свадьбы этот головной убор замужние женщины носили по праздникам или по приезду почетных гостей, но лицо уже не закрывали.

Сояны-оленоводы носят «тувинские», по определению населения, шапки — «халбак бөрт»; они имеют в основе колпак, сшитый из материи, на ватном простеганном подкладе с пришитыми с боков наушниками — «калбаңы»²⁶⁸. При хорошей погоде наушники подворачивают внутрь колпака, при плохой — спускают и подвязывают под подбородком или отгибают назад и завязывают на затылке так, что они лишь прикрывают уши.

В Эрзине и прилегающих к нему местностях носили колпаки — «тогурзак» — с вшивным дном, прямого кроя, без наушников. Их глубоко надвигали на уши. Ныне используют как головной убор, наподобие колпака, ватный подклад из зимних суконных с мехом покупных шапок-ушанок. Этот подклад обшивают сверху темной материей и называют тем же термином — «тогурзак».

Мужчины ныне охотно носят городские фетровые шляпы с полями. Носят их различно. Некоторые низко и глубоко нахлобучивают их на голову, тулья делается круглой. Поля отгибают спереди наверх, часто подрезают их, делают более короткими. Такие же шляпы носят изредка и женщины.

Сояны и другие олениводы Тоджи и Тере-хөля носят шапки типа панамы с полями. Основание шапки шьют из двух кусков ровдуги или брезента, соединенных посередине одним швом. На темени поперек шва иногда закладываются складки, прошитые до середины. Поля сделаны короткими из двух слоев ровдуги или брезента, прошитые по краю. Встречаются колпаки, простеганные на вате, покрытые темной материей. Сшиты они из двух половин одним швом, идущим спереди назад посередине шапки. Колпак глубоко сидит на голове и прикрывает уши. Прежде такие колпаки

²⁶⁸ Термин Н.[Ф.] Катанова, Ойнарский хошун (Катанов, 1907, с. 14).

шили из меха на меховой подкладке. Верх делали из короткого меха, подклад — из меха зайца. Иногда делали по краю опушку, на которую обычно шел беличий мех.

В старину из материи шапок вообще не шили. Все шапки шили из меха. Оленщики²⁶⁹ употребляли для этого шкуры диких животных, скотоводы — мерлушку и шкуры дикого козла.

В настоящее время мужчины и женщины зимой носят одинаковые шапки типа «кубанки», которые шьют из мерлушки (черной) с круглым дном²⁷⁰. Дно делают из красного сукна или шелка того же цвета (иногда с тисненным или тканым рисунком. Ткань фабричного производства). Широко вошли в употребление русские шапки-ушанки. Их также носят мужчины и женщины. Мужчины носят летом кепки-фуражки.

На юге и западе сохранились национальные старинные шапки, которые тувинцы называют монгольскими. Они схожи с колпаками с наушниками, но имеют спереди надставку-борт, как у русских ушанок, и вместо наушников спускающийся на шею широкий лоскут.

У детей мы наблюдали летние шапочки, сшитые из красного сукна. Прямой кусок материи на боках расставлен клиньями, дно круглое. По низу край обшит белой каймой. Нам представляется, что эти шапочки шьются в подражание военным пилоткам. Но может быть и иное. Такие шапочки имеются как шаманские женские у кетов. В таком случае мы имеем чрезвычайно любопытный пережиток древней формы шапок.

Материалы по половозрастным отличиям в одежде очень скудны. Имеются сведения, что на одежде девушек, достигших половой зрелости, по краю левой полы одежды — «тон» — от колена и ниже до подола подшивали красную кайму. Об этом упоминает и Ф.Я. Кон. С момента замужества эту полосу снимали, по словам женщин Эрзина. Никаких других половозрастных особенностей в одежде мужчин и женщин не отмечено.

Весь пошив одежды лежал на женщине. Но одинокие мужчины также по необходимости умели и шили себе обувь. Такие факты можно наблюдать и ныне.

Девочку приучали к шитью с 7 лет. У нее появлялся свой женский мешок — «ўньчўйак» — из невыделанной оленьей (восток) или коровьей кожи, где она хранила швейные принадлежности, куски меха, материи. Девушка должна была уметь сшить все не только для себя, но и для семьи. С 14–15 лет она шьет на себя «приданое». Никто из старых женщин ее не обшивает, равно, как и она, шьет с этих лет только на себя до замужества.

²⁶⁹ М.[Г.] Левин сообщает, что в Тодже носили «три фасона шапок», не описывая их (1926 г.).

²⁷⁰ Ф.[Я.] Кон упоминает шапку «халбах төрт» — «мерлушечья шапка, крытая сверху бязью». Трудно судить, идет ли речь о старинной шапке или о более поздней типа «кубанки» (Кон, 1934, с. 113).



Рис. 47. Головные уборы тувинцев [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

«Никто ее платья не тронет. Как научилась, так сама и шьет». До этого возраста ее одевают во что придется, редко в бедных семьях шьют ей что-либо специально, но с 15 лет ей покупают материи, дают шкуры, и она вправе требовать себе наряды. Она — невеста.

В прежнее время, как мы упоминали выше, особенно на востоке, всю одежду (и покрывки для жилища) делали из шкур диких и домашних животных²⁷¹. Обработка шкур также являлась женской работой. Работа эта трудоемкая, тяжелая, требующая большого искусства. Это искусство живо в полной мере в восточных районах Тувы. Кратко опишем процесс изготовления шкур. Снятую с туши животного шкуру очищали от жира и оставшихся волокон мяса скребком «каргы» и расстилали ее на земле, прижимая концы камнями или вбивая в них колышки. Так шкура подсыхает, вялится.

²⁷¹ Из шкуры медведя никакой одежды не шьют.

Затем шкуры крупных копытных смазывают особым составом из измельченных в ступке гнилушек древесины и коры ели или лиственницы, смоченных водой или молоком.

Этот состав способствует дублению шкуры. Намазанную этим составом шкуру плотно скатывают и оставляют на одни-двое суток. Затем шкуру разворачивают, дубильную массу соскребают скребком «саа» и мнут скребком «хадер» и «етирă» (кожемялка — деревянная палка с зарубками или с тупым лезвием железной косы)²⁷². Для этого шкуру расстилают на наклонно поставленную доску, одним концом упирают ее в землю, другим — о колено работающей и, крепко нажимая, водят скребком по шкуре сверху вниз (по мездре). На выделку шкуры уходит два-три дня. После обработки шкуры скребком «етирă», ее мнут руками, вытягивают и раскладывают в чуме на настиле над костром или закладывают за жерди остова, где она коптится и сохнет. При выделке кожи и замши (ровдуги) процесс тот же. Только при этом шкуру с поверхности с шерстью мочат несколько дней и после этого шерсть сбивают. Шерсть служит подстилкой детям в люльках.

Камус для пошива обуви выделывают следующим образом. Подсушенный в чуме над огнем камус наматывают мездрой вверх на палку и бьют по нему деревянной колотушкой на бревне, обивая твердую пленку, которую тут же сдирают ногтями. После этого размятый, очищенный от пленки камус обрабатывают скребками, мнут и растягивают.

Мелкие шкуры пушных зверей после снятия с тушки убитого зверя распяливают на специальных распорках и так сушат мездрой вверх. Прежде чем надеть шкурку на распялку, ее тщательно обезжиривают. Затем женщины выделывают их. При этом не употребляют никаких скребков, вся работа делается руками. Шкурки разминают, ногтями счищают твердый слой на мездре.

Всю меховую одежду сшивают жилами («сир ~ сыр») с ног или со спины диких и домашних животных, чаще жилами лося, марала, оленя. Лучшими считаются оленьи жилы. Отделенные от мускулов сухожилия с ног или со спины животного просушиваются над легким огнем, для чего подвешиваются к шестам в верхней части чума. Сушат два-три дня. Затем сухожилия мнут, разбивают на обрубке дерева ударами палки или обуха топора. Размягченные сухожилия разделяют на волокна необходимой толщины, которые затем ссучивают в жилую нить. Одежды из ткани шьют покупными нитками — «догломал».

²⁷² Нами записаны несколько терминов для скребков — «етирă» ([А.А.] Пальмбах — «этирээ»), «хадер» (ср. ненецкое «хадер» — скребок), «саа». Причем «етирă», по нашим сведениям, — не просто деревянная палка, а палка с лезвием (обычно кусок железной косы) (Тоджа, 1952 г.; Тере-холь, 1955 г.).

При кройке меха женщины употребляли женский коротколезвийный ножик, который подвешивается справа сбоку к ремённому поясу.

Несколько слов о манере причёсывать волосы. В настоящее время лишь изредка можно встретить старинные косы у девушек. Можно определенно сказать, что прежние национальные обычаи, связанные с причёсыванием волос, с возрастными изменениями, исчезли. Однако обычай первой стрижки маленьких детей бытует почти повсеместно. До революции все мужчины-тувинцы южных и центральных районов спереди брили голову, оставляли волосы на затылке, которые заплетали в косу — «кежеге»²⁷³. На юго-востоке и западе Тувы голову не брили, волосы со всей головы заплетали в косу длиной в четверть. Многие тувинцы лишь в 1933 г. отрезали косу, причем по собственному почину. Прежде коса считалась гордостью мужчины. Дернуть за косу значило нанести оскорбление. Отрезать косу — позор. Это представление нашло отражение в фольклоре. Мерген-богатырь отрезает побежденному врагу косу и берет с собой как трофеей. Брили волосы русскими или китайскими ножами.

По нашим сведениям и материалам прежних исследователей, причёски девушек и замужних женщин были различны. Девушки носили три косы, женщины — две. Девушки (невесты) заплетали две косы с боков головы (от висков) и одну косу сзади. Последняя разделялась на три косы. Видимо, это имеет в виду Ф.Я. Кон, который отмечает, что «девушки носили три косы, соединяющиеся в одну». И мужчины (зажиточные), и женщины вплетали в косы черные шелковые нити²⁷⁴, чтобы удлинить косы; обычай требовал, чтобы коса доходила до подола платья. Иногда вплетали настоящие «ложные косы» из таких нитей.

Шелковые нити покупали у китайских купцов. Трудящиеся араты не удлиняли косы, так как длинные косы мешали работе, то их пропускали сзади за пояс. Богатые замужние женщины украшали косы серебряными, медными цепочками, бусами, бляхами. Вся совокупность украшений волос называлась «чавага». Девушки «чавага» не носили, а прикрепляли к косам кисти «салбак», которые никогда не носили замужние женщины.

Мужчины до 40 лет бороду выщипывали, после достижения этого возраста оставляли. Б.К. Шишкин пишет, что подбривали усы, по нашим сведениям, также выщипывали, оставляли их лишь старики.

До последнего времени существовал, по крайней мере, на востоке и западе обычай первой стрижки детей. Можно было встретить на улицах колхозных поселков детей со своеобразной «прической». Стригли ребенка впервые трех лет [в три года]. Родители оповещали родственников о том,

²⁷³ Ср. монгольское «gezige ~ gezege» — косичка, коргизское «kesige» — затылок. Об этом пишут А.В. Адрианов, Б.К. Шишкин, Ф.Я. Кон и др.

²⁷⁴ «Пээжин кара» — «пекинский материал» (по фольклору, Л.В. Гребнев).

что настало время стрижки. Организует этот праздник кто-либо из родных, не родители. В определенный день съезжаются родичи в назначенное место. Каждый должен отрезать прядку волос у ребенка и подарить ему что-либо. Прежде дарили скот: овец, телят и т.п. Так собирали личное имущество новому члену рода. Ныне дарят иное — материи, шкуры животных и т.п. После стрижки остается у мальчиков только спереди надо лбом хохолок. Стригут ножом.

Девушки и женщины употребляли косметические средства — красили щеки соком растения «энгесхе»²⁷⁵. Зажиточные девушки и женщины и более бедные аратки носили украшения — кольца «пильжек». Кольца носили и мужчины — медные, серебряные, золотые. Женщины носили серьги различного достоинства, самодельные медные с бусинками и дорогие тонкой ювелирной работы китайские изделия.

В настоящее время, как мы говорили выше, среди колхозного населения, близкого к культурным центрам, особенно среди молодежи, местной интеллигенции, тувинцев-рабочих национальный костюм вышел из употребления, заменился гордской покупной одеждой в полном комплексе. На западе, юго-западе, востоке, юго-востоке среди аратского населения широко бытуют национальная одежда, обувь, головные уборы. Вместе с новой одеждой появились новые прически.

У большинства женщин волосы подстрижены, завиты «по-городскому», распущены по плечам или убраны в прическу с помощью гребенок и т.п.

Появились навыки ухода за новым платьем и бельем. Повсеместно распространена стирка белья при помощи стиральных досок. Иногда для этих целей приспособливают деревянные доски, употребляемые для шелушения кедровых шишек. Как навыки и ношение одежды, так и уход за ней далеко не одинаковы у разных групп населения. Много делают для скорейшего освоения этих навыков русские работники, медики, учителя и другие специалисты, которые личным примером, путем просветительных бесед поднимают культуру населения. Достаточно сказать, что араты сами обращаются к медикам с просьбами дезинсектировать одежду и жилища и т.п.

Значительная общность этого важного элемента материальной культуры тувинцев усилилась после освобождения Тувы от эксплуататоров и захватчиков. В народе шел процесс создания единообразной одежды, где элементы локальные (подобные хакасским халатам со стянутым подолом, женские халаты со сборчатым по талии низом и др.) нивелировались. Специальное изучение элементов тувинской одежды, несомненно, поможет решению проблемы этногенеза этого народа.

²⁷⁵ Б.К. Шишкин не определил это растение [прим. 6]. Ф.Я. Кон цитирует Б.К. Шишкина.

Некоторые сведения об одежде шаманов мы приведем все же здесь, так как, нам представляется, они дают указание на связи с соседями. Естественно, что одежда шаманов в настоящее время трудна для изучения, ибо шаманство ушло в прошлое. Кое-какие материалы нам удалось получить как от населения, так и в Областном краеведческом музее.

Шаманский костюм тувинцев был различен у оленеводов востока Тувы и [у скотоводов] на западе, в центре Тувы [прим. 7]. У кемчикских тувинцев было 2 шаманских костюма: 1) зимний кафтан шили из шкуры горного козла; 2) летний — из красного или желтого шелка. На кафтанах подвесок не было, пришивали войлочные, обшитые тканью плоские изображения змей, выполнявшиеся очень реалистично, — делали глаза, разинутую пасть²⁷⁶. Покрой кафтанов неизвестен. Шапку делали из суконной повязки, верхний край которой был украшен перьями совы, на нижнем крае — бахромы с зубами лося. На самой повязке нашивали раковины каури. Спереди пришивались медные рожки. Повязка завязывалась, получалась шапка в виде колпака.

Костюм оленеводов отличен от западных материалом — шкура дикого оленя или марала. Шили его, как и одежду «тон», перекидывая шкуру через плечи, покроем кимоно. Спину и полы надставляли. Полы равной ширины, застежки встык. Имеющийся в музее г. Кызыла кафтан иного покроя, без швов на боках, с надставленными полами. Последний кафтан сходен кроем с шаманскими кафтанами ряда народов Сибири: кетов, селькупов, энцев. Мы не будем подробно излагать материал по этому виду одежды. Скажем лишь, что шаманская одежда центральных и западных тувинцев была схожа с таковой народов Алтая; шаманская одежда восточных (вернее северо-восточных и юго-восточных) оленеводов была схожа с шаманской одеждой кето-самоедоязычных групп Енисея. Этот факт, несомненно, отражает этногенетический процесс в далеком прошлом.

Нам осталось упомянуть, что специальной погребальной одежды у тувинцев не было. Любопытно, что, по сведениям [Г.Н.] Потанина, при похоронах богатого человека на него надевали его лучшее платье, но хоть небольшой кусок старого платья пришивали к полю. Покровом умершему служил кусок материи (белой), в который заворачивали тело. На лицо умершему клали «ходак» голубого или белого цвета.

Пережитком веры в магическое действие предметов осталось ношение женщинами (в Тодже) на шее шерстяной нити с тремя резцами марала, ношение девочками на талии красной узкой тесьмы.

²⁷⁶ Информатор — Степан Седып, родом из Аксы-Барлыка, живет в Тере-хёле, 1955 г.

Глава XI ПИЩА ТУВИНЦЕВ

Соответственно занятиям двух основных групп тувинцев — охотников-оленеводов и скотоводов — различна была пища этих групп [прим. 1].

У охотников-оленеводов основной пищей было мясо диких копытных и других зверей тайги, боровая и водяная птица, рыба, дикорастущие растения. Оленеводы, кроме того, потребляли в очень незначительной степени мясо домашнего оленя и оленьё молоко. Лишь у богатых оленеводов продукция домашнего оленя играла несколько большую роль. Нужно отметить, что все тувинцы, без различия, никогда не едят и, по словам стариков, никогда не ели сырое мясо, не пили сырую кровь, не ели в сыром виде рыбу, внутренности животных и даже не пили сырое молоко. Всякий продукт питания обязательно подвергался обработке огнем. Исключением было употребление свежей крови и желчи при лечении больных. Сырыми ели только ягоды и орехи кедра.

Нельзя согласиться с авторами, изучавшими тувинцев, в том, что пищевой режим этого народа (и особенно охотников) был однообразен и малопитателен и это способствовало тому состоянию физического ослабления и даже вымирания, которое имело место в прошлом. Пищевые продукты, входившие в рацион тувинцев, были разнообразны и полноценны, но количественно очень незначительны для большей части населения. В этом и была причина недостаточности питания. Общий понижающийся уровень экономики населения, причиной чему были тяжелый албан и другие натуральные налоги, ростовщическая торговля и другие виды эксплуатации, снижал эффективность исконных промыслов. Охота на мясного зверя проводилась в недостаточных для удовлетворения потребностей населения количествах, так как уплата албана пушниной требовала всех сил охотников. Плохое оснащение охотников орудиями промысла, недостаточность транспортных средств (оленей и лошадей) делали охоту для бедняцкого слоя населения трудной и малоэффективной. Наиболее постоянную продукцию давало собирание дикорастущих [растений] и мелкий близкий промысел на птицу и зверя, проводившиеся женщинами, стариками и подростками.

С развитием торговли (русской и китайской) в массу населения проникли новые пищевые продукты: мука, хлеб, чай, сахар и пр., которые,

однако, были малодоступны основной трудящейся массе. Мучные продукты издавна были известны тувинцам, так как имелись группы, занимавшиеся земледелием (в основном производившие ячмень и просо), и существовал очень незначительный обмен между группами охотников-оленеводов и скотоводов-земледельцев. Естественно, что производить обмен могли лишь те хозяйства охотников-оленеводов, которые имели излишки продукции, то есть зажиточная часть этой группы, бедняки почти не знали и не употребляли зерна.

Во всем объеме пища тувинцев охотников-оленеводов была той же, что у их ближайших соседей — карагасов (тофаларов). Вот что пишет о пище последних [Н.Ф.] Катанов: «Пища народа туба — мясо и купленные у русских мука, чай, соль. Едят сарану. Раньше не было муки; люди были богаты. Вместо чаю пили застывший березовый сок. Ели борщовник (*Heracleum sphondylium* L.), черемшу [*Allium ursinum*], [кандык сибирский] (*Erythronium sibiricum*). Засохший борщовник называется “хормак”. Много ели полевого луку (*Allium Sepa* L. [*Allium altaicum* P.]), древесного соку, соскабливая его ножом» (Катанов, 1907, переводы, § 608–609).

Запретов есть какое-либо мясо тувинцы не знали. [Н.Ф.] Катанов записал от улуг-хемских тувинцев (Кыргыс) о том, что «сойотский народ ест мясо всех зверей, но росомаху не ест», и далее: «Сойоты не едят мясо только тех птиц, которые употребляют в пищу худое и скверное» (Катанов, 1907, переводы, § 22–23, 25–26, с. 34).

Поэтому, вероятно, существовал обычай — не есть свиное мясо (домашней свиньи), отголоски которого наблюдаются и сейчас и тормозят развитие очень выгодного для колхозов дела — свиноводства. Однако дикую свинью (кабанов) тувинцы промышляют и едят охотно. Большое количество кабанов водится в юго-восточной части Тувы в густых кустарниковых зарослях долины Тесь-хема.

Остальных промысловых и домашних животных ели. Так, белку ели охотно. Она являлась основным питанием охотников зимой на промысле. Мясо белки варили и жарили разными способами, в том числе и на рожнах. Мясо диких животных большей частью варили; заправляли бульон сухой сараной и другими дикорастущими [растениями], приготавливая суп — «мүн». Более зажиточные тувинцы (и бедняки в праздники) жарили мясо в котлах, или в золе, или на рожнах. Животноводы всему мясному предпочитали мясо коня²⁷⁷. На юго-востоке животноводы-тувинцы лучшим считают мясо верблюда. Мясо сарлыков (яков) не пользуется особой любовью. Оно крупномышечное, грубое и сильно прорастает жиром. В настоящее время мясо сарлыков колхозы сдают на мясообрабатывающие предприятия, почти не пуская на внутреннее потребление.

²⁷⁷ Его варят, но никогда не жарят на рожнах.

Фольклор отражает разнообразие видов животных, употреблявшихся в пищу, и дает им оценку. В самых крайних случаях ели и мышей. «Хозяином» мяса и жира считалась косуля, затем — маралы, лоси, медведи. Упоминается и потребление в пищу овечьего последа («сонгу») пастухами ханских стад. Послед жарили. Большим лакомством считается и сейчас сало лося и костный мозг.

Охотники-оленеводы имели мало домашнего скота и коней, некоторые группы вовсе их не имели и поэтому потребление мяса домашних животных почти не знали. Мясо дикого оленя, лося, марала, добытых на охоте, было основным мясным продуктом. До сего времени охотничьи бригады колхозов юго-востока Тувы снабжают население колхозов мясом этих животных и летом, и зимой.

Способ разделки туши оленя (лося, марала) на этих территориях следующая. Убитое животное кладут на спину и делают надрезы шкуры по тыльной стороне лап и продольный разрез по шее и животу. Далее шкуру на лапах подрезают круговым надрезом около туши и около копыт и снимают камусы. На голове (на лбу и на морде) шкуру оставляют, подрезают за ушами, вокруг рогов по затылку. Затем ножом осторожно снимают всю шкуру с туши. Далее вырезают грудную кость без ребер (треугольником). Через образовавшееся отверстие вынимают сердце («чурек»), легкие («окпе»), печень («паар»), желудок. Затем тушу разрезают вдоль по брюху и делают поперечные разрезы над анальным отверстием и у горла. Вынимают кишки («шббндун»), почки («пүүрек»), мочевого пузыря («сыңый»). Все внутренности, кроме почек²⁷⁸, бросали; не ели ни легких, ни кишок. От сложного желудка используют лишь «улуг-хырын» (большой желудок), который хорошо промывают и употребляют как мешок. Затем от туши отрезают ноги, шею, предварительно вынув дыхательное горло («дынар боостаа»). Затем отделяют ребра. Остается, таким образом, хребтина. Тушу всегда делят на эти 8 частей. Ребра, шею и кости хребтины не жарят. Эти части только варят. Варят мясо тувинцы очень недолго, не вываривают. Опускают в котел с кипящей водой. Если мясо плохое, то обязательно в бульон кладут дикий лук. При еде супа (бульона) сперва из котла вынимают особым крючком мясо, кладут его в деревянное корытце и едят. После мяса пьют из чашек (пиал) суп-бульон.

При убое домашнего скота в употребление идут почти все внутренности, в том числе и легкие, сердце, кишки²⁷⁹, желудок. Последние промываются тщательно и идут для изготовления кровяной колбасы («хан»²⁸⁰), желудок

²⁷⁸ В фольклоре отмечается, что почки (как и у ненцев, селькупов) дают как почетный кусок старикам. Но почки старики-тувинцы все же слегка жарят (Сказка о Мбге-Шагаан-Тоолай).

²⁷⁹ Кишки — «хырын ижин» (Тоджа), «шббндун» (Тере-холь).

²⁸⁰ «Хан» — кровь.

используется как сосуд, мешок. Колбасу делают следующим образом. В кишки заливают кровь с мелкими кусочками сала, заправляют луком. Все это завязывают и варят в котле (или в последнее время жарят в котле или на сковороде на масле).

Любопытный материал приводит по этому поводу Б.К. Шишкин, наблюдавший забой овцы в центральных районах Тувы. Он пишет, что при забое хозяин опрокидывает овцу на спину, садится ей на вымя, другой кто-либо держит передние ноги и вспарывает овце живот и грудь, рукой достает сердце, сдавливает его [прим. 2]. Затем вынимает легкие, печень, кладет в котел с горячей водой, который стоит на огне. Туда же бросают почки, сердце, селезенку. Желудок и кишки отдают женщинам, которые их очищают и моют.

После того как все внутренности вынуты, хозяин пригоршнями вычерпывает накопившуюся в брюшной полости овцы кровь и сливает ее в особую посудину. Далее он вырезает грудину, от которой отделяет мечевидный отросток и бросает его в огонь (его есть нельзя). Грудину, считающуюся особо лакомым куском, также кладут в котел, где варятся внутренности. Кровь из чаши (котла) или другой посуды переливают в чистые миски. Брюшину разрезают полосками, переплетают с тонкими кишками, разрезают диафрагму, и все это вкладывают в толстые кишки. Их тут же варят или коптят и оставляют впрок. После того как все кишки вынуты, с овцы снимают шкуру и разделяют тушу на части.

В богатых хозяйствах (а ныне у скотоводов) готовили из мяса целый ряд блюд, известных издавна. Так, мясо хребтины (спинной продольный мускул) вырезали и, разделяя на кусочки, надевали на палочки, между кусками мяса продевали куски горного дикого лука. Тоже слегка поджаривали около огня или на углях. Такое кушание называлось «шишет»²⁸¹. Другой способ — из брюшины и теста делали «манзу» — пельмени²⁸². Брюшину мелко рубили в деревянном корытце или на доске топором или ножом. Рубленое мясо заворачивали в кусочки пресного густого теста. В особо торжественных случаях готовили сразу целиком всю тушу, обычно валуха (кастрированного барана). Это, по-видимому, было ритуальное кушание. О нем упоминает и фольклор. Часто в сказках говорится: «...зажарили серого барана, посвященного Богдо» (сказка «Тан-Херел»). Герой одной из сказок жарит целого валуха, надетого на лесину-вертел, над костром из целых листовенниц. Фольклор упоминает о таком приготовлении и других животных. В сказке о Кангывай Мергене говорит-

²⁸¹ «Шиштээш» — вертел, рожень, «шиштээн эът» — мясо, жаренное на рожне (центральные районы).

²⁸² Информатор из группы Кыргыз, юго-восток Тувы, 1955 г.

Об этих блюдах упоминает Б.К. Шишкин (Шишкин, 1914, с. 99–100).

ся, что на свадьбу были выбраны лучшие из всех видов скота и зажарены целиком.

Этот способ, называемый монголами «боодых», состоял в следующем. Убитому животному — тарбагану, барану и др., — прежде не снимая шкуры, а позднее сняв шкуру, делали разрез через шею или по брюху до ребер, вынимали кишки, желудок, горло, все остальные внутренности оставляли, и подвешивали над огнем. В большие туши внутрь наливали воду и клали раскаленные камни для быстреего прожаривания. Подвешивали над костром вниз головой²⁸³.

Ботаник [Б.К.] Шишкин детально записал этот способ приготовления барана (Шишкин, 1914, с. 100–101). Он пишет, что такое приготовление мяса производили в особо важных случаях. При этом барана убивали удушением. Внутрь неободранной туши, из которой вынуты упомянутые выше внутренности, наливают воду и уже в нее бросают раскаленные камни. «Так баран снаружи жарится, а внутри варится», — пишет автор. Далее из готовой туши вынимали все кости, бережно сохранялся наружный вид барана. Затем ноги барана подвертывали под живот, и в таком виде с тщательно сохраненной головой он был готов к употреблению. При этом заботились, чтобы баран имел красивые рога. При таком способе жарения внутри туши скоплялся сок — «боодхын-шўль». Его пили перед разделкой мяса во время еды. Существовал ритуал питья этого сока, схожий с ритуалом при распитии «араки», — пили по старшинству. О таком способе приготовления мяса баранов помнят и ныне живущие старики. Тарбаганов готовят так и сейчас²⁸⁴.

На юге и юго-западе Тувы тарбаганы водятся в большом количестве, и промысел на них играл и играет видную роль в хозяйстве тувинцев. Шкурки тарбаганов шли на продажу и на внутреннее потребление, мясо составляло немаловажную долю [значительную часть] в пищевом рационе [пищевого рациона]. Об употреблении в пищу тарбаганов монголами и тюрками писали путешественники XIII в. В. Рубрук и Марко Поло. Известно, что тарбаганы часто являются разносчиками чумы, потому в настоящее время употребление в пищу мяса этих животных в подозрительные в смысле эпидемии периоды запрещается. Тувинцы к тому же часто употребляют сало («чаг») тарбаганов отдельно от мяса в сыром или слегка обжаренном виде.

Мясо диких и домашних животных тувинцы заготавливали впрок. Охотники во время удачного промысла туши добытых крупных копытных раз-

²⁸³ Информаторы — старик Палтан Иргит, Саны Кыргыз. Запись в Тере-хөле, Эрзин, 1955 г.

²⁸⁴ О приготовлении пищи из тарбаганов см.: (Банников, 1954, с. 368–369). Также готовят часто боровую и водоплавающую птицу.

дельвали, мясо разрезали тонкими ломтями и тут же вялили и сушили над огнем. Скотоводы, вернувшись на зимники, перед Новым годом (первым зимним месяцем), примерно в конце октября, забивали несколько баранов (так как в это время у них самое «нагульное», жирное мясо, а потом, зимой, они начинают худеть) и хранили их туши в мороженом виде (запись в западных районах Тувы, 1953 г.). При консервировании мяса соль не употребляли. Боровую и водоплавающую птицу, несмотря на ее изобилие в горно-таежных районах Тувы, добывали попутно и впрок не заготавливали.

В прежнее время большое значение в пищевом режиме охотников-оленеводов особенно, но также и бедняков-животноводов играло собирательство. Это было делом женщин²⁸⁵, подростков. Собирали большое количество съедобных луковиц, корней, стеблей, семян растений. Но особое значение имел сбор сараны («ай») (*Lilium martagon*). Ее заготавливали в больших количествах, различных видах [различными способами]. Она служила объектом обмена и частью калыма, приданого. До сего времени собирание сараны бытует у восточных тувинцев и в меньшей степени у всех других групп. Сарану копают с начала июля по ноябрь (Н.Ф. Катанов, 1891; материалы М.Г. Левина, 1926 г.; наши материалы, 1952, 1955 гг.)²⁸⁶.

Народный календарь тувинцев (и карагасов) отражает собирательство. Так, июнь называется «ай кызар ай» — «сараны покраснения месяца», июль — «айнар ай» — «месяц сараны» (то есть сбора сараны). В прежнее время заготавливали много сараны. «Хлеба у нас прежде не было, сарана шла вместо хлеба», — рассказывают тоджинцы²⁸⁷. На сбор сараны собирались группами и уходили на несколько дней. Копали сарану «озуком» — корнекопалкой.

Складывали в плетеную из жил лося сумку — «кымзар», привязываемую к поясу сзади. Головки сараны отрезали ножиком — «твэгте», висевшим на веревке на поясе справа [прим. 3]. Сложенные в «кымзар» головки сараны сами собой очищаются от земли, так как сумка при движениях сборщицы все время встряхивается, земля высыпается в ячейки. Образ собирательницы сараны художественно отражен в тувинском фольклоре. Так, в героической сказке «Мөге Шаган Тоолай»²⁸⁸ дан чудесный образ тайги — «желто-пестрая тайга», убитая героем, оказалась гигантским золотисто-пестрым маралом с огромнейшими рогами. И далее в сказке говорится: «...на отростках рогов были и со старых времен и совсем недавние нанизаны люди. Были там женщины с озуком и камзырами и парни с кол-

²⁸⁵ Женщину у оленеводов называли «айнар кижы» — «человек, собирающий сарану».

²⁸⁶ Существует также «месяц сбора кандыка» у карагасов. Знает это название кое-кто из [часть] тоджинцев.

²⁸⁷ Русские называли сарану «тувинской картошкой».

²⁸⁸ Перевод Л.В. Гребнева. ТНИИЯЛИ, г. Кызыл, 1955 г.

чанами и стрелами». Это были все люди, погибшие в тайге во время сбора диких растений и охоты.

Сарану заготавливали впрок и ели свежеприготовленную. Приготавливали ее следующим образом. Без всякой очистки свежвыкопанную сарану складывали плотными рядками на месте очага и засыпали сверху слоем золы (до 15 см толщиной). На золе разводили костер. Сарана под огнем в золе запекалась. Через 2–3 часа огонь убирали. Готовую сарану²⁸⁹ вынимали из золы, тщательно отряхивали, очищали от чешуек, складывали в чашки, разминали ложками и ели, запивая молоком или [заедавая] молочными пенками. Делали и иначе. Сырые головки сараны сначала чисто мыли, очищали от чешуек и складывали рядками в котел («паш»), заливали чистой водой, чуть покрывая головки. Котел закрывали берестой, поверх нее клали дерн. В плотно закрытом таким образом котле варили сарану 2–3 часа. После этого тут же в котле вареную сарану разминали деревянным пестом — «чургуш» (или «токпак») — и брали в чашки, ели со сметаной или молоком. Таковую вареную сарану заготавливали впрок. Для этого растолченную в котле массу раскладывали на чистый кусок бересты или кожи и сушили на солнце или на особых решетках «аскыс». Эти решетки устраивали на четырех подпорках над очагом. На семью заготавливали в среднем по 2–3 «парбы» сушеной сараны («пыж ай»). Зимой ее клали в мясной бульон, а также из нее делали похлебку и без мяса. Сухую сарану клали в «чөкпек» — молочный продукт, ели ее и просто с чаем или молоком. Сушили и сырую сарану. Для этого выкопанные головки тщательно чистили, мыли, разделяли на дольки и сушили так же, как и вареную, на солнце или над огнем. Зимой заправляли ею суп.

Собирали и другие съедобные дикорастущие [растения]: черемшу (*Allium victorialis* [ursinum]), пеон (Марьин корень), дикий лук, зеленый и репчатый. Последний растет в высокогорных районах на западе в Мёнгунтайге, Бай-тайге и на юго-востоке. На юго-востоке и на юге Тувы²⁹⁰ в сухих степях женщины заготавливают на зиму значительное количество семенных головок дикого лука — «кульча». Их кладут в суп и кислое молоко. Осенью в юртах почти везде можно увидеть берестяные коробочки полные луковых семенных головок (а не самих луковиц). Помимо этих основных растений в меньшем количестве собирают и другие, в том числе дикий тмин — «конит», который кладут в молочные продукты, «мургу» (дудник), который кладут в кумыс для закваски.

Тува богата разнообразными ягодниками²⁹¹. В таежных местах имеется в большом количестве черная смородина («кара кат ~ инэк кат» = «ко-

²⁸⁹ «Хумген ай» — печеная сарана (М.Г. Левин, 1926 г.).

²⁹⁰ Эрзин, Тере-холь, 1955 г.

²⁹¹ Общий термин — «кат» — ягода.

ровий глаз» [«инек кара»]), черника («тор [кара] кат»), голубица («көк кат»), брусника («киш кулаа» = «соболье ухо»), княженика, клубеника [клубника] («кускун [честек] кат»), кислица («ч'аст'ак [кызыл] кат»), дикий крыжовник [«кызырак кара»]; на болотах — клюква, морошка; древесные ягодники — рябина [«ээргиш»], черемуха [«чодураа»] и др. На поймах степных рек встречаются заросли облепихи. Тувинцы мало используют все эти огромные пищевые ресурсы. Впрочем, кроме черемухи и шиповника, ягоду не заготавливают. Летом во время поездок или стоянок в лесу тувинцы охотно собирают и едят ягоды в свежем виде все без исключения. Черемуху («чодрагат») сырую готовят следующим образом. Ее толкут (с зернами), делают катышки (шарики) и варят их в молоке. Ныне добавляют в нее сахар. Иногда делают просто молочную кашу с толченой черемухой. Черемуху сушат на солнце и добавляют в молочные продукты в толченом виде. Осенью собирают ягоды шиповника и добавляют их в чай. Из облепихи, заросли которой имеются в долине р. Тесь и на западе в долине р. Барлык и других, тувинцы прежде делали «араку» — алкогольный напиток. Для этого употребляли те же приспособления, что и для изготовления молочной «араки». Котел с облепихой ставили на огонь и варили ягоду. Пары от ее сока конденсировались, и получалась «арака», которая, по словам тувинцев, бывала крепче молочной. Позднее из облепихи стали делать «пиво». На ведро воды клали 2–3 кг ягоды, хмель и 1 чашку сахара. Все это бродило в течение недели. Такое «пиво» делали и русские крестьяне в Туве.

Ягоду «кара кат» (черную смородину) в свежем виде кладут в молоко при изготовлении кумыса. Листья бадана (*Bergenia crassifolia*) употреблялись бедняками вместо чая.

Значительную роль в пищевом режиме охотников-оленоводов играет кедровый промысел. Сбор шишек²⁹² в урожайные годы происходит дважды. Осенью с деревьев собирают поспевшие шишки, а следующей ранней весной собирают так называемую «палую шишку», упавшую с деревьев за осень и зиму. Сбор шишек начинают в сентябре. Осенью шишку сбивают, ударяя по стволу кедрового дерева деревянным молотом (обрубком дерева на длинном шесте) «топак» (или «иттын» — М.Г. Левин), или залезают на кедр и, встряхивая ветви, сбрасывают шишки, или даже просто обрубают сучья с шишками. Если шишки спелые (особенно весенние «палые»), то в них смолы почти нет, и их не обжигают. Если же созревание шишек запаздывает, в них бывает смола, то их прожигают на огне. Затем шишки разбивают молотом («мон» — М.Г. Левин) на какой-либо подстилке (Тоджа), куске кожи, бересты или ткани. Иногда разбивают шишки плоской доской с руб-

²⁹² Шишка — «торук», орешек — «кусук», ядрышко — «сай» (Тере-холь, 1955 г.). Ср. селькупское «сай» — орех кедровый.

цами («халбак нушь» — М.Г. Левин /«халбак няш». — *Е.П./*). Вылущенные орехи кладут в коробичку [берестяной сосуд] или деревянное корытце — «одуш» — и путем его встряхивания отсеивают шелуху. Очищенные орехи сушат в котлах над огнем. Орехи заготавливают впрок в незначительном количестве, они считаются большим лакомством.

Для подавляющего большинства тувинцев-скотоводов в той или иной мере молочная пища является основной, особенно в летний период. Б.К. Шишкин пишет, что тувинцы-скотоводы умеют делать свыше двенадцати молочных блюд (Шишкин, 1914, с. 99). Зимой, когда скот не дает молока, тувинцы потребляют заготовленные впрок с лета молочные продукты. Тувинцам были известны способы консервирования молочных продуктов (высушивание, морожение), которые позволяли довольно долгое время их сохранять. Изготовление многих молочных продуктов было трудоемким и сложным делом, в котором очень наглядно обнаруживаются веками накопленный народом положительный опыт.

Молоко получали от всех пород скота. Доили коров, коз, овец, яков, верблюдов, кобыл, оленей. Тоджинские оленеводы, имевшие немного скота, из молока овец и коз делали и масло, и «араку». Ф.Я. Кон упоминает, что козье молоко играло большую роль у бедняцкого тувинского населения²⁹³. На юго-востоке тувинцы имели значительно больше скота и разных пород, и они овец, например, не доили. В течение года кобылы доились лишь три летних месяца. Доили их раз 6 в день примерно через 2 часа. Кобылы привыкали, и «хорошие» сами приходили доиться. Коров доили около 6 месяцев в году, 2–3 раза в день. Верблюдов доили после детенышей по 8–10 раз в день, получали за раз одну пиалу густого молока. Оленьих важенков доили весной и летом по 3–4 раза в день, получая молока примерно по $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ литра за раз. Ячих (самок яка) доили так же, как и коров. Количество молока получали незначительное, но по качеству это лучшее молоко, так как оно содержит очень большой процент жирности.

Свежеподоенное молоко («сүт») тувинцы обязательно кипятят. Сырым пьют лишь молоко кобыл в переработанном виде — кумыс («хымыс») — и оленье молоко (добавляя его в чай). Обычно вечером после кипячения теплое молоко пьют все (если его достаточно) — и взрослые, и дети²⁹⁴. Если

²⁹³ [Ф.Я.] Кон также отмечает, что тувинцы с наступлением холодов стремились запасти молоко в мороженом виде (коровье и оленье) (Кон, 1934). Овечье, козье, кобылье — морозили, так как эти животные кончали доиться до заморозков. В настоящее время ранних заготовок скотоводы не делают, так как у колхозников: 1) имеется корова в личном владении, содержащаяся на зиму в стойле, дающая молоко почти всю зиму, за исключением покоя перед отелом; 2) колхозы обеспечивают нуждающихся молоком в течение почти всего года.

²⁹⁴ [Ф.Я.] Кон пишет, что взрослые пьют молоко только с чаем (Кон, 1934). По нашим материалам, это в прежнее время вызывалось необходимостью экономии в бедняцких семьях, но не какой-либо традицией.

молока много, то его сливают в котел, ставят на огонь и очень долго кипятят на маленьком огне, все время сливая [пену?] сверху ложкой, чтобы оно не сбежало. На ночь огонь убирают, молоко оставляют в котле. Утром с молока снимают отстоявшиеся за ночь пенки — «өреме ~ ырыме». «Өреме» считается большим лакомством. Их едят в свежем виде с лепешками, хлебом, растолченным ячменем, просом, сараной. Богатые скотоводы делали сушеные «өреме» впрок. Сушили на солнце на дощечках (Кон, 1934). Из двух ломтиков сушеных «өреме» и положенного между ними вареного в молоке проса делали «своего рода сэндвич». Тувинцы-Ойнары, по словам Ф.Я. Кона, толкли высушенные «өреме» с черемухой. Бедняки, однако, не были в состоянии часто лакомиться «өреме». Недаром и фольклор отражает употребление «өреме» как угощения богатых ханов, нойонов. Бедняки обычно топили из «өреме» масло («сарыг чаг» — Тоджа; «ушь» — центральные районы). Для этого «өреме» собирали в котел, подливали воды и подогревали. Затем ложкой вынимали всплывшее масло. Хранят масло, наливая в сосуды, сделанные из коровьих или кобыльих желудков и мочевых пузырей («сыңый»). После того как масло сняли, остаются в котле подонки — горячая сыворотка. В них кладут сушеную сарану («пыж ай»), сушеную простоквашу, творог («ааржи»), сухую толченую черемуху. Иные кладут муку и растение «марьяк». Все это перемешивают и теплую массу набивают плотно в «хырын» (большой желудок коровы, коня, оленя). «Хырын» тщательно завязывают и подвешивают в сухое [сухом] чистое [чистом] место [месте], обычно сбоку и сверху к жердям юрты, чума. Такой продукт называется «чөкпек». Сохраняется он долго, до зимы. При употреблении «хырын» разрывают, «чөкпек» режут ножом на кусочки и едят, запивая молоком или чаем. В центральных районах в «чөкпек» кладут жареную ячменную и пшеничную муку (раньше покупную, ныне свою), добавляют тмин (конит). «Чөкпек — это лучшая еда», — говорят тувинцы. Мы должны согласиться, что масса «чөкпек» содержала в себе комплекс питательных растительных, мучных, белковых и жировых веществ. В колхозах при массовом заготовлении топленого масла в остающуюся сыворотку мешают сырую пшеничную муку. Иногда эту массу варят. Этот продукт выдают колхозникам как полуфабрикат. Колхозники делают из него «чөкпек», добавляя перечисленные выше продукты, или сушат впрок, или едят (вареную), смешивая с «ааржи», сараной, молоком. Нужно отметить, что на фермах после обработки молока сепараторами в сыворотке остается большой процент масла. Поэтому этот продукт колхозники берут с большой охотой.

После того как с молока сняли пенки — «өреме», молоко вновь подогревают, снимают еще раз сливки и пенки. Оставшееся молоко сливают в кадушку — «тоскарты» («хун» — М.Г. Левин), где имеется старая молочная закваска — «ажыткы». Молок в кадушке размешивают мешалкой

(«пэшкы»). Для ускорения заквашивания в молоко кладут цветы зонтичного растения — «хымыс каяк» или «мургу» [борщевик, *Heraclium sibiricum* L.]. Хорошенько размешав, молоко оставляют киснуть на 1–3 дня в зависимости от температуры в жилище. М.Г. Левин в 1926 г. записал другой способ заквашивания молока для изготовления «араки» у тувинцев Чооду в Тесь-хеме. Для этой цели делают специальную закваску «хуренге», которую хранят в жидком состоянии в сосуде «хум» летом, зимой — в замороженном виде. «Хуренге» делают из разного молока (коровьего, сарлычьего, овечьего, кобыльего) и даже из смеси разного молока. На одно ведро молока берут один стакан «хуренге». Приготавливают «хуренге», заквашивая молоко кислым сыром «ааржи». В результате квашения получается квашеное молоко — «хойтпак». «Хойтпак» пьют без приправ или запивая им сарану (вареную или сушеную). Из «хойтпака» гонят «араку» — алкогольный напиток.

Лучшая «арака» получается из кобыльего молока. Сперва делают кумыс, а из него уже гонят «араку». Но не все группы скотоводов использовали кобылье молоко для выгонки «араки». Старики в восточной и юго-восточной части Тувы утверждали, что из лошадиного молока делали только кумыс, а «араку» вырабатывали из коровьего и сарлычьего молока. В прежнее время существовал целый ритуал распивания «араки». В юрту, где изготовляли «араку», звали соседей-родичей. Раздавал «араку» хозяин (или хозяйка) по старшинству. Получивший чашку с «аракой» приветствовал хозяина, желал ему, его скоту благополучия, выпивал и, оставив примерно с $\frac{1}{4}$ «араки» в чашке, возвращал хозяину.

В Мёнгун-тайге мы наблюдали следующий случай. С переводчиком Каргинской школы мы посещали юрты, стоявшие в долине р. Каргы. В одной из юрт жила большая семья. У очага сидела хозяйка-старуха. Все пили чай. Как обычно, нас с т[оварищем Х.] Хүрепа встретили сдержанно, пригласили сесть, предложили чаю и не особенно многословно отвечали на наши вопросы. В какой-то момент беседы хозяйка просияла, засуетилась, вытащила из шкафа чайник и, наливая в чашку жидкость, встала и с ласковым обращением подала тов[арищу Х.] Хүрепа. Он несколько смущенно принял. Оказалось, что в процессе разговора выяснилось, хозяйка является ему родней по линии матери. Они впервые встретились. До этого она и он друг друга не знали. Это угощение «аракой» в данном случае явилось как бы включением т[оварища Х.] Хүрепа в круг родственников хозяйки.

Кумыс («хымыс») изготовляют из кобыльего молока, но если коней мало, то и из коровьего. Молоко для этого сливают в кадушку с заквасом с зонтичными цветами [закваской из зонтичных растений], о которых мы упоминали выше, называемыми [называемых] «хымыс каяк». Кумыс известен кочевым племенам очень давно. В 1784 г. шотландский врач Джон Грив обратил внимание на лечебные свойства кумыса. Тогда началось его

применение для лечения болезней. Исследованиями установлена зависимость качеств кумыса от кормов, которые поедают кобылы. Лучшим считается кумыс из молока степных кобыл. В Туве скотоводы-колхозники изготавливают кумыс для собственного потребления и для снабжения санаториев. В колхозе «1 Мая» в Тодже была выделена т[оварищ] Матпа Кол, на обязанности которой лежало только изготовление кумыса. Колхоз им. Хрущева (Тере-холь) снабжал кумысом курорт «Аржан». В Туве имеется также специальная кумысолечебница. Кумыс хранили в кожаных сосудах — «кучержик» — из невыделанной коровьей кожи.

После изготовления «араки» в большом котле остается кислый вареный творог — «пожа». Его выкладывают в мешки из редкой ткани («ааржи таар») и подвешивают в юрте или вне ее (летом). Жидкость стекает и остается твердый творог. Его раскладывают на чистой бересте или на мездре чистой шкуры, мельчат и сушат на солнце. Получается сухой кислый творог — «кадырган ааржи». Он сохраняется очень долго. Если он не очень кислый, то его пьют с чаем или молоком. В противном случае варят из него кашу, добавляя жареной муки, сушеной сараны, заправляя маслом или «өреме». Из коровьего, оленьего молока (овечьего и козьего) делают пресный сыр — «пыштак». Для этого в кипяченое молоко прибавляют немного «хойтпак» и кипятят вместе с ним. Образуется творог. Его вынимают и складывают в мешочек из ткани — «хап». Мешок завязывают, кладут на доску и сверху придавливают плоским камнем. Творог прессуется, отжимается и через пару суток готов к употреблению. Его режут ножом и пьют с чаем. Он долго храниться не может (до десяти дней). Жидкость, остающаяся после творога, называется «бызаа» или «сарыг-суг». Обычно ее выливали. Лишь в бедняцких семьях и она шла как напиток. В фольклоре часто упоминается «бызаа» как питье ханских батраков, символ скаредности баев и ханов. У охотников-оленоводов потреблялось оленьё молоко главным образом при варке чая. Пресный сыр «пыштак» из оленьего молока изготавливали зажиточные оленоводы, имевшие значительное количество важенок. Оленьё молоко иначе не готовили.

Мучная пища состояла из немногих кушаний, приготовлявшихся из ячменя и проса [прим. 4]. Пшеницу («кызыл тас») тувинцы сеяли очень мало и стали ее сеять по примеру китайских военных поселенцев, а позднее русских крестьян. Однако фольклор часто упоминает мучную пищу, приготовление различных кушаний из покупной муки. Фольклор описывает быт ханов, богачей.

Старики-тувинцы рассказывали, что, например «боова» (жареные в масле лепешки), «борзак» (нечто вроде печенья «хворост») готовили в юртах баев и чиновников. И лишь после организации ТНР и теперь в колхозах и араты-трудящиеся имеют возможность готовить эти национальные блюда.

Трудящиеся араты-скотоводы повсеместно употребляли «талкан», «тара» и к праздникам пекут лепешки из ячменной муки своего помола. Имелись каменные ручные мельницы, которые мы наблюдали в Эрзинском, Тесь-хемском районах и о которых слышали в Бай-тайге. На западе тувинцы утверждали, что каменные ручные мельницы они узнали совсем недавно. В юго-восточных районах часто в юртах встречаются мельницы. В колхозе «Новый путь» мы видели около одной из юрт камни-заготовки для мельничных жерновов. Причем колхозники сообщили, что изготавливает их старик, который не показывает никому, как он их делает, держит в тайне свое мастерство.



Рис. 48. Тувинка в юрте на ручной мельнице размалывает зерно
[фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

Из проса в центральных районах и прежде, и теперь делали [варили] кашу.

Приготовления «тара» и «талкана» — дело очень трудоемкое. Для «тара» просо сперва слегка парят в котле; для этого зерно смачивают небольшим количеством воды и ставят на огонь. Все время мешают. Затем горячее просо выкладывают в корытце. Котел насухо вытирают и высыпают в него горячее зерно. Обжаривают до тех пор, пока оно не станет совсем сухое. Затем кладут в деревянные ступки — «сог таш» — и деревянным пестом — «пола» — толкут. Шелуха с зерен обдирается. Через некоторое время зерно высыпают из ступки в деревянное или берестяное корытце и, встряхивая, веют.



Рис. 49. Тувинец толчет в деревянной ступе просо для изготовления «тара»
[фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

Затем снова кладут в ступку, толкут. Так проделывают 3 раза. Далее очищенное зерно кладут в чашки и заливают чаем. При этом зерно очень слабо разбухает. Нам неоднократно приходилось пробовать «тара», и нужно сказать, зерно мало отлично от сырого. Иногда из него делают кашу.

«Талкан» делают из ячменя («арбай»). Зерно жарят, несколько раз толкут, свевают. Затем мелют на ручных мельницах. Едят такую жареную

муку, запивая горячим чаем, молоком, кладут масло, пенки. До сего времени (до 1953 г.) из сырой пшеничной муки «талкан» не готовили, несмотря на то что колхозники такую муку получали. Из нее изготовляли для заправки супа лапшу, делали лепешки, просто заправляли ею мясной навар, делали пельмени — «маньзу».

На изготовление «тара» и «талкана» женщины тратят очень много сил и времени, заготавливают их впрок только охотникам, когда они идут на промысел, а обычно готовят только на разовое потребление [делают «тара» и «талкан» на один прием пищи].

Любопытно, что фольклор отражает изготовление кушаний из муки как мужское занятие. Пережитки этого мы наблюдали в Туве. Однажды мы находились в доме бригадира полеводческой бригады т[оварища] Баир-оола (колхоз «1 Мая», Тоджа). Дома были женщины, они топили печь, кипятили котел с мясом, а лапшу делал сам хозяин. Он тщательно раскатывал тесто, нарезал его широкими лентами. Это необычное для тувинца дело, так как к домашним занятиям мужчины-тувинца изготовление пищи не относится (кроме периода охотничьего промысла, где группа охотников ходит без женщин).

Потребление чая чрезвычайно широко и постоянно. Справедливо, что главной пищей тувинцев является чай, как говорят многие старожилы и путешественники. Каждый прием пищи сопровождается распитием чая. С чаем употребляют многие из описанных выше продуктов. Для беднейших аратов в периоды почти полного отсутствия продуктов питания чай, действительно, играл роль главной пищи. И ныне в рационе школьников интернатов, больных в больницах чай включается в меню после каждого приема пищи, причем варят его по тувинским традициям.

Каждый гость обязательно угощается чаем, даже если другого угощения (даже хлеба) у хозяев нет. В фольклоре лучшим и постоянным угощением является крепкий свежий чай и сладкие лепешки. «Хорошая хозяйка у нас, когда придет гость, не ждет, что ей скажут, что надо греть чай, сразу сама ставит котел», — говорят тувинцы. И это действительно так. Лишь один раз за все наши долгие поездки во всех районах Тувы мы наблюдали отступление от этого обычая. Это было у оленеводов-единоличников, где еще сильно было влияние лам и шаманов, скрывавшихся в горах и проводивших антиколхозную агитацию. Здесь хозяева поступали так, как поступают в сказках с врагами: они нас в чуме не замечали. Они ходили, ели, пили, делали свои дела, будто нас вовсе не было. Вероятно, в прошлом с приготовлением чая были связаны неизвестные нам сейчас обряды, так как на «тоях» (свадьбе и в других случаях) чай варят определенные лица. Допущение девочки к приготовлению первого чая, по-видимому, отмечалось особо. Так, Саша Оорджак упоминала, что однажды ее отец вернулся с промысла, когда в чуме не было взрослых женщин, а ей было 12 лет. Отец

просил ее: «Свари чай». «А я не могла, не смела», — сказала она, несмотря на то что знала, как это делается. На наш вопрос, почему она не смела сварить, она ответила: «Не полагается». Нам думается, что приготовление чая в семье — забота и обязанность хозяйки, и эта обязанность редко передается другой женщине в юрте.

Чай варят в круглых котлах («паш»). Сперва кипятят воду, затем высыпают в нее [чай], мелко растолченный в специальных маленьких ступках («шай сог'аш»; «сог таш» — М.Г. Левин) или в специальных кожаных кисетах. В последних мельчат чай, ударяя по мешочку обухом топора. Чай употребляется зеленый плиточный. Покупали его у китайцев и русских купцов. Прежде различали два сорта — «сарыг шай» и «кызыл шай». Последний продавали только китайцы, приготовляя его особым способом. Будучи заправлен молоком, он все время бывал красноватого цвета. На ведро воды кладут горсть толченого чаю.



Рис. 50. Тувинка в юрте готовит чай [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

Байхового чая тувинцы прежде не употребляли. Ныне араты по-старому предпочитают зеленый чай. Бедняки употребляли вместо чая листья бадана (*Saxifraga* [*Bergenia*] *crassifolia*), для придания чаю красноватого цвета добавляли в чай ягоды шиповника [*Rosa majalis* Herrm.].

После того как чай засыпан в кипящую воду, хозяйка ложкой медленными движениями снимает вскипевшую чайную пену и сливает ее обратно в котел, не давая перебежать через край котла (но не мешает чай). Затем кладет в чай соли (примерно на котел 3 столовые ложки). Прежде соль собирали с солонцов — «хүжүр», ныне покупают в магазинах. Употребляли и каменную соль. После соли в чай вливали молоко в разных количествах в зависимости от его наличия в хозяйстве и качества. Так, оленьего, сарлычьего, верблюжьего много не наливали, так как оно очень густое и жирное. «Верблюжьего молока довольно налить несколько капель, а коровьего нужно влить в котел целую пиалу», — говорили тере-хольские тувинки. Возможно, что «несколько капель» нужно понимать как образное выражение, во всяком случае несомненно, что коровьего молока, как более жидкого, вливали больше, чем молока перечисленных выше животных.

Чай из котла разливали в кувшины-чайники — «томба» («хө») — или в покупные современные чайники (медные или никелированные) и подавали всем присутствующим. Те уже сами наливали его в чашки. Разливая чай из котла, хозяйка процеживала его через специальное чайное сито («шайшуур») из конского волоса. Сахар с чаем почти нигде не употребляют. По наблюдениям А.Д. Грача, в южных районах, прежде чем угощать присутствующих, хозяйка наливала себе чашку, как бы пробуя чай.

Суточный режим питания повсеместно примерно следующий. Утром рано, в 5–6 часов (летом), пьют первый чай. В настоящее время употребляют при этом хлеб или лепешки. Прежде в центральных и западных районах наиболее обеспеченные араты в этот прием пищи ели «талкан» или «тара», в восточных — «ааржи», «пыштак». Чай пили помногу.

В 12–1 часов дня [12–13 ч] опять варят чай, пьют с теми же добавлениями, что и утром, реже едят мясо, ранее сваренное и остывшее.

В 5 часов дня [17 ч] происходит основной прием пищи. Варят мясо, бульон заправляют различными продуктами. В настоящее время вошли в употребление покупные продукты — крупа, вермишель, макароны, а также овощи, в основном картофель. Едят суп, мясо и снова пьют чай.

Около 7–8 [19–20] часов, когда вскипятится свежеподоенное молоко, пьют одну-две чашки теплого молока (дети и взрослые, в зависимости от наличия скота в хозяйстве) и ложатся спать.

Это режим средней по достатку семьи арата. Таким он продолжает существовать [существует] и поныне. Значительно выросло потребление хлеба. В каждом колхозе имеется своя пекарня, где русские и тувинцы-пекари выпекают хлеб для всего населения колхоза. Кроме того, имеются

пекарни при школах-интернатах. Свежие овощи, которые до недавнего времени отсутствовали в питании аратов, теперь употребляются повсеместно. Особенно прочно вошли в быт овощи и кое-какие бахчевые в колхозах смешанного русско-тувинского населения, где колхозники имеют свои огороды и обеспечивают себя на всю зиму картофелем.

Национальная пицца тувинцев обладает всеми чертами, характерными для древней скотоводческой культуры (способы приготовления молочных продуктов), которая глубоко проникла и к оленеводам. Оленеводческое хозяйство несет на себе [включает] некоторые особенности скотоводства (доение важенок, способы приготовления молочных продуктов). Способы приготовления мучной пищи свидетельствуют о незначительности и примитивности земледелия у тувинцев в прошлом. Элементы охотничьей культуры — это собирательство и роль мяса диких копытных в пищевом режиме народа.

В настоящее время повсеместность распространения национальной пищи среди аратов позволяет сказать, что и в этом явлении отражается процесс сложения единой народной культуры. Но в этом процессе еще можно видеть отдельные элементы, ранее бытовавшие у отдельных групп.

Глава XII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ТАО

VIII съезд Тувинской народно-революционной партии в 1928 г. явился началом переустройства экономики республики [прим. 1]. Этот съезд положил конец господству феодальных правых элементов в правительстве. На съезде было принято решение о лишении прав феодалов и лам и конфискации их имущества. В 1931 г. это решение было проведено в жизнь. Конфискованное имущество (в основном скот и земля) были розданы мало-мощным аратским хозяйствам. До 1930 г. 40 % скота находилось у феодалов и баев²⁹⁵. Всего скота в Туве в 1930 г. имелось 1 030 тыс. голов²⁹⁶. Посевные площади были незначительными — около 15 тыс. га. В республике не имелось своего транспорта. На этом же съезде вырабатываются мероприятия [конкретные планы] по развитию промыслового, потребительского и производственного кооперирования не столько в отношении развития торговли, но главное — для организации промысловых артелей, создания животноводческих первичных товариществ и земледельческих коллективов. Впервые ставится вопрос о переустройстве быта кочевников-скотоводов, о переходе аратов на оседлость.

В эти же годы в Туве организованы первые государственные хозяйства (госхозы) — Элегест, Уюк, Аргузум. Тогда же возникает Опытная сельскохозяйственная станция в г. Чадан.

С 1929–1930-х гг. начинают появляться у тувинцев первичные товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) и товарищества по улучшению животноводства (ТУЖ).

Русские бедняцко-средняцкие хозяйства объединяются в колхозы. В 1929 г. было 12 русских колхозов. Государственные хозяйства и русские колхозы сыграли большую роль в деле объединения аратов в коллективные первичные хозяйства. Переустройство экономики республики проходило в трудных условиях борьбы с реакционными элементами, которые, пробравшись в правительство, упорно тормозили продвижение страны по социалистическому пути развития. Они действовали по формуле — «хозяйственной основой нашей страны (ТНР) является кочевое **частное** хо-

²⁹⁵ До революции в Туве имелось в 1912 г. 808 тыс. голов скота, в 1916 г. — 650–660 тыс. голов.

²⁹⁶ 75 % аратов были бедняки, 20 % — середняки и 4–5 % — баи.

зяйство аратов»²⁹⁷. Эта формула задерживала процесс коллективизации и тормозила развитие появившихся уже первичных коллективов. Почти десятилетия просуществовали ТОЗы и ТУЖи. В среднем каждое объединение состояло из 14 хозяйств. В 1936 г. всего было 11 товариществ с 156 тувинскими хозяйствами. В 1940 г. ТУЖи и ТОЗы были реорганизованы в ТОЖЗЕМы, явившиеся, как ТУЖи и ТОЗы, простейшими производственными объединениями. Разрабатывается²⁹⁸ «Примерный устав товарищества по общественному развитию животноводства и земледелия (ТОЖЗЕМА)», утвержденный президиумом Малого Хурала ТНР в 1941 г. Общественную собственность ТОЖЗЕМА составляли рабочий скот, производители всех видов скота, сельскохозяйственный инвентарь, семена, хозяйственные постройки. Землю ТОЖЗЕМу отводило государство. В личной собственности членов товарищества находился весь продуктивный скот и другое имущество. В 1942 г. поголовье скота, находившегося в личной собственности, составляло 96 % всего скота в республике, общественное — 3,3 %. Успехи русских колхозов и некоторых товариществ тувинцев показали беднякам-аратам выгоду коллективного метода хозяйствования, привлекли аратов в товарищества. В 1941 г. резко увеличивается количество ТОЖЗЕМов до 66, в которые объединились 1 642 хозяйства тувинцев. Массовой коллективизации тувинских хозяйств препятствовали отсталость аратских хозяйств, отсутствие технического оборудования, небольшие размеры земледелия, кочевой образ жизни и целый ряд пережитков патриархально-феодалных отношений в быту и сознании тувинцев. В товариществах общественный труд применялся лишь в земледелии. Этот труд [Эта деятельность] при всей незначительности этой [данной] отрасли хозяйства играл большую роль в воспитании навыков коллективного труда, выгодно отличавшегося от труда единоличника. Доходность ТОЖЗЕМов была невелика, так как доход получали лишь с земледелия, перевозок и заготовки кормов.

Заготовленные корма и урожай зерна распределялись между членами ТОЖЗЕМА согласно выработанным трудодням. До распределения доходов между членами ТОЖЗЕМА из общего дохода выделялось 8 % в недельный [неделимый] фонд ТОЖЗЕМА. Из общих заготовок корма сначала выделялась часть для общественного скота. Примером [В качестве примера] приведем ТОЖЗЕМ «Кызыл Туг» («Красное знамя») в местности Бельдирхежи, Эр-хавак, Шагаан-арыг сумона Улуг-хемского хошуна. Первоначально в товарищество вошли 11 хозяйств аратов. В 1941–1942-х гг. ТОЖЗЕМ несколько увеличился, в нем было 14 хозяйств. К 1944 г. —

²⁹⁷ Резолюция VIII Народного Великого Хурала (Рукописный фонд ТНИИЯЛИ, № 17).

²⁹⁸ XII Внеочередной съезд ТНРП, 1941 г.

20 хозяйств с 36 трудоспособными [членами] (в том числе 16 женщин). В общественном стаде имелось 5 быков, 2 жеребца, 6 баранов и 5 козлов-производителей. С 1941 г. в ТОЖЗЕМе была организована совместная пастьба в летнее время на альпийских лугах мелкого рогатого скота, молодняка крупного рогатого скота, лошадей, личного скота колхозников [тожземцев]. Этим достигалось уменьшение потерь скота. В ТОЖЗЕМе из года в год увеличивались заготовки кормов (1941 г. — 9 тыс. пудов сена, 1942 г. — 13 400 тыс. пудов, 1943 г. — 16 200 тыс. пудов). На одно хозяйство приходилось по 41 пуду сена. Это была высокая цифра, так как по республике в среднем в эти годы приходилось по 24,3 пуда корма на аратское хозяйство. ТОЖЗЕМ приобрел некоторое количество сельскохозяйственных машин для сеноуборочных работ (двое конных граблей, ручные косы и т.п.). ТОЖЗЕМ построил утепленные скотные дворы, однако они были нетиповые. Общественного скотного двора не было. Для обработки земли ТОЖЗЕМ имел: 9 плугов, 9 борон, простую жнейку, веялку, 7 телег и т.п. Постепенно расширились посевные площади в ТОЖЗЕМе. За период с 1941 по 1944 г. они выросли в два с лишним раза (с 40 до 87 га). Сеяли просо, ячмень, пшеницу. Однако отсутствие простейших агрономических мероприятий сказывалось на низком урожае зерновых — 7,25–8,25 ц с га. Не было удобрений, был плохо организован полив посевов. В 1943 г. на трудодень было выдано по 9,5 кг зерновых (6,5 кг проса и 3 кг пшеницы), 4,5 пуда сена и 1 пуд соломы. В основной массе члены товарищества добросовестно трудились, 13 человек выработали от 100 до 200 трудодней.

Выявились передовики ТОЖЗЕМа, выработавшие около 250 трудодней. В ТОЖЗЕМе имелась парторганизация, состоявшая из 21 члена ТНРП (Сонам, 1944, с. 54).

Одним из лучших был также ТОЖЗЕМ им. т[оварища] Тока в Пийхемском районе, организованный в 1930 г., объединивший 45 аратских хозяйств. В ТОЖЗЕМе было обобществлено 317 голов скота, стадо личного владения равнялось 1 452 головам (то есть 18 % и 82 %). В 1943 г. на базе этого ТОЖЗЕМа организовался первый тувинский колхоз, перешедший на устав сельхозартели.

В 1943 г. не имелось ТОЖЗЕМов только в Тодже — Тожу-хошун, Терехёле и Мёнгун-тайге.

В январе 1943 г. было проведено первое республиканское совещание ТОЖЗЕМов. В постановлениях этого совещания приводились примеры неудовлетворительной работы в ТОЖЗЕМах и призывалось к тому, чтобы изучать опыт колхозов и совхозов Советского Союза в деле развития главным образом животноводства. Основными мероприятиями, имеющими целью повышение продуктивности работы колхозов (ТОЖЗЕМов), являлись правильная организация труда, укрепление дисциплины и т.д. Принимается решение о создании постоянных бригад, выделении опытных бригади-

ров-руководителей, об организации соревнования, популяризации опыта лучших работников и т.п. Совещание подчеркнуло важность задачи по переходу на оседлость отдельных ТОЖЗЕМов и ТОЖЗЕМов в целом, призывало к всестороннему обсуждению мест для баз оседания, постройки ТОЖЗЕМовских поселков²⁹⁹. Отмечалась необходимость развития полеводства и, в частности, развития посевов огородных и технических культур. Партия и правительство оказывали помощь ТОЖЗЕМАм путем предоставления долго- и краткосрочных кредитов натурой (скотом, посевным материалом, строительным материалом) и деньгами. Ссуды на строительство помещений для скота давались не только на ТОЖЗЕМ в целом, но и для отдельных членов ТОЖЗЕМА, так как продуктивный скот не был обобществлен и члены ТОЖЗЕМА строили скотные дворы для личного скота.

Если до 1930 г. 40 % скота находилось во владении небольшой кучки богачей, феодалов, то к 1944 г. весь скот в Туве находился во власти трудящихся. 6,5 % скота входили в обобщественные стада и 93,5 % были в личном владении аратов, то есть к 1944 г. в Туве преобладающей была в сельском хозяйстве частная собственность в животноводстве.

Значительно быстрее развиваются в этот период колхозы русских крестьян на территории Тувы. К 1943 г. имелось уже 20 русских колхозов, куда вошло 42 % русского населения. В некоторые русские колхозы вошли несколько десятков хозяйств тувинцев.

В этот период русские колхозы оказывают большую помощь тувинским хозяйствам советом, личной работой, а также и материальную — кормом для скота, так как заготовки кормов тувинскими животноводами еще не были достаточными. Большую помощь оказывают русские колхозники и в развитии земледелия в тувинских ТОЖЗЕМАх. В последних постоянно увеличиваются посевные площади, более устойчивыми становятся урожаи. Только с 1941 г. по 1943 г. посевные площади ТОЖЗЕМов выросли с 2 949 га до 8 189 га. Если в 1939–1940 гг. ТОЖЗЕМы покупали зерно у государства, то уже в 1942 г. ими было сдано государству 30 тыс. пудов зерна. Правительство ТНР через Тувинский госбанк и кооперацию снабжает ТОЖЗЕМы простейшими сельскохозяйственными орудиями. До революции некоторое количество простейших машин имели русские промышленники-скотоводы, русские «помещики» (вроде [Н.М.]Черневича на Каа-хеме) и богатые крестьяне, а за ними и тувинские нойоны.

К 1943 г. в ТНР было всего сеноуборочных машин: сенокосилок 1 169 (из них 807 у единоличников, 44 в госхозах, 136 в колхозах, 182 в ТОЖЗЕМАх) и свыше 650 конных граблей. Заготовки кормов неуклонно повышаются. Если в 1937 г. было заготовлено свыше 100 тыс. пудов сена

²⁹⁹ О необходимости перехода на оседлость наиболее окрепших ТОЖЗЕМов отмечают XI Съезд ТНРП (1939) и XII Внеочередной съезд ТНРП (1941).

(100 %), в 1941 г. — свыше 850 тыс. пудов (141,5 %), в 1942 г. — свыше 2,5 млн пудов (то есть 309 %). Республиканские и партийные организации в своих постановлениях проводят ряд мероприятий для стимулирования скорейшего развития животноводства, и в частности заготовки кормов. В 1943 г. законодательная сессия V Малого Хурала ТНР объявляет закон «трудовым аратам, которые обеспечили свой скот сеном на зимний период из расчета 100 пудов сена на хозяйство, предоставляется скидка в размере 50 %, причитающейся с них суммы сельхозналога со всех видов скота». Утверждается значок «Передовик-животновод». Имеющим значок даются льготы: внеочередное обслуживание ветеринарной помощью, бесплатная техническая помощь, в составлении планов строительства жилых домов, скотных дворов, бесплатное осеменение скота племенными производителями, выделение лучших пастбищ и сенокосных угодий.

Налогом не облагаются все верблюды и посевы кормовых трав.

Араты, полностью перешедшие на оседлость, на 2 года освобождаются от уплаты сельхозналога.

В резолюции VI Пленума ЦК ТНРП в июле 1943 г. также говорится: «Всем хозяйствам категорически запретить случку маток, не достигших случного возраста; по крупному рогатому скоту — до 2,5 лет, по лошадям — до 3-х лет, по овцам и козам — до 1 года». В § 30 — «В целях улучшения партийного руководства животноводством установить должность секретаря ЦК ТНРП по животноводству, а также ввести в Хошкомах (Хошунных комитетах) ТНРП секретарей по животноводству в основных животноводческих хошунах». Приведенное постановление говорит о том внимании, которое уделялось партией и правительством ТНР реорганизации и подъему основной отрасли хозяйства в республике.

В этот период развивалось строительство государственных хозяйств в ТНР. В 1943 г. имелось 5 госхозов: на Элегесте госхоз им. Тока (о котором мы упоминали, основанный в 1928 г.), госхоз в честь 25-й годовщины Красной армии около Шагонара (основан в 1933 г.), Уюкский госхоз (ровесник первому), имевшие животноводческое и зерновое направление, Чаданская сельскохозяйственная опытная станция и госхоз в Карабулуне. В 1943 г. намечалась организация госхоза в Барлыкской степи и коневодческого госхоза на востоке, что и было осуществлено в 1944 г. Зерновой госхоз в Барлыкской степи был чрезвычайно важен для западных территорий ТНР, где зерновые культуры сеяли мало. Ежегодно правительство завозило сюда зерно на семена и хлеб из Улуг-хемского и Тандинского районов. В Барлыкской степи лежали тысячи гектар нетронутых земель. В 1943 г. на месте будущего свохоза в Барлыкской степи было организовано опытное поле, где было посеяно около 100 га зерновых (в основном пшеницы — 80 га).

Госхозы являлись в ТНР не только производителями сельскохозяйственной продукции. Их роль была чрезвычайно важной как примерных

крупных хозяйств, как школ применения новой техники и агро- и зоотехнических мероприятий, поднимающих сельское хозяйство, а также как источников непосредственной помощи колхозам и ТОЖЗЕМам. Госхозы были крупными механизированными хозяйствами. Элегестский госхоз имел свыше 2,5 тыс. га земли, в основном пашни (и лишь 8,5 га под огороды). Госхоз около Шагонара имел свыше 3,5 тыс. га пашен (огородов 0,4 га), много сенокосов и выгонов. Уюкский госхоз имел около 2 тыс. га земли, в том числе 4,3 га огородов. Чаданская сельскохозяйственная станция имела свыше 3,5 тыс. земли, в том числе 15 га огородов.

За время своего существования госхозы, развивая земледелие, увеличили посевные площади с 345 га в 1930 г. до 4,5 тыс. га в 1943 г. Кроме зерновых культур, госхозы сеяли корма и технические культуры: коноплю, лен, подсолнечник, корнеплоды, люцерну. В 1942 г. Чаданская сельскохозяйственная станция создала опытные участки посевов сахарной свеклы, давшей хороший урожай. Из зерновых основной культурой была яровая пшеница. В силу климатических условий в Туве от посева озимых культур пришлось отойти. Урожайность зерновых и других культур в значительной мере была еще неустойчивой, зависящей от климатических колебаний. Так, средний урожай бывал от 8,28 ц с га (1942 г., холодная, сухая весна) до 13,4 ц с га (1938 г., более благоприятный год). Госхозы, однако, недостаточно выполняли свою роль ведущих хозяйств. Это видно из того, что русские колхозы в ТНР на первом месте по урожайности зерновых. Так, в 1942 г. колхозы имели в среднем по 10 ц с га, госхозы — 8, 28 ц с га, ТОЖЗЕМы — 6,8 ц с га, единоличники-араты — 5,7 ц с га. Колебания урожайности в различных районах Тувы бывали очень велики.

	Название районов	Урожайность с гектара (в центнерах)
1	Дзун-хемчикский	9,7–17,7
2	Улуг-хемский	10,5–21,4
3	Пий-хемский	15,2–23,2
4	Тандинский	5,8–14,2
5	Каа-хемский	10,7–15,4
6	Чаа-хольский	15,6–20,6
7	Бай-тайгинский	8,8–15,7
8	Кызыльский	6,4–15,2
9	Тесь-хемский	1,6–8,7
10	Сүт-хольский	11–17,9
11	Тоджинский	7,5–21
12	Эрзинский	2,5–5
13	Овюрский	4,6–9,7
14	Барыын-хемчикский	14,2–27

Наиболее низкая урожайность наблюдалась в южных районах, как это явствует из таблицы: в Тесь-хемском, Эрзинском, Овюрском. Эти районы имели совсем молодое земледелие. Прежде тувинское население этих районов (как и Тере-хольский сельсовет Каа-хемского района) земледелием не занималось. Наибольший урожай получают колхозы со смешанным русско-тувинским населением.

До 1940 г. основными земледельческими районами были Каа-хем, Пий-хем, Танды, где засевалось 47,1 % всей посевной площади ТНР. На долю всех южных и западных районов приходилось остальные 52,9 %, при этом западные засевали 47,3 %, а южные — всего 5,7 %. Южные и западные районы являлись потребляющими, тогда как перспективы развития земледелия, особенно в западных районах, были очень велики.

Посевы в Тодже (в га)

Название сумона	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Картофель	Овощи	Технические культуры	Бахчевые
1939 г.								
Пий-хем сумон	0,5	—	0,5	—	1/6	—	—	—
Сыстыг-хем	—	—	—	—	—	—	—	3,5
п. Сейба	1 (озим.)	2¼	8,5 0,3 (яр.)	2	4,88	—	—	—
п. Тоора-хем	1	2¼	8,5	2	5,5	—	0,5	—
1940 г.								
Пий-хем сумон	0,75	—	0,5	0,5	—	—	—	—
Сыстыг-хем	—	—	—	—	0,3	—	—	—
п. Сейба	—	—	0,25	—	4,58	—	—	—
п. Тоора-хем	2,25	0,5	1	5,32	0,5	—	0,74	—
1941 г.								
Пий-хем сумон	—	—	—	—	—	—	—	—
Сыстыг-хем	—	—	—	—	—	—	—	—
п. Сейба	—	—	0,01	—	1,06	—	—	—
п. Тоора-хем	2	—	5,53	1	2,06	—	—	—
1948 г.								
Тоора-хем сельсовет	—	1	—	—	—	—	—	—
Сейба (един.)	0,5	0,26 (яр.)	0,04	0,02	—	0,25 (горох)	0,95 (конопля) 0,25 (лен)	—
Тоора-хем Райпо	—	—	2	—	—	—	—	—
Сыстыг-хем леспромхоз	—	—	2,5	—	—	—	—	—
Сыстыг-хем сельсовет	не сеяли							

Колхоз «Советская Тува»	не сеяли							
Колхоз «1 Мая»	не сеяли							
1949 г.								
Тоора-хем сельсовет	—	1 (озим.)	0,5 (яр.)	—	3,79	0,35	—	—
Сейба (един.)	0,75 (яр.)	—	—	3,25	4,63	0,72	0,06	—
Тоора-хем Райпо	0,5	—	2,25	1,95	2,63	1,5	—	—
Сыстыг-хем леспромхоз	—	—	5	4,25	1	0,75	—	—
Сыстыг-хем сельсовет	—	—	0,02	0,93	2,3	0,54	0,06	—
Колхоз «Советская Тува»	3 (яр.)	—	—	3	0,5	—	—	—
Колхоз «1 Мая»	0,5 (яр.)	—	5,75	3,52	0,5	—	—	—
1950 г.								
Тоора-хем сельсовет	—	—	—	—	0,20	0,05	—	—
Сейба (един.)	1,75	1,30	1,50	5,27	7,03	2,25	—	—
Тоора-хем Райпо	—	—	7,36	2,86	—	—	—	—
Сыстыг-хем леспромхоз	—	—	—	—	1	0,5	—	—
Сыстыг-хем сельсовет	—	—	—	—	3,6	0,4	—	—
Колхоз «Советская Тува»	—	—	1,75	1,75	0,5	—	—	—
Колхоз «1 Мая»	2 (яр.)	—	5,65	0,3	0,5	—	—	—

Нужно заметить, что развитие земледелия в Туве тесно связано с организацией оросительной системы в западных и южных районах (Эрзин, Тесь-хем, Овор, Улуг-хем, Чаа-холь, Сүт-холь, Дзун-хемчик, Барыын-хемчик, Бай-тайга (с Мбнгуи-тайгой)), необходимым условием для земледелия является искусственное орошение полей и лугов. Не нуждаются в поливе лишь немногие земли Танды, Северного и Восточного Каа-хема и долина Пий-хема. Таблица дает ясное представление о значении орошения для Тувы³⁰⁰.

³⁰⁰ Данные 1942 г. (Казимирский, 1942, с. 81).

В Туве, как мы упоминали выше, имеется древняя оросительная система, свидетельствующая о том, что в древности предки тувинцев занимались в значительной мере земледелием. Причем, по-видимому, орошались не только поля, но и луга (по сведениям А.Д. Грача).

С первых лет ТНР начинается восстановление этой сети. Сами араты проводят вновь магистральные и боковые каналы. Только с 1931 г. по 1941 г. проведено до 200 км каналов для орошения 10 тыс. га.

Государство отпускает средства для построения на землях госхозов гидротехнических сооружений и новых каналов.

	Название района, хошуна	Всего посевной площади	Процент орошаемых земель
1	Пий-хем	7 385,2	32
2	Каа-хем	5 539,9	46,8
3	Танды	9 594,8	75,2
4	Улуг-хем	7 511	98,2
5	Чаа-холь	2 434,8	92,8
6	Дзун-хемчик	4 277	98,5
7	Барыын-хемчик	3 712	99,2
8	Бай-тайга	2 455	99,3
9	Сүт-холь	2 111	100
10	Мөнгун-тайга	107,1	100
11	Эрзин	589	100
12	Тесь-хем	1 092	99,6
13	Овюр	1 010	99,8

В 1942 г. в Туве имелись уже каналы, оснащенные регулируемыми инженерными сооружениями, — ирригационная сеть в госхозе Арык-Узуу, каналы Чаданский, Хендергей, Ак-туруг, Алаш и др. Но в основном использовалась древняя ирригационная сеть, где вовсе отсутствовали регулирующие сооружения. Пуск воды в распределительные каналы и в мелкую поливную сеть регулировался посредством временных земляных перемычек. Полив производился так называемым «диким напуском». Вода через разрытую перемычку выпускалась в одном или нескольких местах на пашню и не отводилась до тех пор, пока не заливала весь участок. Поливальщики при помощи маленьких канавок и запруд направляли воду в более возвышенные места. Такой способ полива приводил к смыванию почвенного слоя и обнажению галечника.

Существовала переложная система земледелия. Это значит, что участок пашни после трех-четырех лет использования исключался из оборота на долгий срок. Оставленные земли разрушались, почва сдувалась, появлялись заросли караганы. Работавшая в эти годы в ТНР экспедиция Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина предложила в своем отчете пере-

ложную, отдыхающую землю поливать с тем, чтобы почвы не разрушались. Учитывая, что в Туве широко распространена дикая черная люцерна, быстро развивающаяся на запущенных пашнях при минимальном поливе, авторы указывали, что араты получают с переложных земель богатые сенокосы.

Встала необходимость выделить в ТОЖЗЕМах кадры мелиораторов, поднять ответственность аратов, госхозов за состояние оросительной сети, более широкое строительство новых каналов методом народной стройки.

Примером такой стройки является канал Хендергей (Дзун-хемчикского района) длиной 12 км, сооруженный аратами за 9 дней. В строительстве канала принимали участие ежедневно до 200 человек. В том же 1939 г. был сооружен Чаданский канал 7 км длиной. При этом на протяжении 400 м канал проходил в скальных породах, глубина выемки достигала в некоторых местах 10 м. Здесь имеется двадцатиметровый акведук.

На канале Ак-туруг араты одного сумона построили ряд гидротехнических сооружений, водозаборное сооружение, акведук общей длиной 275 м и высотой от 1,5 до 6 м. На протяжении 300 м канал проходит по скальным грунтам.

Непрерывно увеличивалось поголовье скота в госхозах, к 1943 г. оно достигло 11,3 тыс. голов против 4,8 тыс. голов в 1937 г. Госхозы проводили работу по улучшению пород скота. В госхозах появились коровы симменталки и швицкие, бараны тонкорунные, белые алтайские свиньи. Проводилась метисация местной породы овец с каракулевыми и «рамбулье». К 1942 г. в отарах госхозов было много метисировано тонкорунными овцами. Однако наряду с этими нововведениями госхозы и аратские ТОЖЗЕМы продолжают развивать традиционный состав стада, не обращаясь с производственными нуждами. Так, в госхозе на Элегесте из 850 лошадей только часть давала непосредственный доход (менее $\frac{1}{4}$ всего табуна), остальные паслись круглый год в поле. Племенной скот находился в тех же условиях круглогодичной пастбы под открытым небом, как и в старину, что снижало результаты племенной работы. Госхозы мало повышали продуктивность молочного скота. При среднем плановом удое в 900 л в 1942 г. все госхозы дали половину этого количества молока. Причина этому — бытование старых приемов ведения хозяйства, слабая борьба за новое. Молочное хозяйство оставалось подсосным, практиковали малое число доек, большой период запуска. Фактически не доили коров с октября по июнь (то есть с исчезновением травы до ее весеннего появления). Симменталок-коров не доили вовсе. Госхозы развивали лишь мясные качества скота. И в этой отрасли хозяйства русские колхозы явились более передовыми, чем госхозы. В 1942 г. в колхозных фермах в среднем получены были удои свыше 1 тыс. л молока на корову.

Несмотря на то что порода местных овец значительно улучшилась в госхозах, в среднем настриг шерсти был невелик — 2,33 кг (бараны

«рамбулье» давали 2–2,5 кг, тонкорунные — около 4 кг). Полностью получить должный результат мешали распространенная в отарах овечья чешотка и несвоевременная стрижка овец (местная овца давала не свыше 1,7 кг шерсти). Большим препятствием в развитии животноводства являлось неумение выращивать молодняк, преобладание старых навыков в этом деле. В 1942 г., например, в Уюкском госхозе пало 30 % ягнят, 26,1 % поросят, 21,8 % телят и т.д. В первые годы ТНР было лишь одно ветеринарное учреждение (в 1928 г.). К 1943 г. было уже организовано 59 таких учреждений, где работали 10 ветврачей, 50 фельдшеров, 298 ветеринарных санитаров. Однако и это сильно возросшее [расширившееся] обслуживание животноводства уже не удовлетворяло нужды растущего хозяйства Тувы.

Развивающиеся сельскохозяйственные товарищества тувинцев имели ряд недостатков, мешавших их дальнейшему росту. Обобществленный рабочий скот не пополнялся, изнашивался, этим задерживалось развитие доходности колхоза по перевозкам и особенно развитие земледелия. Мелкие посевные площади не способствовали внедрению широкой механизации сельского хозяйства. Частная собственность на продуктивный скот не позволяла проводить мероприятия по поднятию продуктивности и по увеличению поголовья. Малая доходность ТОЖЗЕМов не позволяла осуществлению перевода на оседлость [не допускала возможности перевода населения к оседлому способу ведения хозяйства] со всеми вытекавшими последствиями — реорганизацией быта членов ТОЖЗЕМа. Большинство ТОЖЗЕМов в 1944 г. не имело оседлых центров. Вступление ТНР в состав СССР в 1944 г. послужило мощным толчком к дальнейшему развитию экономики, переходу на более высокий уровень ведения сельского хозяйства. ТНР не имела [не обладала] технической базы [базой] для механизации сельскохозяйственных работ, не имела своих кадров-специалистов сельского хозяйства.

В 1945 г. советское правительство организует в ТАО первые 4 машинно-тракторные станции (МТС), в 1946 г. — еще 2 МТС. К 1947 г. в ТОЖЗЕМы было объединено 16 % всех тувинских хозяйств. В этом же году ЦК КПСС ставит перед ТАО задачу укрепления ТОЖЗЕМов, перевод наиболее сильных из них на Устав сельскохозяйственной артели. За период с 1944 г., когда в Туве имелись только русские колхозы (22), по 1948 г. создаются новые тувинские и смешанные колхозы. В 1948 г. имеются уже 42 колхоза. 1949 г. явился годом усиленного [массового] вступления в колхозы. Появляются колхозы в [на] окраинных территориях ТАО — в Тоджинском, Тере-хольском и др. В 1949 г. в ТАО имеется уже 85 колхозов, в 1950 г. — 99 колхозов. К этому году коллективизацией охвачено почти 50 % аратских и русских крестьянских хозяйств. В эти же годы начинается строительство оседлых центров колхозов, жилых домов для колхозников. Молодые кол-

хозы Тоджи и Тере-хёля сразу с организацией колхоза приступают к строительству поселков. Поселки, как правило, строятся на пустом месте. Выбираются территории, удобные для развития строительства, имеющие близко строительный лес и другие материалы, имеющие удобную [наладившие надежную] связь с районным центром. Территория поселка обычно имеет здесь же площади, пригодные для развития индивидуальных огородов и постройки скотоводческих помещений для личного скота.

Значительного развития достигают ранее образованные колхозы. Растет дисциплина, ответственность в общественном труде. В колхозы вливаются новые группы тувинцев-единоличников. В колхозы Тесь-хемского района вступают, например, тувинцы группы Шалык, до этого кочевавшие в степи О-Шина, в колхоз Тере-хёля вступают группы оленеводов Соян и Чооду и т.д.

С 1950 г. начинается процесс слияния мелких колхозов в ТАО, образуются смешанные колхозы с тувинским и русским населением. Организуется такой смешанный колхоз, как «Победа» в Каа-хемском районе, здесь объединились тувинский и русский колхозы. В Улуг-хемском районе объединяются тувинский колхоз «Чодураа», ТОЖЗЕМ «Шанчыг» и русский колхоз им. Кирова. Укрупненный колхоз им. Кирова развивается на оседлой базе русского колхоза. Крупные смешанные колхозы, где вместе работают русские и тувинцы, плодотворно развивают свое хозяйство, результаты их труда сказываются уже в следующем хозяйственном году.

Ведение крупного хозяйства вызывает необходимость обучения колхозников новым достижениям агрономической и зоотехнической науки. В госхозах и колхозах с 1950 г. организуются сельскохозяйственные курсы, где занятия с колхозниками ведут специалисты-агрономы и зоотехники районов Области.

Постановлением Совета министров СССР от 15 января 1950 г. № 219 определяются размеры приусадебных участков и нормы скота в личной собственности колхозников. Для ТАО последние нормы варьируют в соответствии с масштабами скотоводства и земледелия в отдельных районах. В районах Кызыльском, Каа-хемском, Пий-хемском, Улуг-хемском, Тандинском, Чаа-хольском, Дзун-хемчикском, Барыин-хемчикском каждый колхозный двор может иметь в личной собственности 2–3 коровы, молодняк от них, 2–3 свиноматки с приплодом, 20–25 овец и коз; кроме того, приусадебный участок 0,35–0,45 га. В национальных колхозах колхозник может иметь одну лошадь.

В Бай-тайгинском, Сүт-хольском, Тесь-хемском, Овюрском, Эрзинском, Тоджинском районах каждый колхозный двор может иметь 4–5 коров с молодняком, 30–40 овец и коз, кроме того, 10 оленей, 2–3 свиноматки с приплодом, одну лошадь или двух верблюдов. Колхозная семья имеет участок 0,25–0,35 га.

Эти нормы отражают состояние животноводства и земледелия в ТАО. В последней группе районов в те годы земледелие было развито слабее, чем животноводство. Кроме этих норм, в постановлении указывается, что птицу (домашнюю), кроликов, пчел колхозники могут иметь в своем пользовании неограниченное количество. Эти указания касаются новых отраслей хозяйства, не известных ранее тувинцам, и призваны стимулировать их развитие.

В последующие годы продолжается процесс укрупнения колхозов. Организуются крупные колхозы в Тандинском и других районах, например колхоз «Красный партизан» (п. Сосновка), в который объединились русский колхоз «Красный партизан» и тувинский колхоз «Чагатай».

Советское правительство всемерно укрепляет техническую оснащенность тувинского сельского хозяйства. Все эти годы в ТАО увеличивается машинно-тракторный парк, растет отряд специалистов сельского хозяйства из среды тувинцев и русских. За 1950–1951 гг. парк МТС увеличился по тракторам в 3,5 раза, по комбайнам — в 5 раз, по другим видам машин — в 10 раз. В крупных колхозах полевые работы выполняются в 1951 г. уже на 92 % силами МТС. Растут посевные площади, и повышается урожайность зерновых культур. Неуклонно растут доходы колхозов. Крупный колхоз Дзун-хемчикского района «Путь к коммунизму» в 1952 г. увеличил общий доход по сравнению с 1950 г. почти в 2 раза, выдал на трудодень зерна 6 кг вместо 750 г в 1950 г. Колхоз «Красный пахарь» Пий-хемского района, также крупный колхоз со смешанным русским и тувинским населением, удвоил общий доход в 1952 г. по сравнению с 1950 г., получив свыше 1 млн руб.

Привлеченные быстрым подъемом благосостояния аратов-колхозников все новые группы единоличников входят в колхозы. В 1953 г. в ТАО имелось 97 колхозов, в которые были объединены 86,4 % населения. В 1953 г. в результате укрупнения мелких колхозов общее число их сократилось до 87. На 1954 г. коллективизировано 93,9 % всех крестьянских хозяйств с населением 65,5 тыс. [человек]. Из общего количества колхозов в Области имелся 1 колхоз с доходом до 2 млн [руб.], 3 колхоза с доходом до 1 млн [руб.], 20 колхозов с доходом до 0,5 млн [руб.] и выше [более]. Многие колхозы за успехи в сельском хозяйстве выдвинуты кандидатами на ВСХВ еще в 1952 г. Выросли из среды тувинцев талантливые мастера земледелия и животноводства, получившие высокие правительственные награды.

Большое значение для повышения продуктивности сельского хозяйства Области имели реорганизация и укрепление работы МТС. В Области имеется 12 МТС, обслуживающих все колхозы, за исключением двух колхозов Тоджинского и одного колхоза (им. Хрущева в Тере-хөле) Каа-хемского района. Уже в 1953 г. силами МТС были выполнены 80 % всех сельскохозяйственных работ в Области. В том же году комбайнами было убрано

зерновых на 51 % больше, чем в 1952 г. Тракторный парк МТС вырос за этот год на 8,5 %, а комбайновый — на 64 %. В том числе количество самоходных комбайнов увеличилось на 97,1 %. Значительно увеличилось количество других машин — специальных плугов, культиваторов, сеялок, сенокосилок и т.п. Особенно большое поступление машин было в 1953 г., после чего тракторный парк увеличился на 35,4 %. Завезены были скреперы, корчеватели, кусторезы, силосорезки, электроагрегаты для стрижки овец и т.д. Приводим как пример Кызыл-мажальскую МТС.

№ п/п		1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
1	Тракторов	9	15	22	25	33
2	Комбайнов	1	1	4	9	17
3	Тракторных плугов	9	15	19	23	32
4	Культиваторов	1	2	2	4	4
5	Луцильников	—	—	—	3	9
6	Универсальных сценок	—	—	—	—	14
7	Электрострижек	—	—	—	1	2
8	Самоходных сенокосилок	—	—	—	—	1
9	Зерноочистительных машин	—	—	1	1	2
10	Молотилок МК 1100	—	2	2	2	2
11	Сеялок	11	16	19	24	36
12	Автомашин	5	10	12	14	15
13	Токарных станков	1	1	2	2	2

Таблица указывает количественный и качественный рост сельскохозяйственного машинного парка и ремонтного оснащения.

№ п/п		1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
1	Трактористов	18	30	42	50	61
2	Бригадиров тракторных бригад	5	5	7	7	7
3	Комбайнеров	1	2	6	9	17
4	Машинистов самоходных сенокосилок	—	—	—	—	1
5	Участковых механиков	1	1	1	2	3
6	Механиков-контролеров	1	1	1	1	1
7	Механиков животноводства	—	—	1	1	1
8	Машинистов МК-1100	2	2	1	2	2
9	Прицепщиков	36	60	84	90	110
10	Учетчиков	5	5	7	7	7
11	Токарей	1	1	1	2	3
12	Слесарей	1	1	1	1	1
13	Шоферов	5	10	12	13	10

Таблица указывает рост кадров механизаторов самой дальней МТС, обслуживающей Барыын-хемчикский район. Важно отметить, что рост кадров трактористов, прицепщиков и шоферов происходит за счет местного тувинского колхозного населения, как мы отмечали выше. Колхозные автомашины обслуживаются шоферами-тувинцами.

На капитальное строительство МТС Области советское правительство отпустило в 1954 г. свыше 7 млн руб. При МТС создан строительный отдел. Будут строиться гаражи для машин, жилая площадь для механизаторов, мастерские и т.п. В Области имеется училище механизаторов, готовящее кадры высокой квалификации для работы на новой сельскохозяйственной технике. По плану 1953–1954 гг. училище должно было подготовить 375 механизаторов из среды местных колхозников. Это значительно повысит производительность машин. После VIII пленума Обкома КПСС в г. Кызыле в октябре 1953 г. была организована выставка, где демонстрировались более 30 видов сельскохозяйственных машин новейшей конструкции.

МТС проводит работу по реорганизации оросительной системы, корчевке и расчистке лугов и пашен.

В МТС укреплены кадры. В 1953 г. МТС возглавляет 7 директоров, имеющих высшее образование, 3 — со средним специальным образованием. В 11 МТС работают главными инженерами специалисты, имеющие высшее специальное образование, 9 главных агрономов и 12 главных зоотехников, 6 старших ветврачей, 3 инженера — заведующих ремонтными мастерскими вышней квалификации. Из 71 агронома в колхозах 6 имеет высшее образование, 56 — среднее специальное и т.д. На апрель 1954 г. в МТС работали 16,8 % специалистов с высшим образованием, 51 % — со средним специальным и 32,2 % практиков. Однако председатели колхозов только 29 из 87 имеют высшее и среднее образование.

Увеличился на 3,5 % штат рабочих МТС, в основном за счет колхозников-тувинцев, окончивших курсы механизаторов в Области.

В Области проводится землеустройство колхозов и совхозов. С 1947 г. по 1953 г. на это дело израсходовано свыше 4 млн руб. К 1953 г. 46 колхозам были вручены государственные акты на вечное пользование землей.

Общие сведения о тувинских колхозах

В 1954 г. в Тувинской автономной области после слияния мелких колхозов, начавшегося с 1952 г. и длящегося до сего дня, было всего 84 колхоза. В них всего было объединено 15,2 тыс. аратских хозяйств с населением 65,5 тыс. человек. Таким образом, все араты в настоящее время живут и работают в колхозах. Исключение представляют единичные хозяйства в горах Тоджи, Кара-хөля (северо-западный угол Бай-тайги) и в Мёнгун-тайге, где коллективизация началась всего [только] весной 1953 г. Укрупнение колхозов позволило развивать хозяйство в более широких масштабах

более современными методами. Благотворное влияние оказало то обстоятельство, что соединились колхозы тувинские и русские; в большинстве своем русские колхозы к этому времени имели более высокий уровень хозяйства, чем тувинские, что, вполне понятно, способствовало быстрейшему развитию укрупненных колхозов, поднятию материального и культурного уровня колхозников тувинцев и русских. Укрупненные колхозы уже в 1953 г. расширили посевную площадь с 65,6 тыс. га в 1952 г. до 71 тыс. га. Увеличилась общая площадь земель с оросительной сетью (пашни и луга) с 75,4 тыс. га в 1952 г. до 87,8 тыс. га в 1953 г., в том числе значительно возросла площадь водообеспеченных орошаемых земель с 34,6 тыс. га в 1952 г. до 58,2 тыс. га в 1953 г. Это значит, что колхозниками совместно с МТС частично проведены работы по очистке старой и организации новой оросительной сети. Однако и на 1953 г. МТС слабо участвовали в этой работе; план по ирригационным работам был ими выполнен лишь на 15,7 %, по устройству и улучшению пастбищ и лугов (раскорчевка, очистка от камней и пр.) — только на 10 %.

В общем денежном выражении вырос доход колхозников с 24 216 тыс. руб. в 1952 г. до 26 231 тыс. руб. в 1953 г., в основном за счет продукции животноводства.

Вырос доход в среднем на один колхоз с 252,3 тыс. руб. в 1952 г. до 301,5 тыс. руб. в 1953 г. Увеличились неделимые фонды колхозов с 49 822,7 тыс. руб. в 1952 г. до 62 393 тыс. руб. в 1953 г. В среднем на 1 колхоз это составило увеличение с 519 тыс. руб. до 718 тыс. руб.

Цифры, характеризующие доход на 1 хозяйство и 1 трудоспособного, остались и в 1953 г. теми же, что и в 1952 г. Иными словами, перестройка, неизбежная при слиянии двух хозяйств, не снизила дохода колхозников в среднем. Это само собой говорит о прочности колхозов ТАО.

На 1953 г. в Области имелся 1 колхоз с доходом около 2 млн руб., 3 колхоза-миллионера, 13 колхозов с доходом $\frac{1}{2}$ миллиона, и 27 % колхозов имели доход до 200 тыс. руб.

В Области имелось много причин, тормозивших рост доходов в колхозах, в частности в полеводстве. Последнее не может давать устойчивых урожаев в условиях Тувы, где основные пахотные угодья — хотя богатые по характеру почвы, но требующие полива. Следовательно, пока оросительная система не будет поднята на современный уровень требований агротехники, пока остается главным способом орошения «дикий полив», урожай в Области не могут быть постоянными и оправдывать труд колхозников.

В 1953 г. доходность от полеводства в колхозах резко упала, что было вызвано низкими урожаями из-за засухи (в среднем 6,5 ц зерновых с га). Подобные явления в Области систематически повторяются.

Страдают от неустроенности ирригационной системы не только посеы зерновых, но также тормозится развитие огородничества, садоводства;

губительно отзывается отсутствие полива и на улучшении лугов и пастбищ (посевы одно- и многолетних трав, кормовой кукурузы и т.д.), то есть тормозится развитие животноводства. Последнее является основной отраслью колхозного производства в Области. поголовье скота неуклонно возрастает по всем породам. Развиваются свиноводство и птицеводство (с 1953 г.). Так,

	1952 г.	1953 г.
Крупного рогатого скота, в том числе:	38,3 тыс. голов	46 тыс. голов
коров	9,7 тыс. голов	12 тыс. 1948 г. [?], то есть 28,1 %
коней	37,3 тыс. голов	44,1 тыс. голов
овец и коз	289,8 тыс. голов	364,1 тыс. голов
свиней	3,8 тыс. голов	5,6 тыс. голов

Эти цифры указывают на отставание колхозов по развитию поголовья коров в стадах крупного рогатого скота; по плану колхоз должен иметь 40 % коров по отношению ко всему стаду крупного рогатого скота (соответственно постановлению сентябрьского Пленума ЦК КПСС по данной области).

Свиноводство в основном развивается в русских и смешанных (русско-тувинских) колхозах центральных районов Области.

Слабое внедрение зооветеринарных мероприятий, нехватка кормов в 1953 г. вызвали сравнительно большой процент падежа взрослого поголовья (крупного рогатого скота — 4,5 %, овец и коз — 11,6 %, коней — 2,5 % и свиней — 8,4 %).

Еще больше процент падежа молодняка (телят — 11,4 %, поросят — 10,6 %, ягнят и козлят — 13,5 % и т.д.).

В 1953 г. наряду с укрупнением колхозов происходило пополнение МТС высококвалифицированными работниками.

В 12 МТС Области пришли специалисты с высшим специальным и средним образованием. Из 12 директоров МТС в 1954 г. только двое не имели ни высшего, ни среднего образования.

Главные инженеры 12 МТС все имеют специальное образование, причем только один — среднее, остальные 11 инженеров — высшее. Агрономы, главные зоотехники МТС — все имеют высшее образование. Даже заведующими ремонтными мастерскими являются три инженера с высшим техническим образованием, 9 — со специальным средним.

В колхозы поступают квалифицированные кадры агрономов, зоотехников. О размерах пополнения можно судить по следующей таблице:

	1952 г.	1953 г.
колхозные агрономы	38 человек	71 человек, из них 6 — с высшим образованием, 56 — со средним специальным и 9 практиков
зоотехники	11 человек	56 человек, из них 5 — с высшим образованием, 46 — со средним и 5 практиков

Расширяются штаты рабочих МТС (к 1954 г. на 3,5 %). Укомплектование рабочих ведется за счет оканчивающих курсы механизаторов в Области самих колхозников-тувинцев.

В 1954 г. колхозы Области продолжали дело укрепления своего хозяйства. Ряд приложенных [приведенных] таблиц характеризует не только состояние колхозов в этот период, но и ярко показывает картину расселения, направленности хозяйства, доходность и т. д. Рассмотрим эти таблицы.

Колхозы Тувинской автономной области на 1954 г. (сводка Облисполкома ТАО)

№ п/п	Район	Колхозы				Население				Земля колхозов				Количество людей, объединенных в колхозы
		Количество дворов	Всего населения	Трудоспособных	Собных	Всего земли	Пахотно способной	Фактически сеяли	Урожай					
1	Пий-Хемский	6	674	2269	923	97460	8724	8139	15,2–23,2	2269				
2	Кызыльский	9	1022	4125	1670	184129	4640	4136	6,4–15,2	4125				
3	Чаа-хольский	4	853	3371	1431	173431	5074	4647	15,6–26,6	3371				
4	Тесь-хемский	4	681	2842	1326	193478	2185	2064	1,6–8,7	2842				
5	Каа-хемский	9	994	3758	1627	148693*	10046	8612	10,7–15,4	3758				
6	Тоджинский	2	293	1248	564	39346	657	378	21–7,5	1627				
7	Дзун-хемчикский	9	1863	7845	3403	321300	8041	7261	9,7–17,7	7845				
8	Улуг-хемский	9	1694	7401	3136	245181	9710	8754	10,5–21,6	7405				
9	Эрзинский	4	664	2766	1506	185812	1466	1450	2,5–5	2766				
10	Овюрский	4	736	3292	1205	214289	1131	1116	4,6–7,7	3292				
11	Бай-тайгинский	5	1796	8709	3534	218064	3997	3723	8,8–15,7	8709				
12	Сүг-хольский	6	1190	5857	2395	169338	4549,2	4000	11–17,9	5857				
13	Тандинский	7	1031	4366	1692	128626	12068	11219	5,8–14,2	4366				
14	Барыын-хемчикский	6	2027	—	—	—	6069	5715	14,2–27	—				

* Нет сведений по колхозу в Тере-хөле.

№ п/п	Район	Животноводство						
		Всего КРС	Коров	Овец и коз	Овец	Коней	Свиней	Птиц
1	Пий-хемский	3041	956	13607	7091	1715	1056	3478
2	Кызыльский	4117	1296	36288	26399	3051	591	3345
3	Чаа-хольский	2730	824	26705	16406	3395	132	913
4	Тесь-хемский	3368	1117	37181	30578	4226	97	—
5	Каа-хемский	5215	1570	16870	15163	3324	1184	6071
6	Тоджинский	655	211	1729	1283	551	38	—
7	Дзун-хемчикский	5083	1477	37648	27673	4524	352	3656
8	Улуг-хемский	5503	1881	43175	29314	4553	702	1892
9	Эрзинский	2595	865	36169	32238	5698	74	216
10	Овюрский	2494	715	28089	15178	2739	—	—
11	Бай-тайгинский	4800	1497	62512	40525	2963	136	930
12	Сүт-хольский	3450	1161	33350	17421	2581	287	1422
13	Тандинский	60531	1791	29295	26998	2911	1239	2644
14	Барыын-хемчикский	2991	875	34109	19580	3812	199	1377

Тоджинский район — около 3 тыс. оленей, Тесь-хемский район — 23 верблюда.

№ п/п	Район	Надой молока на одну корову [(в литрах)]	Настриг шерсти с одной овцы [(в килограммах)]
1	Пий-хемский	805	1,5
2	Кызыльский	567,7	1,6
3	Чаа-хольский	282,5	1,4
4	Тесь-хемский	338	1,15
5	Каа-хемский	563	1,7
6	Тоджинский	711	1,7
7	Дзун-хемчикский	450	1,66
8	Улуг-хемский	392	1,4
9	Эрзинский	389	1,3
10	Овюрский	452	1,5
11	Бай-тайгинский	375	1,2
12	Сүт-хольский	376	1,16
13	Тандинский	505	1,8
14	Барыын-хемчикский	281,5	1,1

Сведения, приведенные в этой таблице по районам Области, свидетельствуют о том, что:

1) Наиболее плотное население проживает в местах, издавна заселявшихся тувинцами, а с половины прошлого [XIX] века и русскими, то есть по долине рек Улуг-хема и Хемчика с долинами их притоков. Это Барыын-хемчикский, Дзун-хемчикский, Улуг-хемский, Сүт-хольский районы. Именно здесь имеется в настоящее время основная транспортная маги-

страль-шоссе, здесь растут на месте страинных кочевых центров, а впоследствии русских деревень города Тувы — Шагонар, Чадан, Кызыл-Мажалык. Бай-тайгинский район также имеет большое население, однако плотность его невелика, так как в этот район с 1953 г. вошли территория всей Мёнгун-тайги, бывшей до того самостоятельным районом, территория Кара-хольского сельсовета, ранее относящаяся к Барыын-хемчикскому району. Следующими по количеству населения являются Тандинский и кызыльский, где огромные пространства представляют собой непригодные ни для земледелия, ни для луговодства (пастбищ) земли с полупустынной растительностью. В Тандинском районе имеются площади, покрытые рядами песчаных барханов, едва закрепленных мелким лесом. Лишь у подножия хребта Танну-ола да по долинам, стекающих с ее северных склонов рек (Тандинский район) и по Улуг-хему (Кызыльский район) возможно земледелие и животноводство. При этом в Танде земли не требуют даже поливов.

Каа-хемский район заселен плотно по долине р. Каа-хема в ее нижнем и среднем течении и очень мало заселен в верховьях реки, особенно в юго-восточной части, бывшем Тере-хольском районе, ныне Шынаанском сельском совете Каа-хемского района. Мало заселенные территории представляют собой горные хребты с бесчисленными отрогами Восточных Саян, Сангилена (продолжение Танну-ола). Чаа-хольский район в основном заселен по долинам Улуг-хемских притоков. В своей северной части, также представляющей собой таежные склоны Саян, он заселен мало. Пий-хемский район заселен в основном по р. Пий-хему и его нижним притокам вне Тоджинского горного массива, в Туранской низменности, имеющей площади годные для земледелия и лугов. Овюр, Тесь-хем, Эрзин — южные районы Области, представляющие собой начало сухостепных, пустынных ландшафтов Монголии, населены слабо. И наиболее малое население имеется в [на] огромной территории Тоджи, представляющей собой труднодоступную в прошлом гонную страну с очень ограниченными площадями для полеводства и несколько большими площадями пастбищ.

В современном распределении населения отражается древний процесс — освоение наиболее пригодных для земледелия и скотоводства территорий, где свободно могут развиваться пути сообщения. Именно на наиболее заселенных ныне территориях мы находим древнюю оросительную сеть, применявшуюся не только для земледелия, но и для полива пастбищ (по сведениям А.Д. Грача). Именно здесь проходили пути вражеских орд, военных походов, мирных переселений, а позже именно здесь заселились русские крестьяне. А в настоящем именно здесь мы видим быстрый процесс социалистического переустройства хозяйства и культуры. На этих территориях сложился диалект тувинского языка, который лег в основу литературного языка тувинского народа. Этот диалект впитал в себя различия языков и наречий остатков родов и племен, оседавших

и смешавшихся именно на этих наиболее жизненно выгодных территориях. Другие пространства Тувы, труднодоступные, малопригодные для земледелия и развитого скотоводства и до сего времени остаются малообжитыми, несмотря на все огромные таящиеся в них богатства. И здесь в силу изолированности [и] редкости населения издавна связи отдельных групп друг с другом были слабы. Здесь сохранились специфические особенности культуры, языка, наблюдаемые до нынешнего дня. Особенно это явно для горных районов Бай-тайги, Тоджи, Тере-хёля (Каа-хема) и др.

2) Таблица содержит цифры, показывающие количество земли, закрепленной за колхозами, и особенно соотношение пахотнospособной земли ко всей земельной площади колхозов. При таких огромных массивах земель, как 321 300 га (Дзун-хемчикский район), 245 181 га (Улуг-хемский), 218 064 га (Бай-тайга), 214 289 га (Овюр) и др., пахотнопригодные площади равняются 2,5 % (Дзун-хемчик), 4 % (Улуг-хем), 6,2 % (Бай-тайга), 0,5 % (Овюр). Еще меньший процент пахотнospособных земель имеется в Тесь-хеме (1 %), Эрзине (0,84 %), Тодже (0,15 %). Эти цифры наглядно иллюстрируют, что основным направлением в Области является животноводство. Даже в районах, где издавна практиковалось земледелие, процент пригодных к пахоте земель не превышает 9,4 % (Танда), 9 % (Пий-хем). Дополнительно к вышесказанному могут быть привлечены цифры по урожаям в разных районах. Наибольшие средние урожаи — 18,4 ц с га (Пий-хем), 18 ц (Чаа-хёль), 19,7 ц (Барыын-хемчик), 16 ц (Улуг-хем), 13 ц (Дзун-хемчик) — получены в районах, где всегда тувинцы занимались земледелием и где большую роль сыграли русские крестьяне-земледельцы. Сравнение с урожаями — 3,6 ц (Эрзин), 4,8 ц (Тесь-хем), 6,4 ц (Овюр) — показывает, что в данных районах едва ли рентабельно широко внедрять земледелие. Если же взглянем более конкретно на отдельные колхозы этих районов, то картина станет еще очевиднее. Так, колхоз Эрзина «Красная звезда» дал в 1954 г. в среднем 2,5 ц с га зерновых, колхоз им. Молотова (Тесь-хем) — 1,6 ц с га, [колхоз] им. Сталина — 3 ц с га.

Цифры урожайности зерновых в русских колхозах подтверждают положение и ту роль русского крестьянства в подъеме земледелия в Туве, о которых мы говорили выше. Например, колхозы «Свобода труда» (Улуг-хем) — 21,4 ц, им. Кирова — 20,4 ц, «Красный пахарь» (Пий-хем) — 18 ц и т.д.

Однако несомненно, что большую роль играет в деле освоения земледелия, как и в любом деле, и качество руководства. Например, в двух колхозах Тоджи, находящихся в равных условиях, колхоз «1 Мая» получил по 7,5 ц с га, а колхоз «Советская Тува» — по 21 ц.

3) Еще один вывод напрашивается из рассмотрения этих таблиц. В колхозах еще большое количество трудоспособных не принимали вовсе участия или мало участвовали в общественном труде. Особенно велик

процент не выполнявших минимум трудодней: 16,6 %, или 521 человек в Улуг-хемском районе, 18,5 %, или 301 человек в Каа-хемском районе, 19 %, или 681 человек в Бай-тайгинском, 15,6 % в Тесь-хемском и т.д. Целая армия трудоспособных колхозников была недостаточно втянута в общественный труд. В том числе большое число женщин.

При сравнительно небольшом количестве рабочих сил [рабочей силы] в колхозах, при недостаточной механизации сельского хозяйства и особенно животноводства колхозное руководство недостаточно уделяло внимания организации быта женщин (сезонные и постоянные ясли, детсады), недостаточно проводило разъяснительную, просветительную работу среди женщин.

Наряду с этим, в каждом колхозе немалый вклад составляла работа подростков от 12– [до] 16 лет и престарелых (от 55 лет и выше). Колхозы имеют соответствующие отчисления на культурные нужды, которые слабо используются (в частности, в колхозах имеются возможности лучшей организации труда женщин).

Таблица вторая характеризует животноводство Области с достаточной наглядностью.

Наиболее характерным для Области является разведение мелкого рогатого скота — овец и коз. Наиболее многочисленным поголовьем во всех колхозах является именно этот скот. Однако наивыгоднейшие условия для овцеводства, и именно местных тувинских пород овец и коз являются районы западные и юго-западные: Бай-тайга, Эрзин, Тесь-хем, Улуг-хем, Дзун-хемчик и др. В Бай-тайгинском районе, имеющем самое большое поголовье овец в Области (40 525 голов), такое стадо появилось после присоединения скотоводов Мёнгун-тайги, где в силу природных условий только и возможно разведение грубошерстных овец, яков (сарлыков) и коз. Территория самой Бай-тайги имеет значительно лучшие кормовые ресурсы, и именно здесь развивается успешно поголовье молочного скота. Бай-тайга по количеству коров стоит в ряду [сопоставима] с центральными районами Тувы (Танда, Улуг-хем, Каа-хем, Дзун-хемчик). С присоединением к Бай-тайгинскому району Мёнгун-тайги колхозы этого района получили огромную территорию для разведения грубошерстных овец и яков, втянули в общественный труд аратов Мёнгун-тайги, до 1953 г. живших по старинке в силу труднодоступности этой территории.

В настоящем [настоящее время] здесь организованы овечьи и сарлычьи фермы колхозов «Мурнакчи» и им. Сталина. Араты Мёнгун-тайги участвуют ныне и в полеводческих бригадах, занимаются земледелием, несмотря на незначительные посевные площади, могут удовлетворять урожаем зерновых и огородных культур в Бай-тайге население своего района. До этого времени араты Мёнгун-тайги своего хлеба не имели, меняли или покупали его в соседних районах.

В колхозах Эрзина, Тесь-хема соотношение в отарах овец и коз очень любопытно. Здесь поголовье коз значительно меньше, чем овец. Это старая традиция тувинского степного скотоводства. Коз держат в овечьих отарах для получения молока и как хороших вожаков отар во время пастбы. В настоящее время в этих районах еще не развивается племенное поголовье коз, как это имеет место в других районах Области. Например, в Барыын-хемчике, Пий-хеме, Сўт-хөле и других центральных районах наряду с метисацией овечьих стад проводится работа по разведению ангорских и пуховых коз.

В настоящем материале Обкома КПСС (сельскохозяйственный отдел — сводка за 1954 г.) не отмечены такие породы скота, как яки, олени, верблюды. Все три вида имеют свое хозяйственное значение.

В настоящее время эти древние отрасли животноводства вновь поднимаются самими араатами. Более полное хозяйственное освоение территорий Области связано с разведением этих пород животных. Олени являются незаменимыми транспортными животными для таежных горных охотников в снежный зимний период года, когда никакой конь не сможет идти в горную тайгу Саян и восточных отрогов Танну-ола. Сарлыки подобны оленям, не требовательны к кормам и дают прекрасное молоко, мясо, шкуры, шерсть. Верблюды могут быть также использованы в транспортных целях, и, кроме того, они дают прекрасную дорогую шерсть, молоко, мясо. И полупустынные, сухие степи части Центральной и особенно Южной Тувы при разведении этих видов скота также станут доходными. Однако в колхозах эта работа лишь началась.

Таблица ясно указывает на еще малую продуктивность животноводства в указанные годы. Надои молока в год на одну корову были очень низки. Выделяются колхозы Пий-хемского района. Здесь население колхозов — русские крестьяне и тувинцы (в основном группы Мааду), которые издревле занимались скотоводством и в незначительном количестве земледелием. В совместном труде русское и тувинское население живет уже более века. Передовые навыки ведения сельского хозяйства, животноводства были заимствованы и тувинцами. Ныне в колхозах проводятся передовые зооветеринарные мероприятия, что и сказывается в продуктивности хозяйства.

Высокие надои молока в Тодже обусловлены богатыми пастбищами в долинах Пий-хема и степях, прилегающих к его притокам, а также высокой организацией труда в этих колхозах. Колхозы других районов Тувы дают надой молока до 600 л (и значительно меньше) в год. Этому причиной являлся подсосный метод выращивания молодняка, недостаточная обеспеченность скота зимними помещениями, недостаточная кормовая база.

Таблица указывает и [на] то, что нигде в районах не добились в 1954 г. 40 % коров-маток в стаде крупного рогатого скота, не добились и плановой цифры настрига шерсти с овец. Далекое не все районы проводили двух-

кратную стрижку овец в году. Лишь передовые (центральные) районы дважды остригают овец.

Все [отмеченные] моменты указывают [демонстрируют], что животноводство Тувы переживает коренную перестройку. Эта перестройка идет непрерывно в борьбе со старыми отжившими методами.

В силу географических резких различий, в силу сложных путей истории в каждом районе Тувы или в группе районов имеется и в хозяйственной деятельности своя специфика, которая при планировании развития хозяйства Области не может быть игнорирована. Учет специфических традиций населения отдельных районов Тувы позволит быстрее поднять материальный и культурный уровень аратов.

Мы попытаемся на конкретных примерах показать развитие новой экономики в ТАО и изменения в быту аратов, произошедших в результате этих изменений.

Тандинский район, где уже до революции имелось несколько русских сатрожилычских деревень, в том числе поселок Сосновка, исторический для тувинцев п. Кочетово (бывшая деревня Атамановка), где был центр революционного движения в Туве, где была принята первая Конституция ТНР, п. Балгазик и др., в настоящее время имеет 70 % русского населения. [Тувинцы] живут уже свыше пятидесяти лет в соседстве с русскими и ныне вместе с ними работают во всех колхозах и живут в населенных пунктах; в п. Балгазик — центре колхоза «Пламя революции», в п. Алаак — центре колхоза им. Ленина³⁰¹ и в колхозе им. Буденного и др. В настоящее время всего в районе 7 крупных колхозов. В районе имеются две МТС — одна в п. Балгазик, другая — в центре района в п. Бай-хак. До 1955 г. в п. Балгазик была единственная в ТАО МЖС (машинно-животноводческая станция), которая ныне переоборудована в МТС. Эта станция обслуживает 2 колхоза, территориально близких к ней, а именно колхоз им. Жданова и колхоз «Пламя революции». Бай-хакская МТС обслуживает остальные 5 колхозов. В районе, кроме того, имеется совхоз «Элегест» и госхоз. В 1954 г. совхоз «Элегест» за отличную работу получил переходящее Красное Знамя Министерства совхозов СССР. В 1954 г. в районе засеивали зерновыми площадь в 10 тыс. га, в 1955 г. — 14 тыс. га. В 1955 г. только совхоз «Элегест» поднял 5 тыс. га целины. В этом же году впервые сеяли кукурузу, колхозы — 400 га, совхоз «Элегест» — 250 га. В районе процент поливных земель невелик. Колхозники применяют новейшие агротехнические мероприятия, в том числе снегозадержание³⁰². Район в основном имел в прошлом земледельческую направленность. В последние годы сильно выросло и животноводство. В течение последних семи лет в районе

³⁰¹ В колхозе им. Ленина преимущественно тувинское население.

³⁰² Уже несколько лет колхозы района сеют многолетние травы.

проводится работа по верблюдоводству (колхоз им. Ленина), по разведению тонкорунных овец. Большую роль в этом деле играет депутат Верховного Совета РСФСР т[оварищ Л.Т.] Нуждина — зоотехник колхоза «Красный партизан». Этот колхоз имеет центральный поселок на базе (основан в 1911 г.) старого русского п. Сосновка, расположенного в 3-х км от центра района — села Бай-хак на берегах р. Турген («Быстрая»). Колхоз «Красный партизан» образовался из слияния тувинского колхоза «Чагатай» и русского «Красный партизан». Тувинский ТОЖЗЕМ «Чагатай» существовал до 1948 г., когда он был переведен на устав сельхозартели, а в 1952 г. колхоз объединился с русским колхозом «Красный партизан». В настоящее время это крупное передовое хозяйство. В колхозе имеются две электростанции: ГЭС, работающая летом на реке, и ТЭС, работающая зимой на топливе. Станции дают энергию не только для освещения жилых домов и хозяйственных построек в поселке, но и для механизации многих работ. Колхоз имеет хорошо оборудованную пилораму, механизированный ток. На полях колхоза работают тракторы и самоходные комбайны. Колхоз имеет посеvy пшеницы, кукурузы, подсолнечника. Посевная площадь колхоза равнялась в 1954 г. 2 839 га. Средний урожай зерновых составлял 10,9 ц с га. В животноводстве колхоз развивает под наблюдением Чаданской опытной сельскохозяйственной станции тонкорунное овцеводство. Всего в колхозе в 1954 г. имелось 938 голов крупного рогатого скота, 6 тыс. овец, 255 коз, 508 коней, улучшенной породы — «верхнеенисейской» (иначе «тувинской упряжной»), представляющей собой помесь тувинской породы с русской сибирской.

Впервые в колхозе начали практиковать дойку коров без подсоса. У коров первотелок сразу принимают телят. Сейчас в колхозе уже мало старых коров, которых сосут телята. Это позволило сразу повысить надой молока. В 1955 г. общий план по району 850 л молока в год с коровы, что выполняется и этим колхозом, а в 1954 г. колхоз получал средний удой 579 л молока с коровы. В колхозе имеются две МТС. Однако поголовье крупного рогатого скота непородное. Лишь в 1955 г. были закуплены 3 симментальских бычка (10 месяцев и ½ году). Колхоз будет их растить до трехлетнего возраста, то есть до полного созревания. В 1955 г. в колхозе построен новый типовой коровник на 60 голов, оборудованный автопоилками. Организуется подвесная дорога для подачи корма, строится кухня, где установлен кормозапарник. Подведено электричество.

Все коровы еще в 1954 г. с 1 октября переводятся на стойловое содержание на зиму. Это значительно повысило удои. Коровы распределены и закреплены за доярками. В колхозах выделено и содержится в отдалении стадо бруцеллезных коров, их молоко идет на изготовление топленого масла, а отходы на выпойку свиней. Для больных коров созданы условия почти полной изоляции. Стадо обслуживают особые доярки и пастухи.

Построен на ферме здоровых коров типовой теплый телятник с родильным отделением, кухней для приготовления корма телятам, изоляторами и т.д.

Колхоз имеет тонкорунных метисных овец. В 1955 г. выделены элитные стада I, II и III класса. Для быстреего улучшения породы в 1955 г. будут проведены опыты искусственного осеменения с одновременным вливанием крови чистопородных овец.

Сейчас колхозники получают значительно больше шерсти, чем прежде. В 1954 г. было получено по 1,8 кг шерсти с овцы, а в 1955 г. — уже около 3 кг. В колхозах организована электрострижка. Стригут овец 2 раза в год. Весной с овцы стригут всю шерсть, осенью стригут лишь со спины и боков, оставляя шерсть на животе. Перед весенней стрижкой овец обрабатывают, моют «пропускают их через реку», как здесь говорят. Перед осенней — не моют из-за холодов. Пасут овец по-новому — большими отарами по 900 голов в каждой, которую пасет один чабан в смену. В отаре всегда держат 10–15 коз, так как «козы хорошо водят отару на пастбищах». Зимой овец держат в кошарах и кормят сеном и овсом. На подножном корму держат только валухов.

Колхозники получают шерсть на [в качестве оплаты за] трудодни. Обычно весенняя шерсть идет на сдачу государству, осенняя остается в колхозе. Из нее, кроме того, что дают на трудодни, тут же в колхозе валяют валенки. В колхозе имеются свои валяльщики. Валенки идут на продажу в самом колхозе.

Пастухи всех видов скота — тувинцы. Среди них имеются всеми уважаемые большие мастера своего дела, например чабан Куулар Торжу.

В колхозе успешно развивается птицеводство. В 1954 г. имелось 535 кур, в 1955 г. около 1,5 тыс. кур породы белый леггорн. Колхоз имеет свиней (1954 г. — 216 голов).

Все колхозники имеют коров в личном пользовании. Тем, кто не имел их, колхоз выдал в счет трудодней. Всем тувинским хозяйствам было выдано по шестимесячному поросенку, учитывая, что для тувинцев свиноводство — дело новое и они не имеют навыков выпаживания поросят.

Тувинцы из колхоза «Чагатай» в настоящее время живут в том же п. Сосновка вместе с русскими. После объединения дома тувинских колхозников были свезены в этот поселок. Сейчас в колхозе всего 162 хозяйства с населением 634 человека, из коих 228 трудоспособных. Почти все колхозники, за исключением девяти хозяйств, имеют типовые жилые дома в поселке. В каждом есть электричество и радиоточка. Тувинцы, как и русские, имеют огороды на приусадебном участке.

Для примера скажем несколько слов о семье рядового тувинца колхозника Тамбу Оюна, члена строительной бригады колхоза. У него типовой дом с двумя комнатами, кухней, сенями, где имеется кладовка. В доме городская мебель — кровати, табуретки, скамьи. Обогревается дом русской

печью. Кровати с матрасами покрыты одеялами. Семья имеет швейную машину, много городской покупной посуды. Одеваются в городскую одежду, лишь верхнее платье — осенний и зимний халаты — национальное (у женщин). Около дома имеется приусадебный участок, огороженный жердями. Здесь огород и помещения для личного скота. Во дворе бродят десятки кур, поросенок, корова, теленок. Мы посетили этот колхоз осенью. Хозяин только что снял со своего огорода картофель и сушил его прежде, чем спрятать в подполье. «Картофеля хватит на всю зиму», — сказал он. А семья его немалая — 8 человек детей. Жена имеет медаль «За материнство». Вся семья в 1954 г. выработала 450 трудодней. На трудодень было получено свыше 2 руб. деньгами, по 3 кг зерна, по 0,5 кг картофеля, мед³⁰³, арбуз, шерсть. Дети-школьники учатся тут же, в поселке, в школе. В колхозе две школы-семилетки, русская и тувинская. Семья живет хорошо, хотя работает в основном отец, мать имела всего 130 трудодней, как и все семьи в колхозе. Не живут в домах только те семьи, которые постоянно кочуют по колхозным пастбищам со стадом, табунами.

Колхозники имеют достаточные запасы продовольствия, и правление колхоза борется с тем, чтобы они не продавали их на рынок, так как тем, кому не хватает зерна, овощей и прочего, колхоз выдает из своего общего дохода, что снижает денежный доход всего колхоза.

Не забыты здесь и старые промыслы. Богатейшее рыбное озеро Чагатай прежде совсем мало использовали, так как тувинцы Оюн считали «грехом» ловить и потреблять рыбу. Русские переселенцы развили здесь промысел. Сперва тувинцы ели только ту рыбу, которую им приносили русские «в подарок». Ныне колхозные бригады, в состав которых входят и русские, и тувинские колхозники, вместе промышляют рыбу. Охотничьи угодья колхозов расположены в других районах, куда колхозники ходят на промысел. Главные объекты охоты — белка, волки, медведи, колонки, рыси, лисицы. За соболем ходят отдельные охотники очень редко. В этом районе охота в хозяйственном комплексе играет незначительную роль.

В колхозе при таком развернутом хозяйстве чувствуется нехватка рабочих рук. Поэтому поднятие производительности труда наличных колхозников (следует учесть, что многие временно выбывают на учебу, в декретные отпуска, в армию и т.п.) — первоочередное условие дальнейшего подъема хозяйства. Дружно трудятся тувинцы в общем хозяйстве, выполняя наравне с русскими все работы. Трудовая дисциплина, как правило, высокая. Многие тувинцы-чабаны, строители, работники МТФ имеют по 1 тыс. и более трудодней (1955 г.), что говорит о высокой сознательности, самоотверженном труде.

³⁰³ Колхоз имеет свою пасеку 70 ульев. У двух русских колхозников есть личные пасеки.

В колхозе имеется постоянный агроном. Т[оварищ Л.Т.] Нуждина (депутат Верховного Совета РСФСР) работает в колхозе веттехником, с увлечением проводит новейшие мероприятия в овцеводстве не только своего колхоза, но и во всем районе. Она сообщила, что часто тувинцы-колхозники проявляют большую сознательность, чем русские старожилы. Так, летом тувинцы-школьники работали во время каникул, по мере сил помогая колхозу. Русские школьники не работали, большинство матерей «не пустило ребят в поле». Очень хорошо работает в колхозе молодежь. Если пожилые колхозники, например доярки, еще не умеют соблюдать должную чистоту, режим, то молодежь с большой охотой выполняет все предписания, стремится к новому. Большинство тувинцев, особенно мужчины, и вся молодежь говорят по-русски. Среди пожилых людей многие русские говорят по-тувински, молодежь и женщины «слушат», но говорят мало. Среди пожилых русских и тувинцев имеются неграмотные, малограмотные, молодежь вся грамотная. Летом ежегодно в колхозе организуются сезонные ясли, что дает возможность женщинам принимать участие в общественных работах. Зимой ясли закрываются, так как «никто не носит туда зимой детей».

В колхозе имеется большой клуб с киноустановкой. В 1954 г. колхоз получил общего дохода свыше 800 тыс. руб. Неделимый фонд колхоза равнялся 1 346,9 тыс. руб. На примере этого колхоза ясно виден благоприятный результат слияния русских колхозов с тувинскими. При постоянном общении с русскими колхозниками тувинцы быстро овладевают передовыми методами ведения хозяйства, переходят к оседлому образу жизни; повышается культурный уровень и благосостояние тувинцев.

В таких колхозах района, как «Пламя революции» и им. Жданова, где с русскими живут и работают разные группы тувинцев Оюны, Чооду и Сояны, прежде разобщенные между собой, стираются различия в быту и культуре этих групп.

Русские пришли в эти места в начале нашего [XX] века. Так, п. Байхак, центр нынешнего района, начал строиться с 1903–1904 гг. Но большинство населения пришло в 1919 г. и в 1924 г. с Уюка. Большинство приезжали сюда на работу на золотые прииски Арголык Джинга, семьи оставляли «хозяевать», то есть крестьянствовать. Русские сеяли пшеницу³⁰⁴, разводили огороды, ходили на рыбалку и на охоту. Крестьяне-нестароверы дружно жили с тувинцами, взаимно помогали друг другу. Староверы (например, в той же д. Сосновке) относились к тувинцам недоброжелательно, за что и тувинцы отвечали им запретами рыбачить на оз. Чагатай и т.п. Русские, поселившись здесь, редко выезжали с насиженных мест. Даже для выполнения церковных обрядов далеко не все выезжали. Редко кто ездил

³⁰⁴ Тувинцы прежде здесь сеяли в основном просо. Потому охотно покупали у русских пшеницу на «талкан».

в Туран или в Усинские деревни в церкви из-за дальности расстояния и трудности пути. Сравнить рассказы старожилков о том, как сами они и кочевавшие тувинцы жили здесь прежде, с тем, что видим сейчас, — это, значит, понять все величие национальной политики Советского Союза, ее жизненность и прогрессивность. Деревянные плуги, которыми пахали и русские, и тувинцы свои земли, и самоходные комбайны, тракторы, работающие на площади в тысячи [гектар], заброшенные русские деревни, оторванные от всего мира, и современные колхозные поселки, связанные автомобильным, воздушным транспортом, радио, телефонной связью со всей Областью и со всем Советским Союзом. Электричество, газеты, книги, школы, кино, врачи, агрономы, веттехники — вот новое, принесенное мудрой ленинской национальной политикой СССР.

Примером [В качестве примера] крупного хозяйства в Тесь-хемском районе приведем колхоз им. Ленина. Поселок колхоза стоит по р. Теректыг-хем («Тополевая»). В нем объединились 330 дворов всего с населением 1 450 человек, из них трудоспособных — 650 человек.

В колхоз вошли исключительно тувинские аратские хозяйства; русских на территории Тесь-хема не было до революции, и сейчас русские — в основном специалисты в различных отраслях знания. В колхозе совместно живут и работают тувинцы группы Оюн, Чооду, Шалык, Сартул. В 1955 г. колхоз им. Ленина слился с колхозом им. Молотова. Из последнего люди частично переселились на территорию поселка колхоза им. Ленина, частично остались в своем поселке, который полностью сохранен, так как планируется организация крупной МТФ. Колхоз имеет большое поголовье скота: 2 348 голов крупного рогатого скота (в том числе 720 дойных коров), 15 762 овцы (в 1954 г. были приобретены для улучшения породы местной овцы тонкорунные производители), 5 670 коз, 2 015 коней (в том числе 400 рабочих). Для улучшения породы местной тувинской лошади в 1952 г. был куплен жеребец донской породы. С 1952 г. впервые сдавали свинину государству; с этого же года стали разводить птицу и в 1955 г. имели 469 кур. Кроме того, в колхозе имеются 17 голов верблюдов.

Все колхозники имеют скот в личном пользовании — коров и овец. Беднякам колхоз выделял скот как аванс на трудодни. Почти все колхозники держат по 5–10 кур. Очень интересуются разведением свиней, но еще не умеют их выращивать.

Колхоз имеет посевы зерновых. В 1955 г. сеяли [на] 1 049 га просо, ячмень, овес и пшеницу (600 га). Впервые в этом году сажали кукурузу на площади 38,5 га. Сняли хороший урожай, засилосовали. С 1954 г. стали сажать картофель. В 1955 г. под картофель заняли 16 га. В этом же году впервые посадили овощи на 4,5 га. В колхозе постоянно работает агроном (русский). За успехи в полеводстве и животноводстве колхоз в 1955 г. был участником ВСХВ.

В связи с укреплением колхозов встал вопрос о скорейшем обеспечении колхозников жилыми домами, расширении животноводческих построек. Организована строительная бригада в 130 человек. В колхозе не имеют домов 70 семейств.

Имеется охотничья бригада 30–40 человек. Однако охотничьи угодья колхоза находятся далеко, в Каа-хемском районе. Основные охотники относятся к группе Чооду. Они ходят на охоту круглый год. На ближайших угодьях добывают тарбаганов, сурков, маралов. В далекой тайге — белок, лисиц и пр. Тесь-хемская группа Чооду относится к Кара-Чооду. Они, по словам стариков и тувинцев других групп, никогда оленей не имели (подобно тоджинским Кара-Чооду-оленеводам). Их «коренные» земли здесь, в Тесь-хеме, где они занимались земледелием и животноводством. Пахали землю на волах деревянной сохой — «андазын». Сошники покупали у китайцев. Потом сами тувинские мастера стали их изготавливать. Трудно было достать железо.

Между Соян, Чооду и Шалык имелась разница в языке, в религиозных обрядах. Так как совместную жизнь все эти группы начали сравнительно недавно, то в среде людей пожилого и зрелого возраста это различие еще имеет место. Молодежь, учившаяся в школе (в колхозах имеется школа-семилетка), особенно выезжавшая в областной центр на несколько лет, усваивает центральный литературный диалект. Прежде Шалык были двуязычны: знали и тувинский, и монгольский. Между собой говорили по-тувински, при сношениях с монголами — по-монгольски. Теперь монгольский язык знают только старики.

В колхозе всемерно вовлекают в общественную работу женщин. В 1955 г. были организованы сезонные ясли.

При раздельном существовании оба колхоза были малопродуктивны, слияние этих колхозов создало значительно лучшие условия для развития хозяйства.

Мы привели примеры строительства колхозов из нескольких районов ТАО³⁰⁵. Их можно было бы привести еще и еще больше. Но из рассказанного нам представляется ясно, что в ТАО идет единый процесс нового социалистического строительства, который во многих основных чертах общий для всех ее территорий. В очень короткий срок кочевое, единоличное, натуральное хозяйство Тувы реорганизовано в крупные коллективные хозяйства, продукция которых становится все более товарной. В этих хозяйствах развивается комплекс хозяйственных отраслей, в том числе совсем новых для тувинцев-аратов. Старые хозяйственные отрасли реорганизуются на новых научных основаниях путем внедрения прогрессивных методов.

³⁰⁵ См. приложение.

Коллективный способ ведения хозяйства, обеспечение специалистами, опытная работа Чаданской сельскохозяйственной станции изменили старые методы ведения основной отрасли хозяйства Области — животноводства. Введение новых приемов: разработка маршрутов на пастбищах, заготовка различных кормов, перевод скота на стойловое содержание, племенная работа — повысили качество местного тувинского скота.

Тувинское животноводство за последние годы определилось в основном как овцеводческое. Большой удельный вес в стадах колхозов составляют овцы и козы. В Области много овец улучшенной породы. Лучшие результаты дает скрещивание черной местной породы овцы с каракулевыми, а белой местной овцы — с тонкорунной алтайской. К 1953 г. в 58 колхозах Области было свыше 32 тыс. каракулевых овец. Метисы уже в третьем поколении дают полутонкорунную или однородно тонкорунную шерсть в двойном, против местной овцы, количестве. Чаданская сельскохозяйственная станция получала с отдельных баранов до 7 кг шерсти высокого качества. Передовые колхозы дают настриг шерсти до 3 кг с одной овцы.

В 1956 г. значительных успехов добились чабаны колхоза им. Ленина Тандинского района, получившие по 2,8 кг от каждой овцы. В колхозе «30-летие Октября» Дзун-хемчикского района чабан Монгуш Сандык получил по 3,8 кг от 610 баранов.

Повсюду в колхозах введена вторая стрижка овец — осенняя, прежде проводившаяся в отдельных колхозах (в основном с русским населением). С 1953 г. колхозы приступили к искусственному осеменению овец. Новым мероприятием в колхозах является перенос сроков расплода овец с весны, как это было прежде, на зиму и раннюю весну. Для этого проводилось усиленное строительство теплых кошар и заготовка кормов. Чабаны-тувинцы считают, что от этого мероприятия увеличится выход шерсти и улучшится качество молодняка. Сроки случки переносятся для этого на месяц раньше.

Колхозы от каракулевых овец получают смушки. Однако еще в 1953 г. из-за плохой обработки шкурки принимались низкими сортами, что значительно снижало доходы колхоза.

Значительно развилось свиноводство. В 1955 г. в Области вырастили сверх плана 2,5 тыс. голов свиней. Свиноводство позволит колхозам экономить поголовье овец и коз, мясо которых пока сдается государству в счет мясопоставок.

Многие предрассудки тормозили проведение новаторских методов в животноводстве, особенно в отношении крупного рогатого скота. Так, существовало мнение, что тувинских коров без подсоса раздаивать нельзя, что тувинский скот «привык» к круглогодичному пребыванию под открытым небом и не может вынести стойлового содержания. Таким же неверным представлением является установившееся мнение, что местная порода

коров «поздно созревает» и первый растел должен быть в возрасте 3,5–4 лет. Это объясняет малое количество коров в стадах колхозов, невыполнение плана развития маточного поголовья (40 % ко всему поголовью).

Однако уже в 1953 г. некоторые колхозы и Чаданская сельскохозяйственная станция добились от местной породы коров хороших удоев молока (до 2–3 тыс. л в год), доказав, что при соответствующем уходе продуктивность местной породы коров может быть значительно улучшена. Доярка т[оварищ] Пестова (колхоз «Красный пахарь» Пий-хемского района) в 1953 г. надоила от каждой коровы по 1 500 л молока. В 1956 г. этот колхоз занял в социалистическом соревновании по Области первое место. В среднем от каждой фуражной коровы было надоено по 1 633 л молока. Передовая доярка колхоза товарищ Завьялова надоила от закрепленных за ней коров по 2 425 л молока. Улучшенная племенными сementальскими и другими качествами местная порода крупного рогатого скота значительно повысила свои мясные показатели (вес и качество мяса).

В Области проводится работа по улучшению местных коз путем метисации их с ангорскими и пуховыми породами.

В Области разивается птицеводство. В 1953 г. было уже свыше 14,5 тыс. кур. Однако яйценосность их была еще низкая.

Успехи, достигнутые тувинским народом в деле развития животноводства, отражены в обязательстве ТАО — сдать государству в 1956 г. досрочно сверхплана 2 тыс. т молока, 150 тыс. т шерсти.

ТАО включилась в общегосударственный план по поднятию целинных земель. Это сразу повысило производство зерна в Области. В 1956 г. ТАО обязалась и выполнила свое обязательство досрочно сдать государству сверхплана 600 тыс. пудов зерна. Колхозники получают значительно больше зерна на трудодень. В 1955 г. колхозники артели им. Ленина (Улуг-хем) получили авансом на трудодни 48 т хлеба /Т.П. [Е.П.(?)] 1955, 7 сентября/. С 1954 г. колхозники сеяли кукурузу, в 1955 г. многие колхозы получили богатый урожай этой культуры. Колхоз им. Сталина (Улуг-хем) получил даже зрелые початки. В некоторых колхозах стебли кукурузы достигли двухметровой высоты, что дало большое количество зеленой массы для силоса. Колхоз «Новый путь» Эрзинского района заложил свыше 3 тыс. т силоса с 14 га кукурузы. До 1954 г. на силос шли дикорастущие травы.

Большое значение имеют для Области посевы многолетних трав, улучшение пастбищ, а также для повышения урожайности зерновых — работа по выращиванию сортовых семян. В настоящее время эта работа еще широко не развернута. В 1953 г. в Области только 9,7 % посевной площади в совхозах и 6,8 % в колхозах засеивались сортовыми семенами. В 1955 г. в Тандинском районе уже 45 % колхозных полей были засеяны сортовыми семенами, что дало положительный результат.

Все огромные успехи тувинского народа достигнуты под руководством коммунистической партии Советского Союза. В Области в 1953 г. свыше 3 тыс. коммунистов работали в 122 первичных организациях колхозов, совхозов и МТС. Среди них много женщин. Например, в колхозе им. Сталина (Бай-тайга) из 63 коммунистов колхозной парторганизации половина были женщины. Настоящими помощниками коммунистов являются комсомольцы. В колхозах в 1953 г. было свыше 5 тыс. комсомольцев. Из них 86 человек были членами правления колхозов, 63 человека — членами ревизионных комиссий, 4 комсомольца выполняют ответственный труд председателей колхозов. Многие комсомольцы являются бригадирами полевых, животноводческих и прочих бригад.

В парторганизации передового колхоза им. Кочетова (Пий-хемский район) — 30 коммунистов. Из них 25 человек заняты непосредственно на производстве. Они везде являются примером образцового отношения к труду. Коммунист чабан К. Чамбыл выработал по уходу за овцами около 700 трудодней. Коммунисты работают в строительной бригаде. По их инициативе на строительстве широко внедрено социалистическое соревнование, что дало хорошие результаты. В течение 1955 г. были построены птичник на 1,5 тыс. голов, 5 жилых домов на животноводческих фермах, 36 домов в поселке, закончено строительство гаража на 6 автомашин, телятника на 75 голов, мельницы, овощехранилища и пр. В колхозе часто проводятся партийные собрания.

Нет сомнения, что в колхозах ТАО имеется целый ряд существенных недостатков, тормозящих развитие их хозяйства. Их не может не быть. Вопрос идет о коренной ломке веками бытовавших уклада, культуры и сознания людей.

Со свержением власти феодалов-эксплуататоров, с уничтожением частной собственности на орудия производства и землю экономика тувинского народа в корне изменилась. Руководство осуществляется представителями трудящихся тувинцев с помощью представителей русского населения, имеющих общие экономические интересы, общую цель — достижение наибольшего благосостояния народа и расцвета культуры, как [к чему стремится] и весь тувинский народ, входящий в семью народов СССР. Закон планомерного развития социалистической экономики находит свое выражение в планировании всех отраслей хозяйства в Области. Ряд важнейших постановлений ЦК КПСС имеет особое значение и для экономики Области; руководствуясь ими, партийные и советские организации Области стремятся к наиболее рациональному размещению отдельных отраслей хозяйства и к наибо́льшему их подъему. Развитие экономики Области теснейшим образом связано с реконструкцией быта населения.

В корне изменилось распределение населения на территории Области. На пустых местах в степях и горной тайге выросли колхозные оседлые

поселки, колхозники переселились в дома с электрическим светом, городской мебелью и т.п.

В 1956 г. на VII пленуме Областного совета депутатов трудящихся в докладе зам. председателя подчеркивается, что в настоящее время большинство аратов, прежних кочевников, ныне перешло на оседлость. Партия и правительство оказало большую помощь тувинскому народу в этом деле. С 1949 по 1956 г. на строительство жилых домов колхозников выделено 12,5 млн руб. ссуды, в том числе 4,5 млн безвозвратных ссуд. С 1951 г. построено свыше 5 тыс. жилых домов в колхозах. Строительство продолжается. С переходом на оседлость в корне изменяется культура быта аратов.

Научные учреждения Области занимаются изучением экономики, пропагандой передового опыта в сельском хозяйстве. В ТНИИЯЛИ организован сектор экономики, который работает в тесном контакте с практиками — работниками сельского хозяйства и промышленности. В «Записках» института печатаются статьи, осещающие отдельные вопросы колхозного строительства. Выпущен ряд работ по социалистическому переустройству экономики Области. Таковы монографии о колхозе «Путь к коммунизму», написанная коллективом авторов, в том числе практиков сельского хозяйства, «Переход аратов на оседлость» Л.В. Гребнева, «Образование Тувинской автономной области» Х.М. Сейфулина и ряд других.

Вопросам развития сельского хозяйства посвящаются работы Чаданской сельскохозяйственной станции. В местной областной газете систематически публикуются материалы по работе колхозов, совхозов, промышленных предприятий. Специалисты сельского хозяйства выступают с научно-популярными статьями по отдельным вопросам.

Глава XIII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТУВИНЦЕВ

Письменность

Развитие социалистической тувинской национальной культуры стало возможным лишь с созданием тувинской письменности и с рождением литературного языка. Тувинский народ не имел до 1930 г. своей письменности. Трудовое население было неграмотным. Едва 1,5–2 % зажиточного класса знали грамоту на монгольском и тибетском языках. В стране не было светских школ, больниц, культурных учреждений. Имелось в 1926 г. 26 ламских монастырей и свыше 5 тыс. лам и шаманов³⁰⁶.

Молодой республике, стоящей перед задачей коренного социалистического переустройства культуры, экономики, быта освобожденного народа, как воздух, нужна была грамотность, кадры из среды самого трудящегося народа. Народ сознавал острую потребность в знании.

Особое значение в деле культурной революции в Туве имел VIII съезд ТНРП (октябрь 1929 г.). В решениях съезда указывалось на исключительную роль народного образования, ликвидации неграмотности среди трудящихся аратов, отмечалась необходимость решительных действий в этих областях социалистического строительства, без которых невозможно привлечь широкие массы трудового народа к управлению государством, невозможно вырвать их из-под тормозящего влияния духовенства, старых традиций, предрассудков. Состояние грамотности в ТНР демонстрировали делегаты VIII съезда ТНРП. Из 148 делегатов 100 человек были вовсе неграмотны, 38 малограмотны и 10 знали монгольскую грамоту. Также или еще хуже было знание русского языка в массах трудящихся. Из 148 делегатов только 7 человек владели русским языком. VIII съезд ТНРП принял решение о конфискации имущества и лишении прав лам и феодалов и в то же время о необходимости привлечения на сторону трудового народа множества лам низших ступеней, являвшихся выходцами из трудового крестьянства, а в монастырях — прислужниками у высшего духовенства. Съезд обратился к ЦК КПСС [ВКП(б)] с просьбой оказать помощь в создании тувинской письменности. По указанию ЦК КПСС [ВКП(б)] проект тувинской пись-

³⁰⁶ Архивные данные первых лет ТНР не точны. В различных работах тувинских исследователей приводятся неодинаковые цифры: 25, 26, 30 монастырей.

менности был разработан работниками КУТВ и НИАНКП (Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем). 28 июня 1930 г. правительством ТНР был издан декрет, утверждающий новотюркский латинизированный алфавит в качестве государственной письменности республики. Сотрудниками НИАНКП был создан и послан в ТНР первый букварь на тувинском языке. Все делопроизводство велось на этом языке. Республиканская газета «Үнен» («Правда») также издавалась на монгольском языке. Летом 1931 г. был полностью закончен перевод делопроизводства на тувинский язык, ставший государственным языком [прим. 1].

В 1930 г. Ученым комитетом при Малом Хурале ТНР в основу тувинской письменности, тувинского литературного языка был предложен говор центрального (Дзун-хемчикского) хошуна. Правительственная комиссия по делам создания письменности ТНР приняла это предложение. В 1930 г. вышел первый номер газеты «Шын» («Правда») полностью на тувинском языке.

Практически в основу тувинского литературного языка положен среднетувинский диалект, представляющий собой совокупность говоров населения долины Улуг-хема от г. Шагонара до п. Чиргака.

Нужно отметить, что изучение диалектов тувинского языка только начато. В 1955 г. впервые с разведывательной целью была направлена в северо-восточный район Тувы (в Тоджу) группа сотрудников ТНИИЯЛИ для предварительного ознакомления с диалектом восточной группы тувинцев в Тодже, Тере-хөле и других районов ТАО. Собранный материал позволяет предварительно отметить (что, впрочем, отмечалось и дореволюционными исследователями, и в особенности Н.Ф. Катановым), что диалект восточной группы тувинцев (в частности, тоджинцев) имеет значительные отличия как по словарному составу, так и по некоторым фонетическим и грамматическим отклонениям от среднетувинского и других диалектов ТАО. При этом необходимо отметить, что и внутри восточной группы тувинцев (тоджинцев и части тере-хөльцев) имеются существенные различия в говорах. Например, скотоводческие группы (ныне Кол) отличаются по говору от оленеводческих групп Чооду и Соян. В Тере-хөле различаются говоры Иргитов, Хертэков, Соян и Чооду. Между Чооду в Тере-хөле и Эрзине, Тесь-хеме также имеется разница в говорах. На западе диалект групп Иргит, Хертэк, Күжүгет, Саая отличается от среднетувинского диалекта. В южных районах Овюр, Мөнгун-тайга, Эрзин тувинский язык включает в себя [имеет] значительно большее количество монгольских слов, в нем заметнее влияние монгольской фонетической системы. Группа Кыргыз в Тере-хөле, Эрзине хорошо владеет монгольским языком, плохо знает тувинский. Дома, в быту говорят по-монгольски. Ребята-дошкольники вообще не знают тувинского языка. Старики и некоторые семьи колхозников

Кыргыс, недавно пришедшие из Монголии, также совсем не говорят по-тувински. Председатель колхоза (например, «Сталинский путь», Эрзин) принужден объясняться с ними через переводчика. Еще два-три года тому назад дети группы Кыргыс только в школе начинали осваивать тувинский язык. До сего времени эти ребята на уроках в школе говорят по-тувински, но на переменах, дома — по-монгольски (например, в колхозе «Красная звезда», Эрзин. Наблюдения сотрудника ТНИИЯЛИ т[оварища] Сат Шулу, участника нашей экспедиции в 1955 г.). Таким образом, восточная группа Кыргыс лишь в последние годы овладевает тувинским языком; до недавнего времени (а у нескольких семейств еще и в 1955 г.) монгольский язык для них был родным языком. Наряду с тувинским все больше овладевают Кыргыс русским языком, через школу, так как русского населения в этих районах мало.

Наличие большого количества диалектов и говоров в тувинском языке — естественное наследие прежней феодальной раздробленности отдельных групп населения друг от друга, следствие отсутствия средств связи. Значительнее всех изолированы были восточные оленеводческие группы тувинцев, и потому самая большая разница существует между восточными и другими диалектами Тувы. Различия западных и южных диалектов от среднетувинского значительно меньше. Приезжающие в Тоджу с запада, из центра Области тувинские специалисты, учителя, медработники, специалисты сельского хозяйства первое время с трудом понимают местный диалект.

Среднетувинский диалект, взятый в основу [ставший основой] литературного тувинского языка, — это диалект основной массы тувинского населения. На территории распространения говоров среднетувинского диалекта наиболее сплоченное ядро тувинского народа. Здесь происходил и происходит в основном процесс консолидации тувинского народа, создание тувинской культуры с ее наиболее характерными особенностями. Литературный язык, развиваясь, впитывает в себя наиболее ценное из других местных диалектов, обогащается включением слов из других языков — монгольского и особенно русского. Русские заимствования накапливались в тувинском языке на протяжении более века, расширяясь по мере развития связи тувинского и русского народов.

За годы социалистического переустройства экономики и быта тувинского народа вместе с новыми явлениями, предметами быта, техникой, новыми отношениями между людьми, мощной волной входящими в жизнь, в тувинском языке появились новые слова, отражающие новые понятия. Эти слова ими приобретались путем заимствования из русского языка (огромное большинство), либо путем нового словотворчества из материала своего языка, либо путем изменения смысла старого термина, замены новым смыслом.

С возникновением письменности и литературного языка стало возможным развитие литературы, театра, прессы, науки, образования, всеобщей грамотности и т.д.

Постоянную помощь в развитии социалистической культуры тувинцев оказывал Советский Союз. В 1930 г. по просьбе экономической делегации ТНР СССР дал долгосрочный кредит в сумме 85 тыс. руб. на оборудование в республике типографии, 150 тыс. руб. на постройку нескольких типовых школ с интернатами. На средства СССР в помощь тувинскому народу были построены первые школы, больницы, клубы, радиостанция, музей, библиотека и т.п. Эта братская помощь скрепила дружбу тувинского и русского народов, явилась ярким воплощением в жизнь ленинской национальной политики.

Перед тувинским народом, впервые освободившимся от гнета и эксплуатации, взявшим свою судьбу в свои руки, в деле поднятия культуры встали трудные задачи, в первую очередь ликвидация массовой неграмотности и организация сети народного образования, создание своих национальных кадров для всех отраслей хозяйства и культуры.

Народное образование

Мы упоминали, что в Туве до революции не было светских школ. Имелись ламские монастыри, где и проводилось обучение молодежи.

В каждом монастыре, кроме лам, находились ученики в возрасте от 8 до 20 лет³⁰⁷. Трудовое население Тувы отдавало своих сыновей на обучение в монастыри только по принуждению. В монастыре в течение 12 лет ученики проходили ряд посвящений (хуварак, кечил, хелин), каждый раз принимая бесчисленные обеты (воздержания, безбрачия и т.п.). Все эти обеты были лишь формальным ограничением. На деле праздная жизнь лам, деятельность, основанная на обмане и вымогательстве, развивала в них далеко не высокие моральные качества. Ученики лам обслуживали их: заготавливали дрова, приготавливали пищу и т.п. Обучение состояло в заучивании молитв и изучении тибетской грамоты. Некоторое время отводилось на пение молитв, обучение игре на бубне, трубе и других ритуальных музыкальных инструментах. За невыполнение задания ученики подвергались жестокому наказанию. Зубрежка и палочная дисциплина — наиболее существенные черты обучения в ламских монастырях.

Кроме учебы ученики принимали участие и в богослужениях. Редко ученики из бедного населения достигали степени монаха — хелин. На их долю доставались особо тяжелые, грязные работы в монастырях. Многие

³⁰⁷ О народном образовании в Туве написана работа Н.А. Сердобовым (кандидатская диссертация) и напечатана в несколько сокращенном варианте (Сердобов, 1953). Материалами этой работы мы частично пользуемся в данной главе.

не выдерживали и убегали домой. Часть ребят гибла в пути, но и тех, кто благополучно находил родных, эти последние, боясь гнева лам, чиновников, вновь отвозили в монастырь. Обучение в тувинских монастырях было лишь начальной ступенью. Далее дети богачей и чиновников продолжали образование в ламских [монгольских] монастырях. И здесь обучение сводилось к зазубриванию толстых томов буддийских молитв. Тувинские ламы редко продолжали свое обучение. Но и те, которые прошли курс учения в монгольских монастырях, были глубоко невежественными людьми. Как мы приводили выше высказывание профессора В.В. Бунака, тувинские ламы не знали смысла зазубренных молитв, значения выполняемых обрядов. Тем менее им были известны элементарные сведения каких-либо наук. Лучшие из лам занимались историей по древним монгольским летописям. Нам часто приводилось слышать рассказы стариков о том, как ламы в своей семье зимними вечерами рассказывали сведения о древней истории монголов и тувинцев. Знали ламы и кое-какие лечебные свойства дикорастущих трав, которыми они лечили народ. И поныне многие из этих трав употребляются народом. Для лечения разных заболеваний. На некоторые из этих растений обращено внимание медицинских работников (например, артыш, верблюжий хвост и др.).

Монастырские ламские школы ни в коей мере не являлись средством народного просвещения, наоборот они способствовали угнетению трудового народа, воспитывали молодежь в духе покорности поработителям, «забывали» стремление к свободе. Монастри лежали тяжелым экономическим бременем на плечах трудового народа, усиливая его обнищание, так как монастыри [они] строились, ремонтировались, содержались на средства народа. За обучение детей в монастырях, за выволнение ламами религиозных обрядов трудящиеся вносили большую плату. Араты предпочитали для совершения обрядов звать шаманов. «Ламу позовешь, он один не придет, обязательно придут два, а то и три ламы. А всем нужно платить, кормить. Шаман же придет один, одному ему только и платили», — рассказывали нам араты.

Первые годы ТНР (до 1930 г.) пробравшиеся к власти феодалы и ламы игнорировали требования народа создать национальную письменность и светские школы. Ламы и шаманы распространили в массе трудящегося народа идеи о вреде, греховности светской школы. В 1928 г. в г. Кызыле состоялся съезд лам, на котором указанные выше положения были высказаны рядом ораторов-лам. При поддержке феодалов в правительстве ТНР (нойонов [М.] Буян-Бадорху, Соднама и др.) ламы требовали массового привлечения тувинской молодежи в монастырские школы, для обучения ее тибетской грамоте и воспитания в ламаистских традициях. Обсуждался на съезде лам вопрос об отмене телесных наказаний учеников. Выступление лам, воспротивившихся этому мероприятию, характеризовало ламскую

школу. «Если отменим телесные наказания, то в монастырях у нас никого не останется», — заявляли ламы.

Первый период развития народного образования в ТНР проходил в тяжелой, неустанной борьбе народа с противодействием феодалов и лам, использовавших все средства для запугивания населения. Советское правительство с первых лет пришло на помощь ТНР в деле культурного строительства. С 1924 г. Тувинское республиканское правительство посылает учащихся в учебные заведения в СССР. Состояние народного образования в ТНР до 1930 г. характеризуют резолюции VIII съезда ТНР, где говорится, что «народное образование стало разветвляться лишь с 1926 г.». К началу 1929 г. в ТНР было всего 3 школы первой ступени, где учились 160 детей зажиточного слоя населения. Эти школы мало отличались от монастырских школ, ибо учителями в них были 6 лам. Обучение велось на монгольском языке и носило явно религиозный характер.

К 1930 г. в молодой республике имелось 7 начальных школ, где обучались 450 человек. Однако ни одна из этих школ не имела постоянного помещения, не была оборудована. Не было и кадров учителей. В ряде местностей по инициативе аратов возникают школы, содержащиеся на средства самого населения. Феодално-байские элементы в правительстве ТНР, не заинтересованные в развитии социалистической национальной культуры тувинцев, ассигновали на культурное строительство мизерные суммы. В 1927–1928 гг. было выделено 5 % государственного бюджета (несколько больше 25,5 тыс. руб.).

1930 г. явился переломным для молодой республики. Феодалы и ламы были лишены власти, имущество их конфисковано, в том числе и имущество монастырей. Монастыри закрываются; с 1935 г. их остается 4, к 1937 г. — ни одного. Создается тувинская письменность. Под руководством Тувинской народно-республиканской партии и республиканского правительства с помощью СССР в республике началась работа по ликвидации неграмотности населения. Создавались курсы ликвидаторов и кружки по изучению грамоты. Занятия происходили в юртах, чумах и под открытым небом. Создается общество «Долой неграмотность!», имевшее отделения во всех хошунах, руководящее обучением взрослого населения³⁰⁸.

Учиться хотели все, а ликвидаторов неграмотности было мало. Не хватало букварей и письменных принадлежностей. Буквари переходили из рук в руки, из юрты в юрту. Люди старательно перерисовывали все страницы, зачастую еще не зная, как читается первая буква. Те, кто не хотел ждать, пока наступит его очередь учиться, брали продукты, на конях ехали туда, где уже проводились занятия. Когда не было бумаги и каран-

³⁰⁸ Впоследствии это общество было распущено. Министерством культуры были созданы штатные ликпункты.

дашей, писали на самодельных зачерненных досках или палочками на земле.

К 1937 г. в ТНР имелось 77 штатных ликпунктов и более 2 тыс. кружков по ликбезу. Первыми культурно-просветительными учреждениями в ТНР были «красные юрты», которые также вели работу по ликвидации неграмотности, а с 1933 г. — и обучение малограмотных. Началось строительство школ. К этому делу были привлечены широкие слои трудового народа. С 1930 по 1940 г. методом народной стройки было возведено 235 школьных зданий. Неуклонно росли ассигнования на народное просвещение. В 1924 г. они составляли 20 400 акша³⁰⁹, в 1931 г. — 290 100 акша, а в 1944 г. — 2 200 тыс. акша. Кроме строительства школ методом народной стройки за тот же десятилетний период за счет бюджета было построено 22 школы. Строительство того периода несло на себе следы отсутствия [отличалось отсутствием] строительного опыта и было низкого качества, особенно в отдаленных хошунах.

Руководство всем культурным строительством в ТНР до 1930 г. осуществлялось Министерством внутренних дел. В 1930 г. было создано Министерство культуры, которое в 1941 г. разделилось на Министерство народного просвещения и Министерство здравоохранения.

Система народного образования в ТНР строилась по примеру СССР. Основным звеном являлась школа для детей в возрасте от 8 до 17 лет. В ТНР существовали 3 типа школ: школы-интернаты, школы приходящего ученичества и летние школы. Первый тип школ был обусловлен кочевым образом жизни трудящихся Тувы. Школы-интернаты позволяли родителям оставлять детей на весь курс обучения в школе. Такие школы строились в сумонных и хошунных поселках. Сумонные школы по идее должны были быть двухгодичные, а третий и четвертый класс учащиеся проходили в хошунных школах. Но до 1939 г. вторые классы были только в 7 сумонных школах, в остальных имелся только первый класс. В старших классах наблюдался большой отсев. Так, в 1939–1940 гг. в первых классах учились 1 658 человек, а в четвертых — только 155 человек. Хошунной четырехклассной школой заканчивалось общее образование в системе народного образования в ТНР. Окончив ее, учащиеся шли либо в учебный комбинат, либо на практическую работу. В 1940–1941 гг. было положено начало школам-семилеткам. В основных хошунных центрах были организованы пятые классы. Школы-интернаты, помимо знаний грамоты, давали первые санитарно-гигиенические навыки, что имело большое значение для повышения общего культурного уровня населения. Школьники несли новые навыки в семьи своих родных. К 1943–1944 гг. в ТНР имелось 84 школы, охватившие свыше 4 тыс. детей. В этот период школ приходящего ученичества было

³⁰⁹ Акша — денежная единица ТНР. Курс ее до 1944 г. равнялся 1 руб. 33 коп.

мало, так как переход аратов на оседлость еще не развернулся. Такие школы обслуживали население госхозов и приисков.

С 1934 по 1939 г. в ТНР существовали кочевые летние школы. Возникали они по инициативе населения, и такая форма была узаконена в 1935 г. IV сессией Малого Хурала. Это мероприятие было вызвано желанием большего охвата детей учебной [обучить большее количество детей] при затрате меньших средств. Школ-интернатов было мало, бюджетные средства были невелики. Летние школы помещались на летниках в юртах. Учебный год продолжался с 1 июня по 15 августа. Срок обучения двухгодичный. Контингент учащихся в основном составляли переростки (от 12 до 17 лет). По существу, это были двухлетние школы ликбеза. В 1939 г. таких школ имелось 42, и училось в них 1,5 тыс. человек. В ближайшие годы эти школы (некоторые) были реорганизованы в интернаты.

Подготовка специалистов проводилась как в самой республике, так и в СССР. С 1925 г. по 1940 г. в различных городах Советского Союза было подготовлено 826 различных специалистов-тувинцев. В самой республике в г. Кызыле на Учебном комбинате им. Ленина, организованном в 1936 г., проводилась подготовка специалистов различных областей. В комбинате имелись четырехгодичные отделения и многочисленные курсы, где готовились учителя, фельдшеры, торговые и счетные работники и т.п. Слабая общеобразовательная подготовка (4 класса) была причиной низкой квалификации выпускавшихся комбинатом кадров. В 1944 г. учебный комбинат был реорганизован в среднюю школу, а подготовка специалистов была поручена соответствующим министерствам. В 1947 г. школа дала первый выпуск десятиклассников. Особо остро стоял вопрос о подготовке учителей школ, способных вести преподавание на родном тувинском языке. Первые годы учителями были лица, окончившие ликпункты, или два года начальной школы, или в лучшем случае одногодичные курсы в Горной Алтайской области (Ойротии). В республике организовались месячные курсы. Позднее готовили учителей в советском педтехникуме при полпредстве СССР в Туве. С 1939 г. началась подготовка учителей на педагогическом отделении учебного комбината. В 1943 г. первая группа тувинцев окончила Иркутский педагогический институт. Это были первые тувинцы, получившие высшее образование.

Росла армия учителей. Если в 1930 г. их было всего 13 человек, то в 1943 г. – уже 320 человек. Однако квалификация педагогических кадров была низкая. Из 320 учителей лишь 3 имели высшее образование, 51 — среднее педагогическое образование или неоконченную семилетку, остальные закончили лишь кратковременные курсы. И все же, опираясь в своем развитии на огромный опыт советской школы, тувинская школа, наиболее передовые учителя, неуклонно работая с населением, завоевывали все больший авторитет среди трудящихся.

Значительную помощь в учебной работе оказало издание учебников на родном языке. С 1930 по 1935 г. были созданы учебники по родному языку, арифметике, географии, естествознанию. В создании учебников постоянное участие принимал Институт языка и письменности (ИЯП) при АН СССР, Научно-исследовательская ассоциация при Институте национальных школ и другие научные учреждения СССР. Большая часть учебников издавалась в Москве. Немалую роль в подготовке учебников играл и Учебный комитет, организованный в 1930 г. при Малом Хурале ТНР.

Русские школы

Наряду с тувинскими школами в Туве развивалась сеть русских школ для детей советских граждан. Русские школы постоянно оказывали шефскую помощь тувинским школам. К 1944 г. в ТНР имелось 33 начальных, 4 семилетних и 2 средние русские школы с 3 324 учениками³¹⁰. Большинство учителей русских школ имело педагогическое образование. Связь русских и тувинских школ осуществлялась путем проведения совместных педагогических совещаний, советов, взаимопосещаемости уроков, совместном составлении планов работы и т.п. Учителя русских школ явились инициаторами в оказании помощи тувинским женщинам в освоении культурно-гигиенических и хозяйственных навыков (уход за детьми, за жилищем, за одеждой, приготовление новой пищи и т.п.).

В 1942 г. правительство СССР передало безвозмездно все русские школы с имуществом и обмундированием правительству ТНР. Это постановление имело большое политическое значение, свидетельствуя о крепнущей дружбе двух народов. Объединение тувинских и русских школ в ведении Министерства просвещения ТНР еще теснее сблизило их и улучшило их работу. Русские учителя в значительной степени способствовали усвоению населением русского языка. Мы уже отмечали выше, что тувинское население мало знало русский язык. В далеких хошунах, где не было русского старожильческого населения, тувинцы вовсе его не знали. Поэтому преподавание русского языка в тувинских школах имеет особое значение. Изучая русский язык, тувинцы могут приобщиться к сокровищнице культуры русского народа, теснее сплотиться в братской дружбе с русским народом. Значение изучения русского языка в деле создания братского единства между народами СССР отражено в постановлении СНК СССР в 1938 г. об изучении русского языка в школах национальных республик и областей.

XII съезд ТНР (1941 г.) вынес решения, где требовал введения в школах изучения русского языка. Однако к 1944 г. русский язык преподавался

³¹⁰ Советские школы до 1942 г. находились в ведении Наркомпроса РСФСР. При советской миссии в Туве имелись инструкторы, непосредственно руководившие работой школ.

только в Кызыле и некоторых хошунных школах; в 1945 г. — в 23 школах. Русский язык в тувинских школах должны вести учителя, знающие родной язык учащихся. До настоящего времени осуществить это требование не удалось, так как учителя-тувинцы недостаточно знают русский язык. Поэтому в тувинских школах русский язык преподают русские учителя. Лишь с 1948–1949 гг. преподавание русского языка введено во всех школах ТАО. Тувинскими учителями ведется усиленная работа по овладению русским языком. Большую помощь в этом деле оказало введение нового учебного плана и программ по русскому языку. До 1951–1952 г. тувинские школы работали по учебному плану, общему для всех национальных областей и республик.

После выхода в свет работы И.В. Сталина о языкознании в 1951 г. были разработаны специальные планы для различных национальных школ СССР, в том числе и для тувинской школы. Программа по изучению русского языка была разработана работниками Облоно ТАО и ТНИИЯЛИ применительно к трудностям, встречающимся в тувинской школе, и утверждена приказом Министерства просвещения в декабре 1951 г. С 1948–1949 гг. для лучшего усвоения детьми русского языка были организованы в начальных школах подготовительные классы (для детей семилетнего возраста). Русский язык, таким образом, изучается с подготовительного класса все 10 лет школьного обучения. В Области вышли новые учебники по русскому языку. ТНИИЯЛИ создал словари — русско-тувинский и тувинско-русский (1953–1955 гг.). Большим событием в развитии тувинской письменности, в частности тувинских школ, явился перевод письменности на русский алфавит в 1941 г. (решение XII съезда ТНРП). В июле 1941 г. постановлением ЦК ТНРП и Советом министров ТНР был утвержден новый алфавит, состоящий из 36 знаков, из коих лишь 3 знака имели отличия от знаков русского алфавита. Знаки эти отражали специфику фонетики тувинского языка.

За последние годы в обучении тувинских трудящихся русскому языку достигнуты несомненные успехи. Еще недавно дети не могли говорить по-русски, не понимали объяснений учителей. Теперь старшеклассники (8–10 классы) обучаются на русском языке, кое-где без привлечения переводчиков. Русские учителя осваивают тувинский язык (учителя кызыльской средней школы № 2 т[оварищи] Кангарова, Майерова и др.). Это значительно помогает ученикам усваивать русский язык и грамматику родного тувинского языка. Учителя сами начинают разрабатывать на основе сравнения русского и тувинского языков методику обучения русскому языку тувинцев. Однако в большинстве русские педагоги не знают [большинство русских педагогов не знает] тувинского языка. Преподают русский язык тувинским детям так же, как русским. Они не учитывают, что в сельских, колхозных школах не имеется достаточного русского окружения для за-

крепления тренировки полученных в школе знаний русского языка. Замечается отрыв преподавания грамматики русского языка от развития русской речи, методика преподавания русского языка при этом носит формальный характер. Учащиеся заучивают наизуток грамматические правила русского языка, но русский язык все равно знают плохо. Недостаточно издание подсобного материала для чтения на русском языке.

После принятия ТНР в состав СССР в 1944 г. (окт[ябрь]) новые перспективы открылись и в деле дальнейшего развития народного образования в Туве: партия и правительство постоянно оказывают огромную помощь Области в этом деле. В 1945 г. Совнарком СССР выносит решение о принятии всех детей-школьников трудящихся аратов на полное гособеспечение. Это позволило тувинским детям получать среднее образование при существовавшем еще кочевом образе жизни аратов. Значительно вырастают ассигнования на народное образование (с 26 645 тыс. руб. в 1945 г. до 63 227 тыс. руб. в 1952 г.) и особенно на содержание интернатов (с 5,5 млн руб. в 1945 г. до 33,8 млн руб. в 1952 г.).

В июле 1946 г. VI пленум Обкома партии принимает решение о коренизации семилетней школы. Это значит, что преподавание всех предметов во всех семи классах должно проводиться на тувинском языке. Это мероприятие тормозится малочисленностью национальных педагогических кадров. В г. Кызыле в 1945–1946 гг. открывается педагогическое училище. К 1954 г., пройдя тяжелый этап первых лет своего существования, училище стало образцовым учебным заведением, где готовятся высококвалифицированные кадры. По решению Совета министров РСФСР училищу было выстроено специальное здание с оборудованными кабинетами, классом для занятий музыкой, физкультурным залом, мастерскими. Педагогический коллектив училища имеет высшее образование. В училище 3 отделения — школьное русское, школьное тувинское и заочное.

В 1952–1953 гг. в стационаре учились 267, а на заочном отделении — 650 человек. Первый выпуск учителей начальных школ состоялся в 1948 г.

В 1949 г. при Абаканском учительском институте был открыт факультет тувинского языка и литературы, который в 1952 г. был переведен в Кызыл и преобразован в Кызыльский учительский институт. Здесь готовили высококвалифицированные кадры преподавателей тувинского языка для старших классов семилетки. На оборудование института в том же году было ассигновано 200 тыс. рублей. Библиотека института имела 14 тыс. книг. Это явилось важным событием в деле подготовки кадров для осуществления постановления о коренизации семилетки. В 1954 г. Институт выпустил первых учителей для старших классов семилетней школы. Но и до сего дня в 5–7-х классах тувинских школ работают русские учителя-предметники, имеющие педагогическое образование, но не владеющие тувинским языком. Это вызвало в практике своеобразный прием преподавания через пере-

водчиков. Очень часто переводчиками на предметных уроках (химии, физике, географии и т.п.) являются лица, имеющие слабое общее образование, часто не имеющие педагогического образования. Одни переводчики часто работают с разными учителями (математиком, физиком, географом и т.п.). Так, в Могур-Аксинской семилетке (Мӧнгун-тайга) переводчик Хүрепа Хертэк переводил уроки по нескольким предметам, не имея сам полного среднего образования. Несомненно, что качество уроков квалифицированного учителя-предметника при таком методе значительно снижается. Большую помощь кадрами учителей оказывает Области правительство СССР. Ежегодно в Туву направляются выпускники учительских и педагогических институтов центральных областей СССР. Студенты-тувинцы обучаются в столичных и других городах в высших учебных заведениях, причем постановлением правительства (1952 г. Совет министров СССР) они освобождаются от платы за обучение.

В Москве в помощь тувинской школе разрабатываются и издаются учебники на родном языке. К 1949–1950 гг. первые семь классов были обеспечены такими учебниками. С 1950 г. идет переиздание как переводных, так и оригинальных учебников. На пути создания и перевода учебников на тувинский язык имелись большие трудности: молодость тувинской письменности, неопытность переводчиков, отсутствие переводчиков, отсутствие терминологии на родном языке для отдельных отраслей знаний. Много потрудились над этим делом [решением этих проблем] ученые Москвы (А.А. Пальмбах, кандидат филологических наук) и тувинцы (писатель Л.Б. Чадамба и др.).

Создание учебников на родном языке значительно продвинуло дело коренизации школы.

Большое значение имеет для развития письменности разработка и уточнение программ. Эта работа должна опираться на исследование тувинского языка и его исторических связей с другими языками. Должны быть приняты во внимание все особенности тувинского языка и особенно его фонетическая система. Главный недостаток на сегодняшний день — разноречивость в правилах правописания норм литературного языка в издательской и учебной практике.

В настоящее время в школах Тувы родной язык является предметом изучения все десять лет. В течение семи лет преподавание всех предметов ведется на родном языке. С 1950–1951 гг. преподавание в 8–10-х классах и во всех средних специальных учебных заведениях было переведено на русский язык.

Сразу после образования ТАО вопрос об осуществлении всеобщего в Области стал одним из основных. При всех успехах, достигнутых за годы ТНР в деле ликвидации неграмотного населения и организации школьного дела, 40 % детей аратов не были охвачены обучением. Огромное значение

в осуществлении всеобуча имело экономическое переустройство Области, а именно — коллективизация и связанные с ней оседание ранее кочевого населения в возникающих колхозных поселках, строительство в каждом из этих поселков школы.

Областные советские и партийные организации в 1948 г. вынесли решение об осуществлении всеобуча в пяти центральных районах ТАО, имеющих достаточную сеть школ (Улуг-хем, Танда, Каа-хем, Кызыл, Пий-хем). Ввести всеобуч на территории других 11 районов было еще невозможно, так как там в ряде мест не имелось ни школ, ни интернатов. Необходимо было развернуть немедленно строительство школ.

Большую роль в строительстве школ и в этот период играл сам народ. Летом 1948 г. по инициативе колхозников возникает патриотическое движение по строительству школ в поселках колхозов методом народной стройки. В большинстве колхозных поселков первое здание, воздвигаемое [первым зданием, воздвигаемым] колхозниками, была школа. Вокруг нее вырастали колхозные дома, учрежденческие постройки, возникали улицы.

Советское правительство выделяло бесплатно фондовые и местные материалы, ассигновало дотации из госбюджета и т.п. для строительства школ. В 1949 г. методом народной стройки было построено 39 школ, 6 интернатов и 25 домов для учителей. Это позволило уже в 1949 г. ввести всеобщее обязательное обучение еще в десяти районах Области. Всего с 1949 г. по 1951 г. таким же методом было построено 96 школ на свыше 7,5 тыс. учащихся.

Экономическое переустройство Области, рост промышленности и сельского хозяйства, транспорта, связи и т.п. вызвали нужду в местных кадрах всех специальностей. Неуклонно развивается сеть школ. В 1944–1945 гг. имелось уже 122 школы (из коих [них] 78 тувинских и 44 русских), в том числе 110 начальных, 9 семилеток и 3 десятилетки (из коих [них] 2 русские и 1 тувинская). В 1952–1953 гг. в Области уже 174 школы (из коих 96 тувинских, 50 русских и 28 смешанных). Из них 101 начальная, 61 семилетка и 12 десятилетки (из коих 7 русских, 3 тувинских и 2 смешанные). Соответственно увеличивается охват детей школьного возраста. Если в 1945 г. всего учащихся школьников около 8,5 тыс. (в том числе 5,5 тыс. тувинцев), то в 1952–1953 гг. в школах учится 28,5 тыс. детей (в том числе 19,5 тыс. тувинцев). Увеличивается количество детей в старших классах семилетки и в десятилетке. Однако в 1952–1953 гг. кончающих десятилетку немного (314 человек против 62 человек в 1945 г.). Еще велик отсев в семилетке (старших классах).

Характерной особенностью развития народного образования в ТАО явилось одновременное проведение начального и семилетнего всеобуча.

В 1949 г. начальный всеобуч стал осуществляться почти во всей Области, то в 1951 г. было принято решение об обязательном семилетнем

всеобуче. Осуществление этого мероприятия зависит от роста педагогических кадров, и в силу того что эти кадры при всем неуклонном их росте недостаточны, то в 1953 г. закон о всеобуче был еще не выполнен.

В 1956–1957 учебном году в Области охвачены всеобучем свыше 31 тыс. детей (в том числе более 18 тыс. в начальной школе, 8,5 тыс. в 6–7-х классах). Особенно хорошо выполняется закон о всеобуче в Тесь-хемском, Тандинском, Тоджинском и Пий-хемском районах. В Пий-хемском колхозе «Красный пахарь» в целях приближения школ к местожительству животноводов открыты школы (начальные) на фермах Хүт и Бялик. В этом году все же неохваченным всеобучем остается около 1,5 тыс. детей. Количество учителей с 1944 по 1953 г. возросло в 4 раза, составив 1 845 человек (из них 757 тувинцев). Не имеющих семилетнего образования учителей в 1953 г. осталось лишь 3 % (вместо 50 % в 1944 г.). Многие учителя добились высоких показателей в своей работе, пользуются заслуженным авторитетом у населения. Это заслуженные учителя школ РСФСР т[оварищ] С.Ш. Дукежек, не раз отмечавшаяся заслуженными наградами за свою педагогическую деятельность Х.С. Бюрбю и др. Всем известно в Области имя т[оварища] А.Н. Лаврентьевой, заслуженной учительницы РСФСР, депутата Верховного Совета СССР, имеющей два ордена Ленина, орден ТНР. Около 200 учителей имеют ордена и медали за свой труд. Многие молодые русские учителя, приехавшие по призыву правительства СССР в ТАО, завоевали любовь и уважение населения. Например, учительница Сыстыг-хемской начальной школы А.В. Самодурова в трудных условиях Тоджи успешно уже много лет ведет не только педагогическую, но и воспитательскую деятельность. Интернат в Сыстыг-хеме неоднократно выходил на первое место Области в соревновании на лучшую организацию интернатов. Для переподготовки учителей в 1946 г. был создан областной Институт усовершенствования учителей. Он имел своей задачей повышение методической подготовки, изучение и обмен опытом лучших педагогов и общее повышение квалификации. В Области с этими же целями стали создаваться кустовые методические объединения; с 1953 г. их было 22. В 1951 г. было создано 10 районных педагогических кабинетов.

Неуклонно повышается материальное положение учителей. Для них в каждом поселке имеются жилые дома. Многие учителя прежде совмещали свою профессию с хозяйственной деятельностью — держали скот, сеяли хлеб и т.п. Обеспечение высокой зарплатой (в ТАО учителя имеют зарплату на 20 % выше, чем в центральных районах СССР) позволило удовлетворить потребности учителей. Учителя отказались от частной собственности, полностью стали профессионалами. Забота партии и правительства об учителях выражена в ряде постановлений о наградах за выслугу лет, о пенсиях, о льготах для учителей.

Авторитет учителя, постоянно общающегося с местным населением, растет неуклонно. Учителя помогают населению в освоении новых культурных навыков, в борьбе с предрассудками и вредными старыми традициями, участвуют в хозяйственной деятельности колхозов. Многие учителя Эрзинского и Тесь-хемского районов оказывали большую помощь в строительстве Тесь-хемского оросительного канала, за что были отмечены почетными грамотами Облисполкома. Учительницы многих колхозов, где нам удалось побывать, обучают женщин-колхозниц, переезжающих из юрт в новые дома, уходу за жилищем: побелке, содержанию жилища в чистоте, украшению его, топке печей. Они же обучают женщин приготовлению пищи из новых продуктов, из овощей, получаемых с колхозных огородов, кройке и шитью одежды городского покроя, уходу за детьми, вязанию, вышивке и т.д.

Армия учителей, тувинских и русских, является большой культурной силой в Области. О росте авторитета учителей можно судить по тому доверию, которое оказывает им народ. Так, в 1953 г. 118 учителей были избраны депутатами в областной, районные и сельские советы Области. И как указывалось выше, заслуженная учительница РСФСР т[оварищ А.Н.] Лаврентьева является депутатом Верховного Совета СССР.

Огромную помощь в деле поднятия общего уровня культуры, и в частности в развитии народного образования, оказала передовая молодежь Тувы (ревсомол), организованная в 1925 г. в Тувинский революционный союз молодежи, работавший под руководством ТНРП. В 1939 г. в союзе было около 5,5 тыс. человек. В 1944 г. ревсомольские организации в школах насчитывали свыше 700 членов. Среди учителей 72 % были ревсомольцы. Ревсомол имел свой печатный орган «Реванэ Шыны». Под руководством ревсомола и ТНРП в республике была создана пионерская организация, в которую к 1939 г. входили 3 тыс. ребят (к 1944 г. — 4 тыс.). Эта организация имела свой журнал «Пионер». Ревсомол с дружеской помощью ВЛКСМ участвовал во всех культурных и хозяйственных стройках республики; особенно большую роль молодежь сыграла в ликвидации неграмотности населения. В настоящее время около 94 % населения знают грамоту. В 1950 г. в Москве был создан букварь для взрослых, а в 1953 г. — учебники по арифметике и родному языку для малограмотных. С присоединением ТНР к Советскому Союзу ревсомол реорганизовался в ВЛКСМ.

С 1944 г. комсомольские и пионерские организации значительно выросли численно. В Области широко развернулась работа с пионерами. В 1952–1953 гг. имелись 3 районных и 1 городской Дом пионеров, областная станция техников и юннатов. С участием комсомольцев колхозов и учителей организуются школы рабочей и сельской молодежи. В 1952–1953 гг. в Области работали 3 школы рабочей (в городах) и 12 школ сельской молодежи, где обучались около 1 тыс. юношей и девушек без отрыва от производства.

В настоящее время уже не единицы, а сотни выпускников тувинских школ, дети трудящихся аратов-колхозников обучаются в вузах СССР: в Московском и Ленинградском университетах, в Химико-технологическом, Горном, Литературном им. Горького институтах, в Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева в Москве, в Ленинградском политехническом, Театральном институтах, в Петрозаводском горном, Уральском политехническом и др. институтгах нашей страны. Среди тувинцев уже имеются кандидаты наук. Первым в 1952 г. получил эту степень т[оварищ] И.Г. Кызыл-оол, научный сотрудник Чаданской сельскохозяйственной станции. Первые научные учреждения в ТНР организуются в середине 20-х годов [XX в.]. Это Ученый комитет при Малом Хурале ТНР, сельскохозяйственная опытная станция. В 1945 г. организован Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории. С 1953 г. в нем организован сектор экономики. ТНИИЯЛИ выпускает «Записки ТНИИЯЛИ», где публикуются научные исследования как тувинскими, так и русскими учеными. Кроме того, институтом издан ряд монографических работ; в их числе — работа Н.А. Сердобова «Народное образование в Туве», [Х.М.] Сейфулина «Тувинская автономная область», [Л.В.] Гребнева «Переход аратов на оседлость» и др. Очень интересным явился опыт коллективной работы ученых и практиков-работников сельского хозяйства, создавших монографическое описание колхоза «Путь к коммунизму». Много работ готовит институт к печати. Это работа [С.И.] Вайнштейна о тоджинцах, работа [Л.В.] Гребнева об эпосе тувинцев, работа [Х.М.] Сейфулина «Очерк по истории Тувы», работы молодых тувинских ученых по истории революционного движения в Туве и ряд других.

Значительную работу, не только культурно-просветительную, но и исследовательскую, ведет коллектив Кызыльского областного краеведческого музея. В связи с обновлением экспозиций сотрудники музея выезжают в районы, собирают экспонаты для музея, изучают быт и культуру населения. К сожалению, нужно отметить слабую связь работы музея с ТНИИЯЛИ, что отрицательно сказывается на работе музея.

В 1955 г. в г. Кызыле открылось первое высшее учебное заведение в ТАО — Педагогический институт. Студенты будут проходить 5 лет обучения и по окончании смогут вести занятия в школе по нескольким предметам. Институт имеет 2 факультета: историко-филологический и физико-математический. Созданы кафедры основ марксизма-ленинизма, педагогики и психологии, физики и математики, русского языка и литературы.

В 1955 г. принято в институт более 100 юношей и девушек, из коих 70 — дети бывших кочевников, еще не так давно не знавших ни школ, ни письменности. При институте организован студенческий научный кружок.

В школах и в среде молодежных организаций в Области развивается физическое воспитание, спорт. С 1949 г. в ТАО направляются из СССР выпускники физкультурных вузов и техникумов. В колхозах, районах Области регулярно проводятся физкультурные и спортивные соревнования школьников и взрослого населения. Наряду с новыми видами спорта продолжают жить старые — борьба, скачки, прыжки, метание аркана и т.п., не говоря уже об игре в шахматы разных видов. Эта излюбленная старинная игра тувинцев широко распространена в населении [у населения]. Все более завоевывают любовь игроков европейские шахматы и шашки. В школах, хотя и слабо еще, внедряется музыкальное обучение. В основном оно проводится в кружках самодеятельности. С 1948 г. открыта в г. Кызыле музыкальная школа, где талантливые дети получают специальное музыкальное образование. Имеются классы фортепьяно, скрипки баяна и других инструментов. Широко распространено в школьных кружках хоровое пение. В помощь музыкальной самодеятельности ТНИИЯЛИ выпустил сборник советских песен, переведенных на тувинский язык. Наряду с повышением общеобразовательного уровня тувинцев растет уровень специальных знаний. В Области имеется целый ряд специальных учебных заведений, таких как сельскохозяйственный техникум, школа колхозных кадров, Туранская (в г. Туране) годичная школа работников сельского хозяйства, школа десятников-строителей, фельдшерская, торгово-кооперативная, училище механизаторов сельского хозяйства и целый ряд краткосрочных курсов. Все эти учебные мероприятия готовят специалистов многих отраслей хозяйства из среды тувинского населения.

Наряду с сетью школ и других учебных заведений в Области растет и крепнет сеть культурно-просветительных учреждений. Если в 30-е годы [XX в.] в ТНР единственными подобными учреждениями были «красные юрты» и штаты их были заняты в основном ликвидацией неграмотности, то в 1930 г. было выстроено уже 3 дома, а в 1941 г. стало около 20. В 1954 г. в Области имелось 167 культпросветучреждений стационарного типа. Только с 1944 г. количество их возросло в 3 раза. В каждом районе имеется дом культуры, почти в каждом колхозном поселке сейчас имеется клуб, а там, где их еще нет, работают избы-читальни. Только за 2 года (1955–1956) выстроено 22 колхозных клуба. Всего имелось 82 клуба и изб-читален. В Области работает 61 библиотека. Библиотеки имеются в каждом клубе, сельском совете. Например, в библиотеке колхоза «Искра» Пий-хемского района имеется 6 тыс. книг, в колхозе им. Калинина Дзун-хемчикского района — около 8,5 тыс. книг. В бригадах и фермах колхозов имеются передвижные библиотеки. Книжный фонд ежегодно пополняется. Пропандой книги занимаются активисты-комсомольцы.

Широко развернулась кинофикация Области. К 1954 г. имелось 105 киноустановок, кроме разъездных кинопередвижек.

Огромная армия работников культуры — свыше 1 тыс. человек — обслуживает население. Но работа культурных учреждений, особенно сельских клубов, часто односторонняя, сводится к показу кино и танцам³¹¹.

При клубе в поселках собирается актив преимущественно из молодежи. Активисты под руководством культпросветработников проводят большую работу среди населения. Одной из сторон работы является выпуск агитлисточков со злободневным материалом из жизни колхоза.

Литература

Появление письменности тувинцев создало возможность возникновения национальной литературы.

В 1930 г. Правительство СССР предоставило ТНР долгосрочную ссуду в 85 тыс. руб. на организацию типографии. Это положило начало издательской деятельности в Туве [прим. 2]. Уже в начале 1930-х гг. в ТНР выходят три газеты на родном языке: «Шын», «Хостуг арат», «Арэвэ шыны». В 1932 г., когда организовывались комитеты советских граждан, в ТНР издавалась русская газета «Вперед». Газета на своих страницах освещала достижения социалистического строительства в СССР, разъясняла идеи ленинской национальной политики. Большую помощь оказывала газета культурному переустройству тувинцев, печатая обзоры деятельности передовых русских учителей, медработников, колхозных специалистов и т.п. Работники русской газеты помогали молодым тувинским газетчикам в деле издания национальной прессы.

В редакцию тувинских газет трудящиеся араты, овладевающие грамотой и получающие первое образование, посылали письма, содержащие выражения благодарности вождям революции за радость освобождения от векового гнета, счастье свободного труда и творчества, свои мечты о будущем. Многие письма содержали стихи, прозу, новые фольклорные произведения, слова песен. Наиболее яркие и тантливые из них печатались в газетах. Эти годы являются периодом возникновения художественной литературы тувинцев. Характерной особенностью этого периода являлась его массовость. О тувинцах говорят, что «каждый третий тувинец — поэт». Это определяет широко развитое в народе стремление выражать свои переживания, свое отношение к действительности в песенно-стихотворных импровизациях. Это стремление выражено во всем устном народном творчестве тувинцев. Фольклор тувинцев богат, жанры его разнообразны. Патриотические народные песни выражали ненависть к захватчикам, феодалам и колонизаторам, призыв к борьбе за освобождение, любовь к своей родине. Бытовые и обрядовые песни отражали все стороны жизни и быта на-

³¹¹ Доклад зам. председателя т[оварища] Тарасова. V сессия облсовета // Т[увинская] п[равда]. 1956. 24 окт.

рода. Имелись и сатирические песни, частушки, высмеивавшие нойонов и кулаков, осуждавшие отрицательные стороны жизни. Загадки и пословицы отличаются выразительностью и меткостью. Разнообразны сказки и предания. Почетное место в фольклоре тувинцев занимают сказания о героях. Эти произведения имели стихотворную форму и пелись на особые мотивы³¹². Лишь в последнее время некоторые из них теряют напевность и стихотворную форму, которая главенствовала в тувинском фольклоре. Таким образом, несомненно, что истоки современной тувинской художественной литературы лежат в народном творчестве, следы которого носят [отмечаются] до сего времени [в] произведения[х] тувинских писателей. Письменность позволила оформлять и закреплять новые рождающиеся в народе произведения.

В дальнейшем, особенно после присоединения ТНР к Советскому Союзу, полиграфическая база Области неустанно расширяется, что дает возможность увеличить издание литературы на родном языке. О росте изданий говорят следующие цифры. За 10 лет (1944–1954 гг.) количество выпускаемой в Области литературы в печатных листах увеличилось в 23 раза. Выпущено за это десятилетие 700 названий книг с тиражом свыше 3 млн экземпляров, в том числе переведенные на тувинский язык сочинения [В.И.] Ленина и [И.В.] Сталина свыше 250 тыс. экземпляров. Издан на родном языке «Краткий курс истории ВКП(б)».

В настоящее время в Области выходят 4 областные и 7 районных газет. В тех районах, где не имеется своей газеты, находятся постоянные корреспонденты областных газет, систематически освещающие в областной прессе жизнь района. Для молодежи издаются газеты «Молодежь Тувы» (на русском языке) и «Тываның аныктары» (на тувинском языке). Для детей младшего возраста издается газета «Сылдысчыгаш». Увеличился за эти годы разовый тираж газет, дойдя до 25 тыс. экземпляров. Каждый колхоз выписывает для своих членов газету «Шын» («Правда») и другие на родном языке, центральную «Правду» для членов правления и аратов, владеющих русским языком, целый ряд газет и журналов специального характера. Газеты и журналы широко вошли в быт аратов. Ежедневно многочисленные почтальоны развозят газеты в районные почтовые отделения и оттуда в колхозные поселки, бригадные станы, фермы. В 1956 г. планы издательства по количеству выпущенных книг выполнены на 182,6 %, по тиражу — на 168 %. К началу учебного 1956–1957 г. были выпущены 19 учебников для тувинских школ. Выпущены переведенные на тувинский язык материалы XX съезда КПСС и много художественной литературы тувинских писателей и переводной классической, советской

³¹² Тувинские стихотворные жанры имеют много общего в своей внешней форме с якутским фольклором.

и зарубежной литературы. Улучшается внешнее и внутреннее оформление изданий. В 1956 г. сделаны первые опыты печатания многокрасочных обложек. В работе по иллюстрированию изданий участвуют молодые тувинские художники. Так, Иван Салчак иллюстрировал сборник тувинских сказок.

Основоположником тувинской прозы следует считать писателя-коммуниста, общественного политического деятеля Тувы т[оварища] Тока Салчак, рассказы которого «Муки батрака», «Поездка в Каргы», «Москва Майская», «Мои воспоминания» появились в 1930-х гг. Впоследствии эти рассказы легли в основу известной повести «Слово арата», удостоенной Сталинской премии. Это произведение известно не только среди тувинского народа. Оно переведено на языки многих народов СССР и стран народной демократии (русский, украинский, якутский, казахский, эстонский, немецкий, польский, болгарский, венгерский). В повести автор рассказывает о тяжелой жизни аратов в дореволюционной Туве, о дружбе аратов с русскими бедняками и батраками, дружбе, скрепленной кровью в совместной борьбе за общее дело освобождения. По яркости образов и выразительности языка повесть близка к народным произведениям, чему способствует включение в нее подлинных народных сказок, песен, поговорок.

Одновременно в 1930-х гг. появляются и другие писатели-поэты. В 1937 г. выходит первый сборник произведений тувинских писателей (в числе коих т[оварищи С.А.] Сарыг-оол и Б. Ховенмей). В 1939 г. выходит второй сборник. Много произведений молодых писателей печатается в газетах. В 1934 г. начинает печатать свои стихотворения поэт Степан Сарыг-оол. Отдельные сборники его стихов вышли в 1944 и 1947 гг. («Чырык хун» и «Саны-Моге»). Одновременно т[оварищ С.А.] Сарыг-оол создает и прозаические произведения. В 1936 г. пишет «Чудесное дерево» — близкую к народным сказкам легенду о борьбе трудящихся аратов с феодалами, в 1940-х гг. — произведение «Богатырь светлой мудрости» на тему о Великой Отечественной войне и рассказ «Белек» о великой любви тувинского народа к Советскому Союзу, о готовности помочь родине в борьбе с фашистскими захватчиками и ряд других рассказов. Некоторые из них посвящены теме зарождения рабочего класса тувинцев («Тот же Маскажик»). В 1952 г. издается его сборник «Советская Тува», куда вошли поэзия и проза. Основная тема поэзии т[оварища] С.[А.] Сарыг-оола — сопоставление тяжелого прошлого тувинского народа и светлой жизни аратов Советской Тувы, освобожденной от феодально-колониального гнета и эксплуатации.

Много стихов посвящает автор жизни колхозников, их трудовым усилиям, трудовым успехам. Не все произведения писателя звучат полноценно [являются полноценными] как со стороны формы, так и со стороны содержания. Не остались без влияния теории «бесконфликтности» некоторые произведения. Сказывается недостаточное изучение жизненного ма-

териала, не всегда налицо умение дать правильную политическую оценку событиям. Т[оварищ С.А.] Сарыг-оол совершенствует свое искусство в борьбе с недостатками, отмеченными выше. И хотя главное в его творчестве — оригинальная поэзия, но писатель принимает также активное участие в переводах на тувинский язык классических и советских художественных произведений, что значительно помогает ему изжить недочеты в собственном творчестве. Ему, как и некоторым другим тувинским писателям и поэтам Тувы старшего поколения — первым писателям из среды тувинцев, выпала более трудная творческая дорога «по целине», чем современному «молодому» поколению тувинских писателей.

В 1930-х гг. выступает со своими произведениями писатель и поэт рабочий т[оварищ] Б. Ховенмей и т[оварищ] О. Саган-оол. Последний пишет ряд рассказов, в том числе «Парень из сумона», в котором раскрывает у кочевников аратов-единоличников, ставших рабочими, процесс формирования нового отношения к труду, перевоспитания, процесс рождения передовых представлений рабочего класса Тувы. В рассказе «Дружба» отражены отношения между русским и тувинским народом, крепнущее доверие и дружба между ними. Целый ряд стихотворений т[оварища О.] Саган-оола известен и за пределами Тувы. В последнее время писатель больше внимания уделяет прозе и драматическим произведениям для тувинского театра.

К писателям-поэтам старшего поколения относится и т[оварищ] Л.Б. Чадамба. Биография его типична для представителя молодой тувинской интеллигенции. Родился он в семье арата «в берестяном чуме» в далекой высокогорной Тодже. Рано лишился родителей. Лишь благодаря победе Великой Октябрьской революции он смог избежать тяжелого нищенского существования и стать тем, кем он стал. Благодаря народному революционному правительству он смог получить образование. Много труда вложил Л.[Б.] Чадамба в дело развития тувинской письменности. Он принимал горячее участие в создании учебников родного языка для тувинских школ, работал педагогом. Работа над учебниками привела его к написанию стихов для детей. В годы Великой Отечественной войны появились в печати его первые стихотворения для взрослых. Наибольшего расцвета его творчество достигло после вхождения Тувы в Советский Союз. Основной темой его поэзии является отражение процесса строительства новой Советской Тувы, в частности преобразование ранее изолированных уголков Области. Так, о своей Родине он пишет:

В тайге Саянской, сердце Тоджи,
Наш труд расцвел на радость всем.
Здесь век унылых чумов отжил,
На месте чумов — Тора-хем.

Содержание его произведений отражено в названии «Счастье», которое Л.[Б.] Чадамба дал сборнику своих стихов. Свою писательскую деятельность Л.[Б.] Чадамба сочетает с государственной. Он является депутатом Верховного Совета СССР уже несколько созывов. Наряду с оригинальными художественными произведениями поэты и писатели Тувы много и упорно работают над переводами на тувинский язык русских классических и современных художественных произведений. Еще в 1937 г. к юбилейным пушкинским дням, широко отмечавшимся в ТНР, был переведен на тувинский язык ряд произведений великого поэта. Писатели С.[К.] Тока, С.[А.] Сарыг-оол и Л.[Б.] Чадамба перевели «К Чаадаеву», «Деревня», «В Сибирь» и другие стихотворения, из пушкинской прозы — «Капитанская дочка», «Сказка о рыбаке и рыбке» и т.д. В 1956 г. издан перевод «Евгения Онегина». Впоследствии были переведены на тувинский язык произведения М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, М. Горького, Т.[Г.] Шевченко, Д. Джамбула и др. В 1956 г. изданы на тувинском языке «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, «Легенда о любви» Н. Хикмета, «Над Тисой» [А.О.] Авдеенко и много других произведений русской классической, современной, мировой и зарубежной литературы. Не все переводы были вполне удачны и полноценны. Однако, работая над ними, тувинские писатели и поэты неустанно повышали свое искусство. Целый ряд существенных недостатков отмечался в произведениях тувинских писателей, в первую очередь недостаточно высокий идейно-художественный уровень произведений, слабое отражение многообразной жизни преобразующейся Области со всеми ее трудностями и успехами, наличие голого «любования» и т.д.

Поэты в своих новых по содержанию произведениях сохраняли старинный песенный размер, синтаксический параллелизм, фольклорные образы и сравнения. В стихах отсутствовала четкая ритмика. Они были бедны звуковыми средствами. Недостатком являлось и отсутствие сатирических произведений, которые «выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед» (Г.[М.] Маленков. Отчет XIX съезду партии. 1952 г.). Постановление ЦК КПСС по идеологическим вопросам содействовало расцвету тувинской литературы, изживанию недостатков в работе писателей и поэтов. Огромная ответственная задача, поставленная партией и правительством перед тувинскими писателями, — средствами художественного слова создавать правдивые образы новых людей, строящих коммунизм под руководством КПСС вместе со всеми народами СССР с помощью русского народа, всемерно укреплять дружбу тувинского и русского народов.

Большую помощь в организационной и творческой работе тувинских писателей оказывал Союз писателей СССР. До 1942 г. при Тувгосиздате существовала группа поэтов, создавшаяся в 1939 г. Это было творческое объединение тувинских писателей. Там впервые выступали начинающие

поэты и писатели. В 1942–1943 гг. в творческую командировку в Туву были направлены писатели С.[П.] Щипачев и В.[М.] Кожевников. В ноябре 1942 г. был создан Союз тувинских писателей, который после присоединения Тувы к Советскому Союзу реорганизуется в Тувинское отделение Союза советских писателей. Еще теснее становится связь тувинского литературного творческого коллектива с русскими писателями.

На II съезде писателей в Москве в 1955 г. тувинские писатели знакомят со своими произведениями съезд. Наряду с большими успехами съезд отмечает ряд недостатков, о которых мы уже упоминали и, кроме того, отсутствие критики в Отделении союза тувинских писателей. Эти недостатки требуют длительной упорной работы для своего изживания. Критика съезда в адрес тувинских писателей подняла в них чувство ответственности к своему творчеству, потребность повышения знаний марксистско-ленинской теории, необходимости глубокого изучения окружающей действительности.

В 1956 г. на страницах своего литературного альманаха «Улуг-хем» писатели Тувы выступают со статьями, посвященными изучению творчества отдельных советских писателей. Например, О. Саган-оол издал очерк о жизни и творчестве М.А. Шолохова, С. Сюрюн-оол — статью «Маяковский и тувинская поэзия» и т.п. Появились статьи журналистского характера (В. Эренчин «Аржан Тарыс», Ф. Сегленмей «Нина Салчак на каникулах» и др.). Тувинские писатели принимают участие в переводах политической литературы и произведений классиков марксизма.

Писатели старшего поколения, указанные нами, в их числе поэт-рабочий т[оварищ] Б. Ховенмей известен как в Туве, так и за ее пределами. С 1941 г. начали свою творческую деятельность молодые писатели, среди которых отметим т[оварищей] О. Сувакпита и С. Тамба. Последний в своих произведениях воспеваает обновленную тувинскую землю:

Где Копту, где Хаттыг Баалык,
Там ни плуг не ходил, ни соха,
Там бродил по степи дикий бык,
Кочевали стада пастуха.
Но сказали мы дружно: «Пора!»,
И как танки идут на войну,
Строем двинулись в степь трактора
В пустырях поднимать целину.

В 1952 г. вышел сборник стихов молодого поэта Ю.[Ш.] Кюнзегеш.

С началом 1940-х гг. начинается работа по переводу тувинских художественных произведений на русский язык. Переводятся стихи и часть повести С. Тока «В берестяном чуме», а впоследствии и много других произведений.

В последнее время появились молодые русские поэты, работающие в ТАО (А. Машина, Соболева и др.).

Так, преодолевая серьезные трудности, успешно развивается молодая тувинская художественная литература. Под руководством КПСС в ней утверждаются принципы партийности и социалистического реализма. Критически отбирая из богатого наследия прошлого все лучшее, подлинно народное, тувинские писатели способствуют созданию национальной по форме, социалистической по содержанию культуры тувинского народа.

Искусство

Музыкальная культура

Тувинский народ издавна создавал свою музыку, свои национальные музыкальные произведения. Высоко развито было песенное творчество (импровизации) и исполнительное мастерство [прим. 3]. Характерной особенностью тувинской музыки было отсутствие многоголосья как в песенном, так и в инструментальном творчестве. Певец и аккомпанирующий инструмент (или несколько инструментов) исполняли мелодию в один голос (в унисон). Тувинские мастера владели древним искусством двухголосового горлового пения; упоминания о нем имеются и в фольклоре тувинцев. Различается несколько видов такого пения (сколько мы осведомлены — три вида) [прим. 4]. До сего времени имеются актеры национального театра, владеющие этим мастерством. На Всесоюзном смотре самодеятельности в Москве в 1954 г. один из таких мастеров-тувинцев был отмечен жюри смотра.

Музыкальные инструменты тувинцев были разнообразными: имелись смычковые («пызанчи» и «игиль»), духовые («лемпи» и «шор»), щипковые («топшулуур» и «чадаган») инструменты и вибраторы («комус») ³¹³ [прим. 5].

Прежде на всех перечисленных инструментах играли только мужчины. В настоящее время в народе осталось очень мало музыкальных инструментов. Кое-где имеются «пызанчи», «лемпи» и «игиль». «Топшулуур», «чадаган», «шор» совсем исчезли из употребления. Нет больше мастеров, умевших их изготавливать, нет больше китайской торговли, снабжавшей зажиточные слои населения этими инструментами. Очень мало мастеров, знавших игру на этих инструментах. Примером тому служит следующий факт. При организации национального оркестра в Тувинском театре т[оварищ К.Х.] Седып (инструмент которого мы описывали) оказался едва ли не единственным, кто умел играть на «лемпи». Тувинский композитор, он же мастер по изготовлению национальных музыкальных инструментов, артист Тувинского национального театра, т[оварищ М.М.] Мунзук является активным популяризатором и исследователем тувинской музыки. Занима-

³¹³ Краткое описание музыкальных инструментов дано в Приложении.

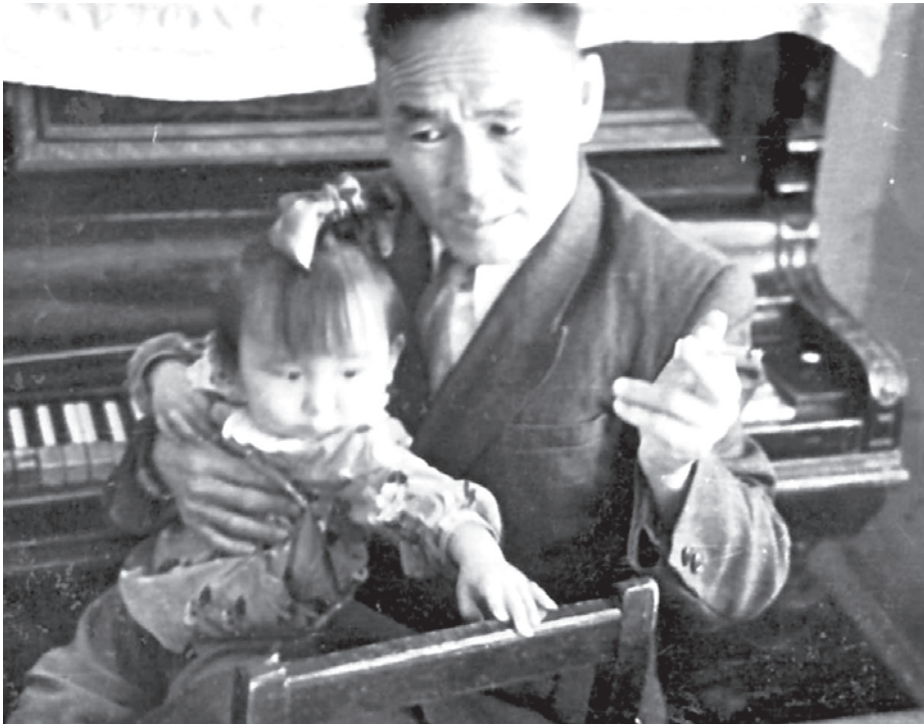


Рис. 51. Старейший тувинский композитор, мастер по изготовлению и усовершенствованию тувинских музыкальных инструментов, артист Тувинского нац[ионального] театра, т[оварищ М.М.] Мунзук около рояля с дочкой.

Г. Кызыл [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

ьясь усовершенствованием старинных музыкальных инструментов, он специально разыскивает старых мастеров по изготовлению и игре на этих инструментах. По его словам, таких мастеров почти нет. С трудом найден был им старик, умевший когда-то делать «шор». И, по-видимому, все же старик имел в виду «лемпи», судя по его описаниям.

Женским и собственно даже девичьим музыкальным инструментом был «комус» — варган. Делали «комус» из железа («темир комус»), из дерева («няш комус»). Играли на «комусе» так же, как и все народы, знающие этот инструмент, вставляя его между губами и пальцами правой руки приводя в движение вибрирующий язычок. Мастера игры на «комусе» вставляли его в губы так, чтобы вибрирующий язычок приходился в полость рта, и своим языком придавали вибратору движение, то есть играли языком. При такой игре «высшего класса» звук «комуса» бывал еще тише и нежнее. В настоящее время «комус» также почти исчез. До 1940 г. все девушки с 14 лет имели этот инструмент и играли на нем. Запрещен «комус» был в целях предотвращения передачи инфекции (в частности Тбс [туберкулез]) при пользовании чужим инструментом изо рта в рот. Старики

отмечают, что особенно хороши были мастерицы играть на «комусе» в Чадане, куда тувинцы заезжали иногда специально послушать их игру.

После создания ТНР был организован национальный музыкальный ансамбль из народных тувинских инструментов. Многие из инструментов были конфискованы у баев и нойонов. Со всей Тувы собирали мастеров-исполнителей. Некоторых из них посылали для получения музыкального образования в МНР, как, например, т[оварища К.Х.] Седыпа. Впоследствии ансамбль распался. В настоящее время имеются отдельные солисты — артисты национального театра, играющие на национальных инструментах. В часы радиопередач на тувинском языке эти артисты часто выступают с исполнением народных тувинских песен и игрой на национальных инструментах. Кое-где самостоятельные коллективы выдвигают молодых исполнителей, которые обучаются в семье стариком-мастером.

Игрой на национальных музыкальных инструментах прежде сопровождалось пение лирических, бытовых песен, а также песенное или речитативное исполнение некоторых фольклорных произведений. Песенное народное творчество тувинцев, очень богатое в прошлом, успешно развивается в современности. Песни любовные молодежи, песни пастухов, охотников очень мелодичные, в прошлом отражали в основном тоску и безнадежность, царившие в окружавшей народ жизни. Ныне народные песни наполнились светлым, жизнерадостным содержанием. Обогащенная песенной культурой русского народа, тувинская музыка развивается по пути многоголосья, полифонических ансамблей. Тувинские композиторы, изучающие огромное наследство русской классической, советской, народной музыки, создают на основе родных тувинских мелодий новые музыкальные произведения, отличающиеся самобытностью и свежестью. Таковы произведения молодого талантливого композитора-тувинца т[оварища] Чыргал-оола, кончающего Казанскую консерваторию, т[оварища] Кенденбиля — студента Ленинградской консерватории. Оба они в 1955 г. получили первые премии за курсовые работы по композиции. Большую работу по популяризации и развитию тувинской музыки ведут композитор старшего поколения товарищ [М.М.] Мунзук [прим. 6], о котором мы упоминали, и заслуженная артистка РСФСР, народная певица Тувы т[оварищ] Кара-Кыс. В поездках по родной стране они собирают тувинские песни и исполняют их.

В радиокомитете г. Кызыла, в музыкальной школе собран богатый архив тувинских мелодий, ждущий своего исследователя. Тувинские певцы, лучшие участники самодеятельности Тувы неоднократно выступали на всесоюзных смотрах самодеятельности в Москве. Многие отмечены грамотами. В самой Области ежегодно проводятся смотры художественной самодеятельности, где наряду с тувинскими старыми и новыми песнями, созданными народом и композиторами Тувы, исполняются русские народ-



Рис. 52. Засл[уженная] артистка РСФСР, нац[иональная] певица, артистка Тувинского нац[ионального] театра, пользующаяся в Туве большой популярностью т[оварищ] Кара-Кыс (жена композитора [М.М.] Мунзука) с дочкой [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

ные песни и произведения советских композиторов, а также песни других народов СССР и песни стран народной демократии. Тувинская молодежь осваивает новые в Туве русские народные инструменты — балалайку, гармонь-баян. Многие даровитые дети аратов учатся в Кызыльской музыкальной школе игре на рояле, скрипке и других инструментах. Массовая тяга к искусству тувинского народа очень велика. Об этом говорит количество участников самодеятельности, тот теплый прием, который встречает и профессионалов-артистов, и самодеятельных мастеров во время гастрольных поездок по колхозам, отдельным бригадам колхозов, у народа. В 1953 г., например, сцена Кызыльского театра была не в состоянии пропустить всех, желавших выступить на смотре. Вместо 300 приглашенных прибыли 500 гостей — самодеятельных исполнителей. Зал не мог вместить всех желающих зрителей.

При всех огромных успехах развитие музыкальной культуры Советской Тувы идет стихийно; до сего дня еще не организовано музыкальное образование, недостаточно повсеместно развита музыкальная самодеятель-

ность, не начато изучение чудесной музыки тувинского народа. Депутат Облсовета, композитор [М.М.] Мунзук на сессии Облисполкома в 1956 г. выступил с критикой в адрес Управления культуры за невнимание к развитию и изготовлению национальных инструментов. В настоящее время все условия для выполнения этих задач имеются. Развитие музыкальной культуры, как одной из форм национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, является важным моментом в создании единства тувинского народа.

Танцы

Танцев у тувинцев прежде не было. На праздниках в ставках нойонов, чиновников специально обученные монгольским танцам девушки развлекали гостей. В хурэ во время религиозных праздников демонстрировались ритуальные пляски лам в масках. О них еще в 1926 г. упоминает проф. В.В. Бунак, наблюдавший танец лам в Тоджинском хурэ. Он пишет: «В общем, эти танцы полностью соответствуют своему монгольскому прототипу. Движения тувинского танца малодинамичны и представляют собой последовательный ряд отдельных поз, которые медленно, но логично развиваются одна за другой и в которых участвует все тело. Сюжет танцев трагичен, но в нем имеется и элемент шутовства. Их прелесть заключается в оригинальном единении силы и проворства с медлительностью и плавным ритмом округленных жестов»³¹⁴.

В заключение проф. [В.В. Бунак] отмечает необходимость изучения этого танца, представляющего «драгоценный материал для сравнительной характеристики азиатских племен». Но это относится к монгольскому танцу. Тува танца не знала. И впоследствии, после становления ТНР, в Национальном тувинском театре в г. Кызыле создается хореографическая группа, которая исполняла монгольские танцы и пантомимы [прим. 7]. В настоящее время эта группа не работает. Танцевальное искусство довольно широко проникло в самодеятельные коллективы, где наряду с подвигшимися народной переработке монгольскими танцами исполняются русские народные танцы и танцы народов СССР и зарубежных стран.

Изобразительное искусство

Среди тувинцев издавна было развито камнерезное искусство, художественное литье (бронза и др. металлы), чеканка, ювелирное мастерство, художественная обработка кожи (тиснение), разрисовка и инкрустирование традиционных столиков — «ширэ», ящичков — «аптыра», кроватей — «орун» и т.д. [прим. 8]. Одежды богатого слоя населения — феодалов, чиновников — украшались сложными вышивками цветным шелком, ап-

³¹⁴ Bouanak, 1928 /перевод с фр. яз. — Е.П./.

пликациями из дорогих тканей и меха. Орнамент на мебели состоял из геометрических и растительных элементов. Копировались подлинно китайские орнаменты с такими сюжетами, как знак благополучия, изображение драконов и т.п. Значительно отличался орнамент на деревянной и берестяной посуде, на вьючных седлах в восточных районах Тувы. Там преобладающим являлся простой геометрический орнамент.

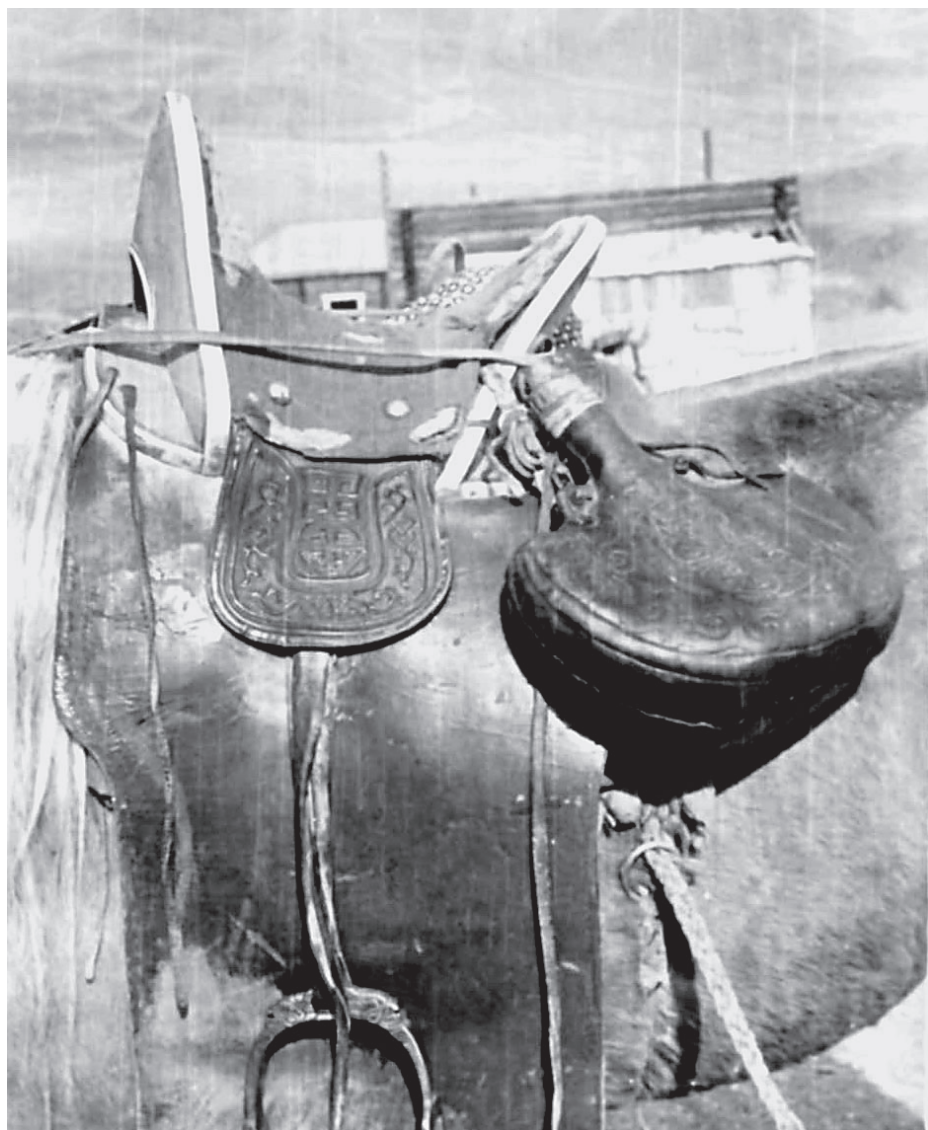


Рис. 53. Верховое седло на лошади; к седлу привязан кожаный сосуд «кучержик». П. Могур-Аксы [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

До сего времени у населения имеются художественно выполненные из камня, меди, бронзы, дерева шахматы [прим. 9]. Сохранились народные мужские пояса с чеканными и отлитыми бляхами, пряжками, с ножами в ножнах, украшенных чеканкой, мозаикой и т.п. Каждый арат старается украсить верховое седло красивыми бляхами, орнаментом по передней луке. В каждой юрте обязательными являются 2–4 ящика «аптыра», передние стенки которых украшены старинными или новыми рисунками. В юрте бедняка-арата такие «аптыра» являлись единственным нарядным пятном. Несомненно, что старинные художники Тувы не для бедняков и батраков изготавливали свои чудесные предметы. Они обслуживали богачей и нойонов, по их приказу изготавливали подарки чиновникам в Монголию и Китай. Лишь незначительное количество художественного богатства тувинцев оседало в народе. И только с новой эрой, наступившей в результате революционно-освободительной борьбы, тувинцы трудящиеся увидели свет и свободу творчеству. Свойственная всем народам потребность создавать прекрасное, украшать свою жизнь нашла в условиях социалистического общества наиболее полное удовлетворение. Народные художники Тувы, сохраняя все лучшее в старом искусстве, ищут новые формы выражения нового содержания. Широко известны в ТАО мастера-камнерезы т[оварищи] Тойбуха Хертэк и [К.] Туктуг-оол (Бай-тайга), резчики по дереву т[оварищ] Тамдын Иргит (Дзун-хемчик), ювелиры Чамзырын (Кызыльский р-н) и Парынза (Чаа-холь), живописец Ширап (Бай-тайга), художник по коже Пальчин Тонгак (Дзун-хемчик), художники по металлу и дереву т[оварищ] Тамберель (Эрзин)³¹⁵, сделавший в числе многих изделий курительную трубку — подарок т[оварищу] И.В. Сталину — и многие другие.

Художественное мастерство среди аратов передавалось из поколения в поколение. Так, упомянутый известный камнерез т[оварищ] Тойбуха Хертэк, родившийся в сумоне Кёпсёк, у подножья горы Кызыл-таг в Бай-тайге, где в то время не было никакого поселка, а кочевали лишь несколько юрт аратов, в том числе и его родители, научился своему искусству от близкого родственника [К.] Туктуг-оола [прим. 10]. Последний вырезал из «мыльного» камня (агальматолита) фигурки животных, которые продавал за чай и другие продукты торговым агентам, разъезжавшим по сумонам. Под его наблюдением делал [Х.К.] Тойбуха свои первые работы. Все свободное время отдавал молодой художник любимому мастерству. Основным же его занятием было хозяйство отца, а впоследствии — работа в колхозе «Победа» (Бай-тайга). Правление колхоза направило его в Туранскую сельскохозяйственную школу, которую он окончил в 1953 г., и был назначен руководителем колхозной животноводческой фермы. Со-

³¹⁵ Головку курительной трубки, изготовленную этим мастером с большим искусством, приобрел ГМЭ. 1955 г.

вершенствуя свои знания в области сельского хозяйства, активно строя новую экономику своего колхоза, [Х.К.] Тойбуха все время работал по камню, и известность его росла. Первое ответственное поручение [Первым ответственным поручением] было изготовление подарка ко дню 30-летия ВЛКСМ. [Х.К.] Тойбуха вырезал фигурные шахматы. Вторые шахматы он вместе с тремя товарищами изготовил к 70-летию со дня рождения товарища [И.В.] Сталина. Много фигур из цветного камня сделал [Х.К.] Тойбуха на ВСХВ. В них он отражал жизнь и быт тувинцев. Кроме [Х.К.] Тойбуха, в его семье режет по камню его брат³¹⁶ [А.К. Дойбухаа]. Мечтает стать камнерезом и сын мастера — пионер-школьник Тондук-оол [прим. 11].

В настоящее время народные художники-араты налаживают в колхозах массовое производство традиционной тувинской мебели — сундуков «аптыра», посудных полок-шкафиков и т.п. Этими предметами они не только снабжают членов своего колхоза, но и продают их на районных базарах (например, в Тээли в 1953 г.). Расписывая мебель, мастера тувинцы включают в старинный орнамент новые мотивы. Так, мастер-колхозник Лопсан Кара-Тонгак (колхоз «Мурнакчи», Бай-тайга) рисует на «аптыра» высокие здания Москвы, включая их в рамку орнамента. Колхозный мастер Куулар Токпал (колхоз им. Калинина, Дзун-хемчик) сделал «сагбыр» (выкройку орнамента), в котором в национальный орнамент включил яркую пятиконечную звезду. В сочетании с серпом и молотом пятиконечная звезда становится постоянным мотивом орнамента росписи. Один из мастеров по резьбе по дереву (Идын Оорджак) вырезал шахматы, где с присущей тувинским мастерам тщательностью вместо нойона («короля») сделаны колхозники: один — в полушубке, другой — в телогрейке.

Произведения мастеров-художников тувинцев периодически собираются и экспонируются в областных выставках народного творчества. В Кызыльском областном краеведческом музее имеется ряд прекрасных работ из камня и дерева, металла и кожи местных мастеров. Однако мастерство народных художников мало используется для украшения жилищ, клубов, поселков. Художники не организованы, творчество их развивается стихийно, сбиваясь часто на малохудожественное исполнение, шаблон, слепое копирование плохих образцов [прим. 12].

Несомненно, в дальнейшем творческая сила трудящихся и в этой области найдет свои истинные пути на благо свободного народа. Помимо широкоразвитого народного мастерства, в ТАО в настоящее время появляются мастера-художники профессионалы (т[оварищи] [В.Л.] Таз-оол

³¹⁶ В Бай-тайге цветной камень (агальматолит) — «чонар таш», годный для резания, имеется только на горе Сарыг-хая, где он залегают на глубине двух метров небольшими пластами. Камень желтых и серо-голубых оттенков.

и [С.К.] Ланзы), создающие картины, отображающие тувинскую природу, старый и новый быт народа, участвующие постоянно в работе национального театра [прим. 13].

Театр

До образования ТНР в Туве театра не было. Существовали театрализованные религиозные ламские церемонии и своеобразные «театральные» сеансы шаманских камланий. Как первые, так и вторые, являясь по содержанию религиозными церемониями, по форме представляли собой «спектакли», всегда имевшие многочисленных зрителей. При первых имелся «исполнительский коллектив» (ламы), при вторых — один исполнитель (шаман). И там, и здесь имелись специальные аксессуары — специальные костюмы, атрибуты, маски. В тех и других церемониях наличествовали элементы актерской игры, действия, предполагалось обязательным условием «перевоплощение». Нужно отметить, что ламские служения в хурэ старой Тувы привлекали массы трудящихся не столько своим религиозным содержанием (часто совсем не им), а красотой, театральностью. Сами исполнители — тувинские ламы — были далеки от понимания религиозного содержания выполняемых ими церемоний, что отличало их от монгольских лам. Тувинские ламы плохо знали молитвы, плохо понимали язык священных книг, плохо понимали ламский ритуал. Это отмечает проф. В.В. Бунак, который пишет: «Тувинские ламы — это только плохая копия монгольских лам, которым они подражают, большей частью не понимая. На ламаистских праздниках “Майдыр” и “Эргиил” ни один тувинский лама не мог мне объяснить смысла обрядов, выполняемых на празднике». Простой тувинский народ, тем менее, знал и понимал ламаистские обряды и был в значительной мере равнодушен к их содержанию.

Другое отношение было в народе к шаманству — исконной религии тувинцев. В камлании население не только понимало смысл происходящего, но и возгласами поощрения или сочувствия принимало участие во всех перепетиях шаманского действия. Несомненно, что и в шаманстве имелся целый ряд обрядов и действий, которые рядовой тувинец не смог бы объяснить, раскрыть их смысл, утерянный с течением времени. Однако шаманство было значительно ближе народу, чем ламаизм, долгое время упорно насаждавшийся в Туве феодально-теократической верхушкой маньчжуро-китайских правителей. Недаром ламы принуждены [вынуждены] были примириться со своеобразным содружеством ламаизма и шаманства в Туве. Ведь это факт, что до революции, и даже до 1930 г., ламы и шаманы мирно «сосуществовали», а местами (в восточных районах) шаманство играло значительно большую роль, чем ламаизм. И даже в центральной территории Тувы, где ламаизм был значительно сильнее, чем на окраинах, ранее проник в гущу населения, всегда существовали «камы»

и «улуг-камы» со всеми аксессуарами, проводились «сёок-тагыр» священным горам (с шаманами и без оных).

Светский театр появился в Туве после установления революционной, народной власти. Начало театральных представлений относится к 1925 г. В это время в г. Кызыле ставились пьесы, не имевшие написанного текста, создававшиеся путем импровизации самими исполнителями. Лишь после создания письменности появились пьесы для театра с постоянным текстом [прим. 14]. Уже в 1931 г. была написана первая тувинская пьеса «Девушка из колхоза» М. Тэмира. Вскоре С.К. Тока дает первые пьесы «Хэрээжен» (женщина) и «Узун-Кара и Семис-Кара», появляется пьеса В. Кок-оола «Хайран-бот». Позднее ряд других тувинских писателей создает пьесы для национального театра (т[оварищ С.А.] Сарыг-оол и др.).

Пьесы тувинских писателей своим содержанием имеют как изображение тяжелого прошлого народа, так и его борьбу с феодалами за свободную жизнь, за культуру, борьбу с вредными пережитками в сознании народа (первые периоды). В последующие годы произведения тувинских писателей показывают нового человека с его мечтой о будущем. Таковы пьесы С.К. Токи («Тонгур-оол», 1936 г.), ставившие вопрос о бдительности, о воспитании партийных кадров. Из позднейших отметим пьесы С.[А.] Сарыг-оола «У костра» (1946), О. Саган-оола «Сумонный учитель» (1953). Громадное [Большое] значение для развития тувинской драматургии имела работа тувинских писателей над переводами произведений классической и советской театральной литературы. Были переведены на тувинский язык «Любовь Яровая» К.[А.] Тренева, «Мятеж» [Д.А.] Фурманова, «Русские люди» К.[М.] Симонова и др.

Преодолевая естественные неудачи и трудности (не все пьесы тувинских писателей были удачны в постановках), развивается молодая тувинская драматургия. Наряду с мастерством драматургов растет исполнительское мастерство тувинских актеров. Значительная группа тувинской молодежи в 1955 г. окончила Ленинградский театральный институт и приступила к работе в Кызыльском областном театре. Большую помощь в развитии театра в Туве оказывает русская труппа Областного театра — актеры, режиссеры, постановщики. Обширный репертуар произведений русской классической и советской драматургии идет на сцене Кызыльского театра на русском языке. Общение тувинских и русских театральных работников, труд их на общее дело тувинского театра значительно способствует быстрейшему развитию театральной культуры в Туве. Работа Областного театра широко демонстрируется в Области путем организации гастрольных поездок по районам и колхозам. И русская, и тувинская труппы каждое лето показывают в колхозных клубах русские и тувинские пьесы, выступают с концертами в полеводческих, животноводческих бригадах колхозов, на промышленных предприятиях и стройках Области.

В Области появились самодеятельные драмколлективы при районных домах культуры. Большую работу ведут эти коллективы, создавая постановки сложных драматических произведений. Так, еще в 1952 г. отмечалась хорошая работа самодеятельного коллектива Тоора-хемского дома культуры. Они ставили пьесы русских классиков и советских писателей («Глубокая вспашка», «Чужая тень» и др.). Там же силами самодеятельности к юбилею [Н.В.] Гоголя в 1952 г. ставили «Женитьбу», предварительно предпослав спектаклю доклад о творчестве [Н.В.] Гоголя, прочтенный на русском и тувинском языках.

В последние годы в ТАО стали приезжать артисты из городов СССР. В 1953 г. в Мбнгу-нтайгу приезжал ансамбль песни и пляски Узбекской АССР, в 1956 г. гастролировал Свердловский цирк. Нужно заметить, что совершенно недостаточными являются посещения далекой Области деятелями искусства СССР. При современных транспортных условиях эти связи вполне возможны и принесут много пользы молодому социалистическому искусству.

Здравоохранение

До 1928 г. в Туве имелась одна больница, построенная в г. Кызыле, прошлом Белоцарске, еще русским правительством. «Забота» о здоровье населения лежала на шаманах и ламах, которые охотно «лечили» население за хорошую плату. Мы уже отмечали, что кое-какие знания лекарственных свойств трав были известны и тем, и другим. Но в основном их «лечение» основывалось на обмане населения, зачастую принося непоправимый вред здоровью пациентов. Первое десятилетие существования ТНР медицинское обслуживание населения мало изменилось. Реакционные элементы в правительстве не были заинтересованы в том, чтобы их верные слуги — ламы и шаманы — лишились доверия масс, а главное — доходов от своей деятельности и влияния на народ. Поэтому еще в 1928 г. ассигнования на медицинское обслуживание равнялось 4,6 % бюджета ТНР (32,9 тыс. руб.). В 1930 г. в ТНР была построена еще одна больница, аптека, медпункт. Расходы выросли до 100 тыс. руб. После ликвидации феодалов и лам в правительстве, лишения их прав и имущества ТНР приступает к усиленному строительству медицинских учреждений и подготовке медицинских кадров. Тяжелое наследие прошлого колониального феодального режима — низкий уровень культуры, чрезвычайная бедность населения и, как результат, плохое состояние здоровья беднейшей части населения, большая детская смертность и смертность от инфекционных болезней, уносивших целые сумоны (например, вымерли тувинцы группы Хеюк), — требовали немедленных мероприятий. К 1943 г. в ТНР имеется уже 15 больниц, 43 медпункта и 10 аптек. В 1944 г. на медобслуживание населения ассигнуется 1,5 млн руб.

Советское правительство оказывает дружескую помощь в организации в республике здравоохранения. Ассигнует средства на постройку и оборудование первых медицинских учреждений и их оборудование, посылает на работу в ТНР врачей, средний медицинский персонал. Организует врачебное обследование и экспедиции, которые работают в республике по несколько месяцев, выявляя состояние здоровья населения, оказывая высококвалифицированную медицинскую помощь, помогая налаживанию работы по здравоохранению, проводя среди населения санитарно-просветительную работу. В медицинских учебных заведениях СССР готовятся пока еще немногочисленные кадры медицинских работников из местного тувинского населения. В самой республике организуется фельдшерское отделение на учебном комбинате. К 1941 г. в Туве уже имеются специалисты-медики тувинцы. Примечательна судьба сына бедняка-оленовода Тоджи т[оварища] Кол Серэкея, первого врача-хирурга тувинца. В 1922 г., когда ему исполнилось 9 лет, у него умер отец. Оставшись с матерью, они влачили полуголодное существование. Однако новая жизнь открылась перед ним, как и перед всем тувинским народом. Национальная революция, народная власть спасли его жизнь, как и жизнь многих бедняков-аратов. В 1926 г. он едет в г. Кызыл в начальную школу. В 1928 г. его направляют в СССР, где он получает сперва среднее, а затем и высшее (медицинское) образование. В 1941 г. он становится врачом-хирургом. В молодой Тувинской республике т[оварищ К.] Серэкей возглавляет дело здравоохранения. Ныне он заведует областным отделом здравоохранения.

В трудных условиях проходил первый период работы по охране здоровья тувинских аратов. Необходимо было завоевать доверие и авторитет у населения, находившегося в плену шаманских и ламаистских представлений о болезнях, их причинах, о мерах лечения. В непрерывной борьбе с активной агитацией шаманов и лам против всех начинаний медицинских работников налаживали первые врачи, фельдшеры свою деятельность. Особенно трудна была работа среди женщин в борьбе за их здоровье, за жизнь их детей. Система религиозных представлений, «охраняющих» женщину и ребенка от «дурных» влияний, противостояла усилиям медицины, подогреваемая шаманско-ламской агитацией. В этой области успехи зависели от быстрейшего повышения общего экономического и культурного уровня населения. Огромную роль играла в повышении культуры молодежь, ревсомольцы, женщины-члены ТНРП, всемерно помогавшие врачам в их трудной самоотверженной работе.

После 1944 г., года присоединения Тувы к СССР, советское правительство неустанно увеличивает заботу о народном здравоохранении. Растут ассигнования на строительство медицинских учреждений. Приближение медицинской помощи к населению, широкий охват населения профилактическими мероприятиями, усиление санитарного просвещения населения,

санитарного надзора — задачи, стоящие перед органами здравоохранения в Области. Все эти задачи теснейшим образом связаны с экономическим переустройством. Особенно большое значение имеет переход населения на оседлость в связи с коллективизацией аратских хозяйств. В возникающих поселках вместе с помещениями для школ строится обычно помещение для медицинского пункта. В настоящее время в Области нет ни одного колхозного поселка, где бы ни было либо врачебного (в наиболее крупных поселках), либо фельдшерско-акушерского пункта. В любом медпункте имеется стационар [на] 1–2 и более коек для родильниц. Количество врачей с 1944 г. по 1956 г. выросло в 5 с лишним раз. Ассигнования с 1,5 млн руб. в 1944 г. выросли до 25,2 млн руб. в 1951 г. и до 32,5 млн руб. в 1956 г. И все же врачей в Области не хватает. В 1956 г. многие тувинцы — медицинские работники были награждены значком «Отличник здравоохранения». В настоящее время в Области имеются в каждом районном центре оборудованные больницы; кроме того, имеются 16 участковых и 2 городские больницы.

До 1945 г. в Области работал один врач-эпидемиолог, в настоящее время во всех районах имеются эпидемиологические станции. Это привело к тому, что губительных эпидемий в Области давно уже нет. Возникающие эпидемические очаги быстро ликвидируются всеми имеющимися в современной медицине средствами.

Профилактические мероприятия, систематически проводимые и охватывающие поголовно все детское и взрослое население, играют немалую роль в изживании эпидемии. Если в 1915 г. учитель [Н.П.] Венкель не смог выполнить своей задачи — провести оспопрививание среди оленеводов Чооду — в силу того, что и поездка его была плохо материально организована, и население не доверяло этому мероприятию, бежало от него, то уже много лет нынче прививки против скарлатины, дифтерии, оспы и др. охотно принимаются населением. Обязанность эта лежит на работниках колхозных медпунктов, которые живут в гуще населения, постоянно общаются с ним, ведут повседневную работу с населением и в огромном большинстве случаев являются преданными своему делу людьми. Мы отмечали, говоря о народном образовании, ту огромную роль в деле культурного развития населения, помощь в освоении новыми культурными навыками [новых культурных навыков], которую играет в Области армия учителей русских и тувинцев. Не меньшую роль в этом деле играют и медицинские работники. Посетив многие и многие колхозные поселки, знакомясь с жизнью аратов-колхозников и работой специалистов среди народа, мы неоднократно наблюдали то уважение, теплое доверие и авторитет, которым пользуются молодые (в большинстве) врачи, фельдшеры, сестры. Нелегкая работа лежит на них, немало трудностей встречает их в отдаленных поселках Области, но они с честью преодолевают эти трудности. Многие из

них, пережив трудности первых лет, освоившись в новых условиях, остаются здесь работать надолго, делаются близкими, «своими» людьми. Многие из них народ облакает своим высоким доверием, выбирая в депутаты областных, районных и сельских советов.

Приведем один пример работы рядового медицинского работника в Области. В Тодже в поселке колхоза «Советская Тува» работает фельдшерницей-акушеркой т[оварищ] Тарабрина Екатерина Ивановна. В 1948 г. она окончила фельдшерский техникум в г. Прокопьевске и была направлена в ТАО. Здесь отдел здравоохранения назначил ее на работу в Тоора-хемскую больницу разъездным фельдшером в Улуг-таг сумон. В эти годы в Тодже не было ни одного колхоза. Население вело кочевой образ жизни. Оленеводы весь год находились в труднодоступных Саянах, охотясь и окарауливая [оберегая] свои стада. Молодая девушка, не знавшая тувинского языка, по долгу своей работы должна была верхом на лошади объезжать горные стойбища оленеводов, оказывать им медицинскую помощь.

До 1948 г. в Улуг-таге, кочевом сумоне, был медпункт, где работала тувинка, окончившая один курс ветеринарного техникума. В сумоне не было русских. Лишь санитарка медпункта Хаишпан Клара немного знала русский язык. С ее помощью молоденькая фельдшерница выучила тувинский язык, научилась верхом на коне объезжать трудный горный сумон. Два года без перерыва проработала т[оварищ Е.И.] Тарабрина в Улуг-тагском сумоне, кочуя с населением его [сумона]. Тяжело было первое время молодому фельдшеру в нелегких условиях Тоджи. Однако сознание необходимости той помощи, которую она несла населению, воодушевляло ее. Оленеводы тепло встречали ее, видя настойчивость, искреннюю преданность делу. В 1950 г. после организации в Тодже колхозов она была назначена во вновь открывшийся медпункт в молодом колхозе «Советская Тува»³¹⁷. Колхоз дал фельдшернице только помещение. Самой пришлось ей [Е.И. Тарабриной] его отремонтировать, приспособлять и под медпункт, и под жилье для себя. До сего дня работает в колхозе Е.И. Тарабрина. Своей работой она заслужила большой авторитет у населения. Несколько созывов подряд народ выбирает ее депутатом Тоджинского райсовета и членом исполкома этого райсовета. Здесь же тов[арищ Е.И.] Тарабрина была принята в члены КПСС. Медицинская помощь, оказываемая ею населению, приучила тувинцев приходить в медпункт с доверием. Тяжелые заболевания хирургические, а также и тяжелые роды [Пациентов с тяжелыми хирургическими заболеваниями, а также тяжелыми родами] фельдшерница направляет в районную больницу в п. Тоора-хем (в 8 км от колхоза). Все новейшие медикаменты имеются в медпункте. Помимо оказания лечебной помощи заболевшим,

³¹⁷ До этого первый год колхоз обслуживал прикрепленный от районной больницы фельдшер, наезжавший в колхоз. Колхоз выделял ему в постоянное пользование коня.

фельдшерица ведет работу с роженицами. Установлено наблюдение за беременными женщинами в колхозе, заведены регистрационные карточки. При медпункте имеются две родильные койки. Большинство женщин рожают в медпункте. Даже из далеких оленеводческих бригад женщины своевременно приезжают в колхозный поселок для родов. Принимаются роды и дома, в юртах, чумах. Ведется большая работа по разъяснению вредности старинного способа подвешивания, давления на спину рожавшей. В этом деле т[оварищу Е.И.] Тарабриной помогают знание языка, быта колхозников, личное доверие к ней. Над детьми до 6 месяцев ведется [осуществляется пристальное] наблюдение, 2 раза в месяц фельдшерица их осматривает, взвешивает. После 6 месяцев — 1 раз в месяц. Семьи теперь многодетные. Часто мать не помнит имени всех своих детей, — шутя говорят тувинцы, — а уж возраст и вовсе не помнят. Большую работу ведет фельдшерица вместе с учителями колхозной начальной школы по санитарно-просветительному делу, посещая юрты, чумы, новые дома. Показывают, как нужно мазать, белить дом, учат мыть пол, стирать белье, готовить кушанья из новых продуктов, как покупных, так и овощей.

Огромную, незаметную на первый взгляд работу ведут русские специалисты среди недавно еще кочевого населения по осведению новых более высоких культурных навыков. Тяжелое наследие оставили колониальный гнет иноземных правителей, хищническая торговля китайских и русских купцов — нищету и болезни. И сейчас еще очень многие болеют, Тбс [туберкулез] еще ежегодно уносит несколько молодых жизней. При медпункте ведется разъяснительная работа по профилактике Тбс, что совершенно необходимо, так как тувинцы не умеют и не понимают, что эта болезнь передается очень легко. Имеются брошюры на тувинском языке, в доходчивой форме излагающие необходимые сведения об этой болезни. В настоящее время в районной больнице имеется рентгеновская установка, позволяющая проводить точное диагностирование. Наиболее тяжелые случаи направляются в туберкулезный санаторий за пределы Тувы. Имеются новейшие эффективные лечебные средства — ПАСК [парааминосалициловая кислота] и антибиотики. Уже почти исчезает другая тяжелая болезнь — люэс. Кроме того, медицинский работник является и санинспектором: следит за изготовлением продуктов в колхозе, [правильным] хранением их, за состоянием магазина, школы-интерната, наблюдает за школьным питанием, за здоровьем школьников. Он же в начале учебного года проводит приемный медосмотр учеников. Медработник не только принимает в стационаре больных, но и выезжает по вызовам в бригады колхоза, в том числе и к оленеводам (даже без вызовов, не менее двух раз в год).

Большую разъяснительную работу проводит т[оварищ Е.И.] Тарабрина по поводу использования больными минеральных ключей «аржан» на

Хамсаре. Население, веря в их чудесную силу, отправляло туда родных, болеющих самыми разнообразными болезнями. Наиболее распространены являются туберкулез всех форм и сифилис. Этим больным минеральные ключи приносили лишь вред. Однако население этого вреда не осознавало. Разъяснительная работа в этом направлении помогла предотвратить многие несчастные исходы болезни, своевременно принять эффективные меры лечения.

Из районной больницы п. Тоора-хем приезжают врачи консультировать фельдшера. Изредка с целью проверки приезжают врачи из Области.

В районе Тоджи имеется 1 районная больница, где в 1952 г. имелось 20 коек, в том числе 3 родильных и 2 эпидемических. При больнице, которая находится в п. Тоора-хем, имеется амбулатория, где специалисты-врачи ведут ежедневный прием больных. Кроме этого, в районе имеются 4 фельдшерско-акушерских пункта в обоих колхозах, а также на Сейбе и Сыстыг-хеме. При районной больнице имеется аптека, через которую снабжаются медикаментами все фельдшерские пункты.

Широкое поле деятельности медицинского работника в Области и самоотверженный труд русских врачей, фельдшеров, сестер способствует сближению русского и тувинского народа, укреплению тесной дружбы между ними. Таких людей мы могли бы перечислить во множестве. Упомянем лишь врача-педиатра Г.Ф. Султанову, которая в короткий срок завоевала уважение городского и крестьянского населения ТАО. Г.Ф. Султанова работает в Областной детской больнице и спасла немало детских жизней от туберкулезного менингита.

Растет сеть специализированных медицинских учреждений в Области. В Кызыле имеется Областная детская туберкулезная больница, специализированные лечебно-профилактические диспансеры. В Области организована станция санитарной авиации, Дом санитарного просвещения.

В Области имеются богатые возможности развития курортной сети. Уже имеется туберкулезный санаторий. На оз. Чедыр, богатом целебными грязями, работает солено-грязевой курорт. Начато строительство курортов на известных источниках — Южном Аржане и Тарыс. Там строятся помещения для больных; колхозы обеспечивают курорты питанием, лечебным кумысом.

Местному населению издавна были известны могучие целебные свойства горячих ключей в верховьях Каа-хема, называемых «Уш-бельдыр», — место [район], где сливаются три реки: Пус, Пелым и Кызыл-хем. Ламы и шаманы использовали эти ключи в своих целях: построили здесь «ова» для молений и сбора жертв, называли эту воду «живой водой». Ежегодно летом через горы и тайгу верхом на конях по звериным тропам ехали сюда люди со всех концов Тувы и Монголии, Сибири. После образования ТНР в 1933 г. здесь был организован первый курорт, построены помещения для

больных, водолечебница на 5 ванн, столовая, электростанция, дом для врача. Но он недолго просуществовал.

В 1955 г. в Области вновь приступили к осуществлению решения правительства о создании местных здравниц. Из Министерства здравоохранения в Туву был направлен главный бальнеолог для изучения тувинских целебных ключей, озер. О ключах Уш-бельдыр он дал заключение: мало найдется в нашей стране и за ее пределами лечебных мест, с которыми можно было бы сравнить комплекс курортных факторов Уш-бельдыра. Вода основного источника здесь имеет температуру более 80°, на земную поверхность ее поступает в сутки более 100 тыс. л. По химическому составу вода источников минерализована щелочными кремнистыми водами, газифицированными азотом. Источники с такой высокой температурой являются единственными в Сибири и на Дальнем Востоке.

Экспедиция 1932 г. определила, что, если бы не бездорожье, то Терехольские «аржаны» были бы курортом мирового значения, ибо воды такой лечебной силы нигде больше нет. Целый ряд тяжелых заболеваний успешно можно лечить этими водами. В 25–30 км имеются нарзанные источники. Окружающая ключи природа позволит здесь организовать богатое курортное хозяйство (огороды, молочную ферму, рыбную ловлю, охоту). Условия местности пригодны для постройки гидроэлектростанции. В ближайшие годы здесь будет восстановлен в широком масштабе курорт, что позволит населению получать высокоэффективное лечение и отдых, не выезжая за пределы Области.

Все эти мероприятия уже дали свои результаты. Резко снизилась смертность, особенно среди детей. Отметим это может любой человек, посетивший колхозный поселок. Бросается в глаза в новых поселках большое количество здоровых, крепких, веселых ребят. Об этом же говорят большие списки матерей, награждаемых правительством орденами и медалями за рождение и воспитание пяти и более детей. Статистика отмечает неуклонный рост тувинского населения. Под влиянием санитарного просвещения, строгих требований санитарного надзора изменяется и традиция захоронения. Тувинцы не бросают умерших в лесу или степи, оставляя их на расхищение диким зверям. Умерших хоронят в земле на кладбищах около поселков. Любопытно, что на могильный холмик, как в далекие времена на курганы, складывают кое-где кучку камней, ставя в головах флажок — «маней».

Шаманы и знахари проявляют свою «лечебную деятельность» только в глухих местах, на оленных угодьях, подальше от широкой массы колхозников, особенно молодежи. Однако нельзя считать, что эта деятельность прекратилась вовсе и не играет роли в культуре и жизни тувинцев. Население само активно борется со старым бескультурьем. Например, сами по собственному почину приходят в медпункт на дезинсекционирование при появлении паразитов в одежде. Древнее средство, применявшееся с целями

«очищения» от злых духов во многих случаях жизни, — сжигание артыша, известное прежде «саң салыр», — ныне употребляется как также очистительное средство, но от «злых» паразитов. В избах артыш жгут при плотно закрытых дверях и окнах, и этим очищают жилище от паразитов (клопов и тараканов).

Все эти отдельные факты из целого множества говорят об огромном сдвиге в культуре тувинцев, сдвиге, на который понадобилось всего четверть века творческого, свободного труда рука об руку с братским русским народом в тесной семье малых и больших народов великого Советского Союза, проводящего ленинские заветы национальной политики.

Одним из важнейших моментов в социалистическом строительстве в Туве явилось привлечение женщин к общественному труду в сельском хозяйстве и в промышленности, вовлечение женщин в дело управления страной. К 1942 г. в президиумы арбанных и участковых Хуралов было избрано 22,8 % женщин, 15 женщин были избраны членами верховного органа власти — Малого Хурала. Всего в 1942 г. на руководящей партийной и советской работе было занято 412 женщин.

В дореволюционное время женщина была бесправна. То презрительное отношение к ней отражено в том факте, что не было слова в тувинском языке для женщин. Ее называли кличкой «херээчок» — «ненужная». Целый ряд социальных и религиозных запретов держал женщину в узких рамках ее личной семьи, не позволяя ей распорядиться своей судьбой, заработанным имуществом. Еще в 1930 г. в Туве не было ни одной грамотной женщины. К 1943 г. уже около 90 % женщин были грамотны. В школах в те годы обучалось много девочек и девушек (около 4,5 тыс. в 1943 г.). Из среды тувинских женщин к этому году были подготовлены 39 медицинских работников — врачей, фельдшерниц, акушерок, медсестер, 206 учительниц, 15 зоотехников, агротехников, 67 финансовых работников.

Растет количество женщин, работающих на производстве, в 1940 г. в гостипографии работали 15 женщин, в 1943 г. — 39 женщин. На лесозаводе женщины до войны не работали, в 1943 г. 44 человека пришли на это производство³¹⁸.

В 1942 г. в промышленности работают: в системе Министерства промышленного строения 55,5 % женщин, швейном комбинате — 92 %, гостипографии — 63 %, сапожных мастерских — 66 % женщин. Прочно вошел труд женщин в общий труд колхозников. В 1942 г. 45,6 % всех трудодней в колхозах выработали женщины. В среднем каждая женщина выработала 191 трудодень.

Ныне равноправно со всеми мужчинами женщины Тувы активно принимают участие [участвуют] в хозяйственной, культурной жизни Области.

³¹⁸ Ст[атья] М. Рытая в журнале «Под знаменем Ленина—Сталина» [за] 1943 г. (с. 51).

На промышленных предприятиях работают 32 % женщин, в сельском хозяйстве — 30,6 %. Свыше 500 женщин избраны в местные советы депутатов трудящихся.

Много женщин на предприятиях Области и в колхозах являются передовиками производства, борются за претворение в жизнь мероприятий, намеченных партией и правительством для быстрейшего развития экономики и культуры своего народа.

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Мы попытались показать в данной работе изменения, происходящие в жизни тувинского народа в настоящее время. Основная задача этой работы — на конкретном материале проследить процесс национальной консолидации тувинцев. Сложность работы состояла в том, что дореволюционный быт и культура, а также история тувинского народа мало исследованы. Нам представилось необходимым в кратком по возможности изложении показать дореволюционный быт, хозяйство и культуру тувинцев. А также дать небольшую сводку исторических событий, протекавших на территории Тувы и смежных с ней областей Северо-Западной Монголии, Алтая и Минусинского края.

В истории тувинского народа следует, как нам представляется, различать два периода. Первый — многовековой период этнической консолидации племен, населявших территорию Тувы, второй — новый период, послереволюционный период существования тувинского государственного образования (ТНР и ТАО), период национальной консолидации тувинского народа.

Процесс этнической консолидации племен, населявших Туву, начался в глубокой древности. Характерным для этого процесса являлось наличие нескольких центров, где слагалась этническая общность племен, составлявших современный тувинский народ. Таким очагами были западные районы Тувы, где создававшиеся племенные союзы имели тесные связи с племенами Алтая и западного угла Северо-Западной Монголии; северо-восточные территории Тувы, где племена, населявшие Туву, были тесно связаны с населением северных склонов Саян, Прикосоголья, Минусинской котловины; южным центром была территория хребта и отрогов Танну-ола, где в основном племена Тувы входили в сношения с племенами степной Монголии (Восточной). Как предполагают советские исследователи древней истории Южной Сибири, первый толчок, способствовавший объединению кочевых племен на этой территории (в том числе и в Туве), был дан гуннскими завоевателями. [С.В.] Киселев по этому поводу пишет, что военная активность хуннских правителей (шаньюев) привела к быстрому расширению их империи, а это значило включение в единое целое самых разнообразных областей с различными общественными и культурными особенностями. Несмотря на «условность централизации, отличавшей “империю” хуннов, не могло не происходить слияния этих особенностей

и образования на их основе новых форм культуры и общественных связей» (Киселев, 1951, с. 177). А.Н. Бернштам также считал, что гуннский племенной союз способствовал объединению кочевых племен и подготовил сложение таких народов, как киргизы, казахи и др. (Бернштам, 1951, с. 12).

О пребывании гуннов в Южной Сибири (на Алтае, в Минусинской котловине) свидетельствуют археологические памятники, которые позволяют ученым сделать вывод о большом влиянии гуннов на культуру Южной Сибири в период [со] II в. до н.э. по II–III вв. н.э. (Бернштам, 1951, с. 53).

Гунны, кочевники-скотоводы, на территории Южной Сибири (горная тайга Саян и Алтай, Тувы) встретили племена охотников-рыболовов, знавших, по-видимому, оленеводство. Под влиянием культуры пришельцев среди этих племен начинается переход к скотоводству. Археологические находки на Алтае и в Хакасии свидетельствуют об этом.

Набор деревянных лошадок с отверстиями для вставления рогов на головах (Чуйская степь), пазырыкские лошадиные маски, имитирующие голову оленя, находки Л.Р. Кызласова деревянных фигурок оленей с упряжью — все это говорит о сдвигах в культуре древних саяно-алтайских аборигенов — охотников-оленоводов, о происходившей смене оленя лошадью. Этот процесс в отдельных частях территории Саяно-Алтая (в частности, на Северо-Восточном Саяне и его предгорьях) проходил длительное время. Он отражен в фольклоре тувинцев. Эти сдвиги проходили на основе тесного сближения аборигенных племен с пришлыми кочевыми скотоводческими племенами. История гуннов свидетельствует о большой роли северной гуннской орды, а также сменивших ее господство сяньбийцев (II в. н.э.) в этногенезе саяно-алтайских племен.

Заслуживает внимания, что после разгрома северных гуннов сяньбийцами большая часть первых (100 тыс. кибиток) не ушла, осталась в Центральной Азии на прежде занятых землях, приняв имя победителей, то есть «сяньби». Возможно, таким образом, предполагать, что в дальнейших исторических событиях в Южной Сибири в числе завоевателей долгое время участвовали и эти остатки гуннов. На процесс смешения остатков гуннских племен с местными племенами указывает [А.Н.] Бернштам, придавая ему важное значение.

Северной границей гуннских, сяньбийских завоеваний был Минусинский край, и, конечно, территория Саян и Тувы входила в их земли³¹⁹. Любопытно, что столь древние процессы оставили до сего дня память о себе в Туве. Так, в Тодже имеется р. Сей-би (Севи), название которой связывается с именем «Сяньби». В именах собственных тувинцев имеется имя «Хунну» (Хунну Милмон — работник Сыстыг-хемского леспромхоза).

³¹⁹ Погребения Оглахты (60 км ниже Минусинска) некоторыми учеными считаются гуннскими, другими — сяньбийскими (Бернштам, 1951, с. 44).

Ранняя история племен Южной Сибири, и в том числе Тувы, дает некоторый ответ на чрезвычайно важный вопрос о языковой принадлежности первых завоевателей на этих территориях. Относительно гуннов вопрос об их языковой принадлежности можно считать более или менее ясным (Бернштам, 1951, с. 56)³²⁰. Много данных говорит о том, что в гуннском племенном союзе преобладала тюркская речь. О сяньбийцах ответ на подобный вопрос еще не получен. Мнения исследователей до последнего времени расходятся. О тюркоязычности сяньби писал проф. [P.] Pelliot [П. Пеллио]. [К.] Ширатори, анализируя немногочисленные слова племен дунху (предков сяньби), сомневается, что эти племена были тунгусоязычны, как предполагалось прежде. Он определяет их как тюркские и монгольские. В исследовании о тоба и сяньби Л.И. Думан считает племена дунху древними монголами. Напомним, что сяньбийцы, в том числе и тоба, представляли собой племенной союз, в который, вероятно, помимо покоренных ими гуннов, входили и другие древние тюркские племена.

По-видимому, можно предположить, что древние тувинские племенные союзы складывались на древней тюркоязычной основе путем длительной борьбы языков аборигенов с языками пришельцев. Иноязычными аборигенными племенами охотников-оленоводов были на северо-востоке Южной Сибири самоедоязычные племена (такие как Кас ~ Каш ~ Кач и Магади ~ Монгоди), на северо-западе — кетоязычные племена (такие как Ас ~ Аз, Ар ~ Яр и Котты). Большая часть самоедоязычных племен снялась с родных мест с приходом завоевателей (гуннов, сяньбийцев, Тоба) и ушла на север. Большая часть осталась и, постепенно смешиваясь с пришельцами — ранними и поздними кочевниками (тюрки-тугю, уйгуры, кыргызы), вошла в состав многих новых этнических образований, сменив свой язык (со временем полностью) на тюркский. Существовавшая до прихода завоевателей языковая и культурная общность аборигенных племен облегчила создание более или менее прочных союзов с пришельцами на западе и востоке Тувы. Такие племенные союзы в более позднее время выступают как самостоятельные политические объединения, существовавшие довольно длительное время (Алтын-хановское княжество, тувинские княжества). Этнической консолидации в этих племенных союзах способствовало и географическое положение восточных и западных районов Тувы. Иначе обстояло дело с центром и югом Тувы, более доступным вторжениям многочисленных племен, проходивших по степям Монголии. На этих землях Тувы и в более поздние периоды не сложились прочные племенные союзы.

История Северо-Западной Монголии, Тувы и Алтая — это история непрерывной борьбы различных народов. Эта борьба неоднократно раз-

³²⁰ Иностранцы — хунны и гунны.

рушала возникавшие в Туве общности, создавала условия для возникновения новых связей. Это замедлило процесс этнической консолидации населения Тувы, делало его очень сложным. Возникавшие этнические группы западных, восточных, центральных тувинцев были разнородными. Этногенез восточных групп в Туве, например, не более сложен, чем этногенез южных и западных. Мы попытались в работе дать анализ происхождения некоторых групп тувинцев. В результате этих попыток стало ясным, что решения проблемы этногенеза тувинцев сложнее, чем это предполагалось ранее. Каждая родоплеменная группа тувинцев (а их до сего времени помнит население свыше пятидесяти) имеет сложную историю. Язык, предания, этнонимы, археологические материалы, этнография тувинцев исследованы в настоящее время слабо. Язык тувинцев, относящийся к древним тюркским языкам, за самый период этнической консолидации населения Тувы претерпел ряд изменений, что отразилось на звучании этнонимов.

Для настоящей работы этногенез каждой группы тувинцев не играет решающей роли. Значительно важнее дать ответ на вопрос, когда возникает постоянное более или менее однородное население на территории Тувы.

Нам кажется, не будет ошибкой сказать, что к моменту проведения южной границы маньчжуро-китайскими властями (1727 г.), отграничившими территорию Тувы от Монголии, процесс этнической консолидации был настолько ярким, что и вызвал к жизни это мероприятие. Проведение границы со стороны России с севера, отделение Алтая после подчинения его России — все эти факты замкнули население Тувы на определенной территории. И несмотря на то, что Тува была разделена на уделы, внутри нее развиваются интенсивнее, чем прежде, связи между отдельными группами населения. Если об отдельных группах тувинцев мы можем сказать, что это древние группы, то о народе в целом мы этого сказать не можем. Тувинцы — народ сравнительно молодой, об этом свидетельствуют самоназвания, названия его другими народами, теории исследователей, отличавших различные названия для групп населения запада и востока. Попытки создать в пределах Тувы крупные политические объединения, как Тувинский аймак (1762 г.), куда входили 5 хошунов, не привели к созданию настоящей общности экономики, культуры населения. В условиях колониального феодального строя созданию указанных общностей препятствовали постоянные распри, борьба за власть. Но в то же время эта борьба, втягивая все население Тувы, создавала между отдельными группами тесное общение, в котром слагалась тувинская народная культура, дошедшая до Великого Октября.

Процесс сложения единой тувинской культуры начался со времени освобождения народа от гнета колонизаторов, феодалов, баев, с установления подлинно народной власти. Территория Тувы стала безраздельной собственностью народа. Территориальные размежевания в Туве в после-

революционный период диктовались нуждами развивающейся социалистической экономики. Единый интерес — быстрое поднятие материального и культурного уровня народа на базе развития всех старых отраслей хозяйства и внедрение новых отраслей, развития торговых связей с дружественными народами Советского Союза, развитие промышленности — связывал весь тувинский народ. Задачей всего народа стала ликвидация культурной отсталости, результата многовекового угнетения и нищеты.

Создается единый литературный язык, письменность, появляется широкая сеть школ и различных учебных заведений. Появляются свои писатели, поэты, драматурги, музыканты, артисты, создается театр, пресса. Этот процесс становления национальной культуры мы сейчас видим.

Социалистические формы экономики, вызвавшие новые формы быта культуры, создают новое сознание у бывших единоличников-кочевников. Прежде всего новое отношение к общественному труду, чувство советского патриотизма, чувство дружбы и признательности к братскому русскому народу, единства со всеми народами Советского Союза.

Общими интересами со всем Союзом живет в настоящее время тувинский народ, откликаясь действенно на все начинания советского правительства и КПСС. Уже в течение 1956–1957 гг. ТАО рапортует государству о досрочном выполнении взятых обязательств по сельскому хозяйству. Ряд лет лучшие люди ТАО участвуют в ВСХВ, получая высокие награды за достижения в области животноводства, полеводства, охоты. Лучшие силы из среды артистов и самодеятельности участвуют на всесоюзных олимпиадах в Москве.

Молодой рабочий класс тувинцев вскрывает древние хребты Саян и Танну-ола, включая богатства их недр в сокровищницу Советского Союза.

К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции тувинский народ рапортует родине, как и все народы СССР, о своих достижениях в области культуры. На весь Советский Союз прозвучала поэма тувинского писателя [С.А.] Сарыг-оола «Источник силы», чудесная народная музыка тувинцев, произведения тувинских композиторов, получивших образование в союзных консерваториях. Ярко, глубоко, поэтично показано в поэме безрадостное прошлое актера-бедняка и его новая свободная жизнь в настоящем. «Источником силы» мудрую ленинскую национальную политику, дружбу с братским русским народом называет тувинский народ. Эта сила позволила в короткий срок неузнаваемо перестроить [изменить] жизнь веками угнетенного народа.

[К главе III]

[Легенды о «крепости» Пор-Бажын и их анализ]

Крепость на оз. Тере-холь³²¹ известна всем тувинцам. Она расположена на одном из многочисленных островов этого озера. Добираться до острова очень трудно в летнее время, так как берега озера сильно заболочены. От п. Кунгуртук до озера 7 км. Ближайшее расстояние по воде 2 км. Дело осложняется тем, что местные тувинцы-колхозники не имеют ни одной лодки. Для рыбалки пользуются «салом» — плотом из бревен. Нам в 1955 г. не удалось побывать в крепости, так как плот был угнан на далекий берег, где находилась МТФ колхоза, и перегонялся на покосы, такие далекие от острова, где стоит крепость. Мы наблюдали крепость только с самолета на пути в Кунгуртук и обратно.

В настоящее время крепость представляет собой быстро разрушающиеся развалины. По словам местных тувинцев, еще не так давно стены крепости были значительно выше, видны были на стенах узоры и письмена. Теперь стены упали. В крепости местное население находило обломки глиняных сосудов, различной формы кувшины. Тувинцы определяют, что это была фарфоровая китайская посуда. Наши поиски указанной посуды у населения были безуспешны. Разрушению остатков крепости способствует то обстоятельство, что зимний путь в Тере-холь из п. Знаменка (районный центр Каа-хема; по-тувински поселок называется Сарыг-Сеп) идет мимо крепости. На острове обычно проезжие обозы делают остановку, отдыхают, варят чай и тому подобное и, конечно, навещают развалины.

Ниже мы прилагаем план крепости, сделанный по нашему поручению местным жителем, завхозом Кунгуртукской школы т[оварищем] Санаа Кыргыс. При всех недостатках этого плана, он дает размеры и планировку помещений крепости [план в рукописи отсутствует].

Известия, возможно, об этой крепости имеются в рукописном атласе [С.У.] Ремезова (XVII в.), находящемся в Румянцевском музее в Москве³²². На этой карте Енисей показан вытекающим из оз. Далай-нор, к западу от озера помещены особые знаки, при которых имеется надпись: «Город каменный, старый, две стены целы, а две развалились».

Нами в 1955 г. записан ряд вариантов легенды об этой крепости от старожилов-тувинцев стариков.

³²¹ Оз. Тере-холь тувинцы не переводят «Небесное (священное) озеро». Согласно легендам, это название переводят «Вот-озеро» (см. ниже). Старики рассказывают, что озеро никогда не считалось священным, как, напр[имер], Тоджи-куль (ныне Азас) в Тодже. Ни ламы, ни шаманы не запрещали ловить там рыбу и т.п.

³²² Цит. по: (Потанин, 1883, т. III, с. 144).

Предания о крепости на оз. Тере-холь

(ныне в Каа-хемском районе, Шынаанском сельсовете)

Сообщил Шойдып Иргит.

[I.] Строил эту крепость Ильчиген чигиты хан. У хана были очень длинные уши. Брил его каждый раз другой человек, так как хан не желал, чтобы кто-либо знал об его ушах. При бритье уши завязывались то на лбу, то на затылке. Раз побрившего его человека хан убивал. И вот, жила одна женщина; был у нее сын. Хан позвал его брить себе голову. Перед тем как сыну идти к хану, мать надоила четыре чашки молока из своих грудей, высушила и дала сыну этот «курут» — свое сухое молоко — и сказала: «Когда будешь брить хана, то разок, другой побрей, потом съешь кусочек этого курута». Сын пошел брить хана. Так и делал, как сказала ему мать. Хан (царь) спросил его: «Что ты делаешь? Что ешь? Брить так брить! А ты все ешь». — «Я ем курут». Царь попросил у него курута попробовать. Дал царю кусочек. Тот съел и сказал: «Вкусно!» Так и брил. Пока брил лоб, уши были завязаны на затылке. Когда брил затылок, уши завязывали на лбу. Царь попросил еще курута. Дал. Царь спросил его: «Из чего сделан этот курут?» — «Из молока моей матери». Царь сказал: «Я ел курут из молока твоей матери. Теперь ведь мы с тобой родные». И царь не убил его. «Только ты никому не говори, что у царя длинные уши». Сын ушел. Жил, никому секрета не говорил. И вот, стал парень болеть. Живот его стал расти, совсем большой стал живот. Тогда мать сказала ему: «Ты людям секрет царя не говори, а в уме своем потихоньку скажи». Сын так сделал. Не помогло ему. Тогда мать сказала: «Ты людям про уши царя не говори, а потихоньку суслику и пролетающей птице очень тихо скажи: “У царя длинные уши”». Сын так и сделал и поправился.

Вот раз гуляет царь и слышит, кто-то тихо говорит: «Ильчиген чигиту...» Царь обернулся — нет никого. А это суслик сказал. Потом опять слышит: «Ильчиген чигиту...» Это пролетающая птица сказала.

Царь подумал, что теперь все люди узнали, что он не царь, а зверь, и решил, что дальше тут жить ему нельзя.

В крепости был колодец. Его всегда закрывали крышкой. И один раз слуга не закрыл колодца, и в нем появилась рыба. Сказали об этом царю. Он совсем испугался и твердо решил откочевать. Ушел царь со своим народом в горы, через хребет Мотцын. Когда уходил, оглянулся, а за ним, на том месте, где крепость стоит, уже море. Ушел он, кажется, к дархатам. Там 18 лет жил в подземелье.

Парень тот, его родственник, с ним вместе, верно, ушел и жил [прим. 1].

П. Кунгуртук. Август 1955 г.

Записала Е.[Д.] Прокофьева

II. Крепость построили китайцы (кытат). Люди, жившие в ней, пришли из Китая. Во главе их был хан. Так как крепость была на суше, то для снабжения ее водой однажды люди вырыли в крепости колодец. Опустили в него ведро, и... в ведро попала рыба. Люди, жившие в крепости, рыбу не ели, считали ее червем — «курт». Хан узнал об этом, испугался и решил покинуть крепость. Ушел хан со всеми своими подданными так же, как и пришел, в хребты Хан-тайги, а оттуда — дальше на юг. Когда уходил, то обернулся назад взглянуть на свою крепость (или его помощник обернулся) и увидел, что всю крепость и долину залило водой из колодца. Осталась только сама крепость. Хан и сказал тогда: «Тере-холь» — «Это озеро». По другому толкованию он сказал: «Теере-холь!» — «Небесное озеро». Так за озером это название и осталось.

[Сообщил] Панчин Кыргыз Тандук, 64 г., родился на Балыктыг-хем, живет в п. Кунгуртук.

III. Давно-давно из Индии или из Китая пришел со своим народом хан Арбисаан. Он долго здесь жил. У его народа не было другого скота, только одни ослы (ильджиген).

Арбисаан построил крепость в защиту от людей, здесь живших, которые не признавали ни его, ни его народ и нападали на него. В крепости не было воды. Хан велел вырыть колодец. Когда работники, рывшие колодец, дошли до воды, то вода стала быстро подниматься и, наконец, вышла из краев и стала заливать крепость. Едва успели увести народ и скот. Этот хан и его народ ушли в Хангылак по хребту, который потом стали называть по этому случаю (что хан по нему ушел) «Хан-тайга».

На стенах крепости были надписи. До революции здесь, в Чиргалан-ды, жили два знатные ученые китайцы [знатных ученых китайца] по имени [званных] Шартай и Шоккар. Они пытались прочитать эти надписи и не сумели.

П. Кунгуртук, август 1955 г.
Запис[ала] Е.[Д.] Прокофьева

Подобные легенды о крепости на оз. Тере-холь в Туве были записаны Паткановым [Г.Н. Потаниным] во время его путешествия в Сев[еро]-Западную Монголию и Туву в 1876–1879 гг.

По одной из легенд, Эльджиген-джигит (чиктей) хан был одним из трех ханов, живших некогда в Дархатской земле³²³. Он имел ослиные уши. После обнаружения его уродства он ушел вовсе из Дархатской земли. Эта легенда рассказана дархатом с р. Шишкит. Различные урянхайцы /тувинцы. — Е.П./ рассказывали [Г.Н.] Потанину о том, что «Эльджиген-джигит

³²³ Два другие хана — Чингис-хан и Сайан-хан (Потанин, 1883, т. IV, с. 295).

хан жил на озере Терь-Нор /Тере-холь. — *Е.П./*, где на середине на острове был его двор (ханшин), сложенный из глины. От него-то и получили название урянхайцы кости Эльджиген, живущие в верхней части долины р. Хук» (Потанин, 1883, т. IV, с. 296). Хукские урянхайцы разясняли, что главная ветвь Эльджигенов находится между Сартулами, под ведомством Гуна. [Г.Н.] Потанин справедливо замечает, что речь идет об эльджигенах большого монгольского хошуна Лу-гуна³²⁴. Этот хошун управлялся князем Гун, предок которого имел ослиные уши³²⁵, тщательно скрывая это обстоятельство (Потанин, 1881, т. II, с. 22). Бривших его людей казнил.

Легенды об этом предке, приводимые [Г.Н.] Потаниным, совпадают в основном с собранной нами по ряду моментов. Эти легенды рассказаны [Г.Н.] Потанину жителями соседних с Эльджиген-хошуном территорий — хошун Сартаул (Сартул, Сартол). Полное название этого населения — Сартол (Сартагол-) эльджигены (Потанин, 1881, т. II, с. 22). Хошун находится на правом берегу среднего течения р. Дзабхына. На западе он граничит с хошуном в аймаке Дзасактухана и заселял оба склона хребта Хан-Хухей и правый берег р. Дзабхына. На севере граничит с землями Сайтов.

О монголах-эльджигенах приводится в «Истории Монголов» рассказ Рашид-ад-Дина, приведенный [Г.Н.] Потаниным. Некто Мисер-улюк женился на вдове-китаянке Таухуа, выехавшей из Китая на осле искать себе жениха. В память об этом животном дети их брака стали называться ослами³²⁶. Уже во времена [Г.Н.] Потанина это название монголы считали для себя обидным. В наше время, да и в его время, это название было переосознано, стало синонимом «глупый». Потому в некоторых вариантах (§ «е») у [Г.Н.] Потанина. Очерки... т. IV, с. 296) Эльджиген-хан характеризуется как глупый хан — «тенек хан».

Эти легенды увязывают эльджигенов-монголов с костью эльджиген хукских урянхайцев. Об этих последних [Г.Н.] Потанин пишет: «...независимый от огурта князей отрывок Урянхайского народа обитает в долине р. Хука. Они подчинены Хотогойтскому Биширилты ванну и управляются дзайсаном... В хошуне считаются 3 кости Джокду /Чогду. — *Е.П./*, Зот /Чоод(у). [*— Е.П./*], Эльджиген».

По их показанию, они платили присылаемому от Шитырвана тамылу в летнем среднем месяце, так называемый «сонгодык», состоящий из кобыл, соболей и рысей. Зимой с них собирали в пользу тамыла (чиновника) «шусек». Сами себя хукские урянхайцы называли (как и карагасы) Туфа или Туха. Из описания (очень краткого) [Г.Н.] Потанина их женской одежды

³²⁴ Второй хошун Эльджигенов «малый Эльджиген» или Ирине ба Эльджиген (Потанин, 1883, т. IV, с. 293).

³²⁵ Эльджиген по-монгольски «осел»; джигетей — «дикий осел», ильджиген — «осел» — по тувински-монгольски.

³²⁶ Цит. по: (Потанин, 1881, т. II, с. 8, прим. 62).

и причесок явствует, что в этих элементах материальной культуры у них сохранились мингитские элементы [черты], наблюдаются и халхаские.

Таким образом, в легендах об Эльджиген-хане отражены переселения группы монголов с запада на северо-восток, появление их на урянхайских землях.

В других легендах, записанных [Г.Н.] Потаниным, содержатся иные совпадающие моменты с нашими легендами. Так, в варианте «е» говорится, что Тенек-хан — Эльджеген-хан жил на Терьхуне ~ Терь норе /Тере-хөле. — *Е.П./* или просто на озере, как его называют дархаты, «тогда, когда там не было еще ни озера, ни леса». Воду брали из колодца (Потанин, 1883, т. IV, с. 296). Это указание легенды полностью согласуется со всеми вариантами, записанными нами, а также и с показаниями ныне живущих стариков-тувинцев о постепенном обводнении долины. Указанное обстоятельство очень важно не только для географов (и гидрологов), но и для историков, долженствующих изучать этот памятник-крепость. Объяснить цель постройки этой крепости, исходя из ее расположения на сегодня, трудно. Крепость стоит в почти недоступном месте во все сезоны года, кроме зимы. Такое расположение явно стратегически невыгодно для ее строителей. При таком обилии воды около крепости трудно понять необходимость сооружения колодца.

Живущие сейчас около Тере-хөля старики-тувинцы помнят, что на заболоченных ныне берегах озера в дни их молодости стояли юрты и кошары. Места были сухие.

Нам представляется несомненным, что крепость была выстроена на суше и лишь затем была затоплена. По реплике Эльджиген-хана о появлении леса на этих территориях: «...земля испортилась, лезет из нее какая-то колючка вместо доброй травы» — можно судить, что хан и руководимый им народ были животноводы, которые были заинтересованы в «доброй траве», а не в лесе. Представление о рыбе как о чем-то нечистом (о черве), от чего «портится вода», свойственно монголам.

Из всего приведенного выше можно сделать заключение о том, что некогда часть жителей хошуна «большого Эльджигена» (хошуна Гуна, что тождественно) откочевала со своих земель по р. Дзбхын, с хребта Хан-Хухей и, пройдя на восток, частично осела на р. Хук смежно с урянхайскими Зотами /Чооду. — *Е.П./*. Возможно, что они временно занимали и долину оз. Тере-хөль. Но здесь они встретили сопротивление урянхайских племен, населявших многочисленные отроги Восточных Саян, Сангилену. Эти племена были охотниками и оленеводами. Вспомним, что по указанию стариков Соян, Иргит, живущих и сейчас на этих территориях, вся восточная Тува (то есть современный Тоджинский район, все 4 сельсовета Тере-хөля) недавно еще в народе назывались Улуг-Тоджа. Это название свидетельствует о том, что основным занятием здесь было оленеводство.

Возможно, это сопротивление и вызвало уход эльджигенов далее к Косо голу. Различие в культуре животноводов и охотников-оленоводо-в, столкнувшихся на этих землях, в прошлом вызывало взаимно пренебре-жительное отношение. Об этом красочно пишет Рашид-ад-Дин (Рашид-ад-Дин, 1952, с. 123–124). Говоря о лесных урянкатах, о приручении ими оленей, доении и т.п., он замечает: «...они (лесные урянкаты) считали большим пороком пастьбу баранов до такой степени, что если отец и мать ругали дочь, то говорили: мы отдадим тебя такому человеку, у которого тебе придется ходить за баранами. Она же до крайности огорчалась так, что от огорчения и скорби вешалась... Мнение их таково, что не бывает лучше этой /то есть их. — *Е.П./* жизни и что нет никого блаженнее их... Они думали так, что если люди обитают в городах, областях и равнинах, то они пребывают в тяжком мучении». Отсюда эпитет хану Эльджигену, не понимающему пользы леса, рыбы, — «тенек» (глупый) хан, даваемый охотниками-оленоводами, для которых лес и реки были главными источ-никами жизни.

Ко времени [Г.Н.] Потанина эльджигены уже долгое время жили в одном хошуне (к тому же урянхайском хошуне) с группами Джокду /Чогду. — *Е.П./* и Зоту ~ Зот /Чооду. — *Е.П./*, то есть с таежными (ныне считающиеся в основе) монгольскими — первые³²⁷ и тувинскими охотни-ками-оленоводами — вторые. В процессе совместного проживания монго-лы Эльджиген освоили таежную охоту, но привнесли в занятия тувинцев разведение лошадей. Это предположение вытекает из дани, которую хукские урянхайцы платили Шидырвану, — кобыл, соболей и рысей, то есть про-дукцию таежного промысла. Оленеводством они, по-видимому, не занима-лись, однако охота требовала транспорта. Поэтому от животноводства у них сохраняется коневодство. От тувинских племен они приняли и название Туфа ~ Туха. По-видимому, они близко соприкасались с карагасами, имев-шими тоже общее самоназвание, в состав которых также вошли кости Ак- и Кара-Чогду.

Интересным является указание [Г.Н.] Потанина о том, что хукские урянхайцы причисляют к своему народу и дархат, причисляя сюда и шо-бинские отуки. Эти утверждения хукских урянхайцев правильны, посколь-ку к дархатам относятся такие группы (кости), как Уха (или Хуа ~ Каа — «меньший») Дархат³²⁸, Хар /Хара ~ Кара. — *Е.П./* Дархат, то есть, по

³²⁷ Современные тувинцы Восточной Тувы — Сояны, Иргит и другие — прекрасно различают группу Чооду и Чогду. Первые считаются ими тувинцами, вторые — монгола-ми. Последних в настоящее время на территории ТАО лишь единицы.

³²⁸ Термин Уха ~ Хуа ~ Каа — значит «меньший», «Кара» прибавляется к названию кости младшей (потомство младшего брата), можно предположить, что главной «старшей» (Ак — акка) считались ТарҒат, оставшиеся в Туве, тогда как части кости выселявшиеся получили название младших.

нашему предположению, урянхайские группы, которых мы и ныне встречаем в горно-таежной Тодже. Это тоджинская группа Тарѣат, по имени которой, по-видимому, и названы хребты Эргик Тарѣат-тайги. «Дархат» является по-монгольски озвонченным вариантом этого этнонима. Поэтому и сведения от г[осподина] Палкина, полученные [Г.Н.] Потаниным, о дархатских шаманах. Г[осподин] Палкин сообщает, что дархатские шаманы призывают онгонов на урянхайском языке. Нам думается, что это относится к шаманам, ведущим свое родство от урянхайских родов, а не вообще ко всем дархатам.

Таким образом, и Хукские урянхайцы, и дархаты сложились в результате слияния урянхайских (тувинских) таежных групп Тарѣат, Чооду ~ Чогду с пришедшими из северной Монголии монгольскими племенами, Эльджигенов в частности.

С обеими группами тувинцы до последнего времени поддерживали самые тесные связи. И лишь с усилением процесса консолидации тувинцев в самой Тувинской автономной области, с возникновением оседлых культурно-хозяйственных центров, около которых концентрируется и оседает ранее кочевое население Тувы, эти связи прервались. Встает вопрос: когда же происходило это продвижение монголов с территорий Северной Монголии, чем оно вызывалось?

Выход монгольских родов на восток происходил, судя по легендам, собранным [Г.Н.] Потаниным при борьбе Бошохту (Бошуюхту, Бошко-Галда-Бошко)-хана с Хайнь (Сайн)-ханом. [Г.Н.] Потанин предполагает, что Бошуюхту-ханы были те самые, «которые у нас известны под названием Алтын-ханов» (Потанин, 1881, т. II, с. 75).

Предположение это основано на совпадении названия местностей, связанных с именем этого хана и Алтын-хана. Напр[имер], «местность к югу от Улагома между западным мысом хребта Тухтуген-куру и горами, из которых вырывается р. Харкита, представляет собой равнину, занятую пашнями. Среди этой равнины имеется одиночная скала Алтын-дзюрку. Здесь, по словам дюрбютов, была резиденция Бошохту-хана, здесь же, по русским отпискам, была ставка Алтын-ханов».

[К главе VIII]

Процесс сплачивания плотов

Кратко опишем здесь процесс сплачивания «ставов» (как здесь называют отдельный плот). Заготовленные и свезенные за зиму к реке бревна перед спуском на воду обрабатывают следующим образом. На комлях бревен, заготовленных стандартной величины [по стандартным размерам] (длины 8,5 м и диаметра не менее 24 см у комля), выпиливают широкий паз — «вайму» (см. фото) [фото в рукописи отсутствует], а на верхнем конце делают широкий пропилен. После этого бревна скатывают «на плавь» (см. фото) [фото в рукописи отсутствует] на воду. Там в ваймы бревен вставляют обтесанное с боков поперечное бревно — «ронжу». Для того чтобы ронжа плотно сидела в ваймах, рядом с ней в вайму забивают деревянный клин — «иглу». Так скрепляется комлевый конец плота. Передние концы бревен связываются «кольцами». Эти «кольца» свиваются из тонких березок, черемух, елок. Для этого молодые деревца очищают от веток, разогревают над огнем.



Рис. 54. Подвоз тонких жердей для витья «колец». Сыстыг-хемский леспромхоз, р. Пий-хем [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Разогреть стволы связывают на особом приспособлении (см. фото и рис.). В стволе растущего дерева вырубает как бы крючок-паз. В него вкладывают верхушку разогретого деревца и закрепляют ее в пазу клином. Нижний конец деревца расщепляют, в расщеп вставляют веревочную пет-



Рис. 55. Витые «кольца» для сплачивания плотов. Сытыг-хемский леспромхоз, лесоучасток Солчур р. Пий-хем [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

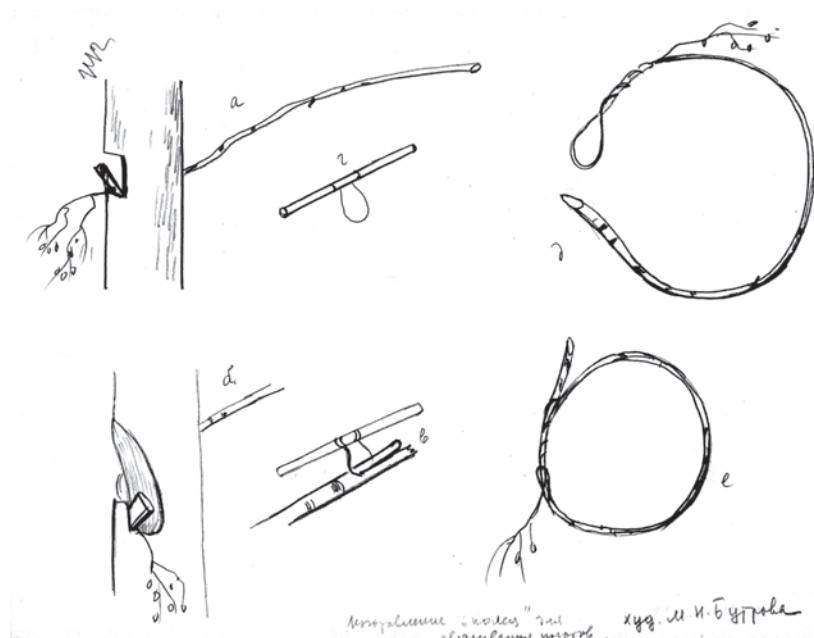


Рис. 56. Изготовление «колец» для связывания плотов [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

лю на палке. Палку с петлей крутят, с ними закручивается и ствол дерева. В то же время начинают обходить вокруг дерева, где закреплена верхушка свиваемого деревца, и укладывают это деревце плотно вокруг ствола большого дерева. Затем, сняв свитой ствол из паза, делают из него большое кольцо (см. фото).



Рис. 57. «Кольцо» для связывания плотов. Тоджа, 1952 г. Сытыг-хемский леспромхоз, лесочасток Солчур р. Пий-хем [фото из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

В каждое кольцо вставляют концы двух бревен плота и закрепляют связки большими деревянными клиньями — «кочетками». Для большей крепости плот скрепляют поперечной ронжей и посередине, но не весь, а по 6 бревен с каждого края. На каждом звене ставят будку для лоцмана. Первый плот (передний) — «став» — плотят из 20 бревен, следующие за ним ставы делают уже.

[К главе XI]

Изготовление «араки» из молока

«Араку» гонят из снятого квашеного молока — «хойтпак». Для этого из бочки молоко выливают в котел («паш»), процеживая его через волосяное или лубяное сито (рис.) [рисунок в рукописи отсутствует]. Закваску выбрасывают, а часть кислого молока оставляют для будущего квашения.

На котел с «хойтпаком» ставят деревянную кадочку без дна — «пүльгер». В «пүльгере» проходит наклонно насквозь лоточек-трубка — «шөрга». Сверху на «пүльгер» ставят маленький круглый котелочек — «шилапшя». Место соединения «шилапшя» с «пүльгером» замазывают глиной, если ее нет, то плотно запутывают тряпками, войлоком. В «шилапшя» наливают холодную воду, и все время, по мере ее нагревания, сменяют. Все это сооружение ставят на железный очаг — «ожук» — или на железную печку и кипятят. В кипящем «хойтпаке» начинает испаряться «арака», поднимаясь вверх в «пүльгере», пары касаются холодного дна «шилапшя», конденсируются и в виде капель падают на «шөрге», по которому вытекают в подставленную посуду.

Их двух ведер «хойтпака» получают 1½ л «араки». Крепость «араки» — 10–15°.

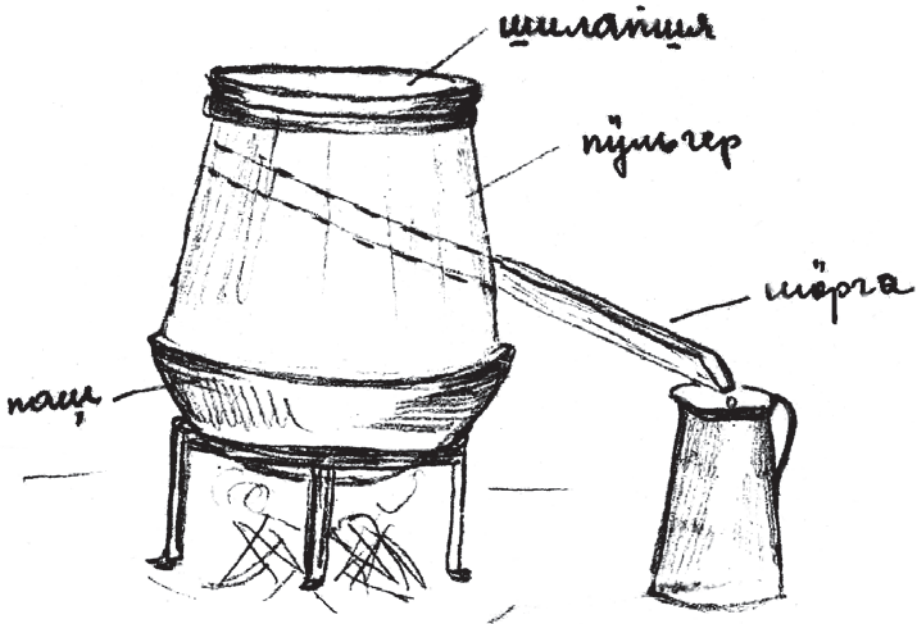


Рис. 58. Перегонный аппарат тувинцев [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

[К главе XIII]

Приведем для примера истории развития нескольких колхозов ТАО. Нужно отметить, что в колхозах очень плохо сохранились архивы (отчеты и протоколы общих собраний и заседаний правления колхозов), особенно за первые годы работы. Многих документов не имеется вовсе ни в колхозах, ни в районных организациях. Годовые отчеты колхозов не содержат нужных сведений, заполнялись неквалифицированно, так как не было еще в первые годы опытных бухгалтеров, учетчиков и т.п. Многие отчеты содержат неправильные сведения, хотя на них и стоит печать Райисполкома, заверяющая их правильность и подлинность. Поэтому очень часто сведения архива Области расходятся с действительностью. Составляются эти общие сведения по отчетам колхозов. Сверяя на месте отчеты с материалами, сообщенными колхозниками, а также путем личного наблюдения можно в общих чертах восстановить картину того или иного колхоза.

Пример первый

Колхоз «Мурнакчи» («Передовик») Бай-тайгинского района — один из лучших колхозов района. Оседлый поселок колхоза находится на берегу р. Улуг-Шуй в местности Булун. На запад от него, в 2–3 км, [протекает] р. Барлык. Колхоз был организован в апреле 1949 г. (утвержден Райисполкомом 30 марта 1950 г.). До этого времени здесь не было ни ТОЖЗЕМа, ни других первичных коллективных хозяйств. На организационном собрании в колхоз вступили 24 хозяйства. В первом году были обобществлены посевные площади, рабочий инвентарь и рабочий скот. А через год, в 1950 г., был обобществлен и продуктивный скот — 2 тыс. голов. В первый год колхоз засеял 149 га зерновых «по старинке»; сельскохозяйственных машин не имелось. Лишь в 1950 г., когда в районе была организована МТС, на полях колхоза в посевной кампании этого года работал один трактор. Трактористами работали 2 тувинца-колхозника, которые еще в 1949 г. были направлены в соседнюю (Барыын-хемчикского района) Кызыл-Мажалыкскую МТС на обучение в числе других тувинцев-членов колхозов им. Сталина, «Тонтерек» и др.

В колхозе была выделена строительная бригада. Строительному делу обучал колхозников-тувинцев бригадир т[оварищ] Саңч-оол. Он сам научился строительству домов «самоуком», а в 1952 г. был направлен на учебу в г. Кызыл, где, окончив строительные курсы, получил квалификацию техника по строительству. В 1950 г. в колхозе уже были построены 48 типовых и несколько нетиповых жилых домов, здание школы, медпункта, магазина, конторы правления колхоза. В 1953 г. колхозники построили помещение для ветлечебницы, клуба, 22 жилых дома и приступили к строительству электростанции. Бригада строителей состояла из 70 человек.

В 1950 г. в колхоз были объединены уже 82 хозяйства, а в 1951 г. — 206 хозяйств, в 1952 — 318 хозяйств и в 1954 — 461 хозяйство. Общее количество населения в колхозе в 1954 г. достигло 2 216 человек, в том числе 1 042 человека трудоспособных. Увеличение населения в 1954 г. произошло за счет объединения хозяйств, кочевавших до этого в Мбнгун-тайге, и переселения 136 хозяйств на территорию Бай-тайги.

Хозяйство колхоза крепнет из года в год. Увеличиваются доходы аратов-колхозников, благоустраивается их быт. Все это привлекает единоличников, которых в 1955 г. в районе остались единицы. О доходе первого года мы достоверных сведений не имеем. Документов не сохранилось. В 1950 г. на 1 трудодень колхозникам было выдано по 1 кг зерна и по 70 коп. деньгами, в 1951 г. — по 1,5 кг зерна и по 1 руб. деньгами, в 1952 г. — по 4,5 кг зерна и по 1 руб. 40 коп. деньгами, в 1953 г. — по 4 кг зерна и по 3 руб. 72 коп. деньгами. Общий денежный доход колхоза еще в 1951 г. составлял 97 586 руб., в 1954 г. достиг почти 1 млн руб. (929,7 тыс. руб.). В 1954 г. этот колхоз получил дохода с 1 га пашни больше, чем другие колхозы района, а именно 1 723 руб. Эти данные свидетельствуют об упорном труде колхозников, укрепляющих свое общественное производство.

В колхозе растут посевные площади. Если в 1949 г. колхозники сеяли зерновые на площади 149 га, то в 1954 г. засеяно было 772 га³²⁹. Колхозники сеют пшеницу, ячмень, овес и просо, а с 1952 г. стали сеять и однолетние травы. В 1953 г. основной массив пашни был засеян пшеницей (388,07 га). Значительно меньше посеяли ячмень и просо (182,6 га и 109 га) и 82 га овса. Пшеницы и ячменя в среднем сняли по 9 ц с га, просо — 11 ц с га. Овес почти весь вымерз. В 1954 г. средний урожай зерновых был значительно выше — 15,7 ц с га.

Нужно учитывать, что организации колхоза в Бай-тайге сеяли почти везде только ячмень и просо. Климатические условия резко сказывались на урожае и этих культур. Кроме того, земли Бай-тайги — все поливные. Из вышеуказанного количества посевов лишь 20 га пашни не требуют поливов.

С 1953 г. колхоз стал заниматься огородничеством. Сажали 4 га картофеля. Урожай был невелик, весь оставили на семена для посадок следующего года. В колхозе с 1953 г. работает постоянно агроном. Он впервые в этом году на опытном участке посеял огурцы и морковь. Урожай раздавал населению, не видевшему до этого времени овощей. Новые овощи колхозникам пришлось по вкусу. В будущем планируется развитие посевов этих культур на общественном огороде и личных огородах колхозников.

³²⁹ По другим данным, в 1953 г. — 789 га (Архив колхоза). Первые данные — сводка Облисполкома.

С организацией МТС в районе началась механизация сельскохозяйственных работ. В 1951 г. Бай-тайгинская МТС очистила в районе 155 га от зарослей караганника, очистила пашни от валунов. Нужно сказать, что готовых, не требующих предварительной очистки посевных площадей в районе мало. Очистка земли от камней, кустарника прежде требовала много усилий и проводилась аратами в мизерных размерах. Использовались лишь чистые, степные (долинные) площади. С появлением высокой земледельческой техники появилась возможность значительно расширить как пашни, так и луга, особенно необходимые для развития экономики района, так как основным для всех колхозов Бай-тагги является животноводство. В колхозе «Мурнакчи» помощь МТС в 1952 г. выразилась в основном во вспашке земель под посевы. Боронование, сев, уборку зерна силами МТС провели на 40, 50, 60 %, обмолот зерновых — на 75%. Остальные работы проделывались колхозниками вручную так же, как и сенокос, целиком проводившийся в эти годы вручную. Силами МТС, кроме указанных работ, проводился впервые такие новые для района агрономические мероприятия, как снегозадержание на пашнях и лугах, удобрение.

С 1952 г. колхоз уже имел свои грузовые автомашины, значительно облегчавшие сельскохозяйственные работы.

Растет поголовье скота. Если в первый год общественное стадо состояло из 2 тыс. голов всех видов скота, то в 1952 г. в колхозе имелось: 283 лошади, 138 голов крупного рогатого скота, 1 140 овец, 1 300 коз, 181 як (сарлык), 2 свиньи.

Особенно сильно увеличилось общественное стадо в 1954 г., когда в него влилось стадо новых колхозников из Мёнгун-тайги. В колхозе имелось 1,5 тыс. голов крупного рогатого скота (в том числе и яков-сарлыков), около 18 тыс. голов овец, 7,5 тыс. коз, 889 лошадей и 27 свиней. Новые колхозники (136 семей) сдали в общественное стадо 304 лошади, 987 коров и яков, 11 144 овцы и 4 352 козы.

Таким образом, с 1950 г. (а не с 1949 г., так как только с 1950 г. колхоз перешел на устав сельхозартели), когда впервые был обобществлен продуктивный скот, по 1954 г. колхоз стал крупным хозяйством, объединившим большую часть аратов юга Бай-тайги и почти все население Мёнгун-тайги. На территории последней в силу исключительно неблагоприятных природных и транспортных условий создание самостоятельного колхоза было нерентабельным. Там полностью отсутствовали перспективы развития не только комплексного земледельческо-животноводческого хозяйства, но и животноводство могло развиваться только на базе местного грубошерстного овцеголовья и разведения яков. Пастбища для лошадей и молочного скота (коров) почти полностью отсутствовали, лугов для сенозаготовок не имелось вовсе. Условий для развития оседлых поселков также не имелось: отсутствуют строительные материалы (лес), водоснабжение и т.п.

Труднодоступна территория и для автомобильного транспорта, а следовательно, сложен процесс заброски сюда товаров, продуктов и т.п. Население Мёнгун-тайги переселилось не только в колхоз «Мурнакчи», но также и в соседний с ним колхоз им. Сталина (п. Бай-тайга).

В описываемом колхозе «Мурнакчи» уже в 1953 г. укрепились отраслевые бригады. Крупный рогатый скот обслуживали 2 бригады — 28 человек, в том числе 18 доярок. За каждой из них закреплено было по 18 коров. Среди них выделялись передовые доярки, которые при годовом плане — надое в 500 л — уже к октябрю 1953 г. получили от своих коров по 600–700 л молока. Дойных коров в колхозе и в 1954 г. было мало (29 %) по отношению ко всему поголовью крупного рогатого скота. (По Области планируется 40 % коров в стаде).

Коровы и телята обеспечены на зиму жилыми помещениями и кормом — сеном и силосом. Последнего впервые в 1953 г. заложено 114 тонн в 3 облицованные ямы. С сеном в колхозе обстоит хуже, так как нет настоящих сенокосов. Несмотря на то что колхозники до поздней осени 1953 г. косили все самые мелкие луга, от планируемого количества сена поставили лишь 80 %. Большую подмогу в этом деле оказала солома и мякина, которая также пошла на корм. Табун имел корма (овес и сено) лишь для рабочих коней и конематок. Рабочие кони обеспечены и теплыми конюшнями.



Рис. 59. Типовой коровник в колхозе «Мурнакчи». Колхозники кроют крышу соломой [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

Работа по поднятию породы коров в колхозе в 1953 г. еще не проводилась. Племенная работа среди овец велась с первых лет, и в 1953 г. в стадах на 12,5 тыс. овец имелась почти половина метисов с каракулевыми и ме-

риносовыми породами. В 1954 г. были куплены 24 свиньи, для которых построен свинарник.

Охота играет значительную роль в бюджете колхоза. В 1953 г. план по добыче пушнины равнялся в сумме [составлял после реализации сумму в] 24 тыс. руб., однако нехватка рабочих рук в колхозе в основных отраслях хозяйства — животноводстве, земледелии, огородничестве, а также в строительстве — не позволила выделить должное количество охотников. В охотничий сезон 1953 г. ушли 16 охотников вместо 35.

Большое значение для колхоза имеет тот факт, что многие женщины-матери очень мало или вовсе не принимают участия в общественном труде. До 1953 г. в колхозе не имелось даже сезонных яслей. В этом году начато строительство и оборудование яслей. Это высвободит значительную рабочую силу. Колхоз имеет огромные возможности ко всемерному подъему своего хозяйства, о чем говорят успехи, достигнутые в первые годы, о которых мы кратко сообщили.

Изменился весь быт тувинцев-колхозников за эти несколько лет. В настоящее время в колхозе проживают тувинцы групп Хертэк, Кара-Тонгак, Сарыг-Тонгак и Хомушку. Значительно меньше здесь Салчаков, проживающих в основном в колхозах им. Сталина (п. Бай-Тал) и «Победа» этого же района. Из Монгун-тайги в 1953–1954 гг. ушли в колхоз тувинцы групп Саая и Иргит. До 1949–1953 гг. все эти тувинцы вели единоличное хозяйство, кочевали раздельно на огромной территории Бай-тайги и Мёнгун-тайги. Сейчас они съехались в оседлый поселок колхоза, вместе живут и работают.

Колхозный оседлый центр п. Булук представляет собой большой населенный пункт с широкими прямыми улицами, с домами, тщательно построенными. Недаром колхоз давно держит первое место в Области по строительству жилых домов, хозяйственных и других помещений. Бригада ежегодно перевыполняет план по строительству, неоднократно отмечалась на областной Доске почета, в постановлениях Облисполкома. Действительно, в колхозе работа строительной бригады хорошо организована. Строительные работы не приостанавливаются и зимой. В зимнее время строительная бригада заготавливает лес, приготавливает доски для полов и потолков, дверные и оконные рамы и т.п. В построенных домах производятся отделочные работы. Строители широко используют для строительства местные материалы. В колхозе организован кирпичный завод, изготавливается известь, имеются столярная мастерская и кузница. Почти все дома типовые, тщательно отделаны внешне и внутри. Все дома имеют укрепленные досками высокие заваленки, крытую веранду. У некоторых домов передний фасад по краю крыши украшен резьбой, на верандах резные столбики. В некоторых домах посередине стоит большая кирпичная печь-голландка, сбоку которой присторена плита с 2–3 конфорками.

На приусадебных участках построены помещения для личного скота, загоны для овец. На плоских крышах хлевов наметаны стога сена. Около переднего фасада устроены палисадники, где со стороны улицы посажены 2–3 тополя, кусты тальника, рябины и тому подобные деревья, пересаженные из долины р. Улуг-Шуй. Приусадебный участок содержится в чистоте. Площадь двора около дома подметается тщательно (как и пол в доме) веником. В домах большинство колхозников живет зимой. На лето рядом с домом на приусадебном участке строят войлочную юрту, где и живут. Лишь немногие семьи аратов совсем расстались с юртой и в течение всего года живут в доме.

В освоении домов большим затруднением является необходимость заготовки топлива на зиму. Тувинцы прежде, да и ныне живущие в юртах не делают заготовок дров на длительное время. Обычно приносят на себе или привозят вьюком на коне запас дров на 2–3 дня. Этого запаса на печку в доме не хватает и на один день. Поэтому колхозникам необходимо заранее заготавливать многие кубометры дров на жилые дома, культурные учреждения и т.д. в районах, где леса мало или же лес далеко, — этот вопрос стоит очень остро. В домах имеется некоторая «городская» мебель: деревянные кровати-топчаны, столы, скамьи, табуреты. Однако далеко не у всех. Явно чувствуется недостаточное производство простейших предметов. Во многих домах обстановка «юртовая» — почти полное отсутствие мебели. В этом отношении внутренне устройство [убранство] домов очень различно в зависимости от культуры и его достатка.

Несмотря на усиленное строительство, не все колхозники имели типовые дома и в 1953 г. В поселке стояли многочисленные войлочные юрты, в которых колхозники жили в течение всего года.

Юрты были разной степени изношенности, но большая часть представляла собой бедняцкие юрты с темным, обгорелым войлоком. На зиму юрты утеплялись всякими способами. Делали снаружи завалину из земли и дерна. Дерн клали и на верх юрты. Некоторые юрты снаружи обкладывались деревянными досочками, обертывались рулонной бумагой и т.п. К 1955 г. эти юрты исчезли. Все имеют дома. Лишь на пастбищах араты кочуют с юртой.

Вся работа в колхозе, в сельсовете, находящемся на территории колхозного поселка, проводится на тувинском языке. Взрослое население и маленькие дети-дошкольники плохо знают или почти [совсем] не знают русский язык. Школьники 5–6-х классов хорошо читают по-русски, хорошо понимают прочитанное. Семиклассники на предметных уроках говорят по-русски. У населения ярко выражена тяга к освоению русского языка. Однако малочисленность русского населения затрудняет закрепление знаний. Русских и до революции здесь почти не было. И сейчас русское население представлено специалистами (учителя, медицинский персонал и т.п.).

Многие пожилые тувинцы (в особенности мужчины) знают монгольский язык. В прошлом монголы проживали на территории Мбнун-тайги, мужчины часто общались с ними. Кроме того, мужчины имели дело с монгольскими чиновниками, требовавшими, чтобы тувинцы говорили по-монгольски. Некоторые старики обучались в хуре (монастырях) тибетской грамоте, умели читать книги. Но ни у одной из перечисленных групп монгольский язык не был родным языком.

Все дети школьного возраста учатся в колхозных школах в поселке (в начальной и семилетке). Школьники зимой живут в интернатах на госбеспечении. В сельсовете, в школе, в клубе имеются библиотеки. С каждым годом увеличивается число читателей. Это — школьники, тувинская интеллигенция, грамотные колхозники.



Рис. 60. Урок в подготовительном классе начальной школы колхоза «Мурнакчи». 1953 г.
[фото Е.Д. Прокофьевой (Прокофьева, 1955, рис. 7)]

Прежде многие колхозники вовсе не выезжали со своей территории. Старики не ездили дальше Шагонара. Даже в Кызыле многие не бывали. Сейчас постоянно колхозники ездят в районный центр — п. Тээли, далее — в Кызыл, а многие — и за пределы ТАО: в Москву, в различные здравницы СССР. Колхоз связан с п. Тээли проселочной автомобильной дорогой, а от Тээли идет постоянная шоссейная линия на Кызыл. Когда р. Барлык не препятствует движению автомашин, в Тээли регулярно приходят пассажирские автобусы. Кроме того, телефонной связью колхоз связан с районным центром и Кызылом.

В колхозе с первых дней организована партийная группа, в которую входят старые члены КПСС — тувинцы, бывшие членами ТНРП. Среди них есть и женщины, например, Хомушку (в девичестве Хертэк) Саңчынаа,

59 лет, была депутатом Малого Хурала в 1938 г., член КПСС (была членом ТНРП), вела работу среди женщин, ныне она работает по мере сил в колхозе. Члены парторганизации колхоза совместно с партийной организацией сельсовета работают на ответственных участках, руководят бригадами колхоза, постоянными комиссиями сельсовета. Вместе с [беспартийными(?)] тувинцами они входят в колхозные и советские организации, осуществляя постановления ЦК КПСС в деле развития колхозного и культурного строительства.

Значительно изменилось отношение к женщине. Она ныне — равноправный член семьи, имеющая свой заработок, отвечающая наравне с мужчиной за порученное ей общественное дело. Изменяются и старые брачные нормы. Обязательным становится обоюдное согласие жениха и невесты на брак, свободный выбор. Не всегда соблюдаются старинные законы экзогамии. Часто молодые люди женятся на девушках своей группы, прежде входивших в запретную группу. Но браки в группе хан-торель (кровных родственников) не заключаются. Изменяется обряд свадьбы, связывавшийся с новой юртой молодых, так как новых юрт теперь в приданое невесте не делают. Молодые живут в семье жениха или невесты, где более удобные жилищные условия, в ожидании отдельного дома, если хотят жить отдельно от стариков. Так в короткое время изменился быт населения юга Бай-тайги, вошедшего в колхоз «Мурнакчи», населения западной окраины ТАО.

[Пример второй]

Колхоз «Большевик» (Барыын-хемчикский район, Эрги-Барлыкский сумон = сельсовет).

До 1930 г. территория оседлого поселка колхоза входила в сумон Аксы-Барлык, который впоследствии был разделен на 2 сумона — Аксы-Барлык и Эрги-Барлык³³⁰.

В 1953 г. поселок колхоза «Большевик», именуемый Ыйгылак, представлял собой уже значительный населенный оседлый пункт. Расположен он на правом берегу р. Бырлык, около места отхода от нее канала Чаа-Барлык, в 5 км от центрального колхоза «Мурнакчи» (Бай-тайгинского района), который находится недалеко от р. Барлык на левом берегу. Коренные жители этой территории — тувинцы группы Хомушку и Саая. О них говорят, что жили они здесь «извечно». Здесь же проживали и живут ныне значительно меньшие группы Сарыг-Тонгак (Тоңгак) и Кара-сал.

В 1932 г. в этой местности, около горы Тэбэ-хайя (Верблюдо-скала) был организован ТОЖЗЕМ. Центральный поселок ТОЖЗЕМа находился в местечке Кедее Шираа-булак. В ТОЖЗЕМ вошли 30 хозяйств. ТОЖЗЕМ

³³⁰ Аксы-Барлык — устье р. Барлык. Эрги-Барлык — Старый Барлык, в отличие от канала, отведенного от р. Барлык, называемого Чаа-Барлык — Новый Барлык.

просуществовал до 1948 г., когда был реорганизован в колхоз «Кызыл Туг» («Красное знамя»). В 1949 г. был организован второй колхоз «Большевик». До 1951 г. эти колхозы существовали отдельно. В этом году произошло слияние этих колхозов; новый крупный колхоз сохранил название «Большевик». В поселок на Эрги-Барлык были перенесены постройки колхоза «Кызыл Туг». В укрупненном колхозе объединились 30 семей колхоза «Большевик» и 42 семьи колхоза «Кызыл Туг». Всего, следовательно, в колхозе было 72 семьи.

В 1952 г. колхозу был вручен государственный акт на вечное пользование пашнями в размере 1 508,50 га. Сенокосные и пастбищные угодья не были выделены; границы этих колхозных угодий намечены приблизительно, актом не закреплены. Уже в течение первого года существования укрупненного колхоза в него вступили свыше 200 хозяйств. Таким образом, к концу отчетного 1951 г. в колхозе работали [из] 299 хозяйств 371 человек работоспособных.

В 1951 г. в колхозе имелось следующее количество скота: крупный рогатый скот — 407 голов, лошади — 485 голов, овцы — 2 330 голов, коз — 1 721 голова. От этого стада в том же году был получен доход 30 950 руб. Посевная площадь в 1951 г. неизвестна. Средний уровень пшеницы был получен 4 ц с га. Доход от полеводства составил 144 596 руб. Другие доходы колхоза неизвестны. Низкий урожай зерновых объяснялся сильными заморозками поздней весной. С 1952 г. к колхозу прикомандировали квалифицированного агронома (русского).

В 1952 г. продолжается приток единоличников в колхоз. Число семей возрастает до 327 с 449 трудоспособными работниками. В этом году к трем ранее организованным животноводческим фермам (молочной, коневодческой, мелкого рогатого скота) прибавляется свиноводческая ферма. Животноводческая бригада состоит из 56 человек. Организуются 2 полеводческие бригады, в которых работают 250 человек. Впервые создается огородная бригада в 20 человек. План посева увеличивается до 717 га. Фактически засеивается зерновыми 679 га.

Все посевные площади в колхозе, как и во всей плодородной Барлыкской степи, поливные. В 1952 г. средний урожай зерновых равнялся 16 ц с га. Это значительно выше урожая 1951 г. по всем видам посевов (см. табл.).

Зерновые	1951 г.	1952 г.
Пшеница	5 ц	23 ц
Ячмень	8 ц	19 ц
Овес	3 ц	8 ц
Просо	2 ц	10 ц

Соответственно вырос и доход от полеводства, составивший 337 434 руб. Вырос доход и от животноводства до 58 513 руб.

Впервые на площади 6 га колхозники сажали овощи: картофель, капусту, помидоры, огурцы. Полученный урожай капусты и помидор целиком продали организациям, колхозники их не брали. Огурцы раздавали бесплатно на пробу, часть картофеля раздали на трудодни (после засыпки семенного и страховых фондов).

Строительная бригада в 1952 г. построила 19 жилых домов для колхозников (в том числе 16 типовых) и 1 производственное помещение. На 2 тыс. голов скота построили 6 животноводческих дворов. Начали постройку клуба и бани. План строительства полностью не был выполнен. Особенно слабо выполняли план по изготовлению кирпича (сделано 16 тыс. вместо 60 тыс.) и саманного кирпича (сделано 12 тыс. вместо 30 тыс.).

На трудодень в этом году колхозники получили по 2 руб. деньгами, по 4 кг зерна и по 200 г картофеля.

В 1953 г. в сумоне почти не осталось единоличников (5–6 семей). Возросший доход колхоза привлек не только единоличников этого сумона, но и несколько семейств из соседней Мёнгун-тайги. Всего в колхозе стало 337 семей. В колхозном стаде появился новый вид скота — яки (сарлыки), сданные в общественное стадо колхозниками из Мёнгун-тайги. Общее поголовье колхозного стада состояло: крупного рогатого скота — 461 голов, сарлыков — 53 голов, лошадей — 592 голов, овец и коз — 4 717 голов. В начале года были закуплены племенные производители: 4 симментальских быка, 2 жеребца буденновской и орловской породы, 4 каракулевых барана и 3 мериноса.

Две полеводческие бригады заключили между собой соревнование. Бригадам были выделены участки, где они выращивали урожай 4 видов зерновых. Результаты были хорошие (см. табл.).

[Зерновые]	I бригада	II бригада
<i>Пшеница</i>		
Площадь посева	204 га	183 га
Валовый сбор зерна	3 427 ц	3 968 ц
Средний урожай с га	16,8 ц	21 ц
<i>Ячмень</i>		
Площадь посева	142 га	56 га
Валовый сбор зерна	2 265 ц	1 055 ц
Средний урожай с га	16 ц	18,8 ц
<i>Просо</i>		
Площадь посева	77 га	32 га
Валовый сбор зерна	1 121 ц	630 ц
Средний урожай с га	14,6 ц	19 ц
<i>Овес</i>		
Площадь посева	—	105 га
Валовый сбор зерна	—	1 505 ц
Средний урожай с га	—	14,3 ц

С участка в 30 га колхозники сняли урожай пшеницы в среднем 39 ц с га, на нескольких га — свыше 40 ц. Этот рекордный урожай, достойный высокой награды, в этом колхозе не был результатом целеустремленной работы бригады, звена, а делом случая и даже недосмотра: при поливе в низине застоялось большое количество влаги; этот участок был засеян сортовыми семенами. Так как за звеньями земли не закреплены, то и нельзя было выяснить, кому обязан колхоз этим рекордом. Но независимо от этого соревнование и этот случайный урожай ярко показали, каких успехов может добиться коллектив. Недаром Барлыкская степь самым тувинцами издавна считается «житницей» Тувы. Достаточное количество воды, высокое качество разделки почвы, посев сортовых семян, удобрения, правильный севооборот — и нетронутая целина Барлыкской степи ответит обильнейшим урожаем. Специалисты-агрономы утверждают, что Барлыкская степь одна может удовлетворить всю потребность ТАО в хлебе. В колхозе «Большевик» собранные сортовые семена засыпаются в семенной фонд, часть их составила обменный фонд для раздачи на посев другим колхозам.

Наиболее урожайным для этих земель является, кроме пшеницы, просо. Просо сеют «дикое» тувинское и сортовое — желтое. Сеют оба сорта смешанно. В местах хорошего полива просо дает урожай свыше 29 ц с га.

Полив земель имеет для колхоза решающее значение. Вода для полива отводится на поля из р. Барлык и из канала Чаа-Барлык в мелкие канавки. Основной канал — Чаа-Барлык — колхозники не расширяют, только время от времени расчищают. Все каналы роют вручную. При этой старой системе орошения в колхозах и совхозе Барыын-хемчикского района постоянно ощущается недостаток воды (об этом см. ниже).

Раширилась снегоуборка. Но план заготовки сена выполнен был лишь на 81 %. Иное дело — силос. Колхоз в 1952 г. впервые закладывал силос. Весной 1953 г. силос был весь скормлен скоту. Тувинцы убедились, что не только молочный скот, но и лошади охотно едят этот новый вид корма. Поэтому в сенокосе 1953 г. план заготовки силоса был перевыполнен на 106 %. Для силоса были сделаны специальные облицованные ямы.

Площадь под огороды по сравнению с 1952 г. в 1953 г. увеличилась вдвое. Различные огородные культуры садали на 12 га. В 1953 г. впервые сажали кормовой турнепс. Однако урожай сняли небольшой.

Кроме перечисленных выше бригад, в колхозе имелась сезонная охотничья бригада. В сезон 1952 г. на добычу пушнины вышли 20 человек. На территориях, отведенных колхозу для охоты, добывают белку, горностая, лисицу, колонка, рысь, волка. Соболей в районе нет. В прежнее время местные охотники ходили за соболем очень далеко — в северную тайгу Хондеер.

Колхоз имеет небольшой план сдачи пушнины (по сравнению с восточными районами) — всего на 9 тыс. руб. Из этого ясно, что охота здесь большого экономического значения не имеет.

В колхозе выявились передовики хозяйства — полеводы т[оварищ] Хомушку Ак-оол, бригадир II полеводческой бригады, животноводы — чабан Саая Таптаан, доярка Монгуш Самбыжап. Последняя получает от 3 закрепленных за ней коров по 35 литров молока в день. Самоотверженно трудятся строители — плотник т[оварищ] Хомушку Комбу, бригадир строительной бригады т[оварищ] Хомушку Аракчаа. Последний нигде не учился строительному делу, строит «самоуком».

В 1953 г. в строительной бригаде колхоза работало 120 человек, в том числе 40 женщин. План строительства был выполнен. К осени в колхозе жилыми домами были обеспечены 20 % колхозников, то есть 64 семьи. Построены 34 кошары, из коих [которых] 8 типовых. Для ускорения строительства в 1953 г. колхоз купил пилораму. До этого времени распиловка бревен на доски производилась вручную. Пилорама не использовалась в полную возможность, часто простаивала из-за поломок, так как не было в колхозе людей, умеющих обращаться с этой несложной машиной.

Строительство центрального колхозного поселка проводится в соответствии с утвержденным планом. Жилые дома, животноводческие помещения, культурно-бытовые здания строятся по утвержденным типовым проектам. В 1953 г. посторонние здания в поселке уже наметили улицы. Дома обнесены палисадами, кое-где по переднему фасаду посажены тополя. Рядом с домами имеется много юрт.

В поселке еще в 1949 г. построена начальная школа, и в 1952 г. — школа-семилетка. При школах имеются интернат и столовая. В школе обучаются все дети колхозников школьного возраста. Кроме того, в поселке имеются фельдшерский пункт, магазин райсельпо, склады, контора правления колхоза, клуб. В 1953 г. летом работали сезонные ясли. Однако не все женщины-колхозницы отдали в ясли своих детей. 12 человек не работали совсем, и 22 женщины не выработали нормы трудодней.

На краю поселка строится электростанция. Здание для нее осенью 1953 г. было почти готово. Здесь же на окраине расположен колхозный ток, где под навесами и под открытым небом кучами сложен урожай пшеницы, овса, ячменя, проса. Все работы по очистке зерна ведутся вручную, в частности, веяние производят по старинке — с лопаты. В течение того времени, как снимут зерно в поле, и до ссыпки его в амбары потери его велики. С полей везут зерно насыпом в телегах, сваливают на упомянутом выше току, где его топчут, загрязняют и люди, и тучи птиц. Колхозники еще не научились беречь каждый килограмм зерна, а следовательно, и свой труд.

И все же благосостояние колхоза неуклонно растет год от года. В 1954 г. неделимые фонды этого колхоза составили 938,7 тыс. руб. Общий доход

вырос до 736,4 тыс. руб.: в том числе от полеводства — 445,2 тыс. руб., от животноводства — 202 тыс. руб. В 1953 г. колхозники получили за трудодень по 2 руб. 53 коп. деньгами, по 4 кг зерна и некоторое количество других продуктов. В колхозе в 1954 г. появилась птицеферма с поголовьем 428 кур. Успешно развивается свиноводство. Поголовье скота в 1954 г. в колхозе: крупный рогатый скот — 513 голов (в том числе коров — 174 головы = 33,9 %), овец и коз — 5 828 голов, лошадей — 619 голов, свиней — 56 голов, кур — 428. Процент коров в стаде в этом колхозе почти достиг 40 %, предусмотренных сентябрьским пленумом ЦК КПСС для ТАО. Однако продуктивность животноводства еще низкая. В 1954 г. средний надой на 1 корову составил 339 л в год, а настриг шерсти на 1 овцу — 1 кг шерсти.

Самый большой урожай зерновых по району в 1954 г. — 27 ц с га — получен в этом колхозе. На трудодень выдано по 2 руб. 95 коп. деньгами, по 4 кг зерна (общая стоимость трудодня — 9 руб.).

Таким образом, в короткий срок колхоз укрепился, неуклонно повышает доходы. Колхоз стал самым перспективным хозяйством района. Колхозники хорошо одеты. Даже случайному наблюдателю бросается в глаза общее здоровое настроение колхозников, твердо уверенных в завтрашнем дне, борющихся за устранение условий, тормозящих развитие их хозяйства.

Основным недостатком для этого и других колхозов Тувы является низкая степень механизации некоторых видов работ. Если в культуре зерновых помогают колхозникам разные современные сельскохозяйственные машины, то в животноводстве, в том числе и в заготовке кормов, механизация внедряется слабо. Сенозаготовки в основном проводятся вручную.

Вторым моментом, снижающим продуктивность животноводства, является большой процент яловости как конематок (51 %), так и коров (29,6 %). Это вызывается плохой организацией случной кампании и пастьбы.

Имеющиеся пастбищные угодья должны быть рационально использованы и окультурены. В 1954 г. колхоз [за]сеял небольшой участок многолетними травами. Но участок был потравлен скотом. Тувинцы не придают значения посеву трав, так как у них нет в этом деле никакого опыта. Хотя имеются следы древних оросительных каналов, которые проводились населением Тувы не только для полива пашен, но и для увлажнения лугов.

Не всегда колхозники умеют сохранить урожай овощей. Так, в 1953 г. колхоз сажал 4,76 га картофеля, снял неплохой урожай, но не сумел сохранить его — поморозил.

В колхозе имеются 3 грузовые автомашины. Неумелое использование их [обращение с ними] (отсутствие ухода и своевременного ремонта) приводят к тому, что часто работает лишь одна из машин, другие — простаивают.

Другой пример колхоза того же района

Колхоз «5 лет Советской Тувы» (Акский сельсовет, по р. Ак-суг). По-старому это Кедее Оорджак сумон.

В 1930 г. здесь были организованы 2 колхоза — колхоз им. Ленина и колхоз им. К[арла] Маркса. Центр-поселок последнего колхоза построен был в местности Улуг-Алаак (Большая роща), центр колхоза им. Ленина находился в местности Пичче-тей. В 1932 г. колхозы распались, и вместо них были организованы 2 ТОЖЗЕМа — «Малзин» и «Шекпеер» (оба названы по местным горным хребтам). ТОЖЗЕМы не имели постоянных оседлых центров. Это были кочевые хозяйства. В 1949 г. по просьбе инициативной группы аратов-тожземовцев Райисполком разрешил организацию колхозов, назначив организационное собрание на 4 ноября. Проводил собрание инструктор исполкома т[оварищ] Папын Ондар Тутуг-оолович. В настоящее время он является председателем колхоза. Ему 39 лет. По образованию — зоотехник, с 1934 по 1937 гг. учился в г. Ойрот-Тура в сельскохозяйственном техникуме. Председателем колхоза «5 лет Советской Тувы» стал с 1951 г.

В назначенное исполкомом 4 ноября тожземовцы не собрались. Равно как и 5 ноября не удалось провести собрание по той же причине. И лишь 6 ноября организационное собрание состоялось. Проводилось оно в местечке Тон-терезин (где сейчас расположена молочно-товарная ферма колхоза) в доме т[оварища] Чамзыран. Это был единственный дом в этой местности. Собрание длилось с полудня 6-го до утра 7 ноября.

В колхоз первыми вошли 64 хозяйства, имевшие 200 человек работоспособных. На собрании было установлено, сколько скота сдают вступающие в колхоз, избран председатель колхоза, бывший секретарь парторганизации сумона т[оварищ] Баир-оол. Вновь вступающим в колхоз был разъяснен Устав сельхозартели, соответственно которому часть скота оставлялась в личном владении колхозника. Собрание выбрало бригадиров по животноводству. Выбрана была комиссия в составе 7 человек, которой была поручена приемка обобщественного скота от членов вновь создающегося колхоза и сдача его (скота) бригадирам. Всего было принято скота, составившего общественное стадо: крупный рогатый скот — 69 голов, лошадей [лошади] — 130 голов, овец и коз — 948 голов. Тут же был обобщественен и сельхозинвентарь — плуги, бороны и т.п. Были организованы 3 фермы: 1) ферма крупного рогатого скота; 2) коневодческая; 3) мелкого рогатого скота. Выделили пастухов, доярок, заведующих всеми фермами. Собрание наметило место для строительства хозяйственного и культурного центра колхоза — местность Арыг-бажы (Вершина леса). Часть колхозников была выделена в строительную бригаду, которую возглавил арбан-тарга (занимал эту

должность в период ТНР), умевший строить деревянные дома. На первый год намечалось строительство конторы правления колхоза и склада. Часть колхозников вошла в полеводческую бригаду. Из обобщественного зерна был заложен семенной фонд, из обобщественного сена — кормовой фонд колхоза.

В 1949–1950 гг. план посева зерновых равнялся 260 га. В течение 1950 г. в колхоз непрерывно вступали новые члены. К концу хозяйственного года в колхозе имелось уже 133 хозяйства с населением в 611 человек. О работе колхоза в 1949–1950 гг. сведений нет ни в колхозном архиве, ни [в] райсельхозуправлении. Известно, что в 1950 г. сменился председатель колхоза, был избран т[оварищ] Тапак-оол, от которого в 1951 г. и принял руководство т[оварищ] Папын Ондар. Известно, что по плану строительства была выполнена только часть работ, а именно было построено помещение конторы правления колхоза. Не было выполнено и намеченное по плану количеств трудодней (лишь 75 %). Трудовая дисциплина и участие в общественном труде колхозников были еще очень слабы.

В 1951 г. в колхозе число семейств еще выросло. Всего состояло 177 хозяйств с населением 861 человек, из коих [которых] трудоспособных было 322 человека. В этом году строительная бригада поставила 4 типовых жилых дома и 23 избушки для колхозников. Увеличилось поголовье скота: крупного рогатого скота — 137 голов, лошадей — 216 голов, мелкого рогатого скота — 3 126 голов.

План выработки трудодней был в 1951 г. несколько выше, чем в 1950 г. (85 %). Однако наличие 11 человек, вовсе не работавших в течение года, а также 33 человек, не выполнивших минимум трудодней, дало ощутительное невыполнение плана. Посевы зерновых производились на площади 371 га. Но вследствие засушливого года урожай сняли плохой. В силу этого к концу отчетного года зерна на трудодни почти не дали. Доход колхозников составил 71 коп. деньгами на трудодень.

В колхозе работали на фермах: крупного рогатого скота — 12 человек, мелкого рогатого скота — 11 человек, коневодческой — 6 человек. Кроме того, работали 2 полеводческие бригады, в которых были заняты 136 человек, строительная бригада — 113 человек.

В 1952 г. колхоз «5 лет Советской Тувы» слился с колхозом «Трудовик», находившимся в верховьях р. Ак-суг. Этот колхоз состоял из 93 семей. Колхоз не имел перспективы развития — не имел пахотной земли, не мог развивать полеводство. Укрупненный колхоз принял имя «5 лет Советской Тувы». Население колхоза (273 хозяйства) увеличилось до 1 327 человек. Поголовье стада в объединенном колхозе состояло [из] крупного рогатого скота — 352 голов, мелкого рогатого скота — 5 039 голов, лошадей — 382 голов. В начале года были куплены жеребцы-произ-

водители буденновской и орловской породы и 3 каракулевых барана. Увеличились посевные площади. В 1952 г. засевали зерновыми 638 га, но урожай был получен низкий — 8 ц с га (вместо 16 ц). В этом голу впервые была организована огородная бригада. Сажали 3 га картофеля. Урожай сняли низкий — всего 70 ц. Значительно более быстрыми темпами пошло строительство. Построили 6 типовых жилых домов, 5 избушек, 2 кошары, конюшню и 2 коровника. На трудодень колхозники получили по 97 коп. деньгами и по 700 г зерновых. Овощи, главным образом картофель, выдавали на общественное питание в полеводческие и сенокосные бригады. Основной урожай картофеля заложили в семенной фонд для посева 1953 г.

В следующем 1953 г. в колхоз вступили еще 13 хозяйств. К концу 1953 г. в колхоз были объединены 310 хозяйств, то есть 83 % всех хозяйств Акского сельсовета. В 1953 г., уже к октябрю, колхоз выполнил план развития животноводства по всем показателям, кроме мелкого рогатого скота. Последнее невыполнение вызвано следующим обстоятельством: колхоз сдал мясopоставки государству бараньим мясом, забив 500 голов овец.

Колхоз стремится поднять доходность от основного вида животноводства — овцеводства, постоянно улучшая породу овец. Кроме приобретенных в 1952 г. 3 каракулевых баранов, в 1953 г. колхоз купил еще 12 таких же производителей и 2 мериносов. С теми же целями из овечьего стада были выбиты местные производители и выбракованы овцематки, которые и были сданы государству на мясopоставки. Для улучшения породы коз был куплен ангорский козел-производитель. Специалисты, однако, указывают, что для местных условий более пригодной является не ангорская, а «пуховая» порода коз. Таких коз и разводит колхоз «Победа» этого же района (Барыин-хемчик). Для улучшения породы лошадей в 1953 г. вновь был приобретен чистопородный буденновский жеребец. Сейчас в колхозе уже имеются 12 жеребят-метисов буденновской и орловской пород. Принимаются меры к улучшению породы коров. В Абаканском племенном совхозе приобретены 2 быка-симментала.

В 1953 г. площадь посева зерновых была доведена до 763 га. Урожай сняли крайне низкий — по 5 ц с га. Низкий урожай связан с качеством полива. Все земли колхоза, пахотные и луговые, — поливные. Полив до сего времени ведется по старинке — для полива используются ручьи хребта Эдегей. Эти воды непостоянны, связаны с состоянием снегов (количеством их и интенсивностью таяния) и их почти всегда не хватает на полив посевных площадей. В 1953 г. колхоз предпринял устройство канавы-канала. Необходимо заметить, что для мелиоративного устройства в колхозы не посылают специалистов-мелиораторов, все мероприятия

такого рода проводятся самими тувинцами-опытниками. И в данном колхозе члены артели, движимые стремлением увеличить богатства своего колхоза, не обращались даже в районные организации, а пригласили старого (61 год) тувинца Тагба-Ламу Монгуш. Он известен тем, что «умеет угадывать путь воды», на глаз намечать путь канала. Этот старик и руководил прокладкой нового канала для данного колхоза, как это он делал и делает для других колхозов.

Основываясь на этих мероприятиях по улучшению водного режима на полях, на 1954 г. колхозное правление планирует значительное повышение урожая зерновых. План заготовки кормов в 1953 г. колхоз выполнил полностью. Кроме сена, заготовлено 100 т силоса. Уже с 1952 г. в этом колхозе силос вошел в кормовой режим скота. Правда, лишь 50 % силоса сохранилось пригодным для скармливания, так как по неопытности и неумению 50 % силоса погибло. Тувинцы увидели, что скот охотно ест силос. Когда ямы были уже опорожнены, коровы все еще к ним ходили, стремясь получить понравившийся им корм.

Все же дело с переводом коров на стойловое содержание в 1953 г. еще не было удовлетворительно разрешено. На 1953 г. все дойные коровы были переведены на полустойловое содержание. Это значит, что только в очень плохую, холодную ветреную погоду коров загоняли в холодные загородки-сарай, а все остальное время, как и в старину, даже дойное стадо проводило под открытым небом. Однако молодняк (телята) уже все был переведен на стойловое содержание. В 1953 г. строилась конюшня на 40 рабочих лошадей. Основной табун местной и метисированной породы пасли под открытым небом.

Большую напряженную работу проводит строительная бригада. За 1953 г. построено 12 жилых домов для колхозников. Впервые строятся дома из саманного кирпича. Освоение саманного строительства для степных колхозов Эдегейской и Барлыкской степи, где лес, а в особенности строительный лес, имеется в очень незначительном количестве и растет далеко от новостроящихся колхозных центров, имеет чрезвычайно важное значение. От данного колхоза лес отстоит на 63 км. Транспортировка его очень трудна. В колхозе «5 лет Советской Тувы» освоением саманного производства занялись женщины. Особенно инициативно работала в 1953 г. застрельщица этого дела т[оварищ] Сат Кара-Кыс. Сначала она сама выучилась изготавливать саманный кирпич, а затем и класть саманные дома. Собрав коллектив из нескольких колхозниц, она и их обучила этому делу. Колхозное правление одобрило инициативу т[оварища] Сат Кара-Кыс, назначило колхозников в бригаду по изготовлению саманных кирпичей и строительству саманных домов. В бригаду вошли и мужчины. Тов[арищу Сат] Кара-Кыс поручено руководство бригадой. На отчете общему собранию колхозников т[оварищ] Сат [Кара-Кыс] сказала: «Если

бы мы начали производство саманных домов раньше, мы давно бы закончили строительство».

Наряду с передовыми женщинами, творческими участниками колхозной работы, еще много в колхозе слабо или вовсе не участвующих в общественном производстве. Это прежде всего матери с малолетними детьми. Колхоз летом 1953 г. построил сезонные ясли, где находились 62 ребенка. Обслуживались ясли самими тувинками-колхозницами. Это позволило многим женщинам принять участие в летних работах колхоза. Но, конечно, не решило полностью вопроса об участии всех трудоспособных женщин в колхозном труде.

Многие недостатки в работе колхоза зависят от обслуживающей его Кызыл-Мажалыкской МТС. Последняя часто проводила работу на низком качественном уровне и срывала сроки полевых работ. Депутаты сельсовета (сельский совет помещается здесь же, в колхозном поселке) мало участвовали в руководстве хозяйством. В колхозе не было агронома, не было и других специалистов сельского хозяйства. Правление колхоза отправляло ежегодно молодежь на краткосрочные курсы колхозных специалистов, однако квалификация их была низкая, недостаточная для ведения большого комплексного хозяйства на должном уровне. Иллюстрацией к работе МТС того времени приведем некоторые цифры. Колхоз в 1953 г. заготовил 2 100 т сена. Всего за $\frac{3}{4}$ года выработано колхозниками 88 тыс. трудодней, а на заготовку сена из них пошло $\frac{2}{3}$, то есть 66 тыс., так как сенозаготовки проводились вручную. МТС в 1953 г. не имела сеноуборочных машин и достаточного количества механизаторов, в колхозе также мало было простейших сельскохозяйственных машин. До этого года в колхозе имел место падеж скота не только от болезней, но и от нехватки кормов. В 1953 г. к 1 ноября в колхозе пало 594 голов (14 голов крупного рогатого скота, 12 лошадей, 286 овец, 262 козы). Все это составило 137 200 руб. убытка. Из этого видно, что животноводство, как и полеводство, требовало еще многого труда для того, чтобы привести то и другое к доходности. Из-за вышеуказанных причин в 1953 г. планированный доход на трудодень колхозниками не был выполнен. Колхозники получили значительно меньше зерна, например вместо 3 кг около 700 г.

В 1954 г. этот колхоз получил всего 336 тыс. руб. дохода (от полеводства — 60,6 тыс. руб., от животноводства — 148, 5 тыс. руб.). Возросло поголовье общественного скота: крупного рогатого скота — 450 голов (в том числе коров — 128 голов, то есть 28,4 %), овец и коз — 7 799 голов, лошадей — 432 головы. Ни свиней, ни птиц в колхозе в 1954 г. не имелось. В этом году от каждой коровы было надоено 239 л молока и с каждой овцы получено шерсти 1,4 кг. Доход на 1 трудодень равнялся 74 коп. деньгами и 2,1 кг зерна.

Таким образом, рост колхоза может быть представлен [в] следующей таблицей [таблице]:

Год	Скот			Полеводство		Надой (л с коровы)	Настриг шерсти (кг с овцы)
	Коровы	Лошади	Овцы, козы	Посев (га)	Урожай (ц с га)		
1949	69	130	948	260	—	—	—
1950	—	—	—	—	—	—	—
1951	137	216	3 126	371	—	—	—
1952*	352	382	5 039	638	8	—	—
1953	—	—	—	763	5	—	—
1954	450	432	7 799	—	—	239	1,4

* — Год слияния двух колхозов.

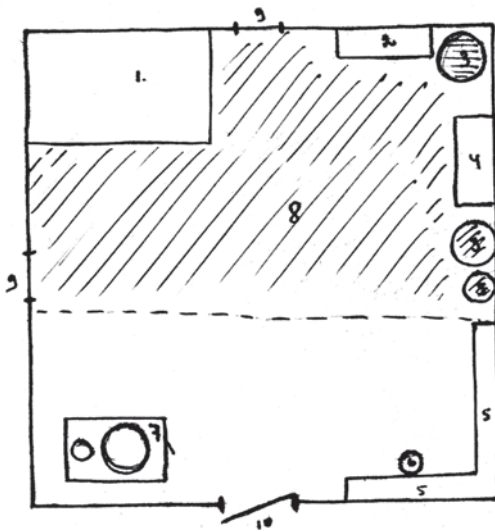
Год	Общий доход	Доход на трудодни		Количество дворов
		Деньги	Зерно	
1949	—	—	—	64
1950	—	—	—	133
1951	—	71 коп.	—	177
1952	—	97 коп.	700 г	273
1953	—	70 коп.	700 г	310
1954	336 тыс.	74 коп.	2,1 кг	293

Из этой неполной таблицы (в силу отсутствия документов в колхозном и районном архиве) все же видно медленное, но верное повышение доходности колхоза. И совершенно ясно, что колхоз имеет перспективы развития. Все дело в правильной организации хозяйства, оснащении его квалифицированными специалистами, машинной техникой.

Колхозный поселок широко раскинулся в степи, отстоит от Кызыл-Мажалыка («Красные холмы»), районного центра, на 15 км. В 1953 г. еще все дома были без крыш — не было тесу. В поселке имелись магазин райсельпо, склады, фельдшерско-акушерский пункт, школа с интернатом. Пока еще не было клуба и библиотеки. Все это запланировано в официальном плане колхозного поселка, утвержденном райсоветом. Колхозные дома обнесены забором-плетнем (весь приусадебный участок).

Не все колхозники имеют типовые дома. У многих поставлены собственными силами невысокие срубы, квадратные в плане, без крыши. У избышки нет сеней, низкая дверь ведет прямо на улицу. Пол в избышке земляной, без настила. На двух стенах — по маленькому застекленному окошку (вырезан кусок бревна). В центре потолка — круглое, незастекленное отверстие, закрывающееся на ночь. Снаружи между бревен дом обмазан глиной. Высота сруба 2 м. Обогревается дом железной печкой, имеющей посередине большую, по величине котла, «конфорку». Топится печурка

сушняком-талом (ивняком). Вся мебель в избушке та же, что и в юрте. Ничего не изменено и в расстановке мебели. В избушке против входа у стены устроена широкая тувинская кровать-нары, справа от входа стоят в 2 ряда (друг над другом) ящики — «аптыра» — с китайским орнаментом, бочки, ступка и прочая хозяйственная утварь. Слева от входа — печка. Новое в избушке — это клетка с курами. Если в колхозе нет птицеводства, то у колхозников в личном владении появились куры.



1. Кровать
2. Посудный стол
3. Бочки
4. Аптыра
5. Посудные полки
6. Деревянная ступа
7. Железная печь
8. Половина избы покрыта войлоком
9. Окна
10. Дверь

Рис. 61. Схема внутреннего убранства колхозной избы [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Земляной пол в избушке примерно наполовину покрыт войлоком. Здесь обычно сидит вся семья, пьет чай, принимает пищу.

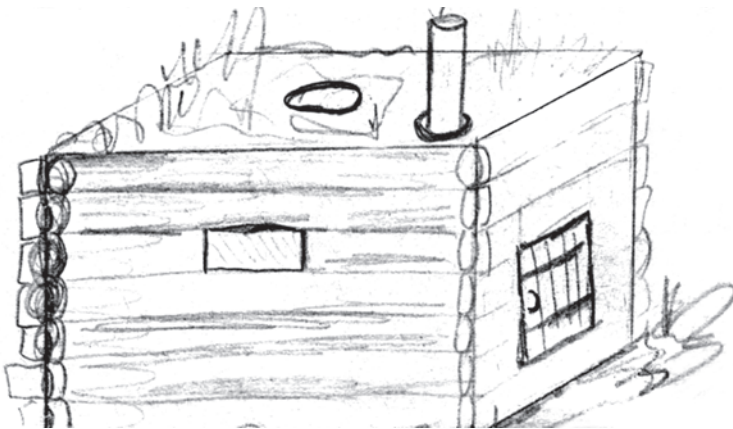


Рис. 62. Внешний вид колхозной избы [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Совсем иной вид у типовых жилых домов; иная в них мебель. Возьмем, к примеру, дом председателя колхоза. В доме 2 комнаты и кухня. Все помещение обогревается широкой кирпичной печью с трубой-обогревателем и плитой. В первой комнате — «гостиная». Посредине стоит круглый стол, покрытый клеенчатой скатертью, вокруг стола — стулья. По стенам стоят 2 деревянные кровати. В «спальне» и кухне также стоят кровати (семья у председателя большая). На стенах повешены красочные плакаты. В комнатах чисто. Полы крашенные. Стены обмазаны глиной и побелены. Побелку приходится часто возобновлять, так как из-за отсутствия крыши потолки протекают и желтые грязные полосы портят все старания тувинки-хозяйки. На окнах — занавески. В комнатах прохладно. Печь такой конструкции, по-видимому, не может обогреть большую площадь дома, тем более что вторых рам в окнах не имеется.

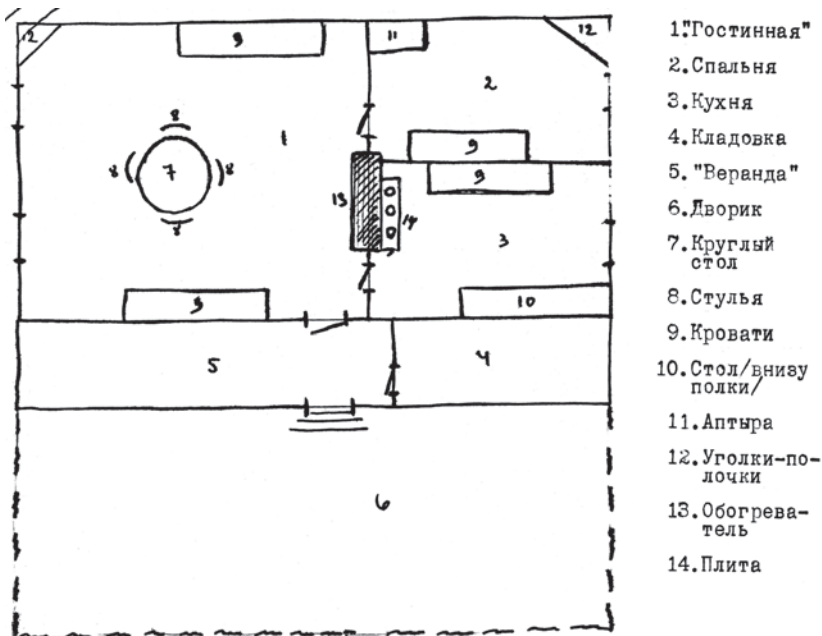


Рис. 63. Схема внутреннего убранства типового дома
 [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Двор обнесен высоким плетнем из тонких тальниковых прутьев.

Однако свыше 30 % колхозников не имели еще в 1954 г. жилых домов и продолжали жить в юртах, которые на зиму утепляли различными способами: плотной бумагой, досочками, землей и т.д.

Таким образом, колхозный поселок имел еще пестрый характер [выглядел пестро], являя собой начальный этап оседания.

Приведенные примеры [двух] колхозов Барыын-хемчикского района характерны для всего района в целом.

[Пример четвертый]

Колхоз «*Сталинский путь*» — один из четырех равных примерно по своему материальному состоянию колхозов Эрзинского района. Оседлый поселок колхоза стоит в устье р. Мёрен, притока р. Эрзин. Р. Мёрен, как и все текущие в степи здесь реки, имеет по берегам на протяжении всего своего течения узкую полосу леса. Здесь растут лиственница, тополь, заросли черемухи, ивняка (тала). Почва кругом каменистая с примесью мельчайших частиц слюды, приносимых р. Мёрен с ее верхнего течения.

В колхозном поселке, живописно расположенном по зеленому берегу реки, 4 улицы из новых типовых домов колхозников. Всего построено с 1949 г. 110 домов. (Качество построек хорошее. Все отделочные работы выполнены аккуратно.) Каждый дом имеет крыльцо, кладовую. Типовой дом колхозника имеет 42 кв. м жилой площади (6×7). Внутри помещение разгорожено на 2 комнаты (вернее, комнату и кухню). Полы плотно сбиты, стены промазаны глиной и побелены. Снаружи сделаны земляные завалинки, укрепленные тесом. Очень немногие дома стоят еще без крыш. Один ряд домов покрыт шиферными крышами. Шифер колхоз выписывал из Москвы. Другой ряд имеет тесовые крыши. Кое-где у окон сделаны наличники и покрашены в синий цвет. У некоторых домов видна по фасаду резьба (по краю крыши). В большинстве жилых домов, в общественных, хозяйственных помещениях поставлены добротные кирпичные печи. Этому способствует находка первосортной огнеупорной мелкозернистой глины неподалеку от колхоза. Но кое-где все же дом отапливается железной печью с большим отверстием для круглого котла. В домах сделаны подполья. Чистота в домах рядовых колхозников образцовая. В большинстве домов полы, дверные и оконные рамы покрашены. Имеется мебель: кровати, столы, стулья, скамейки. Сидящими на полу мы видели в домах только одну семью. По стенам — полки с посудой. Столы, полки покрыты клеенкой (столы — даже салфетками).

На улицах поселка чисто. Интересно новое отношение тувинцев к своему поселку. Колхозники на лето юрты ставят вне поселка, на его окраине. «Потому что не хотят, чтобы их личный скот пачкал поселок», — рассказал нам один из членов правления колхоза. Это бережное отношение к поселку — совсем новое явление. Заметно стремление украсить улицы. Около многих домов имеются палисадники, где посажены принесенные из тайги, от реки деревья — черемуха, караганник и др. Палисадники сплетены из тонких ветвей тальника. У некоторых колхозников здесь же растут овощи — капуста, помидоры и т.п.

Из 156 семей в колхозе не обеспечены жилыми домами 54 семьи, то есть около 35 %. В большинстве [Большей частью] это работники животноводческих ферм, основное время проживающие на отдаленных от центрального поселка животноводческих участках. Они круглогодично пока

живут в юртах. На зиму для утепления юрт колхоз выдает им брезент, войлок.

Строительная бригада колхоза из 72 работников работает очень продуктивно. Для примера приведем строительство 1955 г. Так, клуб на 120 мест бригада построила за 18 дней. В клубе, кроме зала, имеется комната для «тихой работы», то есть чтения, игры в шахматы и т.п. Помещение отапливается двумя большими круглыми печами. Потолки в клубе, как и во всех общественных помещениях в колхозе, обшиты фанерой и покрашены в белый и голубой цвет масляной краской. В клубе имеются 2 демонстрационных аппарата, поэтому демонстрация фильмов производится без перерыва. Новые фильмы показывают несколько раз в неделю, так как их доставляют регулярно почтовыми машинами.

Успех строительства обеспечивает и то обстоятельство, что в 1955 г. колхоз приобрел пилораму и дизельную установку. Дизельная установка днем приводит в движение пилораму, а вечером дает электричество в избытке колхозников. Для дизеля колхоз построил особое помещение, где хранятся все запасные части машины и различный инструмент.

В колхозе имеется школа, которая обеспечивает начальным обучением всех детей школьного возраста. В 1955 учебном году здесь организуется 6-й класс. Впоследствии это будет школа-семилетка. А это значит, что колхозная молодежь сможет, не отрываясь от семьи и своего колхоза, получить семилетнее образование. Для дошкольников в 1955 г. впервые были организованы сезонные ясли. Под ясли временно отведен типовой жилой дом. В 1956 г. будет построено особое помещение. «Мы сделаем ребятам маленькую мебель, сошьем всем одинаковую форму», — планирует председатель колхоза т[оварищ] Айдын-оол. О нем необходимо сказать несколько слов, так как с назначением его на должность председателя этого колхоза начался подъем хозяйства и культуры в колхозе. Тов[арищ] Айдын-оол в 1938 г. учился в г. Ойрат-Тура в сельскохозяйственном техникуме. В 1950 г., как член КПСС, был послан в Советскую партийную школу в г. Кызыле. После окончания ее был избран председателем Овюрского райисполкома, где работал до 1953 г. В этом году в связи с постановлением ЦК КПСС о поднятии сельского хозяйства обком КПСС послал его, как специалиста, для налаживания хозяйства в Эрзинский район. Среди колхозников он пользуется большим авторитетом.

В колхозе «Сталинский путь» в 1955 г. состояло 156 семей. Количество колхозников все увеличивается. За 1955 г. вступило в колхоз 6 семейств. Всего населения в колхозе 500 человек, но трудоспособных всего 242 человек. Из этого количества не все принимают участие в общественном труде. Так, 13 женщин — многодетных матерей не работают вовсе. Многие женщины (27 человек) не выполняют минимума трудодней по той же причине. Следовательно, свыше 16 % трудоспособных не могут быть полно-

ценными работниками в колхозе. Поэтому вопрос об организации постоянных яслей очень важен для подъема хозяйства.

Основное направление хозяйства — животноводство. За колхозом закреплено всего 41 448 га земли. Однако земли пригодной для посева зерновых и огородных культур всего 326,6 га (то есть 0,8 % всей площади). Отсюда ясно, что земледелие не может играть большой роли в колхозном хозяйстве.

В 1955 г. колхоз имел табун коней 1 800 голов. Рабочих лошадей всего 400 голов. Остальной табун круглогодично свободно пасется под открытым небом. Ежегодно коней продают заготовительным организациям. В 1955 г. к сентябрю месяцу колхоз уже продал 130 голов на сумму свыше 100 тыс. руб. Кроме того, ежегодно из табуна производится выбраковка коней. Бракованные кони в среднем по 10–15 голов в год забиваются на питание колхозникам. Из молока кобылиц делают кумыс, который также поступает на продажу колхозникам. Весной производят стрижку всего табуна. Стригут гривы и хвосты. Этот ценный волос высоко ценится заготовительными организациями. Зимой колхоз использует рабочих лошадей под транспорт, что также дает некоторый доход. В 1954 г. за конный транспорт колхоз получил 87 тыс. руб. С 1954 г. колхоз начал проводить работу по улучшению местной породы лошадей. Был приобретен производитель донской породы. В 1955 г. в табуне уже имеется 6 голов метисных жеребят.

Молочный скот колхоза состоит из стада в 700 голов крупного рогатого скота. Дойные коровы составляют всего 29 % (204 головы). Эта цифра еще далека от планируемых Областью 40 %, которые должны быть достигнуты к концу пятилетки. Колхоз имеет 2 молочно-товарные фермы. До 1955 г. молочное хозяйство велось по старинке и было малопродуктивно. Так, по плану надой на 1 корову составлял 600 л, фактически же получали в среднем по 480–500 л. В 1955 г. правление колхоза решило перейти на новый метод выращивания телят, ликвидировать старый подсосный метод. Одна ферма работала по-новому, вторая работала по старинке. Результаты сказались немедленно. На первой ферме уже в сентябре доярка Шмет Соаян, депутат сельского совета, взявшая на себя задачу доказать ошибочность представления, что тувинские коровы иначе как с подсосом не могут доиться, надоила 1 тыс. л молока от закрепленных за ней коров. Для улучшения породности местного тувинского крупного рогатого скота еще в 1954 г. колхоз купил симментальского бычка.

Колхоз имеет 8 тыс. голов овец и 5 тыс. коз. Овцы постепенно улучшаются. В 1954 г. были куплены 10 производителей породистых тонкорунных овец. В 1955 г. в отарах уже имеется 150 метисных ягнят. Средний настриг на 1 овцу местной породы доходит до 1,6 кг. Стригут овец здесь 1 раз в год, весной.

В колхозе имеются 72 головы верблюдов. До сего времени верблюды в хозяйстве колхоза не используются. С зимы этого года (1955 г.) правление колхоза намерено использовать верблюдов под транспорт (сыпучие грузы — зерно, муку и пр. — перевозят в парбах). В настоящее время доход от верблюдов получают лишь от стрижки шерсти. Стричь начинают верблюда с годовалого возраста. Стригут весной. Со взрослого верблюда получают до 6 кг шерсти. Шерсть ценится очень высоко (особенно светлая) — 35–40 руб. [за] кг. Доение верблюдов производят 8 раз в день, получая каждый раз пиалу молока. Верблюжье молоко имеет высокую жирность, очень любимо тувинцами. Пьют его с чаем.

В 1954 г. в колхозе организовали 2 новые фермы — свиноводческую и птицеферму. В 1955 г. в колхозе имелось уже 22 свиньи и 300 кур. И кур, и свиней кормят отходами зерновых — битым зерном и жмыхами.

Животноводство в колхозе тормозится трудным положением с кормами. Как упоминалось выше, полезных земель в колхозе очень мало, в том числе сенокосов. Сено ставит колхоз на лугах около оз. Тёро-холь³³¹, отстоящих на 75 км от колхозных ферм. «Всю зиму весь транспорт в колхозе занят только вывозом сена», — жалуется председатель колхоза. Для животноводства колхоза сена заготовить необходимо много, несмотря на то что далеко не весь скот кормят сеном. Нерабочий табун, валухи, яловые матки-овцы, быки, недойные коровы, козы, верблюды, сена не получают. И все же заготавливаемого колхозом сена ежегодно не хватает. Уже март и апрель чрезвычайно тяжелые, голодные месяцы. Корма кончаются. Обычно на помощь приходят районные организации РК КПСС и райисполком. Выявляются излишки кормов в других колхозах района и даже привозится сено из других районов. О количестве заготавливаемого сена дает представление заготовка 1955 г. На сентябрь было заготовлено 43 тыс. т сена.

В последние годы (1954–1955 гг.) в колхозе усиленно заготавливается силос. До 1955 г. заготавливалась зеленка (недошедшие до восковой зрелости смешанные зерновые — пшеница, ячмень, овес и трава). С 1955 г. заготавливают кукурузный силос. На сентябрь 1955 г. колхоз заготовил 400 т травы и зеленки [растительного корма] и 70 т кукурузы. Скот охотно поедает новый корм. В колхозе установлена силосорезка, на которую по транспортеру подается подлежащая силосованию зеленая трава, стебли и т.д. Измельченная масса идет в силосные ямы сплошным потоком. Обслуживают силосорезку колхозники, а также школьники. Даже ученики 2–3-х классов с увлечением участвуют в этой работе. Колхозники заготовили силосные

³³¹ Следует различать 2 озера со схожими названиями: оз. Тере-холь на юго-востоке Каа-хемского района и оз. Тёро-холь в Эрзинском районе. Последнее по-русски переводится «озеро-стремья». Озеро формой [по форме] напоминает стремья. Около озера хорошие луга. Восточный берег озера относится к МНР. Прежде оно называлось по-монгольски Шара нур.

ямы. Стены и дно ямы выложены бревнами и плотно обмазаны глиной. Поступающую массу колхозник, стоя в яме, разгребает граблями и тяпкой. Когда яма заполнена, силосную массу плотно утрамбовывают. Затем закрывают наглухо бревнами, промазывают глиной и засыпают землей.

Колхоз находится в системе обслуживания Самагалтайской МТС (Тесь-хемский район). Однако эта МТС не полностью удовлетворяет нужды колхоза. Так, заготовку кормов — сенокос МТС выполнила в 1954 г. только 20 % плана и зимой помогала в вывозе сена на фермы. Остальные работы по кормодобыванию колхоз выполнял простейшими машинами-сенокосилками, конными граблями, а вывоз сена — гужевым и отчасти автотранспортом.

Посевов в колхозе мало. Как указывалось выше, всего посевных площадей в колхозе 326 га. Но и эта площадь частично выходит за пределы района. Часть посевных площадей колхоза находится в Тесь-хемском районе. В 1955 г. под зерновые было занято 311 га, в том числе под пшеницу — 191 га, остальные — под овес и ячмень. Урожаи в колхозе невелики: 1954 г. — средний урожай 5 ц с га, 1955 г. — ожидают 8 ц с га. Весенние полевые работы колхозники так же, как и сенокос, выполняли сами простейшими машинами: вспашку — конными плугами и боронами. Сев производили вручную. В колхозе в 1955 г. не было агронома и никаких агротехнических мероприятий не проводилось (внесение удобрений, подготовку семян к севу), не был организован опытный участок и т.п. Уборка урожая проводится силами МТС — самоходными комбайнами. Получаемый урожай зерновых полностью обеспечивает потребность в хлебе населения колхоза. Собранный урожай пшеницы и др. после закладки семенного страхового и фонда помощи частично выдают на трудодни зерном, а частично размалывают в самагалтайской мельнице на муку.

В 1954 г. было выдано по 700 г зерна на трудодень. Из муки в колхозной пекарне выпекается хлеб, котрый также выдается колхозникам. Следует сказать несколько слов о пекарне этого колхоза. Пекарня помещается в выстроенном в 1954 г. просторном доме. В ней имеется искусно построенная большая печь, дающая две выпечки по 7,2 ц хлеба в день. Пекар-тувинец прекрасно выпекает не только простой хлеб, но в предпраздничные дни делает и сдобу. «Я научился от трех опытов» (то есть от трех русских пекарей), — говорит он.

Госпоставок это колхоз, как и все колхозы южных районов, не имеет ни по зерну, ни по сену, ни по овощам. Овес, получаемый колхозом, идет в семенной фонд и на корм рабочим лошадям, а также на откорм жеребцов-производителей перед случкой. С 1954 г. колхозники стали сажать овощи, в основном картофель, а также понемногу капусту, помидоры и огурцы. В тот же год сняли неплохой урожай картофеля. Оставив часть его на семена, раздали колхозникам на трудодни по 200 г.

В 1955 г. увеличили посадку картофеля, но уже в конце июля, в самом начале цветения, все огороды побилло градом. Колхозники сами изъявили желание в 1955 г. сажать овощи на своих приусадебных участках. Но, к сожалению, снабдить их семенами картофеля колхоз не смог. Посадили огороды немногие. Картофель быстро вошел в рацион питания колхозников. Тувинцы с удовольствием едят картофель во всех видах: запекают в золе, отваривают, кладут в суп. Любопытно, что, по традиции приготовления национальной пищи тувинцы пытались и картофель не доваривать (как мясо, крупу). И лишь опытным путем сами установили время, нужное для изготовления этого продукта.

Огурцы и помидоры едят мало. Их увозят в райцентр — п. Эрзин, где продают на колхозном базаре.

Колхоз в 1954 г. получил общего дохода 572 300 руб., в том числе от животноводства — 384,5 тыс. руб., то есть свыше 67 % от всего дохода, от земледелия — 35,7 тыс. руб., то есть свыше 6,2 %.

Помимо вышеуказанных отраслей хозяйства немалый доход приносит колхозу охота. В колхозе большая охотничья бригада. Охотоугодья колхоза расположены недалеко, в 20 км, в горной тайге Унар и Чининлиг. Промышляют в основном белку. Дается небольшой лимит на соболя — 6–7 штук на весь колхоз. Такой небольшой лимит вызван не отсутствием этого ценного зверя в тайге, а охранными соображениями Главного областного охотуправления. В первый поход колхозники идут верхом на лошадях с 15 октября. Второй раз — в декабре идут на лыжах. План добычи пушнины определяет правление колхоза. В сезон 1954–1955 гг. было добыто пушнины на 55 тыс. руб., в том числе на 7 тыс. руб. белки.

В колхозе имеется стенгазета «Мурнакчи» («Передовик»), выходящая раз в месяц. В конторе правления на особых досках вывешены списки колхозников и помесечная выработка ими трудодней. Тут же ведется на отдельной доске учет трудодней, выработанных школьниками. Стенгазета, доска учета работы каждого члена колхоза помогают в установлении крепкой трудовой дисциплины. В колхозе нет злостных прогульщиков, не выполняющих порученных работ. Школьники также, следуя примеру взрослых, работают в свободное от учебы время в колхозе. В летние каникулы 1955 г. к сентябрю многие школьники имели свыше 70 трудодней. Специальные бригады подростков занимаются сбором кедрового ореха. Окрестная тайга богата кедром. Ореховый промысел здесь начинается с 1 сентября. Бригада подростков, разбившись на звенья, вооружившись деревянными молотами («токпак»), уходит в тайгу на несколько дней. Весной ребята повторно собирают в тайге уже павшую шишку. Собранные орехи продают на колхозном рынке и потребляют в большом количестве сами колхозники.

Колхоз не является участником ВСХВ, но многие передовики труда этого колхоза ездили на экскурсию в Москву и побывали на выставке. В их

числе были конюх колхозного табуна т[оварищ] Херель Чакпасов Кыргыз, сохранивший от 120 кобыл 120 жеребят, чабан т[оварищ] Кумбуз Сергелен, получивший от 360 овцематок 372 ягненка, пастух верблюдов т[оварищ] Сакпай Сал (Соян), получивший от 12 самок верблюдов 11 верблюжат.

Среди колхозников имеются мастера-резчики по дереву. Старики обучают молодежь. Отлично делает тувинские расписные ящики «аптыра» и шахматы молодой мастер 29 лет т[оварищ] Тажи Эренчин. Он же в колхозе является членом строительной бригады. Многие тувинцы изготавливают посуду из дерева, имеющуюся в каждом доме. Это главным образом деревянные ступы для толчения зерна, чая, корыта и ведра.

В работе колхоза большую роль играет парторганизация и комсомольцы. Парторганизация невелика — 22 коммуниста, но каждый ее член является проводником нового в хозяйстве и быте. Так, по инициативе парторганизации совершился на одной из МТФ переход на новый метод выращивания телят, получили развитие огородничество, птицеводство.

Элементы нового социалистического сознания отражены в бережном отношении к людям, в уважении к опыту и труду престарелых членов колхоза, заботе о поселке, о жилище. Новым является следующее мероприятие, проводимое в колхозе. На краю поселка на свои средства колхоз строит дома для стариков. Их всего 6 человек. Каждому строится дом. Уже готовы 4 дома, где живут четверо старых колхозников. Двое еще пока живут в юртах. Колхоз полностью содержит и обслуживает их. Полным отдыхом, заслуженным долгой трудовой жизнью, пользуются старики сейчас в родном колхозе. По мере сил стараются они быть полезными колхозу в ответ на его заботу. Кое-кто из них делает dranku, кто советом, опытом помогает правлению колхоза по животноводству и т.п.

Норма личного пользования скота в районе следующая — 20–40 голов мелкого рогатого скота, до 5 голов крупного рогатого скота (с молодняком) и 1 лошадь. Колхозник обязан беречь личный скот. Лишь в крайнем случае сельсовет разрешает ему забой или продажу личного скота. Это положение направлено на укрепление подсобного хозяйства колхозника, на поднятие его материального благосостояния. В колхозе еще имеется некоторое количество семейств, не владеющих личным скотом. Им колхоз постепенно продает скот по низкой цене (устанавливаемой правлением колхоза) в счет оплаты трудодней. Это мероприятие вызывается тем, что в районах с основным животноводческим направлением хозяйства государство не дает колхозникам ссуд на приобретение личного скота (колхоз в целом получает ссуды на покупку как местнопородного, так и породистого скота).

Растет неделимый фонд колхоза — показатель устойчивости его хозяйства. В 1954 г. этот фонд достиг свыше 1½ млн руб. Невелика по сравнению с колхозами центральных районов еще оплата трудодня здесь. Так, в 1954 г. общая стоимость трудодня равнялась 4 руб. 4 коп., из которых

было выдано деньгами 3 руб. и натурой-зерном — 700 г. Но эта стоимость устойчива и имеет тенденцию роста [к росту], а не убыли.

Колхоз переживал в начале 1950-х гг. период строительства, период организации. Много трудностей стоит и теперь перед колхозниками: переход на оседлость, освоение новых отраслей животноводства — верблюдоводства, свиноводства, птицеводства, освоение земледелия и огородничества, плановый выпас растущего поголовья и проблема кормозаготовок. Все эти первоочередные задачи могут быть разрешены на основе правильного использования (и предварительного исследования) приданных колхозу земельных площадей, внедрения новейших агротехнических и зоотехнических мероприятий.

Колхоз ежегодно отчисляет на подготовку кадров известный процент дохода. Посылает колхозную молодежь и передовиков производства на учебу в г. Кызыл, Туран и за пределы ТАО. В скором времени окончившие сельхозшколы, курсы бухгалтеров и т.п. колхозники-специалисты, вернувшись вооруженные знаниями, своей работой помогут ускорить рост благосостояния колхоза.

Описанный нами колхоз «Сталинский путь» является типичным для колхозов Эрзинского района. Как упоминалось в начале, в районе на 1955 г. имелось 4 колхоза. Организация хозяйства этой территории стала возможной с административным устройством района. До 1936 г. Эрзинский район не был самостоятельным, он входил в Тесь-хемский район. Центр этого большого района был в п. Самагалтай. На месте нынешнего п. Сарыг-Булун (до 1954 г. п. Эрзин) стояла лишь одна изба — бывшая перевалочная база, откуда возили продукты и обрудование в прииск Нарын. Строительство районного центра п. Эрзин началось в 1936 г. с выделением территории Эрзина в самостоятельный район. К 1948 г. в п. Эрзин было всего 20 домов. До этого года трудовое население района было организовано в 9 ТОЖЗЕМов («Мчая» — сокращенно по-тувински) — товарищества по совместному животноводству и земледелию. В 1948 г. 15 августа был организован первый колхоз «Кызыл Сылдыс» («Красная звезда»), существующий и по сей день. В недолгом времени образовались на базе ТОЖЗЕМов остальные 3 колхоза. В 1954 г. в районе было объединено в коллективные многоотраслевые хозяйства 664 семьи с общим населением 2 766 человек.

Приведем пример стягивания населения в коллективное хозяйство. Колхоз «Новая жизнь» образовался из двух ТОЖЗЕМов («Мчая» и им. Кочетова) в 1948 г. и был первоначально назван «Колхоз им. Кочетова». До 1952 г. в колхозе население было только тувинцы группы Иргит, проживавшие в сумоне Бай-холь. В 1952 г. к ним присоединились Соены из сумона Соен, проживавшие около озера Торо-холь. Эта группа тувинцев разводила верблюдов и принесла колхозу 117 голов (в том числе 44 матки). Так, в этом колхозе появилась новая отрасль животноводства, которую колхоз

успешно развивает. В 1955 г. на ВСХВ колхоз за разведение белых верблюдов получил премию. Отличие этого колхоза от вышеописанного («Сталинский путь») — в том, что он имеет значительно большее поголовье мелкого рогатого скота, а именно 15 тыс. овец и коз.

Общее [для] всех колхозов района — малое количество посевных площадей, а также малая продуктивность земледелия, доход от которого составляет незначительный процент к сумме общего дохода колхоза (см. табл.).

Название колхоза	Всего земли (га)	В том числе посевная площадь (га)	Процент посевных площадей ко всей земле (%)
«Новый путь»	57 630	359	0,6
«Красная звезда»	38 049	332,5	0,8
«Путь к коммунизму»	48 685	448,5	0,9
«Сталинский путь»	41 448	326,6	0,8

Низкий уровень овощных и зерновых культур зависит в районе в значительной степени от малой изученности здесь условий для развития этой отрасли хозяйства. Тот факт, что иногда здесь получают хорошие урожаи, показывает, что земледелие в определенных масштабах возможно. Например, в 1955 г. все колхозы района впервые сеяли кукурузу. Колхоз «Новый путь» [по]сеял 15 га. Урожай получили прекрасный. В этом колхозе высота кукурузных стеблей достигла 3,75 м, в колхозе «Красная звезда» — выше 2 м. «Хоть коня к ней привязывай», — шутят колхозники. Это урожай дал колхозникам много прекрасной зеленой силосной массы, то есть того драгоценного корма скоту, недостатком которого страдает район, как мы говорили выше.

Развиваемое даже в существующих условиях земледелие обеспечивает полностью потребность населения района в хлебе. Собранное зерно размалывают на мельнице в Самагалтае на муку.

Общие денежные доходы колхозов района довольно велики. Основной доход колхозы получают от животноводства, как явствует из таблицы.

Название колхоза	Общий доход (тыс. руб.)	В том числе от животноводства	Процент	В том числе от полеводства	Процент	Урожайность с 1 га (ц)
«Новый путь»	523,5	458,9	87,6	1,1	0,2	3,6
«Красная звезда»	477,1	320,7	67	1,5	0,3	2,5
«Путь к коммунизму»	482,4	278,1	57,6	0,9	0,18	3,5
«Сталинский путь»	572,3	384,5	67	35,7	6	5

Общим для всех колхозов являлась низкая продуктивность животноводства. Надои молока и настриг шерсти — не самых низких планируемых советским правительством норм. Это объясняется тем, что глубокая реконструкция хозяйства района лишь только начиналась, о чем говорят бытовавшие старые методы ведения животноводства.

Название колхоза	Среднегодичный удой на 1 корову (л)	Среднегодичный настриг на 1 овцу (кг)
«Новый путь»	358	1,1
«Красная звезда»	452	1,4
«Путь к коммунизму»	152	1,4
«Сталинский путь»	507	1,2

Материал 1954 г.

С 1948 г. началось строительство новых колхозных центров, а также расширение районного центра. Большим затруднением в строительстве жилых домов в колхозах и районном центре являются отсутствие леса вблизи населенных мест, слабая техническая оснащенность в деле лесозаготовок. Поэтому на 1954 г. большой процент колхозников жил лето и зиму в старых юртах. Особенно этим отличался колхоз «Новый путь», где 37,5 % колхозников проживало в юртах. Во всех колхозах в 1955 г. заканчивалось строительство электростанций. В районном центре — п. Сарыг-Булун³³² — в 1953 г. была построена электростанция на 37 кВт.

Район имеет сейчас некоторое количество своих транспортных средств, в частности автомашины. Помимо учрежденческих машин легковых и грузовых, в каждом колхозе имеются грузовые машины. Так, колхоз «Сталинский путь» приобрел 4 автомашины. Все машины обслуживают свои колхозные шоферы-тувинцы. Молодой колхозник, член артели «Новый путь» т[оварищ] Араптан Лизим Санчатович, 26 лет, придя из армии в 1953 г., стал в родном колхозе работать шофером (этой профессии он обучился в армии). В колхозах имелось несколько ломаных бездействующих машин. Т[оварищ] Л.С.] Араптан вместе с русским шофером К. Гнусаревым из этих машин собрал одну исправную машину для своего колхоза. Машина прекрасно работает. Это заботливое отношение к общественному имуществу, добросовестность и настойчивость, любознательность, тяга к технике — новые качества тувинской молодежи, вызванные к жизни советским социалистическим строем.

Кроме автомашин, в колхозах имеется конный транспорт: летний — телеги и зимний — сани. Ни того, ни другого тувинцы прежде не знали и тем более сами не производили. Только у группы Кыргыз, по словам

³³² Сарыг-Булун — «Желтый угол», угол, образуемый при впадении р. Эрзин в р. Тесь.

стариков, в давнее время имелись телеги, колеса которых делали из сплошного спила дерева (поперечного). Телеги и сани в настоящее время колхозники делают сами в колхозных мастерских.

[Пример пятый]

Колхоз «1 Мая» (Тоджинский район)

Наиболее сильный колхоз в Тоджинском районе — это сельхозартель «1 Мая» («Май Бирзы»). Организовался колхоз в 1949 г. 29 апреля. В организационном собрании участвовали председатель Тоджинского райисполкома т[оварищ] Чульдум, от РК ВКП(б) секретарь т[оварищ] Чорба, т[оварищ] Б. Базыр, т[оварищ] Достай-оол, приглашенные от имени инициативной группы аратов. Это было объединенное собрание аратов Хамсаринского и Пий-хемского сумонов (по административному делению того периода)³³³. На собрании присутствовал 51 человек. На повестке дня был один вопрос — об организации колхоза в Пий-хемском сумоне. Собрание открыл председатель райисполкома т[оварищ] Чульдум³³⁴. Он информировал собрание о заявлениях аратов, поступивших в райисполком, где они ходатайствовали об организации коллективного хозяйства. Затем выступали 23 человека, все изъявили желание вступить в колхоз. Были рассмотрены заявления аратов и после обсуждения вынесено постановление: «Организовать в Пий-хемском сумоне охотничье-рыболовецкий колхоз на р. Ий. Просить утвердить решение Тоджинским райсоветом». Название колхозу присвоили «1 Мая» («Май Бирзы»).

Согласно Уставу колхоза, решено было принимать в члены граждан с 16 лет. Вступающих в колхоз принимали общим голосованием, причем каждого кандидата обсуждали отдельно. Приняли 32 человека. На этом же собрании было избрано правление колхоза в составе 5 человек. Председателем правления колхоза был избран т[оварищ] Ээрылге Ак Орайбанович, заместителем его — т[оварищ] Чанзибай Кол. Организовали ревизионную комиссию в составе 3 человек.

Колхозники решили организовать 5 бригад: животноводческую, полеводческую, охотничью, рыболовную и строительную. Тут же были избраны руководители бригад. Руководство животноводческой бригадой взял на себя зам[еститель] председателя колхоза т[оварищ] Чанзибай Кол, полеводческой — т[оварищ] Хулербен Кол Айыжович, охотничьей — т[оварищ] Севек Саян Ак Шешкишевич, рыболовной — т[оварищ] Бирингей Кол Догдаович и строительной — т[оварищ] Сырбай Кол Кадылайевич. Из бригадиров трое являлись членами правления, а имен-

³³³ Протокол № 1 от 29 апреля 1949 г. Архив колхоза «1 Мая».

³³⁴ В 1953 г. т[оварищ] Чульдум был председателем Бай-тайгинского райисполкома. В январе 1954 г. погиб в дорожной катастрофе.

но — т[оварищи] Чанзибай Кол, Севек Ак Шешкишевич и Сыырбай Кол Кадылайевич.

Было принято решение — оседлый поселок построить в устье р. Ий. Закрепить за колхозом земли от устья р. Ий до оз[ер] Ушпи-хӧль, Олбук-хӧль, по местности Аргы до р. Хамсары, замли по р. Чаваш, Улуг-таг и т.д. Эти земли до революции принадлежали русскому купцу Семенову. После установления ТНР здесь жили араты сумона Кол и Ак-Чооду. Эти угодья распределены по отраслям хозяйства следующим образом. Территории Улуг-таг и Чаваш, представляющие собой гонные моховые пастбища, отводятся для оленьих стад колхоза, долины-степи Аргы, Эрги, Чумуртук отводятся для сенокоса, Аргы и Ийская степь в то же время отводятся для пастьбы крупного рогатого скота и табунов (Ий целиком протекает по территории колхоза, степь его богата разнотравием). Охота и прежде производилась на территориях Улуг-таг. Будущие колхозники — 32 семейства, 118 человек³³⁵. Местные жители прекрасно знают природные ресурсы своих территорий, к организационному собранию, как видно из вышеизложенного, пришли достаточно подготовленными. Намечая отраслевые территории, колхозники обратились к Тоджинскому исполкому с просьбой закрепить за ними эти территории навечно³³⁶.

Было решено купить сельхозинвентарь и семена пшеницы, овса, ячменя, картофеля на весенние посадки. Начать в этом же году постройку животноводческих помещений, для чего ходатайствовать перед государством о выдаче колхозу долгосрочной ссуды. При организации колхоза обобществлено было 32 головы крупного рогатого скота, 61 лошадь, 3 козы, 337 голов оленей.

Так были заложены основы первого коллективного хозяйства в Тодже. В течение 1949 г. молодой колхоз получил 50 тыс. руб. возвратной ссуды сроком на 15 лет и 4 тыс. руб. безвозвратной ссуды. Последняя была ассигнована на строительство жилых домов колхозников. На долгосрочную ссуду колхоз приобрел 94 мерининовые овцы и 7 симментальских коров, в том числе одного быка. Было начато строительство коровника на 50 голов и телятника на 30 голов. Построено 6 жилых домов³³⁷. Однако дома строили без проекта, не закончили (то есть не сделали ни крыш, ни печей). Поэтому Госбанк на этот год ссуду на строительство выплатил не полностью. На территории колхозного поселка прежде построек не было. Поэтому в начале весны 1949 г. новые колхозники, а также правление колхоза помещались в юртах. Хозяйство колхоза развивалось следующим образом.

³³⁵ Из 32 семей нового колхоза 7 семей с долины р. Ий, а остальные 25 — с р. Хамсара.

³³⁶ В 1952 г. колхоз все еще не имел госуд[арственного] акта на вечное владение землями.

³³⁷ Строили сами под руководством старика коммуниста Кол Сырбай.

Сначала была организована ферма крупного рогатого скота и оленеводческая. Выделенная рыболовная бригада была прикреплена к оз. Ушпи-холь (40 км от колхозного поселка). Организовали полеводческую бригаду. Утвердили план посева овощей и зерновых. Предполагали и соответственно посеяли 5 га ячменя и $\frac{1}{2}$ га картофеля. Посевом руководил районный агроном и бригадир колхоза Кол Тажиней. Составлен был план по животноводству, оленеводству.

В течение всего года в колхоз вступали новые члены. Так, уже на общем собрании 3 мая 1949 г., где присутствовали 40 человек³³⁸, были рассмотрены заявления аратов и в колхоз приняты 4 семьи. При приеме новых колхозников внимательно обсуждались их кандидатуры, оценивали приходящий с ними скот. 4 мая вновь было собрание, где стоял вопрос об исключении из колхоза т[оварища] Баянчика, о возвращении ему скота на том основании, что он обвинялся в убийстве³³⁹.

При организации колхоза сразу возникла колхозная партийная группа в количестве 14 человек членов партии, партгоргом был избран т[оварищ] Сат Тамба Акысович. Колхозная парторганизация возглавила все ответственные участки работы в колхозе. Они упорно боролись за внедрение дисциплины труда, критиковали колхозников и бригадиров. Так, на одном из первых собраний после проведения весеннего сева коммунист т[оварищ] Хулербен, бригадир полеводческой бригады, в своем выступлении сказал, что посев закончен в 20 дней, вспахано 9 га. Он отметил хорошую работу колхозников и критиковал некоторых и прежде всего себя: «Я сам относился к работе халатно, не следил за дисциплиной, и потому дисциплина в бригаде хромала. Некоторые опаздывали на работу». Он призывал: «Нужно всем работать честно на благо всего колхоза»³⁴⁰. В выступлениях говорилось, что колхозники еще работают недружно, что некоторые хотят выйти из колхоза и их держать не нужно (выступление т[оварища] Торба), что имущество колхоза нужно хранить как свое личное и т.п. Стремление колхозников быстрее наладить свое хозяйство отражает постановление, вынесенное на этом собрании: 1) бороться с лодырями; 2) всем колхозникам работать честно и самоотверженно; 3) ознакомить всех колхозников с Уставом сельскохозяйственной артели; 4) отличившихся колхозников отмечать на Доске почета; 5) поднимать продуктивность скота; 6) доить коров и оленей в точно указанное время 3 раза в день; и 7) беречь колхозное имущество.

Собрания проходят при большом количестве присутствующих (40–60 человек) и при высокой их активности.

³³⁸ Протокол № 2 колхозного собрания от 3 мая 1949 г.

³³⁹ Протокол № 3. Архив колхоза «1 Мая».

³⁴⁰ Протокол № 2 колхозного собрания от 3 мая 1949 г.

Вскоре колхозниками было принято предложение заключить договор на соцсоревнование с одновременно организованным в этом районе колхозом «Советская Тува». Кроме того, колхозники взяли на себя ряд социалистических обязательств. Помимо общих собраний колхозников, текущие дела разбирались и на заседаниях правления колхоза. В особо важных случаях вопрос выносился на обсуждение общего собрания. Чаще других стоит вопрос о трудовой дисциплине. За прогулы и самовольное пользование колхозными лошадьми собрания выносят выговоры и налагают штрафы. За пьянку, драки следует исключение из колхоза (например, т[оварища] Муржекпен). Колхозное собрание вмешивается и в личную жизнь аратов. Так, колхозник Конглай получает общественный выговор за пьянство и за плохой уход за своими детьми.

Для охраны своей промысловой территории колхозники принимают решение о недопущении к промыслу на этих территориях единоличников. Организуется также подсобный промысел — сбор ягод, грибов, орехов, что в условиях Тоджи имеет немалое значение для хозяйства. Учитывая наличные силы колхоза, утверждается план сбора дикорастущих [растений] — 300 кг орехов, 850 кг ягод. Создаются для этого 2 бригады по 12 человек в каждой.

10 сентября 1949 г. утверждается первый план охоты колхоза. Предполагается добыть 200 соболей, 12 тыс. белок, 4 куницы, 2 волков, 5 медведей, 5 рысей. Колхоз в своем составе с момента организации имел опытного талантливую охотника т[оварища] Ак Мырла. Охотников разбивают на звенья, по звеньям делят охотничью территорию. На Тодут-хем идет звено под руководством т[оварища] Саны, на Соруг — звено с руководителем Тамберелем и т.д. В каждое звено входит 4 человека. Охотники через колхоз заключают договор с заготовительными организациями на добычу пушнины.

В декабре колхозное собрание уже рассматривает некоторые итоги деятельности колхоза. Вырабатываются лучшие способы ведения хозяйства, утверждается выбраковка скота перед зимним сезоном (оленей). Отмечается, что в колхозе пропало 99 голов оленей, из этого числа 33 оленя съели волки. Собрание предлагает пастухам возместить пропажу оленей из расчета 1 % стоимости оленей. Предлагается перевести стадо на ближайшие пастбища (на Кара-адер). Для борьбы с волками организуется специальная бригада. Предлагается окарауливание стада днем и ночью, разбивка стада на две части и т.п.

В животноводстве также требуются упорядочение кормления скота сеном, постройка зимнего помещения, организация пастьбы и т.п. Утверждают постоянный состав бригад, назначаются пастухи. Организуется новая транспортная бригада. За плохое руководство рыболовной бригадой снимают бригадира, берут с него штраф 5 трудодней за плохую работу брига-

ды. Не имевшие навыков коллективного труда в комплексном хозяйстве араты и не имевшие опыта руководители не смогли в первый же год получить должные результаты от своего труда. Посев зерновых и картофеля не дал урожая, так как заморозки убили всходы. В животноводстве дело обстояло не лучше — много оленей погибло от болезней. Хозяева еще не привыкли к тому, что скот обобществлен, считали его своим и распоряжались по своему усмотрению. План по всем видам животноводства был не выполнен. Всего колхоз получил за год 90 469 руб. дохода. Колхозники выработали 12 020 трудодней. На трудодень было выдано по 5 руб. 86 коп.

В 1950 г. количество колхозников сильно выросло. В колхозе к началу года уже 87 хозяйств — 218 человек. В колхоз входят улуг-тагские араты, а также скотоводы Ийской степи. Они оседают около колхозного поселка. Колхозное стадо выросло, крупного рогатого скота стало 117 голов. Из племенного, купленного в 1949 г. симментальского стада погиб производитель-бык по причине неумелого ухода. Табун вырос до 118 голов, овечье-козье стадо — до 205 голов, оленье — [до] 529 голов. В поселке выстроили еще 9 домов. Но постройка не доводится до конца, так же, как и прежде, дома продолжают делать без крыш, без сеней и т.п. Строят на 500 голов кошары. Бригады те же.

Колхоз имеет 4 фермы: МТФ, оленеводческую, коневодческую и овцекозью. Посевы несколько увеличиваются: сеют 6 га ячменя и 2 га картофеля. Председателя колхоза снимают. В 1950 г. на его место избирают т[оварища] Түлүш Баир Белека. К концу 1950 г. колхоз получает доход 276 700 руб. Доход распределяется по отраслям следующим образом.

[Отрасль хозяйства]	[Доход в руб.]	[Доход в %]
Пушной промысел	183 693	66,4
Рыболовство (заготовки для Райпо)	23 502	8,6
Сбор ягод и пр.	1 171	0,5
Перевозки	2 825	1
Полеводство (зерно, сено и пр.)	16 406	5,5
Животноводство	21 947	7,8

Из вышеприведенного ясно, что основным доходом колхоза является доход от пушного промысла. Остальные отрасли хозяйства развиваются слабо.

В 1950 г. колхозниками выработано 16 798 трудодней. На трудодень деньгами выдано 13 руб.³⁴¹ Натурой было выдано 800 кг рыбы.

³⁴¹ 20 % от общего дохода колхоз отчисляет в неделимые фонды. В 1950 г. 16 тыс. руб. отчислено за страхование скота Госстраху.

В 1951 г. в колхозе уже 108 хозяйств. Продолжают сходить с гор улугтагские оленеводы. Население колхоза — 455 человек. поголовье скота увеличивается: крупный рогатый скот — 150 голов, лошадей — 211 голов, овец-коз — 341 голова, оленей — 844 голов. Растет и поселок, построено 15 домов, но старые постройки так и остаются незаконченными. Посев расширяется до 21 га, в том числе общественный огород — 5 га. На остальной площади сеют ячмень, овес, пшеницу. Колхозники начали обрабатывать при усадьбе свои огороды (по 5 соток). Но далеко не все. Урожай был невелик. Сняли 7 т 61 кг ячменя и овса (пшеница вымерзла), 4 т картофеля. В этом же году продолжается постройка животноводческих помещений — строят конюшню на 40 голов. Получена ссуда 120 тыс. руб. на постройку электростанции. Областной отдел электростанций сельского хозяйства провел работу по обследованию р. Ий, выявил пригодность ее для постройки здесь гидроэлектростанции на 1 тыс. кВт. Колхоз получил план станции и приступил к постройке³⁴².

В колхозе вновь сменяется руководство. Председателем колхоза рекомендован один из руководящих работников Райпотребсоюза т[оварищ] Монгольби Вас[илий] Ив[анович]³⁴³, коммунист, хорошо зарекомендовавший себя как организатор. Постепенно налаживается работа бригад. На МТФ работает 12 человек (6 мужчин и 6 женщин). Заведует фермой (МТФ) т[оварищ] Ак Маньякпан. Выявляются лучшие производственники, такие как, например, т[оварищ] Холл Шмидт Чарынович, коммунист, пастух стада молодняка в 90 голов (у него нет потерь, упитанность молодняка хорошая), т[оварищ] Ак Кулачек, комсомолка, доярка, работает на МТФ с момента организации колхоза, доит 11 коров (одна из всех доярок выполняет план надоя молока по всем коровам. (На 1951 г. план надоя молока 500 л с коровы). Одну из коров раздаивала и получила от нее 570 л). Т[оварищи] Холл Шмидт и Ак Кулачек были отмечены на районной Доске почета. Денежной премии колхоз никому не давал. Отмечались успехи колхозников и в стенной газете колхоза. Оба эти товарища грамотные. Особых нововведений в работу свою они не внесли. Но оба старались точно придерживаться инструкций и правил зоотехники.

К ферме были прикреплены 8 рабочих лошадей для подвозки кормов, воды, для разездов пастухов.

[На] коневодческой ферме особых успехов за этот год не отмечалось. Назначены были новые работники. Бригада состояла из 5 пастухов и коню-

³⁴² На строительство гидроэлектростанции затрачено колхозниками за 1950–1952 гг. 6 тыс. трудодней.

³⁴³ Т[оварищ] Монгольби В.И. и его деятельность описаны в повести [С.М.] Георгиевской «Серебряное слово» [(Георгиевская, 1955)].

ха. На последнем лежала обязанность уборки конюшни и подвоз кормов. Заведывал табуном т[оварищ] Ак Наинда Баг-оолович.

Хорошо наладилась работа овцеводческой фермы, которой руководил старый овцевод т[оварищ] Кол Авырган, беспартийный. На ферме работало 4 человека (в том числе 3 женщины). При окоте овец было получено от 100 маток 97 ягнят. Уже к 1951 г. были ликвидированы производители овец местной породы, оставлены только мериносы. Молодняк поэтому получили метисный с большими мериносовыми качествами. Однако план настрига не выполнили: сняли по 1,4 кг шерсти (вместо 2 кг по плану) с каждой овцы. К ферме также прикреплены 3 рабочие лошади. Успехи фермы обеспечивались хорошей работой комсомолки т[оварища] Холл Сурма и т[оварища] Сат Теждей. Они пасли скот, ухаживали за молодняком. Все работники фермы отмечались на Доске почета колхоза и в стенгазете. Им были выданы денежные премии. План животноводства на ферме был выполнен за счет приплода коз, значительно лучше сохраненного, чем молодняк овец.

Оленеводческая ферма имела наиболее многолюдный штат — 23 человека. Руководил ею старый коммунист (с 1920 г.) т[оварищ] Ак Деверек. На заведывание фермой он был выдвинут общим собранием. До этого он был пастухом. Бригада оленей была разбита на 3 звена: одно звено обслуживало стадо рабочих оленей, другое — маток и третье — стадо молодняка. Ферма не выполнила плана развития оленеводства за 1951 г. (выполнили лишь 87 % плана). Причиной этому явилась яловость важенок (3 %), 3 оленя были задраны медведями и 24 пали от болезней. Среди пастухов выявляются передовики, как, например, [товарищ] Ак Толай, который от закрепленных 50 маток получил 48 телят (при общей норме по 40 телят). При бригаде всегда проживает ветфельдшер т[оварищ] Ак Самбу. Он практик, не получивший специального образования, имеет 12 лет стажа ветеринарной работы. Установленной нормы личных оленей колхозники не имели. Держали по 3–5 оленей. Этих оленей пасли отдельно.

Полеводческая бригада, состоявшая из 46 человек, была разделена на 3 звена. Бригадир — т[оварищ] Баир Белек, звеньевые — [товарищи] Сагаяков Ник[олай] Федорович (хакас), Ак Шактар-оол, Ак Толанзик. Большую помощь оказывает бригаде районный агроном т[оварищ] Оранский. Эта же бригада заготавливала корма. В 1951 г. бригада перевыполнила план по заготовке сена — 52 тыс. пудов (114 % от плана). Впервые был заложен силос — 16 т. За бригадой закреплено 23 лошади.

Огородным звеном этой бригады в количестве 12 человек руководил т[оварищ] Холл Тамдыла. Звено сажало в этом году не только картофель, но впервые и капусту, и морковь. Впервые применили в огородах удобрение-навоз (поля не удобряли). Урожай моркови и капусты бесплатно раздавали колхозникам (для пробы). Весь урожай картофеля был оставлен на

семена. Выделился передовик полеводства, более всех выработавший трудодни, — т[оварищ] Тембрен Сержи.

В охотничью бригаду входили мужчины и женщины. В 1951 г. на промысел ходили 80 человек, из них 13 женщин. На основную охоту на соболей ходили лишь лучшие охотники — 51 человек, в числе которых были 4 женщины. Руководил бригадой т[оварищ] Кол Шаңгамай (он же зам[еститель] председателя колхоза). Разделялась бригада на звенья по 3–5 человек. Каждому охотнику колхоз давал 2 оленей. На оленях идут, пока снеговой покров меньше 1 м. Обычно на оленях ходят в первую «ходьбу» — с 25 октября по 20 декабря. Во вторую «ходьбу» идут в январе на лыжах. В это время женщины на охоту не идут, отправляют наиболее сильных охотников. Так, в 1951 г. во вторую «ходьбу» ходили только 13 охотников. Боеприпасы и продукты (сахар, муку, масло, соль, чай, табак) получали от колхоза. До 1944 г. соболя не отстреливали, был наложен защитный запрет. С 1944 г. стали его добывать по лицензиям. В 1951 г. колхозу была дана лицензия на 600 штук соболя. Колхоз отстрелил 700 соболей. Это привело колхоз к большим затруднениям, так как незаконно отстрелянного соболя заготовительные организации не принимают. По договору они не имеют права принимать выше лицензируемого количества. Пришлось ходатайствовать перед Областным охотуправлением о разрешении сдать эту «незаконную» пушнину за счет других районов ТАО, не выполнивших лицензии. Женщины также добыли соболей: т[оварищи] Чезибан, Ак Тингмэ, Ак Марима, Ак Оханды (следует обратить внимание, что все женщины принадлежат к группе Ак-Чооду, охотников-оленоводов). Добыли по 6 соболей и по 50–60 белок. Охотники уходят на промысел за 80–100 км от поселка. В 1951 г. добыли, кроме соболей, 9 тыс. белок, «цветного зверя» — рысей, волков и т.п. В колхозе имеются лучшие охотники ТАО. Таковы опытный талантливый охотник т[оварищ] Ак Мырла, в 1951 г. он добыл 15 соболей, 2 волков, 2 выдры (выдры также отстреливаются по лицензиям), 3 рыси, 340 белок и почти 2 т мяса (диких козлов, лосей и т.п.), т[оварищ] Тажы Серен, добывший 14 соболей и много другой пушнины, т[оварищ] Кол Ыйен Таргыйбан (сеок Тоба) и др.

Часть этой бригады занимается рыболовством и сбором дикоросов. Бригада добыла на оз. Ушпи-хӧль 10 т рыбы по договору с Райпо. По плану должно было быть добыто 25 т, но не хватило запасов соли для консервирования рыбы.

Строительная бригада состояла из 56 человек и была разделена на 3 звена. Руководил ею т[оварищ] Самый-оол. Бригада не только строила, но и заготавливала лес. Для этой цели были выделены участки леса по р. Ий — Уштук-кыжык в 13 км от поселка. Заготовили 3 тыс. куб. м, вывезено было 300 куб. м. В колхозе имелось 6 ручных пил для изготовления досок, плах и т.п. Вручную готовили колхозники стройматериалы. Колхозный плотник

(член строительной бригады) т[оварищ] Ак Мокпан изготовлял косяки, рамы и т.п. За бригадой бали закреплены 10 лошадей, с которыми работало одно из звеньев (руководитель т[оварищ] Биче-оол Ак), занятое в основном вывозкой леса.

В конце 1951 г. доход колхоза составил 415 тыс. руб. Доход по отдельным отраслям следующий:

[Отрасль хозяйства]	[Доход в руб.]	[Доход в %]
Пушной промысел	245 137	59
Животноводство	23 959	5,8
Рыболовство	23 234	5,7
Разные другие доходы	112 670	27,1

В «разных» доходах включены доход от перевозки почты, за строительство колхозной школы (платит Районо), медпункта в колхозе (платит Райздрав), за перевозку грузов (Райпо) и т.п.

За 1951 г. 260 колхозников выработали 32 127 трудодней, и, кроме того, 637 трудодней были приписаны в виде дополнительной оплаты. Следовательно, всего выработали 32 764 трудодня. Среди колхозников были и такие, которые не работали совсем (6 человек) или почти совсем, — выработали 1–2 трудодня (24 человека)³⁴⁴. Не выработали нормы 128 человек, то есть 49 % (выработавших от 10 до 100 трудодней). 100 человек перевыполнили нормы. Из них 20 человек выработали до 300 трудодней, 17 человек — до 400 и 7 человек — свыше 400, то есть около 38 %. Как видно из приведенных цифр, процент постоянно полноценно работающих невелик. 38 % колхозников, собственно говоря, несут на себе всю тяготу [все тяготы] работ в колхозе. Большой процент неработающих, не выполняющих нормы приходится на женщин с детьми, которые заняты домашней работой. При отсутствии в колхозе детских учреждений они не могут быть привлечены к общественному труду.

Наибольшее количество трудодней потрачено на охоту и рыболовство — 16 077, на животноводство — 7 тыс., на строительство — 5 504, на полеводство и огород[ничество] — 2 774 трудодня и т.д. На трудодень выдано в 1951 г. по 9 руб. 13 коп.

В 1952 г. в колхоз было объединено 121 хозяйство с населением 573 человека, из них 241 трудоспособных. В этом году колхоз сеял 7 га и снял 8 т зерна. На 1953 г. планировали посев на 30 га. Пахали плугами. Трактора нет. В 1952 г. сеяли и озимую рожь на 4,7 га ([по]сеяли 800 кг зерна). Урожай молотили по старинке — лошадьми.

³⁴⁴ По уставу, норма трудодней с сельскохозяйственной артели — 120 трудодней.

Машинный парк колхоза имеет: веялку, 12 плугов с предплужниками, 2 селки, 16 борон, культиватор, 12 сенокосилок, 4 конных граблей, соломорезку.

В 1952 г. на июнь в колхозе имелось общественное стадо, состоящее из 288 голов лошадей (в том числе 64 матки и 45 жеребят текущего года рождения), 1 266 оленей (в том числе 380 важенок и 312 телят текущего года рождения), 305 овец (в том числе 114 маток), 98 голов [крупного рогатого скота(?)] (в том числе 23 маток). Колхоз имел почти полную обеспеченность скота помещениями: имелись телятники на 50 голов, коровники на 200 голов, кошары на 500 голов. Не хватало лишь конюшен на 35 голов.

В охотничью бригаду в сезон 1951–1952 гг. вошли 140 человек. Бригаде выдавалось 200 рабочих оленей (быков). Колхоз еще не мог обеспечить оленями всех охотников (по 2 оленя на человека), так [как] стадо еще невелико. Охотники взяли обязательство сдать каждому пушнины не менее чем на 1,5 тыс. руб. Фактически было сдано больше. Самый маленький промысел был сдан охотником на 1,6 тыс. руб.

Строительная бригада закончила строительство конюшни, колхозного склада, бани. Оленеводы ставили вопрос об обмене или покупке оленей в тофаларском колхозе «Красный охотник» Иркутской области с целью «освежить кровь» оленьего стада. Оленеводы впервые собирали оленнюю линную шерсть — 60 кг, котрую сдали Райпо. Полеводческая бригада успешно выполнила план заготовки кормов для скота. Заготовлено было 63 тыс. пудов сена и 135 т (вместо 50 т по плану) силоса. Это позволило колхозу зимой кормить всех дойных коров, рабочих лошадей и подкармливать овец и коз. Огородное звено сняло хороший урожай картофеля. Однако колхоз не построил еще помещения для его хранения, не были устроены в новых домах подполья, где колхозники могли бы хранить полученный на трудодень картофель, поэтому не все сумели его сохранить зимой. В колхозном поселке построили пекарню, почти полностью обеспечивающую хлебом колхозников. Ежесуточная выпечка равнялась 300 кг хлеба.

Налаживаются финансовая отчетность, взаимоотношения колхоза с заготовительными и другими организациями. Налаживается финансовая дисциплина в колхозе. В 1950 г. колхоз имел много долгов. Лишь одному Райпо колхоз задолжал 57 тыс. руб. Правление колхоза принимает энергичные меры [действия] к урегулированию финансового положения хозяйства. При авансировании колхозников исключаются все, кто не работает в общественном производстве, все, кто задолжал колхозу. Сначала эти мероприятия вызвали возмущение нерадивых колхозников. Честно работавшие члены артели скоро увидели результат нововведений, поддерживали правление и стали подтягивать отстающих, плохо работающих. Многие члены колхоза, ранее не работавшие, оставшись без «легкого заработка», постепенно вернулись к работе в колхозе.

Заработок семей колхозников-членов артели «1 Мая» в 1951–1952 гг. виден на следующих примерах. [Товарищ] Мырла Ак, известный по всей Области охотник, имеет семью, состоящую из жены и троих детей. Жена не работает, двое детей — малолетки. Т[оварищ] Мырла Ак выработал в 1951 г. 627 трудодней. Дочь его (школьница) выработала 59 трудодней. Всего семья имела 686 трудодней, что в денежном выражении составило 6 263 руб. 18 коп. На 1952 производственный год у семьи осталось 3 тыс. [руб.] неиспользованных денег. За 1952 г. лишь в сентябре месяце т[оварищ] Мырла Ак взял аванс 30 % для покупки муки. Из 3 тыс. заработка 1951 г. он купил облигаций госзайма на 2 тыс. руб. Семья живет в достатке, имеет корову, лошадь, коз и овец. Заработок семьи превышает расход. Это объясняется еще и тем, что потребности семьи были невелики и мало чем отличались от потребностей в прошлом.

Т[оварищ] Тажи Серэн имеет семью, состоящую [из] жены и восьмерых человек детей. Жена почти не работает (выработала 8 трудодней). В 1951 г. семья выработала: сам т[оварищ] Тажи Серэн (охотник) — 353 трудодня, его сын — 214, дочь (дойрка) — 140, дочь (полевод) — 120 трудодней. Вся семья выработала 835 трудодней, что в денежном выражении составило 7 622 руб. 55 коп. Семья имеет в личном владении 3 коровы, лошадь. Живет в полном достатке.

Т[оварищ] Касетей имеет семью, состоящую из жены и шести детей. Заработали в 1951 г.: сам т[оварищ] Касетей (табунщик) — 180 трудодней, сын — 77 и жена — 61 трудодень. Всего семья выработала 218 трудодней, что в денежном выражении составило 1 990 руб. 34 коп. Семья получает ежемесячное пособие по многодетности — 175 руб. В 1951 г. купили корову. Четверо детей всю зиму живут в колхозной школе-интернате на полном гособеспечении.

Т[оварищ] Торжа имеет семью, состоящую из жены и девяти человек детей. Сыновья и отец заработали 576 трудодней, жена — 27, всего — 603 трудодня. В денежном выражении — 5 441 руб. 48 коп. Семья имеет лошадь и корову в личном владении. Ежемесячно получает пособие по многодетности от государства — 220 руб.

Правление колхоза выдвинуло на рассмотрение общего собрания колхозников вопрос об оплате по беременности, а также учащимся колхозникам, командировочным на различные курсы за время обучения. Было решено производить всем вышеуказанным товарищам оплату из расчета среднего заработка до ухода в декретный отпуск или на учебу.

Колхоз помогает многосемейным, не имевшим прежде скота. Так, т[оварищ] Денгиш работал в охотничьей бригаде. У него погибли 2 колхозных оленя. Колхозное собрание предложило ему уплатить колхозу их стоимость. У него большая семья. Долг этот из года в год на нем висел. Собрание колхозников вновь обсудило его положение и постановило дать

ему высокооплачиваемую работу, назначить его пастухом в табун, где, добровольно трудясь, он может вырабатывать ежемесячно 60–70 трудодней.

В Йиском сельсовете, центром которого является поселок колхоза «1 Мая», 9 депутатов, почти все колхозники. Одна из депутаток т[оварищ] Ак Эньля вела работу среди женщин. Вместе с местными специалистами-медиками и учителями она вела разъяснительную работу по уходу за лицом, по уходу и воспитанием детей. В колхозе ежемесячно выходила стенгазета под руководством одного из членов колхозной парторганизации. Колхоз выписывал целый ряд газет центральных и местных, в том числе 76 экз. газеты «Шын» («Правда») на тувинском языке, 5 экз. «Тувинской правды» на русском языке, 78 экз. «Тыванның аныктары» («Тувинская молодежь»), 21 экз. «Сылдыс чыгаш» (пионерская газета) на тувинском языке, 1 экз. «Правды» (центральной), 1 экз. «Медработника» (для фельдшерского пункта).

Колхозники активно принимают участие в государственных мероприятиях. Так, подписка на заем в 1952 г. была проведена с превышением. Колхозники подписались на 24 тыс. руб. Тиражи займов аккуратно проверяются как в самом колхозе, так и в районном отделении сберкассы. Выигрыши без задержки выплачиваются.

Местные районные партийные и советские организации всемерно помогают молодым колхозам. Так, председатель Тоджинского райсовета т[оварищ] Биче-оол (1952 г.) — частый гость в колхозах. Для колхоза «1 Мая» в 1952 г. райсовет выделил 14 тыс. руб. на организацию радиозула. Выполнение этого дела задержалось, так как были затруднения с доставкой нужной аппаратуры в район. Иногда райсовет проводит свои сессии в колхозах и даже в бригадах колхоза, на месте производства. Так, в 1952 г. сессию проводили на сенокосе. Разбирались вопросы о заготовке витаминного сена, о дисциплине в колхозе, о соблюдении Устава сельхозартели. По решению исполкома районный агроном и другие работники сельхозотдела весь период сева (в том числе и огородных посадок) живут в колхозах, помогая на месте бригадам. В районе имеется веттехник, который также все время проводит в животноводческих бригадах колхозов (в том числе оленеводческих). Райком и райисполком Тоджи заботливо и внимательно следит не только за укреплением экономики колхозов, но и за укреплением новых производственных взаимоотношений колхозников, воспитывает новое отношение к труду и общественному имуществу. Ежегодно комиссии, направленные в колхозы этими организациями, проверяют соблюдение Устава сельхозартели, анализируют недостатки, помогают их исправлению. В состав комиссии входят председатель (или его заместители) райисполкома, заведующие райсельхозотдела, председатель колхоза, председатель ревизионной комиссии правления колхоза, счетовод колхоза, работник финотдела райисполкома и др.

В актах, составленных комиссией, определяется состояние хозяйства на данное время, отмечаются факты нарушения Устава сельхозартели, дается рекомендация к их исправлению. Эти мероприятия втягивают в активный анализ работы колхоза большое число членов правления колхоза, помогают им в работе по руководству колхозом.

Постепенно повышаются учет и планирование работы колхоза. Растет ответственность рядовых колхозников за порученное общественное дело. Особенно важны мероприятия по учету потерь скота. Вводятся акты, составляемые на гибель [смерть] того или иного животного. Пастухи несут материальную ответственность за падеж скота. При отсутствии актов выплачивают за погибший скот деньгами или натурой (из скота личного владения). Стоимость погибшего животного и размеры компенсации утверждаются собранием колхозников с учетом имущественного (семейного) положения виновного в гибели животного и качества его работы в колхозе вообще. Потери в других отраслях хозяйства компенсируются наложением штрафа в форме списания со счета виновного его трудодней. Упорядочивается выдача авансов, учет трудодней. Бывали случаи, что арат, выработавший значительно больше трудодней, получает аванс меньше своего соседа, выработавшего всего половину.

Правление колхоза состояло (например, в 1952 г.) из 7 человек, в числе которых было 4 члена КПСС, 1 комсомолка и 2 беспартийных. Из 7 человек — 1 женщина. Правление колхоза, как правило, собирается не менее 2 раз в месяц. На заседаниях обсуждаются вопросы текущего производства. Общие собрания колхозников в те годы (до 1953 г.) проходили редко. За 1952 г. всего было проведено 3 общих собрания. Это значит, что часто правление решало многие важные вопросы без общего собрания, чем нарушало принцип колхозной демократии. Собрания проходят при 60–80 % явке членов колхоза. Женщины собирались [участвуют в собраниях] слабо. На собрания являлись не более $\frac{1}{3}$ всех женщин — членов колхоза. Иногда женщины активно выступали в обсуждении колхозных дел.

Культпросветительную работу в колхозе ведет специально выделенный человек. В 1952 г. эту работу вела т[оварищ] Хол Санайбан (член КПСС). Ее работа касалась в основном женщин. По указаниям правления она же организовала работу женщин в колхозе.

В 1951 г. в колхозе построена начальная школа для колхозных ребятшек школьного возраста. В 1955 г. школа реорганизована в семилетку. Дети колхозников — школьники получают полное государственное обеспечение: питание, одежду. Живут зимой в интернате. В школе преподают учителя русские и тувинцы. Учителя проводят работу по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Многие колхозники выезжают в Областной или районный центры на краткосрочные курсы для повышения знаний в различных отраслях хозяйства, бригади-

ры — в школу колхозного производства и т.п. Подготовку кадров проводят сами работники колхоза. Так, опытный счетовод колхоза т[оварищ] Найдан обучил молодого колхозника счетоводству, веттехник по оленеводству передавал свои знания пастухам и т.д. Старики-охотники обучают молодежь приемам охоты, повадкам зверя, способам сдирания и консервации шкур ценных зверей.

В колхозном поселке имеется медицинский пункт с двумя койками стационара (родильная палата). Фельдшер под руководством врачей районной больницы проводит лечебную, профилактическую работу, санитарный надзор, патронаж над грудными детьми и т.д.

В свободное от работы время колхозники посещают колхозный клуб, где имеется библиотека, демонстрационный зал, в котором проводятся сеансы кино, выступления школьников, молодежи с концертами самодеятельности, лекции специалистов, беседы на различные темы.

В поселке имеется магазин продуктовых и промышленных товаров.

Вступившая [в эксплуатацию] весной 1953 г. первая в Тодже радиостанция [электростанция] дала ток в жилые дома колхозников, в животноводческие помещения, в учреждения. В 1955 г. колхоз пустил пилораму, действующую также при помощи электричества. Это значительно ускорило темпы строительства. Сейчас в колхозном поселке нет домов без крыш, почти нет корьевых юрт, которые в 1952 г. составляли основное жилище колхозников. Колхозная электростанция дала ток не только колхозу «1 Мая», но и своему соседу — колхозу «Советская Тува».

Все вышесказанное является ярким примером социалистической реконструкции хозяйства и быта недавних кочевников. В короткий срок (с 1949 г.) кочевники-олeneводы с далеких горных пастбищ хребтов Улугтаг и Одуген, редко спускавшиеся в долины Ий-хема, и скотоводы Тоджи построили крепкие коллективные хозяйства. Еще в 1948 г. в преамбуле к статотчету ЦСУ читаем, что население Тоджи занимается охотой и оленеводством, земледелием не занимается в силу суровых природных условий. Ныне тувинец-поэт Ю.[Ш.] Кюнзегеш пишет:

Верха Бий-Хема завиты
В ячменных нитях золотых.
Ячмень красив, как хорагай, —
Мы знаем, будет урожай.

Не верь тому, кто пустит слух,
Что край наш холоден и сух.
Расцветшей жизнью подтвержден
У нас мичуринский закон³⁴⁵.

³⁴⁵ Из газеты «Тувинская правда» от 4 сентября 1955 г.

Ныне в колхозе «1 Мая» уже в 1954 г. общий доход был равен 0,5 млн [руб.], а в колхозе «Советская Тува» — 740 тыс. руб. Был получен урожай зерновых 7,5 ц с га в колхозе «1 Мая» и 21 ц с га в колхозе «Советская Тува». За сезон 1952–1953 гг. охотники выполнили план добычи пушнины более чем на 113 %, сдав государству «мягкого золота» на 1 млн 300 тыс. руб. Особых успехов добились животноводы Тоджи в 1956 г. По сравнению с 1955 г., продуктивность молочного крупного рогатого скота возросла почти вдвое. От каждой коровы получено по 914,1 л молока³⁴⁶. За достижения в области охоты и других отраслей хозяйства колхоз «1 Мая» в 1955 г. получил на ВСХВ премию — грузовую машину. Эта первая в районе машина была доставлена в колхоз на самолете.

Растущее материальное благосостояние колхозов в корне меняет быт и культуру колхозников. Население Тоджи, исключая пастухов оленеводческих бригад, живет оседло в постоянно благоустраивающихся поселках. Из берестяного и корьевого чума араты переселились в жилые дома с электрическим освещением. Дома обставляют городской мебелью, которую изготавливает здесь же в районе Тоджинский райпромкомбинат. В каждом доме имеется радиоточка.

Колхоз связан с районом, с соседним колхозом телефонной связью. В 1956 г. в районном центре строится мощная радиостанция. Колхозники часто выезжают за пределы Тоджи в г. Кызыл. Многие за эти годы побывали в Москве на ВСХВ.

Пастухи оленеводческих бригад работают в тесной связи с колхозным поселком; в бригадах имеются радиоприемники, частыми гостями здесь являются молодежные бригады самодеятельности, члены правления Райпотребсоюза и т.д. Изменился быт оленеводов. После тяжелого трудового дня оленеводы собираются в палатку и слушают радиопередачи из Москвы, Кызыла, Красноярска. В бригаде имеется патефон, библиотека с более чем 50 книгами. Активными читателями являются т[оварищи] Дленчи, Самбу и другие работники оленефермы. С большим интересом читают оленеводы «Алитет уходит в горы» [Т.З.] Семушкина, «Кавалер Золотой звезды» [С.П.] Бабаевского и другую литературу, изданную на тувинском языке. Партийная группа оленефермы еженедельно выпускает агитлисток, проводит беседы с оленеводами. Райпо организовало в оленеферме торговлю товарами первой необходимости.

Коммунисты Деверен и Саяны, комсомолец Бечейек более 5 лет работают в бригаде. Они вырастили не один десяток оленей. Они делятся своим опытом с молодыми оленеводами.

Результаты переустройства быта оленеводов сказываются благоприятно на их работе. Оленье стадо колхоза «1 Мая» выросло в 1955 г. более

³⁴⁶ То же [газета «Тувинская правда»] от 24 октября 1956 г.

чем в 4 раза по сравнению с 1950 г. В 1955 г. получено около 500 голов молодняка. Женщина-пастух Дленчи от закрепленных за нею 39 важенок вырастила 37 телят, а пастух Кушкаштар от 40 важенок — 39 телят. За эти высокие показатели они занесены на Доску почета колхоза.

Многие колхозники пользуются большим уважением у населения района и выбраны депутатами райсовета — т[оварищи] Куку (колхоз «Советская Тува»), Монгольби (колхоз «1 Мая») и др. — и депутатами сельсоветов.

При приеме новых колхозников и обобществлении скота, привносимого ими в колхоз, правлением выдавались колхозникам расписки, где указывалось не только количество принятого скота, но и его качество, масть и цена. Оценку производили члены правления.

Образец расписки

Т[оварищ] Дембирен Чульдум Бак-оол сдал в колхоз:

чары (рабочий олень-бык), сарыг (светлый) — 350 руб. — 1 голова,

чары..... кара (темный) — 350 руб. — 1 голова,

чары..... ак (белый) — 350 руб. — 1 голова,

мынды (важенка), сарыг (светлая) — 250 руб. — 3 головы,

мындыжак (2-летняя важенка), сарыг (светлая) — 150 руб. — 1 голова,

даспан кыс (годовалая важенка), сарыг (светлая) — 100 руб. — 1 голова,

даспан эр (годовалый бычок), сарыг (светлый) — 100 руб. — 1 голова,

бе (кобыла) сарала (светло-желтая [солово-пегая]) 3 лет — 1 000 руб. — 1 голова,

бе (кобыла) шилги (темно-коричневая [рыжая])... — 100 руб. — 1 голова.

Список первых колхозников колхоза «1 Мая»

Апрель 1949 г.

- 1) Оээрилге (Ээрильге) Ак Орайбанович — председатель колхоза;
- 2) Севек Биче Облантаевич; 3) Догав Дамаренг Облантаевич; 4) Гальдинг Ак Орайбанович; 5) Сьян Севек Ак Шешкишевич — бригадир охотничьей бригады; 6) Алдын-оол Ак Чурукайевич — председатель ревизионной комиссии; 7) Мырлаа Ак Ак-оолович; 8) Баанга Ак Мырлаевич; 9) Быйянич Ак Боденгович; 10) Карангай Ак Казырыкович; 11) Саны Ак Сандыкович — член ревизионной комиссии; 12) Мынгыстай Ак Серенович; 13) Найынды Ак Бек-оолович; 14) Дулейек Ак Анчыкович; 15) Дамыккай Ак Даржаович; 16) Хубалыг Ак Бээкейович; 17) Намзарай Ак Серемнович; 18) Сарыг-Хуба Михаил Даспакович; 19) Намкорай Ак Бальгирович; 20) Дамба Сат Анысович; 21) Самый-оол Сят Шамбулович; 22) Федор Дандар; 23) Шуруш Лопсанг; 24) Домир-оол; 25) Даток Кол Серен Доржуович; 26) Бирингей Кол Догбаович — бригадир рыболовной бригады; 27) Сарбай Кол Кадылайевич — бригадир строительной бригады; 28) Хелербен Кол Айыжович — бригадир колхозной [полеводческой] бригады; 29) Чанчыбай Даба Дорлукович — заместитель председателя колхоза; 30) Дажыунай Кол Сырбайович; 31) Самбу Алексей Эзиревич; 32) Бадарчы Кол Сандакович — член ревизионной комиссии.

[К главе XIII]

В заключение приведем краткое описание школ колхозов Тоджи и Терехля, в прошлом самых «глухих» районов Тувы.

Начальная школа в колхозе «Советская Тува» организована в 1951 г. Помещение школы типовое. В нем два класса, учительская и библиотека. Занятия идут в две смены. В первую смену учатся первые два класса, во вторую — два старших класса. В первом году существования школы учились 54 ученика (по 27 человек девочек и мальчиков). В следующем году школа охватила 75 человек. В школе 4 учителя, в том числе учительница русского языка. Кроме того, имеется воспитательница русская, проводящая внешкольные занятия и организующая свободное время учеников, прививающая им навыки, столь отличные от их старых [привычек]. Нужно сказать, о чем все учителя и говорят, что тувинские дети очень приветливы и доброжелательны, очень дисциплинированы, охотно усваивают новое и старательно его выполняют.

Подготовительного класса в колхозной школе не было. Поэтому дети приходили сразу в первый класс. В районной школе такой класс имелся.

Преподавание в школе ведется на тувинском языке. Для этого имеются учебники на родном языке и переводная художественная литература. Русский язык проходят с первого полугодия — уроки разговорного языка (темы — школьный и местный материал). В дальнейшем проходят русский и тувинский алфавиты и читают буквари.

Школа обеспечена учебниками. Кончающие [Заканчивающие] четвертый класс ребята держали экзамены в районном центре. Это — проверка и их знаний и знаний учителей.

Учителя-тувинцы не имеют среднего педагогического образования (учатся заочно в Кызыльском учительском училище). Лишь русская учительница окончила это училище и 4 раза была на курсах усовершенствования учителей. Успеху ее работы так же, как и фельдшерицы колхоза, способствует знание ею тувинского языка и быта. Учителя-тувинцы очень плохо [недостаточно хорошо] знают русский язык. Плохо говорят и несколько лучше понимают [разговорную речь].

Планы уроков учителей проверяются директором школы. Изредка приезжает из района инспектор Роно, дает методические указания, что очень важно, [поскольку], как было указано выше, учителя имеют невысокую квалификацию. В 1955 г. в школе организован пятый класс, иными словами, начальная школа преобразована в семилетку. Школьный коллектив учителей пополнился учителями со специальным педагогическим образованием. Теперь дети колхозников, не выезжая из родного колхоза, смогут получить семилетнее образование.

Внешкольная работа — кружки: литературный, где проводится внеклассное чтение на родном языке, хоровой и танцевальный. Оба последние кружка развивают совсем новое дело для тувинцев, так как у них не было многоголосого хора и вообще хора и не было танцев. В хоровом кружке 20 человек. Поют советские и тувинские песни. Ребята устраивали вечера самодеятельности (Новый год, вечер выпускников и др.).

Учителя ведут работу среди населения — ликвидацию неграмотности и малограмотности среди взрослых и вечернюю школу для переростков. В последнюю записываются юноши и девушки, в свое время не учившиеся в школе и по годам не подлежащие приему.

В школе организован пионерский отряд и комсомольская ячейка. В пионерском отряде 73 человека. Комсомольцев — 7 человек. Пионервожатый — один из учителей, комсомолец. Совместно с РК ВЛКСМ вырабатывается план работы пионеротряда. Проводились [Проводятся] довольно регулярно сборы.

В колхозе, помимо здания классов школы, имеется помещение интерната, столовой, баня. Регулярно все ученики по субботам моются зимой в бане, меняют белье. Технический персонал [на] кухне, в бане и школе — тувинки. В тот период, когда колхоз еще не мог обеспечить помещением для интерната всех детей колхозников, тогда те школьники, которые не могли быть помещены в интернат, получали от школы все обеспечение, вплоть до постельного белья, но спали дома. Выбирались в интернат те, кто не имел еще жилого типового дома и жил в чумах. Еще в 1952–1953 гг. вне интерната жили 30 человек.

Продуктами снабжает школу Районо. Склад Районо находится около оз. Мун, также на Тоджи-куль (это озеро недавно переименовано; прежде оно называлось Тёро-холь). Работники школы сами на плотках доставляют продукты в колхозный поселок. Отпуск продуктов Районо производит по установленным для интернатов нормам — 600 г хлеба в день, а также крупа, сахар, компот, макаронные изделия. Колхоз опускает школе рыбу, мясо, молоко, масло. С 1952 г. организован школьный огород. Директор школы закупил для питания школьников поросят. Ребята впервые узнали морковь, и она им очень понравилась, отчего школьный и даже колхозный огороды достаточно страдают.

Школьного повара выучили готовить русские женщины — учительница и фельдшерица. В том числе научили тувинков и выпечке хлеба. Кушают ребята 3 раза в день.

Как уже отмечалось выше, Тоджинский район хорошо выполняет закон о семилетнем всеобуче, идет в этом отношении впереди многих центральных районов. Не следует при этом забывать, что с начала преобразования района (с момента коллективизации) прошло всего 7 лет.

В Тере-хөле до 1930 г. школы не было, и дети аратов нигде не учились. В 1930 г. по инициативе населения была организована «чайлаг школазы» (летняя школа), о которой мы упоминали. Находилась она в местности Чиргаланды. Дети жили и учились в «чадыр-өбү» (чуме) и юрте. Учеников было немного — 12–15 человек. Вначале детей обучали на монгольском языке, так как они и их родители плохо знали тувинский. Позднее стали обучать на тувинском языке. В летней школе обучали только грамоте и арифметике. Программ не было. Занятия проводил один учитель.

В 1931 г. стали строить стационарную школу в Кунгуртуке. Эта школа не сохранилась. В 1932 г. здесь было контрреволюционное восстание монгольских наймитов, поднятое по наущению чиновников, лам и нойонов [прим. 1]. Школу сожгли, а аратов-тувинцев — строителей школы казнили. Население чтит память погибших товарищей. Вновь начато было строительство школы в 1937 г. в Чиргаланды. При школе имелся интернат, столовая. В 1939 г. в школе было всего 8 учеников, а в 1940 г. их количество выросло до 60. Это была начальная школа. В ней работали 3 тувинца-учителя, русских учителей не было. Обучение проходило на тувинском языке. К этому времени уже имелась специальная учебная программа для тувинской начальной школы. Русский язык не преподавали до 1942 г. С этого года стали преподавать русский язык с первого класса. В 1947 г. школа преобразована в семилетку.

В 1951 г. колхозники построили начальную школу в колхозном поселке Кунгуртук. В школе было 3 учителя, в том числе 1 русская учительница. Учились в школе 35 учеников, которые находились на полном гособеспечении. В 1954 г. школа в Чиргаланды закрыта³⁴⁷. В настоящее время открыт подготовительный класс и старшие 5–7 [классы] в Кунгуртукской школе. С пятого класса обучение проводится на русском языке. Так как учащиеся и население русский язык знают плохо, то уроки в 5–7-х классах ведут русские учителя с переводчиками-тувинцами. В Кунгуртукской школе учатся и русские дети, дети специалистов-учителей, медработников, работников сельского хозяйства. В школе 16 русских учеников. Отношения между детьми колхозников и русских [специалистов] хорошие. Вместе живут, учатся, помогают друг другу, вместе проводят свободное время. Кроме детей, живущих в колхозном поселке, здесь учатся дети из п. Чиргаланды, местечек Холь-Бажы. Элегес, Оюм, Эми, Балыктыг в радиусе 60 км.

Родители в большинстве привозят сами своих детей в школу. Родители-араты стремятся к тому, чтобы дети их учились и получали образование. Но имеются еще некоторые, не желающие, чтобы их дети были в школе.

³⁴⁷ В связи с ликвидацией там районного центра. Центр сельсовета перенесен в п. Кунгуртук.

Так, Докулан Сергей увез своего сына из пятого класса, Чадамба — из подготовительного.

Русские учителя имеют очень незначительный педагогический стаж или вовсе его не имеют, не знают тувинского языка, не интересуются «национальным» характером детей, как выражаются учителя-тувинцы. В силу этого контакт между детьми и русскими учителями слабый.

После окончания Кунгуртукской семилетки дети едут в Кызыл в тувинскую среднюю школу и другие учебные учреждения — педучилище, техникумы. Некоторые остаются работать в своем колхозе. Например, Мунзук Доржу, окончив седьмой класс, работает киномехаником в колхозном клубе, Иргит Шишит, Иргит Сарыг-оол, Аракчаа Виктор, Кунгаа Кол также работают в колхозе.

Растет успеваемость школьников. В 1953–1954 гг. было 72,7 % успевающих, в 1954–1955 гг. — 86,8 %. Учителя сами все время совершенствуют свою работу. Многие учатся заочно в педвузах и техникумах.

На полном гособеспечении были в 1953–1954 гг. 190 человек учащихся-тувинцев. Но в интернате жили 150 человек — на всех не хватало помещения. В следующий год в связи с переводом школы в колхозный поселок в интернате жили 65 человек — те, кто приезжал из окрестных жилых пунктов. Дети колхозников жили у родителей, находясь на полном гособеспечении (182 человека).

Интернат — хорошее здание из 5 комнат, всего 150 кв. м площадью. Отопляется железной печью (нет кирпича, и не нашли поблизости пригодной для изготовления его глины). Для поддержания соответствующей температуры сторож школы протапливает печи и в ночное время. Кроме того, имеется помещение для столовой, кухни, зала, раздевалки, всего 138,75 кв. м. Имеется баня, где еженедельно моются школьники. Ученики обеспечены одеждой и постельными принадлежностями. На питание расходуется 6 руб. 74 коп. на человека в день. Обычные продукты, используемые для питания детей, — мясо, крупы, лапша, рыба, молоко, зеленый чай, кондитерские изделия. Совсем нет овощей. Небольшое количество картофеля уделяет для школы колхоз. Таким образом, питание однообразное.

В свободное от занятий время учащиеся читают книги из школьной и клубной библиотек. Для них (правда, недостаточно часто) устраивают лекции и беседы. 2 раза в месяц школьники организованно ходят в кино.

В интернате имеются 2 воспитателя и 1 заведующий интернатом. Воспитатели не имеют педагогического образования. Кроме них, в интернате ежедневно дежурят учителя. Технический обслуживающий персонал — все тувинцы.

В школе организованы кружки: хоровой (руководит русский учитель), драматический (руководит русский учитель), физкультурный с секциями волейбольной, лыжной и конькобежной (руководит русская учительница).

Учителя обеспечены [жильем]. Женатые живут в отдельных домах, холостые — в общежитии (дом в 35 кв. м на четверых человек). На отопление домов выдается по 12 куб. м дров на человека на год, на освещение — по 2 л керосина на человека в месяц. Продукты питания учителя покупают в магазине и у колхоза. Средний заработок учителя 5–7-х классов — 900 руб., воспитателя (без образования) — 540 руб.

Учителя и ученики седьмых классов ведут работу по ликбезу и поднятию грамотности среди аратов не только в поселке, но и в упомянутых выше населенных пунктах. Аратов, повышающих свою грамотность, учителя и ученики старших классов посещают несколько раз в год, проводят с ними занятия, снабжают их учебниками, тетрадями и пр., дают им задания, которые учащиеся самостоятельно выполняют и привозят в школу для проверки.

Отношение аратов к школе и учителям, к образованию своих детей и своему собственному из года в год становится более теплым и сознательным. Улучшение быта колхозников (переход колхозников в дома), постройка постоянных помещений для клуба, библиотеки, налаженная работа этих учреждений способствуют укреплению и росту сознательного отношения населения к повышению культурного уровня.

[К главе XIII]

Кратко остановимся на описании всех имеющихся в народе и сохранившихся кое-где и ныне народных инструментов. Почти повсеместно в Туве до сегодня известен смычковый инструмент «пызанчи» (центральный и западный диалекты), «пыянчи» (восточный диалект) (см. рис. и фото).

«Пызанчи бажы» изготовляли из дерева (березы или лиственницы), из коровьего рога или металла. На лицевую («арны») верхнюю сторону деревянного или металлического цилиндра или широкое отверстие коровьего рога натягивали хорошо выделанную с обеих сторон шкуру дикого козла (восток) или овцы (запад и центр). Длинный гриф делали из березы, как и 4 колка («кулак уши»), на которые закрепляли струны. На инструменте — 4 струны из волоса конского хвоста. В каждой струне по 13–30 волосинок. Струны незначительно различаются по толщине. Играют на «пызанчи» несъемным смычком в виде лучка с 2 тетивами. Смычок называется «чаа» — лук (для стрельбы).

«Пызанчи»

(схема по инструменту Седып Кыргыз Хертэк, бывшего артиста Нац[ионального] тувинского театра, ныне колхозника сельхозартели им. Хрущева)

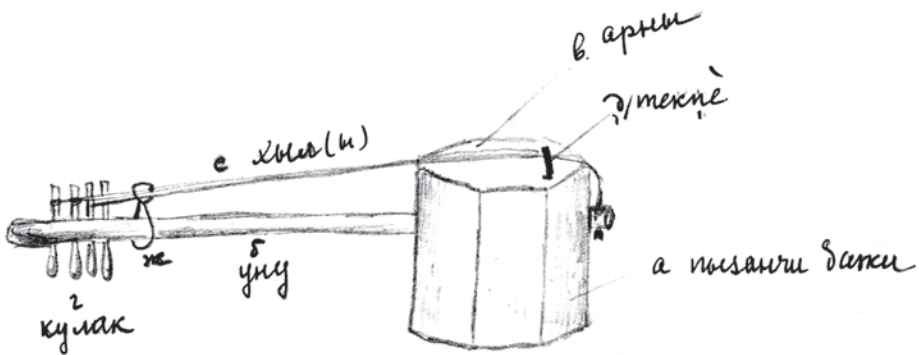


Рис. 64. «Пызанчи» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

На востоке

а) «пызанчи бажы» — резонаторная коробка; б) «уу» — гриф (всегда из березы); в) «арны» — лицевая сторона; г) «кулак»=«уши» [«ухо»] — колки; д) «текпе» (ступень) — «кобылка»; е) «хыл(ы)» — струна (4 шт.); ж) крючок с петлей — разделитель струн (Тере-холь. 1955 г.).

На западе

[а] в рукописи отсутствует б) «сывы» — гриф; д) «декпе» — «кобылка»; ж) «тырткыжы» — разделитель струн (Бай-тайга, 1953 г.).

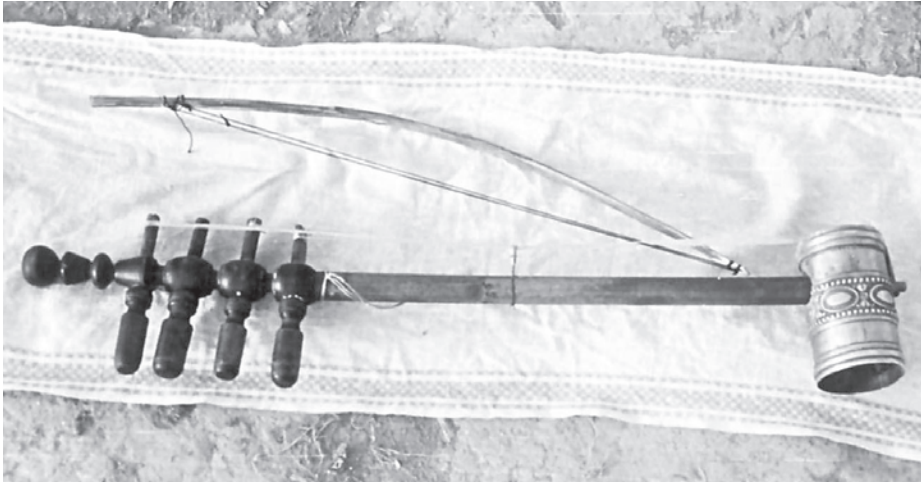


Рис. 65. Тувинский нац[иональный] музыкальный инструмент «пызанчи»
[фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

«Пызанчи» Анай-оола (Хертэк), композитора, музыканта, ныне учителя школы в Бай-тайге, Бай-Тал.



← Деталь орнамента на „палы.“



Рис. 66. Детали «пызанчи» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

«Пажы» — медная часть, длина 14 см, диаметр 8 см («пажы» — «голова», «хола» — «медь [желтая медь]»). С одного конца внутрь цилиндра вставлен металлический ободок с натянутой на нем овечьей кожей. Ободок плотно входит в цилиндр. Посредине «пажы» — тисненый [штампованный] рисунок. Инструмент куплен у китайских купцов.

Деревянная подставка — «декпе» (длина 5 см, ширина у основания 1 см, в верхней части — 0,25 см) — стоит на расстоянии 5 см от края. На ней в углублениях лежат 4 струны «хылы» из конского волоса. Струны связаны с ремешками из коровьей кожи. Ремешки закрепляются на боковой стороне «пажы» на расстоянии 4,5 см от края к выходящему здесь концу грифа.

Прикрепление струн.

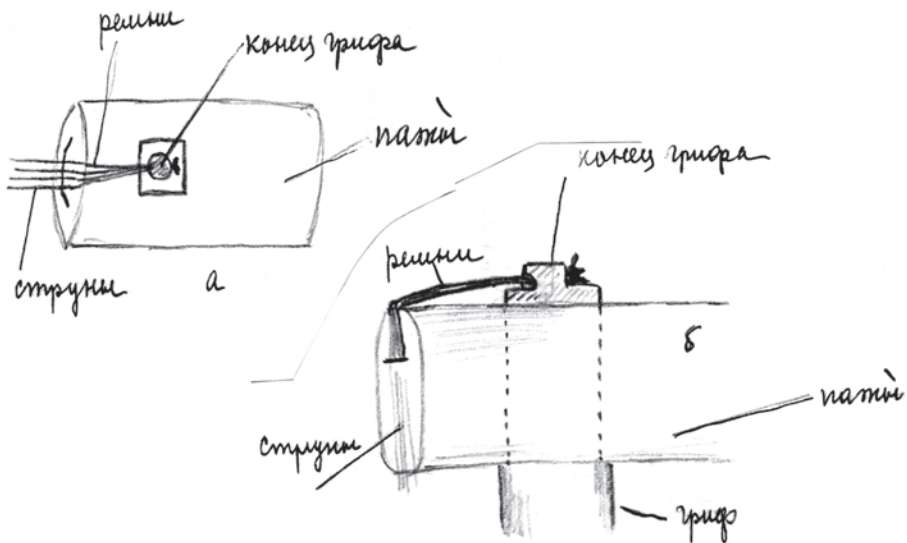


Рис. 67. Схема крепления струн на «пызанчи»
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Гриф-«сывы» длиной 76 см (от «пажы» до колков — 48 см, часть с колками — 28 см), диаметром более 3 см. Делается обязательно из березы. Круглый. Проходит насквозь «пажы», выходя на другую сторону, где к концу прикрепляются струны. На вырезной части грифа находятся 4 колка — «кулак» (буквально «уши»). Эта часть грифа фигурно выточена. Длина колков — 17,5 см, колки также выточены.

Струны делают из волос конского хвоста белых и черных, чаще белых. Струны отстоят от грифа на 3 см. На расстоянии 19 см от колков укреплено приспособление, разделяющее струны, — «тырткыжы».

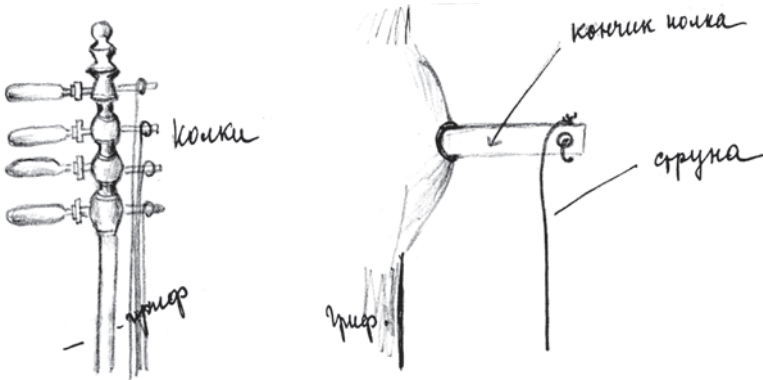


Рис. 68. Схема крепления струн на «пызанчи»
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

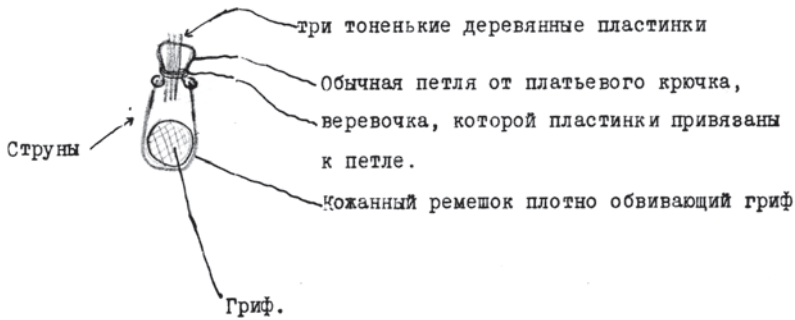


Рис. 69. Схема крепления струн на «пызанчи»
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Кожанный ремешок обхватывает гриф и закреплен в ушках железной платьевой петелькой. 3 деревянные планочки — разделители струн — привязаны веревочкой «по талии» петельки. Струны идут между грифом и петелькой. Планочки располагаются между первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой струнами. Длина струн — 54, 58, 63, 68 см.

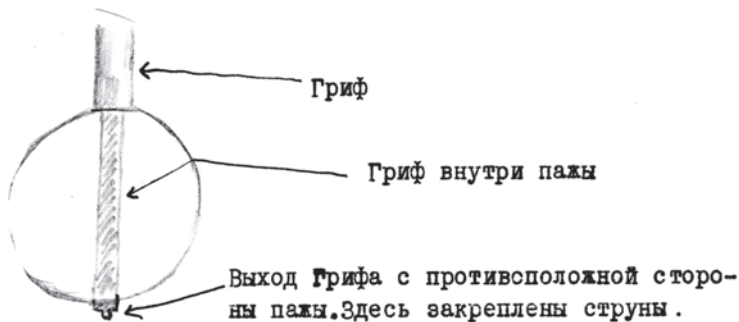


Рис. 70. Схема крепления грифа на «пызанчи»
[рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Смычок — «чаа» (буквально «лук»). Сделан из тала. Длина дуги 70 см. Толщина около 1,5 см. Натянуты 2 тетивы — струны «чаның хылы» — из черного (всегда) конского волоса (хвостового). Длина одной тетивы 59 см, другой — 57 см. Одна натянута на расстоянии 1 см от кончиков лука, другая — на 1 см, отступя от первой.

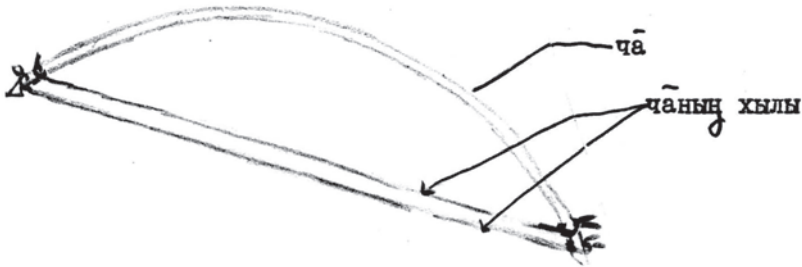


Рис. 71. Смычок «пызанчи» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Смычок несъемный. Двумя тетивами он проходит в промежутки между двумя крайними струнами инструмента.



Рис. 72. Схема расположения тетив смычка и струн «пызанчи» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Смычок ведут, следовательно, сразу по двум струнам — первой и третьей или второй и четвертой. Каждая пара струн дает одинаковый звук, так как они настроены одинаково. Обе пары (первая и третья, вторая и четвертая) настраиваются в квинту.

На грифе нет делений. Нажимая на струны снизу тыльной стороной второй фаланги пальца левой руки, а иногда и сверху струны четвертым пальцем, изменяют звук. Смычок водят снизу грифа, около «пажы». Играющий держит «пызанчи» за гриф левой рукой, «пызанчи» стоит вертикально на правом колене, струны обращены вправо. Смычок держат правой рукой так, чтобы обе тетивы его охватывали безымянный палец, который разделяет их. Деревянная часть смычка лежит между большим и указательным пальцами играющего. Смычок натирают лиственничной смолой.

По словам т[оварища] Анай-оола, гриф может быть сделан и не только из березы, а из любого другого дерева, кроме тальника и тополя. «Пажы» также делали и сейчас делают из дерева. Но лучше всего делать из металла. Инструмент т[оварища] Анай-оола взят из театрального фонда г. Кызыла. Рисунок на «пажы», по его определению, монгольский.

Другой смычковый инструмент — «игиль» — целиком выдалбливается из дерева (березы). На резонаторный ящик натягивается хорошо (тонко) выделанная шкурка овцы или козла. Инструмент имеет 2 струны.

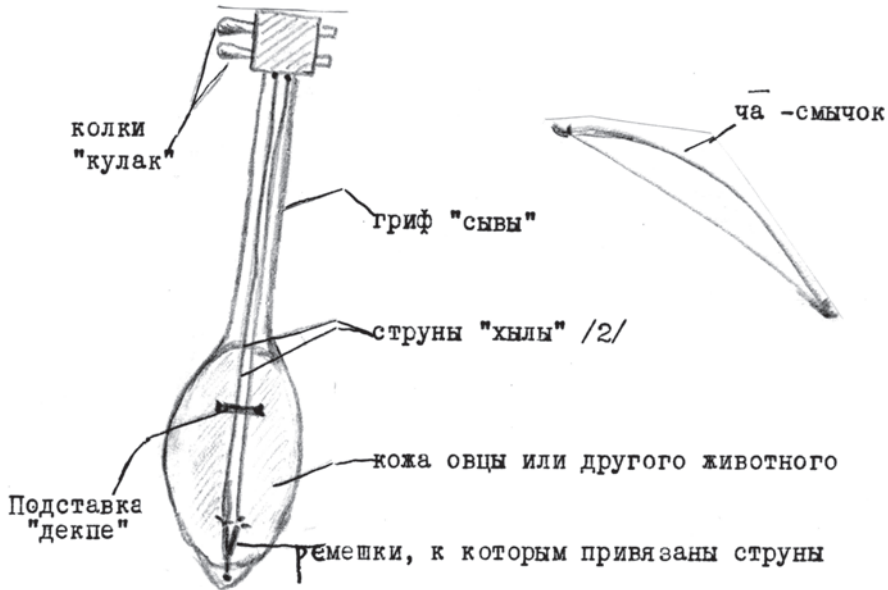


Рис. 73. «Игиль» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

По словам тувинцев, «игиль» — самый старинный тувинский инструмент. Играют на нем смычком — «чаа», который имеет одну тетиву-струну. Смычок съемный. На инструмент и на смычок натягивают волос из конского хвоста. Изменяют тон, нажимая пальцами струну на грифе.

К щипковым инструментам тувинцев относятся «топшулуур» и «чадаган». «Топшулуур» состоит из трапециевидного ящика, сделанного из березы, лиственницы, реже из сосны. В верхней деке его просверлены 4 отверстия. Широкий гриф, сделанный из березы, проходит сквозь ящик и выходит в его нижней части, где к кончику грифа (как и у «пызанчи») прикрепляются струны. В верхней части грифа прикреплена «коробка» с колками («кулак»). Струны с колков выходят на широкий гриф через 2 отверстия, сразу под ними укрепляется подставка, поднимающая струны над грифом. Тонкая же подставка «декпе» имеется на резонаторном ящике инструмента. «Топшулуур» имеет 2 струны. Строй их, как и на «игиле», — квинта. Играющий держит инструмент левой рукой за гриф (как наши

балалайки), правой рукой пальцами перебирает струны. Тон изменяют, нажимая пальцами левой руки сверху к грифу.

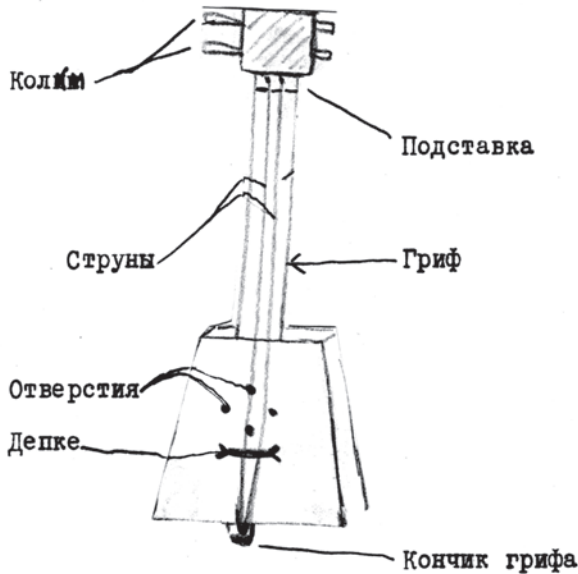


Рис. 74. «Топшулуур» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

У покупных «топшулууров» (китайской работы) верхняя «дека» богато украшалась цветным орнаментом, рисованным красками, или выложенным инкрустациями цветным перламутром.

Другой щипковый музыкальный инструмент — «чадаган» — представлял собой длинный узкий деревянный ящик, открытый снизу. На его верхней «деке» натягивали 7 струн. Струны закреплялись по узким сторонам ящика деревянными гвоздиками. Струны на «чадагане», как и на «топшулууре», натягивали металлические, покупные. На «чадагане» для каждой струны имелась своя подставка — «дешке», которую во время игры все время передвигали. Этим достигали изменения тона. На инструменте играли пальцами обеих рук, положив инструмент на колени горизонтально.

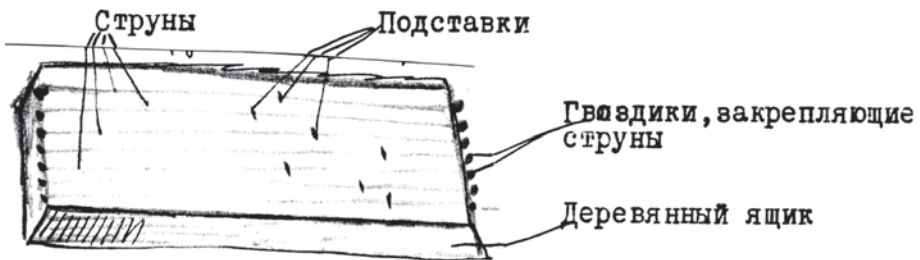


Рис. 75. «Чадаган» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

Духовые инструменты тувинцев представлены двумя видами трубок — «лемпи ~ лембе» и «шор». «Лемпи», по словам т[оварища] А.Ч. [А.К.(?)] Седыпа, бывшего артиста национальной труппы Кызыльского театра, ныне члена колхоза им. Хрущева (Тере-холь), — это монгольский инструмент. Прежде его делали из бамбука. Тувинцы в подражание покупным инструментам делали его сами из ствола растения «мургу» (дудник). У композитора т[оварища] Анай-оола имелся металлический «лемпи».



Рис. 76. Тувинский нац[иональный] музыкальный инструмент «лемпи» («лембе»).
Сделан из железа [фото Е.Д. Прокофьевой. Архив МАЭ РАН]

Длина трубки 55 см, диаметр 1,5 см. Отступя на 12 см от конца трубки, имеется отверстие, в которое дуют при игре. Через 11 см от [него] имеются 6 отверстий подряд, расположенных на расстоянии 1,5 см друг от друга. И наконец в 4,5 см от последнего из шести отверстий имеются еще два. Диаметр каждого отверстия 1 см. Конец трубки, ближний к тому отверстию, в которое дуют, затыкается пробкой.

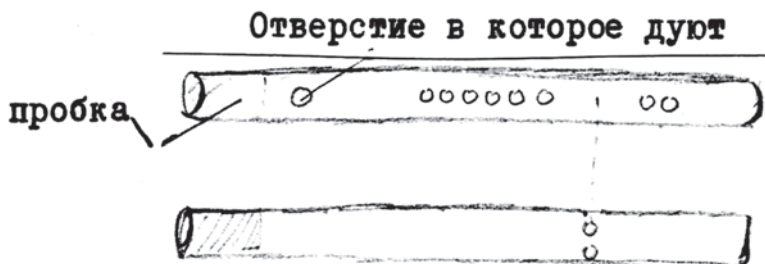


Рис. 77. «Лемпи» [рисунок из рукописи Е.Д. Прокофьевой]

На другой стороне трубки на расстоянии 14,5 см от конца (без пробки) имеется пара отверстий (поперек трубки). Они соответствуют промежутку

между рядом из шести и двумя отверстиями. Играли на «лемпи», дую в первое отверстие, пальцами зажимали поочередно остальные. Звуки «лемпи» напоминают звуки флейты.

«Шор» — древний духовой инструмент тувинцев. Он почти отсутствует в настоящее время, и мало осталось о нем воспоминаний. По словам стариков и артистов-музыкантов, делали «шор» из полого коровьего рога, срезая острый конец и затыкая пробкой. Дули в широкий конец рога. Делали в нем так же, как в «лемпи», отверстия, которые зажимали пальцами.

[Рисунки художницы М.Н. Бутровой из рукописи Е.Д. Прокофьевой]



Рис. 78. Портрет пожилого тувинца



Рис. 79. Портрет молодой тувинки



Рис. 80. Портрет тувинца



Рис. 81. Портрет тувинца, курящего трубку

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

К главе I

Прим. 1. ...*притоками р. Хемчик...* В рукописи в описаниях дореволюционного времени река фигурирует как Кемчик, после революционных событий — как Хемчик, что отражает историческое изменение названия.

Прим. 2. ...*оз. Чедер, в 45 км к югу от г. Кызыла, оз. Төро-хөль, в 20 км к югу от первого озера...* Непонятно, какое озеро фигурирует под именем Төро-хөль. На юго-запад от оз. Чедер в 17 км находится оз. Хадын и в 23 км — оз. Дус-Хөл. У обоих имеются донные отложения лечебной грязи.

К главе II

Прим. 1. ...*крепость на оз. Тере-хөль...* Речь идет об архитектурном комплексе Пор-Бажын. Археологические раскопки его проводились в 1957 и 1963 гг. экспедициями ТНИИЯЛИ и ИЭ АН СССР под руководством С.И. Вайнштейна. Полученные материалы позволили предположить, что Пор-Бажын являлся дворцом-крепостью уйгурского кагана, построенным в 750 г. (Вайнштейн, 1964, с. 113). В 2007–2008 гг. раскопки были продолжены международной археологической экспедицией, организованной Культурным фондом «Крепость Пор-Бажын», который возглавил глава МЧС РФ С.К. Шойгу. Памятник был определен как манихейский храм, возведенный в 770-е гг. (Чанзан, 2011). Тюрколог С.Г. Кляшторный, проведя анализ письменных источников, выдвинул третью гипотезу. Согласно его выводам, комплекс Пор-Бажын, сооруженный Элетмиш Бильге-каганом около 750 г., не предназначался для длительного проживания кагана со свитой или содержания воинского гарнизона. Крепость была нужна в качестве временного убежища на случай неблагоприятной ситуации при ведении военных действий. Пор-Бажын посещался крайне редко как при Элетмише, так и при его сыне Бегю-кагане (Кляшторный, 2010, с. 254–257).

Прим. 2. ...*былина «О великой ночи», обработанная И.Г. Сафьяновым.* См. современное издание: Сафьянов, 2010, с. 52–56.

Прим. 3. ...*усилилось национально-освободительное движение среди тувинцев. Своего предела оно достигло в восстании «60 богатырей».* Выступление тувинских аратов в 1883–1885 гг. получило название «Алдан Дургун» («60 беглецов»), но в период ТНР было переименовано в «Алдан Маадыр» («60 богатырей»). Эти события охватили Хемчикские кожууны, и начались с жалобы монголов китайским властям об участвовавших угонах

скота, совершаемых тувинцами. В организации набегов принимали участие некоторые тувинские чиновники. На собранный по требованию китайской администрации сход кайгалы (скотокрады-«удальцы») не явились, справедливо полагая, что будут арестованы. Уйдя из своих аалов, кайгалы сплотились в отряд и поселились на горе Кара-Даг. Делая вылазки с Кара-Дага, они угоняли скот и грабили имущество баев, русских торговцев, а также аратов, запятнавших себя доношением. В будущем «беглецы» предполагали физически расправиться с наиболее ненавистными чиновниками и установить свою власть в Западной Туве, в случае же неудачи планировали уйти на Алтай. Действия властей оказались быстрыми и решительными. Карательный отряд, посланный амбын-нойоном Ользей-Очуром, разгромил повстанцев. Захваченные в плен кайгалы были подвергнуты жестоким пыткам и казнены (История Тувы, 2001, с. 221, 299–304; Монгуш, 2003).

Прим. 4. *В Туве 6 декабря 1917 г. в г. Белоцарске (ныне г. Кызыл) был созван под руководством большевиков Всетувинский съезд русских рабочих и крестьян. III съезд русского населения Урянхайского края открылся 7 декабря 1917 г. (История Тувы, 2007, с. 69).*

Прим. 5. *16 июня 1918 г. впервые в г. Белоцарске собирается Всетувинский Хурал, на который съезжаются представители всех девяти хошунов Тувы. Одновременно собирается V Краевой съезд русских трудящихся, живущих в Туве... V съезд русского населения Урянхайского края открылся 11 июня 1918 г., а Всетувинский Хурал — 14 июня 1918 г. (История Тувы, 2007, с. 78–79).*

Прим. 6. *В марте 1919 г. Ян-Ши-Чао занимает западные районы Тувы. Не оставляют надежду урвать что-нибудь в Урянхае и монгольские феодалы... Белогвардейцы, китайские милитаристы, монгольские захватчики в союзе с местными тувинскими феодалами грабят, насилуют население. Сопrotивление вторжению китайско-монгольским войскам оказали казачьи отряды и добровольческие дружины русских переселенцев. Сражение, произошедшее возле Чаданского хурээ в марте 1919 г., вынудило оккупантов покинуть Туву. Однако, возвратившись в июле 1919 г., они нанесли сокрушительное поражение казачье-русскому соединению (История Тувы, 2007, с. 92–93).*

Прим. 7. *При этом погиб комиссар [А.А.] Турчанинов. В сентябре 1919 г. комиссар А.А. Турчанинов с небольшим отрядом казаков, спасаясь от партизан, бежал в Тоджу, намереваясь добраться до Иркутска. По пути произошел конфликт между А.А. Турчаниновым и казаками из-за невыплаченного жалования. При попытке ограбления он был убит (Москаленко, 2004, с. 73).*

Прим. 8. *Местные феодалы всемерно старались помочь интервентам, во главе с нойоном [М.] Буян-Бадорху они во всем подчинялись Ян-*

Ши-Чао. Скорее всего, ситуация выглядела гораздо сложнее. Как считает коллектив авторов «Истории Тувы», «престиж китайского оккупационного отряда был подорван. Насильственно мобилизованные араты разбежались по аалам, а тувинские феодалы (Буян-Бадыргы и др.) и белогвардейцы, находившиеся в ставке Ян Шичао, отмежевывались от него» (История Тувы, 2007, с. 111).

Прим. 9. *Поэтому [И.Г.] Сафьянов с небольшим отрядом (73 человека) поехал в Оттуг-таш*. Сведения о количестве отряда, охранявшего И.Г. Сафьянова, расходятся. Называется 75 (Моллеров, 2005, с. 113) и 107 бойцов (История Тувы, 2007, с. 111).

Прим. 10. *Советское правительство посылает регулярные части Красной армии на борьбу с белогвардейцами*. В ноябре 1920 г. в Туву были введены подразделения 352-го полка 118-й бригады Красной армии, а в августе 1921 г. — 440-го полка внутренней службы. Реввоенсовет 5-й армии уполномочил И.Г. Сафьянова самостоятельно решать вопросы мирных переговоров и военных действий (История Тувы, 2007, с. 114).

Согласно Н.М. Моллерову, «введенные в Туву советские регулярные части в борьбу с “белыми” и интервентами активно не вступали. С “белыми” отрядами сражались главным образом русские партизаны, возглавляемые С.К. Кочетовым, а с китайцами — тувинские повстанцы» (Моллеров, 2005, с. 117).

Прим. 11. *...11 июня 1921 г. была провозглашена независимая Монгольская Народная Республика*. Победа народной революции в Монголии была провозглашена 11 июля 1921 г., создание МНР объявлено на I Великом народном Хурале 26 ноября 1924 г.

Прим. 12. *Объединенный отряд с целью не допустить нового вторжения захватчиков в Туву предпринимает поход по границе Тувы и Западной Монголии*. Русско-тувинский отряд, созданный для демонстрации военной силы, насчитывал 500 человек (Моллеров, 2005, с. 119).

Прим. 13. *Из СССР была направлена специальная группа представителей в количестве 16 человек*. Согласно другим источникам, делегация из Советской России состояла из 18 человек (Байыр-оол, 2010).

Прим. 14. *...ЦК ТНРП в мае 1923 г. был самораспущен*. Роспуск ЦК ТНРП состоялся в марте 1923 г. Он произошел по инициативе Совета министров ТНР, стремившегося отстранить партию от управления государством (История Тувы, 2007, с.138).

Прим. 15. *...некоторые феодалы, маскируясь друзьями революции, еще сохраняют свои посты в государственных и партийных организациях и окончательно разоблачаются лишь в 1929–1930 гг. и позднее, в 1937–1938 гг.* По мнению В.Д. Март-оола и М.Х. Маннай-оола, «политические репрессии в ТНР были связаны прежде всего с советским влиянием на Туву и резкой сменой политического курса государства». Репрессиям подверглись

1214 человек, причем не только тувинцев, но и представителей других национальностей. В результате было разгромлено руководство ТНР, и власть перешла к президиуму ЦК ТНРП во главе с С.К. Тока (История Тувы, 2007, с. 198, 206).

Прим. 16. *Однако восстание контрреволюционеров 1924 г. не распространилось дальше Кемчикского района.* Вооруженное выступление в марте 1924 г., возглавленное ламой Сумунаком, было вызвано недовольством населения Дзун-Хемчикского кожууна налоговой политикой. Одним из требований восставших было присоединение Тувы к Внешней Монголии. Для подавления «Хемчикского восстания» был направлен сводный правительственный отряд, куда входили бойцы МВД ТНР, аратские добровольные дружины и вооруженная охрана Русской самоуправляющейся трудовой колонии. Кроме того, руководство СССР, озабоченное обстановкой в Туве, ввело в республику кавалерийский эскадрон 26-й стрелковой дивизии. Военные столкновения не отличались продолжительностью и не были кровопролитными (Хомушку, 2004, с. 45–52; Москаленко, 2004, с. 98; История Тувы, 2007, с. 154–155; Саая, 2009, с. 57).

Прим. 17. *По инициативе СССР 26 августа 1926 г. в г. Кызыле состоялась тувинско-монгольско-советская конференция...* Конференция проходила с 26 июля по 15 августа 1924 г. Выработанные ею соглашения позволили мирным путем урегулировать хемчикский конфликт. Кроме того, была принята Советско-монгольская декларация о невмешательстве во внутренние дела ТНР и уважении ее суверенитета (Саая, 2009, с. 58).

Прим. 18. *Русские кулаки и торговцы подбивают народ на враждебные революционной власти выступления...* Реакцией на принудительную коллективизацию стало восстание весной 1930 г., охватившее Шагонарский и Туранский совкожууны (районы, входящие в Русскую самоуправляющуюся трудовую колонию) и Дзун-Хемчикский кожуун. В нем приняло участие значительное число бывших красных партизан, середняков и недовольных правительственной политикой аратов. Силами Тувинской аратской Красной армии и частей особого назначения, прибывших из СССР, восстание было жестоко подавлено (История Тувы, 2007, с. 165–166).

Прим. 19. *...выступления в Шагонаре.* Здесь и далее фигурирует так называемый Старый Шагонар — поселок, ныне затопленный водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС.

Прим. 20. *Население Тувы оказало помощь Советской армии на сумму свыше 40 млн руб. Советской кавалерии тувинские араты послали свыше 40 тыс. коней; построили эскадрилью из 10 самолетов, послали колхозникам Украины свыше 19 тыс. голов скота.* По сведениям, опубликованным М.Х. Маннай-оолом, в поддержку Красной армии был передан весь золотой запас ТНР на сумму 35 млн руб., 50 тыс. коней, 52 тыс. пар лыж, 10 тыс. полушубков, 19 тыс. пар рукавиц, 16 тыс. пар валенок, 67 т шерсти, несколько

сотен тонн сельскохозяйственной продукции. Кроме того, на средства республики было построено 3 эскадрильи, а населению освобожденных районов Украины направлено более 27 тыс. коров (История Тувы, 2007, с. 379).

Прим. 21. *Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1944 г. ТНР принята в состав СССР.* Вступление ТНР в состав СССР произошло с правовыми нарушениями: решение о хадатайстве вступления принял только Малый Хурал, а не Великий Хурал; указ Президиума Верховного Совета СССР о приеме ТНР не был утвержден Верховным Советом; решение сессии Малого Хурала «О вхождении ТНР в состав СССР» скрывалось от тувинского населения в течение трех месяцев. Кроме того, Тувинская Народная Республика как суверенное государство должна была войти в Советский Союз на правах автономной республики, но стала лишь автономной областью РСФСР. Это привело к перестройке всего государственного аппарата Тувы. Правительственные органы были превращены в областные структуры, а общественные организации — в местные. Упразднилась Тувинская народно-революционная партия, а ее члены были вынуждены вступать в ВКП(б). Результатом преобразований стал приход к власти людей, присланных из СССР (Москаленко, 2004, с. 166–167; Харунова, 2004, с. 92–93).

Прим. 22. ... *Чаа-хольский район — центр. п. Чаа-холь.* Здесь и далее фигурирует так называемый Старый Чаа-Хөл — поселок, ныне затопленный водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС.

К главе III

Прим. 1. ...*районы Эрзина, Теси, Мёнгун-тайга не входили в Туву.* Территории Эрзина и Нарына носили наименование «Кыргыз сумузу» и входили в состав Салчак кожууна.

Прим. 2. ...*такие группы, как... Маады...* В рукописи встречается различное написание этой родоплеменной группы — *Мааду* и *Маады*.

Прим. 3. *По словам многих тувинцев-информаторов... прежде группы Салчак, Хертэк, Тоңгак назывались полным именем Салчак-Соян, Хертэк-Соян и т.д.* Л.П. Потапов, ссылаясь на своего информанта, утверждал, что «добавление к названию Салчак и Хертэк слова “соен” неправильно... добавляли... только русские» (Потапов, 1969, с. 59, прим. 32).

Прим. 4. *Сояны, живущие ныне в Эрзине...* Соян, проживавших в Ак-Эрикe, Берт-Даге и Самагалдае, относившихся к группе Ак-Соян («Акка»), остальные тувинцы именовали «чурту чок сояннар», то есть «безродные Сояны». Прозвище было дано из-за их принудительного переселения с территории Монгольской Народной Республики (район хребта Хаан-Көгей) в Туву.

Прим. 5. *Относительно значения слова «Саян-Соян» нет определенных сведений.* Об этнониме *сойан* см.: Вайнштейн, 1961, с. 23–24; Потапов, 1969, с. 59–61; Маннай-оол, 2004, с. 88, 101; Алтайцы, 2005, с. 35.

Прим. 6. Этноним «Туба» бытовал и как этноним для группы племен, и как имя отдельных родов. Об этнониме *туба/тува/топа* см.: Ксенофонов, 1937, с. 62; Вайнштейн, 1957, с. 178–214; Вайнштейн, 1961, с. 28–36; Маннай-оол, 2004, с. 59–60; Славнин, Шерстова, 2008, с. 73–74, 85; Татаринцев, 2009, с. 198–208.

Прим. 7. ...это было одно племя, которое имело в прошлом имя *Чогду*. Об этнониме *чооду/чогду* см.: Вайнштейн, 1961, с. 20–21, 37–39; Потапов, 1969, с. 61–63; Маннай-оол, 2004, с. 87–89; Славнин, Шерстова, 2008, с. 38–42; Татаринцев, 2009а, с. 211–217.

Прим. 8. ...имя «Тод ~ Тот»... нельзя смешивать с именем «*Чооду (Чогду)*»... Об этнониме *тодут* см.: Вайнштейн, 1961, с. 22, 24, 39–40; Маннай-оол, 2004, с. 90.

Прим. 9. ...тувинские *Куу(лар), Куку(лар)* являются потомками древних племен *Ку Северного Алтая*... Об этнониме *куулар* см.: Вайнштейн, 1961, с. 23; Потапов, 1969, с. 77.

Прим. 10. Обо всех этих группах *Кыргыс* другие тувинцы говорят, что они пришлые люди в этих местах. Об этнониме *кыргыс* см.: Потапов, 1969, с. 64–68; Маннай-оол, 2004, с. 101.

Прим. 11. В Восточной Туве (Тодже) еще остались немногочисленные представители тувинцев *Хеюк ~ Хыик ~ Кеин*... Об этнониме *хойук* см.: Вайнштейн, 1961, с. 22–23.

Прим. 12. ...разделение группы на *Адыг-Түлүш* и *Улуг-Түлүш*. Об этнониме *тулуш* см.: Потапов, 1969, с. 56–57; Маннай-оол, 2004, с. 101.

Прим. 13. Группа *Хасут ~ Хаасут*... Об этнониме *хаазут* см.: Маннай-оол, 2004, с. 89.

Прим. 14. Группа *Монгуш* тувинцев разделена на две части: *Монгуш* и *Кара-Монгуш*... Об этнониме *монгуш* см.: Потапов, 1969, с. 75; Маннай-оол, 2004, с. 84–85, 101.

Прим. 15. Прежде западные *Салчаки* назывались *Салчак-Соян*... Об этнониме *салчак* см.: Потапов, 1969, с. 75; Маннай-оол, 2004, с. 84, 101.

Прим. 16. Группа разделяется на *Ишти-Оорджак* и *Кедээ-Оорджак*... Об этнониме *ооржак* см.: Потапов, 1969, с. 73–74; Маннай-оол, 2004, с. 84–85, 101.

Прим. 17. Возможно, в дочингисово время был охотничий оленный народ *Тайджи*... Об этнониме *тоджа/точжа/тайджа* см.: Вайнштейн, 1961, с. 21, прим. 10; Потапов, 1969, с. 74.

К главе IV

Прим. 1. ...*хребта Куртушиби-хем*... Название реки переводится как «червивая ель».

Прим. 2. В 1909 г. правительство принимает закон о постройке колесной дороги от Григорьевки до с. Верхне-Усинского. Строительство

Усинской колесной дороги началось 26 августа 1910 г. (Дороги Тувы, 1996, с. 28).

Прим. 3. ...*после установления Тувинской Народной Республики в 1926 г. тракт общими усилиями СССР и ТНР был восстановлен. Уже в 1920 г. подотдел шоссейно-грунтовых дорог строительного отдела Губсовнархоза начал ремонт Усинской дороги. Однако по-настоящему ремонтные работы развернулись только в 1922 г., когда были привлечены крестьяне для отработки трудгужналога. Летом 1926 г. состоялись испытания дороги с помощью двух импортных автомобилей. После пробега оказалось, что износ автомобильных шин составил 80 %* (Дороги Тувы, 1996, с. 29–30).

Прим. 4. *В г. Кызыле имеется аэропорт со значительным количеством грузо-пассажирских самолетов, постоянно курсирующих внутри Области. Строительство аэропорта было начато и осуществлялось первым летчиком Тувы — Кидиспеем Чооду (1908–1946). Он же в 1938 г. доставил из СССР один из трех самолетов, составивших тувинский авиаотряд* (Чооду, 2011).

К главе V

Прим. 1. ...*«сафьяновская» верхнееенсейская порода лошадей — результат скрещивания местной породы с кровными производителями, которых [Г.П.] Сафьянов получал с государственных конных заводов. Согласно свидетельству А.А. Турчанинова, селекцию лошадей в Туве начал коннозаводчик Тархов, скрещивавший местную породу с томскими лошадьми. Г.П. Сафьянов, купив у Тархова табун, расширил дело. Для улучшения породы он начал приобретать рысаков, английских скаковых и арабских скакунов. Однако дилетантизм Г.П. Сафьянова в селекционной работе привел к значительным потерям, неоправданным затратам труда и средств. Выведенная порода отличалась крупным ростом, быстрой откармливаемостью, выносливостью, но также несоразмерным сложением, чрезмерной тонконогостью и строптивым нравом* (Турчанинов, 2009, с. 143–144).

Брат Г.П. Сафьянова А.П. Сафьянов тоже занимался разведением лошадей. Именно им и была получена верхнееенсейская, или «Андреевская», порода (Верещагина, 2004, с. 15–20, 31).

Прим. 2. ...*Госторг СССР захватывает более 50 % всего внутреннего товарооборота в Туве, а удельный вес частной китайской торговли составляет лишь 18 %*. По воспоминаниям пожилых тувинцев, агенты госторга СССР, стремясь стать торговыми монополистами в Туве, использовали разнообразные рекламные акции. Так, в частности, в пачки с чаем вкладывались бесплатные вложения-сюрпризы — кольца, сувениры и т.п.

К главе VI

Прим. 1. *На западе гора Пэрт-таг... известна и сейчас как бывший центр кочевавших здесь групп Чооду. О поклонении тувинцев определенным*

горам см.: Потанин, 1883, с. 128; Вайнштейн, 1961, с. 174; Потапов, 1969, с. 60, 62–63, 66–67, 69–70, 76, 358–360; Дьяконова, 2000, с. 104; Курбатский, 2001, с. 151–152; Кенин-Лопсан, 2006, с. 83–86, 92; Даржа, 2007, с. 32.

Прим. 2. *Первый хурэ в 1770 г. был построен около ставки амбынь-нойона на р. Тесь-хем. Сразу после него строится хурэ в Самагалтае, 1814 г. — около ставки Тоджинского нойона в Энсуге, 1872 г. — Нижне-Чаданский...* Согласно М.В. Монгуш, первый буддистский монастырь — Эрзинский (Кыргызский) — был возведен в 1772 г., хурээ в Самагалтае (Оюннарский) — в 1773 г., в Тодже (Өвгөн) — в 1815 г., Нижнечаданский — в 1873 г. (Монгуш, 2001, с. 55).

Прим. 3. *Всего в Туве до революции имелось 26 монастырей...* Неточность данных отмечена в сноске самой Е.Д. Прокофьевой. Согласно материалам «Истории Тувы», к 1921 г. в Туве насчитывалось 22 монастыря. Позднее в течение пяти лет было построено еще 9 хурээ (История Тувы, 2007, с. 253–254).

Прим. 4. *Хурэ были уничтожены в 1929 г.* Разрушение монастырей не было одномоментным актом. Например, Самагалтайский хурээ был уничтожен в 1930 г., а Эрзинский — в 1934 г. Только к началу 1940-х гг. тувинские хурээ исчезли полностью (Монгуш, 2001, с. 113, 121).

Прим. 5. *В 1930-х гг. здесь было восстание тувинцев против русских, инспирированное феодалами и ламами. Много русских погибло, сброшенные в пропасть с этих холмов.* Вооруженное выступление тувинцев, начавшееся 17 марта 1930 г. в Дзун-Хемчикском кожууне, было ответом на развернувшуюся коллективизацию, обложение индивидуальными налогами, лишение избирательных прав значительного числа жителей, запрет на традиционный образ жизни (ношение кос и украшений, проведение обрядов). Восстание охватило практически все социальные слои населения, включая старое чиновничество ТНР, членов ТНРП и ТРСМ. Подавление выступления было осуществлено частями Тувинской аратской Красной армии. При этом применялись массовые расстрелы, пытки, высылка за пределы Тувы (История Тувы, 2007, с. 192–193; Монгуш, 2001, с. 83–85).

К главе VII

Прим. 1. *...особыми гребями «молдырь» сгребали снег с пастбищ.* Л.П. Потапов, описывая этот инструмент, дает ему название *талбий* (Потапов, 1969, с. 96).

Прим. 2. *В носовую перегородку быка продевали заостренную палочку — «карачаны», к одному концу которой привязывали веревку, и ею управляли.* Согласно В.К. Даржа, западные тувинцы называли такую палочку «бурундук», а восточные — «буйла» (Даржа, 2009, с. 220). По С.И. Вайнштейну, «бурундук» — это не палочка, а повод, привязанный к ней (Вайнштейн, 1972, с. 147).

Прим. 3. *Колеса у этих телег были сделаны из круглого сплошного спила дерева, без спиц.* Несмотря на распространенное убеждение, что колесный транспорт тувинцы заимствовали у русских переселенцев, материалы Е.Д. Прокофьевой, С.И. Вайнштейна и В.К. Даржа опровергают это (Вайнштейн, 1972, с. 152; Даржа, 2009, с. 261). Тувинские повозки *терге*, видимо, были двух типов. Главным отличием служила конструкция колес. Одни повозки имели сплошные колеса, изготовленные из спила древесного ствола, другие — колеса, состоящие из обода, широкой перемычки и четырех спиц.

Прим. 4. *Верховые седла обычно покупали у китайских и русских купцов, вьючные делали сами.* В действительности традиционные верховые седла, относящиеся к монгольско-тувинскому типу, тувинцы изготавливали самостоятельно (Вайнштейн, 1972, с. 141–144; Даржа, 2003, с. 103–106; Даржа, 2009, с. 265).

Прим. 5. *В языке тувинцев чрезвычайно богато представлены названия возрастных групп и мастей лошадей.* Подробная терминология возрастных категорий и мастей лошадей приведена в книге В.К. Даржа (Даржа, 2003, с. 54–58, 65–67).

Прим. 6. *Многие исследователи, посещавшие Туву в дореволюционное время, пишут о зачаточном, убогом земледелии у тувинцев.* Несмотря на всю примитивность земледелия в Туве, тувинцы прекрасно освоили климатические и ландшафтные особенности своей страны. Эти знания позволяли им получать стабильные урожаи, чего поначалу не могли достичь русские переселенцы. Чиновники Переселенческого управления отмечали, что «неумение урегулировать полив пашен... часто приводит земледельца к непоправимым ошибкам... были случаи, когда неопытный хозяин, усердствуя в поливе своей пашни, расположенной на наклонной плоскости с мягкой черноземовидной почвой, в течение нескольких лет почти смыл весь ценный растительный слой с нее» (Потахин, 1990, с. 149).

Прим. 7. *Среди тувинцев-земледельцев были (и сейчас имеются) старики-специалисты, которые умели учитывать условия рельефа (склон поверхности земли) и точно определять направление канала.* Различные способы прокладки каналов приведены в статье А.Ч. Ашак-оола (Ашак-оол, 1993, с. 22–25).

Прим. 8. *Охота отражалась в календаре тувинцев-тоджинцев. [М.Г.] Левин (1926 г.), [П.И.] Каралькин (1956 г.) записали названия месяцев.* Запись П.И. Каралькина приведена в книге Л.П. Потапова (Потапов, 1969, с. 289).

Прим. 9. *В Тодже старики смутно помнят, что прежде имелось копьё — «шиш», вернее «откас»...* Словом *шиш* тувинцы обозначают «острие». Вероятно, *откас* использовано в тексте с тем же значением, поскольку в тувинском языке *откур* является определением «острый».

Тувинские копыя носили название *кезер* или *чыда*. Как правило, они представляли собой нож, закрепленный на древке (Даржа, 2009, с. 81).

Прим. 10. В конце XIX в., по словам [П.Е.] Островских, тувинцы не употребляли дробь. А.А. Турчанинов писал, что в Туве «из дроби в ходу номера 00 до 4-го, меньше номера не идут» (Турчанинов, 2009, с. 236). Слабую заинтересованность тувинских охотников в дроби (*тара ок*) отмечал и В.К. Даржа, ссылаясь на представления, что выстрел, рассчитанный на случайное попадание, является «недопустимым расточительством» и «глупостью» (Даржа, 2009, с. 99).

Прим. 11. Называли ружья и монгольским словом «*бо ~ по*». Общее название ружья с рожками — «*постаныг по ~ бо*». В тувинском языке, помимо общего наименования ружей *боо*, существовали и другие названия: *пыстанныг боо* — пистонное ружье, *мултук/мылдык* — фитильное ружье, *араалыг боо* — нарезное ружье, *хос дүүрге* — дробовик, *бырдаан боо* — винтовка Бердана, *ленфил* — английская винтовка «Ли Энфильд», *япон боо* — японская винтовка «Арисака» (Даржа, 2009, с. 96–99).

Прим. 12. Костяными пластинками древко лука не укрепляли, украшений не делали. Лишь с появлением китайских луков с костяными пластинками тувинцы стали укреплять древко лука пластинками из рогов дикой козы. Е.Д. Прокофьева заблуждалась, относя появление сложно-составных луков в Туве к заимствованиям из Китая. Такие луки являются изобретением кочевников. Прототипы их известны еще в скифскую эпоху. Окончательное же формирование произошло в хуннуский период и во время становления тюрко-монгольских культур.

В рукописи приведен один из вариантов изготовления простого лука. Другие способы даны в книгах С.И. Вайнштейна и В.К. Даржа (Вайнштейн, 1972, с. 189; Даржа, 2009, с. 18–19).

Прим. 13. Лук должен был быть определенной длины, равняться росту хозяина-охотника в шапке (около 2 м, или, по-тувински, 1 кулаш). Ошибочное утверждение. Действительно, тувинские луки были индивидуальны, но соответствовали они не росту владельца, а его маховой сажени — *кулаш*, то есть 150–170 см (Даржа, 2009, с. 24).

Прим. 14. Тетиву — «*криш*» — делали в западных районах из шкуры дикого («*тее*») или домашнего козла, а в восточных — из конской шкуры. Наибольшее количество возможных материалов для изготовления тетивы было приведено В.К. Даржа. В его список вошли шкуры коровы, лошади, домашнего козла-кастрата, козерога, медведя, самца косули. При этом лучшей считалась тетива из сухожилий (Даржа, 2009, с. 32).

Прим. 15. ...шкуру нарезали лентой шириной в 1,5 см, предварительно вымачивали около месяца для того, чтобы выпала вся шерсть. Мокрую шкуру резали. Затем туго скручивали и в таком виде сушили. Иной способ изготовления тетивы описан В.К. Даржа (Даржа, 2009, с. 32–33).

Прим. 16. ...*особые стрелы на белку, относящиеся к типу томара «молтрукту софын»*... Стрелы-томары тувинцы изготавливали, надевая на конец древка кусок рога или нанизывая несколько кожаных кружков. Их называли как *борбак баитыг согун* (Даржа, 2009, с. 63–64), так и *молдурук* (Кенин-Лопсан, 2006, с. 204). По С.И. Вайнштейну, слово *молдурук* обозначает роговую свистульку-муфту, крепившуюся между наконечником стрелы и древком (Вайнштейн, 1972, с. 191).

Прим. 17. *Железные наконечники назывались «сарыглы ок», и стрелы с такими наконечниками употреблялись на крупного мясного зверя*. Согласно С.И. Вайнштейну, *сырыглык ок* назывались свистящие стрелы (Вайнштейн, 1972, с. 191). В.К. Даржа упоминает и другое название таких стрел — *сыгыртыр согун* (Даржа, 2009, с. 64).

Прим. 18. *Делали эту трубу из полоски бересты, свернутой рулончиком*. Это один из способов изготовления манка на марала (*мургу, амырга/аврыга*). Другие варианты приведены в книгах С.И. Вайнштейна и В.К. Даржа (Вайнштейн, 1972, с. 193; Даржа, 2009, с. 368).

Прим. 19. *Посох делали в рост человека...* По В.К. Даржа, лыжный посох (*даяк*) достигал трех метров (Даржа, 2009, с. 258–259). Этому противоречит не только замечание Е.Д. Прокофьевой, но и свидетельства А.А. Турчанинова, С.И. Вайнштейна (Турчанинов, 2009, с. 247; Вайнштейн, 1972, с. 153).

Прим. 20. *На соболя сетей не ставили*. Однако В.К. Даржа утверждает обратное (Даржа, 2009, с. 465).

Прим. 21. ...*медведь — ирей*... Другие иносказательные наименования медведя приведены В.К. Даржа (Даржа, 2009, с. 438).

Прим. 22. ...*делали ловушки-ямы*... А.А. Турчанинов упоминал другой прием ловли маралов — ловушками в виде изгородей с двумя подъемными воротами (Турчанинов, 2009, с. 242).

Прим. 23. *Тувинцы называют такие корытообразные лодки «аңгоча» и приписывают их монголам*. Другого мнения придерживается В.К. Даржа. Согласно ему, *катамараны-оңгача* — изобретение жителей таежных районов Тувы и Бурятии (Даржа, 2009, с. 251).

Прим. 24. ...*тувинец, возвращавшийся домой из оленьей бригады, добыл в Хамсаре большого тайменя («пель») выстрелом из ружья*. О ловле рыбы тувинцами см.: Вайнштейн, 1972, с. 218–226; Даржа, 2009, с. 508–524; Турчанинов, 2009, с. 192–204.

Прим. 25. *Кастрация («чезар» — М.Г. Левин /«чазаар» — Е.П./) оленьей производится по достижении теленком одного года (на следующую после рождения весну), иногда осенью следующего года*. По С.И. Вайнштейну, кастрацию производили оленям в возрасте 16 месяцев осенью, в середине сентября (Вайнштейн, 1972, с. 96).

Прим. 26. ...*различают: «анай»... «серый конь»*. У тувинцев существуют и другие классификации северных оленей. *Азырал* — домашний

олень; *куудай* — двух-трехлетний олень; *эдер/этер, аскыр* — олень-производитель; *чары, бохана* — кастрированный олень; *ицген, нынды/мынды* — важенка; *анай, хокаш/токаш, эдерик* — олененок; *даспан/таспан* — годовалый олененок; *дөңгүр/тоңгур* — двухгодовалый олень; *туңхуй/туңгуй, мындычак* — двухгодовалая важенка; *кызыр мынды* — яловая важенка; *колчангы* — стельная важенка; *бир дүктүг мыйыс* — трехлетний олень; *ийи дүктүг мыйыс* — четырехлетний олень; *үш дүктүг мыйыс* — пятилетний олень (Даржа, 2009, с. 229–230; Куулар, Сувандии, 2011).

Прим. 27. ...тувинское оленеводство — явление, заимствованное от самодийских племен небольшим числом тувинских племен — ныне это только *Соян* и *Чооду*. Во многом сходная критика работы Г.М. Василевич и М.Г. Левина (Василевич, Левин, 1951) содержится в книге С.И. Вайнштейна (Вайнштейн, 1972, с. 112–125).

К главе IX

Прим. 1. *Это обстоятельство позволяет и в настоящее время детально изучать старые типы жилищ тувинцев*. Подробные описания жилищ тувинцев даны также у Е.К. Яковлева, П.И. Каралькина, Л.П. Потапова, С.И. Вайнштейна, В.К. Даржа (Яковлев, 1900, с. 33–36; Каралькин, 1960, с. 267–283; Потапов, 1969, с. 147–158; Вайнштейн, 1991, с. 14–69; Даржа, 2009, с. 114–138).

Прим. 2. *Нами и [А.А.] Пальмбахом термин «орген» записан...* Обычно слово *орген* тувинцы используют для обозначения кола, сваи, палки.

Прим. 3. *На «кеш-таг» (зимниках) тувинцы сооружали помещения для коров, овец «кажаа», нечто вроде крытых загонов или даже хлевов*. О хозяйственных постройках тувинцев см.: Потапов, 1969, с. 143–144; Вайнштейн, 1972, с. 53–56; Даржа, 2009, с. 149–154.

Прим. 4. ...единственная хозяйственная постройка — амбар — «сера» (по А.В. Адрианову, «сери»). Как правило, слово *сери* употребляется для обозначения навеса. Сарай же или амбар по-тувински именуется *серилиг кажа*.

Прим. 5. *Лишь немногие избы построены добротными, большинство отражает временный характер пребывания на чужой земле, что отмечалось и старыми авторами*. Эта особенность русских построек в Туве очень точно была описана К.Д. Минцловой на примере заимки А.Ф. Сафьяновой (вдовы А.П. Сафьянова): «...не было ни одной приличной постройки, все было сколочено кое-как и на скорую руку, из каких-то жердей и тонких плашек. Казалось, будто люди заехали сюда случайно, на время приткнулись кое-как и рассчитывают через день-два улететь на свое настоящее место; а между тем здесь два десятка лет жило многочисленное семейство, владельцы двух с половиной тысяч голов лошадей и такого же количества рогатого скота!» (Минцлова, 1993, с. 24).

К главе X

Прим. 1. *Признавалось даже, что при езде верхом такая обувь неудобна, носок задерживает ногу в стремях, мешает всаднику выскочить с седла в опасные моменты...* В.К. Даржа доказывает, что жесткие сапоги с негнушимися голенищами и поднятыми вверх носами (*кадыг идик*) были изобретены кочевниками специально для наиболее надежной посадки всадника в седле (Даржа, 2009, с. 165–166).

Прим. 2. *К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, чтобы дать хоть сколько бы то ни было удовлетворительный обзор одежды тувинцев...* О национальной одежде тувинцев см.: Яковлев, 1900, с. 24–28; Грумм-Гржимайло, 1926, т. III, с. 31–38; Кон, 1934, с. 167–170; Дьяконова, 1960, с. 239–266; Вайнштейн, 1991, с. 152–200; Сиянбиль, Сиянбиль, 2000, с. 8–51; Даржа, 2003, с. 123–129; Даржа, 2009, с. 156–168; Ховалыг, 2006, с. 144–152; Турчанинов, 2009, с. 83–86, 89–90.

Прим. 3. *Верхняя пола — «алаңты эдек», нижняя — «соңгу эдек» (наружная и внутренняя).* Е.Д. Прокофьева ошибочно дает синонимичные определения (*алаңгы эдек, соңгу эдек*), обозначающие заднюю полу одежды. Передняя пола носит наименование *баишкы эдек*. В тувинском языке имеются и другие названия: *шитти хой* — внутренняя пола, *улуг хой* — наружная пола.

Прим. 4. *Богатые люди и чиновники летом и зимой носили поверх «тон» короткую безрукавку — «хурмэ».* Безрукавки назывались *чеңни чок, көспек, шегедек, кандаазын, хоректээш* и *үс*. *Хурме* являлась охотничьей одеждой и представляла собой куртку мехом наружу (Сиянбиль, Сиянбиль, 2000, с. 8; Даржа, 2009, с. 160–161).

Прим. 5. *В старину зимней женской шапкой являлась «пөрүк».* Вероятно, речь идет о головном уборе *калбак бөрт*.

Прим. 6. *Б.К. Шишкин не определил это растение.* Упомянутое Е.Д. Прокофьевой растение *энгесхе*, видимо, соответствует *эңгиске* — дикой свекле.

Прим. 7. *Шаманский костюм тувинцев был различен у оленеводов востока Тувы, на западе и в центре Тувы.* Шаманские костюмы тувинцев описаны в другой работе Е.Д. Прокофьевой (Прокофьева, 1971, с. 70–73, 79, 81–83, 92–93, 98–99), а также у П.И. Каралькина, С.И. Вайнштейна, Н.А. Алексеева и М.Б. Кенин-Лопсана (Алексеев, 1984, с. 171–174; Кенин-Лопсан, 1987, с. 44–51; Вайнштейн, 1991, с. 257, 263–269; Каралькин, 2008, с. 236–240).

К главе XI

Прим. 1. *Соответственно занятиям двух основных групп тувинцев — охотников-олленеводов и скотоводов — различна была пища этих групп.*

О пище тувинцев и способах ее приготовления см.: Потапов, 1969, с. 168–202; Вайнштейн, 1991, с. 117–147; Даржа, 2009, с. 274–298.

Прим. 2. ...*при забое хозяин опрокидывает овцу на спину... вспарывает овце живот и грудь, рукой достает сердце, сдавливает его.* Приведено не совсем точное описание забоя. Забойщик, опрокинув овцу, «делает небольшой разрез кожи от грудной кости до живота... затем через разрез просовывает руку, пробивает диафрагму, нащупывает и обрывает аорту» (Потапов, 1969, с. 178).

Прим. 3. *Головки сараны отрезали ножиком — «твегте», висевшим на веревке на поясе справа.* С.И. Вайнштейн называет этот нож *дүвектэ* (Вайнштейн, 1961, с. 57).

Прим. 4. *Мучная пища состояла из немногих кушаний, приготовлявшихся из ячменя и проса.* Различные тувинские блюда из проса и способы их приготовления описаны в статье Л.К. Монгуш и Б.Б. Намзалова (Монгуш, Намзалов, 2010, с. 125–126).

К главе XII

Прим. 1. *VIII съезд Тувинской народно-революционной партии в 1928 г. явился началом переустройства экономики республики.* VIII съезд ТНРП проходил с 20 октября по 10 ноября 1929 г. (История Тувы, 2007, с. 144).

К главе XIII

Прим. 1. *Летом 1931 г. был полностью закончен перевод делопроизводства на тувинский язык, ставший государственным языком.* Процесс сложения тувинской письменности был непростым и длительным. В 1926 г. Политбюро ЦК ТНРП утвердило проект тувинского букваря на русской графической основе, созданный Брюхановым (Сотпа) и Бузыкаевым. И хотя рукопись не получила одобрения в Академии наук СССР, букварь был издан в Москве в 1927 г. В это же время правительство ТНР приняло решение о предпочтительности латинизированной основы письма. Поручение о разработке письменности было дано тувинскому ламе Монгуш Лопсан-Чимиту, и одновременно направлено обращение об оказании помощи в Народный комиссариат иностранных дел СССР. НКВД переадресовал просьбу в АН СССР, которая поручила работу языковедам Е.Д. Поливанову и Н.Н. Поппе. М. Лопсан-Чимит, взяв за основу немецкий алфавит, первым создал вариант письменности. В 1928 г. этот проект получил поддержку Малого Хурала. Алфавиты же Е.Д. Поливанова и Н.Н. Поппе, поступившие в Туву зимой и весной 1929 г., были отклонены. Однако на VIII съезде ТНРП было решено «составление письменности ламой считать совершенно недопустимым как с моральной точки зрения, так и с политической», поэтому руководству ТНРП поручалось «обратиться за помощью в ЦК ВКП(б) в деле выработки тувинской письменности, в основе которой должен лежать

новотюркский алфавит, принятый у тюркских народов СССР». В апреле 1930 г. появился переработанный алфавит и букварь Н.Н. Поппе, и в Туву была направлена экспедиция для организации работы по обучению грамоте. В 1941 г. после проведенного в СССР массового перевода письменностей малых народов с латинской основы на русскую вариант Н.Н. Поппе был отвергнут. Тогда же комиссией при Совете министров ТНР под руководством А.А. Пальмбаха были созданы новый алфавит и свод орфографических правил. Окончательное же сложение тувинской письменности на русской графической основе произошло только в 1945 г.

Трагически сложились судьбы Е.Д. Поливанова и М. Лопсан-Чимита. Оба были репрессированы. Е.Д. Поливанов погиб в 1938 г., а М. Лопсан-Чимит, осужденный в 1941 г., провел в заключении 11 лет (Монгуш, 2001, с. 109–110; Татаринцев, 2004, с. 292–298; Татаринцев, 2006, с. 243–249; История Тувы, 2007, с. 264–272).

Прим. 2. *В 1930 г. Правительство СССР предоставило ТНР долгосрочную ссуду в 85 тыс. руб. на организацию типографии. Это положило начало издательской деятельности в Туве.* Первая типография открылась в Кызыле в 1924 г. Она печатала на русском языке газету «Красный пахарь» (ныне «Тувинская правда») (История Тувы, 2007, с. 286).

Прим. 3. *Высоко развито было песенное творчество (импровизации) и исполнительное мастерство.* Песенная традиция тувинцев включала протяжные песни — *узун ырлар*, короткие — *кыска ырлар* и припевки — *кожамык*. Имелись также «песни-кличи», очевидно, восходящие к заклинаниям. Ими сопровождалась опасные мероприятия, например форсирование рек (Кужугет, 2006, с. 171–172).

Прим. 4. *Различается несколько видов такого пения (сколько мы осведомлены — три вида).* Тувинское горловое пение имеет пять стилей — *каргыраа*, *хоомей*, *сыгыт*, *борбаннадыр*, *эзенгилээр*. К тому же существуют три разновидности — *думчуктаар*, *хоректээр*, *хову каргыраазы* (Кыргыз, 2006, с. 157).

Прим. 5. *...имелись смычковые («пызанчи» и «игиль»), духовые («лемпи» и «шор»), щипковые («топшулуур» и «чадаган») инструменты и вибраторы («комус»).* Список тувинских звуковых инструментов более обширен. В настоящий момент принято их деление на лютни, цитры, флейты и варганы. Лютни подразделяются на смычковые — *бызаанчы*, *игил* и щипковые — *чанзы*, *допшулуур*. К цитрам относится *чадаган*. В разряд простых хордофонов включается и охотничий лук — *ча* (моногетерохордный музыкальный лук). Флейты представлены продольной открытой — *шоор* — и поперечной полузакупоренной — *лимби*. К духовым инструментам также относятся прямая труба — *мургу*, пищалка — *терезин-эдиски* и манки: на марала — прямая труба — *амырга*, на косулю — свободный аэрофон с соударяющимися язычками — *эдиски*. Группу варганов составляют:

пластинчатые — кулузун-хомус или шелер-хомус, дуговые — демир-хомус и щипковые идиофоны — ыяш-хомус, чарты-хомус (Сузукей, 2006, с. 159–161; Кондратьева, 2010, с. 22–24).

Прим. 6. *Большую работу по популяризации и развитию тувинской музыки ведут композитор старшего поколения товарищ [М.М.] Мунзук... Всемирную известность М.М. Мунзуку (1910–1999) принесла роль Дерсу Узала в одноименном кинофильме японского режиссера Акиры Куросавы.*

Прим. 7. *...после становления ТНР, в Национальном тувинском театре в г. Кызыле создается хореографическая группа, которая исполняла монгольские танцы и пантомимы.* Тувинская театральная студия открылась в Кызыле в 1942 г. Обучение велось по шести направлениям: музыка, оркестр, хор, драма, балет, цирк. Преподавателями являлись специалисты, приглашенные из СССР. Балетной труппой руководил А.В. Шатин. Именно им были поставлены первые тувинские танцы: «Деккей-оо», «Звенеющая нежность», «Юность».

Прим. 8. *Среди тувинцев издавна было развито камнерезное искусство, художественное литье... чеканка, ювелирное мастерство, художественная обработка кожи... разрисовка и инкрустирование традиционных столиков — «ширэ», ящиков — «аптыра», кроватей — «орун»... Декоративно-прикладному искусству тувинцев посвящена отдельная книга С.И. Вайнштена (Вайнштейн, 1974).*

Прим. 9. *До сего времени у населения имеются художественно выполненные из камня, меди, бронзы, дерева шахматы.* Описания различных шахматных фигур, изготовленных тувинцами, были даны П.И. Каралькиным, С.И. Вайнштейном и В.А. Кореняко (Каралькин, 1971, с. 137–144; Вайнштейн, 1974, с. 179–180; Кореняко, 1983, с. 155–157).

Прим. 10. *...известный камнерез т[оварищ] Тойбуха Хертэк... О Х.К. Дойбухаа и его творчестве см.: Иванов, 1961, с. 21–22; Яковлева, 1966, с. 90–91; Вайнштейн, 1974, с. 191–196; Рафаенко, 1981, с. 248–252, 255; Червонная, 1995, с. 30–31, 61, 161–162; Карпун, 2004, с. 5–6; Хертэк, 2007, с. 137–141.*

Прим. 11. *Мечтает стать камнерезом и сын мастера — пионер-школьник Тондук-оол.* О Д.Х. Дойбухаа и его творчестве см.: Вайнштейн, 1974, с. 196, 198; Червонная, 1995, с. 49, 61, 151–152, 156, 170; Карпун, 2004, с. 6–7.

В настоящее время освоил камнерезное искусство и плодотворно трудится внук Х.К. Дойбухаа Р.Д. Дойбухаа (Червонная, 1995, с. 176).

Прим. 12. *Художники не организованы, творчество их развивается стихийно, сбиваясь часто на малохудожественное исполнение, шаблон, слепое копирование плохих образцов.* Сходную оценку ситуации, сложившейся в тувинском камнерезном творчестве в конце 1950-х — начале 1970-х гг., дал С.И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1974, с. 214).

Прим. 13. ...*в настоящее время появляются мастера-художники профессионалы (т[оварищи] [В.Л.] Таз-оол и [С.К.] Ланзы)*... О В.Л. Тас-ооле и С.К. Ланзы и их творчестве см.: Червонная, 1995, с. 36, 43–44, 52, 56, 61, 66–68, 84, 96, 107–108, 110–112, 115, 129–130, 133–134, 140–141.

Прим. 14. ...*после создания письменности появились пьесы для театра с постоянным текстом*. Государственный драматический театр ТНР открылся в Кызыле 25 марта 1936 г. (История Тувы, 2007, с. 289).

К приложению 1

Прим. 1. *Парень тот, его родственник, с ним вместе, верно, ушел и жил*. Ранее вариант легенды был записан и художественно обработан И.Г. Сафьяновым (Сафьянов, 2010, с. 70–73).

К приложению 5

Прим. 1. *В 1932 г. здесь было контрреволюционное восстание монгольских наймитов, поднятое по наущению чиновников, лам и нойонов...* Общее недовольство аратов политическими и экономическими нововведениями привело в апреле 1932 г. к восстанию в Тере-Хэле. Оно было спровоцировано слухами о падении революционной власти в СССР, МНР и ТНР. Тувинские участники выступления объединились с мятежниками Северо-Западной Монголии и приступили к активным действиям — грабежам и убийствам. Заживо были сожжены шестеро строителей Кунгуртукской школы. Восстание было подавлено частями Тувинской аратской Красной армии в июле того же года (История Тувы, 2007, с. 193–194).

СПИСОК ТУВИНСКИХ СЛОВ, ИМЕН И ТОПОНИМОВ, ДАННЫХ В ТЕКСТЕ С ОШИБКАМИ ИЛИ ИМЕЮЩИХ НЫНЕ ИНОЕ НАПИСАНИЕ

- aĵa oki* («стрела самострела») — ая огу
Ажикай (имя собственное) — Ажыкай
Ак-Таврак (п.) — Ак-Довурак
алтыханныѳ чаңды ѳѳ («шестистороннее корьеовое жилище») — алдыханалыг шаңды ѳг
алаж ѳѳ («чум») — алажы ѳг
Алгаяк (р.) — Алгый-Ак
алты («соболь») — алды
аңгоча («катамаран») — оңгача
аңырчок, оңырчак («вьючное оленье седло») — ыңгыржак
аптыра («сундук») — аптара
Арбук (р.) — Арбык
Аргалык (р.) — Аргалыг
Арыг-бажы (мест.) — Арыг-Бажы
аскыр эгей тон («шуба из овчины») — аскыр негей тон
Бай-бальский порог — Бай-Баалыкский
Бай-сют (р.) — Бай-Сөөт
Бай-хак (п.) — Бай-Хаак
Балгазик (п.) — Балгазын
Баян-Гол (п.) — Баян-Кол
Блялик (р.) — Билелиг
борзак («печенье») — боорзак
бөрү («волк») — бөрү
Брен (р.) — Бурен
Бурук-ажык (мест.) — Булак-Ажык
Буян-Бадорху (имя собственное) — Буян-Бадыргы
гоньба-уртель («налог») — таңма-үре-түңнел («ставка /нойона/ — продукт») (?)
Да хошун (администр. единица) — Даа кожуун
джалама («лента-подношение») — чалама
догана, дона («верхний круг юрты») — тоона
дөр, ѳѳ дөразы («почетное место») — дөр, ѳг дөрү
едер («олень-производитель») — эдер
езир («орел») — эзир
етирä («кожемялка») — эдирээ
Ий-суг (р.) — Ий-Суг
иви («олень») — иви
игиль (муз. инструмент) — игил
идык сыгене («стелька») — идык сиген
инджу («ремень») — инчик
испык («пинцет») — испик
калбаң («наушники») — халбаң
Кара-адер (р.) — Кара-Адыр
карабуш («глухарь») — каракуш
Кедее Шираа-булак (мест.) — Кедээ-Ширээ-Булак
кеш-таг («зимнее стойбище») — кыштаг
кижи-көѳже («каменное изваяние») — кижичөѳжө
кишки тон («зимнее одеяние») — кышкы тон

- Көгө-терезын* (мест.) — Көгө-Терезин
кокашь («оленок») — токаш, хокаш
колорай («ремень, изготовленный из шкуры с ног дикого животного») — холак
комус (муз. инструмент) — хомус
көйлең («рубашка») — хөйлең
Көк-тал (п.) — Көк-Тал
Көпсөк (мест.) — Көп-Сөөк
криш («тетива») — кириш
Куртушиби-хем (р.) — Курттуг-Шиви-Хем
кутурга («подхвостный ремень оленьего седла») — кудурга
кучержик (кожаный сосуд) — когэ-эржик
лемпи (муз. инструмент) — лимби
«Май Бирзы» («1 Мая», колхоз) — «Май Бирги»
маймак (« меховая обувь») — майтак идик(?)
манджизи («курок») — мажы
маньзу («пельмени») — манчы
медечи («прислуга») — медээчи
мезиль («налим») — мезил
Могур (р.) — Мугур
Могур-Аксы (п.) — Мугур-Аксы
молтрукту соһын (стрела томар) — молтруктуг согын
Мөге-терезын (мест.) — Мөге-Терезин
мөгү («гриб») — мөөгү
Мөңге-терезын (мест.) — Мөңге-Терезин
Муген-бурен (р.) — Мөген-Бурен
Мун (оз.) — Мөөн
Мунку-Хайерахан ула (гора) — Мөңгун-Тайга
мурнакчи («передовик») — мурнакчы
мынтызак («двухлетняя важенка») — мындычак
мюней («намордник для оленят, повод») — мөңгуй
няш («дереву») — ыяш
О (р.) — Оо-Хем
огдешки («наколенники») — үг-дешки
Ожа (р.) — Ожу
оин («играющий») — ойнаар
Оин-шиби (р.) — Оюн-Шиви
Ойнар (родоплеменная группа) — оюнар (мн. ч.)
Оорджак (имя собственное) — Оор-жак
оран йези («хозяин местности») — оран эзин
Орда Балык (город) — Орду Баалык
Оттуг-таш (мест.) — Оттук-Даш
от ташь («ремень») — оттук-даш; оттук — «огниво»
ош («дым») — ыш
өб («жилище») — өг
Өдуген (горный хребет) — Өдүген
өк, үк («пуговица») — өөк
өк («носок») — ук
Өшина (мест.) — О-Шынаа
паар («печень») — баар
пажиң («дом») — бажың
Паш-хем (р.) — Баш-Хем
пашь таңгы («свадебный головной убор») — баштаңгы
пель («таймень») — бел
Пельм (р.) — Белим
Пэрт-таг (гора) — Берт-Даг
Пий-хем (р.) — Бий-Хем
пильжек («кольцо») — билзек
Пичче-пашь (мест.) — Биче-Баш
по («ружье») — боо
пола («пест») — бала
пөдей өб («бедное жилище») — бөдей өг

- пөт* («головной убор») — бөрт
пуга («канал») — буга
пугу («бык-производитель») — буга
Пурунгар хошун (администр. единица) — Барыын-гар кожуун
Пус (р.) — Бус
пут («нога, сошки — подставка ружья») — бут
пүльгер («кадка для перегонки») — бүлгүүр
пүүрек («почка») — бүүрек
пыжек, пизек («нож») — бижек
пызанчи (муз. инструмент) — бызанчы
пыштак («сыр») — быштак
Пэрт-таг (мест.) — Бөрт-Даг
пэшкы («мутовка») — бышкы
саа («кольцевидный скребок») — сыы
Сайхен-Дабан (перевал) — Сайхан-Даба
Самагалтай (мест.) — Самагалдай
Сарыг-Булуң (п.) — Сарыг-Булуң
сарыг чаг, ушь («масло») — саржаг, үс
Сейба (п.) — Севи
Серлих (р.) — Серлиг
сир, сыр («сухожилие») — сиир
сог таи («ступка») — соктааш, согааш
собын («стрела») — согун
содачилар («драчуны») — садаачылар (мн. ч.)
сөскын («таволга») — сөөскен
сугге («топор») — сүге
сыгыр («рукоятка») — сып
Тагыр-тайга (мест.) — Такыр-Тайга
тагыр («освещение») — дагыр
тајаңгыш («посох») — даяңгыш
талкан («молотый жареный ячмень») — далган
Тандук (имя собственное) — Дондук
таңза («трубка») — данза
тара («толченое жареное просо») — тараа
тарга («начальник») — дарга
тарбат чушь кусь («чистилка для ногтей») — дыргак чүскүүш
Тарголык (р.) — Торгалыг
Таржа (имя собственное) — Даржа
таспан («годовалый теленок») — даспан
таиш («камень») — Даш
тайяк («посох») — даяк
Теректыг-хем (р.) — Теректиг-Хем
тертык («подпруга оленьего седла») — тыртыг
тиң («белка») — диин
тиң («белка») — диин
тогурзак («тубетейка») — довурзак
Тодут-хем (р.) — Додот
той («празднество») — дой
той таврак («красная глина») — кызыл дой
томба («чайник») — домбу
Тоңгак (имя собственное) — Донгак
тоңур («двухгодовалый олень») — дөңгур
топиулуур (муз. инструмент) — дошпулуур
Торжу (имя собственное) — Доржу
торук («шишка») — тоорук; пөш тооруу — «кедровая шишка»
Тос-Булак (р.) — Тос-Булак
тоскарты («бочка») — доскаар
Төро-хөль (оз.) — Төре-Хөль
тузак («петля-силок») — дузак
Турген (р.) — Дүрген
Тус-таг (мест.) — Дус-Даг
Тус-хөль (оз.) — Дус-Хөль
Түш (имя собственное) — Төш
тыргы (металлическое украшение) — дерги

- тырткы* («наконечник остроги») — тыртпа
Тэбэ-хайя, Тэбе-хая (гора) — Теве-Хая
Убса-нур (оз.) — Убсу-Нур
Ульзей очир (*Ульзей чир*) — Ользей-Очур
Улясутай (г.) — Улиастай
ушазы («приклад ружья») — указы
Уш-бельдыр (целебный источник) — Уш-Белдир
Ушна-Ошна (мест.) — У-Шынаа, О-Шынаа
Ушти-холь (оз.) — Ушпе-Хель
Уштук-кыжык (мест.) — Үсүү-Кежиг
ўньчўйак («кожаный мешок») — ин-чеек
хадер («серповидный скребок») — хедерге
Хайерахан (гора) — Хайыракан
хакка («железный капкан») — какпан
халбак няш («инструмент для лущения шишек») — калбак ыяш
халбах торт («головной убор») — калбак борт
Хамсара (р.) — Хам-Сыра
Хан-Хухей (гор. хребет) — Хаан-Көгей (Көгей-сыны)
Харал (р.) — Хараал
Хембельдыр (мест.) — Хембельдир
Хертэк (имя собственное) — Хертек
ходак («шелковая широкая лента») — кадак
хой туг («шерстяные нитки») — хойдүгү
хомей («горловое пение») — хоомей
Хондеер (мест.) — Хан-Дээр
Хопто (р.) — Копту
хошун («район») — кожуун
хөвенек («накидка») — хевенек
хольдрюк («передний ремень, крепящий оленье седло») — хөндүрге
Хувалыг (имя собственное) — Ховалыг
хуварак (ученик в буддистском монастыре) — хуурак
хумген ай («печеная сарана») — хөмген ай
хун («деревянное ведро») — хуун
хуренге («закваска») — хөрэнги
хурулдан («собрание») — Хуралдаа
хурэ («буддийский храм») — хурээ
шаккар («пестрый») — шокар
Шекпеер (гора) — Шекпээр
Шидерван (имя собственное) — Шыдар-ван-хан
шор (муз. инструмент) — шоор
шөөндү («кишка») — шөйүндү
Шүй (р.) — Шуй
чаа («лук») — ча
Чаа-куль (п.) — Чаа-Хель
Чагатай (оз.) — Чагытай
Чадан (город) — Чадаана
чазар («кастрация оленей») — чазар
чактыр («кремневое ружье») — чактыыр, чагыыр
Чедыр (оз.) — Чедер
четкы («сеть») — четки
чеш («сумонное собрание») — чыыш
Чжебаш (р.) — Джебаш
Чининлиг (мест.) — Чинчилик
чинге тара («просо») — чинге-тараа
Чингис-хан (имя собственное) — Чингисхан
Чининлиг (мест.) — Чинчилик
Чиргака (п.) — Чыргака
чодрагат («черемуха») — чодураа
чулар («недоуздок») — баш баа

- чугур* («штаны») — чүвүр
чурек («сердце») — чүрек
Чуун-хемчик хошун (администр. единица) — Чөөн-Хемчик кожуун (Дзун-Хемчикский кожуун)
Чүглүг-хөль (оз.) — Чүглүг-Хөль
чуу, шуу («оперение стрелы») — чүү
шавылар («арат, прикрепленный к монастырю») — шавылаар («становиться *шавы*»)
шаны («лыжи») — шана
шилапшия («чугунная чаша») — чылапча
- шиитээи* («заостренная палка, вертел») — шиш, дээшкин
Шишхит-гол (р.) — Шишхит
Ыйгылак (мест.) — Ыргайлыг
эдыски («манок на горного козла и кабаргу») — эдиски
ээнги («стремя») — ээнги
Энсуг (мест.) — Эн-Суг
эргай («акация») — ыргай
Эргик Тарбат-тайга (гор. хребет) — Эргек-Дыргак-Тайга
эрмашь, еңмашь («детское оленьё седло») — ээрмээш

БИБЛИОГРАФИЯ

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1881 г. по поручению ИРГО. СПб., 1886.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела. Предварительный отчет. Омск, 1887.

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984.

Алтайцы (Материалы по этнической истории) / сост. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск, 2005.

Анчима Х., Иванов Г. Первый Великий Хурал ТНР // Под знаменем Ленина–Сталина. Кызыл, 1942. № 3.

Анчима Х., Иванов Г. Государственное строительство ТНР // Под знаменем Ленина–Сталина. Кызыл, 1943. № 4. С. 27–40.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов // Живая старина. 1894. Вып. III, IV.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III, IV. С. 277–456.

Африканов А.И. Урянхайская земля и ее обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1890. Т. XXI. № 5. С. 34–59.

Африканов А.И. Русская торговля в Урянхайской земле // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1890а. Т. XXI. № 5. С. 1–33.

Ашак-оол А.Ч. О мелиоративной практике тувинцев в конце XIX — начале XX в. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 19–27.

Байыр-оол М.С. Была ли революция в Туве? // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/print:page,1,1729-bayr-ool.html.

Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и северный Китай. М., 1949.

Банников А.Г. Млекопитающие Монгольской Народной Республики. М., 1954.

Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.

Баскаев И.П. Олени Тоджи // Труды Тувинской сельскохозяйственной опытной станции. Кызыл, 1939. Вып. 1. С. 82–85.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I, II; 1953. Т. III.

Бобырь Н.П. Отчет о второй половине Саянской экспедиции 1887 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1888. Т. XIX. № 3. С. 72–74.

Булгаков А.И. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VI. С. 389–437.

- Вайнштейн С.И.* Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1957. Вып. 5. С. 178–214.
- Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Вайнштейн С.И.* Древний Пор-Бажин // СЭ. 1964. № 6. С. 103–114.
- Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
- Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63–87.
- Васильев В.П.* К хронологии Чингисхана и его преемников. Вопросы и сомнения // Записки ВОРАО. 1890. Т. IV. Вып. 4.
- Венюков М.И.* Заметка о населении Чжунгарского пограничного пространства // Известия ИРГО. 1871. Т. VII. № 7.
- Верещагина Т.* Эккендей. Абакан, 2004.
- Веселков Н.Ф.* Зарождение нашей торговли с западной стороной Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии // О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. СПб., 1871. С. 29–41.
- Веселков Н.Ф.* Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа // Известия ИРГО. 1871а. Т. VII. Вып. 2. С. 113–118.
- Георгиевская С.М.* Серебряное слово. М., 1955.
- Глезеров С.Е.* Жизнь по стандарту // Санкт-Петербургские ведомости. 12.02.2010. № 25.
- Гребнев Л.В.* Героический эпос тувинцев: автореф. канд. дис. (рукопись).
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. СПб., 1914. Т. I; Л., 1926. Т. II; Л., 1930. Т. III.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия ВГО. 1933. Т. LXV. Вып. 5.
- Данзын-оол О.* Из воспоминаний аратов о восстании 60 богатырей // Под знаменем Ленина–Сталина. Кызыл, 1943. № 6.
- Даржа В.К.* Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.
- Даржа В.К.* Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл, 2007.
- Даржа В.К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл, 2009.
- Дороги Тувы.* Кызыл, 1996.
- д'Оссон К.* История монголов от Чингисхана до Тамерлана. Иркутск, 1937.
- Дулов В.И.* Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М., 1956.
- Дульзон А.П.* Чулымские татары и их язык // Ученые записки ТГПИ. 1952. Т. IX. С. 76–211.
- Дьяконова В.П.* Материалы по одежде тувинцев // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1960. Т. I. С. 238–266.
- Дьяконова В.П.* Тувинский этнический компонент *маады* // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы IV Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 102–106.

Дьяконова В.П. Сибирские экспедиции Л.П. Потапова // Музей в XXI веке: Проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл, 2005. Ч. II. С. 53–61.

Ермолаев А.П. Материалы к отчету по обследованию реки Хемчик в статистическо-экономическом отношении (1914 г.) // ЦГА РТ. 1916. Ф. 123, оп. 3, д. 464.

Ермолаев А.П. Тоджа // Известия Красноярского отдела РГО. 1924. Т. III. Вып. 1. С. 1–28.

Иванов С.В. Современное искусство народов Сибири (скульптура) // СЭ. 1961. № 6. С. 9–28.

История Тувы. Новосибирск, 2001. Т. I; 2007. Т. II.

Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. М.; Л., 1934. Ч. I.

Казимирский С. Ирригация посевных площадей в ТНР // Под знаменем Ленина–Сталина. 1942. № 3. С. 71–88.

Каралькин П.И. Жилище в Западной Туве // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1960. Т. I. С. 267–283.

Каралькин П.И. Тувинские шахматы // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 136–145.

Каралькин П.И. Остатки шаманизма у тувинцев и пути их преодоления // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 231–249.

Карпун А.Л. Искусство Тувинских камнерезов // Тувинская каменная пластика: каталог. М., 2004. С. 3–9.

Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Урянхайский край. Пг., 1914. Т. I.

Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки ИРГО по отделению этнографии. 1891. Т. XVII. Вып. 2. С. 133–230.

Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия ИРГО. 1893. Т. XXIX. Вып. VI. С. 519–541.

Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907. Ч. 9.

Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987.

Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл, 2006.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Клеменц Д.А. Новый путь из Минусинского края на Бирюсинские золотые промысла // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1890. Т. XXI. № 1. С. 70–73.

Клеменц Д.А. Заметки к маршруту Чань-чуня // Записки ИРГО по отделению этнографии. 1909. Т. XXXIV. С. 445–464.

Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.

Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.

Кон Ф.Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1903. Т. XXXIV. № 1. С. 19–68.

Кон Ф.Я. Усинский край // Записки Красноярского подотдела ИРГО. Записки по общей географии. Красноярск, 1914. Т. II. № 1.

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. М., 1934. Т. III.

Кондратьева Н.М. Традиционные звуковые инструменты тюркских народов Сибири: к проблеме определения релевантных классификационных признаков // Живая старина. 2010. № 3. С. 21–24.

Кореняко В.А. Декоративно-прикладное искусство тувинцев в собрании Государственного музея искусства народов Востока // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. М., 1983. Ч. I. С. 154–162.

Костров Н.А. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири. СПб., 1879.

Котвич В. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб., 1914.

Крылов П.Н. Путевые заметки об Урянхайской земле // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1903. Т. XXXIV. № 2.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-Сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937. Т. I.

Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово, 2006.

Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты фольклора). Кызыл, 2001.

Куулар Е.М., Сувандии Н.Д. Лексика оленеводства в Тере-Хольском районе // Новые исследования Тувы, 2011. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/print:page,1,3060-kuular-suvandii.html.

Курочкин Г.Д. За Саянским хребтом // Природа. 1953. № 11.

Кызласов Л.Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // СЭ. 1952. № 2. С. 39–49.

Кыргыс З. Пение без слов // Сокровища культуры Тувы. Наследие народов Российской Федерации. М., 2006. Вып. 7. С. 156–158.

Леонтьев Л.Н. Тува // Наука и жизнь. 1955. № 3.

Маннай-оол М.Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004.

Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

Мицлов С.Р. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Рига, б/г.

Мицлова К.Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Кызыл, 1993.

Михеев Н. Отчет о поездке в северо-западную Монголию и Урянхайскую землю. СПб., 1910.

Моллеров Н.М. Урянхайский край (Тува): от объекта внешней политики — к статусу субъекта международного права (1917–1921 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 6. С. 106–125.

Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск, 2001.

Монгуш С. Прежде всего — правда // Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл, 2001. С. 82–85.

Монгуш Т. На каждом перевале повесили их головы // Газета «Тыванын аныктары («Молодежь Тувы»). Кызыл, 2003. 24 июля. № 30 (на тув. языке).

Монгуш Л.К., Намзалов Б.Б. Особенности агроценозов *проса обыкновенного* в Центральной Тыве и традиционная технология приготовления продуктов пита-

ния // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: материалы Девярых санкт-петербургских этнографических чтений. СПб., 2010. С. 119–127.

Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М., 2004.

МСЭ. М., 1930. Т. 8.

Островских П.Е. Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия ИРГО. 1898. Т. XXXIV. Вып. IV. С. 424–432.

Островских П.Е. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия ИРГО. 1899. Т. XXXV. Вып. 3. С. 321–353.

Островских П.Е. Оленные тувинцы // Северная Азия. 1927. № 5–6. С. 79–94.

Ошурков В.А. Из странствий по земле урянхов // Сибирская старина. 1892. Иркутск, 1893. Вып. 1. С. 73–132.

Ошурков В.А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 г. в западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО по физической географии. 1906. Т. I. Вып. 1.

Петри Б.Э. Забытый народ // Северная Азия. 1927. № 2. С. 107–108.

Плано Карпини. История Монгалов. Рубрук де В. Путешествие в Восточные страны. СПб., 1911.

Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихе». Подлинный текст с переводом и пояснением, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.

Позднеев А.М. Монголы и Монголия. СПб., 1896. Т. I.

Попов В.Л. Через Саяны и Монголию. Очерк путешествия. Омск, 1905. Ч. I.

Попов В.Л. Урянхайский край. Иркутск, 1913.

Попов В.Л. Второе путешествие в Монголию. 1910. Иркутск, 1913а. Ч. III.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь «Муккадимат ал-Адаб». М.; Л., 1938.

Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881. Вып. I, II; 1883. Вып. III, IV.

Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.

Потапов Л.П. Новые сведения по этнографии камасинцев // Записки Хак-НИИЯЛИ. 1947. Вып. I. С. 58–61.

Потапов Л.П. Краткие очерки по истории и этнографии хакасов (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1952.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953.

Потапов Л.П. Тувинцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 420–473.

Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

Потахин С.Б. Природоохранные мероприятия в дореволюционной Туве // География и природные ресурсы. 1990. № 4. С. 149–152.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов, мансов) // СЭ. 1940. № 3. С. 67–76.

Прокофьева Е.Д. Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1955. Вып. 23. С. 3–18.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Сб. МАЭ, 1971. Вып. XXVII. С. 5–100.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888–1911. Т. I–II.

Райков М.И. Отчет о поездке в верховья реки Енисея, совершенной в 1897 году по поручению ИРГО // Известия ИРГО. 1898. Т. XXXIV. Вып. IV. С. 433–462.

Рапстедт Г.И. Этимология имени Ойрат // Записки ИРГО по отделению этнографии. 1909. Т. XXXIV. С. 547–558.

Рафаенко В.Я. Современное состояние и перспективы развития тувинского народного искусства // Творческие проблемы народных художественных промыслов. Л., 1981. С. 242–256.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952.

Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1860. Т. III.

Родевич В.М. Очерки Урянхайского края (Монгольского бассейна Енисея). СПб., 1910.

Саая С.В. Внешнеполитическая позиция Советской России в вопросе о международном статусе Тувинской Народной Республики в первой половине 1920-х годов // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 54–60.

Сафьянов Г.П. Торговля Минусинска с сойотами // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1880. Т. XI. № 3–4. С. 36–38.

Сафьянов И.Г. Этюд о Сойотии // Сибирь. 1912. № 217.

Сафьянов И.Г. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве // Новый Восток. 1926. № 23–24. С. 165–172.

Сафьянов И.Г. Тува в прошлом. Художественное творчество тувинского народа. Кызыл, 2010.

Сборник законов и основных постановлений Тувинской народной республики. Кызыл, 1944.

Сейфулин Х.М. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл, 1954.

Сердобов Н.А. Народное образование в Туве (Краткий исторический очерк). Кызыл, 1953.

Сиянбилъ М.О., Сиянбилъ А.А. Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл, 2000.

Скобеев М.И. Мараловодство в Усинском пограничном округе и Урянхайском крае // Северная Азия. 1925. Кн. 5–6. С. 115–122.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. М., 1838. Т. 1; 1844. Т. 2.

Славнин В.Д., Шерстова Л.И. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб., 2008. С. 5–124.

Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л., 1941.

Соном С. ТОЖЗЕМ «Кызыл туг» // Под знаменем Ленина–Сталина. Кызыл, 1944. № 1–2.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Сузукей В. «Звучи, жила конская, пой, стебель...» Тувинские музыкальные инструменты // Сокровища культуры Тувы. Наследие народов Российской Федерации. М., 2006. Вып. 7. С. 159–161.

Суцевский М. Колхозы ТНР в дни Отечественной войны // Под знаменем Ленина–Сталина. 1942. № 1.

Татаринцев Б.И. Еще раз о «белых пятнах» в истории создания тувинской письменности // Ученые записки ТИГИ. 2004. Вып. XX. С. 288–301.

Татаринцев Б. Тувинская письменность: от старомонгольского к русскому алфавиту // Сокровища культуры Тувы. Наследие народов Российской Федерации. М., 2006. Вып. 7. С. 243–249.

Татаринцев Б.И. Происхождение этнонима топа ~ туба ~ тыва и некоторых других сходных с ним наименований // Татаринцев Б.И. Избранные труды. Кызыл, 2009. С. 198–211.

Татаринцев Б.И. О происхождении тувинских этнонимов *чооду*, *чожду* и их соответствий в тюркских языках // Татаринцев Б.И. Избранные труды. Кызыл, 2009а. С. 211–219.

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1852. Т. I; 1853. Т. II; 1857. Т. III; 1866. Т. IV.

Турчанинов А.А. Урянхайский край в 1915 г. Кызыл, 2009.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

Харунова М.М.-Б. Тува и СССР: процесс политической интеграции // Ученые записки ТИГИ. Кызыл, 2004. Вып. XX. С. 84–105.

Хертек А.С. Творец из народа Хертек Тойбухаа. К 90-летию со дня рождения // История и современность Тувы: сб. науч. ст. к 80-летию В.П. Дьяконовой. Кызыл, 2007. С. 137–141.

Ховалыг Р. Так наряжались в Урянхае // Сокровища культуры Тувы. Наследие народов Российской Федерации. М., 2006. Вып. 7. С. 144–152.

Хомич Л.В. Екатерина Дмитриевна Прокофьева — исследователь традиционной культуры селькупов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 44–51.

Хомушку Ю.Ч. Укрепление суверенитета ТНР и позиция СССР в 20-е годы // Ученые записки ТИГИ. Кызыл, 2004. Вып. XX. С. 31–60.

Чанзан М. Тайна Пор-Бажына раскрыта // Новые исследования Тувы. URL: <http://www.tuva.asia/news/tuva/2584-por-bazhyn.html> (дата обращения: 13.01.2011).

Червоная С.М. Художники Республики Тыва. СПб., 1995.

Чооду Кара-Куске. Летающая лодка Кидиспея Чооду. // Центр Азии. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/13/3839-letayuschaya-lodka-kidispeya-choodu.html> (дата обращения: 09.04.2011).

Шагдарон С.Д., Очиров Б.Д. Игры и увеселения Агинских бурят // Записки ИРГО. Отделение этнографии. 1903. Т. XXXIV. С. 465–482.

Шахунова П.А., Лиханов Б.Н. Советская Тува. (Природа, население, хозяйство). Кызыл, 1955.

Шварц Л. Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции ИРГО // Труды Сибирской экспедиции ИРГО. СПб., 1864.

Шникин Б.К. Очерк Урянхайского края // Известия Томского университета. 1914. Т. IX.

Шнимарев Я.П. Сведения о Дархатах-урянхах ведомства Ургинского хутухты // Известия Сибирского отделения ИРГО. 1871. Т. II. Вып. 3. С. 38–43.

Шостакович С.В. Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем. Иркутск, 1929.

Штубендорф Ю.И. О карагасах // Вестник ИРГО. 1854. Ч. XII. Кн. VI. С. 229–246.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.

Яковлева Е.Г. Народное искусство западных и юго-западных районов Тувинской АССР // Сборник трудов НИИХП. М., 1966. Вып. 3. С. 83–105.

Вонтак В. Un paus de l'Asie peu connu: le Tanna-Touva // Internationales Archiv für Ethnographie. Leiden, 1928. Bd. XXIX.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТК	— Автотранспортная контора
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВОРАО	— Восточное отделение Русского археологического общества
ВСХВ	— Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
Госторг	— Государственная импортно-экспортная контора при Народном комиссариате внешней торговли СССР
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР (ныне — Российский этнографический музей)
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
ИЭ АН СССР	— Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КУТВ	— Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МНР	— Монгольская Народная Республика
МСЭ	— Малая советская энциклопедия
МТС	— Машинно-тракторная станция
МТФ	— Молочно-товарная ферма
НИАНКП	— Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем
НИИХП	— Научно-исследовательский институт художественной промышленности
РК ВЛКСМ	— Районный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи
РК КПСС	— Районный комитет Коммунистической партии Советского Союза
РТ	— Республика Тыва
СЭ	— Советская этнография
ТАО	— Тувинская автономная область РСФСР
ТГПИ	— Томский государственный педагогический институт
ТИГИ	— Тувинский институт гуманитарных исследований
ТКАЭЭ	— Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории (ныне — Тувинский институт гуманитарных исследований)
ТНР	— Тувинская Народная Республика
ТНРП	— Тувинская народно-революционная партия
ТОЖЗЕМ	— Товарищество по развитию животноводства и земледелия
ТРСМ	— Тувинский революционный союз молодежи

-
- ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЦГА — Центральный государственный архив
Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ СССР
ЦСУ — Центральное статистическое управление

ОСНОВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ Е.Д. ПРОКОФЬЕВОЙ¹

- Красный путь. Начальная селькупская учебная книга. Л., 1932.
Книга для чтения: Учебник для второго класса начальной школы. М.; Л., 1935. Ч. 2.
Букварь (в соавт. с Г.Н. Прокофьевым): пер. с селькуп. яз. Л., 1940.
Древние жилища на реках Тым и Кеть // СЭ. 1947. № 2. С. 200–202.
Мамонт по представлениям селькупов // Сб. МАЭ. 1949. Вып. XI. С. 159.
Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. 1949. Вып. XI. С. 335–375.
Орнамент селькупов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1950. Вып. 10. С. 29–39.
Энецкий шаманский костюм // Сб. МАЭ. 1951. Вып. XIII. С. 125–153.
Заседания в Институте этнографии АН СССР, посвященные годовщине выхода в свет трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания (в соавт. с О.А. Корбе) // СЭ. 1951. № 3. С. 167–169.
Селькупские сказки (перевод) // Сказки народов мира. М.; Л., 1951. С. 135–145.
К вопросу о социальной организации селькупов. (Род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Вып. I. Труды ИЭ. 1952. Т. XVIII. С. 88–107.
Букварь для подготовительного класса селькупской начальной школы. М.; Л., 1953.
Материалы по религиозным представлениям энцев // Сб. МАЭ. 1953. Вып. XIV. С. 194–230.
Работа Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции (в 1952 г.) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1954. Вып. 20. С. 8–16.
Социалистические преобразования в Тодже (Тувинская автономная область) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. 2. С. 37–51.
Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1955. Вып. 23. С. 3–18.
Ханты и манси (в соавт. с В.Н. Чернецовым и Н.Ф. Прытковой) // Народы Сибири. Сер. «Народы мира». Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 570–607.
Ненцы // Народы Сибири. Сер. «Народы мира». Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 608–647.
Селькупы // Народы Сибири. Сер. «Народы мира». Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 665–686.

¹ Список работ нельзя считать полным. Например, не удалось разыскать выходных данных еще двух учебников для селькупских школ, написанных Е.Д. Прокофьевой в 1935–1937 гг.

Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. МАЭ. 1961. Вып. XX. С. 54–74.

Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–490.

Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 396–415.

Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Сб. МАЭ. 1971. Вып. XXVII. С. 5–100.

Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1976. С. 106–128.

Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139–155.

Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Сб. МАЭ. 1977. Вып. XXXIII. С. 66–79.

Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания у аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX — начала XX в.). Л., 1981. С. 42–68.

Переводы на селькупский язык

Попова Н.С. Учебник арифметики. Первый год обучения. М.; Л., 1933.

Попова Н.С. Учебник арифметики для начальной школы для второго класса. М.; Л., 1934. Ч. 2.

Жулев П.Н. Книга для чтения. Ч. I: Первый год обучения. Л., 1934.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е.А. Резван. ШКОЛА</i>	5
ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>В.А. Кисель</i>)	9
<i>В.А. Кисель. ЗАБЫТЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТУВЫ</i>	13
Глава I. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, УСТРОЙСТВО ПОВЕРХНОСТИ И КЛИМАТ ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ	28
Глава II. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ТАО	37
Глава III. НАСЕЛЕНИЕ ТАО	78
Глава IV. РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ДРУГИХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ТАО	119
Глава V. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ	128
Глава VI. ГОРОДА, ПОСЕЛКИ И ПРОЧИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ И ИХ РОЛЬ	146
Глава VII. ХОЗЯЙСТВО ТУВИНЦЕВ ДО РЕВОЛЮЦИИ	164
Животноводство и земледелие	164
Охота	178
Рыболовство	210
Оленеводство	231
Глава VIII. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТАО	265
Глава IX. ЖИЛИЩЕ ТУВИНЦЕВ	280
Глава X. ОДЕЖДА ТУВИНЦЕВ	306
Глава XI. ПИЩА ТУВИНЦЕВ	330
Глава XII. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ТАО	348
Общие сведения о тувинских колхозах	362
Глава XIII. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТУВИНЦЕВ	382
Письменность	382
Народное образование	385
Русские школы	390
Литература	399
Искусство	405
Здравоохранение	415

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]424
ПРИЛОЖЕНИЯ429
ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ502
СПИСОК ТУВИНСКИХ СЛОВ, ИМЕН И ТОПОНИМОВ, ДАННЫХ В ТЕКСТЕ С ОШИБКАМИ ИЛИ ИМЕЮЩИХ НЫНЕ ИНОЕ НАПИСАНИЕ.519
БИБЛИОГРАФИЯ524
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ532
ОСНОВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ Е.Д. ПРОКОФЬЕВОЙ534

Научное издание

Прокофьева Екатерина Дмитриевна

Процесс национальной консолидации тувинцев

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *Т. В. Никифорова*
Корректор *К. С. Оверина*
Компьютерный макет *Н. И. Паиковская*

Подписано в печать 10.11.2011.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 44. Уч.-изд. л. 46.
Тираж 300 экз. Заказ № 14.

Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
E-mail: main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
E-mail: izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-02-038280-0

